

Сергей Михайлович Соловьев
История России с древнейших времен. Книга II. 1054–1462

История России с древнейших времен – 2

Аннотация

Во вторую книгу сочинений С. М. Соловьева включены третий и четвертый тома «Истории России с древнейших времен». Они освещают политическую жизнь и строй русского общества XIII – XV веков.

Сергей Михайлович Соловьев
«История России с древнейших времен»
Книга II. 1054–1462

Третий том

Глава первая

Внутреннее состояние русского общества от смерти Ярослава I до смерти Мстислава Торопецкого (1054–1228)

Значение князя. – Титул. – Посажённые князя. – Круг его деятельности. Доходы княжеские. – Быт князей. – Отношения к дружине. – Дружина старшая и младшая. Войско земское. – Вооружение. – Образ ведения войны. – Число войск. Богатыри. – Земля и волость. – Города старшие и младшие. – Новгород и Псков. Вече. – Особенности новгородского быта. – Внешний вид города. Пожары. Народонаселение города. – Погосты и станы. – Слободы. – Сельское народонаселение. – Количество городов в областях. –

Препятствия к увеличению народонаселения. – Торговля. – Монетная система. – Искусство. – Домашний быт. Борьба язычества с христианством. – Распространение христианства. Церковное управление. – Материальное благосостояние церкви. – Деятельность духовенства. – Монашество. – Законодательство. – Народное право. Религиозность. Двухверие. – Семейная нравственность. – Состояние нравственности вообще. Грамотность. – Сочинения св. Феодосия Печерского, митрополита Никифора, епископа Симона, митрополита Иоанна, монаха Кирика, епископа Луки Жидяты, Кирилла Туровского. – Безыменные поучения. – Поучение Владимира Мономаха. – Путешествие игумена Даниила. – Послание Даниила Заточника. – Поэтические произведения. – Слово о полку Игореве. – Песни. – Летопись.

При обозрении первого периода нашей истории мы видели, как племена соединились под властью одного общего главы или князя, призванного северными племенами из чужого рода. Достоинство князей Русской земли остается исключительно в этом призванном роде; в X веке новгородцы говорили Святославу, что если он не даст им князя из своих сыновей, то они выберут себе князя из другого рода; но после мы не слышим нигде подобных слов. Члены Рюрикова рода носят исключительно название князей; оно принадлежит всем им по праву происхождения, не отнимается ни у кого ни в каком случае. Это звание князя, приобретаемое только рождением от Рюриковой крови, неотъемлемое, независимое ни от каких других условий, равняет между собою всех Рюриковичей, они прежде всего братья между собою. Особенное значение, связанное с княжеским родом, ясно выражается в летописи: в 1151 году киевляне не могли помешать неприятелям переправиться через Днепр по Зарубскому броду потому, говорит летописец, что князя тут не было, а боярина не все слушают. «Не крепко бьются дружина и половцы, если с ними не ездим мы сами», – говорят князья в 1125 году. Когда галицкий боярин Владислав похитил княжеское достоинство, то летописец говорит, что он ради княжения нашел зло племени своему и детям своим, ибо ни один князь не призрел детей его за дерзость отцовскую. По княжескому уговору князь за преступление не мог быть лишен жизни, как боярин, а наказывался только отнятием волости. Олег Святославич не хотел позволить, чтоб его судили епископ, игумены и простые люди (смерды). Братья приглашают его в Киев: «Приезжай, говорят они, посоветуемся о Русской земле пред епископами, игуменами, пред мужами отцев наших и пред людьми городскими». Олег отвечает: «Неприлично судить меня епископу, либо игуменам, либо смердам». Из этих слов опять видно, что все остальное народонаселение (исключая духовенство) в отношении к князю носило название смердов, простых людей, не исключая и дружины, бояр, ибо Олег и мужей отцовских и людей городских означает общим именем смердов. В этом же значении слово смерды сменяется выражением: черные люди; так, северские князья во время знаменитого похода на половцев говорят: «Если побежим и сами спасемся, а черных людей оставим, то грех нам будет их выдать».

Князь был общее, неотъемлемое название для всех членов Рюрикова рода. Старший в роде князь назывался великим; но сначала в летописи мы встречаем очень редко этот титул при имени старшего князя; обыкновенно он придается

только важнейшим князьям и то при описании их кончины, где летописец обыкновенно в украшенной речи говорит им похвалы. Ярослав I называется великим князем русским; здесь слово «русский» однозначно с «всероссийский», князь всея Руси, потому что Ярослав по смерти брата Мстислава владел за исключением Полоцка всеми русскими волостями. После Ярослава названием великого князя величается сын его Всеволод, внук Мономах, правнук Мстислав, сыновья и внуки последнего, но все только при описании кончины. Рюрик Ростиславич называется великим князем при жизни и тогда, когда он не был еще старше всех на Руси, не сидел еще в Киеве; из этого можно заключить, что название «великий князь» употреблялось иногда просто из учтивости, от усердия пишущего к известному князю, не имело еще постоянного, определенного смысла. Но если в южной летописи мы так редко встречаем название «великий князь», то в Северной Руси оно начинает прилагаться постоянно к имени Всеволода III и сыновей его, державших старшинство; здесь даже это название употребляется одно без собственного имени для означения Всеволода III. Великими князьями всея Руси названы Мономах при описании его кончины и Юрий Долгорукий при описании кончины Всеволода III: первый с достаточным правом; второй, как видно, – из особенного усердия северного летописца к князьям своим. В одном месте летописи, в похвале Мономаху и сыну его Мстиславу, слово «великий» поставлено позади собственных имен их; так же не раз поставлено оно позади имени Всеволода III, но один раз явно для отличия его от другого Всеволода, князя рязанского.

Мы видели, каковы были отношения старшего князя к младшим; видели, что старший, если он был только названным, а не настоящим отцом для младших, распоряжался обыкновенно с ведома, совета и по договору с последними, отсюда понятно, что когда князь избавлялся от родичей, становился единовластителем, то вместе он делался чрез это и самовластителем в стране; вот почему слово «самовластец» в летописи употребляется в значении «единовластец»; так, сказано про Ярослава I, что по смерти брата своего Мстислава он стал самовластец в Русской земле. Для означения высшей власти, также из большей учтивости и усердия относительно князей употреблялись слова: «царь, царский»; так, Юрий Долгорукий говорит племяннику Изяславу: «Дай мне посадить сына в Переяславле, а ты сиди, царствуя в Киеве», т.е. «а ты владей Киевом спокойно, независимо, безопасно, не боясь никого и не подчиняясь никому». Говоря об епископе Феодоре, летописец прибавляет, что бог спас людей своих рукою крепкою, мышцею высокою, рукою благочестивою, царскою правдивого, благоверного князя Андрея. Когда после Рутского сражения воины Изяславовы, нашедши своего князя в живых, изъявили необыкновенную радость, то летописец говорит, что они величали Изяслава как царя. Даниил Заточник пишет к Юрию Долгорукому: «Помилуй меня, сын великого царя Владимира». Жена смоленского князя Романа причитает над гробом его: «Царь мой благий, кроткий, смиренный!» Употребляются выражения: «самодержец» и греческое «кир». В изустных обращениях к князьям употреблялось слово «господин» или чаще просто «князь», иногда то и другое вместе.

При спорности прав, при неопределенности отношений новый старший князь иногда нуждался в признании и родичей, и горожан, и пограничного варварского народонаселения от них ото всех приходили к нему послы с зовом идти на стол.

Первым знаком признания князя владеющим в известной волости было посажение его на столе; этот обряд считался необходимым, без него князь не был вполне князем и потому к выражению «вокняжился» прибавляется: «и сел на столе». Это посажение происходило в главной городской церкви, в Киеве и Новгороде у св. Софии. Для указания того, что князь садился на стол по законному преемству, принадлежит к роду княжескому и не изгой в этом роде, употреблялось выражение: «сел на столе отца и деда». Признание князя сопровождалось присягою, целованием креста: «Ты наш князь!» – говорили присягавшие. Когда родовое право князя было спорное, когда его признанию предшествовало какое-нибудь особенное обстоятельство, изменить или поддержать которое считалось нужным, то являлся ряд, уговор; так, видим уговор о тиунах с Ольговичами, Игорем и Святославом по смерти старшего брата их Всеволода. По смерти Изяслава Мстиславича брат его Ростислав был посажен в Киеве с уговором, чтоб почитал дядю своего Вячеслава как отца; ряд и целование креста назывались утверждением. Ряды по тогдашним отношениям бывали тройкие: с братьею, дружиною, горожанами.

Князь и в описываемый период времени, как прежде, заботился о строе земском, о ратях и об уставе земском. Он сносился с иностранными государями, отправлял и принимал послов, вел войну и заключал мир. О походе иногда сам князь объявлял народу на вече; мы видели, как во время усобицы Изяслава Мстиславича с дядею Юрием киевляне сначала не могли решиться поднять рук на сына Мономахова, старшего в племени, после чего Изяслав должен был ограничиться одними охотниками, людьми себе преданными; в Новгороде замечаем такие же явления; вообще народонаселение очень неохотно брало участие в княжеских усобицах. Князья обыкновенно сами предводительствовали войском, редко посылали его с воеводами; кроме личной отваги, собственной охоты к бою, мы видели и другую причину тому: без князя полки бились вяло, боярина не все слушались, тогда как значение воеводы тесно соединялось со значением князя. Старшему, большому князю считалось неприличным предводительствовать малым отрядом; так, однажды берендеи схватили за повод коня у киевского князя Глеба Юрьевича и сказали ему: «Князь, не езд; тебе прилично ездить в большом полку, когда соберешься с братьею, а тепер пошли кого-нибудь другого из братьи». Для молодых князей считалось почетом ездить с передовым полком, потому что для этого требовалась особенная отвага. Право рядить полки перед битвою принадлежало старшему в войске князю, и сохранялось еще предание, что добрый князь должен первый начинать битву; в старину маленького Святослава первого заставили бросить копьё в древлян, в описываемое время Изяслав Мстиславич и Андрей Боголюбский первые въезжали в неприятельские полки.

Князю принадлежало право издания судебных уставов: после Ярослава сыновья его – Изяслав, Святослав, Всеволод с пятью боярами (тысяцкими) собрались для сделания некоторых изменений в судном уставе отцовском; Владимир Мономах с боярами установил закон о резах, или процентах; здесь можно видеть разницу в княжеских отношениях, когда старшим был брат и когда был отец остальным князьям; Изяслав для перемены в уставе собирается с братьями, а Мономах не имеет нужды созывать сыновей, которые во всяком случае обязаны принять устав отцовский; при нем видим только Иванка

Чудиновича, черниговского боярина (Олгова мужа), быть может, присланного принять участие в деле от имени своего князя. Князю по-прежнему принадлежал суд и расправа; во время болезненной старости Всеволодовой до людей перестала доходить княжая правда; Мономах между другими занятиями князя помещает оправливание людей; летописец, хваля князя Давыда смоленского, говорит, что он казнил злых, как подобает творить царям. Для этого оправливания, суда и расправы князь объезжали свою волость, что называлось ездить, быть на полюдьи. Князь из числа приближенных к себе людей и слуг назначал для отправления разных должностей, в посадники, тиуны и т.п.; он налагал подати.

Доходы казны княжеской состояли по-прежнему в даях. Мы видели, что покоренные племена были обложены данью: некоторые платили мехами с дыма, или обитаемого жилища, некоторые по шлягу от рала; встречаем известия, что и во времена летописца подчиненное народонаселение платило дань, возило повозы князьям, что последние посылали мужей своих по областям для сбора дани: так, Ян Вышатич приходил за этим от князя Святослава на Белоозеро; так, Олег Святославич, овладев землею Муромскою и Ростовскою, посадил посадников по городам и начал брать дани. В уставной грамоте смоленского князя Ростислава епископии смоленской (1150 г.) говорится, что в погостах каждый платит свою дань и передмер, также платят истужники, по силе, кто что может, и с княжества Смоленского сходило дани более 3000 гривен; кроме дани в грамоте Ростиславовой упоминается полюдьи и погородие. Известно также, что киевский князь получал дань из Новгорода. Другими источниками дохода для казны княжеской служили пошлины торговые, судные, для старшего князя дары от младших, наконец, доходы с частной собственности, земель, князьям принадлежавших. Эта частная собственность, вероятно, произошла вследствие первого занятия, населения земель пустых, никому не принадлежавших; потом средством приобретения была купля; о купленных князьями слободах прямо свидетельствует летопись под 1158 годом; наконец, источником приобретения могло служить отнятие земель у провинившихся бояр и других людей: когда, например, один князь изгонял из волости другого, то отбирал у бояр последнего их имущество. При общем родовом владении князя, разумеется, имели частную собственность, разбросанную в разных волостях: отец раздавал сыновьям села свои без всякого соответствия столам, на которых они должны были сидеть, тем более, что столы эти не были постоянные; можно думать также, что в описываемое время при общем родовом владении князя не уговаривались, как после, не приобретать земель куплею в чужих волостях. На землях, принадлежавших князьям в частную собственность, они могли строить города и отдавать их детям в частную же собственность: так, думаем, Владимир Мономах, построивши Городец Остерский на своей земле, отдал его в частную собственность младшему сыну Юрию, и тот владел им, будучи князем суздальским; так, Ростислав Мстиславич, князь смоленский, получил от деда или отца в частную собственность земли или доходы в Суздальской области; так, Ярополк Изяславич, княживший в Турове и на Волыни, имел разные частные волости даже около Киева и отдал их все при жизни в Печерский монастырь.

Земли, составлявшие частную собственность князей, были населены челядью; здесь-то, на этих землях князья устраивали себе дворы, где складывалось всякого рода добро. На путивльском дворе Святослава Ольговича было семьсот человек рабов, кладовые (скотницы), погреба (бретьяницы), в которых стояло пятьсот берковцев меду, 80 корчаг вина; в сельце у Игоря Ольговича был устроен двор добрый, где много было вина и меду и всякого тяжелого товара, железа и меди, на гумне было 900 стогов. Большие стада составляли одно из главных богатств княжеских: под Новгородом Северским неприятели взяли у Ольговичей 3000 кобыл и 1000 коней. Значение этих земель, дворов, запасов для князей показывает их название: жизнь. «Братья! – говорит Святослав Ольгович Давыдовичам, – землю вы мою повоевали, стада мои и братние взяли, жито пожгли и всю жизнь погубили!»

Изяслав Мстиславич говорил дружине о черниговских князьях: «Вот мы села их пожгли все и жизнь их всю, а они к нам не выходят; так пойдем к Любечу, там у них вся жизнь».

Взглянем теперь на жизнь князя русского в описываемое время, от дня рождения до смерти. При рождении младенца в семье княжеской давалось ему одно имя славянское или варяжское, которое называлось княжим именем, а при святом крещении другое, по греческим святцам; первое употреблялось преимущественно; оба давались в честь кого-нибудь из старших родственников, живых или умерших; этот обычай употреблялся относительно младенцев обоего пола. Есть известие, что при самом рождении князю назначалась волость, город; давалась ли эта волость из частной собственности князя-отца, или новорожденный считался князем этой волости, города и менял его впоследствии по общему племенному и родовому распорядку, – решить нельзя. Восприемниками при купели бывали князья-родичи. Лет двух, трех, четырех над младенцем мужского пола совершался обряд – постриги, то есть первое стрижение волос, сопровождаемое церковным благословением, посадением малютки на коня и пирами в отцовском доме; иногда постриги делались в именины постригаемого, иногда постригали двух князей разом. Для воспитания князей употреблялись по-прежнему кормильцы; о воспитании княжен встречается в летописи следующее известие под 1198 годом: «Родилась дочь у Ростислава Рюриковича и назвали ее Ефросиньей, прозванием Изморагд, то есть дорогой камень; приехал Мстислав Мстиславич (Удалой) и тетка ее Передслава, взяли ее к деду и бабке, и так воспитана она была в Киеве на Горах». Участвовали в походах и рассылались по волостям князья очень рано, иногда пяти, семи лет. Женили князья сыновей своих также вообще довольно рано, иногда одиннадцати лет, дочерей иногда выдавали замуж осьми лет; вот описание свадьбы дочери Всеволода III, Верхуслavy, вышедшей за Ростислава Рюриковича, княжившего в Белгороде: «Послал князь Рюрик Глеба, князя туровского, шурина своего с женою, Славна тысяцкого с женою, Чурыню с женою и других многих бояр с женами к Юрьевичу великому Всеволоду, в Суздаль, вести дочь его Верхуславу за сына своего Ростислава. На Борисов день отдал великий князь Всеволод дочь свою Верхуславу и дал за нею бесчисленное множество золота и серебра и сватов одарил большими дарами и отпустил с великою честью; ехал он за милою своею дочерью до трех станов, и плакали по ней отец и мать, потому что была она им мила и молода: только осьми лет; великий князь послал с нею сына сестры своей

Якова с женою и иных бояр с женами. Князь Рюрик, с своей стороны, сыграл сыну Ростиславу свадьбу богатую, какой не бывало на Руси, пировали на ней с лишком 20 князей; снохе же своей дал много даров и город Брягин; Якова свата и бояр отпустил к Всеволоду в Суздаль с великою честью, одаривши их богато». Из этого известия, как из многих других, мы видим, что браки устраивались родителями брачующихся; видим, что лица, употреблявшиеся для переговоров, посылаемые за невестою от женихова отца и провожавшие невесту со стороны ее отца, назывались сватами; отец невесты снабжал ее золотом и серебром, давал за нею или по ней, что ясно указывает на приданое, тогда как свекор давал снохе дары и город для ее содержания; что княгини имели города, видно и из других мест летописи; в некоторых небогатых волостях упоминаются у княгинь только села; княжны, не вышедшие замуж, оставшиеся в волостях отцовских или братних, имели также села.

Князья вступали в брак преимущественно в своем роде, в седьмой и даже шестой степени родства, в шестой и пятой степени свойства; вступали в родственные союзы с соседними владетельными домами: скандинавскими, англосаксонским, польским, чешским, венгерским, византийскими, очень часто с ханами половецкими; иногда наши князья брали жен из прикавказского народа ясов; наконец, женились на дочерях бояр (новгородских) и даже выдавали дочерей своих за бояр. Мы видели, что у князей Святополка Изяславича и Ярослава галицкого были незаконные сыновья, которых отцы ничем не хотели отличать от законных. Если князья в первый раз женились рано, то во второй брак вступали иногда очень поздно: так, Всеволод III женился вторично слишком 60 лет. Встречаем известия о разводах князей по случаю болезни жены и желания постричься в монахи.

О занятиях взрослого князя, сидевшего на столе, можно получить понятие из слов Мономаха к сыновьям: «Не будьте ленивы ни на что доброе: прежде всего не ленитесь ходить в церковь; да не застанет вас солнце на постели: так делывал мой отец и все добрые мужи. Возвратясь из церкви, надобно садиться думать с дружиною, или людей оправливать (творить суд и расправу), или на охоту ехать, или так поехать куда, или спать лечь: для спанья время от бога присуждено – полдень». Охота составляла любимое препровождение времени князей; по словам Мономаха, он вязал руками в пущах диких лошадей, охотился на тура, на оленя, на лося, на вепря, на медведя, на волка (лютого зверя); охотились и на зайцев, ловили их тенетами; Мономах говорит, что он сам держал весь наряд в ловчих, сам заботился о соколах и ястребах. Князья отправлялись на охоту на долгое время, забирали с собою жен и дружину; охотились в лодках по Днепру, из Киева ходили вниз по этой реке до устья Тясмина (до границ Киевской и Херсонской губерний), Игорь Святославич в плену у половцев утешался ястребиною охотою; в Никоновском списке о Всеволоде новгородском говорится, что он любил играть и утешаться, а людей не управлял, собрал ястребов и собак, а людей не судил.

Из летописных известий видно, что князья три раза в день садились за стол: завтракали, обедали, ужинали; час завтрака, обеда и ужина определить нельзя, можно видеть только, что обедали прежде полуден; это будет понятно, если вспомним, что вставали до свету и скоро после того завтракали: при описании Липецкой битвы говорится, что князь Юрий прибежал во Владимир о полудни, а битва началась в обедную пору (в обед год); в полдень уже ложились спать.

Князья по-прежнему любили пировать с дружиною. Кроме дружины, они угощали иногда священников: так, летописец говорит, что князь Борис Юрьевич угощал в Белгороде на сеннице дружину и священников; Ростислав Мстиславич в великий пост, каждую субботу и воскресенье сажал за обедом у себя 12 чернецов с тринадцатым игуменом, а в Лазареву субботу сзывал на обед всех монахов киевских из Печерского и других монастырей; в обыкновенное время угощал печерскую братию по постным дням, средам и пятницам; в летописи называется это утешением. Большие пиры задавали князья при особенных торжественных случаях: на крестинах, постригах, имянинах, свадьбах, по случаю приезда других князей, причем гость и хозяин взаимно угощали и дарили друг друга по случаю восшествия на престол; так, в Никоновском списке читаем, что Всеволод Ольгович, седши в Киеве, учредил светлый пир, поставил по улицам вино, мед, перевару, всякое кушанье и овощи. Мы видели, что князья иногда сзывали к себе на обед всех граждан, и граждане давали обеды князьям; князья пировали также у частных людей: так, Юрий Долгорукий перед смертью пил у Осьменика Петрила. Большие пиры задавали князья по случаю духовных торжеств, освящения церквей: так, Святослав Всеволодович по освящении Васильевской церкви в Киеве на Великом дворе созвал на пир духовный митрополита, епископов, игуменов, весь святительский чин, киевлян. На пирах у князей обыкновенно играла музыка. Хоронили князей немедленно после смерти, если не было никаких особенных препятствий; так, например, Юрий Долгорукий умер 15 мая, в среду на ночь, а похоронили его на другой день, в четверг. Родственники, бояре, слуги умершего князя надевали черное платье и черные шапки; когда везли тело князя, то перед гробом вели коня и несли стяг (знамя); у гроба становили копье; после похорон князя родственники его обыкновенно раздавали богатую милостыню духовенству и нищим: так, Ростислав Мстиславич по смерти дяди Вячеслава роздал все его движимое имение, себе оставил только один крест на благословенье. Ярослав галицкий сам перед смертью роздал имение по монастырям и нищим. Родственники, бояре, слуги и народ плакались над гробом князя, причитали похвалы умершему; похвала доброму князю в устах летописца состояла в следующем: он был храбр на рати, почитал, снабжал, утешал духовенство, раздавал щедрую милостыню бедным, любил и уважал дружину, имения не щадил для нее; особенною заслугою выставляется также верность клятве, соблюдение телесной чистоты, правосудие, строгость к злым людям, бесстрашие пред сильными, обижающими слабым. Об одежде князей можем иметь понятие из картины, приложенной к известному Святославу Сборнику: здесь Святослав и сыновья его, Глеб и Ярослав, представлены в кафтанах немного ниже колена; кафтан у Святослава зеленый и сверх него корзно синее с красным подбоем, застегнутое на правом плече красною запоною с золотыми отводами; у сыновей кафтаны малинового цвета и золотые пояса с четырьмя концами. Воротники, рукава у молодых князей, подол у ярославова кафтана и края святославова корзна наведены золотом; подол святославова и глебова кафтанов красный; у маленького Ярослава от шеи до пояса золотая обшивка с тремя поперечными золотыми полосами; сапоги у Святослава зеленые, у Ярослава красные, у обоих востроносые. На молодых князьях высокие синие шапки с красными наушниками и зеленоватым подбоем (если только не принимать этого подбоя за особенную нижнюю шапку); на Святославе шапка не так высокая,

желтоватого цвета, с синими наушниками и темно-красною опушкою; на маленьком Ярославе синяя, не очень высокая. Святослав и Роман с усами без бород.

На княгине покрывало, завязанное под бороною; верхняя одежда красного цвета с широкими рукавами, с широкою желтою полосою на подоле и с золотым поясом, видны рукава нижней одежды с золотыми поручами; башмаки золотые.

Отношения князя к дружине оставались в главных чертах прежние. При Ярославе произошел новый набор дружины, но при сыновьях его уже начались усобицы, перемещения князей из одной волости в другую; легко понять, как такой порядок вещей должен был действовать на положение дружины. Дружинники должны были или переезжать вместе с князьями из одной волости в другую или, оставаясь в прежней, вступая в службу нового князя, ждать, что старая дружина последнего, которая приедет с ним из прежней волости, займет первое место: в княжение Всеволода Ярославича и племянника его Святополка мы видим ясные указания летописца на подобные отношения старой и новой дружины при перемене князей. Таково было неприятное положение дружины и при бесспорных сменах князей; но каково же было ее положение при борьбах, усобицах, когда один князь силою выгонял другого из волости? Тогда дружина побежденного князя по необходимости должна была бежать с ним из прежнего города в другой какой-нибудь, уступая место дружине победителя.

Таким образом, вследствие перемещений княжеских и дружина не могла получить оседлости. От 1051 до 1228 года мы встречаем в летописи полтораста имен дружинников; из этого числа не наберем и пятнадцати таких, которых отчества указывали бы нам, что это сыновья прежде известных лиц, да и здесь исследователи руководствуются по большей части одними предположениями: вероятно, может быть, что такой-то Лазаревич был сын известного прежде Лазаря. Потом из этого количества имен мы наберем едва шесть примеров, чтоб дружинник служил после отца сыну, и, с другой стороны, не более шести примеров, чтоб дружинники оставались в одних и тех же волостях; наконец, встречаем не более двух примеров наследственности сана тысяцкого в одних родах.

Понятно, что при такой неоседлости дружине трудно было во все это время вступить в прочные, непосредственные отношения к волостям, получить важное первенствующее земское значение в качестве постоянных, богатейших землевладельцев, в качестве лиц, пользующихся наследственно правительственными должностями; бояре по-прежнему оставались боярами князей, а не боярами княжеств, действовали из личных выгод, тесно связанных с выгодами того или другого князя, но не из выгод сословных. Действия дружины имели значение, силу, когда ее выгоды совпадали с выгодами города, волости; так случилось в Киеве по смерти Всеволода Ольговича; в Ростовской области по смерти Боголюбского; здесь, во втором примере, бояре действуют против младших Юрьевичей в пользу Ростиславичей, по согласию с ростовцами, но дело решается не в их пользу вследствие особых отношений новых городов. При этом надобно заметить также, что с самого начала у нас на Руси вследствие размножения членов княжеского рода управление сколько-нибудь значительными волостями и городами переходит к князьям-родичам, а не к боярам, которые по этому самому теряют возможность приобрести важное значение в качестве

областных правителей: это важное значение остается за князьями же. Исключение составляют галицкие бояре: Галицкая волость, ставши особым владением Ростиславичей, князей, исключенных из старшинства в роде Ярославовом, по этому самому не переменяла князей своих; с другой стороны, не дробилась на мельчайшие волости в племени Ростиславичей, потому что Владимиру удалось избавиться от всех родичей и стать единовластителем в Галиче; единовластие продолжалось и при единственном сыне его Ярославе. Вследствие этого боярам галицким была возможность установиться в стране, получить важное земское значение в качестве богатых землевладельцев и областных правителей: вот почему влияние дружины в Галиче на дела страны оказывается таким исключительным; сколько-нибудь сильного участия городов в событиях, происходивших по смерти Романа Великого, не замечаем, хотя народонаселение их вообще питало привязанность к молодому Даниилу. Прибавим сюда еще влияние быта соседних Галичу государств. Польского и Венгерского.

Но если так част и так необходим был переход дружины из одной волости в другую и от одного князя к другому, то легко понять, что не было возможности для точного определения отношений ее к князю; дружинник имел полную свободу переходить из службы одного князя в службу другого: каждый князь принимал его с радостью, ибо каждый нуждался в храбрых дружинниках; переход был легок для дружинника и во всех других отношениях, потому что Русская земля сохраняла свое единство, равно как и род княжеский, следовательно дружинник, переходя от одного князя к другому, не изменял чрез это нисколько ни Русской земле, ни роду княжескому, владевшему ею нераздельно. Князья не могли условиться не допускать этого перехода, потому что очень редко случалось, чтоб все они находились в мире и добром согласии между собою, а при первой усобице дружинникам открывался свободный путь для перехода от одного враждебного князя к другому: так, в силу обстоятельств обычай перехода скоро должен был превратиться в право, и после в княжеских договорах мы увидим, что князья обязываются не препятствовать переходу дружинников: «А боярам между нами и слугам вольным – воля». Существовало ли такое условие в княжеских договорах описываемого времени, или подразумевалось, как естественное и необходимое, и явилось только после при ослаблении родовой связи между князьями, обособлении княжеств – решить нельзя по неимению княжеских договорных грамот из описываемого периода; мы знаем одно только, что такие грамоты существовали в это время. Хороший князь, по современным понятиям, не отделял своих выгод от выгод дружины, ничего не щадил для последней, ничего не откладывал собственно для себя; жил он с нею в братском, душевном кружку, не скрывал от нее имения, не тая дум своих, намерений: «Князь! – говорит дружина Мстиславу Изяславичу, – тебе без нас нельзя было ничего ни замыслить, ни сделать, а мы все знаем твою истинную любовь ко всей братии». А Владимиру Мстиславичу дружина говорит: «Ты сам собою это, князь, замыслил, так мы не едем за тобою, мы ничего не знали». Из тона летописи видно, что не нравилось, когда князь имел одного любимца, которому открывал свои думы, скрывая их от остальной дружины: так, рассказывая о дурном поступке Святослава Всеволодовича с Ростиславичами, летописец говорит: «Святослав посоветовался с княгинею да с Кочкарем, любимцем своим, а лучшим мужам думы своей не объявил». Князь почти все время свое проводил с дружиною: с нею думу думал,

на охоту ездил, пировал; в житии св. Феодосия читаем, что когда князь Изяслав хотел ехать к преподобному, то распускал всех бояр по домам и являлся в монастырь с одним малым отроком: это рассказывается как исключение из обычая. При таких близких отношениях бояр к князю естественно ожидать, что советы их и внушения не оставались без следствий в распрях и усобицах княжеских: в деле ослепления Василька летописец прямо обвиняет известных бояр Давыдовых; не раз попадает известие, что князь поступил дурно, послушавшись злых советников; если дружинник по неудовольствию оставлял одного князя и переходил к другому, то, конечно, не мог содействовать приязни между ними. Мстислав Изяславич отпустил от себя двоих бояр, братьев Бориславичей, озлобив, по выражению летописца, потому что холопы их покрали княжеских коней из стада; Бориславичи перешли к Давыду Ростиславичу и начали ссорить его с Мстиславом. Вследствие таких отношений встречаем в летописи известие, что при княжеских договорах и бояре целовали крест – добра хотеть между князьями, честь их беречь и не ссорить их.

По-прежнему встречаем различие между старшею и младшею дружиною. Когда Святославу Ольговичу дали знать о смерти брата Игоря, то сказано, что он созвал дружину свою старейшую и объявил ей об этом. Всеволод III послал сказать племяннику Мстиславу Ростиславичу: «Брат! если тебя привела дружина старейшая, то ступай в Ростов». Но старейшая дружина в этом же самом рассказе переводится словом: бояре. В противоположность старшей встречаем название младшая дружина; так, Изяслав Мстиславич говорит брату Владимиру: «Ступай вперед на Белгород, а мы все отпускаем с тобою дружину свою младшую, младшая дружина называется также просто: молодь, молодые, молодые люди, продолжает носить название гридей, гридьбы. Члены старшей дружины, бояре, были по преимуществу княжескими думцами, советниками; но встречаем известие, что иногда князья сзывают на совет бояр и всю дружину свою. В состав дружины входила также собственная прислуга князя, жившая постоянно при нем, в его доме, дворце, это так называемые отроки, детские, пасынки, которые, естественно, разделялись опять на старших и младших, или меньших. Таким образом, дружина состояла из трех частей: бояр, гридьбы и пасынков: летописец говорит, что Мстислав Ростиславич, приехавши в Ростов, собрал бояр, гридьбу и пасынков, и всю дружину. Третий отдел дружины, служня, слуги княжеские, живущие при нем в доме, на севере начинают носить название двора, дворян; естественно, впрочем, ожидать, что в противоположность городovým полкам под именем дворян разумелась и вся дружина, все княжеское войско. Бояре имели свои дома в стольном городе княжеском, имели свои села; какого рода были эти села, кроме отчин, получали ли дружинники поместья от князей – ничего неизвестно. Кроме стольного города дружина (преимущественно, думаем, младшая) жила также по другим городам, где отряды ее составляли засады или гарнизоны, жила и по селам своим; после каждого похода дружина распускалась. Княжеские слуги жили при дворе; но могли также чередоваться службою, имея на стороне свои дома. Бояре имели около себя в походе свою служню, своих отроков.

Из бояр князь назначал тысяцких; что же касается до посадников, то они могли быть назначаемы и из детских. Тиуны княжеские и боярские имеют прежнее значение.

Из должностей служебных в доме, дворе княжеском встречаем название ключников; на их должность указывает следующее известие: когда Ростислав Мстиславич похоронил дядю своего Вячеслава, то, созвавши бояр последнего, тиунов и ключников, велел принести перед себя все имение покойного князя. Покладник, по всем вероятностям, соответствовал позднему спальнику. Звание конюший, стольник, меченоша объясняются из самых слов. Упоминаются мечники; кощеи, которых, производя от слова кош, можно принять за обозную прислугу; упоминаются седельники, название которых указывает на их занятие; и кощеи и седельники находились при войске во время похода; седельники жили, как видно, целыми селениями в известных местах. В Новгородской летописи под 1181 годом встречаем название: кметство для лучших ратников, ибо это название в некоторых списках переводится чрез: мужи доброименитые. Мономах говорит, что он взял в плен живыми пятерых князей половецких и иных кметий молодых пятнадцать.

По-прежнему находим в летописи ясные указания на различие между дружиною и полками, собираемыми из остального народонаселения, городского и сельского; дружина отличается от полка. Вячеслав Владимирович говорит племяннику Изяславу: «Дружина моя и полк мой будут у нас с тобою общие»; Ярослав галицкий говорит киевскому боярину об отце своем: «Полк его и дружина его у меня»; хотя, разумеется, слово «полк» сохраняет и свое общее значение войска, точно так же как и дружина; и, с другой стороны, полк имеет значение известного отдела в войске. Киевские полки резко отличаются от княжеских дружин в рассказе о битве Изяслава Мстиславича с дядею Юрием под Киевом: «Вячеслав и Изяслав, не входя в город, раскинули стан перед Золотыми воротами: Изяслав Давыдович стал между Золотыми воротами и Жидовскими, Ростислав с сыном Романом перед Жидовскими воротами, Борис городенский у Лядских ворот, а между князьями стали киевляне на конях и пеши»; тут же говорится, что Вячеслав и племянники его послушались дружины, киевлян и черных клобуков. На участие сельского народонаселения в походах указывают прямо известия летописи о сборах Мономаха и Святополка на половцев; дружина говорила, что весною не время идти в поход, ибо для этого нужно отнять поселян (смердов) и лошадей их от полевых работ; Мономах отвечал на это: «Странно мне, что вы поселяя и лошадей их жалеете, а об том не подумаете, как весною начнет поселянин пахать лошадью и приедет половчин, ударит поселянина стрелою, а лошадь его возьмет себе». Если бы кто-нибудь задал вопрос: как участвовали поселяне в походах, для чего, собственно, употреблялись здесь они и лошади их? — то на этот вопрос не может быть ответа по недостатку свидетельств; приведем только одно известие, что во время войны Мстислава торопецкого с младшими сыновьями Всеволода III последние погнали на войну и «из поселей», как сказано в летописи. В летописи же читаем, что Изяслав Мстиславич и в Киеве, и в Новгороде на вече объявлял о походе; было ли это постоянным обычаем — утверждать нельзя. Как выходили граждане на войну, это видно также из слов бояр Изяславовых, которые звали киевлян в поход от имени князя: «Теперь, братья киевляне, ступайте за мной к Чернигову на Ольговичей, собирайтесь все от мала до велика, у кого есть конь, тот на коне, а у кого нет коня, тот пусть едет в лодке». Из этого и из многих других известий видно, что ополчение состояло из конницы (копейщиков) и пехоты (стрельцов); встречаем названия: кони поводные, т.е.

употребляемые под верх, и товарные, обозные, также кони сумные; стрельцы обыкновенно завязывали дело, когда главная масса войск, копейщики, еще не вступали в битву. Во время похода оружие везли на возах; оружие состояло из брони, шлемов, щитов, мечей, копий, сабель, стрел, киев, сулиц, ножей-засапожников, рогатин, оскепов и топоров, топоры бывали с паворозою: в Слове о полку Игореву щиты называются красными (червлеными); шлемы были с острым верхом и с железным забралом или личиною в виде полумаски. Для защиты щек и затылка к шлему прикреплялась кольчужная железная сетка, застегивавшаяся запоною у шеи. Употреблялись знамена, или стяги, также трубы и бубны. Не только оружие везли на возах, но и сами ратники ехали на них же; кроме возов с оружием должно думать, что войско сопровождали обозы с съестными припасами: по крайней мере есть известие, что иногда припасы эти возили на лодках по рекам; но есть также и не одно известие, что князья, вступая в неприятельскую землю, посылали для сбора съестных припасов: это называлось ехать в зажитие, а люди, посылаемые для такого сбора, — зажитниками. В ожидании битвы ратники надевали брони; но пред Липецкою битвою Мстислав Удалой дал новгородцам на выбор: сражаться на конях или пешком; те отвечали, что не хотят помирать на лошадях, но хотят биться пеши, как бились отцы их на Колакче, и, сбросив с себя порты и сапоги, побежали босые на неприятеля. Князья устраивали войско, говорили речи; войска располагались по-прежнему тремя отделениями: большой полк, или чело, и два крыла; но в описываемое время упоминается и передовой полк, или перед, упоминается и сторожевой полк, или сторожье, который давал знать главному полку о месте пребывания и движения неприятеля. При бегстве неприятеля победители бросались на стан его, одирали мертвых; о дележе добычи встречаем одно известие, что Мстислав Удалой, взявши дань на чуди, две части ее отдал новгородцам, третью дворянам своим. Встречаем известие об укрепленных станах: так, пред Липецкою битвою младшие Всеволодовичи обвели свой стан плетнем и насовали кольев; был обычай также огораживаться засеками: так, сказано об Ярославе Всеволодовиче черниговском, что он стал под своими лесами, засекшись от неприятеля; в станах находились шатры и полстницы: в рассказе о взятии рязанских князей Всеволодом III говорится, что великий князь, поздоровавшись с ними, велел сесть им в шатре, а сам сел в полстнице; также в рассказе об убиении рязанских князей родичами читаем, что убийца Глеб скрыл вооруженных слуг и половцев в полстнице близ шатра, где должны были пировать жертвы его.

И в описываемое время войска переправлялись иногда по рекам; так, под 1185 годом встречаем известие, что Святослав Всеволодович плыл в лодках Десною из Новгорода Северского в Чернигов; встречаем даже известие о речной битве на Днепре между войсками Изяслава Мстиславича и дяди его Юрия, когда Изяслав дивно исхитрил лодки, по выражению летописца: видны были одни только весла, а гребцов было не видать, потому что лодки были покрыты, ратники стояли на этих крышках в бронях и стреляли, кормчих было два, один на носу, другой на корме, и куда хотели, туда и шли, не оборачивая лодок. Походы преимущественно совершались зимою: это будет понятно, если вспомним состояние страны, покрытой множеством рек и болот, через которые зима прокладывала ледяные мосты и таким образом облегчала путь; князья обыкновенно спешили окончить поход до того времени, как начнут таять снега и

разливаться реки. Кроме затруднительности дорог против незимних походов могли говорить также причины, приводимые дружиною Мономаху против весеннего похода на половцев: нужно было отрывать земледельцев от работ в поле. Пространство пути считали днями, например, под 1187 годом Рюрик Ростиславич говорит Ярославу черниговскому: «Весть ны правая есть, аж вежи половецкия восе за польдне, ты мене доля пойдя до полудня, а аз тебе доля еду десять дней». Или под 1159 годом: «Бродишася по нем (Изяславе Давыдовиче) за Десну, Святослава оба и Рюрик, и отшедше за днище и не обретше его». Новгородцы в 1147 г. выходили навстречу к Изяславу Мстиславичу, одни «три днищ, другие днище от Новгорода». Упоминаются взятия городов копьем (приступом) и взятия на щит (сожжение, разграбление, плен, истребление жителей): нет права думать, чтобы там, где упоминается взятие на щит, непременно прежде было взятие приступом. При осадах городов почти никогда не упоминается о машинах, стенобитных орудиях, подкопах; обыкновенно говорится, что город обступали и бились с осажденными у ворот. Раз говорится в Псковской летописи под 1065 годом, что Всеслав полоцкий приходил под Псков, и много трудился, и пороками шибав; но Псковская летопись позднейшего составления, и притом означенное выражение у псковского летописца форменное. Осады продолжались от двух дней до десяти недель, более продолжительных осад не видим. Изюм с чем-нибудь случаев, где говорится о нападениях на города, один только раз упоминается о взятии копьем, раз двадцать девять о взятии на щит, опустошении городов, раз сорок о сдаче и просто о занятии городов, причем раза три употребляется выражение, что города были заняты внезапно, изъездом; раз семь осажденные должны были принимать условия осаждающих, раз пять говорится просто о мире, последовавшем за осадю, наконец раз двадцать пять упоминаются осады неудачные. Здесь, разумеется, нам было бы очень важно знать число войск во время походов и осад; к сожалению, мы встречаем об этом предмете очень скудные известия в летописях; под 1172 годом встречаем известие о битве русских с половцами: у поганых, сказано, было 900 копий, а у Руси 90; но число копий не означает числа всего войска, ибо после сказано, что победивши половцев (900 копий), русские взяли у них в плен 1500 человек, других перебили, а некоторые убежали. Из связи целого рассказа можно сделать некоторые соображения: прежде говорится, что когда русские, перехвативши половецких сторожей, спросили у них: «Много ли ваших назади», то те отвечали, что 7000; русские пошли против этого семитысячного отряда, разбили его, и когда спросили у пленных: много ли еще ваших назади, то те отвечали: «Теперь большой полк идет»; – и в этом-то большом полку насчитывалось 900 копий, следовательно полк, насчитывавший в себе 900 копий, имел всех ратников в себе гораздо более 7000, ибо относился к семитысячному отряду, как большой полк. Русский полк, состоявший из 90 копий, считали маленьким отрядом, так что старшему князю неприлично было им предводительствовать. Когда великий князь Святополк Изяславич в 1093 году объявил киевским боярам, что у него 800 своих отроков, которые могут стать против половцев, то бояре отвечали: «Если бы ты набрал и 8000, то недурно было бы, потому что наша земля оскудела». Это известие о 800 (по некоторым спискам 500) отроков может указывать нам на число собственной служни княжеской, которую должно отделять от других составных частей дружины – бояр и гридей. Когда Мономах выехал из Чернигова в Переяславль

перед Олегом, то у него не было и ста человек дружины, но это было после бедственного сражения с половцами, где Мономах так много потерял своего войска; Игоревичи перебили в Галиче 500 бояр.

Великий Новгород во второй половине XII века мог выставить 20000 войска; Северная Русь – области: Новгородская, Ростовская с Белоозером, Муромская и Рязанская могли выставить 50000; на Липецкой битве из войска младших Всеволодовичей погибло 9233 человека, взято в плен только 60 человек, но были, кроме того, и спасшиеся бегством, некоторые потонули в реках. Здесь, разумеется, не должно упускать из внимания того, происходили ли войны соединенными усилиями нескольких княжеств или два князя боролись с одними собственными силами: если мы предположим, что Южная Русь могла выставить около 50000 войска, то мы должны разделить это количество на шесть частей по областям (Черниговская, Переяславская, Смоленская, Туровская, Волынская, Киевская), а если борьба шла между князьями одной из этих областей, например между черниговским и северским, то мы не можем предположить, чтобы каждый из них мог вывести в поле больше 5000 войска. Но, с другой стороны, должно заметить также, что во всех почти войнах принимали участие толпы диких половцев и своих черных клобуков, так, например, на помощь Всеволоду Ольговичу в 1127 году пришло 7000 половцев; на помощь Изяславу Давыдовичу пришло 20000 половцев. Наконец, в Никоновском списке встречаем известие, что в 1135 году Всеволод Мстиславич новгородский имел в своем войске немцев; на юге под 1149 годом упоминаются также немцы в русском войске.

И в описываемое время встречаем известие о богатырях; и в этот период человек благодаря физической силе мог выделиться, приобрести особенное значение и давать победу тому или другому князю; к богатырям, как видно, питали особенное уважение, называли их людьми божиими. Замечателен рассказ летописи под 1148 годом о богатыре Демьяне Куденевиче. Этот богатырь жил в Переяславле Южном у князя Мстислава Изяславича в то время, когда сын Юрия Долгорукого, Глеб, хотел врасплох напасть на Переяславль. Узнавши о приближении Глеба, князь Мстислав отправился немедленно к Демьяну и сказал ему: «Человек божий! теперь время божией помощи и пречистой богородицы и твоего мужества и крепости». Демьян тотчас же сел на коня со слугою своим Тарасом и пятью молодыми отроками, потому что остальные разошлись неизвестно куда. Богатырь выехал из города, встретил князя Глеба Юрьевича на поле у посада, с яростию напал на его войско и многих убил нещадно. Князь Глеб испугался, побежал назад, а Демьяну Куденевичу послал сказать: «Я приходил на любовь и на мир, а не на рать». Но скоро Глеб с половцами пришел опять к Переяславлю, Демьян один выехал из города без доспехов, перебил много неприятелей, но сам был пострелен во многих местах от половцев и в изнеможении возвратился в город. Князь Мстислав пришел к нему, принес много даров, обещал дать волости; богатырь отвечал ему: «О суета человеческая! кто, будучи мертв, желает даров тленных и власти погибающей!» С этими словами Демьян уснул вечным сном, и был по нем плач великий во всем городе. В рассказе о Липецкой битве упоминаются также богатыри, бывшие на стороне Мстислава торопецкого. В рассказах о Калкской битве говорится, что тут пало 80 храбрецов, или богатырей.

Обратимся теперь к народонаселению городскому и сельскому. Русская земля в самом обширном смысле слова, т.е. все русские владения, разделялась на несколько отдельных земель, или волостей: Русская земля (в тесном смысле, т. е. Киевская), Волынская, Смоленская, Суздальская и т.д.; слово волость, власть означало и княжение (власть), и княжество (владение, область). Между словами: волость и земля можно, впрочем, заметить различие: земля имела чисто географическое значение, тогда как волость содержит в себе всегда значение зависимости известного участка земли от князя или главного города; в этом смысле название волости носит окружающая земля в противоположность городу, и жители ее в противоположность горожанам; Новгородская земля есть Новгородия, земля, обитаемая новгородцами, как Польская земля есть Польша, Чешская земля – Богемия; Новгородская же волость означает земли, подведомственные, подчиненные Новгороду Великому. Переход слова «власть» (волость) от означения владеющего к означению владеемого был очень легок: князь, старший город были власти, владели окружающими населенными местами, здесь была их власть, эти места были в их власти, они были их власть. Первоначально, до призвания Рюрика, летописец указывает нам племена, независимые друг от друга: это видно из его слов, что каждое племя имело свое княжение; встречаем сначала и названия земель от имени племен, например Деревская земля; следовательно можно думать, что первоначально границы земель соответствовали границам племен. Но, с тех пор как началась деятельность князей Рюриковичей, это совпадение границ было нарушено, и в последующем делении земель или волостей между князьями мы не можем отыскать прежнего основания: так, земля Новгородская заключает в себе землю и славян и кривичей, земля Полоцкая – землю кривичей и дреговичей, Смоленская – кривичей и радимичей, Киевская – полян, древлян и дреговичей. Черниговская – северян и вятичей. Уже самая перемена названий, исчезновение имен племенных, замещение их именами, заимствованными от главных городов, показывает нам, что основание деления здесь другое, а не прежнее племенное. Несмотря, впрочем, на то, что явилось новое могущественное начало, власть княжеская, под влиянием которой, несомненно, совершился переход народонаселения из племенного быта в областной, прежнее значение древних главных городов не утратилось для окружного народонаселения, чему, разумеется, прежде всего способствовала первоначальная неопределенность отношений городского народонаселения к князьям, неопределенность, преимущественно зависевшая от родовых княжеских отношений, от частого перехода князей из одной волости в другую: при спорности прав княжеских относительно наследства, при усобицах, отсутствия князей волости необходимо должны были смотреть на главные, старшие города, сообразоваться с их решением.

Отсюда главные, древние, старшие города в волости удерживают относительно последней, относительно младших городов или пригородов значение властей, называются властями: «Новгородцы изначала, и смолняне, и киевляне, и полочане, и все власти, как на думу, на веча сходятся, и на чем старшие положат, на том пригороды станут», – говорит летописец. Таких мест летописи, из которых можно было бы узнать об отношениях младших городов в волости к старшим, очень мало; тут же в рассказе летописца под 1175 г. видим, что ростовцы считают себя в праве посадить посадника в пригороде своем

Владимире, и владимирцы потом, утесненные Ростиславичами, обращаются с жалобой к жителям старших городов – ростовцам и суздальцам. Летописец Новгородский сообщает нам также несколько скудных известий об отношениях Новгорода к своим пригородам, преимущественно Пскову и Ладоге. Мы не можем искать первоначальных пригородных отношений Пскова к Новгороду в дорюриковское время: Псков был городом совсем другого племени, племени кривичей; мы не знаем, каким образом Псков получил значение главного места в окружной стране вместо Изборска или Словенска (как он называется в Псковской летописи), стольного города Труворова; но как бы то ни было, мы не имеем права предполагать зависимости изборских кривичей от славян новгородских во время призвания князей и думать, что позднейшая зависимость Пскова от Новгорода была следствием этой давней зависимости. Весь белозерская, подобно кривичам изборским, участвовала в призвании князей, среди нее утвердил свой стол второй брат Рюриков, Синеус, и, однако, потом Белозерск отошел от Новгорода к области другого княжества. Поэтому с достоверностью можно положить, что зависимость Пскова от Новгорода началась во время князей и вследствие княжеских отношений. Братья Рюрика, по свидетельству летописца, скоро умерли, и Рюрик принял один всю их волость; следовательно, страна изборских кривичей вместе со Псковом подчинилась, по смерти Трувора, Рюрику, утвердившему стол свой в Новгороде, который поэтому стал главным городом, правительственным средоточием во всей стране, признававшей своим князем Рюрика. Вот где должно искать начала зависимости Пскова от Новгорода, или, лучше сказать, от власти, пребывающей в Новгороде: князь новгородский был вместе и князем псковским и назначал во Псков своего посадника: отсюда обычай брать Пскову всегда посадника из Новгорода. В 1132 году по случаю сильной смуты вследствие отъезда князя Всеволода Мстиславича в южный Переяславль псковичи и ладожане пришли в Новгород и здесь получили для себя посадников. В 1136 году новгородцы, вздумавши передаться Ольговичам, призвали псковичей и ладожан. Это известие показывает, что старшие города не решали иногда важных дел без ведома пригородов; говорим иногда, потому что при неопределенности тогдашних отношений не имеем права из одного или двух известий заключать, что так необходимо всегда было. Под 1148 годом встречаем известие, что великий князь Изяслав Мстиславич, приехавши в Новгород, созвал вече, на которое сошлись новгородцы и псковичи: пришли ли псковичи и на этот раз нарочно, по случаю приезда великого князя, или сошлись на вече псковичи, бывшие тогда по своим делам в Новгороде, – решить нельзя. Неопределенность этих отношений видна уже из того, что иногда являются псковичи и ладожане, иногда одни псковичи, о жителях других пригородов не встречаем ни малейшего упоминания. Та же неопределенность в отношениях старших городов к младшим и в земле Ростовской: по смерти Боголюбского ростовцы, суздальцы переяславцы и вся дружина от мала до велика съезжаются на совещание к Владимиру и решают призвать князей; дружина владимирская по приказанию ростовцев присоединяется также к дружине означенных городов, но остальное народонаселение владимирское противится, не желая покориться ростовцам, которые грозят распорядиться Владимиром, как своим пригородом; потом владимирцы, притесненные Ростиславичами, обращаются с жалобой к ростовцам и суздальцам вместе, а не к одним ростовцам, точно так, как на совещание

собираются ростовцы, суздальцы, переяславцы, владимирцы, а о других городах не упоминается.

Мы видели, что летописец жителей старых городов называет властями, которые, как и на думу, на вече сходятся, и решение их принимают жители младших городов или пригородов; летописец говорит здесь о новгородцах наравне с киевлянами, смольнянами, полочанами, следовательно, мы не имеем права в описываемое время резко выделять новгородский быт из быта других значительнейших русских городов.

Как в других городах, так и в Новгороде вече является с неопределенным характером, неопределенными формами.

Слово вече означало неопределенно всякое совещание, всякий разговор, всякие переговоры, а не означало именно народное собрание, народную думу. Мы видим, что князья сами созывают вече, имея что-нибудь объявить гражданам, обыкновенно вече созываются князьями для объявления войны, похода гражданам. Созывалось вече обыкновенно по звону колокола, откуда и выражение сзвонить вече; собиралось оно на известных местах, удобных для многочисленного стечения народа, например в Новгороде на дворе Ярославовом, в Киеве на площади у св. Софии. В начальном периоде нашей истории мы видим, что князь собирает на совет бояр и городских старцев, представителей городского народонаселения; но теперь, когда народонаселение в городах увеличилось, роды раздробились, то место собрания старцев, естественно, заступило общенародное собрание, или вече; мы видим иногда в летописи даже составные части веча, указывающие, что оно именно заменило прежний совет дружины и старцев: так, великий князь Изяслав созвал на вече бояр, всю дружину и киевлян; в одном списке летописи читаем, что народ стал на вече, а в другом, что киевляне сели у св. Софии; в обоих говорится, что сошлось многое множество народа, сошлись все киевляне от мала до велика. Видим, что вече собирается в важных случаях для города, например, после потери князя, когда граждане оставлены самим себе, как то случилось с владимирцами на Волыни в 1097 г.; в крайней опасности, как, например, когда в том же году Ростиславичи послали сказать тем же владимирцам, что они должны выдать злодеев, наустивших князя Давыда ослепить Василька. Наконец, вечем называется всякое собрание недовольных граждан против князя или другого какого-нибудь лица. На такие веча начали смотреть после, как на заговоры и восстания, когда в Северо-Восточной Руси точнее определились отношения; новгородцы в глазах северо-восточного народонаселения являются вечниками – крамольниками, вече принимает значение крамолы, волнения народного. Но иначе смотрели на это в описываемое время; в 1209 году сам Всеволод III дал новгородцам позволение управиться с людьми, заслужившими их негодование, и летописец говорит при этом, что великий князь отдал новгородцам их прежнюю волю любить добрых и казнить злых. Но если, с одной стороны, нельзя резко выделять новгородский быт из быта других старших городов, то, с другой стороны, нельзя также не заметить, что в Новгороде было более благоприятных условий для развития вечевого быта, чем где-либо: князья сменялись чаще по своим родовым отношениям и тем чаще вызывали народ к принятию участия в решении самых важных вопросов; народ этот был развитее вследствие обширной торговой деятельности, богатство способствовало образованию сильных фамилий, которые стремились к более самостоятельному

участию в правительственных делах, а между тем главная сцена княжеской деятельности была далеко на юге, сильнейшие князья не имели ни охоты, ни времени, ни средств заниматься новгородскими делами. Когда сильнейшие князья явились на севере, то сейчас же начали стеснять Новгород; но сначала южные князья были еще сильны, и Новгород мог найти у них защиту от северных. Новгород имеет дело с младшими князьями, другие города со старшими, сильнейшими; из этого уже прямой вывод, что вечевому быту было легче развиваться в Новгороде, чем в других городах.

Мы объяснили явление веча и усиление его значения в некоторых городах исторически из известных условий времени. Но есть свидетельство, что Новгород пользовался какими-то особенными правами, утвержденными для него грамотою Ярослава I; какого же рода была эта грамота? Из условий, в соблюдении которых последующие великие князья клялись новгородцам, мы можем иметь полное понятие о правах последних: главное, основное из этих прав есть право сопоставлять с князем посадника; посмотрим, можно ли уступку этого права отнести ко временам Ярослава I.

Главною обязанностью князя в Новгороде, как и везде, была обязанность верховного судьи, при исполнении которой он соображался с законами, имевшими силу в городе.

Если бы князь родился, воспитывался и постоянно жил в Новгороде, то он знал бы обычаи и все отношения своей родины и умел бы изменять их, сообразуясь с требованиями. Но князья сменялись беспрестанно; они приходили из стран отдаленных, из областей – Киевской, Волынской, Смоленской, Черниговской, Суздальской; князья-пришельцы не имели понятия об обычаях новгородских, точно так, как новгородцы не знали обычаев других русских областей; отсюда в суде княжеском должны были происходить беспрестанные недоразумения. Для отвращения таких неудобств новгородцы требовали от всякого нового князя, чтоб он судил всегда в присутствии чиновника, избранного из граждан, знакомого со всеми обычаями и отношениями страны: «А без посадника ти, княже, не судити».

Вторым правом князя в Новгороде, как и везде, было право назначать правителей по волостям. Но мы видели, какую невыгоду в этом отношении имело для горожан частое перемещение князей с одного стола на другой; каждый приводил из прежней волости дружину, которая отстраняла старых бояр и возбуждала неудовольствие народа, поступая с новыми согражданами, как с чужими, спеша обогатиться на их счет. В Новгороде это неудобство было еще чувствительнее, ибо смена князей происходила чаще; отсюда второе главное условие, чтоб князья назначали в судьи не своих мужей, но граждан новгородских; но так как беспрестанно сменявшиеся князья не могли знать граждан, достойных доверенности, и притом могли раздавать должности исключительно своим приверженцам, то сюда присоединялось необходимое условие, чтоб князь не раздавал волостей без посадника: «А без посадника ти, княже, ни волостей раздавати». Третьим правом князя было право давать грамоты, сообщать и скреплять своим именем известные права: и здесь князья-пришельцы не могли обойтись без руководства туземного сановника, ибо не знали обычных границ прав и могли вредить выгодам общественным в пользу частных лиц, к ним

приверженных; отсюда третье необходимое условие: «А без посадника, княже, ни грамот ти даяти».

Бесперывная смена князей, почти всегда враждебных друг другу, влекла за собою еще другие неудобства, а именно: каждый новый князь, враждебный своему предшественнику, естественно, недоброжелательными глазами смотрел на все, сделанное последним: чиновники, назначенные Ольговичем, естественно, не нравились Мономаховичу, грамота, данная Мстиславичем, должна была являться незаконною в глазах Юрьевича; отсюда каждая перемена князя влекла за собою перемену чиновников и лишение приобретенных прав; для отвращения этого неудобства каждый новый князь обязывался, во-первых, не лишать никого без суда, без вины, должностей, во-вторых, не пересуживать грамот, данных предшественником: «А без вины ти, княже, мужа без вины не лишити волости, а грамот ти не посужати». Но посадник был лицо, необходимое при каждом суде и пересуде. Если теперь сопоставление с князем посадника есть главная отмена новгородского быта, главное право Новгорода, и если это право уступлено ему Ярославом I, то посадник тотчас же после уступки права должен явиться в качестве чиновника народного, ограничивающего власть князя; но из обзора событий мы видим, что посадник с таким характером является в Новгороде гораздо позднее: Мономах и сын его Мстислав посылают в Новгород посадников из Киева. Из этого мы должны заключить, что первоначально посадник новгородский был то же самое, что впоследствии наместник – боярин, присылаемый великим князем вместо себя из Твери или из Москвы, Но какое же значение имели в Новгороде посадники, присылаемые из Киева Мономахом и сыном его, когда в Новгороде и без них был уже князь, именно сын Мстислава, Всеволод; какое значение имел посадник при князе, как чиновник последнего, а не туземный? Естественно, что он был помощником князя, помогал ему в суде, исполнял его приказания, преимущественно же заступал место князя во время отсутствия последнего: возможность существования посадника при князе доказывает нам пример Полоцка. Теперь остается решить вопрос: когда и как посадник из чиновника княжеского стал городовым? Если главная обязанность посадника состояла в том, чтоб заменять князя на время его отсутствия из города, то посадник всего более был необходим в том городе, где отсутствие князя случалось чаще; но мы знаем, что всего чаще сменялись князья в Новгороде. Если князь сменялся вследствие недовольствия, то до прибытия нового необходим был посадник, который бы заступал его место; но мог ли оставаться посадником чиновник изгнанного князя? Смена князя необходимо влекла за собою и смену его посадника; но кто же будет заступать княжеское место до прибытия нового князя?

Необходимо было избирать посадника городом. Впрочем, и после, когда в городе находился князь, назначение посадника не изъято было совершенно из-под его влияния: князь избирал посадника вместе с городом. Если посадник сперва был назначаем князем, то срок отправления его должности, естественно, зависел от воли князя; впоследствии, когда посадник стал чиновником городовым, то он сменялся по воле города, смотря по обстоятельствам, мы видели, что посадники постоянно сменяются вследствие смены князей, вследствие торжества той или другой стороны, причем иногда старые посадники вступают снова в должность

настоящих, или степенных. Один только раз встретили мы указание, что при избрании в посадники при всех равных обстоятельствах обращалось внимание на старшинство: так, в 1211 году Твердислав уступил посадничество Димитрию Якуничу, потому что последний был страшнее его. Иногда видим, что посадник, сверженный в Новгороде, шел посадничать в пригород, причем случалось, что пригорожане не принимали его, опять, вероятно, по отношениям своим к городским партиям; но при этом легко заметить, что посадники избираются обыкновенно из одного известного круга боярских фамилий. Все вышесказанное о превращении посадника из чиновника княжеского в городского объясняется примером тысяцкого. Тысяцкий существует везде подле князя в качестве его чиновника; в летописи встречаем известия, что такой-то князь дал тысячу такому-то из своих приближенных: в Новгороде и этот чиновник вместе с посадником стал подлежать народному избранию.

Если право сопоставлять с князем посадника не могло быть уступлено Новгороду Ярославом I, произошло во времена позднейшие, то нельзя отнести ко временам Ярослава I и других условий, встречаемых в договорных новгородских грамотах с великими князьями, например: «Из Суздальской земли тебе Новгорода не рядить и волостей не раздавать», или: «А на Низу, князь, новгородца не судить», ибо мы знаем, что Мономах рядил Новгород, судил новгородцев и раздавал волости из Киева. К этому должно прибавить еще, что сами новгородцы, требуя от великих князей клятвы в соблюдении вышеозначенных условий и приводя в пример прежних князей, дававших подобную клятву, нигде, однако, не упоминают имени Ярослава I.

Приведенное обстоятельство тем более важно, что в других случаях новгородцы именно указывают на грамоты Ярославовы. О содержании этих грамот мы должны заключить по обстоятельствам, в которых они упоминаются. В 1228 году новгородцы поссорились с князем своим Ярославом Всеволодовичем за то, что он поступил не по грамотам Ярославовым, а именно, наложил новую пошлину и посылал судей по волостям. На следующий год прибыл к ним князь Михаил и целовал крест на всех грамотах Ярославовых, вследствие сего тотчас же сделал финансовое распоряжение, а именно дал свободу смердам на пять лет не платить дани. В 1230 году Ярослав, снова призванный, уступил новгородцам и целовал крест на всех грамотах Ярославовых. В 1339 году, когда великий князь Иоанн Данилович прислал требовать у новгородцев ханского запроса, то они отвечали: «Того у нас не бывало от начала мира, и ты, князь, целовал крест к Новгороду по старой пошлине и по Ярославовым грамотам». Вот все случаи, где новгородцы упоминают о грамотах Ярославовых.

Видя, что во всех этих случаях дело идет о финансовых льготах, можно заключать, что льготные грамоты Ярославовы касались только финансовых постановлений, и точно, в летописи встречаем известие, что новгородцы получили подобную грамоту от Ярослава I. В одной только Степенной книге сказано, что Ярослав I дал новгородцам позволение брать из его племени себе князя, какого захотят. Но, во-первых, новгородцы никогда не упоминают об этом праве, полученном ими от Ярослава I, например когда они не хотели принять к себе Святополкова сына на место любимого ими Мстислава, то им прежде всего следовало бы указать на это право, но они молчат о нем, а указывают другие причины, именно уход Святополка от них и распоряжение великого князя

Всеволода. Во-вторых, в летописях читаем, что новгородцы освобождены прежними князьями, прадедами князей, а не Ярославом, что потом подтверждается и в самой Степенной книге. Соображая все обстоятельства, можно с вероятностью положить, что особенности в быту Новгорода произошли мало-помалу, вследствие известных исторических условий, а не вследствие пожалования Ярославова, о котором, кроме Степенной книги, не знает ни одна летопись.

Что касается до внешнего вида русского города в описываемое время, то он обыкновенно состоял из нескольких частей: первую, главную, существенную часть составлял собственно город, огороженное стенами пространство; впоследствии времени около города образуются новые поселения, которые также обводятся стенами; отсюда город получает двойные укрепления: город внутренний (днешний) и город наружный (окольный, кромный), внутренний город носил также название детинца, внешний – острога; поселения, расположенные около главного города, или детинца, назывались передгородием. Стены бывали каменные и деревянные (преимущественно) с дощатыми заборалами, башнями (вежами) и воротами, которые носили названия или по положению в известную сторону, например Восточные, или по украшениям, например Золотые, Серебряные, или по тем частям города, к которым прилегали, по их народонаселению, например в Киеве были ворота Жидовские, Лядские, или по церквам, которые находились в башнях над воротами или, быть может, даже по образам, или наконец по каким-нибудь другим обстоятельствам, например Водяные в новгородском Детинце, выводящие к реке, и т.п. Упомянуты два вала, и место, находящееся между ними, носит название болонья. Передгородие разделялось на концы, концы – на улицы. Городское строение было тогда исключительно деревянное, церкви были каменные и деревянные; что касается до количества церквей в городах, то в Новгороде с 1054 года по 1229 построено было 69 церквей, из которых 15 были, наверно, деревянные, ибо о них или прямо сказано так или сказано, что они были срублены; из остальных о некоторых прямо сказано, что они были каменные, о других же ничего не сказано; в число 69 включены и церкви монастырские; нельзя думать, чтобы до 1054 года находилось уже очень много церквей в Новгороде; это количество церквей во втором по богатству (после Киева) русском городе может дать нам приблизительное понятие о количестве церквей в Киеве. Из городских построек летописи упоминают о мостах деревянных, которые разбирались; Новгородская летопись упоминает о построении мостов через Волхов; в Киеве Владимир Мономах устроил мост через Днепр в 1115 г. Из общественных зданий в городе памятники упоминают о тюрьмах или погребах: о постройке их узнаем, во-первых, то, что у них были окна (небольшие оконцы): дружина Изяслава советовала этому князю позвать заточенного Всеслава полоцкого к оконцу его тюрьмы и убить; описывая освобождение Игоря Ольговича из тюрьмы, летописец говорит, что великий князь Изяслав приказал «над ним поруб розоимати, и тако выяша из поруба вельми больнаго и несоша у келью». В Степенной книге при описании чудес св. Бориса и Глеба читаем, что великий князь Святополк Изяславич посадил двух человек в тюрьму без исследования вины их, по клевете, и, посадивши, позабыл о них. Они молились св. Борису и Глебу, и в одну ночь – «дверем сущим погребным заключенным, лествицы же вне лежащи извлечены», – один из узников чудесным

образом освободился от оков и, явившись в церковь, рассказал всем об этом; отправились к тюрьме – «и видеша ключи неврежены и замок, лествицу ж, по ней же восходят и исходят, вне лежащу». Каждый город имел торговые площади, торги, торговища; из летописи известно, что торги производились по пятницам.

Вследствие почти исключительно деревянного строения в городах пожары должны были быть опустошительны: в Новгороде от 1054 до 1228 года упоминается одиннадцать больших пожаров: в 1097 году погорело Заречье (он-пол) и детинец; в 1102 году погорели хоромы от ручья мимо Славна до церкви св. Илии; в 1113 погорел он-пол и город Кромный; в 1139 погорел торговый пол, причем сгорело 10 церквей; в 1144 погорел холм; в 1152 погорел весь торг с осьмью церквами и девятою Варяжскою, т.е. Латинскою; в 1175 сгорели три церкви; в 1177 погорел Неревский конец с пятью церквами; в 1181 две церкви и много дворов; в 1194 году летом в неделю на Всех святых загорелся один двор на Ярышеве улице, и встал пожар сильный: сгорело три церкви; потом перекинуло на Лукину улицу; на другой день сгорело еще 10 дворов; в конце недели еще новый пожар: сгорело семь церквей и дома большие, после чего каждый день загоралось местами в шести и больше, так что люди не смели жить (жировать) в домах, а жили по полю; потом погорело Городище и Людин конец; пожары продолжались от Всех святых до Успеньева дня; в том же году погорела Ладога и Руса. В 1211 году сгорело в Новгороде 15 церквей и 4300 дворов; в 1217 погорело все Заречье, кто вбежал в каменные церкви с имением, и те все сгорели со всем добром своим, в Варяжской божнице сгорел весь товар немецких купцов, церковью сгорело 15 деревянных, а у каменных сгорели верхи и притворы. Из других городов упоминается под 1183 г. сильный пожар во Владимире Кляземском: сгорел почти весь город с 32-мя церквами; в 1192 году сгорела половина города с 14 церквами; в 1198 году опять сильный пожар в том же городе: сгорело 16 церквей и почти половина города; в 1211 году погорел Ростов едва не весь с 15 церквами; в 1221 г. погорел весь Ярославль с 17 церквами; в 1227 погорел опять Владимир с 27 церквами, в следующем году новый пожар: сгорели княжие хоромы и две церкви. В 1124 году сгорел почти весь Киев, одних церквей погорело около шестисот (?). В 1183 году погорел весь Городец от молнии.

Мы сказали о внешнем виде русского города в описываемое время; теперь должны обратить внимание на его народонаселение. Мы видели, что в городах жила дружина со своими различными подразделениями; но от этой дружины явственно различаются собственные граждане, горожане, так, например, явственно различается дружина киевских князей и киевляне, владимирская дружина и владимирцы; на вечах киевляне отделяются от дружины. Из кого же состояла эта масса собственно городского народонаселения и как делилась она? Современные источники указывают нам в городах людей торговых и ремесленников, людей промышленных разного рода; о купцах не нужно приводить известий: они так часто встречаются в летописи; ростовцы называют жителей Владимира каменщиками, в Новгороде упоминается серебряник весец; в Вышгороде упоминаются огородники с их старейшиною; очень вероятно, что и в описываемое время, как впоследствии, люди, занимающиеся какою-нибудь одною отраслью промышленности, жили вместе на особых местах, имея своих старост или старейшин: название концов новгородских Плотницкий, Гончарский могут указывать на это. Встречаем известия о смердах в городах: думаем, что здесь

должно разуметь под смердами простых людей, черных, чернь или даже вообще всех горожан в противоположность дружине; так, под 1152 годом читаем, что Иван Берладник осадил галицкий город Ущицу, куда вошла засада князя Ярослав и билась крепко, но смерды стали перескакивать через стенные забрала к Ивану, и перебежало их 300 человек; здесь смерды – жители Ущицы противопологаются засаде, дружине княжеской: последняя билась крепко против Берладника, а смерды перебежали к нему. Как после, так и теперь, собственно городское народонаселение делилось на сотни, ибо кроме прямых известий, продолжаем встречать название соцких с важным значением; понятно, какое близкое отношение к собственно городскому народонаселению должен был иметь тысяцкий и в мирное и в военное время. Итак, начальствующими лицами в городе были: в стольном – князь, державший подле себя тиуна, в нестольном – посадник, державший также, вероятно, подле себя тиуна; тысяцкий, соцкие, десяцкие, старосты концов, улиц, старосты для отдельных промыслов; из лиц, употреблявшихся при управлении и суде, встречаем названия подвойских, биричей, ябедников; биричей и подвойских князь Изяслав Мстиславич посылал в Новгороде кликать народ по улицам, звать к князю на обед. Особых чиновников для сохранения порядка в городе, как видно, не было; в летописи под 1115 годом, при описании торжества перенесения мощей св. Бориса и Глеба, читаем, что Мономах, видя, как толпы народа, налегая со всех сторон, мешают шествию, приказал разметать народу деньги, чтоб он отхлынул в сторону. Кроме туземного народонаселения в некоторых торговых городах, преимущественно в Киеве и Новгороде, видим иноземное народонаселение, постоянное и временное (насельницы).

В Новгороде живут немецкие купцы, имеют свою особую церковь (божницу Варяжскую); в Киеве постоянно или по крайней мере в известное время видим жидов, живущих особым кварталом или улицею, отчего и ворота носят название Жидовских; Лядские ворота в Киеве указывают на Польский квартал или улицу; Латина упоминается в числе киевского народонаселения под 1174 годом.

Из волостного деления нам известно по-прежнему деление на погосты; встречаем известие и о станах: так, говорится, что Всеволод III ехал за своею дочерью до трехстанов; не знаем, имел ли уже в это время стан значение известного правительственного средоточия или еще означал только станцию; во всяком случае заметим, что значение стана совершенно совпадает с значением погоста, как оно объяснено выше: оба, и погост и стан, из мест временной остановки правителя сделались постоянным правительственным средоточием. Кроме городов, населенные места в волости носят название слобод (свобод) и сел; название слободы носило вновь заведенное поселение, пользующееся поэтому некоторою особенностью, некоторыми льготами, свободою от известных повинностей; из современных источников известно, что слободы, наравне с селами, могли быть в частном владении, могли приобретаться покупкою. Сельское народонаселение в противоположность городскому вообще называется смердами; но мы имеем полное право разделять сельское народонаселение на свободное и несвободное, находящееся в частной собственности князя, бояр и других людей, ибо встречаем известия о селах с челядью, рабами; сказанное о положении наймитов и холопей в эпоху до смерти Ярослава I должно относиться и к описываемому времени; заметим только в Новгородской летописи выражение

одерень в смысле полного холопа, что прежде выражалось словом обельный, обель. Кроме описанных слоев народонаселения в юго-восточных пределах русских владений, по границам княжеств Киевского, Переяславского, Черниговского, мы видим инородное народонаселение, слышущее под общим именем черных клобуков и под частными названиями торков, берендеев, коуев, турпеев; мы видели их значение, деятельность в событиях описываемого времени; из летописи видно, что они находились под властью своих князьков, каким был, например, известный Кондудей; видно также, что образ жизни их был полукочевой, полуседлый; летом, по всей вероятности, они выходили в пограничные степи с вежами и стадами своими: так, в 1151 году они отпросились у Изяслава идти за своими вежами, стадами и семьями; но зимою жили в городах, которые, кроме того, были им нужны для укрытия семейств на случай неприятельского нападения; так, они говорят Мстиславу Изяславичу: «Если дашь нам по лучшему городу, то мы передадимся на твою сторону». Святослав Ольгович жаловался, что у него города пустые, живут в них псаря да половцы: можно думать, что под половцами он понимает не диких, но своих поганых, черных клобуков; торческий князь Чурнай жил в своем городе. Постоянное название поганые показывает ясно, что черные клобуки не были христианами; на это уже указывает многоженство, ибо сказано, что у Чурная было две жены, хотя, разумеется, некоторые из черных клобуков и могли креститься. Кроме черных клобуков и на юге и на севере упоминаются бродники, по всем вероятностям, сбродные и бродячие шайки вроде позднейших козаков.

О количестве народонаселения русских городов и волостей в описываемое время нет показаний в источниках. О количестве городов в разных княжествах можно иметь приблизительное понятие, выбравши все местные названия из летописи и распределивши их приблизительно по княжествам. Но, во-первых, нельзя предполагать, чтоб все имена местностей попадались в летописях; особенно этого нельзя сказать о княжествах, далеких от главной сцены действия, — Полоцком, Смоленском, Рязанском, Новгородском, Суздальском; во-вторых, нельзя определить из летописи: упоминаемая местность город или село? В Киевском княжестве можно насчитать по летописи более 40 городов, в Волынском столько же, в Галицком — около 40; в Туровском — более 10; в Черниговском с Северским, Курским и землею вятичей — около 70; в Рязанском — около 15; в Переяславском — около 40; в Суздальском — около 20; в Смоленском — около 8; в Полоцком — около 16; в Новгородском — около 15, следовательно во всех Русских областях упоминается слишком 300 городов. Мы знаем, что князья тяготились малочисленностью жителей в волостях своих и старались населять их, перезывая отовсюду народ; но, разумеется, одним из главных средств к населению было население пленниками и рабами купленными: так, князь Ярополк перевел народонаселение целого города (Друцка) из неприятельской волости в свою; в селах княжеских видим народонаселение из челяди, рабов.

Но подле старания князей умножать народонаселение видим препятствия для этого умножения; препятствия были политические (войны междоусобные и внешние) и физические (голод, мор). Относительно междоусобных войн, если мы в периоде времени от 1055 до 1228 года вычислим года, в которые велись усобицы и в которые их не было, то первых найдем 80, а вторых — 93, тринадцатью годами больше, следовательно круглым числом усобицы происходили почти через год,

иногда продолжались по 12 и по 17 лет сряду. Это грустное впечатление ослабляется представлением об огромности Русской государственной области и в то время и выводами, что уособицы не были повсеместные; так, оказывается, что Киевское княжество в продолжение означенного времени было местом уособиц не более 23 раз, Черниговское – не более 20, Волынское – 15, Галицкое до смерти Романовой – не более 6, Туровское – 4, Полоцкое – 18, Смоленское – 6, Рязанское – 7, Суздальское – 11, Новгородское – 121. Но если вред, который терпели русские волости от уособиц, значительно уменьшается в наших глазах после означенных выводов, то, с другой стороны, мы не должны впадать в крайность и уже слишком уменьшать этот вред. Так, некоторые исследователи замечают, что «войска обыкновенно было немного; жители путей должны были, разумеется, доставлять ему продовольствие, которого было везде в изобилии, – а больше взять с них, говоря вообще, было нечего; жившие по сторонам могли быть спокойными». Положим, что войска русского было немного; но не должно забывать, что с русским войском почти постоянно находились толпы половцев, славных своими грабительствами; быть может, кроме продовольствия, с сельского народонаселения и нечего было более взять, но враждебное войско брало в плен самих жителей – в этом состояла главная добыча, били стариков, жгли жилища; по тогдашним понятиям воевать значило опустошать, жечь, грабить, брать в плен; Мстислав Мстиславич, посылая в 1216 году новгородцев в зажитие в свою Торопецкую волость, наказывает: «Ступайте в зажитие, только голов (людских) не берите». Если войску нужно было наказывать, чтоб оно не брало пленников в союзной стране, то понятно, как оно поступало в волости неприятельской. Несправедливо также замечание, что князья воевали друг с другом, а не против народа, что они хотели владеть теми городами, на которые нападали, следовательно не могли для своей собственной пользы разорять их.

Князья воевали друг с другом, но войско их, преимущественно половцы, воевали против народа, потому что другого образа ведения войны не понимало; Олег Святославич добивался Черниговской волости, но, добившись ее, позволил союзникам своим половцам опустошать эту волость; в 1160 году половцы, приведенные Изяславом Давыдовичем на Смоленскую волость, вывели оттуда больше 10000 пленных, не считая убитых; поход Изяслава Мстиславича на Ростовскую землю (1149 г.) стоил последней 7000 жителей.

Кроме постоянного участия в уособицах княжеских, половцы и сами по себе нередко пустошили русские волости; летопись указывает 37 значительнейших половецких нападений, но, видно, были другие, не записанные подробно по порядку.

Черниговское и Переяславское княжество страшно страдали: Святослав Ольгович черниговский говорит, что у него города пусты, живут в них только псаря да половцы; Владимир Глебович переяславский говорит, что его волость пуста от половцев; Киевскому княжеству также много доставалось от них, а Волынскому, Туровскому, Полоцкому и Новгородскому доставалось много от литвы и чуди, особенно в последнее время; в первые 28 лет XII века упоминается 8 раз о литовских нашествиях; но до нас не дошло Полоцкой летописи, и потому о сильных опустошениях, какие Полоцкое княжество терпело от литвы, можем судить только из известий немецких летописцев и Слова о полку Игореву; можно думать, что Рязанское и Муромское княжества терпели также от половцев и

других окружных варваров; спокойнее всех и относительно усобиц и относительно варварских нападений было княжество Ростовское, или Суздальское, явление, на которое нельзя не обратить внимания: это обстоятельство не только содействовало сохранению народонаселения в Суздальской области, но могло также побуждать к переселению в нее народа из других, более опасных мест. Итак, если из 93 мирных лет относительно усобиц исключим 45 важнейших, записанных нашествиях половецких и литовских, то немного останется времени, в которое какая-нибудь волость не терпела бы от опустошений.

При бедствиях политических упоминаются и бедствия физические – голод, мор.

Относительно юга, обильной хлебом Малороссии мы не можем встречать в летописи частых жалоб на неурожаи; встречаем известие о неурожае мимоходом, например в 1193 году киевский князь Святослав говорит, что нельзя идти в поход на половцев, потому что жито не родилось; разумеется, голод мог происходить, когда нашествия иноплеменников или усобицы прекращали полевые работы, но это же самое обстоятельство уменьшало и число потребителей, ибо неприятель бил жителей, уводил их в плен. Относительно Ростовской области летописец упоминает о неурожае под 1070 годом. Чаше страдала от голода Новгородская область: под 1127 годом читаем, что снег лежал до Яковлева дня, а на осень мороз побил хлеб, и зимою был голод, осмина ржи стоила полгривны; в следующем году также голод: люто было, говорит летописец, осмина ржи стоила гривну, и ели люди лист липовый, кору березовую, насекомых, солому, мох, конину, падали мертвые от голода, трупы валялись по улицам, по торгу, по путям и всюду, наняли наемщиков возить мертвецов из города, от смрада нельзя было выйти из дому, печаль, беда на всех!

Отцы и матери сажали детей своих на лодки, отдавали даром купцам, одни перемерли, другие разошлись по чужим землям. Под 1137 годом все лето большая осминка продавалась по семи резань; эта дороговизна произошла вследствие прекращения подвозов из окрестных земель – Суздальской, Смоленской, Полоцкой – ясный знак, что Новгород не мог пробавляться своим хлебом. В 1161 году все лето стояла ясная погода, жито погорело, а осенью мороз побил яровое, зима была теплая с дождем, вследствие чего покупали малую кадку по семи кун: великая скорбь была в людях и нужда, говорит летописец. В 1170 году кадь ржи продавалась в Новгороде по 4 гривны, а хлеб по две ногаты, мед по 10 кун пуд; как видно, впрочем, эта дороговизна произошла вследствие опустошения волости войсками Боголюбского и прекращения торговых связей с Суздальскою землею. В 1188 году покупали хлеб по 2 ногаты, а кадь ржи по 6 гривен; наконец, в 1215 году сильный голод и мор вследствие осенних морозов и того, что князь Ярослав остановил подвоз хлеба из Торжка. Таким образом, от 1054 до 1228 года летописец упоминает только семь раз о голоде и дороговизне. О сильной смертности летопись упоминает под 1092 годом на юге: в Полоцке люди поражались вдруг какою-то язвою, которую современники приписали ударам мертвецов (навья), ездивших по воздуху; язва эта началась от Друцка; летом стояла ясная погода, боры и болота загорались сами, и на всем юге много умирало народу от различных болезней: продавцы гробов (должно быть, в Киеве) сказывали, что продали от Филиппова дня до масляницы 7000 гробов.

Новгородский летописец упоминает о сильном море и скотском падеже в своем городе под 1158 годом; погибло много людей, лошадей и рогатого скота, так что от смрада нельзя было пройти до торгу сквозь город ни по рву, ни на поле; под 1203 годом упоминается также о сильном конском падеже в Новгороде и по селам. Суздальский летописец упоминает о сильной смертности под 1187 годом: не было ни одного двора без больного, а на ином дворе некому было и воды подать. О врачебных пособиях при этих случаях мы не встречаем известий, хотя лекаря были в России: в Русской Правде упоминается о плате лекарю; в житии св. Агапита Печерского читаем, что в его время был в Киеве знаменитый врач армянин, которому стоило только взглянуть на больного, чтоб узнать день и час смерти его; св. Агапит лечил больных травами, из которых приготавливал себе кушанье; армянин, взглянув на эти травы, назвал их александрийскими, причем святой посмеялся невежеству его. У князя Святослава (Святоши) Давыдовича черниговского был искусный лекарь, именем Петр, родом из Сирии. Мы видели, что разбитого параличом Владимирка галицкого положили в укроп; но что такое укроп? трава ли этого имени или теплая ванна? ибо теплая вода называется также укропом.

Таковы были пособия и препятствия к умножению народонаселения на обширной Северо-Восточной равнине, относительно пространства своего очень скудно населенной. По смерти Ярослава I границы русских владений не распространялись более на запад, юг и юго-восток; усобицы препятствовали распространению на счет Венгрии, Польши, Литвы; напротив, Русь должна была уступить свои владения в прибалтийских областях немцам; на юге и юго-востоке усобицы и половцы мешали распространению; видим и здесь потери, ибо Тмутаракань не принадлежит более Руси; оставалась только одна сторона – северо-восток, куда можно было распространяться беспрепятственно: от разрозненной, дикой чуди не могло быть сильного сопротивления; притом же северо-восточная русская волость, Суздальская, по известным причинам была способнее всех других к наступательным движениям; а, с другой стороны, новгородцев манила на северо-восток выгодная мена с туземцами и богатый ясак серебром и мехами. Таким образом, мы видим русские владения по Северной Двине, Каме; новгородские отряды доходят до Уральского хребта. Но мы должны заметить, что с большою осторожностью должно говорить об обширной Новгородской области от Финского залива до Уральских гор, ибо избиение новгородских сборщиков ясака за Волоком и Ядреев поход на Югру показывают всю непрочность тамошних отношений; притом жене одни новгородцы имели владения за Волоком; не забудем, что там были и суздальские смерды (подданные), что Устюг принадлежал ростовским князьям. Верно одно, что новгородская колония Вятка, хотя изначально независимая от митрополии, является в Прикамской области и что суздальские князья построением Нижнего Новгорода в земле Мордовской закрепляют за собою устье Оки; следовательно, относительно границ государственной области описываемое время характеризуется потерями на западе и юге и приобретениями на севере и востоке: все указывает на главный путь исторического движения.

Сосредоточению народонаселения в известных местах способствовала выгода этих мест относительно торговли. Великим торговым путем Северо-Восточной равнины был водный путь из Балтийского моря в Черное,

отсюда самыми важными торговыми городами на Руси должны были явиться города, находившиеся на двух концах этого пути – Новгород, складка товаров северных, и Киев, складка товаров южных.

Новгородские купцы сами производили заграничную торговлю со странами, лежащими по берегам Балтийского моря: так, мы видели, что в 1142 году шведы напали на гостей, возвращавшихся из-за моря, то же самое доказывается и свидетельствами иностранными; иностранные купцы, с другой стороны, жили постоянно в Новгороде; до нас дошел договор новгородцев с немцами и готландцами, заключенный при князе Ярославе Владимировиче около 1195 года. Из этого договора, равно как из некоторых других иностранных известий, можно иметь довольно подробное понятие об иностранной торговле в Новгороде. Немецкие купцы, приезжавшие торговать сюда, разделялись на гильдию морских и гильдию сухопутных купцов; на это разделение указывает и наша летопись, говоря, что варяги приходили и горою (сухим путем, 1201 г.). Как те, так и другие делились еще на зимних и летних, зимние приезжали осенью, вероятно, по последнему пути, и зимовали в Новгороде; весною они отъезжали за море, и на смену им приезжали летние. По упомянутому договору, если убьют новгородского посла, заложника или попа за морем и немецкого в Новгороде, то 20 гривен серебра за голову; если же убьют купца, – то 10 гривен. Если мужа свяжут без вины, то 12 гривен за бесчестье старыми кунами. Если ударят мужа оружием или колом, то 6 гривен за рану старыми кунами. Если ударят жену или дочь мужа, то князю 40 гривен старыми кунами и столько же обиженной. Если кто сорвет с чужой жены или дочери головной убор и явится простоволосая, то 6 гривен старых за бесчестье. Если будет тяжба без крови, сойдутся свидетели, русь и немцы, то бросать жребий: кому вынется, те идут к присяге и свою правду возьмут. Если варяг на русине или русин на варяге станет искать денег и должник запрется, то при 12 свидетелях идет к присяге и возьмет свое. Немца в Новгороде, а новгородца в немецкой земле не сажать в тюрьму, но брать свое у виноватого. Кто рабу подвергнет насилиям, но не обесчестит, за обиду гривна; если же обесчестит, то свободна себе.

Принимая к себе иностранных гостей, сами отправляясь за море для торговли и любя приобретать чужое серебро, а не отдавать своего за иностранные товары, новгородцы должны были стараться скупать в других странах товары, которые потом могли с выгодой сбывать гостям забалтийским. Понятно, почему они пробирались все дальше и дальше на северо-восток, к хребту Уральскому, получая там ясак мехами, имевшими большую ценность в их заграничной торговле, но области собственно русские, внутренние, были также богаты мехами и другими сырыми произведениями, а в Киеве была складка товаров греческих, которые новгородцы могли скупать там и потом с выгодой отпускать в Северо-Западную Европу. Вот почему мы видели, что новгородцы жилали в большом числе в Киеве, где у них была своя церковь или божница св. Михаила, которая, как видно, была около торговой площади. Много новгородских купцов бывало всегда и в Суздальской волости; Михаил черниговский, отправляясь из Новгорода, выговаривает, чтоб новгородцы пускали к нему гостей в Чернигов.

О важности греческой торговли, средоточием которой был Киев, нам не нужно много распространяться после того, что было сказано о ней при обозрении начального периода: известный путешественник жид Вениамин Тудельский нашел

русских купцов и в Константинополе, и в Александрии. Но любопытно, что летописец нигде не упоминает о пребывании греческих купцов в Киеве, тогда как ясно говорит о пребывании купцов западных, латинских; очень вероятно, что греки сами редко пускались на опасное плавание по Днепру через степи, довольствуясь продажей своих товаров русским купцам в Константинополе; Вениамин Тудельский говорит о византийцах, что они любят наслаждаться удовольствиями, пить и есть, сидя каждый под виноградом своим и под смоковницею своею. Из слов Кузьмы Киянина, плакавшегося над трупом Андрея Боголюбского, узнаем, что гости из Константинополя приходили иногда и во Владимир Залесский; но Плано-Карпини также говорит, что в Киев и после монгольского нашествия приезжали купцы из Константинополя, и, однако же, эти купцы сказываются италийцами. Из иностранных известий видно, что в Киеве жила купцы из Регенсбурга, Эмса, Вены. Нельзя предполагать, чтоб в описываемое время пресеклись торговые сношения с Востоком: под 1184 годом в летописи встречаем известие, что князья наши, отправившись в поход на половцев, встретили на дороге купцов, ехавших из земли Половецкой. Мы не думаем, чтоб здесь непременно нужно было предполагать русских купцов, торговавших с половцами: купцы эти легко могли быть иностранные из восточных земель, шедшие в Киев, через Половецкие степи. Наконец путешественники XIII века указывают на берегу Черного и Азовского морей города, служившие средоточием торговли между Россиею и Востоком: монах Бенедикт, спутник Плано-Карпини, говорит, что в город Орнас в старину, до разорения его татарами, стекались купцы русские, аланские и козарские; Рубруквис говорит, что к Солдае, городу, лежащему на южном берегу Тавриды, против Синопе, пристают все купцы, идущие из Турции в северные страны, и, наоборот, сюда же сходятся купцы, идущие из России и северных стран в Турцию. Кроме новгородцев и киевлян заграничную торговлю производили также жители Смоленска, Полоцка и Витебска; об их торговле мы узнаем из договора смоленского князя Мстислава Давыдовича с Ригю и Готским берегом в 1229 году. Из слов договора видно, что доброе согласие между смольнянами и немцами было нарушено по какому-то случаю и для избежания подобного разлюбья, чтоб русским купцам в Риге и на Готском берегу, а немецким в Смоленской волости любо было и добросердье во веки стояло, написана была правда, договор.

Условились: за убийство вольного человека платить 10 гривен серебра, а за холопа гривну, за побои холопу гривну кун; за повреждение частей тела 5 гривен серебра, за вышибенный зуб 3 гривны; за удар деревом до крови 1 1/2 гривны, кто ударит по лицу, схватит за волосы, ударит батоном – платить без четверти гривну серебра, за рану без повреждения тела платить 1 1/2 гривны серебра; священнику и послу платится вдвое за всякую обиду. Виноватого можно посадить в колодку, тюрьму или железы только в том случае, когда не будет по нем поруки. Долги выплачиваются прежде иностранцами; иностранец не может выставить свидетелем одного или двоих из своих единоплеменников; истец не имеет права принудить ответчика к испытанию железом или вызвать на поединок; если кто застанет иностранца у своей жены, то берет за позор 10 гривен серебра; то же платится за насилие свободной женщине, которая не была прежде замечена в разврате. Как скоро волоцкий тиун услышит, что немецкий гость приехал на Волочок (между Двиною и Днепром), то немедленно шлет приказ волочанам, чтоб

перевезли гостей с товарами и заботились о их безопасности, потому что много вреда терпят смоляне от поганых (литовцев); немцам кидать жребий, кому идти наперед, если же между ними случится русский гость, то ему идти назад. Приехавши в город, немецкий гость должен дать княгине постав полотна, а тиуну волоцкому рукавицы перстовые готские (перчатки); в случае гибели товара при перевозе отвечают все волочане. Торгуют иностранные купцы безо всякого препятствия; беспрепятственно же могут отъехать с товаром своим и в другой город. Товар, взятый и вынесенный из двора, не возвращается.

Истец не может принудить ответчика идти на чужой суд, а только к князю смоленскому; к иностранцу нельзя приставить сторожа, не известив прежде старшину; если кто объявит притязание на иностранный товар, то не может схватить его силою, но должен вести дело судебным порядком по законам страны. За взвешивание товара платится весовщику с 24 пудов куна смоленская. При покупке драгоценных металлов немец платит весовщику за гривну золота ногату, за гривну серебра две векши, за серебряный сосуд от гривны куну, при продаже не платит; когда же покупает вещи на серебро, то с гривны вносит куну смоленскую. Для поверки весов хранится одна капля в церкви Богородицы на горе, а другая в немецкой церкви Богородицы, с этим весом и волочане сверяют пуд, данный им немцами. Иностранцы торгуют безмытно; они не обязаны ездить на войну вместе с туземцами, но если захотят – могут; если иностранец поймает вора у своего товара, то может сделать с ним все, что хочет. Иностранцы не платят судных пошлин ни у князя, ни у тиуна, ни на суде добрых мужей. Епископ рижский, магистр Ордена и все волостели Рижской земли дали Двину вольную от устья до верху, по воде и по берегу, всякому гостю рижскому и немецкому, ходящему вниз и вверх.

Если случится с ним какая беда, то вольно ему привезти свой товар к берегу, и если принаимет людей в помочь, то не брать с него больше того, сколько сулил при найме.

О торговле смоленской во внутренних русских областях узнаем из летописного известия под 1216 годом о заключении князем Ярославом Всеволодовичем пятнадцати смоленских купцов, зашедших для торговли в его волость. О приходе купцов иностранных и русских во Владимир Залесский при Андрее Боголюбском узнаем из слов Кузьмы Киянина, плакавшего над трупом своего князя. Причинами, могшими содействовать усилению русской торговли в означенное время, было положение русской государственной области между Европою и Азиею, что при отсутствии морских обходных путей давало ей важное торговое значение; усиление торговой деятельности северных немецких городов, которые должны были обратить свое внимание на восток и войти с ним в тесные торговые сношения; уменьшение пиратства на Балтийском море вследствие того, что скандинавское народонаселение покидает свой прежний варяжский характер; удобство водных путей сообщения; старание князей о торговле, обогащавшей народ их; уживчивый вообще характер народонаселения, терпимость относительно веры, уважение, расположение к иностранцам, готовность уступать им разные выгоды. Вслед за этими благоприятствующими для торговли обстоятельствами мы должны упомянуть и о препятствиях, которые встречала она в описываемое время: встречаем известие о ссорах с иностранцами, вследствие чего прерывались торговые сношения: так, в 1134 году купцов новгородских

посадили в тюрьму в Дании; в 1188 году новгородские купцы подверглись той же участи от немцев за морем, за что из Новгорода весною не пустили ни одного из своих купцов за море. Варягам посла не дали и отпустили их без мира; в 1201 году варягов отпустили без мира за море, а осенью пришли варяги сухим путем на мир, и тут новгородцы дали им мир на всей своей воле. Только три известия о ссорах с иностранцами; если приложится сюда одно известие о нападении шведов на торговые суда, плывшие в Новгород, то увидим, что с этой стороны препятствий для торговли было немного. Гораздо больше препятствий для внешней, греческой торговли киевлян представляли половцы, грабившие торговые суда по Днепру; мы видели, как иногда князья с многочисленными дружинами принуждены были выступать для защиты греков; Мстислав Изяславич жаловался, что половцы отняли у Руси все торговые пути. Препятствием для торговли внутренней и внешней служили также внутренние войны, усобицы княжеские: во время двухдневного грабежа войсками Боголюбского, когда, по словам летописца, не было никому помилования в Киеве, без сомненья, пострадали также и купцы иностранные; потом Ярослав Изяславич в 1174 году взял большие деньги (попродал) со всех киевлян, не исключая латину и гостей; в 1203 году половцы с Рюриком, взявши Киев, страшно пограбили его, а у иноземных гостей взяли половину товара; здесь хотя и видим некоторое снисхождение к иностранным купцам, однако последние не могли легко забыть своей потери. Новгородские купцы терпели вследствие ссор их сограждан с разными князьями, киевскими и суздальскими: в 1161 году Ростислав Мстиславич, услышав, что сын его схвачен в Новгороде, велел перехватать новгородских купцов, бывших в Киеве, и посадить их в Пересеченский погреб, где в одну ночь умерло из них 14 человек, после чего Ростислав велел выпустить остальных из тюрьмы и развести по городам; о захватывании новгородских купцов по Суздальским волостям встречаем известия раз семь; в 1215 году Ярослав Всеволодович захватил в Торжке новгородцев и купцов больше 2000. Сообразивши все эти препятствия и сличивши число известий о них с числом лет описанного периода времени, мы должны прийти к тому заключению, что вообще препятствий для торговли было немного.

С вопросом о торговле тесно связан вопрос о монетной системе. Общим названием, соответствующим теперешнему нашему деньги, было куны, которое заменило встречавшееся в начальном периоде название скот. Высшею монетною единицею была гривна – кусок металла в известной форме, равный известному весу, носившему то же самое название – гривны. Что гривна была ходячею монетою, это очевидно из следующего, хотя позднейшего (впрочем, не очень) известил: в 1288 году волынский князь Владимир Василькович велел серебряные блюда, золотые и серебряные кубки перед своими глазами побить и перелить в гривны. Кроме гривен существовала еще серебряная монета – сребреники; о ее существовании есть ясное свидетельство летописи под 1115 годом: «Повеле Володимер режючи паволокы, орници, бель, разметати народу, овоже сребреники метати». О существовании кожаных денег имеем ясные свидетельства иностранцев и своих; в одном хронографе прямо говорится: «Куны еже есть морд куней». В доказательство противного, что подкупами и белью разумелись монеты металлические, золотые и серебряные, приводят следующее место из летописи под 1066 годом: «Двор же княж разграбиша безчисленное множество злата и сребра, кунами и белью». Приводя все эти слова в тесную связь и соответствие,

полагают, что кунами и белью есть необходимое дополнение и объяснение к злата и сребра. Но, во 1) мы знаем, что летописец употребляет конструкцию очень свободную, вследствие чего кунами и белью может стоять совершенно независимо от злата и сребра; во 2) бель означает мех, шкуру известного животного, или, как думают некоторые, ткань особого рода: так, под 1116 годом говорится, что Мономах велел резать бель и бросать народу; и тут же бель ясно отличается от серебряной монеты, от серебряников; в 3) в приведенном месте Ипатьевский список имеет: скорою (шкурами) вместо белью, вследствие чего мы имеем полное право принимать здесь под именем кун деньги вообще, а под именем бели – меха. Наконец еще известие, впрочем, позднейшее: в 1257 году Даниил Романович галицкий велел взять дань на ятвягах «черные куны и бель сребро».

Ясно, что здесь слова бель и сребро должны быть принимаемы совершенно отдельно, ибо летописец не имел никакой нужды объяснять, что бель означает сребро; но позднейшие переписчики, не понявши дела, в соответствие черным кунам поставили бело сребро, как читается в некоторых списках. Что касается до счета, то под 1160 годом в летописи встречаем счет тьмами: «Много зла сотвориша половци, взяша душ боле тмы».

Торговля в описываемое время была главным средством накопления богатств на Руси, ибо не встречаем более известий о выгодных походах в Грецию или на Восток, о разграблении богатых городов и народов. Умножение богатств при столкновении с более образованными народами обнаруживалось в стремлении к украшению жизни, к искусству. Искусство прежде всего служило религии: часто с подробностями рассказывает летописец о построении церквей. В конце XI века известен был охотою к постройкам митрополит Ефрем, живший в Переяславле, где сначала была митрополия; он построил в Переяславле церковь святого Михаила, украсивши ее всякою красотою, по выражению летописца; dokonчив эту церковь, он заложил другую на городских воротах, во имя святого Феодора, потом третью – св. Андрея, и у церкви от ворот строение банное чего не было прежде на Руси; заложил вокруг города стену каменную, одним словом, украсил город Переяславль зданиями церковными и разными другими. В 1115 году соединенные князья построили в Вышгороде каменную церковь, куда перенесли из деревянной мощи св. Бориса и Глеба, над ракою которых поставили терем серебряный. На севере как строитель и украстель церквей славился Андрей Боголюбский; главным памятником его ревности осталась здесь Богородничная церковь во Владимире Залесском, построенная в 1158 г. вся из белого камня, привезенного водою из Болгарии; новейшие исследования подтверждают известие, что церковь эта построена западными художниками, присланными Андрею от императора Фридриха I. В этой церкви стояла знаменитая икона богородицы, принесенная из Царя-града; в нее, по словам летописи, Андрей вковал больше тридцати гривен золота, кроме серебра, драгоценных камней и жемчуга. В 1194 г., при Всеволоде III, эта церковь была обновлена после большого пожара; при Всеволоде же построен во Владимире Дмитриевский собор, «дивно украшенный иконами и писанием». В 1194 году обновлена была Богородичная церковь в Суздале, которая, по словам летописца, опадала от старости и безнарядья; покрыли ее оловом отверху до комар (наружных сводов) и притворов. Чудное дело! говорит при этом летописец; епископ Иоанн не искал мастеров у немцев, а нашел их между

служками при Богородичной владимирской церкви и своими собственными; они сумели и олово лить, и покрыть, и известью выбелить. Здесь летописец прямо говорит, что епископ не искал мастеров между немцами – знак, что других мастеров (греческих), кроме западных, немецких, на севере не знали, что предшествующие здания, церкви Боголюбского были построены последними. Но поновленная таким образом церковь не долго простояла: в 1222 году князь Юрий Всеволодович принужден был сломать ее, потому что начала разрушаться от старости и верх обвалился; построена она была при Владимире Мономахе. Упомянутая выше церковь св. Михаила в Переяславле упала в 1122 году, не простоявши и 50 лет. Строили церкви и каменные очень скоро; так, например, в Новгороде в 1179 году заложили церковь Благовещения 21-го мая, а кончили 25-го августа; в 1196 году заложили церковь св. Кирилла в апреле, закончили 8-го июля, в 1198 году в Русе заложили церковь Преображения 21-го мая, а кончили 31-го июля; в том же году в Новгороде начали строить церковь Преображения 8-го июня, а кончили в сентябре; в 1219 г. заложили церковь каменную малую св. Трех Отрок и окончили ее в 4 дня. Снаружи церкви покрывались оловом, верх или главы золотились; внутри украшались иконами, стенною живописью, серебряными паникадилами; иконы украшались золотом и финифтью, дорогими камнями и жемчугом. Из русских иконописцев упоминается св. Алимпий Печерский, выучившийся своему искусству у греческих мастеров, приходивших для расписывания церкви в Печерском монастыре; как видно, он занимался также и мозаикою. Под 1200 годом упоминается о строении каменной стены под церковью св. Михаила у Днепра, на Выдубечи; строителем был Милонег Петр, которого великий князь Рюрик выбрал между своими приятелями, как сказано в летописи.

Материальное благосостояние, зависевшее в главных городах Руси по преимуществу от торговли и побуждавшее к построению более или менее прочных, украшенных зданий общественных, преимущественно церковей, должно было, разумеется, действовать и на удобства частной, домашней жизни русских людей описываемого времени; к сожалению, об этой частной жизни до нас дошли чрезвычайно скудные известия; знаем, что были очень богатые люди, в домах которых можно было много пограбить, таковы были, например, Мирошкиничы в Новгороде, у которых народ в 1209 году взял бесчисленные сокровища, остаток разделили по зубу, по три гривны по всему городу, но другие побрали еще тайком, и от того многие разбогатели; как ни толковать это место, все выходит, что каждый новгородец получил по три гривны. Но мы не знаем, в каких удобствах житейских выказывали свое богатство богачи новгородские и других городов; у них были села, много челяди-рабов, большие стада; разумеется, дома их были обширнее, но о расположении и украшении домов мы ничего не знаем. И общественные здания, церкви строились непрочно, некоторые сами падали, другие должно было разбирать и строить снова; неудивительно, что частные здания не могли долго сохраняться, будучи преимущественно, если не исключительно построены из дерева, и нет основания думать, чтоб они разнились от построек предшествовавшего времени. Простота постройки, дешевизна материала, леса, который был в таком изобилии, простота и малочисленность того, что мы называем мебелью, должны были много помогать народу в перенесении бедствий от усобиц и неприятельских нашествий: деньги, немногие

дорогие вещи, дорогое платье легко было спрятать, легко унести с собою; укрывшись в ближайшем лесу или городе во время беды, возвращались назад по уходе неприятеля и легко опять обстраивались. Такое отсутствие прочности жилищ вместе с простотою быта содействовали той легкости, с какою жители целых городов переселялись в другие места, целые города бежали от неприятеля и затворялись в других городах, иногда князья переводили целые города из одной области в другую; киевляне говорят Ярославичам, что они зажгут свой город и уйдут в Грецию; таким образом, наши деревянные города представляли переход от вежи половца и торчина к каменным городам Западной Европы, и народонаселение древней Руси, несмотря на свою оседлость, не могло иметь сильной привязанности к своим деревянным, непрочным городам, которые не могли резко отличаться друг от друга; природа страны была также одинакова, везде был простор, везде были одинаковые удобства для поселения, князья тяготились малолюдностью, были рады переселенцам: отсюда понятно, почему нетолько в описываемое время, но и гораздо позднее мы замечаем легкость, с какою русские люди переселялись из одного места в другое, легко им было при всяком неблагоприятном обстоятельстве разбрестись розно.

Мы заметили, что относительно постройки, расположения жилищ и мебели почти ничего нельзя прибавить против того, что было сказано о древнейшем периоде; видим, что князья любили сидеть и пировать с дружиною на сенницах; встречаем название столец в значении маленькой скамьи или стула, поставляемого гостям.

Касательно одежды встречаем известие о сорочках, метлях и корзнях, о шапках (клубуках), которые не снимались ни в комнате, ни даже в церкви. Из договора с немцами узнаем об употреблении рукавиц перстатых, т.е. перчаток, покупаемых, как видно, у иностранцев; от употребления рукавиц перстатых имеем право заключать и об употреблении простых, русских рукавиц. Из мужских украшений упоминаются золотые цепи; из женских одежд упоминаются повои, или повойники, из украшений – ожерелья и серьги серебряные. Из материй, употреблявшихся на одежды, упоминается полотно, или частина, аксамит, упоминаются одежды боярские с шитыми золотом оплечьями; под 1183 годом летописец, говоря о пожаре во Владимире Залесском, прибавляет: погорела и соборная церковь св. Богородицы златоверхая со всеми пятью верхами золотыми и со всеми узорочьями, которые были в ней внутри и вне, паникадилами серебряными, сосудами золотыми и серебряными без числа, с одеждами, шитыми золотом и жемчугом, которые на праздник развешивали в две веревки от Золотых ворот до Богородицы и от Богородицы до владычных сеней в две же веревки. Здесь прежде всего можно разуметь под этими одеждами (портами) облачения священнослужительские; но по другим известиям, князья имели обычай вешать свое дорогое платье в церквях на память себе; впрочем, очень вероятно, что из этих одежд перешивались и священнослужительские облачения. Касательно украшений и вообще роскоши замечательна приписка, находящаяся в некоторых летописях: «Вас молю, стадо Христово, с любовью, – говорит летописец, – приклоните уши ваши разумно, послушайте о том, как жили древние князья и мужи их, как защищали Русскую землю и чужие страны брали под себя. Те князья не собирали много имения, лишних вир и продаж не налагали на людей, но где приходилось взять правую виру, то брали и отдавали дружине на оружие. А

дружина этим кормилась, воевала чужие страны и, бившись, говорила: „Братья, потянем по своему князю и по Русской земле!“ Не говорили: „Мало мне, князь, 200 гривен“; не рядили жен своих в золотые обручи, но ходили жены их в серебре».

Таково было материальное состояние русского общества в описываемое время; теперь обратимся к нравственному его состоянию, причем, разумеется, прежде всего должны будем обратиться к состоянию религии и церкви. Мы видели, что вначале христианство принялось скоро в Киеве, на юге, где было уже и прежде давно знакомо; но медленно, с большими препятствиями распространялось оно на севере и востоке. Первые епископы ростовские, Феодор и Иларион, принуждены были бежать из своей епархии от ярости язычников; преемник их, св. Леонтий, не покинул своей паствы, состоявшей преимущественно из детей, в которых он надеялся удобнее вселить новое учение, и замучен был взрослыми язычниками. Язычество на финском севере не довольствовалось оборонительной войною против христианства, но иногда предпринимало и наступательную в лице волхвов своих: однажды в Ростовской области сделался голод, и вот явились два волхва из Ярославля и начали говорить: «Мы знаем, кто хлеб-то держит»; они пошли по Волге и в каждом погосте, куда придут, указывали на лучших женщин, говоря: «Вот эти жито держат, эти мед, эти рыбу, эти меха». Жители приводили к ним сестер своих, матерей, жен; волхвы разрезывали у них тело за плечом, показывая вид, что вынимают оттуда либо жито, либо рыбу и таким образом убивали много женщин, забирая имение их себе. Когда они пришли на Белоозеро, то с ними было уже 300 человек народу. В это время случилось прийти туда от князя Святослава за данью Яну, сыну Вышатины; белозерцы рассказали ему, что вот два кудесника побили много женщин по Волге и по Шексне, пришли и к ним. Он стал доискиваться, чьи смерды эти волхвы, и узнавши, что они Святославовы, послал сказать провожавшей их толпе: «Выдайте мне волхвов, потому что они смерды моего князя»; но те не послушались. Тогда Ян сам пошел к ним сначала без оружия; но отроки сказали ему: «Не ходи без оружия, опозорят тебя», и Ян велел отрокам взять оружие. С 12-ю отроками вошел Ян в лес и с топором в руках отправился прямо к волхвам; из среды окружавшей их толпы вышли к нему три человека и сказали: «Идешь ты на явную смерть, не ходи лучше!» В ответ Ян велел убить их и шел дальше к остальным; те было ринулись на него, и один занес уже топор, но промахнулся, а Ян, обратя топор, ударил в него тыльем, приказавши отрокам своим бить остальных, которые и побежали; но в схватке был убит священник Янов. Возвратившись в город к белозерцам, Ян сказал им: «Если вы не перехватаете этих волхвов, то я целое лето пробуду у вас». Белозерцы схватили волхвов и привели их к Яну, который спросил у них: «За что вы загубили столько душ?» – «За то, – отвечали волхвы, – что они держат всякое добро; если истребим их, то будет во всем обилие; хочешь, перед твоими глазами выйдем жито, рыбу или что иное». Ян сказал им на это: «Все это ложь; сотворил бог человека от земли, составлен он из костей, жил и крови; и ничего другого в нем нет, да и ничего другого о себе человек и знать не может, один бог знает». Волхвы видели, что дело дурно для них кончится, и потому начали говорить: «Нам должно стать пред Святославом, а ты не можешь нам ничего сделать». Ян в ответ велел их бить и драть им бороды; и когда их били, то Ян спросил: «Что вам боги ваши говорят?»

Волхвы отвечали: «Стать нам пред Святославом». Тогда Ян велел положить им деревянный отрубок в рот, привязать к лодке и сам отправился за ними вниз по Шексне. Когда приплыли к устью этой реки, то Ян велел остановиться и опять спросил у волхвов; «Что вам ваши боги говорят?» Те отвечали: «Боги говорят, что не быть нам живым от тебя». – «Правду сказали вам ваши боги», – отвечал им Ян; тогда волхвы начали говорить: «Если отпустишь нас, то много тебе добра будет, если же убьешь, то большую печаль примешь и зло». Он сказал им на это: «Если я отпущу вас, то зло мне будет от бога», и потом, обратившись к лодочникам, сказал им: «У кого из вас они убили родных?» Один отвечал: «У меня убили мать», другой: «У меня сестру», третий: «У меня дочь». «Ну так мстите за своих», – сказал им Ян. Лодочники схватили волхвов, убили и повесили на дубе, а Ян пошел домой; на другую ночь медведь взлез на дуб и съел трупы волхвов. Летописец прибавляет при этом любопытное известие, что в его время волхвовали преимущественно женщины чародейством и отравой и другими бесовскими кознями.

Как слабо еще было вкоренено христианство на севере, лучшим доказательством служит следующий рассказ летописца: встал волхв в Новгороде, при князе Глебе Святославиче, стал говорить к народу, выдавать себя за бога, и многих прельстил, почти что весь город. Он хулил веру христианскую, говорил, что все знает и что перед всеми перейдет Волхов как по суху. В городе встал мятеж, все поверили волхву и хотели убить епископа; тогда епископ облачился в ризы, взял крест и, ставши, сказал: «Кто хочет верить волхву, тот пусть идет к нему, а кто верует во Христа, тот пусть идет ко кресту». Жители разделились надвое: князь Глеб с дружиною пошли и стали около епископа, а простые люди все пошли к волхву, и был мятеж большой между ними. Тогда князь Глеб, взявши потихоньку топор, подошел к волхву и спросил у него: «Знаешь ли что будет завтра утром или вечером?» – «Все знаю», – отвечал волхв. – «А знаешь ли, – спросил опять Глеб, – что будет нынче?» «Нынче, – отвечал волхв, – я сделаю большие чудеса». Тут Глеб вынул топор и разрубил кудесника, а люди, видя его мертвым, разошлись. В 1091 году явился опять волхв в Ростове, но скоро погиб. Из этих рассказов видно, что волхвы вставали и имели успех преимущественно на севере, в странах финских; так, встали волхвы в Ярославле, в стране финского племени мери; в Чудь, издавна славную своими волхвами, ходил гадать новгородец; в Ростове св. Авраамий низвергнул последнего каменного идола Велеса; в Муроме искоренение язычества приписывается князю Константину. Из славянских племен позднее других приняли христианство вятичи, удаленные вначале от главных дорог, вследствие чего после всех племен они подчинились русским князьям, после всех подчинились и христианству: во второй половине XI века скончался у них мученической смертью проповедник христианства св. Кукша, монах киевопечерский; в XII веке, по словам летописца, вятичи еще сохранили языческие обычаи, сожигали мертвецов и проч. Что на юге, в Киеве, христианство было крепче утверждено, чем на севере, доказывает рассказ летописца о волхве, который было явился в Киеве, но не имел здесь такого успеха, как ему подобные на севере; этот волхв проповедовал, что через пять лет Днепр потечет вверх и страны поменяются местами своими: Греческая земля станет на месте Русской, а Русская на месте Греческой. Люди несмысленные, говорит летописец, слушали его но верные насмехались над ним говоря: «Бес играет

тобою тебе же на пагубу», что и сбылось: в одну ночь пропал волхв без вести. В каких слоях общества крепче была утверждена новая религия, в каких слабее, можно видеть из рассказа о новгородском волхве: князь и дружина пошли на сторону епископа, все остальное народонаселение, простые люди пошли к волхву.

Несмотря, однако, на все эти препятствия, христианство распространялось постоянно по областям, подчиненным Руси; если в начале описываемого времени все низшее народонаселение Новгорода стало на сторону волхва, то в конце, именно в 1227 году, в Новгороде сожгли четырех волхвов. Несмотря на то, что и в Ростовской области финское язычество выставляло сильный отпор христианству, проповедники последнего шли далее, на север: в 1147 г. преподобный Герасим, монах киевского Глушинского монастыря, проповедовал христианство в окрестностях нынешней Вологды; новгородские выселенцы приносили с собою свою веру в область Северной Двины и Камы; мы видели, вследствие каких обстоятельств русская церковь не могла успешно бороться с римскою в Ливонии; но зато под 1227 годом читаем, что князь Ярослав Всеволодович крестил множество корел.

Касательно управления своего церковь русская по-прежнему зависела от константинопольского патриарха, который поставлял для нее митрополитов, произносил окончательный приговор в делах церковных, и на суд его не было апелляции. Известия о митрополитах русских описываемого времени очень скудны, что объясняется их чужим, греческим происхождением, много препятствовавшим обнаружению их деятельности; это чуждое происхождение, быть может, было одною из причин, почему сначала митрополиты жили не в Киеве, но в Переяславле: предлагали же после патриарху Иеремии быть московским патриархом, но жить не в Москве, а во Владимире по причине его чуженародности. Из шестнадцати митрополитов, бывших в это время, замечательны: 1) Иоанн II (1080–1089), о котором летописец говорит, что был он хитер книгам и ученью, милостив к убогим и вдовицам, ласков со всяким, богатым и убогим, смирен и кроток, молчалив и вместе речист, когда нужно было книгами святыми утешать печальных: такого не было прежде на Руси, да и не будет, заключает летописец свою похвалу. 2) Никифор (1107–1121), замечательный своими посланиями к Владимиру Мономаху. 3) Климент Смолятич, книжник и философ, какого не бывало в Русской земле, по выражению летописца. В начальном периоде нашей истории мы видели пример поставления митрополита из русских русскими епископами, независимо от византийского патриарха; в описываемый период пример этот повторился в 1147 году, когда князь Изяслав Мстиславич поставил митрополитом Клина, или Климента, родом из Смоленска, отличавшегося, как мы видели, ученостию. Думают, что поводом к такому явлению могли быть замешательства, происходившие в то время на патриаршем византийском престоле и неудовольствие князя на бывшего пред тем митрополита Михаила, самовольно уехавшего в Грецию. Как бы то ни было, между собравшимися для посвящения Клина в Киев епископами обнаружилось сильное сопротивление желанию князя, они были непрочь от поставления русского митрополита, но требовали, чтоб Клима взял благословение у константинопольского патриарха; они говорили ему: «Нет того в законе, чтоб ставить епископам митрополита без патриарха, а ставит патриарх митрополита; не станем мы тебе кланяться, не станем служить с тобою, потому что ты не взял

благословения у св. Софии и от патриарха; если же исправишься, благословишься у патриарха, тогда и мы тебе поклонимся: мы взяли от митрополита Михаила рукописание, что не следует нам без митрополита у св. Софии служить».

Тогда Онуфрий, епископ черниговский, предложил средство к соглашению епископов, а именно: предложил поставить нового митрополита главою св. Климента по примеру греков, которые ставили рукою св. Иоанна. Епископы согласились, и Клима был посвящен. Один только Нифонт новгородский упорствовал до конца, за что терпел гонение от Изяслава, а от патриарха получил грамоты, где тот прославлял его и причитал к святым; и в нашей летописи Нифонт называется поборником всей Русской земли. Вообще летописец в этом деле принимает сторону Нифонта против Изяслова нововведения; быть может, здесь замешивались и другие отношения: летописец говорит, что Нифонт был дружен с Святославом Ольговичем; понятно, что в самом Новгороде сторона, приверженная к Мстиславичам, неприязненно смотрела на Нифонта, и летописец дает знать, что многие здесь говорили про него дурно. Когда по смерти Изяслава Юрий Долгорукий получил старшинство, то сторона, стоявшая за право патриарха, восторжествовала: Клима был свергнут и на его месте был прислан из Царя-града митрополит Константин I. Первым делом нового митрополита было проклясть память покойного князя Изяслава; но этот поступок не остался без вредных следствий для русской церкви и для самого Константина. Когда, по смерти Долгорукого, сын Изяслава Мстислав доставил киевский стол дяде Ростиславу, то требовал непременно свержения Константина за то, что последний клял отца его; со своей стороны, дядя его, Ростислав, не хотел восстановить Клима, как неправильно избранного; наконец, для прекращения смуты князь положили свести обоих митрополитов и послать к патриарху за третьим; патриарх исполнил их желание и прислал нового митрополита, грека Феодора. Несмотря на восстановление права патриарха присылать в Киев от себя митрополита, великие князья не отказывались от права принимать только таких митрополитов, которые были им угодны. Так, в 1164 году великий князь Ростислав Мстиславич возвратил назад митрополита Иоанна, присланного патриархом без его воли; много труда и даров стоило императору убедить Ростислава принять этого Иоанна; есть известие, что великий князь отвечал императорскому послу: «Если патриарх без нашего ведома вперед поставит в Русь митрополита, то не только не приму его, но и постановим однажды навсегда – избирать и ставить митрополитов епископам русским с повеления великого князя».

После неудачной попытки освободить русского митрополита из-под власти константинопольского патриарха, видим неудачную попытку к освобождению Северной Руси от церковного влияния Южной, к освобождению владимирского епископа из-под власти киевского митрополита. В летописи встречаем известие, что Андрей Боголюбский хотел иметь для Владимира-Залесского особого митрополита и просил об этом константинопольского патриарха, но тот не согласился. Князь покорился решению патриарха, но не хотел покориться ему епископ Феодор, не хотел подчиниться киевскому митрополиту на том основании, что он поставился в Константинополе от самого патриарха, и когда князь Андрей стал уговаривать его идти в Киев для получения благословения от митрополита, то Феодор затворил церкви во Владимире. Андрей послал его насильно в Киев, где митрополит Константин II, грек, решился неслыханною строгостию задавить

попытку северного духовенства к отложению от Киева: Феодора обвинили всеми винами и наказали страшным образом. Вот самый рассказ летописца об этом: «В 1172 году сотворил бог и св. богородица новое чудо, в городе Владимире: изгнал бог и св. богородица Владимирская злого, пронырливого и гордого льстеца, лживого владыку Федорца, из Владимира от св. Богородицы церкви златоверхой, и от всей земли Ростовской.

Нечестивец этот не захотел послушаться христолюбивого князя Андрея, приказывавшего ему идти ставиться к митрополиту, в Киев, не захотел, но, лучше сказать, бог не захотел его и св. богородица, потому что когда бог захочет наказать человека, то отнимает у него ум. Князь был к нему расположен, хотел ему добра, а он не только не захотел поставления от митрополита, но и церкви все во Владимире затворил и ключи церковные взял, и не было ни звона, ни пения по всему городу и в соборной церкви, в которой чудотворная мать божия, – и ту церковь дерзнул затворить, и так разгневал бога и св. богородицу, что в тот же день был изгнан. Много пострадали люди от него: одни лишились сел, оружия, коней, другие обращены были в рабство, заточены, разграблены, и не только простые люди, но и монахи, игумены, иереи; немилостивый был мучитель: одним головы рубил и бороды резал, другим глаза выжигал и языки вырезывал, иных распинал по стене и мучил немилостиво, желая исторгнуть от них имение: до имения был жаден как ад. Князь Андрей послал его к митрополиту в Киев, а митрополит Константин обвинил его всеми винами, велел отвести на Песий остров, где ему отрезали язык, как злодею еретику, руку правую отсекли и глаза выкололи, потому что хулу произнес на св. богородицу... Без покаяния пробыл он до последнего издыхания. Так почитают бесы почитающих их: они довели его до этого, вознесли мысль его до облаков, устроили в нем второго Сатаниила и свели его в ад... Видя бог озлобление кротких людей своих Ростовской земли, погибающих от звероядного Федорца, посетил, спас людей своих рукою крепкою, мышцею высокою, рукою благочестивою царскою правдивого, благоверного князя Андрея. Это мы написали для того, чтоб вперед другие не наускаивали на святительский сан, но пусть удостоиваются его только те, кого бог позовет». Из приведенного места летописи видно, что лежит в основе обвинения: бесы вознесли мысль Феодора до облаков и устроили в нем второго Сатаниила."Мы написали это, – говорится в заключении, – дабы вперед никто не смел наускаивать на святительский сан». Во сколько преступления Феодора преувеличены теми, которые могли желать обвинить его всеми винами, – теперь решить трудно; для историка это явление особенно замечательно как попытка епископа Северной Руси отложиться от киевского митрополита.

Попытка эта не удалась: митрополит киевский продолжал поставлять епископов во все епархии русской церкви, которых было 15 в описываемое время; но как великие князья киевские позволяли константинопольскому патриарху присылать к ним митрополитов только с их согласия, так и князья других волостей не позволяли киевскому митрополиту назначать епископов в их города по собственному произволу: так, например, когда в 1183 году митрополит Никифор поставил епископом в Ростов грека Николая, то Всеволод III не принял его и послал сказать митрополиту: «Не избрали его люди земли нашей, но если ты его поставил, то и держи его где хочешь, а мне поставь Луку, смиренного духом и кроткого игумена св. Спаса на Берестове». Митрополит сперва отказался

поставить Луку, но после принужден был уступить воле Всеволода и киевского князя Святослава и посвятил его в епископы Суздальской земли, а своего Николая, грека, послал в Полоцк; к грекам, как видно, не были вообще очень расположены, что замечаем из отзыва летописца о черниговском епископе Антонии: «Он говорил это на словах, а в сердце затаил обман, потому что был родом грек». Таким образом, избрание епископов не принадлежало исключительно митрополиту; но как же происходило это избрание? В Новгороде при избрании епископа в совещании участвовали: князь, игумены, софьяны (люди, принадлежавшие к ведомству Софийского собора), белое духовенство (попы); в случае несогласия бросали жребий, и избранного таким образом посылали к митрополиту на поставление; вот летописный рассказ об избрании владыки Мартирия: «Преставился Гавриил, архиепископ новгородский; новгородцы с князем Ярославом, с игуменами, софьянами и с попами стали рассуждать, кого бы поставить на его место: одни хотели поставить Митрофана, другие – Мартирия, третьи – грека; начались споры, для прекращения которых положили в Софийской церкви на престоле три жребия и послали с веча слепца вынуть их; вынулось Мартирию, за которым немедленно послали в Русу, привезли и посадили во дворе св. Софии, а к митрополиту послали сказать: поставь нам владыку. Митрополит прислал за ним с великою честью, и пошел Мартирий в Киев с лучшими мужами, был принят с любовью князем Святославом и митрополитом и посвящен в епископы». В других областях выбор зависел большею частью от воли князя; так, читаем в летописи, что по смерти белгородского епископа Максима великий князь Рюрик поставил на его место отца своего духовного Адриана, игумена выдубицкого. Как старались иногда князья об избрании епископов, указывает место из письма епископа Симона к печерскому монаху Поликарпу: «Пишет ко мне княгиня Ростиславова, Верхуслава, хочет поставить тебя епископом или в Новгород, на Антониево место, или в Смоленск, на Лазарево место, или в Юрьев, на Алексеево место: пишет, что если понадобится для этого раздать и тысячу гривен серебра, то не пожалеет». Как при избрании епископов имели влияние то народ, то князь, так точно восстание народа или неудовольствие князя могли быть причинами низложения и изгнания епископов; мы видели пример, как однажды в Новгороде простой народ выгнал владыку Арсения, потому что на дворе долго стояла теплая погода; при этом слышались обвинения, что Арсений выпроводил предшественника своего, владыку Антония в монастырь, а сам сел на его место, подаривши князя; это обвинение указывает на сильное влияние князя при избрании епископа даже в Новгороде; с другой стороны, Всеволод III не хочет принять епископа Николая, потому что не избрали его люди земли Суздальской; Ростислав Мстиславич в своей грамоте говорит, что он привел епископа в Смоленск, сдумав с людьми своими. В 1159 году ростовцы и суздальцы выгнали своего епископа Леона; но по другим известиям, виновником изгнания был князь Андрей Боголюбский который возвратил потом изгнанного и снова изгнал.

Кроме права рукополагать епископов митрополит имел право суда и расправы над ними: в 1055 г. новгородский епископ Лука Жидята по ложному доносу на него осужден был митрополитом Ефремом и три года содержался в Киеве до оправдания; ростовский епископ Нестор, оклеветанный своими же домашними, лишен был на время епархии митрополитом Константином; наконец мы видели поведение митрополита относительно владимирского епископа Феодора. В

важных случаях, например, при поставлении Клим Смолятича в митрополиты, также особенно по поводу ересей и неправых толков, созывались соборы в Киеве. Ереси в описываемое время были: ересь павликиан или богомилов, которую пытался распространить на Руси монах Адриан еще в 1004 году: Адриан, заключенный в темницу, отказался от своего учения, но в 1123 году попытка была возобновлена каким-то Дмитрием, который, однако, был скоро сослан в заточение; в 1149 году явился в Киев из Константинополя еретик Мартин, изложивший свое учение в особой книге, носившей название «Правда». Семь лет распространял Мартин свое учение в Киеве, успел привлечь на свою сторону не только множество простого народа, но и многих из духовенства, пока наконец киевский собор в 1157 году не осудил его учение; константинопольский собор подтвердил решение киевского, и еретик был сожжен в Царе-граде. Мы упоминали уже о епископе Леоне, изгнанном ростовцами и суздальцами; в северной летописи под 1159 годом причиной изгнания приводятся то, что он разорял священников умножением церквей. Под 1162 г. тот же летописец говорит о начале ереси Леонтинанской: по его рассказу, епископ Леон не по правде поставился епископом в Суздаль, потому что прежний суздальский епископ Нестор был еще жив. Леон стал учить, что не должно есть мяса в господские праздники, если они случатся в среду или пятницу, ни в рождество господне, ни в крещение; по этому случаю был сильный спор пред князем Андреем и всеми людьми; Леона переспорили, но он отправился в Константинополь для решения дела; здесь оспорил его Адриан, епископ болгарский, пред императором Мануилом, причем Леон начал было говорить против самого императора, слуги которого ударили Леона в шею и хотели было утопить в реке; свидетелями всего этого были послы киевский, суздальский, переяславский и черниговский. Иначе рассказывает дело южная летопись под 1162 годом: по ее словам, князь Андрей Боголюбский выгнал епископа Леона вместе с братьями своими и боярами отцовскими, желая быть самовластием, потом епископа возвратил, покался в грехе своем, возвратил, впрочем, в Ростов, а не в Суздаль, и держал его четыре месяца на епископии; но после стал просить у него позволения есть мясо по средам и по пятницам от Светлого воскресения до Всех святых; епископ не позволил ему этого и был изгнан вторично, пришел в Чернигов к Святославу Ольговичу; тот утешил его и отпустил в Киев к Ростиславу.

Но этим дело не кончилось: незадолго до взятия Киева войсками Андрея Боголюбского печерский игумен Поликарп с братиею положили есть сыр, масло, яйца и молоко во все господские праздники, если случатся в среду или пятницу. На это соглашался Святослав, князь черниговский, и другие князья и епископы, но митрополит запрещал, и были по этому случаю большие споры и распри. Тогда великий князь Мстислав Изяславич положил созвать собор из всех епископов, игуменов, священников и ученых монахов, и сошлось их до полутора ста. На соборе мнения разделились: одни держались митрополита, между прочими два епископа, Антоний черниговский и Антоний переяславский, другие – Поликарпа; но большая часть, не желая досаждать ни митрополиту, ни князьям, отговаривались, что не в состоянии решить этого вопроса и что положить так или иначе зависит от митрополита и от игуменов в их монастырях; некоторые наконец думали, что надобно отослать дело на решение патриарха. Андрей Боголюбокий писал к Мстиславу, что надобно свергнуть митрополита, выбрать русским

епископам нового и потом рассмотреть дело беспристрастно на соборе, представляя, что зависимость от патриарха константинопольского тяжела и вредна для Руси. Но князь Мстислав, зная уже нерасположение к себе многих князей и боясь, с другой стороны, раздражить и епископов, оставил дело без решения; но когда все несогласные с митрополитом епископы разошлись, тогда митрополит с двумя Антониями, черниговским и переяславским, осудили Поликарпа на заточение; а князь Святослав Всеволодович черниговский выгнал из своего города епископа Антония. Любопытно, что северный летописец во взятии и опустошении Киева войсками Боголюбского видит наказание за грехи киевлян, особенно за неправду митрополита, который запретил Поликарпа.

Относительно материального благосостояния церкви, источниками для содержания митрополита и епископов служили: 1) Десятина, которую определяли князья из своих доходов на главные церкви в своих волостях: так, еще св. Владимир определил в пользу киевской Богородичной церкви десятую часть имения и доходов своих; о князе Ярополке Изяславиче волынском летописец говорит, что он давал десятину от всего своего имения св. Богородице, но без точного определения, именно ли в киевскую Богородичную церковь давал он десятину, потому что под св. Богородицею мог разумеется и монастырь Печерский, как разумеется он после, в рассказе о щедрости того же Ярополка. Андрей Боголюбский дал Богородичной владимирской церкви десятины в стадах своих и торг десятый. 2) Недвижимые имения: киевской Десятинной церкви принадлежал город Полонный; Андрей Боголюбский дал владимирской Богородичной церкви город Гороховец, кроме того, дал слободы и села; и город был не один: это видно как из летописи, так и из письма епископа владимирского Симона к киевопечерскому монаху Поликарпу: «Кто не знает, что у меня, грешного епископа Симона, соборная церковь во Владимире – красота всего города да другая в Суздале, которую сам построил? Сколько у них городов и сел? И десятину собирают по всей той земле, и всем этим владеет наша худость»; по всем вероятностям эти доходы шли не на одного митрополита и епископов, но также на поддержание и украшение самих церквей, на содержание клира, больниц, богаделен, училищ. 3) Судные духовные пошрины. 4) Ставленные пошрины, взимаемые за поставление священно- и церковнослужителей. Относительно содержания низшего духовенства до нас не дошло никаких известий; мы видим, что Ярослав I, строя церкви повсюду, назначил содержание духовенству; должно думать, что и впоследствии князья и частные люди, строя церковь, назначали известные имущества или доходы на ее содержание и причта. Это всего лучше можно видеть из уставной грамоты новгородского князя Всеволода Мстиславича, данной церкви св. Иоанна Предтечи на Опоках. В этой грамоте князь Всеволод говорит, что он поставил церковь св. Иоанна на Петрятине дворище, снабдил ее иконами многоценными и всякими книгами, приставил попов, дьякона и дьяка, на церковное строение дал от имения своего вес вощаной с оставлением только части для себя да в Торжке пуд вощаной, половина св. Спасу, а половина св. Иоанну. Из этого вощаного весу попы, дьякон, дьяк и сторожа получают свои оброки (годовое жалованье). При этой церкви св. Иоанна устроена была торговая община; князь Всеволод говорит в грамоте: «Я поставил св. Иоанну троих старост от житых людей, а от черных тысяцкого, от купцов двоих старост, пусть управляют всякими делами Ивановскими, и

торговыми, и гостинными, и судом торговым, а посадники и бояре новгородские ни во что Ивановское не вступаются. А кто захочет вложиться в Ивановское купечество, должен дать купцам пошлым (старым членам общины) вкладу пятьдесят гривен серебра, а тысяцкому сукно ипское, и часть этой суммы купцы должны положить в казну церковную. Вес вошаной должен всегда находиться в притворе св. Иоанна; вешают старосты Ивановские, двое купцов пошлых, добрых людей, не пошлым купцам староства не держать и весу не весить Ивановского». Потом определяется в грамоте величина весовых пошлин с гостей – низовых, полоцких и смоленских, новоторжских и новгородцев: низовый гость платил больше всех, полоцкий и смоленский – меньше, новоторжанин – еще меньше, свой новгородец – меньше всех.

Кроме грамоты, данной церкви Иоанна Предтечи, Всеволод дал Новгороду еще другую, сходную с Уставом св. Владимира, с некоторыми, впрочем, дополнениями и переменами. В ней читаем: «Возвах есмь 10 сотских и старосту Болеслава и бирича Мирошку и старосту иванского Васяту, и погадал есмь со владыкою и с своею княгинею и с своими боляры и со десятью сотскими и с старостами. Дал есми суд и мерил в Новгороде св. Софии и епископу и старосте иванскому и всему Новуграду мерил торговая, скалвы вошанные, пуды медовые и гривенку рублевую, и локоть яванский и свой оброк купец черницам; а попу иванскому русская пись с борисоглебским на полы; и сторожу иванскому русской порочицы пятно, да десять конюхов соли. Дом св. Софии владыкам строити с сотскими; а старостам и торговцам докладывая владыки или кто будет нашего роду князей в Новеграде, строити дом св. Ивана. Торговая вся весы, мерил... епископу блюсти без пакости, ни умаливати, ни умноживати и на всякий год извешивати. А скривится, а кому приказано, а того казни(tm) близко смерти, а живот его на трое; треть живота св. Софии, а другая треть св. Ивану, а третья треть сотским и Новуграду. А се церковныя люди: игумен, игумения, поп, диакон и дети их; а и кто в крылоси: попадя, чернец, черница, поломник (пришлец), свещегас, сторожник, слепец, хромец, вдовица, пущеник, задушный человек, изгойской (изгой трои): попов сын грамоте не умеет, холоп из холопства выкупятся, купец одождает; а и четвертое изгойство и себе приложим: аще князь осиротеет... А се изыскахом: у третьей жене и у четвертой детям прелюбодейная часть в животе. Аще будет полн животом, ино даст детям третьей жены и четвертой по уроку; занеже те и от закона отлучени. Из велика живота дать урочная часть по оскуду; а из мала живота как рабочичищу часть, коня да доспех и покрут».

К 1137 году относится Устав, данный князем Святославом Ольговичем новгородскому Софийскому собору; в начале его князь Святослав ссылается на прадедов и дедов своих, которые установили брать епископам десятину от даней, вир и продаж, от всего, что входит в княжой двор. К 1150 году относятся уставные грамоты смоленского князя Ростислава Мстиславича и епископа Мануила, данные епископии Смоленской. Вследствие давнего соединения Смоленской волости с Переяславскою под властью одного князя церковь смоленская находилась под ведомством епископа переяславского. Это соединение должно было иметь впоследствии большие невыгоды уже по самому отдалению Смоленской волости от Переяславской, отрезываемых друг от друга почти всегда враждебною волостию Черниговскою; уже сын Мономаха, Мстислав, имел намерение учредить

в Смоленске особую епископию; понятно, что сын его, смоленский князь Ростислав, спешил привести в исполнение мысль отцовскую.

Ростислав говорит в начале грамоты, что он устанавливает епископию, посоветовавшись с людьми своими, по повелению отца своего святого, и для содержания епископа с клиросом дает церкви св. Богородицы и епископу прощеников с медом, кунами, и продажами, с запрещением судить их кому-либо другому, кроме епископа; дает церкви и епископу десятину от всех даней смоленских, что сходится в них истых кун, кроме продажи, виры и кроме полюдья. Сверх того князь дал несколько сел с изгоями и с землею; суд церковный утвержден исключительно за епископом. В конце грамоты Ростислав говорит, что если кто захочет по зависти приложить опять Смоленскую епископию к Переяславской, то князь имеет право отнять все данное на содержание епископа.

Эта грамота Ростислава Мстиславича, не представляющая никаких несообразностей, не могущая, следовательно, подать повод ни к каким заподозриваниям, служит лучшим доказательством в пользу церковных уставов Владимира св. и Ярослава I, потому что, подобно им, заключает в себе устав о судах церковных, принадлежавших епископу. Выше было замечено, что необходимо отнести начало церковного суда ко временам введения христианства в Русь, необходимо отнести первые уставы об нем ко временам Владимира и Ярослава, хотя бы и не в той форме, в какой они дошли до нас; что же касается до признания и употребления этих уставов в описываемое время, т.е. от 1054 до 1228 года, то в этом не может быть никакого сомнения.

Руководством, Кормчею книгою при церковном управлении и судах был принят у нас с самого начала Номоканон, которым руководствовалась церковь греческая. Должно думать, что он употреблялся в описываемое время и в греческом подлиннике, потому что митрополиты и некоторые епископы были из греков, – и в славянском переводе, ибо есть свидетельства из XVI века о существовании тогда харатейных славянских кормчих, писанных при Ярославе I и сыне его Изяславе. Что же касается до прав духовенства, как сословия, то оно было свободно от гражданского суда, службы и податей гражданских.

Мы видели важное значение духовенства в первые времена введения христианской веры в Русь, когда епископы являлись необходимыми советниками князя во всем, касавшемся наряда в стране; в описываемое время это значение несколько не уменьшилось: духовенство принимает сильное участие в событиях, в примирениях князей, в утишении народных восстаний; мы видели, что после ослепления Василька киевляне отправили к Мономаху митрополита Николая, который уговорил князя помириться с Святополком; Мономах послушался митрополита, ибо чтит сан святительский, говорит летописец. Игумен Григорий помешал войне между Мстиславом Владимировичем и Всеволодом Ольговичем черниговским. Вячеслав употребил митрополита для переговоров с тем же Всеволодом Ольговичем. Белгородский епископ Феодор и печерский игумен Феодосий были посредниками при заключении мира между великим князем Изяславом Мстиславичем и черниговскими князьями. Когда Юрий Долгорукий хотел выдать Ярославу галицкому двоюродного брата его, Ивана Берладника, на верную гибель, то митрополит стал говорить Юрию: «Грех тебе, поцеловавши Ивану крест, держать его в такой нужде, а теперь еще хочешь выдать на

убийство», – и Юрий послушался митрополита. Когда венгры завладели Галичем, то митрополит поднимал князей отнять русскую волость у иноплеменников.

Митрополит Никифор для предупреждения войны между Рюриком Ростиславичем и Всеволодом III взял на себя клятву, данную Рюриком зятю своему Роману волынскому, причем сказал: «Князь! мы приставлены в Русской земле от бога удерживать вас от кровопролития». Тот же митрополит помирил после Рюрика с Романом. Тимофей, духовник Мстислава торопецкого, помирил этого князя с боярами.

В Новгороде архиепископ не раз является укротителем народных восстаний, примирителем враждующих сторон, посредником между гражданами и князьями. В тот век, когда понятия о народном праве были слабы, и не стыдились убивать или задерживать послов, если речи их не нравились, послами обыкновенно отправлялись духовные лица, потому что за них менее можно было опасаться при всеобщем уважении к их сану.

В людях описываемого времени не трудно заметить особенное расположение и уважение к монашеству; уважение это приобрели по праву древние русские иноки, особенно иноки Киево-Печерского монастыря своими подвигами. В тогдашнем обществе, грубом, полуязыческом еще, в котором новые, лучшие понятия, принесенные христианством, встречали могущественное сопротивление, первые монастыри представляли особое, высшее общество, где новый порядок вещей, новая религия проповедовалась не словом только, но делом. За стенами монастыря грубым страстям давался полный разгул при первом удобном случае; в стенах монастыря – один ест через день просвиру, носит власяницу, никогда не ляжет спать, но вздремнет иногда сидя, не выходят на свет из пещеры; другой не ест по целым неделям, надел вериги и закопался по плеча в землю, чтоб убить в себе похоть плотскую; третий поставил у себя в пещере жернова, брал из закромов зерновой хлеб и ночью молот его, чтоб заглушить в себе корыстолюбивые помыслы, и достиг наконец того, что стал считать золото и серебро за ничто. Входя в монастырские ворота, мирянин переселялся в иной, высший мир, где все было чудесно, где воображение его поражалось дивными сказаниями о подвигах иноческих, чудесах, видениях, о сверхъестественной помощи в борьбе с нечистою силою; неудивительно, что монастырь привлекал к себе многих и лучших людей. Как скоро разнесся по Киеву слух о подвигах Антония в пещере, то подвижник не мог долго оставаться один: около него собралась братия; бояре великокняжеские являлись к нему, сбрасывали боярскую одежду к ногам игумена и давали обет нищеты и подвигов духовных. Феодосий поддержал и усилил славу нового монастыря. Еще Антоний вступил во враждебное столкновение с великим князем Изяславом: последний, видя, что вельможи покидают его двор для тесной пещеры Антония, рассердился на печерских иноков, грозил выгнать их из Киева и раскопать их пещеры; злобился на Антония за расположение его к Всеславу полоцкому, так что Антоний принужден был искать убежища у князя Святослава в Чернигове. Несмотря, однако, на такие неприязненные отношения Изяслава к монастырю, Феодосий взял сторону этого князя против брата его Святослава; когда черниговский князь отнял стол у старшего брата и все признали право сильного, один игумен печерский не признал этого права, в одном Печерском монастыре на ектениях продолжали поминать Изяслава как стольного князя и старшего в роде; Святослав

терпел и с уважением слушал увещания Феодосия. Не один изгнанник Изяслав находил в печерском игумене своего ходатая: обиженный в суде шел с жалобой к Феодосию, и судья должен был перерешать дело. У себя в келье Феодосий ходил за больным, расслабленным иноком, а ночью, когда все успокаивалось, отправлялся в жидовскую часть города и там вступал в споры с врагами своей веры. Но кроме Антония и Феодосия Печерский монастырь выставил ряд проповедников христианства, епископов, летописцев: св. Кукша, св. Леонтий, св. Исаия были его постриженниками; постриженник же его Никон, убегая гнева Изяславова, ушел в Тмутаракань, служивший убежищем для всякого рода изгнанников, и князей, и монахов. Христианство было очень слабо распространено в Тмутаракани, о монахах не имели там понятия; дикий народ объят был изумлением, когда увидел иноческие подвиги Никона, толпами сходилась смотреть на дивного человека и скоро подчинился его влиянию: скоро мы видим этого Никона в челе народа, посредником в сношениях его с князем. После этого неудивительно читать нам в памятниках XII века следующие слова: «Подвиги св. монахов сияют чудесами больше мирской власти, и ради их мирские вельможи преклоняют главу свою пред монахами». Епископ Симон пишет к печерскому иноку Поликарпу: «Смотри, как уважают тебя здесь и князья и бояре, и все друзья твои».

Монастыри распространялись и по другим городам: упоминаются монастыри в Турове, Переяславле, Чернигове, Владимире Волынском, в княжестве Галицком, Полоцке, Смоленске, Ростове, Новгороде Великом. Основаны были и женские монастыри: в 1086 году великий князь Всеволод Ярославич перестроил в Киеве монастырь Андреевский, где постриглась дочь его девица Янка; она собрала около себя много монахинь и жила с ними по монастырскому чину. Предслава, дочь полоцкого князя Георгия Всеславича, в молодости ушла в монастырь, где уже была монахиною тетка ее, жена Романа Всеславича, постриглась здесь под именем Евфросинии, сначала выпросила у епископа позволение жить при соборной Софийской церкви в голубце, где проводила время в списывании книг, продавала их и выручаемые деньги раздавала нищим, потом основала свой монастырь при церкви св. Спаса, где постригла родную и двоюродную сестру (дочь Бориса Всеславича) и двух племянниц; наконец захотела видеть Иерусалим, где и скончалась в русском Богородичном монастыре. Но не одни княжны и вдовы княгини постригались в полном здоровье; встречаем и князя, произвольно оставившего волость и постригшегося в Киево-Печерском монастыре: то был известный уже нам по летописи Святоша, или Святослав – Николай Давыдович черниговский. Три года пробыл он в поварне монастырской, работая на братию, рубя дрова и нося их на своих плечах с берега в монастырь; потом три года служил привратником, наконец перешел на службу при трапезе. По окончании искуса перешел жить в свою келию, при которой развел сад, и никогда во всю жизнь не видали его праздным, но всегда имел он в руках какое-нибудь дело, питался он постоянно одною монастырскою пищею.

Для содержания своего монастыри уже в то время имели недвижимые имущества, так, например, князь Ярополк Изяславич дал Киево-Печерскому монастырю три волости; дочь его дала пять сел и с челядью; Ефрем епископ суздальский дал тому же монастырю двор в Суздале с церковию св. Димитрия и с селами. До нас дошла в подлиннике грамота великого князя Мстислава

Владимировича (1128–1132 г.) новгородскому Юрьеву монастырю на волость с данями, вирами и продажами и на некоторую часть княжеских доходов. От конца XII века дошла до нас подлинная вкладная грамота преподобного Варлаама Хутынского монастырю на земли, рыбные и птичьи ловли. Должно думать, что всякий постригавшийся, если имел состояние, приносил какой-нибудь вклад в монастырь движимым или недвижимым имуществом, кроме того и другие набожные люди давали в монастыри деньги и разные другие ценные вещи; раздавать милостыню по монастырям было в обычае у князей: Глеб Всеславич полоцкий дал Киево-Печерскому монастырю 600 гривен серебра и 50 золота, по его смерти жена его дала 100 гривен серебра и 50 золота. Монахи в монастырях удерживали при себе имущество, от чего были монахи богатые и бедные: так, например, в Патерике рассказывается, что, когда умер один инок, по имени Афанасий, то никто из братии не хотел похоронить его, потому что он был беден; также читаем, что инок Федор вступил в монастырь, раздавши все свое имение нищим, но потом стал жалеть о розданном; тогда другой инок, Василий, сказал ему: «Если ты хочешь иметь, то возьми все, что у меня есть». Третий инок, Арефа, имел много богатства в своей келии, и никогда ничего не подавал нищим.

Относительно управления встречаем известия об игуменах (архимандритах), экономах и келарях. Избрание игуменов зависело от братии, причем иногда происходили восстания и насильственные смены игуменов. Иногда монахи выбирали себе в игумены из белого духовенства; под 1112 годом читаем в летописи: «Братия Киево-Печерского монастыря, оставшись без игумена, собрались и нарекли себе игуменом Прохора священника (попина); объявили об этом митрополиту и князю Святополку, и князь с радостью велел митрополиту поставить Прохора». Под 1182 годом встречаем следующий рассказ: «Умер блаженный архимандрит, игумен печерский Поликарп, и был по смерти его мятеж в монастыре: никак не могли избрать себе игумена, и братия очень тужила, потому что такому сильному дому не подобало и одного часу быть без пастуха. Во вторник ударили братья в било, сошлись в церковь, начали молиться св. богородице – и чудо! в один голос сказали все: „Пошлем к попу Василию на Щеговицу, чтоб был игуменом и управителем стаду черноризцев Печерского монастыря“. Пришли к Василию, поклонились и сказали ему: „Мы все братья и черноризцы кланяемся тебе и хотим иметь тебя отцем игуменом“.

Поп Василий изумился, поклонился им и сказал: «Отцы и братия! мысль о пострижении была у меня; но с какой же стати вы придумали выбрать меня себе в игумены?» Много спорил он с ними, наконец согласился, и монахи повели его в монастырь». Касательно отношения Киево-Печерского монастыря к великому князю киевскому замечательны слова св. Феодосия, сказанные им пред кончиною князю Святославу: «Се отхожу света сего, и се предаю ти монастырь на соблюдение, еда будет что смятенье в нем; и се поручаю игуменство Стефану, не дай его в обиду».

Но в некоторых рукописных патериках прибавлено: «И да не обладает им ни архиепископ, ни ин никто же от клерик софийских, но точию заведает им твоя держава и по тебе дети твои и до последних роду твоему». Согласно с этим есть предание, что Андрей Боголюбский утвердил независимость Печерского монастыря от киевского митрополита, назвавши монастырь лаврою и ставропигиею княжескою и патриаршею.

Говоря о нравственном состоянии общества, необходимо обратить внимание на юридические понятия, господствовавшие в нем в известное время. К уставам, явившимся бесспорно в описываемое время на Руси, принадлежит, во-первых, изменение, сделанное сыновьями Ярослава I в Правде отца их относительно мести за убийство; в Правде говорится, что трое Ярославичей, Изяслав, Святослав и Всеволод собрались вместе с мужами своими (тысяцкими) и отложили убиение за голову, но определили убийце откупаться кунами, во всем же остальном положили держаться суда Ярославова; таким образом, родовая месть, самоуправство, остаток прежней родовой особенности перестает существовать на Руси юридически в начале второй половины XI века; но убийство, совершенное по личным отношениям одного члена общества к другому случайно, в ссоре, драке, на пиру, в нетрезвом виде продолжает считаться делом частным, не считается уголовным преступлением; убийца такого рода продолжает по-прежнему считаться полноправным членом общества; только разбойника, одинаково всем опасного, общество не хочет держать у себя, но отдает князю на поток со всем семейством. Таким образом, убийство первого рода не влекло более за собой ни частной, ни общественной мести, наказания; что убийства такого рода были нередки, доказательством служит обычай соединяться для платежа виры, складываться в дикую виру. Как новость, сравнительно с предыдущим временем, встречаем известие о поединке в значении судебного доказательства. К описываемому же времени относится ограничение ростов, сделанное Мономахом по поводу, как видно, злоупотреблений, какие позволяли себе по этому предмету жида в княжение Святополка. Большие росты бывают обыкновенно следствием неуверенности в возвращении капитала, неудовлетворительного состояния правосудия в стране.

Относительно последнего мы встречаем в летописях и других памятниках громкие жалобы; мы видели главную причину этого явления в частых перемещениях княжеских из одной волости в другую; с описываемого времени, со времени господства родовых княжеских отношений, дружинники или челядинцы княжеские привыкли смотреть на отправление правительственной или судейской должности как на кормление, следовательно, привыкли извлекать из этих должностей всевозможную для себя пользу, не будучи ничем связаны с волостью, где были пришельцами; для уяснения себе этих отношений мы должны представить себе старинного дружинника, отправляющего правосудие за князя в виде старинного ратника, стоящего на постое.

При Всеволоде Ярославиче летописец жалуется на разорение земли вследствие дурного состояния правосудия; при Святополке не имеем права ожидать лучшего; под 1138 годом читаем, что была пагуба посульцам (жителям берегов Сулы реки) частью от половцев, частью от своих посадников; при Всеволоде Ольговиче тиуны разорили Киев и Вышгород; при Ростиславичах на севере посадники, поставленные из южнорусских детских, разорили Владимирскую волость; лучшим доказательством дурного состояния правосудия на Руси в описываемое время служит понятие, какое имели современники о тиуне: в слове Даниила Заточника читаем: «Не имей себе двора близ князя двора, не держи села близ князя села, потому что тиун его как огонь, и рядовичи его как искры». Дошло до нас любопытное известие, как однажды полоцкий князь спрашивал священника: какая судьба ожидает тиуна на том свете? тиун

несправедливо судит, взятки берет, людей отягощает, мучит? Название должностного лица ябедник приняло также дурное значение. Не умея или не желая объяснить такое дурное состояние правосудия, летописец принужден сказать, что где закон, там и обид много!

Мерилом нравственного состояния общества могут служить также понятия о народном праве. Мы видели, что вести войну значило причинять неприятельской волости как можно больше вреда – жечь, грабить, бить, отводить в плен; если пленные неприятельские ратники отягощали движение войска, были опасны при новых встречах с врагом, то их убивали, иногда князя после войны уговаривались возвратить все взятое с обеих сторон, но есть пример, что князь после войны уводит жителей целого города, им взятого, и селит их в своей волости. В способе ведения войны у себя, в русских областях и в чужих странах, христианских и нехристианских, не видим никакой разницы. При заключении мира употреблялась клятва – крестное целование, утверждение дедовское и отцовское, по словам князей, и грамоты с условиями мира назывались потому крестными. Нарушения клятвы встречаем часто, особенно были знамениты ими два князя: Владимир галицкий и младший сын Мстислава Великого, Владимир; твердостью в клятве славился Мономах; но и он раз позволил уговорить себя нарушить клятву относительно половецких ханов на том основании, что поганые также беспрестанно нарушают клятву; сын Мономаха Мстислав, несмотря на разрешение духовенства, всю жизнь раскаивался в том, что нарушил клятву, данную Ярославу черниговскому; из последних князей за твердое сохранение клятвы летописец хвалит Глеба Юрьевича. Война объявлялась отсылкою крестных грамот. Мы упоминали, что послами отправлялись часто духовные лица, как подвергавшиеся меньшей опасности; но Всеволод III не усумнился задержать священников, присланных к нему для переговоров Святославом черниговским; Мстислав Храбрый велел остричь голову и бороду послу Боголюбского; Изяславу послу, Петру Бориславичу, не дали в Галиче ни повозки, ни корма, и он боялся дальнейших притеснений от Владимирка; впрочем, было признано, что убивать посла не следует: когда владимирцы (на Волыни) хотели убить священника, присланного от Игоревичей галицких, то приятели последних стали говорить, что не подобает убить посла.

Христианство, разумеется, действовало и здесь благотельно: Игорь северский признается, что, отдав на щит город Глебов, не пощадивши христиан, он сделал великий грех, за который бог отомстил ему пленом у половцев; Мономах заключил мир с Глебом минским, не желая, чтобы кровь христианская проливалась в великий пост; по воскресеньям не делали приступов к городам; Всеволод Ольгович, исполнившись страха божия, по словам летописца, не хочет пользоваться пожаром в Переяславле, чтоб взять этот город; такую же совесть обнаруживают Ростиславичи в борьбе с Юрьевичами после Липецкой битвы.

Повсюду и между князьями, и между простыми людьми видим борьбу новых, лучших, христианских понятий и стремлений со страстями, слабо обуздываемыми в новорожденном обществе, и с прежними языческими обычаями. В жизни многих князей замечаем сильное религиозное направление: Мономах был религиозен не на словах только, не в наставлениях только детям: по словам летописца, он всею душою любил бога и доказывал это на деле, храня заповеди

божии, имея всегда страх божий в сердце, будучи милостив неимоверно; дан был ему от бога такой дар, прибавляет летописец, что когда он входил в церковь и слышал пение, то не мог удерживаться от слез. Мы видели иноческие подвиги Святослава Давыдовича черниговского, религиозное направление Ростислава Мстиславича, христианскую кончину Ярослава галицкого. Но у некоторых благочестие ограничивалось только внешним исполнением обрядов, и когда дело шло об удовлетворении страстям, то на заповеди религии и на служителей ее обращали мало внимания: брат Мономаха, Ростислав, не усумнилоя умертвить св. инока Григория за обличение; Святополк Изяславич был благочестив, уважал монастырь Киево-печерский и его иноков; по когда дело шло об удовлетворении корыстолюбия, то мучил этих самых монахов, гнал игумена за обличения; сын его Мстислав умертвил св. Феодора и Василия. Владимирко галицкий, наругавшись над клятвою, сказавши: «Что мне сделает этот маленький крестик?», пошел в церковь к вечерне; не щадя сокровищ для сооружения и украшений церковей, не считали за грех жечь и грабить церкви в волостях неприятельских. Вслед за людьми, которые шли в монастырь для борьбы со страстями, шли туда же люди для удовлетворения страстям своим: в духовных посланиях XII века встречаем сильные укоры монахам, которые милуют свое тело, переменяют платье, под предлогом праздников учреждают особую трапезу с пивом и долго сидят за нею, ищут над старейшими взять свою волю, собираются вместе не бога ради, не для того, чтоб рассуждать о пользе, но для яростных споров, для бесстыдных нападений на эконома и келаря, Пастыри церкви вооружаются против обычаев давать в монастырях пиры, на которые созываются мужчины и женщины. Спор, так сильно и долго занимавший русское общество, спор о том, что есть в известные дни, принадлежит также к характеристическим явлениям эпохи.

Вооружаясь против уклонений от правил христианской нравственности, церковь должна была вооружаться против старых языческих понятий и обычаев, которые были еще так сильны в тогдашнем русском обществе, особенно в низшем его слое. Мы видели, как в Новгороде весь простой народ отошел к волхву, и только князь с дружиною стал подле епископа; встречаем известие, что в описываемое время продолжали приносить жертвы бесам (т.е. прежним божествам), болотам и колодцам, что были люди, которые имели по две жены, что простой народ не брал для брака благословения церковного, считая это обрядом, установленным только для князей и бояр, и довольствуясь одним языческим обрядом плескания, что женщины носили больных детей к волхвам, и если замечали охлаждение любви в муже, то омывали тело свое водою и эту воду давали пить мужу. Особенно трудно было изгнать память о древней религии из народных увеселений, песен, плясок, игр, которые были языческого происхождения; вот почему церковь изначала так сильно стала вооружаться против этих увеселений: «Разве мы не погански живем, — говорит летописец, — когда во встречу веруем? Если кто встретит черноризца на дороге, то возвращается назад; разве это не значит поступать по-язычески? Ведь это все ведется по дьяволову научению; другие и чиханью веруют, будто бы оно бывает на здоровье голове. Всеми этими обычаями дьявол отвлекает нас от бога, трубами, скоморохами, гусями, русальями. На игрищах видим множество людей: как начнут бороться друг с другом, то сбегаются смотреть на дело, от дьявола замышленное, а церкви стоят пусты: в час молитвы мало найдешь народу в

церкви». Из этих слов летописца видно, что любимым народным зрелищем в его время были борьбы, или кулачные бои.

Касательно семейной нравственности мы встречаем в летописи похвалу двум князьям за соблюдение телесной чистоты: о Всеволоде Ярославиче говорится, что он воздерживался от пьянства и от похоти, да о Святославе Всеволодовиче говорится, что он сохранял чистоту телесную. В дошедших до нас списках летописи говорится о Святополке Изяславиче, что он имел детей от наложницы; в Татищевском своде летописей находим другие подобные примеры. Уважение к старшим в роде было провозглашаемо постоянно как добродетель, уклонения от которой подвергаются сильным укоризнам; но мы видели, что эти уклонения были часты. Видим несколько примеров непослушания воле отцовской: пример Андрея Боголюбского, ушедшего без отцовского согласия с юга на север; пример Олега Святославича черниговского, который без отцовского ведома прислал к Изяславу Давыдовичу; пример Константина Всеволодовича, отказавшегося выполнить отцовскую волю относительно волостей.

Относительно важного вопроса о положении женщины в древнем русском обществе мы встречаем очень скудные известия в памятниках, дошедших от описываемого времени.

Видим, что княгини имели свое имущество, движимое и недвижимое, распоряжались им по произволу, как, например, распорядилась жена князя Глеба Всеславича полоцкого, отдавши свои деньги и волости Киево-Печерскому монастырю; жена Святополка Изяславича раздает по смерти его большое богатство по монастырям, церквам и нищим. Об уважении, какое оказывалось женщинам родственниками, свидетельствует пример Мономаха, который послушался увещаний мачехи своей, причем летописец говорит: «Преклонился он на мольбу княгинину, потому что почитал ее как мать». Об уважении и любви, которыми пользовались княгини в семье своей и среди граждан, можем видеть из описания кончины княгини Марии, жены Всеволода III: «Постриглась великая княгиня в монашеский чин в монастыре св. Богородицы, который сама построила, и проводил ее до монастыря сам великий князь Всеволод со многими слезами, сын его Георгий, дочь Верхослава, жена Ростислава Рюриковича, которая приезжала тогда к отцу и матери; был тут епископ Иоанн, духовник ее игумен Симон и другие игумены и чернецы все, и бояре все и боярыни, и черницы из всех монастырей, и горожане все проводили ее со слезами многими до монастыря, потому что была до всех очень добра. В этом же месяце она умерла, и плакал над нею великий князь, и сын его Юрий плакал и не хотел утешиться, потому что был любим ею». О влиянии княгинь на события, как советниц мужей своих, указывает известие о поступке князя Святослава Всеволодовича с Ростиславичами под 1180 годом: Святослав, сказано в летописи, напал на Давыда Ростиславича, посоветовавшись только с княгинею да с любимцем своим Кочкарем, и не сказавши своей думы лучшим мужам своим. Из отзыва летописца, впрочем, можно усмотреть, что такой поступок Святослава возбуждал всеобщее негодование в обществе, являлся исключением из принятого обычая советоваться обо всем с дружиною. О влиянии княгинь на дела может указывать также приведенное выше место из письма епископа Симона к чернецу Поликарпу о том, что княгиня Верхослава старается доставить Поликарпу епископство, не жалея издержек. Но все эти известия не могут дать нам понятия об отношениях обоих

полов, о жизни женщины в обществе, ибо княгини и вообще матери семейств имели точно такое же важное значение и после в Московском государстве, где, однако, в высших слоях общества женщина жила в удалении от мужчины. В этом отношении важно для нас свидетельство, приведенное выше, об обычае устраивать в монастырях пиры, куда собирались мужчины и женщины, также вопрос черноризца Иакова митрополиту Иоанну, позволять ли на пирах целоваться с женщинами. Мономах в наставлении детям касается и отношений мужа к жене, он говорит: «Жен своих любите, но не давайте им власти над собою». Но в каком отношении находилось это правило, извлеченное из известного послания апостольского, к обычаю, решить нельзя. Как христианские понятия содействовали возвышению женщины, показывает вопрос известного Кирика и ответ на него епископа Нифонта. Кирик спрашивает: «Если случится, что женский платок будет вшит в платье священническое, то можно ли священнику служить в этом платье?» Нифонт отвечает: «Можно! – разве женщина погана?»

Что же касается вообще до состояния нравственности в описываемое время на Руси, то, принявши в соображение время, обстоятельства и состояние нравственности других европейско-христианских народов в описываемое же время, историк не может произнести очень строгого приговора древнему русскому обществу до тридцатых годов XIII века. В это время на первом плане видим княжеские убоицы, но много ли насильственных, кровавых поступков замечаем в этих убоицах? Убиение Ярополка Изяславича, ослепление Василька, братоубийство между рязанскими князьями, убиение Игоря Ольговича киевлянами, убиение Андрея Боголюбского приближенными к нему людьми, повешение Игоревичей галицкими боярами, ослепление (по всем вероятностям, мнимое) Ростиславичей во Владимире Залесском. Важное дело, когда князья постоянно толкуют, что они братья, и потому обязаны жить дружно, а не враждовать, защищать Русскую землю от врагов, а не проливать кровь христианскую в убоицах. Пусть нам скажут, что слова были в разладе с делом; мы ответим, что и слова имеют силу, когда беспрестанно повторяются с убеждением в их правде, когда их повторяют и сами князья, и духовенство, и народ, отказывающийся принимать участие в убоицах; если эти слова не могли прекратить убоиц, то по крайней мере могли смягчать их; важное дело, когда притесненный князь мог грозить притеснителю напоминанием, что поведение его похоже на поведение Святополка Окаянного; важное дело, когда князья ужасались и плакали об ослеплении Василька, говоря, что такого зла не бывало в Русской земле ни при дедах, ни при отцах их; очень важно, когда Изяслав Мстиславич жалуется на киевлян за убийство Игоря Ольговича, говоря, что ему теперь не уйти от нареканий. Отношения между князем, дружиною и городовым народонаселением были вообще довольно мягки, сколько могли быть, разумеется, при тогдашней неопределенности: «Если уйдем сами, – говорит Игорь северский с братьею, – а черных людей оставим, то грех будет нам пред богом». Впрочем, при внимательном изучении летописи можно усмотреть большую жестокость в нравах на восток и северо-восток от Днепра, вообще замечаем большую жестокость в княжеском племени Святославичей черниговских, еще большую в линии этих Святославичей, которая утвердилась на дальнейшем востоке, в области

Муромской и Рязанской, замечаем на северо-востоке большую жесткость в самых формах, в самых выражениях.

Мы видели, как вместе с христианством принялась на Руси грамотность, и принялась крепко: почва нашлась удобная; в описываемое время мы не видим препятствий к распространению грамотности, напротив, видим обстоятельства благоприятствующие; связь с Византиею постоянная; оттуда приходят митрополиты и епископы; греческие царевны выходят замуж за наших князей, наши княжны выходят за греческих царевичей, путешествуют в Константинополь, в Иерусалим, как, например, Янка Всеволодовна, св. Евфросиния полоцкая; путешествуют в Иерусалим духовные лица, простые люди; страсть к паломничеству так усилилась, что духовенство начало вооружаться против нее, прямо запрещая отправляться в Иерусалим, увещевая вести христианскую жизнь на месте жительства, накладывая даже епитимьи на дающих обеты идти в Иерусалим: эти обеты, говорило духовенство, губят землю нашу. Частые и тесные сношения с Польшею и Венгриею открывали в Русь доступ и латинскому языку.

Не забудем, что просвещение было тесно соединено с религиею: кто больше читал, тот, значило, был больше утверждён в вере; отсюда религиозное направление, столь могущественное, необходимо влекло за собою стремление к распространению грамотности, приобретению книг. Сыновья и внуки Ярослава I наследовали его ревность к распространению книжного учения. Сын его Святослав собирал книги, которыми наполнил свои клети; из этих книг дошло до нас два сборника. Другой сын Ярослава I, Всеволод, говорил на пяти иностранных языках, которые он изучил сидя дома, как выражается сын его, Мономах, и этим дает знать, что Всеволод изучил языки не по необходимости во время странствования по чужим землям, но единственно из любознательности; Мономах говорит при этом, что знание языков доставляет почет от иностранцев. Религиозная начитанность Мономаха видна из его сочинений. Святослав (Святоша) Давыдович собирал книги, которые подарил Киево-Печерскому монастырю; по его побуждению инок Феодосий перевел с греческого послание Льва, папы римского к Флавиану, архиепископу константинопольскому. В своде летописей Татищева, в подлинности которых нет основания сомневаться, часто встречаем известия об образованности князей, например, о Святославе Ростиславиче говорится, что он знал греческий язык и книги охотно читал, о Святославе Юрьевиче, что он охотник был читать и милостиво принимал ученых людей, приходивших из Греции и стран западных, часто с ними разговаривал и спорил; о Романе Ростиславиче смоленском, что он многих людей понуждал к учению, устроил училища, при которых содержал учителей греческих и латинских на свой счет и не хотел иметь священников не ученых; на это он издержал все свое имение, так что по смерти его ничего не осталось в казне, и смольняне похоронили его на свой счет. Михаил Юрьевич, по словам того же свода летописей, очень хорошо знал св. писание, с греками и латинами говорил на их языках так же свободно, как по-русски, но не любил спорить о вере. О Ярославе Владимировиче галицком говорится, что он знал иностранные языки, читал много книг, так что мог сам наставлять правой вере, понуждал духовенство учить мирян, определял монахов учителями и монастырские доходы назначал для содержания училищ. О Константине Всеволодовиче в дошедших до нас летописях говорится, что он всех умудрял духовными беседами, потому что часто и прилежно читал

книги; а в Татищевском своде летописей говорится, что он был очень учен, держал при себе людей ученых, накопил много старинных книг греческих дорогою ценою и велел переводить их на русский язык, собирал известия о делах древних славных князей, сам писал и другие с ним трудились; одних греческих книг было у него более тысячи, которые частью сам купил, частью получил в дар от патриархов.

Если при Владимире и Ярославе посылали детей учиться к священникам при церквях, то обычай этот должен был продолжаться и распространяться в описываемое время; имеем полное право принять известие о существовании училищ при церквях, дворах епископских и заводимых князьями на свой счет; также известие, что в этих училищах учили греческому языку, ибо для утверждения в вере необходимо было распространять переводы духовных книг с греческого языка; училища эти служили и для образования священников, на что прямо указывает приведенное известие о цели училища, устроенного в Смоленске князем Романом Ростиславичем; встречаем также известие об училищах на Волыни. Что духовенство описываемого времени ясно понимало необходимость образования для своего сословия, видно из следующих слов одного духовного лица XII века: «Если властели мира сего и люди, занятые заботами житейскими, обнаруживают сильную охоту к чтению, то тем больше нужно учиться нам, и всем сердцем искать сведения в слове божием, писанном о спасении душ наших». Этими словами всего лучше подтверждаются приведенные известия о любви к чтению и вообще образованности князей.

Какие же дошли до нас памятники этой образованности? Мы видели, что уже при Ярославе I русские люди начали испытывать свои силы в собственных сочинениях религиозного содержания, видели этот первый опыт, сделанный первым нашим митрополитом из русских, Иларионом; при означенных выше благоприятных условиях для грамотности в описываемое время имеем право ожидать большего числа подобных памятников; и действительно, до нас дошел ряд сочинений религиозного содержания, принадлежащих известнейшим духовным лицам эпохи. Большая часть их составляет поучения, обращенные к одному какому-нибудь лицу по известному случаю или к целому народу, к целой пастве. Из первых упомянем об ответе св. Феодосия Печерского на вопрос великого князя Изяслава, следует ли в день воскресный закалать животных и употреблять их мясо? Феодосий отвечает, что, после того как господь сошел на землю, жидовское все умолкло. Нет греха закалать животных в воскресенье; если же будем закалать в субботу, а есть в воскресенье, то это явное жидовство. Потом Феодосий говорит, в какие дни следует поститься. На вопрос великого князя Изяслава о вере латинской или варяжской Феодосий отвечал: «Вера их зла и закон их не чист: они икон не целуют, в пост мясо едят, на опресноках служат; христианам не следует отдавать за них дочерей и брать их дочерей за себя замуж, не должно ни брататься с ними, ни кумиться, ни есть, ни пить из одного сосуда. Но если они попросят у вас есть, то дайте им пищу в их сосудах, если же у них сосудов не будет, то дайте в своих, только потом вымойте эти сосуды и молитву над ними прочтите. Латины Евангелие и Апостол имеют, иконы святые и в церковь ходят, но вера их и закон не чисты, множеством ересей своих всю землю обесчестили, потому что по всей земле живут варяги. Нет жизни вечной живущим в вере латинской, армянской, сарацинской. Не следует их веры хвалить,

свою веру беспрестанно хвали и подвизайся в ней добрыми делами. Будь милостив не только к своим домочадцам, но и к чужим: еретика и Латынина помилуй и от беды избавь и мзды от бога не лишишься. Если встретишь иноверников, спорящих с верными, то помогай правоверным на зловерных. А если кто скажет: и ту и эту веру бог дал, то отвечай: по-твоему бог двоверный? Разве ты не слыхал, что написано: един бог, едина вера и едино крещение?»

Послание митрополита Никифора к великому князю Владимиру Мономаху (tm) важно для нас во 1) по отзывам о поведении Мономаха; во 2) по высказывающимся в нем отношениям власти духовной к светской, митрополита к князю. Послание написано во время великого поста, когда, по словам митрополита, устав церковный и правило есть говорить и князьям что-нибудь полезное. Митрополит рассматривает различные виды грехов и не находит, в котором бы из них можно было упрекнуть Мономаха: этому князю не нужно говорить в похвалу поста, потому что он благочестием воспитан и постом воздвоен, потому что воздержание его во время поста все видят и чудятся. «Что говорить такому князю, – продолжает Никифор, – который больше на сырой земле спит, дому бегаёт, платье светлое отвергает, по лесам ходя, сиротинскую носит одежду и только по нужде, входя в город, облачается в одежду властелинскую. Что говорить такому князю, который другим любит готовить обеды обильные, а сам служит гостям, работает своими руками, подавание его доходит даже и до податей; другие насыщаются и упиваются, а сам князь сидит и смотрит только, как другие едят и пьют, довольствуясь малою пищею и водою: так угождает он своим подданным, сидит и смотрит, как рабы его упиваются, руки его ко всем простерты, никогда не прячет он сокровищ, никогда не считает золота или серебра, но все раздаёт, а между тем казна его никогда не бывает пуста». Наконец митрополит находит возможность преподать наставление князю, находит в нём слабую сторону: «Кажется мне, князь мой, – говорит он, – что, не будучи в состоянии видеть всего сам своими глазами, ты слушаешь других и в отверстый слух твой входит стрела. Так подумай об этом, князь мой, исследуй внимательнее, подумай об изгнанных тобою, осужденных, презренных, вспомни обо всех, кто на кого сказал что-нибудь, кто кого оклеветал, сам рассуди таковых, всех помяни и отпусти, да и тебе отпустится, отдай, да и тебе отдастся... Только не опечалься, князь, словом моим: не подумай, что кто-нибудь пришел ко мне с жалобою и потому я написал это тебе! Нет: так просто я пишу к тебе для напоминания, в котором нуждаются владыки земные; многим пользуются они, но за то и многим искушениям подвержены». Здесь мы видим уже обычай печалования, который был в употреблении у нашего духовенства в продолжение древней истории нашей; заметим также обращение митрополита к князю: «К тебе, добляя глава наша и всей христолюбивей земли, слово се есть: его же из утробы освяти и помазав, от царское и княжское крови смесив». Другое послание митрополита Никифора к Мономаху было написано в ответ на вопрос великого князя: как отвергнуты были латины от св. соборной и правоверной церкви? Митрополит приводит 20 причин уклонения западной церкви от восточной. В заключение митрополит говорил Мономаху: «Прочитай это, князь, и не раз, но два раза и больше, сам и сыновья твои. Князьям, как от бога избранным и призванным на правоверную веру, надобно разуметь слова Христовы и основание церковное твердое, на свет и наставление порученным им от бога людям». Одинакого с этим посланием

содержания послание митрополита Иоанна к архиепископу римскому об опресноках.

Послание Симона, епископа владимирского и суздальского к Поликарпу, черноризцу печерскому, важно по некоторым историческим указаниям, которыми и воспользовались мы в своем месте. Сочинитель послания, Симон, был сначала монахом Киево-Печерского монастыря, потом игуменом владимирского (на Клязьме) Рождественского монастыря, наконец в 1214 году поставлен епископом на владимирскую и суздальскую епархию. Поликарп был также монахом Киево-печерского монастыря и страдал честолюбием, для укрощения которого Симон и написал ему упомянутое послание. «Брат! – начинает Симон свое послание, – сидя в безмолвии, собери ум свой и скажи сам в себе: человек! не оставил ли ты мир и родителей по плоти? пришел ты сюда на спасение, а поступаешь не по духовному. Зачем ты назвался чернецом? Ведь черное платье не избавит тебя от мук. Смотри, как уважают тебя здесь князья и бояре и все друзья твои, говорят: счастливец! возненавидел мир и славу его, уже не печется ни о чем земном, желая одного небесного. Но ты живешь не по-монашески; стыдно мне за тебя: те, которые нас здесь ублажают, получают царство небесное, а мы будем мучиться. Восстань, брат, восстань и попекись мысленно о своей душе. Не будь один день кроток, а другой яр и зол; а то немного помолчишь и опять начнешь роптать на игумена и на служителей его. Не будь лжив: под предлогом немощи телесной не отлучайся собрания церковного: как дождь растит семя, так и церковь влечет душу на добрые дела; все делаемое наедине, в келье – ничтожно; двенадцать псалмов, прочтенные наедине, не стоят одного „Господи помилуй“, пропетого в церкви. Надобно было тебе подумать, зачем захотел ты выйти из святого, блаженного, честного и спасенного того места Печерского? Думаю, брат, что бог побудил тебя к тому, не терпя твоей гордости, и извергнул тебя, как некогда сатану с отступными силами, потому что не захотел ты служить святому мужу, своему господину, а нашему брату, архимандриту Анкиндину, игумену печерскому. Печерский монастырь – море, не держит в себе гнилого, но выбрасывает вон. Горе тебе, что написал ко мне о своей досаде: погубил ты свою душу. Спрашиваю тебя: чем хочешь спастись? Будь ты постник и нищ, не спи по ночам но если досады не можешь снести – не получишь спасения. Пишет ко мне княгиня Ростиславова, Верхуслава, что хочет поставить тебя епископом или в Новгород, или в Смоленск, или в Юрьев; пишет: не пожалею и тысячи серебра для тебя и для Поликарпа. Я ей отвечал: дочь моя Анастасия! дело небогоугодное хочешь сделать; если бы он пробыл в монастыре неисходно с чистою совестью, в послушании игумену и всей братии, трезвясь во всем, то не только облекся бы в святительскую одежду, но и вышнего царства достоин был бы. Ты хочешь быть епископом? Хорошо, но прочти послание апостола Павла к Тимофею и подумай, таков ли ты, каким следует быть епископу? Если бы ты был достоин этого сана, то я не отпустил бы тебя от себя, но своими руками поставил бы тебя наместником в обе епископии, во Владимир и Суздаль, как и хотел князь Георгий, но я не согласился, видя твое малодушие. Совершенство состоит не в том, чтоб быть славиму ото всех, но в том, чтоб исправить житие свое и сохранить себя в чистоте. Оттого из Печерского монастыря так много епископов поставлено было во всю Русскую землю; прочти старую летопись Ростовскую, в ней найдешь, что их было больше тридцати, а если считать всех до меня грешного, то будет около

пятидесяти. Рассуди же теперь, какова слава этого монастыря? постыдившись, покаяйся и будь доволен тихим и безмятежным житием, к которому господь привел тебя. Я бы с радостью оставил епископство и стал работать игумену, но сам знаешь, что меня удерживает. Все знают, что у меня, грешного епископа Симона, соборная церковь, красота всему городу Владимиру, а другая суздальская церковь, которую сам построил; сколько у них городов и сел, и десятину собирают по всей той земле, и всем этим владеет наша худость; но пред богом скажу тебе: всю эту славу и власть счел бы я за ничто, если бы мне только хворостиною пришлось торчать за воротами или сором валяться в Печерском монастыре и быть попираему людьми».

По указаниям на обычаи и нравы замечательно послание митрополита Иоанна (по всем вероятностям, второго) черноризцу Иакову, в ответ на некоторые вопросы, касавшиеся дисциплины церковной. «Ненадобно, – говорит митрополит, – сообщаться и служить с звероядцами и с теми, которые служат на опресноках; но есть с ними ради Христовой любви не запрещается; если кто хочет убежать этого для чистоты или немощи, пусть убегает, но блюдите, чтоб не произошло от этого соблазна, не родилась бы вражда: надобно из двух зол выбирать меньшее. Если, как ты говоришь, некоторые в Русской земле не приобщаются в великий пост, едят мясо и все нечистое, то надобно их всячески отвращать от этого, если же будут упорствовать, то не давать им св. причащения и смотреть на них, как на иноплеменников и противников веры. Также должно поступать и с теми, которые держат по две жены и которые занимаются волхвованием; ослушников должно строго наказывать, но не убивать до смерти и не увечить. Так как в то время не было утверждено, чтобы русские княжны, выходя замуж за иноверных владельцев, сохраняли православную веру, то митрополит и вооружился против обычая выдавать дочерей княжеских замуж в чужие страны, где служат на опресноках, т.е. в страны католические.

Митрополит приказывает всеми силами направлять на веру правую тех, которые приносят жертвы бесам, болотам и колодезям, которые женятся без благословения церковного, разводятся и берут других жен. Называет беззаконниками тех, которые продают рабов-христиан жидам и еретикам; вооружается против тех, которые волею, для торговли, ходят к поганым и едят с ними вместе нечистое; против тех, которые часто в монастырях пиры устраивают, созывают мужчин и женщин вместе и стараются превзойти друг друга в том, кто лучше устроит пир. Эта ревность не по боге, говорит митрополит, но от лукавого происходит.

В том же роде вопросы черноризца Кирика, предложенные новгородскому епископу Нифонту и другим духовным лицам с их ответами. Из этого памятника узнаем об обычае ходить на поклонение святым местам; Кирик удерживал некоторых от этого и спрашивал, хорошо ли он делает? Очень хорошо, был ответ: идет он для того, чтоб есть и пить, ничего не деля. Вопрос: если роду и рожанице режут хлебы и сыры и мед? В ответе читаем: «Горе пьющим рожанице». Встречаем известие об обычае оглашать пред крещением болгарина, половчина, чудица в продолжение 40 дней, а славянина в продолжение 8 дней; таким образом, узнаем, что во время Кириково продолжалось крещение славян. Понятия времени выражаются в следующем правиле: по захождении солнца ненадобно хоронить мертвеца, хоронить его, когда еще солнце высоко, потому что последнее видит

солнце до общего воскресения. Относительно нравов узнаем, что некоторые явно жили с наложницами. Узнаем об обычае женщин обмывать тело свое водою и эту воду давать пить мужьям, если видят, что последние перестают любить их; на таких налагается епитимья, равно как и на тех, которые детей своих носят к латинскому священнику на молитву или носят больных детей к волхвам.

Теперь обратимся к поучениям, обращенным к целому народу. Здесь первое место занимает поучение св. Феодосия Печерского о казнях божиих: «Наводит бог по гневу своему казнь какую-либо или поганых, потому что не обращаемся к богу; междоусобная рать бывает от соблазна дьявольского и от злых людей. Страну согрешившую казнит бог смертью, голодом, наведением поганых, бездождем и другими разными казнями...» Следующие слова важны относительно нравов и обычаев времени: «Не погански ли мы поступаем? Если кто встретит монаха или монахиню, свинью или коня лысого, то возвращается. Суеверию по дьявольскому наущению предаются! Другие чиханью веруют, будто бывает на здоровье главе. Дьявол прельщает и отвлекает от бога волхвованием, чародейством, блудом, запойством, резоиманием, прикладами, воровством, лжею, завистию, клеветою, трубами, скоморохами, гусями, сопелями, всякими играми и делами неподобными. Видим и другие злые дела; все падки к пьянству, блуду и злым играм. А когда стоим в церкви, то как смеем смеяться или шептаться?.. На праздники больших пиров не должно затевать, пьянства надобно бегать. Горе пребывающим в пьянстве! Пьянством ангела-хранителя отклоняем от себя, злого беса привлекаем к себе: дух святой от пьянства далек, ад близок...» Как языческие обычаи примешивались к христианским, видно из поучения, приписываемого также св. Феодосию: «Для обеда две молитвы: одна в начале, другая в конце. Установлена за упокой кутья, – обедов же и ужинов за упокой не установлено, воды не велено приставлять к кутье; также яиц класть на кутью. Тропарей не должно говорить чашам в пиру, кроме трех: при поставлении обеда славится Христос, по окончании прославляется дева Мария, потом чествуется хозяин». Дошло до нас также несколько поручений св. Феодосия, обращенных к братии его монастыря; в одном из них святой говорит: «Если бы только можно было, то каждый день говорил бы я, со слезами молил и к ногам вашим припадал, чтоб никто из нас не пропустил молитвенного времени. Кто возделывал ниву или виноградник и видит плоды, то не помнит труда от радости и молит бога, чтоб сподобил собрать плод; если же видит, что нива тернием поросла, то что сделает!

Сколько лет минуло, и никого не вижу, кто б пришел ко мне и сказал: как мне спастись?» Поучение митрополита русского Никифора замечательно по своему началу, из которого видно, что митрополит-грек, по незнанию русского языка не произносил сам поучений своих к народу, а только писал их. «Не дан мне дар языков; оттого я стою посреди вас безгласен и совершенно безмолвен. А так как ныне потребно поучение по случаю наступающих дней св. великого поста, то я рассудил предложить вам поучение чрез писание». Проповедник вооружается против больших ростов и против пьянства. Замечательно по своей простоте, вполне соответствующей состоянию паствы, к которой было обращено, поучение Луки Жидяты, епископа новгородского, умершего в 1060 году: «Вот, братия, прежде всего эту заповедь должны мы все христиане держать: веровать во единого бога, в троице славимого, в отца и сына и св. духа, как научили апостолы, утвердили св. отцы. Веруйте воскресению, жизни вечной, муке грешникам

вечной. Не ленитесь в церковь ходить, к заутрене и к обедне и к вечерне; и в своей клети прежде богу поклонись, а потом уже спать ложись. В церкви стойте со страхом Божиим, не разговаривайте, не думайте ни о чем другом, но молитесь бога всею мыслию, да отдаст он вам грехи.

Любовь имейте со всяким человеком и больше с братьею, и не будь у вас одно на сердце, а другое на устах; не рой брату яму, чтоб тебя бог не ввергнул в худшую.

Терпите обиды, не платите злом за зло; друг друга хвалите, и бог вас похвалит.

Не ссорь других, чтоб не назвали тебя сыном дьявола, помирись, да будешь сын богу.

Не осуждай брата и мысленно, помянув свои грехи, да и тебя бог не осудит.

Помните и милуйте странных, убогих, заключенных в темницы и к своим сиротам (рабам) будьте милостивы. Игрищ бесовских (москолудства) вам, братия, нелепо творить, также говорить срамные слова, сердиться ежедневно; не презирай других, не смейся никому, в напасти терпи, имея упование на бога. Не будьте буйны, горды, помните, что, может быть, завтра будете смрад, гной, черви. Будьте смиренны и кротки: у гордого в сердце дьявол сидит, и божие слово не прильнет к нему. Почитайте старого человека и родителей своих, не клянитесь Божиим именем и другого не заклиняйте и не проклиняйте. Судите по правде, взятки не берите, денег в рост не давайте, бога бойтесь, князя чтите, рабы, повинуйтесь сначала богу, потом господам своим; чтите от всего сердца иерея Божия, чтите и слуг церковных. Не убей, не украдь, не лги, лживым свидетелем не будь, не враждуй, не завидуй, не клеветничай; блуда не твори ни с рабою, ни с кем другим, не пей не вовремя и всегда пейте с умеренностию, а не до пьянства; не будь гневлив, дерзок, с радующимися радуйся, с печальными будь печален, не ешьте нечистого, святые дни чтите; бог же мира со всеми вами, аминь». Повторяем: слово это драгоценно для историка, потому что вполне обрисовывает общество, к которому обращено для поучения; при этом заметим также, что в поучении Луки Жидяты выражается и общий дух новгородского народонаселения, какой замечаем постоянно в новгородских памятниках; как в летописи Новгородской, так и здесь замечаем одинакую простоту, краткость, сжатость, отсутствие всяких украшений; для нас один слог поучения Жидяты может служить доказательством, что оно написано в Новгороде.

Другим характером отличаются поучения южного владыки, Кирилла Туровского, как вообще памятники южнорусской письменности отличаются от северных памятников большею украшенностию, что, разумеется, происходит от различия в характере народонаселения: иной речи требовал новгородец от своего владыки, иной южный русин от своего. Содержание слова Жидяты составляет краткое изложение правил христианской нравственности; слова Кирилла Туровского большею частью представляют красноречивые представления священных событий, празднуемых церковью в тот день, в который говорится слово; цель слов его показать народу важность, величие празднуемого события, пригласить народ к его празднованию, к прославлению Христа или святых его; отсюда сходство слов Кирилловых с церковными песнями, от которых он заимствует иногда не только форму, но и целые выражения; как в тех, так и в других видим одинакое распространение, оживление события разговором

действующих лиц; в сочинениях Кирилла замечаем также особенную любовь к иносказаниям, притчам, стремление давать событиям преобразовательный характер, особенное искусство в сравнениях, сближениях событий, явлений, так что, изучая внимательно сочинения древнего владыки Туровского, не трудно открыть в нем предшественника и земляка позднейшим церковным витиям из Юго-Западной Руси, которые так долго были у нас почти единственными духовными ораторами и образцами. Как слог поучения Луки Жидяты обличает новгородца, так слог слов Кирилла Туровского обличает в сочинителе южного русина.

Из дошедших до нас сочинений Кирилла первое место занимают десять слов, сказанных в десять воскресных дней, начиная от недели ваий до Троицына дня включительно. В первом уже слове (в неделю ваий) мы знакомимся вполне с образом изложения сочинителя: «Днесь Христос от Вифании в Иерусалим входит, вседши на жребя ося, да совершится пророчество Захариино. Уразумеваея это пророчество, станем веселиться; души святых дщери вышнего Иерусалима нарицаются; жребя же – это веровавшие язычники, которых посланные Христом апостолы отрешили от лести дьявольской... Ныне апостолы на жребя ризы свои возложили, на которые сел Христос. Здесь видим обнаружение преславной тайны: ризы – это христианские добродетели апостолов, которые своим учением устроили благоверных людей в престол божий и вместилище св. духу. Ныне народы постилают господу по пути одни – ризы своя, а другие – ветви древесные; добрый правый путь миродержителям и всем вельможам Христос показал: постлавши этот путь милостынею и незлобием, без труда они входят в царство небесное; ломающие же древесные ветви суть простые люди и грешники, которые сокрушенным сердцем и умилением душевным, постом и молитвами свой путь равняют и к богу приходят...» и проч. Окончание слова замечательно, потому что показывает главную цель всех слов Кирилловых: «Сокративши слово, песнями как цветами святую церковь увенчаем и праздники украсим, и богу славословие вознесем, и Христа спасителя нашего возвеличаем».

Роскошная весенняя природа юга дала много цветов Кириллу в слове на Фомино воскресенье: «Теперь весна красуется, оживляя земное естество; ветры, тихо вея, подают плодам обилие, и земля, семена питая, зеленую траву рождает. Весна есть красная вера Христова, которая крещением возрождает человеческое естество; ветры – грехотворений помыслы, которые, претворившись покаянием в добродетель, душеполезные плоды приносят; земля же естества нашего, приняв как семя слово божие и боля постоянно страхом Божиим, дух спасения рождает. Ныне новорожденные агнцы и юнцы скачут быстро и весело возвращаются к матерям своим, а пастухи на свирелях с веселием хвалят Христа: агнцы – это кроткие люди от язычников, а юнцы – кумиротроители неверных стран, которые, Христовым вочеловечением и апостольским учением и чудесами к святой церкви возвратившись, сосут млеко учения; а учителя Христова стада, о всех моляся, Христа бога славят, всех волков и агнцев в одно стадо собравшего. Ныне древа леторосли испускают, а цветы благоухание, и вот уже в садах слышится сладкий запах, и делатели, с надеждою трудясь, плододавца Христа призывают; были мы прежде как древа дубравная, плодов неимуция, а ныне привилась Христова вера к нашему неверию, и держась корня Иисеева, испуская добродетели как цветы, райского паки бытия о Христе ожидаем, и святители, трудясь о церкви, от Христа

мзды ожидают. Ныне оратаи слова, словесных волов к духовному ярму приводя, и крестное рало в мысленных браздах погружая, и проводя бразду покаяния, всыпая семя духовное, надеждами будущих благ веселятся», и проч.

Слово в неделю мироносицкую напоминает совершенно церковные песни и стихиры, поемые и читаемые в последние дни страстной седмицы; в некоторых местах встречаем одни и те же почти выражения; таков вначале плач богородицы: «Тварь соболезнует ми, сыну! твоего зрящи без правды умерщвления. Увы мне, чадо мой, свете и творче тварям», и проч. Или далее слова Иосифа Пилату представляют не иное что, как распространение церковной песни: «Приидите ублажим Иосифа приснопамятного». Слово оканчивается похвалою Иосифу, замечательною по обычной в древнем красноречии форме: «Кому уподоблю этого праведника? небом ли тебя назову: но ты был светлее неба богочестием: потому что во время страсти Христовой небо помрачилось и свет свой скрыло, а ты, радуясь, на своих руках бога носил. Землею ли тебя благоцветущею назову? Но ты явился честнее земли: потому что она в то время от страха потрясалась, а ты вместе с Никодимом весело божие тело, плащаницею обвив, положил», и проч. Слово в неделю расслабленного представляет самый лучший образец слога Кириллова; в жалобе расслабленного на свои страдания видим эту образность, какую обыкновенно отличаются писатели – земляки нашего оратора: «Мертвым ли себя назову, говорит расслабленный; но чрево мое пищи желает и язык от жажды иссыхает. Живым ли себя почту? но не только встать с одра, даже и подвинуть себя не могу: ноги мои не ходят, руки не только что ничего не делают, но и осязать ими я себя не могу; я непогребенный мертвец, одр мой – гроб мой; мертвый междуживыми и живой между мертвецами, потому что как живой питаюсь и как мертвый ничего не делаю; мучусь я, как в аде, от бесстыдно поносящих меня; смех я юношам, укоряющим мною друг друга, а старцам лежу притчею к наказанию; все много глумятся, и я от того вдвойне страдаю. Внутри терзает меня болезнь, вне оскорбляюсь досадами укоряющих меня; слюни плюющих на меня покрывают тело мое, голод пуще болезни одолевает меня, потому что если я найду пищу, то не могу рукою положить ее в рот; всех умоляю, чтоб накормили меня, и делюсь бедным куском моим с питающими меня, стоною со слезами, томимый мучительною болезнию, и никто не придет посетить меня» и проч. Таков же и ответ Христа: «Как ты говоришь: человека не имам? Я ради тебя сделался человеком; тебя ради оставил скипетры горнего царства и, нижним служа, обхожу: не пришел я, да мне послужат, но да послужу другим. Тебя ради, будучи бесплотным, плотию облекся, да исцелю душевные и телесные недуги всех. Тебя ради невидимый ангельским силам явился всем человекам, ибо не хочу презреть моего образа, лежащего в тлении, но хочу спасти его и в разум истинный привести, а ты говоришь: человека не имам? Я сделался человеком, да сотворю человека богом, ибо сказал: боги будут и сыны вышнего все, и кто другой вернее меня служит тебе?

Тебе я всю тварь на работу сотворил: небо и земля тебе служат – небо влагою, земля плодом; солнце служит светом и теплотою, луна с звездами ночь обеляет; для тебя облака дождем землю напояют, и земля всякую траву семянистую и деревья плодовые на твою службу возвращает; тебя ради реки рыб носят и пустыни зверей питают, а ты говоришь: человека не имам» и проч. Слово в неделю пятую по пасхе содержит в себе упрек народу за нехождение в церковь для

слушания слов епископа: «Я, друзья и братья, надеялся, что с каждою неделеею все больше и больше будет собираться народу в церковь, а теперь вижу, что собирается его все меньше и меньше; если бы я свое что-нибудь говорил вам, то хорошо бы делали, если бы не приходили, но я возвещаю вам владычнее и прочитываю вам грамоту Христову».

Кириллу же Туровскому приписывается слово о состоянии души по разлучении с телом; здесь сочинитель, исчисляя мытарства, седьмым из них полагает: «Буе слово, срамословие, бесстудная словеса и плясание, еже в пиру и на свадьбах, и в павечерницах, и на игрищах, и на улицах»; пятнадцатым: «Всяка ересь и веруют в стречу, в чех, в полаз и в птичьи грай, ворожую, и еже басни бають, и в гусли гудуть».

От описываемого времени дошли до нас еще некоторые любопытные поучения, неизвестно какой области и какому лицу принадлежащие. Здесь, между прочим, видим, как церковь вооружалась против явлений, бывших следствием родовых отношений княжеских, и как изначала содействовала утверждению отношений государственных; сочинитель слова обращается к дружине княжеской со следующими словами: «Если начнете доброжелательствовать другим князьям от своего, то подобны будете замужней женщине, неверной своему мужу». Но тут встречаем увещание к храбрости, вполне согласное с понятиями времени: «Сын! когда на рать с князем идешь, то с храбрыми наперед езд: этим и роду своему чести добудешь и себе доброе имя. Что может быть лучше того, как умереть перед князем!» О волхвах: «Волхвов же, чада моя, блюдитесь». О священниках: «Если возьмете чернеца в свой дом или инога причетника и захотите его угостить, то больше трех чаш не нудьте его, но дайте ему волю: если сам напьется, то сам за то и отвечает; нельзя слуг божиих до срама упоить, но с поклоном должно отпускать, взявши благословение у них». О рабах: «Сирот домашних не обидьте, но больше милуйте, голодом не морите, ни наготою, потому что это домашние твои нищие: нищий в другом месте себе выпросит, а рабы только в твоей руке; милуйте своих рабов и учите их на спасение и покаяние, а старых на свободу отпускайте... Если холопа своего или рабу не кормишь и не обуваешь и убьют их у воровства, то за кровь их ты ответишь. Ты как апостол в дому своем: научай грозою и ласкою. Если рабы и рабыни не слушаются, по твоей воле не ходят, то лозы не жалей до шести ран и до двенадцати; а если велика вина, то и до 20 ран; если же очень велика вина, то и до 30 ран лозою, а больше 30 ран не велим... Рабов, которых возьмешь с собою в поход, чести и люби, чтоб они были тебе в обиде и в рати добрыми помощниками».

О средствах, какие употребляли проповедники, средствах, напоминающих нам известие об обращении Владимира, и о судьбе, какой подвергались иногда ревностные проповедники, находим любопытные известия в житии св. Авраамия Смоленского. «Так бо бе (Авраамий) благодатию Христовою утешая приходящия и пленяя их души смысл, яко же и самому игумену не стерпети, многия к нему видя притекающая. И хотя того сего отлучити и глаголаше: аз за тя отвещаю убога, ты же престани уча, и много озлобление нань возложи. И оттоле вниде в град и пребысть в едином монастыре у честнаго Креста; и ту начаша боле приходити и учение его множайше быти. Написа же две иконе, едину страшный суд втораго пришествия, а другую – испытания воздушных мытарств, их же всем несть избежати, И ко всем приходящим онога страшнаго дня не простая о том глаголя и

почитая великаго онаго и светлаго учителя вселенныя Иоанна Златоустаго и преподобнаго Ефрема и всех богогласных святых. И вшед сатана в сердце бесчинных, воздвиже нань; и начаша овии клеветати к епископу, инии же хулити и досажати, овии еретика нарецати и, а инии глаголаху нань глубиннии книги почитает, инии же к женам прекладающе, попове же зиающе и глаголюще: уже наша дети все обратил есть; реку тако: никто же аще бы не глаголя на блаженнаго Авраамия в граде. Собрашася же все от мала и до велика весь град нань: инии глаголют заточити, а инии на стене ту пригвоздити и зажещи, а друзии потопити и проведыше сквозе град, всем же собравшимся на двор епископъ, игуменом же и попом и черноризцем, князем и бояром...»

Кроме поучений, принадлежащих духовным лицам, до нас дошло поучение, написанное знаменитейшим из князей описываемого времени, Владимиром Мономахом, для детей своих; оно обнимает обязанности человека вообще и князя, религиозные, семейные и общественные и представляет первообраз тех домостроев, которые мы увидим в последующих веках: «Страх имейте божий в сердце и милостыню творите неоскудную, потому что здесь начало всякому добру», – так начинает Мономах свое поучение.

Потом он объявляет повод, по которому написал поучение: по окончании усобицы с Давыдом Игоревичем на Витичевском съезде поехал он на север, в Ростовскую область, и, будучи на Волге, получил посольство от двоюродных братьев с приглашением идти на Ростиславичей галицких, которые не хотели исполнять общего княжеского приговора; двоюродные братья велели сказать Мономаху: «Ступай скорее к нам, прогоним Ростиславичей и волость у них отнимем; если же не пойдешь с нами, то мы себе, а ты себе». Мономах велел отвечать: «Сердитесь сколько хотите, не могу с вами идти и преступить крестное целование». Угроза братьев разъединиться с ним сильно опечалила Мономаха; в этой печали он разогнул псалтырь и попал на место: «Вскую печалуеши, душе? вскую смущаеши мя?» и проч.

Утешенный псалмом, Мономах решил тут же написать своим сыновьям поучение, в котором господствует та мысль, что человек никогда не должен сворачивать с правого пути и во всех случаях жизни должен полагаться на одного бога, который не даст погибнуть человеку, творящему волю его. Выписавши из псалма те места, в которых выражается эта мысль, также наставление из Василия Великого, Мономах продолжает: «Тремя добрыми делами побеждается враг наш дьявол: покаянием, слезами и милостынею; бога ради, не ленитесь, дети мои, не забывают этих трех дел; они не тяжки: это не одиночество, не чернечество, не голод, которые терпят некоторые добродетельные люди, таким малым делом можете вы получить милость Божию... Послушайте меня, если не можете всего исполнить, то хотя половину.

Просите бога о прощении грехов со слезами, и не только в церкви делайте это, но и ложась спать; не забывают ни одну ночь класть поклонов, потому что ночным поклоном и пением человек побеждает дьявола и получает прощение грехов. Когда и на лошади сидите, да ни с кем не разговариваете, то чем думать безделицу, повторяйте беспрестанно в уме: «господи, помилуй!» если других молитв не умеете, эта молитва лучше всех. Больше же всего не забывают убогих, но сколько можете по силе кормите, больше других подавайте сироте, сами оправдывайте вдов, а не позволяйте сильным погубить человека. Ни правого, ни

виноватого не убивайте, ни приказывайте убивать. В разговоре, что бы вы ни говорили, никогда не клянитесь богом: нет в этом никакой нужды; когда придется вам крест поцеловать к братье, то целуйте подумавши, можете ли сдержать клятву, и раз поцеловавши, берегитесь, чтоб не погубить души своей. С любовью принимайте благословение от епископов, попов и игуменов, не устраняйтесь от них, по силе любите и снабжайте их, пусть молятся за вас богу. Пуще всего не имейте гордости в сердце и уме, говорите: все мы смертны, ныне живы, а завтра в гробе; все, что ты, господи, дал нам, не наше, а твое, поручил нам на малое число дней; в землю ничего не зарывайте; это большой грех. Старых чти как отцов, молодых как братью. В доме своем не ленитесь, но за всем присматривайте сами; не надейтесь ни на тиуна, ни на отрока, чтоб гости не посмеялись ни дому, ни обеду вашему. Вышедши на войну, также не ленитесь, не надейтесь на воевод; питью, еде, спанью не предавайтесь; сторожей сами наряжайте; распорядившись всем, ложитесь, по вставайте рано, и оружия не снимайте с себя: от лени человек внезапно погибает. Остерегайтесь лжи, пьянства и блуда: в этих пороках и душа и тело погибают. Если случится вам ехать куда по своим землям, то, не давайте отрокам обижать жителей, ни своих, ни чужих ни в селах, ни на полях, чтоб после вас не проклинали. На дороге или где остановитесь, напоите, накормите нищего; особенно же чтите гостя, откуда бы он к вам ни пришел, простой или знатный человек, или посол; если не можете чем иным обдарить его, то угостите хорошенько: странствуя, они разносят по всем землям хорошую или дурную славу о человеке. Больного навестите, и к мертвому ступайте, потому что мы все смертны; человека не пропустите не поздоровавшись, всякому доброе слово скажите. Жен своих любите, но не давайте им над собою власти. Что знаете доброго, того не забывайте, а чего еще не знаете, тому учитесь; не ленитесь ни на что доброе; прежде всего не ленитесь ходить в церковь: да не застанет вас солнце на постели...» В заключение Мономах рассказывает детям о своих трудах: этим важным для историка рассказом мы уже воспользовались в своем месте.

Мы встречали известия о страсти к паломничеству, к путешествиям во св. землю, распространившейся в описываемое время между русскими людьми; до нас дошло описание одного из таких путешествий, совершенного игуменом Даниилом. Это описание особенно замечательно отсутствием духа нетерпимости относительно латинских христиан, обладавших тогда Иерусалимом. Король Балдуин обласкал русского игумена, который за это распустил об нем добрую славу по своей земле: «Позвал мя бяше добре и любя мя вельми, яко же есть муж благоделен и смирен вельми и не гордит. Яз рекох ему: княже мой господине! молю ти ся бога деля и князей деля русьских, повели ми, да бых и яз поставил свое кандило на гробе святом от всея Русьския земли. Он же с тщанием и с любовью повеле ми поставити кандило; посла со мною мужа своего... Бог тому послух и св. гроб господень, яко во всех местах святых не забых имен князей русьских и княгинь, и епископ и игумен, и бояр, и детей моих духовных. И о сем похвалю бога моего благо, яко сподобил мя худаго имена князей русьских написати в лавре св. Саввы, и ныне поминаются имена их в ектеньях и с женами, и с детьми. Се же имена их: Михаил Святополк, Василий Владимир, Давыд Святославич, Михаил Олег, Панкратий Святослав, Глеб Менской, и сколько есть помнил, oprичь всех князей русьских и бояр, и отпехом литургию за князей русьских, и за вся хрестьяне 50 литургий, и за усопшня литургию отпехом. И буди

же всем почитающим се с верою и любовию благословенье от бога и от св. гроба и от всех мест святых. Бога деля, братие и господие мои, не зазрите худоумью моему и грубости моей. Да не будет в похваленье написанье се мене ради, но гроба господня ради кто с любовью почтеть, да мзду приметъ от бога спаса нашего, и бог мира с всеми вами в веки веков. Аминь». Даниил встретил в Иерусалиме многих русских паломников – новгородцев и киевлян.

К описываемому времени относится сочинение другого Даниила, так называемое Послание Даниила Заточника к князю Юрию Владимировичу Долгорукому. Из самого умиловительного послания этого можно узнать только то, что молодой еще человек, неизвестно какого происхождения и звания, разгневал князя и был заточен на озеро Лаче; в послании Даниил ничего не говорит о вине своей; но по сильным выходкам против приближенных к князю людей и женщин можно догадываться, что он их наговорам приписывал свое несчастье. Как видно, впоследствии сочинение это было известно грамотным людям и ценилось благодаря украшениям слога, которые нравились в старину; сам Даниил, как видно из его слов, считал себя мудрецом; выпишем несколько строк, чтобы иметь понятие об этой мудрости. «Вострубим, братия, яко во златокованныя трубы, в разум ума своего, и начнем бити сребренныя органы, и возвеем мудрости своя... Не возри на мя, княже господине, яко волк на ягня; но возри на мя, господине мой, аки мати на младенца. Возри, господине, на птицы небесныя, яко ти ни орют, не сеют, ни в житницу собирают, но уповают на милость божию; так и мы, княже господине, желаем твоя милости: зане, господине, кому Боголюбово, а мне горе лютое; кому Белоозеро, а мне чернее смолы; кому Лачь озеро, а мне, на нем седя, плачь горки... Княже мой, господине мой! избави мя от нищеты сия, яко серну от тенета, яко птицу от кляпцы, яко утя от ногтей носимаго ястреба, яко овцу от уст лвовых. Аз бо есмь, княже господине, яко древо при пути: мнози посекают его и на огонь вмещут; такоже и аз всеми обидим есмь, зане огражен есмь страхом грозы твоя... Весна бо украшает цветы землю, а ты, княже господине, оживляеши вся человеки своею милостью, сироты и вдовы, от вельможь погружаеми... Видех велик зверь, а главы не имеет, тако и добрые полки без добраго князя погибают. Гусли бо строятся персты, тело основается жилами, а дуб крепится множеством корения: так и град наш крепится твоею державою, зане князь щедр отец есть всем: служи бо мнози отца и матери лишаются и к нему прибегают.

Добру бо господину служба, дослужится свободы; а злу господину служба, дослужится большия работы. Зане князь щедр, аки река без берегов текуще всквозе дубравы, напоющая не токмо человецы, но и скоти и вся звери; а князь скуп, аки река, велик брег имуще каменны: нельзя пити, ни коня напоити. А боярин щедр, аки кладезь сладок; а скуп боярин, аки кладезь солон. Не имей себе двора близ княжа двора; не держи села близ княжа села: тиун бо его яко огонь трепетицею накладен, а рядовичи его яко искры; аще от огня устережешися, но от искры не можешь устрещися жжения порт. Княже, господине мой! не лиши хлеба нища мудра, ни вознеси до облак богатаго безумна, несмысленна: нищъ бо мудр, яко злато в калне сосуде, а богат красен несмыслен, то аки паволочитое зголовье, соломы наткано.

Господине мой! не зри внешняя моя, но зри внутреная: аз бо одеянием есмь скуден, но разумом обилен; юн возраст имею, а стар смыслом; бых мыслию яко

орел паряй по воздуху. Но постави сосуды скудельничьи под поток капля языка моего, да накапят ти сладчайши меду словеса уст моих... Не море топит корабли, но ветри, и не огонь творит разжение железу, но подымание мешное: также и князь не сам впадает в многия в вещи злыя, но думцы вводят. С добрым бо думьцею князь высока стола додумаетца, а с лихим думьцею думает, малаго стола лишен будет... Не муж в мужех, кем своя жена владеет; не работа в работах, под жонками воз возити... Что есть жена зла? гостница неусыпаемая, купница бесовская, мирскы мятежь, ослепление уму, начальница всякой злобе... Аз ни за море ходил, ни от философ научился, но бых яко падая пчела по различным цветом и совокупляя яко медвеный сот; тако и аз по многим книгам собирая сладость словесную и разум, и совокупих яко мех воды морьския, а не от своего разума, но от божия промысла». К Посланию прибавлено следующее известие: «Сии словеса аз Данил писах в заточении на Белеозере, и запечатав в воску, и пустих в озеро, и взем рыба пожре, и ята бысть рыба рыбарем, и принесена бысть ко князю, и нача ея пороти, и узре князь сие написание, и повеле Данила свободити от горкаго заточения».

Древнейшие произведения народной фантазии относятся ко временам Владимира св.; содержание их составляют подвиги богатырей, борьба их с степными варварами, с которою был соединен важнейший интерес для народа. В описываемое время продолжалась та же борьба и по-прежнему служила главным содержанием песен и сказаний; богатырей сменили князья; самым славным, самым народным именем в борьбе с погаными было имя Мономаха; не могло быть, чтоб походы доброго страдальца за Русскую землю на поганых не служили содержанием народных поэтических сказаний; следы этих сказаний находим в начале Волынской летописи: «По смерти же великаго князя Романа, приснопамятнаго самодержца всея Руси, одолевша всем поганьским языком, ума мудростью ходяща по заповедем божиим: устремил бо ся бяше на поганья яко и лев, сердит же бысть яко и рысь, и губяше яко и коркодил, и прохожаше землю их яко и орел, храбор бо бе яко и тур.

Ревноваше бо деду своему Мономаху, погубившему поганья Измалтяны, рекомья половци, изгнавшю отрока в Обезы за Железные врата. Сърчанови же оставшю у Дону, рыбою ожившю; тогда Володимер Мономах пил золотым шоломом Дон, приемши землю их всю и зогнавши окаянныя агаряны. По смерти же Володимере, оставшю у Сыръчана единому гудьце же, Ореви, посла и в Обезы, рек: Володимер умерл есть, а воротися, брате, пойдя в землю свою; молви же ему моя словеса, пой же ему песни половецкия; оже ти не восхочет, дай ему поухати зелья, именем евшан. Оному же не восхотевшю обратитися, ни послушати, и дасть ему зелье, оному же обухавшю и восплаковшю, рче: да лучше есть на своей земле костью лечи, нели на чюже славно быти. И приде во свою землю, от него родившюся Концаку, иже снесе Сулу, пешь ходя, котел нося на плечеву».

Но в целости дошло до нас поэтическое сказание о несчастном походе северских князей, Игоря Святославича с братьею на половцев, Слово о полку Игореве.

Особенные доблести этих князей, их ревность добыть себе славы в борьбе с погаными, их великодушие, по которому они не захотели покинуть в беде черных людей, заслуженная, следовательно, народная любовь к этим князьям,

любопытные подробности похода, необыкновенная удача вначале, необыкновенное бедствие в конце, которое, однако, не уменьшило, но еще увеличило славу князей, наконец удивительное спасение Игоря из плена – все это должно было возбуждать сильный интерес в народе к этому событию, которое потому и стало предметом украшенного, поэтического сказания; самые подробности похода, как они сохранились в летописи, всего лучше показывают нам интерес, связанный для древней Руси с этим событием, всего лучше объясняют нам возможность и необходимость существования Слова. Нам нет нужды даже предполагать, что сочинитель Слова был житель страны Северской, ибо вспомним, что в это время племя Ольговичей стояло на первом месте во всей южной Руси: старший в этом племени, Святослав Всеволодович, сидел тогда на столе Киевском, следовательно бедствие северских князей должно было найти сильное сочувствие и на западном берегу Днепра.

Сочинитель Слова о полку Игореву не хочет начинать своего рассказа прямо о походе северских князей на половцев, но хочет предпослать ему старые слова, ограничиваясь, однако, былинами позднейшего времени, именно начиная со времен Владимира Мономаха, или, как он называет его, Владимира Старого, в противоположность другим, младшим Владимирам. Эти былины позднейшего времени, начиная со времен Владимира Мономаха, он противопоставляет песням, сочиненным по замыслению вещего Бояна. Кто бы ни был этот Боян, сочинитель ли старых русских песен, истинный или мнимый, или даже Гомер, как думают некоторые, очевидно только то, что сочинитель Слова о полку Игореву противопоставляет свое сочинение сочинениям Бояна, противопоставляет по времени, не хочет заноситься в отдаленные века, к отдаленным событиям, воспетым Бояном, или, что очень кажется нам вероятным, противопоставляет былинку замыслению, противопоставляет Слово, рассказ об истинном происшествии без малейшего отступления от него, – песни, сочинитель которой позволял себе большую свободу, хотя бы воспевал действительное событие, действительно существовавшее лицо: «Не лепо ли ны бяшет, братие, начати старыми словесы трудных повестий о пълку Игореве, Игоря Святославича! начати же ся тый песни по былинам сего времени, а не по замыслению Бояна. Боян бо вещей, аще кому хотяше песнь творити, то растекашеся мыслию по древу, серым волком по земли, шизым орлом под облакы».

Итак, продолжает сочинитель Слова, начнем, братия, повесть эту от старого Владимира и дойдем до нынешнего Игоря, «который препоясал ум крепостию, изострил сердце мужеством, наполнился ратного духа, и навел свои храбрые полки на землю Половецкую за землю Русскую» – после этого непосредственно следуют слова: «Тогда Игорь взглянул на светлое солнце и увидал, что все воины его прикрыты тьмою».

Здесь с первого взгляда очевиден пропуск, ибо сочинитель обещал начать повесть от старого Владимира; мы необходимо должны предположить здесь рассказы о борьбе Мономаха и последующих князей с половцами и потом естественный переход к походу Игоря на поганых; очень вероятно, что приведенное нами выше поэтическое сказание о походах Мономаха и о том, что происходило в степи по его смерти, находилось между этими сказаниями, которыми начал свою повесть сочинитель Слова о полку Игореву.

Последний верен своему обещанию рассказывать по былинам: рассказ его совершенно одинаков с рассказом летописца, лишнего в нем одни только поэтические украшения; что же касается подробностей, то их гораздо больше в летописи. Любопытно, что в Слове гораздо больше превозносится похвалами Всеволод Святославич, чем Игорь, старший брат; в битве на первом плане поставлен Всеволод: этим рассказ сочинителя Слова отличается от рассказа летописного; но такое предпочтение Всеволода объясняется словами летописца, который, сказавши о смерти Всеволода, прибавляет, что этот князь превосходил всех Ольговичей доблестию. Особенно же замечательны для нас слова автора об усобицах княжеских: в сильных выражениях описывает он усобицы, происходившие вследствие лишения волостей Олега Святославича: «Тогда земля сеялась и росла усобицами, погибла жизнь Дажбогова внука, в княжих крамолах век человеческий сократился. Тогда по Русской земле редко раздавались крики земледельцев, но часто каркали вороны, деля между собою трупы, часто говорили свою речь галки, собираясь лететь на добычу». В другом месте: «Сказал брат брату: это мое, и это мое же, и за малое стали князья говорить большое, начали сами на себя ковать крамолу: а поганые со всех сторон приходили с победами на землю Русскую». Описывая общее горе на Руси, когда услышали здесь об истреблении полков Игоревых, сочинитель Слова опять начинает говорить об усобицах: «встонал Киев тугою, а Чернигов напастями; тоска разлилась по Русской земле; а князья сами на себя крамолу ковали, а поганые наезжали на Русскую землю, брали дань по белке от двора». В этом отношении замечательна также жалоба старого Святослава киевского, когда он узнал о беде сезерских князей: «Все зло мне происходит от княжого неспособия; благоприятное время от него упущено... Великий князь Всеволод (III)! чтоб тебе перелететь сюда издалека, отцовского золотого стола поблюсти! Ведь ты можешь Волгу раскропить, а Дон шлемами вычерпать; если бы ты был здесь, то была бы у нас половецкая раба по ногате, а раб по резани». Сочинитель от имени Святослава обращается также и к другим князьям с требованием помощи Русской земле и мести поганым за обиду Игореву. Обращаясь к племени Всеславову, князьям полоцким, он упрекает их как зачинщиков усобиц, которые дали возможность поганым нападать на Русскую землю: здесь разумеется первая усобица по смерти Ярослава, начатая Всеславом полоцким.

«Ох! – прибавляет сочинитель, – стонать Русской земле, припомнивши первую годину и первых князей: того старого Владимира (Мономаха) нельзя было пригвоздить к горам Киевским».

В древних русских стихотворениях из лиц исторических описываемого времени является действующим новгородец Василий Буслаев. Песня в некоторых чертах верно изображает старину новгородскую, в некоторых старину общую русскую. «В славном великом Новгороде жил Буслай до девяноста лет; с Новгородом жил, не перечился, с мужиками новгородскими поперек словечка не говаривал. По смерти Буслая осталась вдовою жена его Амелфа Тимофеевна да сын молодой, Василий Буслаевич». Этот-то Василий представлен в песни образцом и предводителем новгородской буйной молодежи, славной походами своими на севере, ходившей всюду без новгородского слова, не дававшей покоя ни своим, ни чужим. Василий стал водиться с пьяницами, безумницами, удалыми добрыми молодцами, пьяный стал буйствовать по улицам, бить, уродовать

прохожих. Пошли жалобы на молодого буйна; новгородцы, однако, не попытались его взять и наказать; над ним была другая власть, к которой и обратился город с жалобой, – власть старухи-матери: к ней посадские, богатые мужики новгородские принесли великую жалобу на буйство сына; она стала журить, бранить Василия; журьба не полюбила его, и он вздумал набрать себе дружину таких же молодцов, чтоб с ними буйствовать безнаказанно; он кликнул клич: «Кто хочет пить и есть готовое, вались к Ваське на широкий двор, пей и ешь готовое, носи платье разноцветное». Охотники нашлись, собралось их двадцать девять человек. Пришли они в братчину Никольщину, Василий заплатил за каждого брата по пяти рублей, за себя пятьдесят рублей, и церковный староста принял их в братчину; вечером начались потехи, которые летописец называет от беса замышленным делом: стали бороться, а в ином кругу на кулачки биться, и от кулачного бою дошло до большой драки: мы видели, как немецкие купцы, в договоре с новгородцами, обезопасивали свой двор относительно обычной новгородской забавы – драки; недаром в Новгороде ходило предание, что Перун, когда его тащили в Волхов через большой мост, бросил свою палку и сказал: «Пусть новгородцы этим меня поминают!» Этою палкою и теперь безумные убиваются, утеху творят бесам, прибавляет летописец. Василий вмешался в драку и кто-то его очень неловко задел; он закричал своим, что его бьют, дружина выскочила, и началась схватка: «скоро они улицу очистили, прибили уже много до смерти, вдвое, втрое перековеркали, руки, ноги переломали». Буслаевич, видя, что его взяла, вызывает на бой весь Новгород, заключает с жителями его условие, что если он с дружиною побьет новгородцев, то последние платят ему дань по смерти, а если новгородцы побьют его, то он обязан давать им дань. «Началась у них драка-бой великая. Дерутся день до вечера – Буслаевич с дружиною начинает одолевать; новгородцы, видя, что дело плохо, обращаются опять с просьбою и подарками к матери Буслаевича, и материнская власть является во всей силе: того, кто вызвал на бой целый Новгород и победил, того одна материнская служанка берет за белые руки и тащит на двор родительский, где мать велит запереть его в глубоких погребах, за железными дверями, за булатными замками. Между тем, пользуясь отсутствием вождя, новгородцы одолевают дружину Буслаевича; побежденные, увидя служанку матери Василиевой, шедшую на Волхов за водою, просят ее, чтоб она не подала их, освободила их предводителя. Служанка исполняет просьбу, отпирает погреб, где сидел Василий, и тот, возвратившись к своим, дал снова им победу: „У ясных соколов крылья отросли, у них молодцов думушки прибыло“ и „уж мужики (новгородцы) покорились, покорились и помирились“.

Сложилась и другая песня о том же Буслаеве, как он ездил молиться. Буслаевич приходит к матери, как вьюн около нее увивается, просит благословение великое идти в Иерусалим град со всею дружиною храброю. Мать в ответ говорит ему любопытные слова, резко очерчивающие эпоху: «Если ты пойдешь на добрые дела, дам тебе благословение великое; если же ты, дитя, на разбой пойдешь, не дам благословения великого, не носи Василья сыра земля». Буслаевич поплыл с дружиною в Иерусалим, на дороге встречает гостей-корабельщиков и на вопрос их, куда погуливает, отвечает также очень замечательными словами: «Гой еси вы, гости-корабельщики! А мое-то ведь гулянье неохотное: с молодю бито много, граблено, под старость надо душу

спасти». Василий приезжает в Иерусалим: «пришел в церковь соборную, служил обедни за здоровье матушки и за себя Василья Буславьевича; и обедню с панихидою служил по родимом своем батюшке и по всему роду своему; на другой день служил обедни с молебнами про удалых добрых молодцев, что с молоду бито много, граблено», Буслаевичу не суждено было возвратиться домой из этого путешествия: не веруя ни в сон, ни в чох, веруя только в свой червлёный вяз, он пренебрег предостережением не скакать вдоль заколдованного камня и убился под ним. Таким образом, разгульная жизнь новгородской вольницы оставила по себе память в народе, и предводитель новгородских ушкуйников является в произведениях народной фантазии среди богатырей Владимира времени.

Из исторических лиц описываемого времени является действующим в старинных песнях новгородский сотский, Ставр с женою. Летопись под 1118 годом говорит, что Владимир Мономах рассердился на новгородского сотского Ставра, вызвал его к себе в Киев и заточил; из летописного известия можно понять, что Ставр был виноват в том же, в чем и другие заточенные с ним вместе бояре новгородские, а именно в грабеже каких-то двух граждан; но песня приводит другую вину, именно хвастовство Ставра своим богатством, пред которым он ни во что ставил богатство и великолепие великокняжеское: «Что это за крепость в Киеве, у великого князя Владимира? у меня де, Ставра боярина, широкий двор не хуже города Киева: – а двор у меня на семи верстах, а гридни, светлицы белодубовы, покрыты гридни седым бобром, потолок в гриднях черных соболей, пол, середка одного серебра, крюки да пробои по булату злачены». Здесь в этом описании убранства Ставрова дома для нас любопытно то, что все украшения состоят в дорогих металлах и дорогих мехах; другого ничего фантазия рассказчика не могла представить. Летопись новгородская под 1167 годом упоминает о Садке Сытиниче, который построил каменную церковь св. Бориса и Глеба. Песня знает о богатом госте новгородском Садке, который, принеся от Волги поклон брату ее Ильмену, получил от последнего чудесным образом в подарок несметное сокровище, так что Садко мог выкупить все товары в Новгороде: здесь вместо удалого предводителя вольницы видим богатого купца, который, подпивши на братовщине, хвастает не силою своею, но богатством: таким образом, и другая сторона новгородской жизни оставила по себе память в произведениях народной фантазии. Сходство песенного Садка с летописным заключается в том, что и в песни богатый гость – охотник строить церкви.

Благочестие Садки не осталось без награды: другая песня говорит, как Садко, находясь во власти морского царя, спасся от беды советами св. Николая. Из книжников, сочинения которых неизвестны, упоминается в летописи под 1205 годом, в Галиче, Тимофей, премудрый книжник, родом из Киева; этот Тимофей притчами говорил против мучителя галичан, венгерского воеводы Бенедикта, «яко в последняя времена трема имены наречется антихрист».

Но если память о важных событиях и лицах знаменитых, выдавшихся почему бы то ни было из среды современников, сохраняется в народе и передается из века в век в украшенных повествованиях; если при условии грамотности являются люди, которые в украшенной речи передают письму известия о каком-нибудь важном событии, не позволяя себе никаких уклонений, замыслений поэтических, невозможных уже по самой близости события всем известного, причем очевидно желание высказать господствующую мысль, господствующую потребность

времени, какова была в описываемую эпоху потребность прекращения княжеских усобиц, княжеского непособия друг другу, потребность, столь ясно высказавшаяся в Слове о полку Игореву; если народу, в самом младенческом состоянии, врождено стремление знать свое прошлое, объяснить себе, как произошло то общество, в котором он живет; если религиозное уважение к отцам требует сохранения памяти об них; если это врожденное человеку уважение заставляет находить в преданиях старины живое поучение; если все народы с величайшим наслаждением прислушиваются к сказаниям о делах предков; если эти сказания при отсутствии грамотности передаются устно, а при зачатках грамотности первые записываются; если таков общий закон жизни народов, то нет никакого основания предполагать, что в жизни русского народа было иначе, и отодвигать появление летописей как можно далее от времени появления христианства с грамотностью, тем более, что с Византией были частые, непосредственные связи. Византия служила образцом во всем относящемся к гражданственности, и Византия представила образец летописей, с которыми можно было познакомиться даже и в славянских переводах.

Сказавши, что Византия служила образцом во всем, относящемся к письменности, мы уже решили вопрос относительно формы, в какой должны были явиться у нас первые памятники собственно исторического содержания: они должны были явиться в виде летописи (хроники, анналов), погодного записывания известий о событиях, без всякой собственно исторической, научной связи между ними. Выражения: сухое, краткое записывание никак не могут идти в общих признаках для определения летописи: летописные известия отличаются сухостью и украшенностью, краткостью и обилием вследствие различных условий – местных, личных, случайных и постоянных, как увидим впоследствии. Теперь же следует вопрос: кто у нас на Руси должен был первоначально заняться записыванием событий, составлением летописей? Мы видели, что если между князьями, а вероятно и в дружине их, были охотники собирать и читать книги, то это были только охотники, тогда как на Руси существовало сословие, которого грамотность была обязанностью и которое очень хорошо сознавало эту обязанность, сословие духовное. Только лица из этого сословия имели в то время досуг и все средства заняться летописным делом; говорим: все средства, потому что при тогдашнем положении духовных, особенно монахов, они имели возможность знать современные события во всей их подробности и приобретать от верных людей сведения о событиях отдаленных. В монастырь приходил князь прежде всего сообщить о замышляемом предприятии, испросить благословения на него, в монастырь прежде всего являлся с вестью об окончании предприятия; духовные лица отправлялись обыкновенно послами, следовательно, им лучше других был известен ход переговоров; имеем право думать, что духовные лица отправлялись послами, участвовали в заключении договоров сколько из уважения к их достоинству, могущего отвратить от них опасность, сколько вследствие большого умения их убеждать словами писания и большой власти в этом деле, столько же и вследствие грамотности, умения написать договор, знания обычных форм: иначе для чего бы смоленский князь поручил священнику Иеремии заключение договора с Ригию?

Должно думать, что духовные лица, как первые грамотеи, были первыми дьяками, первыми секретарями наших древних князей. Припомним также, что в

затруднительных обстоятельствах князя обыкновенно прибегали к советам духовенства; прибавим наконец, что духовные лица имели возможность знать также очень хорошо самые подробности походов, ибо сопровождали войска и, будучи сторонними наблюдателями и вместе приближенными людьми к князьям, могли сообщить вернейшие известия, чем самые ратные люди, находившиеся в деле. Из одного уже соображения всех этих обстоятельств мы имели бы полное право заключить, что первые летописи наши вышли из рук духовных лиц, а если еще в самой летописи мы видим ясные доказательства тому, что она составлена в монастыре, то обязаны успокоиться на этом и не искать другого какого-нибудь места и других лиц для составления первоначальной, краткой летописи, первоначальных кратких записок.

Зная, что дошедшая до нас первоначальная летопись вышла из рук духовенства, мы должны теперь обратиться к вопросу: в каком виде дошла до нас эта летопись?

Летопись дошла до нас во множестве списков, из которых самый древний не ранее XIV века; из всех этих списков нет ни одного, в котором бы не было заметно явных вставок, следовательно, все списки летописей, древние и позднейшие, представляются нам в виде сборников. При рассматривании этих списков мы замечаем, что в них начальная летопись о Русской земле, сохраняя явственно одну общую основу, разнится не только по языку, что легко объясняется временем составления того или другого списка или сборника, но также разнится в подробностях событий, и в одних списках недостает под известными годами таких событий, какие находим в других. Отсюда рождается первый, главный для историка вопрос: как пользоваться этими подробностями, этими лишними известиями, которые находятся в одних, преимущественно позднейших, сборниках и недостают в других.

Критика историческая прошедшего столетия решила этот вопрос так, что должно пользоваться только известиями, находящимися в древних списках, и считать прибавочные известия поздних сборников за позднейшие сочинения, вымыслы. Но в наше время при возмужалости исторической критики таким приговором удовольствоваться нельзя. Одно обстоятельство позднего составления сборника не может в глазах историка заподозрить верности известий, в нем содержащихся, потому что составитель позднейшего сборника, например XVII века, мог пользоваться списками древнейшими, для нас потерянными; следовательно, всякое новое известие, находящееся в позднейших сборниках, должно быть подвергаемо критике само по себе, без отношения к позднему составлению. Обычные старинные выражения, что составитель позднейшего, например Никоновского, сборника выдумал то или другое известие, не находящееся в древних харатейных списках, не имеет для нас теперь никакого значения; можно заподозрить грамоту или известие какое-нибудь, если они говорят в пользу лица или сословия, имеющего близкое отношение к составителю сборника, но и то тогда только, когда эта грамота или известия будут заключать в себе другие подозрительные признаки; легко заметить известие, носящее на себе следы народной фантазии, и занесенное простодушным составителем летописи в ряд событий достоверных: за это, впрочем, историк должен быть только благодарен составителю сборника, а не упрекать его самого в выдумке; никто не обязывает верить догадке старинного грамотея, который старается объяснить

название известных местностей и для этого придумывает ряд небывалых лиц и событий. Но никто не имеет права сказать, чтобы составитель позднейшего летописного сборника выдумал событие, случившееся за много веков назад, событие, не имеющее ни с чем связи, событие, ничего не объясняющее, например, что в XI веке в таком-то году приходили печенеги на Русскую землю, что Аскольд и Дир ходили на болгар, что в таком-то году крестился хан печенежский, что в таком-то году поймали разбойника; подозрительность относительно подобных известий будет служить не в пользу критика. Но освобождение от предрассудка относительно известий позднейших списков, которых нет в древнейших, значительно изменяет взгляд наш на летопись. Рассматривая начальную нашу летопись, как по древним спискам, так и позднейшим, более полным, мы прежде всего должны различать известия киевские и новгородские, ибо одновременно с начальной южною, или киевскою, летописью мы должны положить и начальную северную, новгородскую; известия обеих соединены в позднейших списках, каковы так называемый Софийский, Никоновский и другие.

Так, например, Киевская начальная летопись не знает, какую брали дань варяги с северных племен; составитель Софийского списка, пользовавшийся начальной Новгородскою летописью, знает: «от мужа по беле веверице». Счет годов в Никоновском списке, оканчивающийся Владимиром Ярославичем, обличает новгородское составление; известие о Вадиме также. Южный начальный летописец не знает, где были посажены двое сыновей Владимировых – Станислав и Судислав; Новгородский знает: Станислав в Смоленске, Судислав в Пскове. Под 991 годом явственна вставка новгородского предания о Перуне: «Крестился Володимер и взя у Фотия патриарха у царьградскаго перваго митрополита Киеву Леона, а Новугороду архиепискупа Якима Корсунянина... и прииде к Новугороду архиепискуп Яким, и требище разори, и Перуна посече и повеле въврещи в Волхов, и повязавше ужи, влечухуть и по калу, биюще жезлием и пихающе, и в то время вшел бе в Перуна бес, и нача кричати: о горе, ох мне! достася немилостивым сим рукам; и вринуша его в Волхов. Он же пловя сквозе великий мост, верже палицю свою и рече: на сем мя поминают новгородские дети, ею же и ныне безумнии убивающесея, утеху творят бесом. И заповеда никому же нигде же переняти его: иде Пидьблянин рано на реку, хотя горнеци везти в город, оли Перун приплы к берви, и отрину и шестом: ты, рече, Перунице, до сыта ел и пил, а нынича попллови прочь; плы из света некощное». Под 1034 годом в Софийском и Никоновском списке встречаем явственно новгородское известие: «Великий князь Ярослав иде в Новгород и посади сына своего Володимера в Новегороде и епископа Жиряту; и людям написа грамоту, рек: „По сей грамоте дадите дань“. Бяше же хромоног, но умом свершен и храбор на рати, и христиан, чтяше сам книги». Известие о походе Улеба на Железные Ворота, встречающееся в позднейших списках, есть известие чисто новгородское, и потому его нет в Киевской летописи, равно как известие об епископе Луке Жидяте и проч. Когда написана первоначальная Новгородская летопись – на это есть указание: в Софийском списке и в некоторых списках собственно Новгородской летописи под 1030 г. встречаем следующее известие: «Того же лета преставися архиепискуп ноугородский Аким: бяше ученик его Ефрем, же ны учааше». На основании этого известия мы имеем полное право отнести составление Новгородской начальной летописи к XI веку. Таким образом объясняется часть дополнений, внесенных в

начальную Киевскую летопись составителями поздних списков: эти дополнения взяты из летописи Новгородской. Но в позднейших списках мы встречаем такие дополнения, которые никак не могли быть заимствованы из северной. Новгородской летописи, ибо содержат в себе известия о событиях южных, киевских. Так, например, в начале Игорева княжения следующее место: «И бе у него воевода, именем Свентелд, и премучи углеци, и възложи на них дань Игорь и вдасть Свентелду, и не владышатся един град, именем Пересечен, и седе около его три лета, и едва взя и. И беша седяше углеци по Днепру вниз; и по сем приидоша межи во Днестр, и седоша тамо. И дасть же и дань Деревскую Свентелду, имаше же по черне куне от дыма, и реши дружина Игорева: „се дал еси единому мужу много“. Не могли быть взяты из Новгородской летописи дополнительные известия о печенежских набегах, находящиеся в Никоновском списке под 990, 991, 1001 годами, известия краткие, не имеющие никакого значения для позднейшего летописца; также известия о крещении болгарских и печенежских князей, о смерти печенежского князя Темира, убитого родственниками. Таким образом, должно заключить, что начальная летопись, сохранившаяся в древних списках, есть сокращенная сравнительно с тою, которая сохранилась в позднейших.

Сделавши эти предварительные заключения, обратимся к рассмотрению начальной летописи. С первых строк ее виден уже источник и образец – летопись византийская: русский летописец начинает свою повесть точно так же, как и летописец византийский, исчислением стран, которые достались потомству троих сыновей Ноевых; это исчисление взято из греческого летописца, Георгия Амартола; но русский летописец вставил в него: подле Иллирии (Илюрик) словене, и потом в конце исчисление северных рек и народов, причем Карпатские горы называются Кавкасийскими или Угорскими. Включивши в число семидесяти двух народов и народ славянский, от племени Афетова, летописец указывает первоначальное жилище славян на Дунае и потом выселение их на север и северо-восток, сперва добровольное, потом вынужденное притеснениями врагов, волхов; для определения этих волхов, по понятиям летописца, можно пользоваться другим местом летописи, где говорится о нашествии венгров на Дунайские страны: «Пришел от востока (угры) и устремишася через горы великие и почаша воевати на живущая ту волхи и словени. Седяху бо ту преже словени, и вольхве прияша землю словеньску; посем же угри прогнаша вольхи, и наследиша землю, и седоша с словены, покоривше я под ся». Итак, венгры застали волхов вместе с славянами. В рассказе о поселении славянских племен в нынешней России, их быте и судьбе тотчас видно, что составитель летописи житель Киева, принадлежит к племени полян; это племя на первом месте, им особенно занимается летописец, об нем больше всего знает, его нравственность превозносит в ущерб всем остальным племенам. Летописец знает, что в отдаленные времена, когда еще поляне жили особо, отдельными родами по горам киевским, уже шел путь из Скандинавии в Грецию, по Днепру и северным рекам озерной области; на первых страницах летописи уже дается уразуметь значение географического положения Европейской России, значение водных путей. После известия о море Понтском, или Русском, в летопись вставлено сказание о путешествии апостола Андрея на север до Новгорода; понятно, что сказание это могло явиться во времена христианские, когда узнали, что апостол Андрей проповедовал в Скифии; вставка начинается словами: «Яко же реша».

За вставкою о путешествии апостола Андрея следует рассказ о построении города Киева. Во времена летописца составилось уже обычное объяснение местных названий именами лиц, будто бы тут живших, явились братья Кий, Щек, Хорив с сестрою Лыбедью для объяснения названий Киева, гор Щековицы и Хоревицы и речки Лыбеди.

Летописец сообщает нам два предания о Кие: одно мы должны назвать собственно толкованием; были во времена летописца люди, которые, основываясь на выражении «Киев перевоз», толковали, что Кий было имя перевозчика; летописец отвергает это сухое толкование; он принимает предание о Кие-князе, который ходил в Царьград, принял большую честь от царя и на возвратном пути основал на Дунае маленький городок Киевец. Но здесь для нас очень важно выражение летописца: «Яко же сказают». Здесь виден источник, которым пользовался летописец, – это народные сказания. Принимая предание о Кие-князе, летописец и роду его, потомству всех братьев приписывает княжение между полянами: «И по сих братьи держати почаша род их княжение в Полях»; потом, чтоб показать особенность всех остальных племен, прибавляет: «В Деревлях свое, а Дреговичи свое» и т.д., т.е. в Деревях, у древлян свое, независимое, княжение, а дреговичи держат свое. Но мы знаем, как летописец вывел заключение о важном владельческом значении Кия и его рода; источники его относительно дреговических и древлянских княжений еще более скудны, и в летописи Переяславля Суздальского читаем: «А деревляне себе, а дрягвичи себе жить (начаша), а словене себе новгородци, а полочане тако ж без князей» и проч.

Сказавши о расселении племен славянских, о народах чужих, которые в его время платили дань Руси, летописец сообщает известия о нашествии разных степных народов с востока на славян – единственные события в жизни последних; здесь источниками служат для него отчасти греческие летописи, отчасти туземные, славянские предания и пословицы. Так, из византийских источников он знает, что угры белые явились при царе Ираклии и ходили на Хозроя, царя персидского; из славянских преданий знает он о притеснениях, которым дулебские женщины подвергались от аваров; из пословицы: погибоша аки обры, заключает о гибели этого народа без племени и наследка. Потом летописец переходит к описанию нравов и обычаев племен славянских. Сведение об этом предмете, разумеется, он мог получить из разных преданий и песен; но он сам указывает на другой, верный источник, старинные нравы и обычаи племен, сохранившиеся в его время: «Это делают вятичи и ныне», – прибавляет он, говоря о древних языческих похоронных обрядах; должно заметить и здесь, что о северных, отдаленных племенах летописец знает мало, говорит неопределенно, вообще: «Си же творяху обычаи кривичи, прочии погании». Подле описания славянских нравов и обычаев вставлено описание нравов и обычаев различных народов из греческой хроники Георгия (Амартола). Известия о дорюриковском быте восточных славян оканчиваются известием о притеснениях, которым подвергались поляне от древлян и других окрестных племен и потом известием о нашествии козар, которые принудили полян платить себе дань; здесь вставлено сказание о дани по мечу с дыма, сказание, очевидно, позднейшее, сочиненное уже в то время, когда козары пали под ударами русских князей: «Нашли козары полян, сидящих по этим горам в лесах, и сказали козары: платите нам дань.

Поляне, подумавши, дали по мечу от дыма; понесли эту дань козары к князю своему и старейшинам и сказали им: вот мы нашли дань новую. Те спросили их: откуда вы это взяли? В лесу, на горах, над рекою Днепровскою, отвечали они. Старцы козарские сказали тогда: не добра эта дань, князь! мы доискались ее оружием, которое остро только с одной стороны, саблями, а у этих оружие обоюду острое, меч; будут они брать дань на нас и на других странах». Так и случилось, прибавляет летописец: владеют козарами русские и до сего времени.

Вот все, что находим в летописи о дорюриковском времени: картина, по-видимому, очень скудная в подробностях; но мы не имеем никакого права предполагать, что летописец утаил от нас что-нибудь, что он знал больше, чем сколько записал, следовательно, и в самой действительности историк не должен искать ничего больше; и в самом деле, каких еще нужно более подробностей? Живет каждый особо с родом своим на своих местах, владеет родом своим; когда изгоняются завоеватели, то род встает на род, и начинаются усобицы; летописец упоминает о городах; но тут же и дает знать, как мы должны представлять себе эти города, их отношения между собою и к остальному народонаселению: жители их пашут землю, присутствие городов не мешает людям жить в лесу подобно зверям, убивать друг друга, похищать девиц; вот весь быт, и что еще сказать об нем кроме того, что сказано у летописца? Рассказ его ясен и полон. Племена воюют друг с другом, сильнейшие обижают слабейших; но что представляют подробности этих усобиц и можно ли надеяться найти их в летописи? Но летописец записал предания о движениях варварских народов из Азии, о внезапном исчезновении, смене одного другим, притеснениях, которым подвергались от них племена оседлые, но слабые по причине разъединения своего: таковы главные явления в жизни племен, населявших искони великую восточную равнину Европы летописец русский продолжает в этом отношении историков древности. Перечислены племена по свежим следам, как они сохранились во времена летописца; наконец, записано сказание о происхождении его города, главного города всей Русской земли, сказание, составившееся по общему закону, чрез объяснение местных названий именами лиц.

После сказания о козарской дани начинается собственная летопись, т.е. погодное записывание событий, С какого же времени летописец начинает свою летопись? Он начинает ее с 852 г. по р.х.: «С царствования Михаила, императора греческого, является впервые название Русской земли: об этом мы узнали, продолжает летописец, потому, что при царе Михаиле приходили русские на Царьград, как пишется в летописце греческом; поэтому-то отсюда начнем и числа положим».

По образцу греческого летописца и наш начинает перечисление: от Адама до потопа столько-то лет; от потопа до Авраама столько-то и т.д., доходит до царя Михаила и от него переходит к русской истории. «От первого лета Михайлова до первого лета Олгова, русскаго князя, лет 29, а от первого лета Олгова, понеже седе в Киеве, до первого лета Игорева лет 31; а от первого лета Игорева до первого лета Святославля лет 33; а от первого лета Святославля до первого лета Ярополча лет 28; а Ярополк княжи лет 8; а Володимер лет 37; а Ярослав княжи лет 40. Тем же от смерти Святославля до смерти Ярославля лет 85; а от смерти Ярославля до смерти Святополчи лет 60». Любопытно место Никоновского списка, где время призвания князей означено так: «При Михаиле и Василие царема и при Фотии

патриарсе придоша словене» и проч. Потом важно окончание смертью Святополка Изяславича – знак, что летопись составлена между смертью Святополка и смертью преемника его Владимира Мономаха.

После означенного исчисления следует под 858 годом известие из греческой или болгарской летописи о крещении болгар; под следующим 859 годом известие: «Имаху дань варязи из-заморья на Чуди и на Словенех, на Мери и на всех Кривичех; а Козари имаху на Полянех, и на Северех, и на Вятчих, имаху по беле и веверице от дыма». Любопытное выражение «имаху» вместо «приидоша варязи» и тому подобное. По прошествии двух лет полных от известия о дани помещено известие об изгнании варягов и призвании князей; по прошествии двух лет после призвания умирают Рюриковы братья, по прошествии двух лет по смерти Рюрика Олег оставляет Новгород. Здесь очень любопытен также сплошной рассказ под одним 862 годом о призвании Рюрика, о смерти его младших братьев, о раздаче городов, об отпуске Аскольда и Дира на юг.

Везде здесь явственны следы того, что известия о пришествии князей и утверждении их первоначально составляли отдельный сплошной рассказ без годов, которые внесены после; насильственный разрыв рассказа внесением годов особенно заметен в известии о походе Аскольда и Дира на греков: «Рюрику же княжашу в Новгороде – в лето 6371, в лето 6372, в лето 6373, в лето 6374 – иде Асколд и Дир на Греки» и проч.

К этому первоначальному сказанию вместе с предисловием о дорюриковском времени и может только относиться заглавие: «Се повести временных лет, откуда есть пошла Русская земля, кто в Киеве нача первое княжити и откуда Русская земля стала есть».

Начальный Киевский летописец почти ничего не знает о подробностях призвания, о событиях княжения Рюрика: предания о Гостомысле и Вадиме внесены в позднейшие списки из начальной Новгородской. Известие о походе Олега на юг и утверждении в Киеве, очевидно, взято из устных преданий, в которых Олег являлся первым собирателем племен, первым учредителем наряда: к его времени относились все древние уставы, например, дань новгородская. События разделены по годам: на каждый год по походу на одно из племен; потом известия о деятельности Олеговой прекращаются в продолжение 17 лет; под 903 годом помещено известие о браке Игоря на Ольге; заметим, что летописцу нужно было поместить это известие позднее по соображениям с малолетством Святослава при смерти отцовой. Под 907 годом помещено известие о походе Олега на греков. Известный характер рассказа о походе Олеговом ясно указывает на источник – устные народные сказания, причем в летописи нельзя не заметить явную сшивку двух известий: она обличается повторением одного и того же известия о дани сперва по 12 гривен на человека, а потом по 12 гривен на ключ.

Под 911 годом помещено известие о комете, взятое, очевидно, из греческой или болгарской летописи; под 912 годом договор с греками. Неоспоримые свидетельства греческих источников о договорах, заключаемых Империею с разными варварскими народами, свидетельства о договорах, именно заключенных с Русью, соответствие последних договоров договорам, заключенным с другими народами, необходимость, какую чувствовало греческое правительство урядиться с русским князем относительно того, как поступать в случаях столкновения русских с подданными Империи в Константинополе, случаях, не могших быть

редкими, полное соответствие содержания договоров обстоятельствам времени, наконец язык, во многих местах темный, показывающий ясные следы перевода с греческого, не оставляют никакого сомнения в подлинности договоров – Олегова, Игорева, Святославова. По всем вероятностям до летописца дошел перевод современный подлиннику; перевод этот должен был храниться в Киеве у князей, и храниться тщательно, потому что торговые сношения русских с Византиею были предметом первой важности для Руси и князей ее, а нет сомнения, что и впоследствии поступали с русскими в Константинополе на основании древних договоров; странно думать, что норманны вообще заботились мало о сохранении и исполнении договоров: норманские пираты, быть может, мало заботились об этом, но уже показано было прежде, что русские князья не могли оставаться норманскими пиратами, и где доказательство, что они мало заботились об их исполнении и сохранении? После заключения Олегова договора Игорь пошел на греков; но где доказательства, что он пошел не вынужденный нарушением договора со стороны греков? Когда последние объявили ему, что будут платить столько же, сколько платили Олегу, то он заключил с ними мир; имеем право думать, что поход был именно и предпринят для того, чтобы восстановить прежние отношения. Святослав завоевал Болгарию по договору с греками же и потом вел против них войну оборонительную; поход Владимира тесно связан в летописи с намерением принять христианство; Ярослав послал сына на греков именно потому, что в Константинополе обидели русских купцов, следовательно, не выполнили договора. Надобно заметить, что у нас вообще походы древних русских князей на Византию представляются чем-то непрерывным, обычным, тогда как всех их было только шесть.

Записав предание о смерти Олеговой, летописец вставляет известия о волхвах, являвшихся у других народов; вставка понятная по тому интересу, который возбуждали волхвы между современниками летописца. Долговременное княжение Игоря, от которого дошло очень мало преданий, пополняется известиями из греческой и болгарской летописи. Известие о первом походе Игореве на греков взято из тех же источников, известие о втором из туземных преданий; из них же взято оправдание в неудаче первого похода; очевиден тот же самый источник в известиях о смерти Игоря, о мести Ольги, о ее распоряжениях, о крещении, которое описано исключительно по туземным преданиям без всякого соображения с греческими источниками: это доказывает имя императора, при котором крестилась Ольга, Цимиский, и год события. Еще в княжение Игоря, 943 годом оканчиваются выписки из греческой или болгарской летописи о тамошних событиях, и с этих пор, очевидно, исключительное пользование туземными устными преданиями. Уже выше было замечено, когда должно было окончательно образоваться предание о проповедниках разных вер при Владимире; здесь заметим любопытное показание: во времена летописца жили люди, которые помнили крещение земли Русской; несмотря на то, во времена же летописца уже существовали различные противоречивые предания об этом событии, о месте крещения Владимирова; утверждая, что Владимир крестился в Корсунь, летописец прибавляет: «Се же не сведуще право глаголють, яко крестился есть в Киеве; инии же реша Василиви; друзии же инако скажут»; так, в одном дошедшем до нас житии Владимира сказано, что этот князь предпринимал поход на Корсунь, на третий год по принятии крещения. Заметим явную сшивку в начале княжения

Святополкова: тотчас после известия о смерти Владимировой, после заглавия: о убиении Борисове, читаем: «Святополк же седе Кыеве по отце своем, и съзва кыяны, и нача даяти им именье», а после известия о смерти Святослава древлянского, читаем опять: «Святополк же оканный нача княжити Кыеве. Созвав люди, нача даяти озем корзна, а другим кунами и раздая множество». Очевидно, что об убиения св. Бориса и Глеба вставлено особое сказание в летопись: это доказывает особое заглавие; заметим, что вследствие сильнейшего развития церковной литературы в позднейших списках летописи мы встречаем распространенные сказания не только об убиении св. Бориса и Глеба, но также и о страдании первомучеников русских, варягов Феодора и Иоанна. В разных сказаниях о св. Борисе и Глебе замечаются разногласия; так, в сказании, вставленном в летопись, читается, что св. Глеб ехал из Мурома, полагая, что умирающий отец зовет его к себе, а в других сказаниях говорится, что Глеб во время кончины св. Владимира находился в Кыеве, а не в Муроме и, узнав, что Святополк послал убийц на Бориса, отправился тайно вверх по Днепру, но был настигнут убийцами под Смоленском. Против первого известия приводят, что 1В 43 дня, протекшие междуубиением Бориса 24-го июля и Глеба 5-го сентября, не могли уместиться все события, рассказанные в этом известии, что гонец, посланный от Святополка в Муром, не мог возвратиться к своему князю с вестию, что Глеб отправился ранее первых чисел сентября, и если Святополк по этой вести отправил убийц вверх по Днепру, то как они успели проплыть в три или четыре дня около 650 верст? Но, во-первых, из сказания вовсе не видно, чтоб Святополк послал убийц тогда только, когда получил весть, что Глеб отправился; в ожидании, что Глеб отправится по известному пути, он мог послать убийц гораздо прежде. Во-вторых, в сказании нет никаких хронологических указаний. Заметим также, что в оказании, помещенном в летописи, нет никаких противоречий, нет слов Борисовых «поне узрю лице брата моего меньшего Глеба, яко же Иосиф Вениамина». Во всяком случае видно, что и о событиях, последовавших за смертью Владимира, ходили такие же разноречивые предания, как и о событиях, сопровождавших крещение Руси. С другой стороны, заметим, что в известиях о первых событиях княжения Ярославова можно видеть сшивки известий из начальной Киевской летописи с известиями из начальной Новгородской, так что место, начинающееся после слов: «обладающе ими», и оканчивающееся словами: «И поиде на Святополька; слышав же Святополк идуще Ярослава, пристрой без числа вои, руси и печенег, и изыде противу Любчю, он пол Днепра, а Ярослав об сю» – можно считать вставкою из Новгородской летописи, во-первых, потому, что это место содержит известие собственно о новгородском событии; во-вторых, потому, что в рассказе под следующим годом опять повторяется: «Приде Ярослав, и стаха противу оба пол Днепра».

Между известиями о княжении Ярослава под 1051 годом в рассказе о начале Киевского монастыря встречаем первое указание на автора известий, на время его жизни: «Феодосьеви же живуцю в монастыри, и правяцю добродетельное житье и чернечьское правило, и приимающю всякого приходящаго к нему, к нему же и аз приходх худый и недостойный раб, и прият мя лет ми сущю 17 от роженья моего. Се же написах и положих, в кое лето почал быти монастырь и что ради зоветься Печерьский; а о Феодосове житьи паки скажем». Под 1064 годом встречаем новое указание, что с XI века известия записаны очевидцем событий, тогда как прежде

повсюду встречаем явственные следы устных преданий. Рассказывая, между прочими дурными предвещаниями, что рыбаки вытащили из реки Сетомли уroda, летописец прибавляет: «его же позоровахом до вечера». Таким образом, во второй половине XI века открываем мы следы автора известий начальной Киевской летописи, как в том же веке, но ранее, открыли след составителя начальной Новгородской летописи.

С этих пор, как ясно обозначился очевидец при записывании событий, встречаем и числовые показания событий, например под 1060 годом: «Придоша половци первое на Русскую землю воевать, Всеволод же изиде противу их месяца февраля в 2 день».

Этого прежде мы не встречаем при описании самых важных событий, кроме дня кончин княжеских, и то начиная с христианского времени. Что с этих пор летописец есть очевидец или современник событий, доказывается подробностями, которые легко отличить от подробности предыдущих народных сказаний: легко понять, какого рода подробности в сказании о мести Ольгиной, например, и какого рода подробности в известии о победе половцев в 1067 году и ее следствиях. Мы видели, что под 1051 годом летописец обещал опять сказать о житии св. Феодосия, «а о Феодосове житьи паки скажем»: теперь под 1074 годом по случаю известия о смерти св. Феодосия летописец действительно сообщает сведения о его житии: как он проводил пост, как учил братию поститься, о цветущем состоянии монастыря при Феодосии, о том, как братия жили в любви, как меньшие покорялись старшим, не смея пред ними говорить, что ясно выставлено с целию показать противоположность такого поведения с событием, случившимся по смерти Феодосия, относительно игумена Стефана, – о великих подвижниках, какие были при Феодосии, и обращении с ними последнего, о Дамиане чудотворце и других; здесь, в рассказе о жизни св. Исакия, встречаем следующие слова: «И ина многа поведаху о немь, а другое и самовидец бых». Под 1091 годом встречаем рассказ об открытии мощей св. Феодосия, в котором повествователь говорит о себе, как о главном действователе, и в заключении называет себя рабом и учеником Феодосия. Под 1093 годом в благочестивом размышлении о божиих наказаниях встречаем слова: «Се бо аз грешный и много и часто бога прогневаю, и часто согрешаю по вся дни». Под 1096 в рассказе о нашествии половцев на Печерский монастырь читаем: «И придоша в монастырь Печерский, нам сущим по кельям почивающим по заутрени... нам же бежащим задом монастыря». Под тем же годом в одном из древнейших списков, так называемом Лаврентьевском, находится позднейшая вставка поучения Мономаха к детям, перемешанного с письмом его к Олегу Святославичу; вставка позднейшая, потому что начальный составитель летописи, современник Мономаха, конечно, мог иметь в руках оба эти памятника и вставить их в свою летопись, но не мог вставить их именно в том месте, где находим их в Лаврентьевском списке, ибо здесь они вставлены между известиями, которые не могут быть разделены, а именно: описавши нашествие половцев, летописец начинает говорить о происхождении разных варварских народов: «а Измаил роди 12 сына, от них же суть торкъмени и печенези, и торци, и кумани, рекше половци, иже исходят от пустыне, и по сих 8 колен в кончине века изидуть, заклепении в горе Александром Македонским, нечистые человеки». За этим непосредственно должен следовать рассказ летописца о людях, заключенных в гору, о которых он

слышал от новгородца Гюраты Роговича, тогда как между этим рассказом и последними приведенными словами «нечистые человеки» вставлено поучение Мономаха и его письмо к Олегу. Но потом нас останавливает еще одно обстоятельство: по окончании рассказа о войне Мстислава Владимировича новгородского с дядею Олегом Святославичем: «И посла к Олгови (Мстислав), глаголя: не бегай никаможе, но пошлися к брати своей с молбою, не лишать тя Русьские земли; и аз пошлю к отцю молится о тебе. Олег же обещаюся тако створити», – летописец прибавляет: «Мстислав же възвратився вспять Суждалю, оттуду поиде Новугороду в свой град, молитвами преподобнаго епископа Никиты».

Странно, что киевский летописец сделал эту прибавку, тогда как мы знаем обычай новгородского летописца приписывать успех дела молитвам современного событию владыки, например под 1169 г. «И к вечеру победи я князь Роман с новгородьци силою крестною и св. богородицы и молитвами благовернаго владыки Илие». Можно возразить одно, что упомянутый здесь владыка Никита был знаменитый своею святостию инок киевопечерский: это и могло побудить киевского летописца, инока Печерского монастыря, приписать победу Мстислава молитвам св. Никиты; но, с другой стороны, трудно предположить, чтоб это событие не было подробно рассказано в Новгородской летописи, когда предание о славной войне Мстислава и новгородцев с Олегом переходило из рода в род в Новгороде: в 1216 году новгородцы вспоминают, как их предки бились на Кулакше. Карамзин также заметил отличие этого рассказа от остальных мест Несторовой летописи: индикт и год означены в конце.

Под следующим 1097 годом встречаем вставочный рассказ об ослеплении Василька.

Нашли, что слог этого рассказа явственно отличается от слога целой летописи, в которой не замечается выражений, подобных следующему, например: «Боняк же разделился на три полки, и сбиша угры аки в мячь, яко и сокол сбивает галице»; заметили, что подобные выражения просятся в Слово о полку Игореву; но они просятся не в это сочинение, а в Волынскую летопись, которая именно отличается подобным слогом и которой первая часть, до смерти Романа Великого, не дошла до нас, кроме этого отрывка об ослеплении Василька; это происшествие собственно волынское, имевшее важное влияние преимущественно на судьбы Волыни, и потому долженствовавшее быть в подробности описано там же; летописец, составлявший свою летопись в Киеве, не мог написать: «И по ту ночь ведоша и Белгороду, иже град мал у Киева яко 10 верст в дале». Автор сказания является сам действующим лицом в рассказе, открывает свое имя, приводя слова князя Давыда Игоревича, который называет его тезкою князя Василька. Вставка этого места из Волынской летописи явственна еще потому, что после него опять повторяются прежние известия по порядку годов, из летописи, в которую вставлен упомянутый рассказ о Васильке.

Под 1106 годом читаем: «Преставися Ян, старец добрый, жив лет 90, в старосте мастите; жив по закону божью, не хужий бе первых праведник, от него же и аз многа словеса слышах, еже и вписах в летописаньи сем от него же слышах». Наконец после 1110 года встречаем следующую приписку: «Игумен Селивестр святаго Михаила написал книги си летописець, надеяся от бога милость прияти, при князе Володимери, княжащю ему Кыеве, а мне в то время

игуменящу у святого Михаила, в 6624, индикта 9 лета; а иже чететь книги сия, то буди ми в молитвах». Таким образом, в начале XII века мы встречаем ясное свидетельство об известном Сильвестре Выдубецком, который говорит о себе, что он написал летописец. Возраст этого Сильвестра нисколько не препятствовал бы признать его первым составителем начальной Киевской летописи, относить к нему известие под 1064 годом; будучи ребенком, лет 7, он мог ходить смотреть уroda, вытащенного рыбаками, и случай этот мог сохраниться живо в его памяти. Но есть предание, которое приписывает составление древней Киевской летописи иноку Киево-Печерского монастыря, преподобному Нестору; в пользу этого предания свидетельствует самая приписка Сильвестрова, ибо на ее основании гораздо естественнее было бы объявить Сильвестра летописцем, а не предполагать другого, Нестора; известие под 1064 годом может относиться столько же и к Нестору, сколько к Сильвестру; но зато места, встреченные нами в рассказе о Печерском монастыре, о кончине Феодосия, об открытии мощей его, о нападении половцев на монастырь прямо свидетельствуют о летописце-иноке Киево-Печерского монастыря. Для соглашения известий о Несторе летописце с свидетельством Сильвестра, написавшего в 1116 году летописец, предполагают, что Сильвестр был переписчиком или продолжателем Несторовой летописи. В 1116 году Сильвестр мог переписать летопись, оконченную в 1110 году, и продолжать записывание событий дальнейших годов. Но относительно Нестора являются новые возражения: указывают на поразительные разноречия, какие находятся между Несторовым сказанием об убиении Бориса и Глеба и известиями, помещенными в летописи, на разноречия, какие находятся между Несторовым житием св. Феодосия и теми известиями о св. Феодосии и об авторе жития его, какие находятся в летописи. Так как без крайних натяжек нет возможности согласить эти разноречия, то, по мнению некоторых исследователей, должно принять, что или Несторова летопись подверглась большим изменениям и дополнениям или что не Нестор, а другой кто-либо составлял дошедшую до нас первую летопись. Но для нас нет еще решительных доказательств, которые могли бы заставить предпочесть второе положение первому. Для нас важно то, что со второй половины XI века в Киеве мы замечаем ясные признаки летописца – очевидца событий, что еще прежде открываем следы новгородского летописца, что в конце XI века открываем известия, обличающие волынского летописца, что дошедшие до нас списки начальной летописи представляют сборники, составленные из Киевской, Новгородской и Волынской летописей, что, по свидетельству владимирского епископа Симона в послании его к монаху Поликарпу, существовал еще старый летописец Ростовский, в котором можно было найти имена всех епископов, поставленных из монахов киевопечерских; что древнейшие списки начальной летописи представляют летопись сокращенную, пополнения которой должно искать в известиях, содержащихся в позднейших списках, например в Никоновском и других; известия эти не могут подлежать никакому сомнению, не выдуманы позднейшими составителями летописи; выражения вроде таких: «это известие Никоновского списка выдуманно, потому что его нет в харатейном Несторе», не имеют более смысла в науке; тот же самый вывод должно распространить и на известия, находимые в Татищевском своде летописей, ибо против их достоверности употребляли то же самое возражение: выдуманно, потому что этого нет в древнейших списках.

После приписки Сильвестра и древнейшие списки более или менее расходятся друг с другом в подробностях. Все они содержат в себе летопись общую всероссийскую, или, лучше сказать, княжескую, летопись, ибо главное, почти исключительное содержание ее составляют отношения Рюрикова княжеского рода; но и в летописи XII и начала XIII века, как в рассмотренной летописи XI века, в некоторых известиях легко заметить, что они принадлежат то киевскому, то черниговскому, то полоцкому, то суздальскому летописцу; в конце же XII века известия киевского летописца явственно прекращаются, и у нас остаются две летописи: одна, явно написанная на Волыни, а другая на севере, в Суздальской земле; впрочем, еще прежде, с явственного отделения Северной Руси от Южной, с княжения Всеволода III, замечаем и явственное, так сказать сплошное отделение северной летописи от южной. Приведем несколько мест из летописи событий XII века, в которых опять видим ясные признаки летописца-очевидца, современника событий, или признаки местных летописей. Под 1114 годом в Ипатьевском списке читаем: «В се же лето Мстислав заложи Новгород болии перваго. В се же лето заложена бысть Ладога камением на приспе, Павлом посадником, при князе Мстиславе. Пришедшу ми в Ладогу, поведаша ми ладожане: яко сде есть, егда будет туча велика, и находять дети наши глазкы стеклянныи, и малые и великыи, провертаны, а другие подле Волхов берутъ, еже выполоскываетъ вода, от них же взях более ста; суть же различни. Сему же ми ся дивляшю, рекоша ми: се не дивно; и еще мужи старии ходили за Югру и за Самоядь, яко видивше сами на полуночных странах, спаде туча и в той тучи спаде веверица млада, акы топерво рожена, и възрашти и расходится по земле, и паки бывает другая туча, и испадают оленци мали в ней, и възрастають и расходятся по земли. Сему же ми есть послух посадник Павел ладожский и все ладожане». Здесь ясно, что летописец был современник построения каменной крепости в Ладоге, ибо имел разговор с посадником Павлом, ее построившим; но откуда родом был этот летописец, где писал, из какой летописи это известие занесено в Ипатьевский список – этого решить нельзя; заметим, что в Новгородской летописи заложение Ладожской крепости помещено двумя годами позднее, чем в Ипатьевском списке. Под 1151 годом: «И рече (Изяслав Мстиславич) слово то, ако же и переже слышахом: не идеть место к голове, но голова к месту». Очевиден современник событий и человек, имевший случай разговаривать с князем. Под 1161 годом: «Бысть брань крепка... и тако страшно бе зрети яко второму пришествию быти». Под 1171 годом: «На утрия же в субботу поидохом с Володимиром из Вышегорода». Под 1187 годом: «И на ту осень бысть зима зла велми, тако иже в нашу память не бывало николи же». Под 1199 годом в рассказе о построении стены у Выдубецкого монастыря: «В тое же время благоволи бог... и вдохнув мысль благу во богоприятное сердце великому князю Рюрикову... ть же с радостию примим, акы благый раб верный, потащася немедленно сугубити делом... Но о Христе державно милосердуя о всех, по обычаю ти благому, и наша грубости писание приими, акы дар словесен на похваление добродетелей». Здесь очевиден и современник события и монах Выдубецкого монастыря; но нельзя решить, принадлежит ли ему и записывание предыдущих событий или рассказ о построении стены составляет отдельный памятник и вставлен в летопись как замечательное риторическое произведение. Есть известие, из которого можно вывести отрицательно, что летописец не

принадлежал к братии Киево-Печерского монастыря: в Лаврентьевском списке под 1128: «Пряша церковь Димитрия нечеряне, и нарекоша ю Петра, с грехом великим и неправо».

Разность летописцев – одного черниговского, а другого киевского или по крайней мере принадлежащего к стороне Мономаховичей, видна в рассказе об изгнании Ольговичей из Киева и вступлении туда Изяслава Мстиславича под 1146 годом в Ипатьевском списке: сначала намерение изгнать Ольговича называется постоянно советом злым, вложенным от дьявола, а потом говорится о том же самом событии, т.е. об изгнании Ольговича и торжестве Изяслава Мстиславича: «Се же есть пособием божиим, и силою честнаго хреста, и заступлением св. Михаила, и молитвами св. богородицы». Потом опять слышен голос другого, прежнего летописца, укоряющего Давыдовичей за то, что они не хотели воевать с Мстиславичем, отыскивать свободы Игорю Ольговичу, брату своему (двоюродному): «Лукавый и пронирыливый дьявол, не хотяй добра межи братьею, хотяй приложити зло к злу, и вложи им (Давыдовичам) мысль не взыскати брата Игоря, ни помянути отечества и о хресте утвержение, ни божественные любве, якоже бе лепо жити братьи единомыслено укупе, блюдучи отечества своего». По всему видно, что летописец стоит за Ольговичей; киевский летописец не мог бы принимать такого горячего участия в делах Святослава Ольговича, не мог бы, говоря о приходе союзников к последнему, выразиться, что это случилось божиим милосердием; не мог сказать, что Святослав божиим милосердием погнал Изяслава Давыдовича и бывшую с ним киевскую дружину; сшивка из двух разных летописей в этом рассказе ясна: летописец Ольговича говорит о неприличных словах Изяслава Давыдовича, о походе его на Святослава Ольговича, о решительности последнего и победе над врагами – все дело кончено, но потом опять о том же самом происшествии новый рассказ, очевидно, киевского летописца: «Изяслав Мстиславич и Володимир Давыдович послаша брата своего Изяслава с Шварном, а сами по нем идоста». Ясно также, что первое известие о Москве принадлежит не киевскому летописцу, а черниговскому или северскому, который так горячо держит сторону Святослава Ольговича и знает о его движениях такие подробности; киевского летописца, явно враждебного Ольговичам, не могли занимать и даже не могли быть ему известны подробности пиров, которые давал Юрий суздальский Святославу, не могла занимать смерть северского боярина, доброго старца Петра Ильича. Рассказ под 1159 годом в Ипатьевском списке о полоцких происшествиях, по своим подробностям и вместе отрывочности, ибо вообще летопись очень скудна относительно полоцких событий, обличает вставку из Полоцкой летописи. Приметы северного, суздальского летописца также ясны; например рассказ о переходе Ростислава Юрьевича на сторону Изяслава Мстиславича в Лаврентьевском списке отличается от рассказа о том же событии в Ипатьевском: в первом поступок Ростислава выставлен с хорошей стороны, ни слова не упомянуто о ссоре его с отцом; первый, очевидно, принадлежит суздальскому летописцу, второй – киевскому.

Различен рассказ северного к южного летописца о походе Изяслава Мстиславича на Ростовскую область; о мире Юрия с Изяславом в 1149 году, об епископе Леоне и князе Андрее, об отношениях Ростиславичей к Андрею Боголюбскому; в описании похода рати Андреевой на Новгород в Лаврентьевском списке читаем: «Новгородцы же затворишася в городе с князем Романом, и

объяхуться крепко с города, и многы избиша от наших». Очевиден суздальский летописец; но и в Ипатьевском списке вставлено также суздальское сказание, ибо и здесь читаем: «се же бысть за наша грехы». Об убиении Андрея Боголюбского в обоих списках вставлено суздальское сказание с вариантами; но в Лаврентьевском, между прочим, попадают следующие слова в обращении к Андрею: «Молися помиловати князя нашего и господина Всеволода, своего же присного брата» – прямое указание на время и место написания рассказа. Рассказ о событиях по смерти Андрея принадлежит, очевидно, северному и именно владимирскому летописцу; встречается выражение, что ростовцы слушались злых людей, «не хотящих нам добра, завистью граду сему». Под 1180 годом очевиден владимирский летописец, ибо в рассказе о войне Всеволода III с Рязанью употребляет выражение: «наши сторожки, наши погнаша». Под 1185 г. в рассказе о поставлении епископа Луки летописец обращается к нему с такими словами: «Молися за порученное тебе стадо, за люди хрестьянскыя, за князя и за землю Ростовскую»; отсюда ясно также, что писано это уже по смерти епископа Луки. Под тем же годом любопытен в Лаврентьевском списке рассказ о подвигах князя Переяславля Южного, Владимира Глебовича, рассказ, обличающий северного летописца, приверженного к племени Юрия Долгорукого: у суздальского летописца вся честь победы над половцами приписана Владимиру Глебовичу; у киевского дело рассказано иначе. Любопытно также разногласие в рассказе суздальского (Лавр. спис.) и киевского (Ипатьев. спис.) летописцев о войне Всеволода III и Рюрика Ростиславича с Ольговичами: суздальский во всем оправдывает Всеволода, киевский – Рюрика. Под 1227 годом читаем: «Поставлен бысть епископ Митрофан и богохранимем граде Володимере, в чюдней святей Богородици, Суждалю и Володимерю, Переяславлю, суцю ту благородному князю Гюргю и с детми своими, и братома его Святославу, Иоанну, и всем бояром, и множество народа; приключися и мне грешному ту быти».

Мы сказали, что летопись, известная под именем Несторовой с продолжателями, в том виде, в каком она дошла до нас, есть летопись всероссийская; ей по содержанию противоположны летописи местные: Волынская и Новгородская. Мы признали сказание Василия об ослеплении князя Василька тербовольского за отрывок из первой части Волынской летописи, которая не дошла до нас, дошла вторая половина, начинающаяся с 1201 года, с заглавием: «Начало княжения великого князя Романа, самодержца бывша всей Русской земли, князя галичкого»; но вместо того тотчас после заглавия читаем: «По смерти же великаго князя Романа», после чего следует похвала этому князю, сравнение его с Мономахом; потом с 1202 года начинается рассказ о событиях, происходивших по смерти Романа. Примету летописца-современника, очевидца событий можно отыскать под 1226 годом в рассказе о борьбе Мстислава торопецкого с венграми: «Мстислав же выехал противу с полкы, онем же позоровавшим нас, и ехаша угре в станы своя». Начальной Новгородской летописи не дошло до нас в чистоте; в известных нам списках известия из нее находятся уже в смешении с начальною Киевскою летописью: в древнейшем, так называемом Синодальном списке недостает первых пятнадцати тетрадей. Другой список, так называемый Толстовский, начинается любопытным местом, очевидно, принадлежащим позднему составителю, соединявшему Новгородскую начальную летопись с Киевскою: «Временник, еже нарицается летописание

князей и земля Русския, како избра бог страну нашу на последнее время, и грады почаша (бывати) по местом, преже Новгородская волость и потом Киевская, и о поставлении Киева, како во имя (Кия) назвася Киев. Якоже древле царь Рим, прозвася во имя его град Рим, и паки Антиох, и бысть Антиохия, и паки Селевк, бысть Селевкия, и паки Александр, бысть Александрия во имя его. И по многа места тако прозвани быша гради ти во имяна цареч тех и князь тех. Яко в нашей стране прозван бысть град великий Киев во имя Кия, его же древле нарицают перевозника бывша, инии же яко и ловы деяща около града своего. Велик бо есть промысл божий, еже яви в последняя времена! Куда же древле погани жряху бесом на горах, туда же ныне церкви святыя стоят златоверхия каменозданныя, и монастыреве исполнени черноризцев, беспрестанно славящих бога в молитвах и в бдении, в посте, в слезах, ихже ради молитв мир стоит. Аще бо кто к святым прибегнет церквам, тем велику ползу примет души же и телу. Мы же на последнее возвратимся. О начале Русьскыя земля и о князях, како и откуда быша». За этим следует не раз приведенное место о древних князьях и дружине с увещанием современникам подражать им: «Вас молю, стадо Христово, с любовью, приклоните ушеса ваша разумно; како быша древня князи и мужи их и проч.» Здесь можно заметить, что первое заглавие «Временник, еже нарицается летописание князей и земля Руския» и следующее за ним рассуждение о начале городов принадлежит позднему составителю; а второе заглавие: «О начале Русьскыя земля и о князих» – с рассуждением о древних князьях, взято им из древнейшего летописца – какого: новгородского или киевского – решить трудно. Рассуждение о древних князьях и боярах оканчивается так: «Да отселе, братия возлюбленная моя, останемся от несытства своего: доволни будите уроки вашими. Яко и Павел пишет: ему же дань, то дань, ему же урок, то урок; ни кому же насилия творяще, милостынею цветуще, страннолюбием в страхе божи и правоверии свое спасение содевающе, да и zde добре поживем, и тамо вечней жизни причастници будем. Се же таковая. Мы же от начала Русьской земли до сего лета и вся по ряду известно да скажем, от Михаила царя до Александра и Исакия». Выше было указано на приметку первого летописца новгородского, ученика Ефремова; приметку другого позднейшего составителя находим под годом 1144: «В то же лето постави мя попом архиепископ святой Нифонт».

В связи с вопросом о Новгородской летописи находится вопрос о так называемой Иоакимовой летописи, помещенной в первом томе Истории Российской Татищева. Нет сомнения, что составитель ее пользовался начальной Новгородскою летописью, которая не дошла до нас и которую он приписывает первому новгородскому епископу Иоакиму, – на каком основании, решить нельзя; быть может, он основался только на следующем месте рассказа о крещении новгородцев: «Мы же стояхом на Торговой стране, ходихом по торжищам и улицам, уцахом люди елико можахом».

Исследовавши состав наших летописей в том виде, в каком они дошли до нас, скажем несколько слов об общем их характере и о некоторых местных особенностях.

Летопись вышла из рук духовенства; это обстоятельство, разумеется, сильнее всего должно было определить ее характер. Летописец – духовное лицо, ищет в описываемых им событиях религиозно-нравственного смысла, предлагает читателям свой труд как религиозно-нравственное поучение; отсюда высокое

религиозное значение этого труда в глазах летописца и в глазах всех современников его; Сильвестр в своей приписке говорит, что он написал летописец, надеясь принять милость от бога, следовательно написание летописи считалось подвигом религиозным, угодным богу. Говоря в начале о событиях древней языческой истории, летописец удерживается от благочестивых наставлений и размышлений: поступки людей, неведущих закона божия, не представляют ему приличного к тому случая.

Только с рассказа об Ольге-христианке начинаются благочестивые размышления и поучения; непослушание язычника Святослава святой матери подает первый к тому повод: «Он же не послуша матери, творяще норovy поганьские, не ведый, аще кто матере не послушает, в беду впадаеть; яко же рече: аще кто отца, ли матере не послушает, смертью да умереть». Таким образом, бедственная кончина Святослава представляется следствием его непослушания матери. Смерть св. Ольги доставляет повод к другому размышлению о славе и блаженстве праведников. Потом не встречаем благочестивых размышлений до рассказа о предательстве Блуда: «О, злая лесьть человекьска! Се есть съвет зол, иже свещевають на кровопролитья; то суть неистовии, иже приемше от князя или от господина своего честь, ли дары ти мыслять о главе князя своего на погубленье, горьше суть бесов таковии».

Святополк Окаянный с самого рассказа о зачатии его подвергается уже нареканию, предсказывается в нем будущий злодей: «От греховынаго бо корени зол плод бывает». Противоположность Владимира-язычника и Владимира-христианина также подает повод к поучению; смерть двух варягов-христиан не могла остаться без благочестивого размышления о преждевременной радости дьявола, который не предвидел скорого торжества истинной веры. При известии о начале книжного учения летописец обнаруживает сильную радость и прославляет бога за неизреченную милость его. «Сим же раздаяном на ученье книгам, събысться пророчество на Русьей земли, глаголющее: во оны днии услышать глусии словеса книжная, и ясен будеть язык гугнивых. Се бо не беша преди слышали словесе книжнаго, но по божью строю, и по милости своей помилова бог, яко же рече пророк: помилую, его же аще помилую» и проч. За известием о смерти Владимира следует похвала этому князю, из которой узнаем, что во времена летописца Владимир не был еще причтен к лику святых: «Дивно же есть се, колико добра створил Русьей земли, крестив ю. Мы же христиане суще, не въздаем почестья противу онаго възданью. Аще бы он не крестил бы нас, то ныне были быхом в прельсти дьяволи, яко же и прородители наши погынуша. Да аще быхом имели потщанье и мольбы приносили богу зань, в день преставленья его, и видя бы бог тщанье наше к нему, прославил бы и: нам бо достоить зань бога молити, понеже тем бога познахом». Мы уже прежде упоминали о похвале книжному учению, внесенной в летопись по поводу известия о ревности князя Ярослава к нему.

По смерти Ярослава явления, стоящие на первом плане в летописи, суть отношения княжеские, усобицы и потом нашествия степных варваров, половцев. Понятно, что летописец вместе со всеми современниками видит в усобицах главное зло и сильно против них вооружается. Летописец смотрит на усобицу как на следствие дьявольского внушения, и нашествия иноплеменников, поражения от них суть наказания божий за грех усобицы: «Наводит бо бог по гневу своему

иноплеменьники на землю, и тако скрушенным им въспоманути к богу; усобная же рать бывает от соблажненья дьяволя». Мы видели, как часто князья преступали клятвы, данные друг другу, отчего и происходили усобицы; по двум основаниям, религиозному и политическому, летописец должен был сильно вооружиться против клятвопреступлений, которые вместе были крестопреступлениями, ибо клятвы запечатлевались целованием креста, Ярославичи целовали крест Всеславу полоцкому и тотчас же нарушили клятву, посадили Всеслава в тюрьму. Но Всеслав освобожден из заключения вследствие изгнания Изяслава; по этому случаю летописец говорит: «Се же бог яви силу крестную, понеже Изяслав целовав крест, и я и (Всеслава); тем же наведе бог поганья, сего же яве избави крест честный, в день бо Въздвиженья Всеслав вздохнув рече: „О, кресте честный! понеже к тебе веровах, избави мя от рва сего“. Бог же показа силу крестную на показанье земле Русьстей, да не преступают честного креста, целовавше его; аще ли преступит кто, то и zde приметъ казнь, и на придущем веце казнь вечную». Начало усобицы между Ярославичами, изгнание Изяслава меньшими братьями, преступление заповеди отцовской дает случай летописцу сказать грозное слово: «Въздвиже дьявол котору в братьи сей Ярославичах... Велий бо есть грех преступати заповедь отца своего: ибо исправа преступиша сынове Хамове на землю Сифову, и по 400 лет отмъщенье прияша от бога; от племени бо Сифова суть евреи, же избивше Хананейско племя, восприяше свои жребии и свою землю. Паки преступи Исав заповедь отца своего, и прия убийство; не добро бо есть преступати предела чюжего». Смерть Изяслава, положившего голову свою за брата, дает летописцу случай распространиться в похвалу братолюбью: «По истине аще что створил есть (Изяслав) в свете сем етеро согрешенье, отдасться ему, занеже положи главу свою за брата своего, не желая болшее волости, ни имениа хотя болша, но за братию обиду». Говоря о мести Василька теребовльского, сперва на невинных жителях города Всеволожа, а потом на боярах Давыда Игоревича, летописец прибавляет: «Се же второе мщенье створи, его же не бяше лепо створити, дабы бог отместник был, и взложити было на бога мщенье свое». В рассказе о борьбах и счетах княжеских летописец стоит за старших против младших: никогда не находим оправдания последним, не раз находим упрек им; так, на юге летописец вооружается против Ярослава Святополковича за гордость против дяди и тестя; на севере, рассказавши о победе Юрьевичей над племянниками, летописец прибавляет: «Богу наказавшу князей креста честнаго не преступати и старейшего брата чтити». Мы видели, что по привязанности летописца к тому или другому князю можно определить, к какой волости принадлежит летописец; у северного летописца замечаем особенную привязанность к своим князьям, потомкам Юрия Долгорукого, особенное уважение к власти, старание внушить к ней уважение.

Здесь видим почти постоянное величание князя именем и отчеством с прибавлением; великий князь, часто с прибавлением: благоверный, христоролюбивый; здесь встречаем упоминание о семейных торжествах князей, например, о постригах, доставлявших великую радость целому городу. Особенно в этом отношении замечательно описание отъезда князя Константина Всеволодовича в Новгород в 1206 году. Уважение к власти, которое северный летописец старается внушить, высказано также под 1175 годом, по поводу смерти Андрея Юрьевича, потом по случаю смерти Всеволода Юрьевича в 1212 году.

Замечаем у северного летописца и особенную привязанность к владыкам своим. Понятно, что в самом уже начале встречаем у северного летописца мало сочувствия к новгородцам: по случаю похода Андреевой рати в 1169 году он упрекает новгородцев в частом нарушении клятв, в гордости, хотя и соглашается, что быт новгородский получил начало свое издавна, от прадедов княжеских, но никак не хочет уступить новгородцам права нарушать клятвы и выгонять князей. Под 1186 годом нерасположение летописца к новгородскому быту также ясно высказывается: «В се же лето выгнаша новгородцы Ярослава Володимерича, а Давыдовича Мстислава пояша к себе княжить Новгороду: так бо бе их обычай». Под 1178 годом по поводу взятия и опустошения Торжка Всеволодом III летописец распространяется против клятвоступлений: «Взяша город, мужи повязаша, а жены и дети на щит и товар взяша, а город пожгоша весь за новгородскую неправду, оже по дни целуют крест чесный, и преступають. Тем же пророком глаголеть нам» и проч.

О нашествии варваров летописец отзывается постоянно, как о наказании божиим за грехи народа; под 1093 годом: «Бысть плач в граде, а не радость, грех ради наших великих и неправды, за умноженье беззаконий наших. Се бо на ны бог попусти поганым, не яко милуя их, по нас кажа, да быхом ся востягнули от злых дел, сим казнить ны нахоженьем поганых, се бо есть батог его, да негли встягнувшися вспомянемся от злаго пути своего». Подобное рассуждение повторяется и впоследствии. Таково же воззрение летописца и на все другие бедствия: «Бог бо казнит рабы своя напастми различными, огнем и водою и ратью и иными различными казнями, хрестьянину бо многими напастми внити в царство небесное, согрешихом, казними есмы, яко створихом, тако и прияхом, но кажеть ны добре господь наш. Но да никто ж можеть реши, яко ненавидит нас бог; не буди». Болезни, всякого рода страдания, напрасная смерть очищают человека от грехов; по свидетельству летописца, князь Ярополк Изяславич молился: «Господи, боже мой! приими молитву мою, и дажь ми смерть, яко же двема братома моима Борису и Глебу, от чюжю руку, да омыю грехы вся своею кровью». Сказавши о смерти князя Святослава Юрьевича, летописец прибавляет: «Си же князь избраник божий бе: от рожества и до свершенья мужьства бысть ему болезнь зла, ея же болезни просяхуть на ся святии апостоли и святии отци у бога: кто бо постражеть болезнью тою, якоже книги глаголют, тело его мучится, а душа его спасается. Также и ть во истину святой Святослав, божий угодник избранный в всех князех: не да бо ему бог княжити на земли, но да ему царство небесное». Ту же мысль выражает летописец и в рассказе о смерти Андрея Боголюбского. Мстислав Ростиславич Храбрый говаривал дружине своей перед битвою: «Братья! ничто же имете во уме своем, аще ныне умрем за хрестьяны, то очистимся грехов своих и бог вменит кровь нашу с мученикы». Летописец держится того же мнения, даже относительно христианских воинов других исповеданий, например крестоносцев. Успех, избавление от опасности приписывается, обыкновенно после милости божией и молитв святых, также молитве предков умерших, отца и деда и прадеда; например, описавши торжество Юрьевичей над племянниками, летописец прибавляет: «И поможе бог Михалку и брату его Всеволоду, отца и деда его молитва и прадеда его». Мы видели, с каким неудовольствием летописец отзывается о народных увеселениях, в которых видны были остатки язычества.

Рассмотревши религиозные, нравственные и политические понятия летописца, обратимся к его понятиям научным. Вот его рассуждение о происхождении половцев в образчик этнографических, исторических и географических понятий: «Ишьли бо суть си от пустыне Нитривьские, межю востоком и севером; ишьли же суть их колен 4 торкъмени и печенези, торци, половци. Мефодий же свидетельствует о них, яко 8 колен пробегли суть, егда исече Гедеон, да 8 их беже в пустыню, а 4 исече.

Друзии же глаголють: сыны Амоновы. Се же несть тако: сынове бо Моавли хвалиси, а сынове Аммонови болгаре, а сарацины от Измаила творяться сарини, и прозваша имена себе саракыне, рекше: сарини есмы. Тем же хвалиси и болгаре суть от дочерю Лотову, иже зачаста от отца своего, тем же нечисто есть племя их; а Измаил роди 12 сына, от них же суть торкъмени, и печенези, и торци, и кумани, рекше половци, иже исходят от пустыне и по сих 8 колен в кончине век изидуть, заклепении в горе Александром Македоньским, нечистыя человеки, якоже сказаеть о них Мефодий Патарийский: и взиде на восточныя страны до моря, наричемое Солнче место, и виде ту человеки нечистые, от племене Афетова; их же нечистоту видех: ядаху скверную всяку, комары и мухы, котки, змие, и мертвец не погребяху, но ядаху и женьскыя изворогы и скоты вся нечистыя; то виде Александр убояся, едва како умножаться и осквернять землю, и загна их на полунощныя страны в горы высокия; и богу повелевшю, ступишася о них горы полунощныя, токмо не ступишася о них горы на 12 локоть и ту створишася врата медяна, и помазашася сунклитом, и аще хотять огня взяти, не възмогут и жещи; вещь бо сунклитова сице есть: ни огонь можетъ вжещи его, ни железо его приметъ; в последняя же дни по сих изидуть 8 колен от пустыне Етривьския, изидуть и си скверний языки, яже суть в горах полунощных, по повеленью божию». О других исторических, географических и этнографических сведениях начального летописца говорено было выше в своем месте; теперъ же взглянем на отзывы летописца о разных физических явлениях: каждое необыкновенное физическое явление предвещает что-нибудь необыкновенное в мире нравственном, обыкновенно что-нибудь недоброе: в 1063 году шел Волхов в Новгороде назад 5 дней; это знамение было не к добру, говорит летописец: на четвертый год князь Всеслав пожег город. В следующем году «бысть знаменье на западе, звезда превелика, луче имуци акы кровавы, выходящи с вечера по заходе солнечнем, и пребысть за 7дний, се же проявляше не на добро; по сем бо быша усобице много и нашествие поганых на Русьскую землю, си бо звезда бе акы кровава, проявляющи кровопролитье. В си же времена бысть детищъ ввержен в Сетомль, сего же детища выволокоша рыболове в неводе, его же позоровахом до вечера, и паки ввергоша и в воду, бьшеть бо сиць: на лица ему срамнии удове, иного нелзе казати срама ради.

Пред сим же временем и солнце пременися, и не бысть светло, но акы месяц бысть; его же невелики глаголют снедаему сущю. Се же бывает сица знаменья не на добро, мы бо по сему разумеем». Следует исчисление необыкновенных явлений, виденных в разных странах и предвозвестивших народные бедствия; это исчисление летописец оканчивает следующими словами: «Знаменья бо в небеси, или звездах, ли солнци, ли птицами, ли етером чим, на благо бывають: но знаменья сиця на зло бывають, ли проявление рати, ли гладу, ли смерть проявляють». Под 1091 годом читаем: «Бысть Всеволоду ловы деюще звериные

за Вышегородом, заметавшим тенета и кличаном кликнувшим, спаде превелик змий от небесе; ужасошася вси людье. В се же время земля стукну, яко мнози слышаша». Под 1102: «Бысть знаменье на небеси, месяца генваря в 29 день, по 3 дни: аки пожарная заря от востока и уга и запада и севера, и бысть тако свет всю ночь, акы от луны полны светящия. В то же лето бысть знаменье в луне, месяца февраля в 5-й день. Того же месяца в 7-й день бысть знаменье в солнци; огородилося быше солнце в три дуги и быша другыя дуги хребты к себе. И си видяще знаменья, благовернии человеци со въздыханьем моляхуся к богу и со слезами, дабы бог обратил знаменья си на добро: знаменья бо бывають ова на зло, ова ли на добро». Под 1104 г.: «Стояше солнце в крузе, а посреди круга крест, а спереди креста солнце, а вне круга оба полы два солнца, а над солнцем кроме круга дуга, рогом на север; тако же знаменье и в луне тем же образом, месяца февраля в 4, 5 и 6 день, в дне по три дни, а в ночь в луне по три нощи». Под 1110: «В 11-й день февраля месяца явися столп огнен от земли до небеси, а молнья осветиша всю землю, и в небеси погреме в час 1-й нощи». Под 1141 годом: «Дивно знаменье бысть на небеси и страшно: быша три солнца сиюща межи собою, а столпи 3 от земли до небесе, надо всеми горе бяше акы дуга месяц особе стояче». Под 1203 годом: «Бысть во едину ночь, в пятый час нощи, потече небо все и бысть чермно, по земли же и по хоромем снег, мнети же всем человеком зряче, аки кровь прольяна на снегу; и видеша же неции течение звездное бысть на небеси, отторгаху бо ся звезды на землю, мнети видящим я яко кончину». Под 1186 годом описание солнечного затмения: «Месяца мая в 1-й день, в среду на вечерни, бысть знаменье в солнци, и морочно бысть велми, яко и звезды видети, человеком в очью яко зелено бяше, и в солнци учинися яко месяц, из рог его яко уголь жаров исхожаше: страшно бе видети человеком знаменье божье». Описав солнечное затмение в 1113 году, предвозвестившее по тогдашнему мнению смерть великого князя Святополка, летописец прибавляет: «Се же бывають знаменья не на добро, бывають знаменья в солнци и в луне или звездами не по всей земле, но в которой либо земле аще будет знаменье, то та земля и видит». Под 1143 годом читаем описание бури: «Бысть буря велика, ака же не была николи же, около Котелниче, и розноси хоромы и товар и клети и жито из гумен, и просто рещи, яко рать взяла, и не остана у клетех ничто же; и неции налезоша броне у болоте, занесены бурею». Под следующим годом читаем: «Бысть знамение за Днепром, в Киевской волости: летящую по небеси до земли яко кругу огнену, и остана по следу его знамение в образе змья великаго, и стоя по небу с час дневный и разидося. В то же лето паде снег велик в Киевской сторони, коневы до черевы, на Велик день». Под 1161 годом: «Бысть знамение в луне страшно и дивно: идяше бо луна черезо все небо от въстока до запада, изменяючи образы своя: бысть первое и убывание по малу, донеже вся погибе, и бысть образ ея яко скудна, черна, и паки бысть яко кровава, и потом бысть яко две лица имущи, едино зелено, а другое желто, и посреди ея яко два ратьная секущеся мечема, и единому ею яко кровь идяше из главы, а другому бело акы млеко течаше; сему же рекоша стариини люди: не благо есть сяково знамение, се прообразует князю смерть – еже бысть» (убит был Изяслав Давыдович). Под 1195 «Тое же зимы, по Федорове недели во вторник в 9-й час потрясеся земля по всей области Киевской и по Киеву: церькви каменныя и дресвяныя колебахуся, и вси людие видяще, от страху не можаху стояти, овии падаху ници, инии же трепетаху. И рекоша игумени блажениини: се бог проявил есть

показая силу свою за грехи наша, да быхом остали от злого пути своего; инии же молвяхуть друг ко другу: сии знамения не на добро бывають, но на падение многим, и на кровопролитие, и на мятежь мног в Русской земле, еже и сбысться» (усобица Мономаховичей с Ольговичами).

Изложив общие черты нашей древней летописи, скажем несколько слов об особенностях изложения, которыми отличаются различные местные летописи. До нас от описываемого времени дошли две летописи: северные – Новгородская и Суздальская, и две южные – Киевская, с явными вставками из Черниговской, Полоцкой и, вероятно, других летописей, и Волынская, Новгородская летопись отличается краткостью, сухостью рассказа; такое изложение происходит, во-первых, от бедности содержания: Новгородская летопись есть летопись событий одного города, одной волости; с другой стороны, нельзя не заметить и влияния народного характера, ибо в речах новгородских людей, внесенных в летопись, замечаем также необыкновенную краткость и силу; как видно, новгородцы не любили разглагольствовать, они не любят даже договаривать своей речи и, однако, хорошо понимают друг друга; можно сказать, что дело служит у них окончанием речи; такова знаменитая речь Твердислава: «Тому есмь рад, оже вины моеи нету; а вы, братье, в посадничьстве и в князех». Рассказ южного летописца, наоборот, отличается обилием подробностей, живостью, образностью, можно сказать, художественностью; преимущественно Волынская летопись отличается особым поэтическим складом речи: нельзя не заметить здесь влияния южной природы, характера южного народонаселения; можно сказать, что Новгородская летопись относится к южной – Киевской и Волынской как поучение Луки Жидяты относится к словам Кирилла Туровского. Что же касается до рассказа суздальского летописца, то он сух, не имея силы новгородской речи, и вместе многоглаголив без художественности речи южной; можно сказать, что южная летопись – Киевская и Волынская, относятся к северной Суздальской, как Слово о полку Игореву относится к сказанию о Мамаевом побоище.

Глава вторая

От смерти Мстислава Торопецкого до опустошения Руси татарами (1228–1240)

События новгородские. – Война суздальских князей с Черниговом. – Вражда Новгорода с Псковом. – Войны с мордвою, болгарями, немцами и Литвою. Усобица в Смоленске. – Деятельность Даниила Романовича галицкого. – Участие его в польских делах. – Тевтонский орден. – Батыево нашествие. – Сведения о татарах.

Отношения новгородские, столкновения здесь князей северных с южными грозили было во второй раз нарушить покой на севере. Мы видели, что в 1228 году новгородцы, не довольные Ярославом Всеволодовичем, призвали к себе вторично Михаила черниговского; последний был шурином великому князю Юрию владимирскому, который в первый раз посадил его в Новгороде; Ярославу стали

говорить, что и теперь Михаил посажен в Новгороде по старанию Юрия; Ярослав поверил наговорам: в самом деле, мог ли владимирский князь спокойно видеть, что младший брат его, князь Переяславля Залесского, усиливается насчет Новгорода, не имел ли Юрий важных причин мешать этому усилению? Как бы то ни было, Ярослав стал сердиться на старшего брата и, чтоб успешнее действовать против него, поссорил с дядею и троих Константиновичей ростовских – Василька, Всеволода и Владимира. Юрий, узнавши об этом, спешил предупредить усобицу и в 1229 году повестил всем родичам, чтоб съехались к нему во Владимир на сейм; Ярослав сначала не хотел было ехать, но, узнав, что племянники поехали, отправился и сам во Владимир.

Здесь Юрию удалось уладить дело: все родичи поклонились ему, называя отцом себе и господином, весело отпраздновали Рождество богородицы, получили подарки сами и бояре их и разъехались довольные по волостям своим. Ярослав, обеспеченный со стороны старшего брата, стал готовиться к войне с Михаилом; тогда во Владимир явилось посольство из Южной Руси от князя киевского – Владимира Рюриковича и черниговского – Михаила, обоих близких свойственников великого князя Юрия (который в том же 1230 году женил сына своего Всеволода на дочери Владимира киевского); приехал сам митрополит Кирилл с черниговским епископом Порфирием: новое могущественное значение Северной Руси уже не в первый раз заставляет митрополитов отправляться туда и стараться, чтоб обе половины Руси были в политическом единении, которое условливало и единение церковное. Митрополит достиг цели своей поездки: Ярослав послушался старшего брата Юрия, отца своего митрополита, и заключил мир с Михаилом. Следствием мира было то, что, как мы видели, Михаил уехал из Новгорода, оставляя там сына своего Ростислава, и новгородцы не могли дожидаться его с войском, чтоб идти вместе на Ярослава. Но опять новые волнения в Новгороде, торжество стороны суздальской, изгнание Ростислава, бегство приверженцев Михайловых к нему в Чернигов и утверждение Ярослава в Новгороде, могли снова возбудить вражду Суздаля с Черниговом; сюда присоединялась еще другая причина вражды, к которой не мог быть нечувствителен и великий князь Юрий: в 1232 году Михаил черниговский вместе с Владимиром киевским двинулись на волынских князей – Даниила и Василька Романовичей, бывших в близком свойстве с Юрием владимирским, ибо дочь последнего была за Васильком. Как бы то ни было, но в том же 1232 году великий князь Юрий с братом Ярославом и племянниками Константиновичами вступил в Черниговские волости; сам Юрий возвратился, не доходя Серенска; но Ярослав с новгородским войском взял и сжег Серенск, осадил было и Мосальск, но отступил без успеха и без мира, истребивши только много хлеба во владениях врага своего.

У последнего, как мы видели, жило много новгородцев, его приверженцев, бежавших вследствие перевеса стороны суздальской. Внезд Водовик умер, но у него остался сын, который вместе с пятью другими изгнанниками, подговоривши трубчевского князя Святослава, явился в пределах новгородских; но Святослав, увидавши, что товарищи его обмануты своими приятелями в Новгороде, что там нет никакой надежды на успех, уехал назад; тогда новгородские изгнанники бросились во Псков и получили здесь успех благодаря, вероятно, недавней вражде псковичей с Ярославом: они схватили наместника последнего, Вячеслава, прибили его, заключили в оковы; смута вставала и в Новгороде: вероятно, и здесь

поднялась враждебная Ярославу сторона, пользуясь отсутствием князя; но приезд Ярослава утишил волнение; князь велел схватить псковичей, бывших в Новгороде, посадил их на Городище в gridнице и послал во Псков объявить его жителям: «Мужа моего отпустите, а тем путь покажите прочь, пусть идут, откуда пришли». Но псковичи не послушались, стали крепко за изгнанников и велели отвечать Ярославу и новгородцам: «Вышлите к ним жен их и все имение, тогда мы отпустим Вячеслава, или мы себе, а вы себе». Так прошло все лето без мира. Но псковичи не могли жить долго во вражде с Новгородом; когда Ярослав не велел пускать к ним купцов и берковец соли стал продаваться по 7 гривен, то они отпустили Вячеслава, а князь отпустил к ним жен новгородских изгнанников, но мира все еще не было; наконец, зимою явились псковские послы в Новгород, поклонились Ярославу, сказали ему: «Ты наш князь» – и стали просить у него себе в князя сына его Феодора; Ярослав не дал им сына, но дал шурина, князя Юрия; псковичи взяли Юрия, а изгнанникам новгородским показали от себя путь, и те отправились к немцам в Оденпе.

Таковы были внутренние события на севере. Извне великий князь владимирский продолжал борьбу с мордвою, которая в 1229 году приходила с князем своим Пургасом к Нижнему Новгороду, но жители отбили ее; варварам удалось только сжечь Богородичный монастырь да загородную церковь. Между самою мордвою шла усобица; в том же году сын русского присяжника Пуреша напал с половцами на Пургаса, избил всю его мордву и русь, и сам Пургас едва успел спастись бегством.

Под 1232 годом летописец говорит о походе на мордву сына великокняжеского Всеволода с князьями рязанскими и муромскими: русские пожгли неприятельские села и перебили мордвы много. С болгарам после трехлетнего мира в 1224 году началась опять вражда; в чем она обнаружилась, неизвестно; известно только то, что в 1230 г. болгары опять поклонились великому князю Юрию и заключили мир, разменявшись пленными и заложниками. На северо-западе новгородцы боролись с немцами и литвою.

Мы видели, что изгнанники новгородские, Борис Негочевич и другие, будучи принуждены выехать из Пскова, удалились к немцам в Оденпе, разумеется, не на добро своей родине; там же, у немцев, жил изгнанный князь Ярослав, сын известного уже нам Владимира псковского. В 1233 г. эти изгнанники – Ярослав и новгородцы вместе с немцами ворвались нечаянно в русские владения и захватили Изборск; но псковичи отняли назад у них этот город. В том же году немцы опять показались в новгородских владениях; князя Ярослава не было в то время в Новгороде; но скоро он пришел с сильными полками переяславскими, чтоб отомстить немцам за обиды. Время было удобное действовать против немцев: Новгород и Псков в соединении под одним князем, а между тем Ливония лишилась своего великого Альберта, умершего в 1229 году. Магистр Ордена Волквин, которому тяжка была зависимость от Альберта, решился воспользоваться его смертью, чтоб высвободить себя из-под зависимости от преемника Альбертова, которым был назначен Николай из Магдебурга. С этою целью он решился соединить свой орден с Немецким орденом, который процветал тогда под начальством магистра Германа фон Зальца; но Герман отклонил на этот раз предложение Волквина, и, таким образом, орден Ливонский был пока предоставлен собственным силам, которых вовсе не было достаточно для отпора

русским, если б только последние могли сообщить постоянство своим движениям. В 1234 году князь Ярослав со своими полками и новгородскими выступил на немцев под Юрьев и стал недалеко от города, отпустив людей своих воевать окрестную страну для сбора съестных припасов, что называлось тогда «воевать в зажитие». Немцы сделали вылазку из Юрьева, другие из Оденпе, но русские побили их; несколько лучших немцев пало в битве, но больше погибло их в реке, когда под ними обломился лед; русские, воспользовавшись победою, опустошили их землю, истребили хлеб; тогда немцы поклонились князю, и Ярослав заключил с ними мир на всей своей правде. Последние слова могут вести к тому заключению, что тут-то Ярослав выговорил дань с Юрьева для себя и для всех преемников своих, ту знаменитую дань, которая после послужила Иоанну IV поводом лишить Ливонию независимости.

Этот поход Ярослава был, вероятно, одною из главных причин, почему Волквин возобновил старание о соединении обоих орденов в один. В 1235 году Герман фон Зальц, чтоб разузнать состояние дел в Ливонии, отправил туда Еренфрида фон Неуенбурга, командора Альтенбургского, и Арнольда фон Неуендорфа, командора Негельстандского. Они возвратились и привели с собою троих депутатов от ливонских рыцарей. Лудвиг фон Оттинген, наместник великого магистра в Пруссии, собрал капитул в Марбурге, где ливонские рыцари обстоятельно были допрашиваемы об их правилах, образе жизни, владениях и притязаниях; потом спрошены были командоры, посланные в Ливонию. Еренфрид фон Неуенбург представил поведение рыцарей Меча вовсе не в привлекательном свете, описал их людьми упрямыми и крамольными, не любящими подчиняться правилам своего ордена, ищущими прежде всего личной корысти, а не общего блага. «А эти, – прибавил он, указывая пальцем на присутствующих рыцарей ливонских, – да еще четверо мне известных хуже всех там». Арнольд фон Неуендорф подтвердил слова своего товарища, после чего неудивительно было, что когда стали собирать голоса – принимать ли Меченосцев в соединение, то сначала воцарилось всеобщее молчание, а потом единогласно решили дожидаться прибытия великого магистра. Но медлить скоро нельзя стало более: в 1236 году магистр Волквин сделал опустошительный набег на литву, но скоро был окружен многочисленными толпами врагов и погиб со всем своим войском; псковский отряд из 200 человек сопровождал магистра в этом несчастном походе: из десяти один возвратился домой. Тогда остальные Меченосцы отправили посла в Рим представить папе беспомощное состояние ордена, церкви ливонской, и настоятельно просить о соединении их с орденом Тевтонским.

Папа Григорий IX признал необходимость этого соединения, и оно последовало в 1237 году: первым провинциальным магистром ливонским был назначен Герман Балк, известный уже своими подвигами в Пруссии.

Литва по-прежнему продолжала свои набеги: в 1229 году она опустошила страну по озеру Селигеру и реке Поле, в нынешнем Демьянском уезде Новгородской губернии; новгородцы погнались за ними, настигли, били и отняли весь полон. В 1234 году литовцы явились внезапно перед Русою и захватили посад до самого торгу; но жители и засада (гарнизон) успели вооружиться: огнищане и гридьба, купцы и гости ударили на литву, выгнали ее из посада и продолжали бой на поле; литовцы отступили. Князь Ярослав, узнавши об этом,

двинулся на врагов с конницею и пехотою, которая ехала в насадах по реке Ловати; но у Муравьи́на князь должен был отпустить пехоту назад, потому что у ней недостало хлеба, а сам продолжал путь с одною конницею; в Торопецкой волости на Дубровне встретил он литовцев и разбил их; побежденные потеряли 300 лошадей, весь товар и побежали в лес, побросавши оружие, щиты, совни, а некоторые тут и костью пали; новгородцы потеряли 10 человек убитыми.

Из событий в других княжествах летопись упоминает об усобице в Смоленске: по смерти Мстислава Давыдовича (1230 г.) стол этот по родовым счетам должен был перейти в третье поколение Ростиславичей, именно достаться внуку Романову, Святославу Мстиславичу; но смольняне почему-то не хотели иметь его своим князем; тогда Святослав в 1232 г. с помощью полочан взял Смоленск на щит, перебил его жителей, себе враждебных, и сел на столе.

Подвиги Мстислава торопецкого не принесли никакой существенной пользы для Южной Руси; но по смерти Мстислава судьба дала ей другого князя, которого характер вполне был способен доставить ей прочную и великую будущность, если только будущность Южной Руси могла зависеть от личности одного князя; этот князь был молодой Даниил, сын Романа Великого. С блестящим мужеством, славолюбием, наследственным в племени Изяславовом, Даниил соединял способность к обширным государственным замыслам и к государственной распорядительности; с твердостью, уменьем неуклонно стремиться к раз предположенной цели он соединял мягкость в поведении, разборчивость в средствах, в чем походил на прадеда своего, Изяслава, и резко отличался от отца своего, Романа. Начиная рассказ о подвигах Данииловых, летописец имел полное право сказать: «Начнем рассказывать о бесчисленных ратях, великих трудах, частых войнах, многих крамолах, частых восстаниях, многих мятежах»; имел полное право сказать, что сыновьям Романовым измлада не было покоя. По смерти Мстислава они остались окруженные со всех сторон врагами: в Галиче королевич венгерский и неприязненные бояре; в Пинске князь Ростислав, злобившийся на Даниила за отнятие Чарторыйска и плен сыновей; в Киеве Владимир Рюрикович, наследовавший вражду отца своего к Роману Великому и сыновьям последнего; князья черниговские не хотели также забыть притязания племени своего на Галич и злой обиды, полученной там. Тщетно митрополит Кирилл, которого мы уже в третий раз застаем в святом деле миротворства и которого летописец величает преблаженным и святым, старался отвратить усобицу: Ростислав пинский не переставал клеветать на Даниила и подвигать других князей, и вот Владимир киевский собрал войско. «Отец Даниилов постриг отца моего», – говорил он, и была у него в сердце боязнь великая, прибавляет летописец; значит, Владимир боялся, что молодой Даниил пойдет по следам отца своего и плохо придется от него соседям. Владимир посадил и половецкого хана Котяна на коня, всех половцев и вместе с Михаилом черниговским осадил Каменец; в рати осаждающих были: куряны (жители Курска), пиняне, новгородцы (северские), туровцы. Даниил видел, что нельзя ему противиться такой рати, тем более что в Галиче королевич и главный советник его, боярин Судислав, были в союзе с киевским князем: он начал мирные переговоры, чтоб выиграть время и разделить союзников, что и удалось ему относительно половецкого хана Котяна. «Батюшка! – послал сказать Даниил половецкому, – расстрой эту войну, прими меня в любовь к себе». Котян отделился от союзников, опустошил Галицкую землю и

ушел назад к себе в степи; остальные союзники, не успевши взять Каменец, также отступили в свои владения. А между тем Даниил спешил в Польшу за помощью и, получивши ее, предпринял со своей стороны наступательное движение, пошел к Киеву; но на дороге встретили его послы от киевского и черниговского князей и заключили мир.

В следующем 1229 году успех ждал Даниила на другой стороне, в Галиче: когда он был в Угровске, то преданные ему галичане прислали сказать ему: «Ступай скорее к нам: Судислав ушел в Познанию, а королевич один остался в Галиче». Даниил немедленно с небольшою дружиною пошел к этому городу, а тысяцкого своего Дамьяна послал на Судислава; на третьи сутки в ночь подошел Даниил к Галичу, где успел уже затвориться Судислав, ускользнувший от Дамьяна; волынцам удалось только захватить его двор подле Галича, где они нашли много вина, овощей, корму всякого, копий, стрел. Даниил стоял против города, на другом берегу Днестра; галичане и венгры выезжали и бились на льду; но к вечеру лед поднялся, река наводнилась, и враждебный Даниилу боярин Семьюнко (которого летописец сравнивает с лисицею по красноте лица) зажег мост. В это время явился к Даниилу Дамьян со многими галицкими боярами, принявшими сторону сына Романова, у которого таким образом набралась многочисленная рать. Даниил очень обрадовался ей, жалел только, что мост зажжен и не по чему перейти Днестр; но когда поехал он посмотреть на место, то увидал, что конец моста погас и переправа возможна; радость была большая, и на другой же день все войско перешло Днестр и обступило Галич с четырех сторон; осажденные не могли держаться долее и сдали город, причем королевич достался в плен Даниилу; но тот вспомнил прежнюю любовь к себе отца его Андрея и отпустил его к последнему; из бояр галицких с королевичем пошел только один Судислав, в которого народ бросал камнями, крича: «Вон из города, мятежник земский!» Но Судислав спешил отомстить народу новым мятежом: приехавши в Венгрию, он не переставал твердить королю и королевичу: «Ступайте на Галич, возьмите землю Русскую; если же не пойдете, то они укрепятся на вас».

Андрей послушался, собрал большое войско и объявил поход. «Не останется в Галиче камень на камне, — говорил он, — никто уже теперь не избавит его от моей руки».

Но как скоро вступил он в Карпаты, то полили сильные дожди, лошади тонули, люди едва могли спастись на высоких местах. Несмотря на то, король шел дальше и осадил Галич, для защиты которого Даниил оставил известного нам тысяцкого Дамьяна. Этот воевода не испугался высокомерного вызова королевского и не сдал города; Андрею же нельзя было долее оставаться под Галичем, потому что в войсках его открылась страшная болезнь: кожа падала у венгров с ног, как обувь. Король снял осаду; галичане напали на отсталых, и много перебили, и побрали в плен, еще больше умерло на дороге от болезни.

Даниил избавился от врагов внешних, но летописец опять начинает рассказ свой зловещими словами: «Скажем многий мятеж, великия лъсти, бесчисленныя рати».

Бояре галицкие, привыкшие к крамолам, находившие свою выгоду в беспорядке, в возможности переходить от одного князя к другому, не могли сносить спокойно установление наряда, утверждение сына Романова на столе отцовском. Они стали сноситься с давним врагом Романовичей, Александром

бельзским, как бы убить Даниила и взять к себе в князья его, Александра. Однажды заговорщики сидели вместе и советовались, как бы зажечь двор княжеский и таким образом погубить Даниила; в это время брат его Василько выходит к ним и в шутку бросается с обнаженным мечом на одного слугу, вырывает щиту другого; заговорщики испугались, думая, что Василько поступает так с намерением, открывши их замысел, и бросились бежать. Даниил с братом никак не могли догадаться, отчего побежали бояре, как один из оставшихся, Филипп, стал звать к себе Даниила на пир; Даниил поехал, но на дороге нагнал его посол от тысяцкого Дамьяна. «Пир затеян злой, – сказал ему посол, – Филипп с Александром бельзским сговорились убить тебя». Даниил возвратился в Галич и послал сказать брату Васильку во Владимир, чтоб шел на Александра; Василько выгнал Александра в Перемышль, взял Бельз, а седельничего своего Ивана Михайловича послал захватить бояр, которых и взято было 28 человек; но Даниил не хотел поступать по примеру отца и простил крамольников.

Великодушные, однако, не помогло, а только еще усилило дерзость бояр: один из этих безбожников, по выражению летописца, залил на пиру князю лицо вином; Даниил стерпел и это оскорбление. Но он не хотел оставить без наказания Александра бельзского, который засел в Перемышле со своими галицкими соумышленниками. Из всей дружины у Даниила осталось только 18 отроков, на которых можно было положиться; он созвал их на вече вместе с Дамьяном-тысяцким и спросил: «Хотите ли оставаться мне верными и идти со мною на врагов моих?» Те отвечали: «Верны мы богу и тебе, господину нашему, ступай с божиею помощью»; а сотский Микула прибавил при этом: «Господин! не раздавивши пчел, меду не есть». Старый дядька Даниила, Мирослав, привел к нему на помощь еще немного отроков, и с такою-то небольшою дружиною Даниил выступил к Перемышлю; на дороге, впрочем, присоединились к нему и неверные бояре, показывая только вид верности.

Александр, узнавши о приближении Даниила, бросил все свое имение и убежал в Венгрию, где вместе с Судиславом стал опять поднимать короля на Даниила; король послушался и с двумя сыновьями выступил к Ярославлю, где заперся воевода Даниилов, Давыд Вышатич, который отбивался целый день от венгров и отбил. Но у Давыда была теща, большая приятельница Судиславу, который звал ее не иначе как матерью: она стала страшить зятя и успела напугать его; тщетно товарищ его, Василько Гаврилович, муж крепкий и храбрый, уговаривал не сдаваться, тщетно переметчик, приехавший из полков венгерских, говорил Давыду, что ослабленные венгры не в состоянии взять города, – Давыд сдал Ярославль, только сам вышел цел со всем войском. Взявши Ярославль, король пошел к Галичу, а между тем отступление от Даниила боярина Климяты, убежавшего с Голых гор к королю, послужило знаком к измене всех остальных бояр галицких. Отнявши Галич у Даниила, король перешел теперь в дедовскую волость его и осадил Владимир Волынский; король Андрей, по словам летописца, удивлен был видом этого города, многочисленностию ратников, которых оружие и щиты блистали, как солнце. «Такого города не находил я и в немецких землях», – сказал он. И начальник в городе был надежный – старый дядька Даниилов, Мирослав. «Бог знает, что с ним случилось, – говорит летописец, – в старину он был храбр, а тут смутился умом и заключил мир с королем, без совета с своими князьями – Даниилом и Васильком, обязался уступить Бельз и Червень

Александрю». Сильно упрекали за это Романовичи Мирослава: «Зачем мирился, имея такое большое войско?» Старик отпирался, что не уступал венграм Червени. Как бы то ни было, король достиг своей цели, посадил опять сына в Галиче и ушел было в Венгрию, но скоро опять сын его Андрей поднял рать на Даниила: с королевичем был Александр бельзский, Глеб Зеремеевич, князя болховские и множество венгров. Соперники – королевич и Даниил виделись на реке Велье, но не уладились; из слов летописца видно, что виною этого была гордость Даниила, слишком понадеявшегося на свою силу. На другой день Даниил перешел реку у Шумска и дал кровопролитную битву венграм, причем воеводы уговаривали Романовичей воспользоваться выгодным положением на высоких горах, но Даниил отвечал словами писания: «Медляй на брань страшливу душу имать», – испустил полки свои вниз на неприятеля; оба брата приняли деятельное участие в битве, подвергаясь страшной опасности; но дружина Даниилова не отвечала храбрости князя своего и в конце дела обратилась в бегство; впрочем, урон, претерпенный венграми, был так велик, что они не смели преследовать неприятеля и отступили в Галич; Даниил с успехом продолжал войну до конца года, мерилом его успеха служит то, что заклятый враг Романовичей, Александр бельзский, перешел от королевича на их сторону, прислал сказать им: «Не годится мне быть нигде, кроме вас»; и братья приняли его с любовью. В следующем 1232 году королевич и Судислав выслали против Даниила воеводу Дианиша; Даниил поехал в Киев, привел оттуда на помощь князя Владимира Рюриковича, Изяслава, которого считают обыкновенно Владимировичем, внуком Игоря Северского, половцев и выступил против венгров, которые после нерешительной битвы должны были возвратиться назад; Изяслав в самом начале похода отступил от Даниила и, вместо того чтоб помогать ему, опустошил его же волость. Следующий 1233 год был счастлив для Даниила: Глеб Зеремеевич перешел на его сторону, после чего Даниил и Василько немедленно отправились к Галичу, где были встречены большею частию бояр: ясно, что переход Глеба произошел с согласия целой стороны боярской; Даниил занял всю волость, роздал города боярам и воеводам (как видно, с этим условием они и призвали его, не надеясь получить того же от венгров) и осадил королевича с Дианишем и Судиславом в Галиче. 9 недель стоял Даниил у города, где осажденные изнемогли от недостатка пищи, и дожидался только льду на Днестре, чтоб идти на приступ. В таких обстоятельствах Судислав придумал средство ослабить осаждающих: он послал сказать Александру бельзскому: «дам тебе Галич, только отступи от брата»; Александр прельстился обещанием и отступил. Но это вероломство не повредило нисколько Даниилу: скоро королевич умер, и галичане прислали звать Даниила на его место; Судиславу удалось уйти в Венгрию, но Александр бельзский был схвачен на дороге в Киев.

Даниил утвердился опять в Галиче; но ему суждено было измлада не иметь покоя: вражда встала на востоке между Мономаховичами и Ольговичами, и Даниил вмешался в нее. Еще в 1231 году Владимир киевский, угрожаемый Михаилом черниговским, присылал звать на помощь Даниила, и тот ездил по этому случаю в Киев; Владимир уступил ему из Русской земли часть Торческа, которую Даниил тотчас же отдал детям Мстислава торопецкого, шурьям своим, сказав им: «За добро отца вашего возьмите и держите этот город». Но нападение венгров вызвало Даниила из Киева. В 1233 году Владимир опять прислал звать его

на помощь, потому что Михаил стоял у Киева; Даниил, спокойный теперь в Галиче со стороны венгров, пошел к Днепру и заставил Михаила удалиться. Не удовольствовавшись этим, Мономаховичи перешли Днепр, стали пустошить Черниговскую волость, забирать города по Десне, наконец, осадили Чернигов, поставили таран и били из него стену камнями, а камни были в подъем только человеку четырем сильным; но Михаилу удалось обмануть осаждающих, выйти из города и побить галицкие полки. Мономаховичи – Даниил и Владимир – возвратились в Киев, истомленные продолжительною войною, которую вели от Крещенья до Вознесенья, и Даниил уже собирался идти домой лесною стороною, как пришла весть, что Изяслав с половцами воюет Русскую землю Владимир стал просить Даниила помочь ему и против поганых, старый дядька Мирослав просил за Владимира, и Даниил, несмотря на изнеможение полков своих, отправился в новый поход. У Звенигорода встретились они с варварами: Владимир и Мирослав стали теперь уговаривать Даниила возвратиться, но уже он не захотел. «Воин, – говорил он, – вышедши раз на брань, должен или победить, или пасть; прежде я сам вас отговаривал идти в поход, а теперь вижу, что вы трусы; разве я вам не говорил, что не следует выходить усталым полкам против свежих? а теперь чего испугались, ступайте!» Сеча была лютая, Даниил погнал половцев, но потерял коня и, видя, что все другие бегут, побежал и сам; а Владимир и Мирослав со многими другими боярами были взяты в плен. Даниил прибежал в Галич и по ложной вести, что Изяслав с половцами у Владимира, отправил все свои полки с братом Васильком на помощь этому городу; но как скоро бояре галицкие увидели, что князь остался без полков, то подняли крамолу, и Даниил принужден был уехать в Венгрию. Цель этой поездки состояла, как видно, в том, чтоб убедить нового короля Белу IV не мешаться в галицкие дела и дать время Романовичам управиться с врагами единоплеменными. Владимир Рюрикович освободился из половецкого плена, но не мог занять Киева, где сидел уже Изяслав, а союзник его, Михаил черниговский, занял между тем Галич; таким образом, у Романовичей осталась опять одна Волынь.

Следующие годы прошли, как следует ожидать, в непрерывной борьбе: враги Романовичей предприняли наступательное движение на их волость, отправили войска с князьями болховскими к Каменцу, но бояре Данииловы с помощью торков поразили их и взяли в плен князей болховских. Михаил и Изяслав стали тогда присылать к Даниилу с угрозою: «Отдай нашу братью, а не то придем на тебя войною». Даниил не исполнил их требований, и они навели на него ляхов, русь и половцев. Но польский князь, узнавши о разбитии своего отряда у Червеня, побежал назад, потопивши много войска в реке Вепре; половцы же пришли не для того, чтоб биться с Даниилом, а чтоб опустошить Галицкую волость, принадлежавшую союзнику их Михаилу. Тогда Романовичи в свою очередь предприняли наступательное движение на Михаила; два раза мирились, и в последний раз Михаил уступил Даниилу Перемышль.

Между тем в Киеве произошла перемена: князь Переяславля Залесского и Новгорода Великого, Ярослав Всеволодович, решился воспользоваться усобицею на юге и утвердиться в Олеговой столице, как утвердился в Рюриковой; с другой стороны, усиление врага его Михаила черниговского и вообще усиление Ольговичей на счет Мономаховичей могло также побудить Ярослава вмешаться в дела юга, но, разумеется, он вмешался в дело не для того только, чтобы дать

перевес Мономаховичам над Ольговичами, как делывал Мстислав торопецкий; оставя в Новгороде сына Александра, взявши с собою несколько знатных новгородцев, 100 человек новоторжан, полки переяславские и ростовскую помощь от племянников, Ярослав двинулся к югу, опустошил область Черниговскую и сел на столе в Киеве, выгнав оттуда Изяслава» Но страшные вести с северо-востока о татарском нашествии не позволили Ярославу долго оставаться в Киеве. Удалением Ярослава спешил воспользоваться Михаил черниговский: он занял и Киев, отдавши Галич сыну своему Ростиславу и отнявши Перемышль у Даниила, с которым надеялся легко теперь управиться, но обманулся в надежде, потому что как только Даниил получил весть, что Ростислав с дружиною отправился на литву, то появился немедленно пред стенами Галича и стал говорить его жителям: «Люди городские! до каких пор хотите вы терпеть державу иноплеменных князей?» Те закричали в ответ: «Вот наш держатель богом данный!» – и пустились к Даниилу, как дети к отцу, как пчелы к матке, как жаждущие воды к источнику, по выражению летописца. Епископ Артемий и дворский Григорий сперва удерживали жителей от сдачи; но, видя, что не могут более удержать, явились к Даниилу со слезами на глазах, с ослабленным лицом, облизывая губы, поневоле сказали ему: «Приди, князь Данило! прими город». Даниил вошел в свой город и в знак победы поставил хоругвь свою на Немецких воротах, а на другое утро пришла ему весть, что Ростислав возвратился было к Галичу, но, узнавши, что город уже взят, бежал в Венгрию. Тогда бояре, лишены последние надежды, пришли к Даниилу, упали ему в ноги и стали просить милости, говоря: «Виноваты, что иного князя держали». Даниил отвечал: «Милую вас, только смотрите, вперед этого не делайте, чтоб хуже не было».

Таковы были внутренние дела в Юго-Западной Руси до татарского нашествия; касательно внешних мы видели столкновения с Польшею и Венгриєю по поводу Галича.

В Польше в это время происходили события, имевшие после важное влияние на судьбы Восточной Европы. После того как Владислав Ласконогий, принужденный уступить Краков Лешку Казимировичу, возвратился в свою отчину, встала усобица между ним и племянником его, сыном Оттоновым, Владиславом, обыкновенно называемым Одоничем (Оттоновичем); эта усобица скоро охватила всю Польшу и страшно опустошила ее, способствуя, с другой стороны, большому ослаблению власти княжеской и усилению власти прелатов и вельмож. В 1227 году Владислав Одонич нанес страшное поражение Ласконогому и занял почти все его владения; тогда на помощь Ласконогому встали против Одонича князь – Лешко краковский, брат его Конрад мазовецкий и князь Генрих бреславский, а на сторону Одонича стал зять его (женин брат) Святополк, князь поморский. Святополк и Одонич напали нечаянно на враждебных князей и поразили их, причем Лешко краковский лишился жизни. Тогда брат его, Конрад мазовецкий, призвал на помощь против Одонича Даниила и Василька, постоянных союзников покойного Лешка; Романовичи пошли вместе с Конрадом и осадили Калиш.

Даниил хотел непременно взять город, но поляки не шли биться, несмотря на то что Конрад, любя русский бой, понуждал их идти вместе с Русью. Между тем осажденные, видя приготовления Данииловых ратников к приступу, послали просить Конрада, чтоб прислал к ним двоих мужей своих для переговоров; один

из последних, Пакослав, сказал Даниилу: «Переоденься, и поедем вместе с нами на переговоры». Даниил сперва не хотел ехать, но брат Василько уговорил его: «Ступай, послушай их вече», потому что Конрад не верил одному из посланных, Мстиую. Даниил, надевши шлем Пакослава, стал позади послов и слушал, что осажденные говорили с вельможам Конрадовым. «Скажите вот что великому князю Конраду, – наказывали им граждане, – этот город не твой ли, и мы разве чужие, ваши же братья, что ж над нами не сжалитесь? Если нас Русь пленит, то какую славу Конрад получит? Если русская хоругвь станет на забралах, то кому честь доставишь? Не Романовичам ли одним? а свою честь унизишь; нынче брату твоему служим, а завтра будем твои, не дай славы Руси, не погуби нашего города». Пакослав отвечал им на это: «Конрад-то бы и рад вас помиловать, да Даниил очень лют, не хочет отойти прочь, не взявши города; да вот он и сам стоит, поговорите с ним», – прибавил он, смеясь и указывая на Даниила. Князь снял с себя шлем, а граждане закричали ему: «Смилуйся, помирись». Романович много смеялся и долго разговаривал с ними, потом взял у них двух человек, пошел к Конраду, и тот заключил с ними мир. Русские попленили множество челяди и боярынь; но тут Русь и поляки заключили между собою условие и утвердили его клятвою: если вперед будет между ними война, то не воевать полякам русской челяди, а Руси – польской. После этого Романовичи возвратились домой с честью и славою: ни один другой князь не входил так глубоко в землю Польскую, кроме Владимира Великого, который землю крестил, говорит летописец. Мы уже видели, что Конрад отплатил Романовичам за услугу, соединившись с их врагами; Даниил за это навел на него литовского князя Миндовга и русского Изяслава новгородского (новгородского).

Этот Конрад знаменит в истории Восточной Европы как виновник события, имевшего важное влияние на последующие судьбы ее. В то время, когда западные русские области терпели от опустошительных набегов литвы, волости польские, преимущественно Мазовия, терпели еще больше от набегов единоплеменных ей пруссов. Конрад доведен был до отчаяния этими набегам, ибо не имел никаких средств вести не только наступательный, но и оборонительной войны с варварами: мы видели уже, как повиновались ему подданные на войне. Однажды шайка пруссов пришла к нему требовать лошадей и платья; Конрад не смел не исполнить требование и между тем не имел средств удовлетворить его. Что же он сделал в таких обстоятельствах? Зазвал к себе на пир знатнейших панов своих с женами и во время пира велел отобрать их лошадей и верхнее платье и отослать пруссам. Но не всегда же можно было употреблять подобные средства, и поэтому Конрад начал думать о других. В это время в Ливонии рыцари Меча успешно действовали против туземцев.

Конраду пришла мысль учредить подобный рыцарский орден на границе своих владений для постоянной борьбы с пруссами; орден был учрежден под именем Христова ордена, и Конрад дал ему во владение замок Добрынь. Пруссы, сведав о новом враге, несколько раз подступали к замку, взять его не могли, но зато нагнали такой страх, что четверо или пятеро язычников спокойно грабили под самыми валами Добрыня, и никто не смел остановить их. Конрад видел, что на подвиги добрыньских рыцарей плохая надежда, и поэтому обратился к другому, более знаменитому своею храбростью ордену. В 1192 году, во время последних попыток христиан удержаться в Палестине, Тевтонский орден рыцарей

богородицы получил окончательное утверждение. Новые рыцари носили черную тунику и белый плащ с черным крестом на левом плече; кроме обыкновенных монашеских обетов они обязывались ходить за больными и биться с врагами веры; только немец и член старого дворянского рода имел право на вступление в орден. Устав его был строгий: рыцари жили вместе, спали на твердых ложах, ели скудную пищу за общей трапезой, не могли без позволения начальников выходить из дому, писать и получать письма; не смели ничего держать под замком, чтоб не иметь и мысли об отдельной собственности; не смели разговаривать с женщиной. Каждого вновь вступающего брата встречали суровыми словами: «Жестко ошибаешься, ежели думаешь жить у нас спокойно и весело; наш устав – когда хочешь есть, то должен поститься; когда хочешь поститься, тогда должен есть; когда хочешь идти спать, должен бодрствовать; когда хочешь бодрствовать, должен идти спать. Для Ордена ты должен отречься от отца, от матери, от брата и сестры, и в награду за это Орден даст тебе хлеб, воду да рубище».

К этому-то Ордену обратился Конрад мазовецкий с просьбой о помощи против пруссов. Тевтонские рыцари были славны своими подвигами в Палестине, богаты недвижимым имуществом, которое приобрели в дар от государей в разных странах Европы; но они хорошо видели, что им нельзя долго держаться в Палестине, и потому не могли не согласиться на предложение Конрада. Оно обещало им новое поприще, новое средство продлить существование Ордена, которое условливалось возможностью постоянной борьбы с врагами креста Христова. В 1225 году послы Конрада предложили магистру Ордена, Герману фон Зальцу, землю Хельмскую, или Кульмскую (*terra Culmensis*), с обязанностью защищать польские владения от язычников; в 1226 году император Фридрих II предоставил Ордену владение Кульмскою землею и всеми странами, которые он отнимет вперед у пруссов, но в виде имперского лена, без всякой зависимости от мазовецких князей; в 1228 году явился в новых владениях Ордена первый областной магистр Пруссии, Герман Балк, с сильным отрядом рыцарей; в 1230 году последовало окончательное утверждение условий с Конрадом, и Орден начал свою деятельность на новой почве.

Пруссия была разделена на одиннадцать областей, не связанных друг с другом никаким политическим союзом; жители этих областей могли безнаказанно опустошать владения Польши, слабой от раздела, усобиц и внутреннего нестроения, но сами в свою очередь были не способны ни к какому соединенному, дружному предприятию; их нападения на Польшу были набегами разбойничьих шаек; при обороне собственной земли они не могли выставить также общего, дружного сопротивления; каждая область, каждое племя боролось поодиночке со своим новым врагом, а этот враг был военное братство, которое существовало с целью постоянной, неусыпной борьбы и которое обладало всеми средствами к этой борьбе: на его стороне была постоянная, самая строгая дисциплина, на его стороне было военное искусство, на его стороне было религиозное одушевление; потери Ордена были для него нечувствительны; после каждого поражения он восставал с более грозными силами, потому что ряды погибших братьев быстро замещались новыми подвижниками, стекавшимися со всех сторон, чтоб пролить кровь свою в священной борьбе, под славною хоругвиею деви Марии и св. Георгия. Против сурового дикаря Западная Европа выставила столь же сурового рыцаря, но со всеми преимуществами образованности. Верен был успех на

стороне Ордена; но Орден дорого заплатил за этот успех. Первое занятие прусских земель немцами совершилось довольно быстро; городки старшин прусских полегли перед рыцарями, и замки последних строились беспрепятственно: что шаг вперед, то новая твердыня. Но одним построением крепостей в новозанятых странах Орден не ограничивался; льготами привлекались немецкие колонисты в новопоставленные города; люди, стекавшиеся из разных стран помогать Ордену в священных войнах, получали от него в лен земельные участки, на которых строили новые замки; туземцы, оставшиеся от истребления, принуждены были или бежать в Литву, или принять христианство и подчиниться игу новых господ. Для утверждения новой веры среди пруссов Орден отбирал детей у туземцев и отсылал их учиться в Германию, с тем чтобы эти молодые люди, возвратясь потом на родину, содействовали распространению христианства и немецкой народности среди своих соплеменников.

Несмотря, однако, на эти средства, пруссы, озлобленные жестокими притеснениями, тяжкими работами, надменным обхождением победителей, пять раз восставали против последних и против новой веры, принятой неволею. В первое из этих восстаний только две области, прежде всех занятые немцами, остались верны Ордену; в других же областях прусских рыцари едва успели удержать за собою несколько замков, и такое состояние дел продолжалось четырнадцать лет. Казалось, что Орден должен был отказаться от надежды вторично покорить Пруссию; но вышло иначе по причинам вышеизложенным: Орден нельзя было окончательно обессилить опустошением его владений, ибо он получал свое питание извне, из всей Германии, из всей Европы. А пруссы? Благодаря побуждению и подкреплению извне, от князей литовских, они умели единовременно восстать против пришельцев; но при самом этом единодушном и единовременном восстании каждая область выбрала особого вождя – дурное предвещание для будущего единства в борьбе! И точно, когда Орден начал снова наступательное движение, борьба приняла прежний характер: каждая область снова защищалась отдельно и, разумеется, при такой особенности не могла устоять пред дружным и постоянным напором рыцарей. Наконец, продолжительное знакомство с христианством, с высшею образованностью пришельцев должно было произвести среди пруссов свое действие: несмотря на упорную привязанность к родной старине, на жестокую ненависть к пришельцам-поработителям, некоторые из пруссов, разумеется лучшие, не могли не заметить превосходства веры и быта последних; и вот иногда случалось, что среди сильного восстания избранный вождь этого восстания, лучший человек в области, вдруг покидал дело соплеменников, переходил на сторону рыцарей и принимал христианство с целым родом своим: так начала обнаруживаться слабость в самой основе сопротивления со стороны пруссов, в религиозном одушевлении. Второе восстание было последним обнаружением сил прусской народности; третье восстание, случившееся в последней четверти XIII века, показало только, что эта народность находится уже при последнем своем часе: вспыхнувши вследствие личных, своекорыстных побуждений одного человека, оно тотчас же потухло; четвертое и пятое восстания носили такой же характер; при пятом жители одной прусской области, Самбии, видя, что все лучшие люди прямят Ордену, положили истребить сперва их и потом уже броситься на немцев;

они выбрали себе в предводители одного молодого человека, но тот принял это звание для того только, чтоб удобнее предать главных врагов в руки рыцарей. Ясны были признаки бессилия пруссов, а между тем рыцари не отдыхали на лаврах, неутомимо и неуклонно преследовали свою цель и после пятидесятидвухлетней кровавой борьбы покончили завоевание Пруссии.

Таким образом, благодаря Конраду мазовецкому Пруссия и даже некоторые из старых славянских земель уступлены были в пользу немецкой народности. О непосредственном столкновении новых завоевателей с Русью летописец оставил нам неполный и смутный рассказ под 1235 годом: по его словам, Даниил сказал: «Не годится держать нашу отчину крестовым рыцарям» – и пошел с братом на них в силе тяжкой, взял город, захватил в плен старшину Бруно, ратников и возвратился во Владимир. Даниил хотел было также принять участие в войне императора Фридриха II с австрийским герцогом Фридрихом Воинственным, помогать последнему, но был остановлен в этом намерении королем венгерским. Кроме того, летописец упоминает о войнах с Литвою и ятвягами: в 1229 году, во время отсутствия Романовича в Польшу на помощь Конраду, жители Бреста с князем Владимиром пинским истребили толпу литовцев. Над ятвягами Романовичи одержали победу в 1226 году. Половцы по-прежнему участвуют в княжеских усобицах, но о походах на них не слышно.

В таком положении находились дела в Северной и Южной Руси, когда в другой раз услышали о татарах. В 1227 году умер Чингисхан; ему наследовал сын его Угедей (Октай); старший сын Чингиса – Джучи, назначенный владельцем страны, лежащей между Яиком и Днепром, Кипчака, прежних кочевьев половецких, умер при жизни отца, и Чингис отдал Кипчак сыну его Батыю (Бату). Еще под 1229 годом наши летописи упоминают, что саксины и половцы прибежали с низовьев Волги к болгарам, гонимые татарами, прибежали и сторожа болгарские, разбитые последними на реке Яике. В 1236 году 300000 татар под начальством Батыя вошли в землю Болгарскую, сожгли славный город Великий, истребили всех жителей, опустошили всю землю: толпы болгар, избежавших истребления и плена, явились в пределах русских и просили князя Юрия дать им здесь место для поселения; Юрий обрадовался и указал развести их по городам поволжским и другим. В следующем году лесною стороною с востока явились в рязанских пределах и татары; ставши на одном из притоков Суры, Батый послал жену-чародейку и с нею двух мужей к князьям рязанским требовать десятины от всего – князей, простых людей и коней, десятины от коней белых, десятины от вороных, бурых, рыжих, пегих; князья рязанские, Юрий Игоревич с двумя племянниками Ингваревичами Олегом и Романом, также князья муромский и пронский, не подпуская татар к городам, отправились к ним навстречу в Воронеж и объявили им: «Когда никого из нас не останется, тогда все будет ваше». Между тем они послали во Владимир к князю Юрию объявить о беде и просить помощи, но Юрий не исполнил их просьбы и хотел один оборониться. Услыхавши ответ князей рязанских, татары двинулись дальше и 16-го декабря осадили Рязань, а 21-го взяли приступом и сожгли, истребивши жителей; князя Юрия удалось им выманить обманом из города; они повели его к Пронску, где была у него жена, выманили и ее обманом, убили обоих, опустошили всю землю Рязанскую и двинулись к Коломне.

Здесь дождался их сын великого князя Юрия, Всеволод, с беглецом рязанским князем Романом Ингваревичем и воеводою Еремеем Глебовичем: после крепкой сечи великокняжеское войско потерпело поражение; в числе убитых были князь Роман и воевода Еремей, а Всеволод Юрьевич успел спастись бегством во Владимир с малою дружиною. Татары шли дальше, взяли Москву, где убили воеводу Филиппа Няньку, захватили князя Владимира Юрьевича и отправились с ним ко Владимиру. Великий князь оставил здесь своих сыновей, Всеволода и Мстислава, с воеводою Петром Ослядюковичем, а сам с тремя племянниками Константиновичами поехал на Волгу и стал на реке Сити; потом, оставив здесь воеводу Жирослава Михайловича, он отправился по окрестным волостям собирать ратных людей, поджидал и братьев – Ярослава и Святослава, 3-го февраля толпы татарские, бесчисленные как саранча, подступили к Владимиру и, подъехавши к Золотым воротам с пленником своим князем Владимиром московским, стали спрашивать у жителей: «Великий князь Юрий в городе ли?» Владимирцы вместо ответа пустили в них стрелы, татары отплатили им тем же, потом закричали: «не стреляйте!» – и, когда стрельба прекратилась, подвели поближе к воротам и показали им Владимира, спрашивая: «Узнаете ли вашего княжича?» Братья, бояре и весь народ заплакали, увидавши Владимира, бледного, исхудалого. Возбужденные этим видом, князья Всеволод и Мстислав хотели было немедленно выехать из Золотых ворот и биться с татарами, но были удержаны воеводою Ослядюковичем. Между тем татары, урядивши, где стать им около Владимира, пошли сперва к Суздалю, сожгли его и, возвратившись опять ко Владимиру, начали ставить леса и пороки (стенобитные орудия), ставили с утра до вечера и в ночь нагородили тын около всего города. Утром князь Всеволод и владыка Митрофан, увидавши эти приготовления, поняли, что города не отстоять, и начали приготовляться к смерти; 7-го февраля татары приступили к городу, до обеда взяли новый город и запалили его, после чего князья Всеволод и Мстислав и все жители бросились бежать в старый, или Печерный, город; князь Всеволод, думая умилостивить Батю, вышел к нему из города с малою дружиною, неся дары; но Батый не пощадил его молодости, велел зарезать перед собою. Между тем епископ Митрофан, великая княгиня с дочерью, снохами и внучатами, другие княгини со множеством бояр и простых людей заперлись в Богородичной церкви на полатах.

Татары отбили двери, ограбили церковь, потом наклали лесу около церкви и в самую церковь и зажгли ее: все бывшие на полатах задохнулись от дыма, или сгорели, или были убиты. Из Владимира татары пошли дальше, разделившись на несколько отрядов: одни отправились к Ростову и Ярославлю, другие – на Волгу и на Городец и попленили всю страну поволжскую до самого Галича Мерского; иные пошли к Переяславлю, взяли его, взяли другие города: Юрьев, Дмитров, Волоколамск, Тверь, где убили сына Ярославова; до самого Торжка не осталось ни одного места, где бы не воевали, в один февраль месяц взяли четырнадцать городов кроме слобод и погостов.

Великий князь Юрий стоял на Сити, когда пришла к нему весть о сожжении Владимира и гибели семейства; он послал воеводу Дорожа с трехтысячным отрядом разузнать о неприятеле; Дорож прибежал назад и объявил, что татары уже обошли русское войско кругом. Тогда князь сел на коня и вместе с братом Святославом и тремя племянниками выступил против врагов 4-го марта 1238 года;

после злой сечи русские полки побежали пред иноплеменниками, причем князь Юрий был убит и множество войска его погибло, а Василько Константинович был взят в плен. Татарам очень хотелось, чтоб Василько принял их обычаи и воевал вместе с ними; но ростовский князь не ел, не пил, чтоб не оскверниться пищею поганых, укоризнами отвечал на их убеждения, и раздосадованные варвары наконец убили его. Летописец очень хвалит этого князя: был он красив лицом, имел ясный и вместе грозный взгляд, был необыкновенно храбр, отважен на охоте, сердцем легок, до бояр ласков; боярин, который ему служил, хлеб его ел, чашу пил и дары брал, тот боярин никак не мог быть у других князей: так Василько любил своих слуг. От Сити татары пошли к юго-западу, осадили Торжок, били в него пороками две недели и наконец взяли 23-го марта, истребили всех жителей. От Торжка пошли Селигерским путем, посекая людей, как траву; но, не дошедши ста верст до Новгорода, остановились, боясь, по некоторым известиям, приближения весеннего времени, разлива рек, таяния болот, и пошли к юго-востоку, на степь. На этой дороге Батый был задержан семь недель у города Козельска, где княжил один из Ольговичей, молодой Василий; жители Козельска решились не сдаваться татарам. «Хотя князь наш и молод, – сказали они, – но положим живот свой за него; и здесь славу, и там небесные венцы от Христа бога получим». Татары разбили наконец городские стены и взошли на вал, но и тут встретили упорное сопротивление: горожане резались с ними ножами, а другие вышли из города, напали на татарские полки и убили 4000 неприятелей, пока сами все не были истреблены; остальные жители, жены и младенцы подверглись той же участи; что случилось с князем Василием, неизвестно; одни говорят, что он утонул в крови, потому что был еще молод. С тех пор, прибавляет летописец, татары не смели называть Козельск настоящим его именем, а называли злым городом.

По взятии Козельска Батый отправился в степи, в землю Половецкую, и разбил здесь хана Котяна, который с 40000 своего народа удалился в Венгрию, где получил земли для поселения. В следующем 1239 году татарские толпы снова явились на северо-востоке, взяли землю Мордовскую, повоевали по Клязьме, пожгли город Гороховец, принадлежавший владимирской Богородичной церкви. Весть о новом их нашествии нагнала такой ужас, что жители городов и сел бежали сами не зная куда.

На этот раз, впрочем, татары не шли далее Клязьмы на северо-востоке; но зато путем половецким явились в пределах Южной Руси, взяли и сожгли Переяславль Южный, половину жителей истребили, других повели в плен. В то же время Батый отправил отряд войска и на Чернигов; на помощь осажденным явился двоюродный брат Михаила, Мстислав Глебович, но потерпел поражение и убежал в Венгрию; Чернигов был взят и сожжен, но епископ был пощажен; так уже обозначилось обыкновение татар – уважать религию каждого народа и ее служителей. По взятии Чернигова племянник Батыея, сын Угедея, Менгухан приехал к Песочному городку на левый берег Днепра, против Киева, чтоб посмотреть на этот город; по словам летописца, татарин удивился красоте и величеству Киева и отправил послов к князю Михаилу и гражданам склонять их к сдаче; но те не послушались, и послы были убиты. Михаил, однако, не дождался осады и бежал в Венгрию; несмотря на опасность, красота и величество Киева привлекали еще князей к этому городу, и на место Михаила явился из Смоленска

внук Давыдов, Ростислав Мстиславич; но старший по родовой лестнице четвероюродный брат его Даниил галицкий не позволил ему долго оставаться в Киеве: он схватил Ростислава и взял Киев себе; сам, однако, не остался в нем, а поручил оборонять его от татар тысяцкому Димитрию. Между тем во время бегства Михайлова в Венгрию жена его (сестра Даниилова) и бояре были захвачены князем Ярославом, который овладел также Каменцом. Услыхав об этом, Даниил послал сказать ему: «Отпусти ко мне сестру, потому что Михаил на обоих нас зло мыслит».

Ярослав исполнил Даниилову просьбу, отправил черниговскую княгиню к брату, а между тем дела мужа ее шли неудачно в Венгрии: король не захотел выдать дочери своей за сына его Ростислава и прогнал его от себя; Михаил с сыном отправились тогда в Польшу к дяде своему Конраду. Но и здесь, как видно, они не могли получить помощи и потому должны были смириться пред Романовичами, послали сказать им: «Много раз грешили мы пред вами, много наделали вам вреда и обещаний своих не исполняли; когда и хотели жить в дружбе с вами, то неверные галичане не допускали нас до этого; но теперь клянемся, что никогда не будем враждовать с вами». Романовичи позабыли зло, отпустили сестру свою к Михаилу и привели его самого к себе из Польши; мало того, обещали отдать ему Киев, а сыну его Ростиславу отдали Луцк; но Михаил, боясь татар, не смел идти в Киев и ходил по волости Романовичей, которые надавали ему много пшеницы, меду, быков и овец.

Боязнь Михайлова была основательна: в 1240 году явился Батый под Киевом; окружила город и остолпила сила татарская, по выражению летописца; киевлянам нельзя было расслышать друг друга от скрипа телег татарских, рева верблюдов, ржания лошадей. Батый поставил пороки подле ворот Лядских, потому что около этого места были дебри; пороки били беспрестанно, день и ночь, и выбили наконец стены, тогда граждане взошли на остаток укреплений и все продолжали защищаться; тысяцкий Димитрий был ранен, татары овладели и последними стенами и расположились провести на них остаток дня и ночь. Но в ночь граждане выстроили новые деревянные укрепления около Богородичной церкви, и татарам на другой день нужно было брать их опять с кровопролитного бою. Граждане спешили спастись с имением своим на церкви, но стены церковные рухнули под ними от тяжести, и татары окончательно овладели Киевом 6-го декабря; раненого Димитрия Батый не велел убивать за его храбрость. Весть о гибели Киева послужила знаком к отъезду князей – Михаила в Польшу к Конраду, Даниила в Венгрию. Узнавши об этом, Батый двинулся на Волынь; подошедши к городу Ладыжину на Буге он поставил против него 12 пороков и не мог разбить стен; тогда льстивыми словами начал уговаривать граждан к сдаче, те поверили его обещаниям, сдались и были все истреблены. Потом взят был Каменец, Владимир, Галич и много других городов, обойден один Кременец по своей неприступности. Тогда пленный тысяцкий Димитрий, видя гибель земли Русской, стал говорить Батыю: «Будет тебе здесь воевать, время идти на венгров; если же еще станешь медлить, то там земля сильная, соберутся и не пустят тебя в нее». Батый послушался и направил путь к венгерским границам.

Страх напал на Западную Европу, когда узнали о приближении татар к границам католического мира. Известия об ужасах, испытанных Русью от татар, страшные рассказы об их дикости в соединении с чудесными баснями об их

происхождении и прежних судьбах распространялись по Германии и далее на запад. Рассказывали, что татарское войско занимает пространство на двадцать дней пути в длину и пятнадцать в ширину, огромные табуны диких лошадей следуют за ними, что татары вышли прямо из ада и потому наружностью не похожи на других людей. Император Фридрих II разослал воззвание к общему вооружению против страшных врагов.

«Время, – писал он, – пробудиться от сна, открыть глаза духовные и телесные. Уже секира лежит при дереве, и по всему свету разносится весть о враге, который грозит гибелью целому христианству. Уже давно мы слышали о нем, но считали опасность отдаленною, когда между ним и нами находилось столько храбрых народов и князей. Но теперь, когда одни из этих князей погибли, а другие обращены в рабство, теперь пришла наша очередь стать оплотом христианству против свирепого неприятеля». Но воззвание доблестного Гогенштауфена не достигло цели: в Германии не тронулись на призыв ко всеобщему вооружению, ибо этому мешала борьба императора с папою и проистекавшее от этой борьбы разъединение; Германия ждала врагов в бездейственном страхе, и одни славянские государства должны были взять на себя борьбу с татарами.

Весною 1241 года Батый перешел Карпаты и поразил венгерского короля на реке Солоной (Сайо); король убежал в Австрию, и владения его были опустошены. Еще прежде другой отряд татар опустошил волость Сендомирскую; потом татары перешли Вислицу, поразили двух польских князей и в конце апреля вторглись в Нижнюю Силезию. Здешний герцог Генрих вышел к ним навстречу у Лигница, пал в битве, и уже татарам открыт был путь чрез Лузацкие долины к Эльбе во внутренность Германии, как день спустя после Лигницкой битвы перед ними явились полки чешского короля Вячеслава. Татары не решились вступить во вторичную битву и пошли назад в Венгрию; на этом пути опустошили Силезию и Моравию, но при осаде Ольмюца потерпели поражение от чешского воеводы Ярослава из Штернберга и удалились поспешно в Венгрию. Отсюда в том же году они попытались вторгнуться в Австрию, но здесь загородило им дорогу большое ополчение под начальством короля чешского Вячеслава, герцогов австрийского и каринтийского; татары опять не решились вступить в битву и скоро отхлынули на восток. Западная Европа была спасена; но соседняя со степями Русь, европейская окраина, надолго подпала влиянию татар. Чтобы впоследствии вернее определить степень этого влияния, мы должны теперь познакомиться с нравами и бытом этих последних азиатских владык Восточной европейской равнины. Мы будем пользоваться известиями западных путешественников, сводя их с восточными известиями, нам доступными.

По этим известиям наружностью своею новые завоеватели нисколько не походили на других людей: большее, чем у других племен, расстояние между глазами и щеками, выдавшиеся скулы, приплюснутый нос, маленькие глаза, небольшой рост, редкие волосы на бороде – вот отличительные черты их наружности. Жен татарин имеет столько, сколько может содержать, женятся не разбирая родства, не берут за себя только мать, дочь и сестру от одной матери; жен покупают дорогою ценою у родителей последних. Живут они в круглых юртах, сделанных из хворосту и тонких жердей, покрытых войлоком; наверху находится отверстие для освещения и выхода дыма, потому что посередине юрты

всегда у них разведен огонь. Некоторые из этих юрт легко разбираются и опять складываются, некоторые же не могут разбираться и возятся на телегах как есть, и куда бы ни пошли татары, на войну или так куда-нибудь, всюду возят их за собою. Главное богатство их состоит в скоте: верблюдах, быках, овцах, козах и лошадях; у них столько скота, сколько нет во всем остальном мире. Верят в одного бога, творца всего видимого и невидимого, виновника счастья и бедствий. Но этому богу они не молятся и не чествуют его, а приносят жертвы идолам, сделанным из разных материалов наподобие людей и помещаемым против дверей юрты; под этими идолами кладут изображение сосцов, считая их охранителями стад. Боготворят также умерших ханов своих, изображениям которых приносят жертвы, и творят поклоны, смотря на юг; обожают солнце, луну, воду и землю. Держатся разных суеверных преданий, например считают грехом дотронуться ножом до огня, бичом до стрел, ловить или бить молодых птиц, переломить кость другою костью, пролить на землю молоко или другой какой-нибудь напиток и т.п. Молнию считают огненным драконом, падающим с неба и могущим оплодотворять женщин. Верят в будущую жизнь, но думают, что и по смерти будут вести такую же жизнь, как и здесь, на земле. Сильно верят гаданиям и чарам; думают, например, что огонь все очищает, и потому иностранных послов и князей с дарами их проводят сперва между двух огней, чтоб они не могли принести хану какого-нибудь зла. Нет ни одного народа в мире, который бы отличался таким послушанием и уважением к начальникам своим, как татары. Бранятся они редко между собою и никогда не дерутся; воров у них нет, и потому юрты и кибитки их не запираются; друг с другом общительны, помогают в нужде; воздержны и терпеливы: случится день, два не поесть – ничего: поют и играют, как будто бы сытно пообедали, легко переносят также холод и жар; жены их целомудренны на деле, но некоторые не воздержны на непристойные слова. Любят пить, но и в пьяном виде не бранятся и не дерутся. Описав добрые качества татар, западный путешественник минорит Иоанн Plano-Карпини переходит к дурным; прежде всего поразила его в них непомерная гордость, презрение ко всем другим народам: мы видели, говорит он, при дворе ханском великого князя русского Ярослава, сына царя грузинского и многих других владетельных особ – и ни одному из них не было воздаваемо должной почести: приставленные к ним татары, люди незначительные, всегда брали перед ними первое место. Татары сколько обходительны друг с другом, столько же раздражительны, гневливы с чужими, лживы, коварны, страшно жадны и скупы, свирепы: убить человека им ничего не стоит; наконец, очень неопрятны. По законам Чингисхана смертная казнь назначалась за 14 преступлений: за супружескую неверность, воровство, убийство и, между прочим, за то, если кто убьет животное не по принятому обычаю. Между детьми от жены и наложницы нет у них различия; однако наследником престола считался младший сын, которого мать была знатнее по происхождению своему всех других ханш; младший сын считался охранителем домашнего очага, он поддерживал семью в случае, если старшие будут убиты на войне. Мужчины ничем не занимались, кроме стрельбы, да еще немного заботились о стадах, большую же часть времени проводили на охоте и в стрельбе, потому что все они от мала до велика хорошие стрелки: дети с двух или трех лет начинают ездить верхом и стрелять в цель. Девушки и женщины ездят верхом, как мужчины, носят луки и стрелы; на женщинах лежат все хозяйственные заботы.

Вообще женщины пользовались уважением, щадить их по возможности было законом; ханши имели сильное влияние на дела, им принадлежало регентство; в торжественных случаях подле хана сидела и жена его или жены, даже магометанин Узбек садился по пятницам на золотом троне окруженный справа и слева женами. Касательно военного устройства Чингисхан определил, чтоб над каждыми десятью человеками был один начальник, десятник, над десятью десятниками начальствовал сотник, над десятью сотниками – тысячник; над десятью тысячниками – особый начальник, а число войска, ему подчиненного, называлось тьмою; сторожевые отряды назывались караулами. Беглецы с поля битвы (если только бегство не было всеобщим) все умерщвлялись; если из десятка один или несколько храбро бились, а остальные не следовали их примеру, то последние умерщвлялись; если из десятка один или несколько были взяты в плен, а товарищи их не освободили, то последние также умерщвлялись. Каждый татарин должен иметь лук, колчан, наполненный стрелами, топор и веревки, для того чтоб тащить осадные машины. Богатые сверх того имеют кривые сабли, шлемы, брони и лошадей также защищенных; некоторые делают брони для себя и для лошадей из кожи, некоторые вооружаются также копьями; щиты у них хворостяные. Вступая в неприятельскую землю, татары посылают передовые отряды, которые ничего не опустошают, но стараются только убивать людей или обратить их в бегство; за ними следует целое войско, которое, наоборот, истребляет все на пути своем. Если встретится большая река, то переправляются сидя на кожаных мешках, наполненных пожитками и привязанных к лошадиным хвостам! Завидя неприятеля, передовой отряд бросает в него по три или четыре стрелы и, если замечает, что не может одолеть его в схватке, обращается в бегство, чтоб заманить преследующего неприятеля в засаду; на войне это самый хитрый народ, и не мудрено: больше сорока лет ведут они беспрестанные войны. Вожди не вступают в битву, но стоят далеко от неприятелей, окруженные детьми и женщинами на лошадях, иногда сажают на лошадей чучел, чтоб казалось больше войска. Прямо против неприятеля высылают отряды из покоренных народов, а толпы самых храбрых людей посылают направо и налево в дальнем расстоянии, чтоб после неожиданно обхватить врага. Если последний крепко бьется, то обращаются в бегство и в бегстве бьют стрелами преследующего неприятеля. Вообще они не охотники до ручных схваток, но стараются сперва перебить и переранить как можно больше людей и лошадей стрелами и потом уже схватываются с ослабленным таким образом неприятелем. При осаде крепостей разбивают стены машинами, бросая стрелы в осажденных, и не перестают бить и биться ни днем, ни ночью, чтоб не давать нисколько покоя последним, а сами отдыхают, потому что один отряд сменяет другой; бросают на крыши домов жир убитых людей и потом греческий огонь, который от того лучше горит; отводят реки от городов или, наоборот, наводняют последние, делают подкопы; наконец, огораживают свой стан, чтоб быть безопасными от стрельбы неприятелей, и долгим облежанием принуждают последних к сдаче. При этом они стараются сперва обещаниями уговорить граждан к сдаче, и когда те согласятся, то говорят им: «Выходите, чтоб, по своему обычаю, мы могли пересчитать вас», и когда все жители выйдут из города, то спрашивают, кто между ними знает какое-нибудь искусство, и тех сохраняют, остальных же убивают, кроме тех, которых выбирают в рабы, но при этом лучшие, благородные люди никогда не дождутся от них

пощады. По приказанию Чингисхана не должно щадить имущества и жизни врагов, потому что плод пощады – сожаление. Мир заключают они только с теми народами, которые соглашаются признать их господство, потому что Чингис-хан завещал им покорить по возможности все народы. Условия, на которых татары принимают к себе в подданство какой-нибудь народ, суть следующие: жители подчиненной страны обязаны ходить с ними на войну по первому востребованию, потом давать десятину от всего, от людей и от вещей, берут они десятого отрока и девицу, которых отводят в свои кочевья и держат в рабстве, остальных жителей перечисляют для сбора подати. Требуют также, чтоб князья подчиненных стран являлись без замедления в Орду и привозили богатые подарки хану, его женам, тысячникам, сотникам – одним словом, всем, имеющим какое-нибудь значение; некоторые из этих князей лишаются жизни в Орде; некоторые возвращаются, но оставляют в заложниках сыновей или братьев и принимают в свои земли баскаков, которым как сами князья, так и все жители обязаны повиноваться, в противном случае по донесению баскаков является толпа татар, которая истребляет ослушников, опустошает их город или страну; не только сам хан или наместник его, но всякий татарин, если случится ему приехать в подчиненную страну, ведет себя в ней как господин, требует все, чего только захочет, и получает. Во время пребывания в Орде у великого хана Плато-Карпини заметил необыкновенную терпимость последнего относительно чуждых вероисповеданий; терпимость эта была предписана законом: в самом семействе хана были христиане; на собственном иждивении содержал он христианских духовных греческого исповедания, которые открыто отправляли свое богослужение в церкви, помещавшейся перед большою его палаткою. Другой западный путешественник, минорит Рубруквис, сам был свидетелем, как перед ханом Мангу совершали службу сперва христианские несторианские духовные, потом муллы магометанские, наконец языческие жрецы.

Рубруквис описывает также любопытный спор, происходивший по ханскому приказанию между проповедниками трех религий – христианской, магометанской и языческой.

Рубруквис, защищавший христианство против языческого жреца, позван был после того к хану, который сказал ему: «Мы, татары, веруем во единого бога, которым живем и умираем; но как руке бог дал различные пальцы, так и людям дал различные пути к спасению: вам бог дал писание, и вы его не соблюдаете; нам дал колдунов, мы делаем то, что они нам говорят, и живем в мире». По уставу Чингисхана и Октая, подтвержденному впоследствии, служители всех религий были освобождены от платежа дани.

Глава третья

От Батыева нашествия до борьбы между сыновьями Александра Невского (1240–1276)

Ярослав Всеволодович на севере. – Его поездки к татарам и смерть. – Войны с Литвою, шведами и ливонскими рыцарями. – Деятельность Александра Ярославича Невского. – Михаил Ярославич, князь московский. – Отношения

между сыновьями Ярослава – Александром и Андреем. – Андрей изгнан. – Александр – великим князем. – Ссора Александра с Новгородом. – Татарская перепись. – Движение против татар. – Смерть Александра Невского. – Внешние войны. – Ярослав тверской – великим князем. – Отношение его к Новгороду. – Княжение Василия Ярославича костромского. – Ослаба от насилия татарского. – Продолжение борьбы с Литвою и немцами. – События в разных княжествах Северо-Восточной Руси. – Бояре. – События в Юго-Западной Руси.

Узнавши о гибели великого князя, старший по нем брат, Ярослав Всеволодович, приехал княжить во Владимир; он очистил церкви от трупов, собрал оставшихся от истребления людей, утешил их и, как старший, начал распорядиться волостями: брату Святославу отдал Суздаль, другому, Ивану, – Стародуб северный. При этом распоряжении волостями видим господство отчинности: Переяславль, прежняя волость Ярослава, остается за ним; Ростов, старший стол после Владимира, остается постоянно в племени Константиновом; и здесь видим то же самое явление: по смерти старшего Константиновича, Василька, старшая волость Ростовская не переходит к брату его Владимиру, который остается на прежнем столе своем в Угличе; Ростовская волость переходит к сыновьям Василька, из которых старший, Борис, остался в Ростове, а младший, Глеб, сел на Беле-озере; Ярославль остается за сыном убитого Всеволода, Василием.

Татары оставляли в покое только те народы, которые признавали над собою власть их; противиться им не было средств у владимирского князя: мы видели, какой ужас напал на жителей при вести о вторичном появлении татар в русских пределах; надобно было покориться, надобно было изъявить эту покорность лично перед ханом, – и Ярослав отправился в Орду к Батыю, который раскинул стан свой на берегу Волги; Батый, по словам летописца, принял Ярослава с честью и, отпуская, сказал ему: «Будь ты старший между всеми князьями в русском народе». Вслед за Ярославом отправились к Батыю и все родичи его, а сын великокняжеский, Константин, поехал дальше, к великому хану; но присутствием сына не удовольствовались: в 1245 г.

Константин возвратился в Русь, и отец его Ярослав должен был сам отправиться в Татарию, где в августе 1246 года был свидетелем воцарения Куюка, сына Угедеева, Известный уже нам путешественник, монах Плано-Карпини встретился с Ярославом в Орде; невелика была, по его словам, честь, которою пользовался здесь старший князь русский; но все же эта честь была относительно велика, ибо Ярославу давали высшее место перед всеми другими владельцами. Тот же путешественник оставил нам некоторые подробности и о смерти великого князя, последовавшей в 1246 году; Ярослава позвали к матери великого хана, которая, как бы желая оказать честь русскому князю, дала ему есть и пить из собственных рук; но, возвратившись от ханши, Ярослав заболел и через семь дней умер, причем тело его удивительным образом посинело, почему все и думали, что ханша отравила его, дабы татары могли свободнее владеть Русью; доказательством служит еще и то, прибавляет Плано-Карпини, что ханша поспешила отправить посла в Россию к сыну Ярославову Александру с обещанием дать ему отцовское наследство, если приедет к ней; но Александр не

поехал. Догадка Плано-Карпини о причине отравления Ярослава невероятна, ибо смерть одного Ярослава не переменяла дел на севере, следовательно, не могла быть полезна для татар, которым надобно было истребить всех князей, для того чтоб свободно владеть Россиею. Известия наших летописей проливают новый, хотя не ясный свет на событие: по этим известиям виною смерти Ярославовой была крамола его соотечественников, именно какого-то Федора Яруновича, который оклеветал великого князя; но трудно предположить, чтоб Ярунович действовал здесь лично от себя и для себя; гораздо легче подумать, что смерть Ярослава в Орде была явлением, одинаким со смертью других князей русских там же, была следствием наговора родичей, следствием родовых княжеских усобиц.

В то время как на востоке русские князья принуждены были ездить с поклоном к ханам степных варваров, на западе шла борьба с сильными врагами, которые начали грозить Руси еще прежде татар. Тотчас по занятии старшего стола, в 1239 году, Ярослав должен был выступить против Литвы, которая воевала уже в окрестностях Смоленска; великий князь победил литовцев, взял в плен их князя, потом урядил смольнян, посадивши у них князем Всеволода, сына Мстислава Романовича, и возвратился домой с большою добычею и честью. Но у Литвы оставалось много князей и много силы; с двух других сторон нападают на Северо-Западную Русь враги не менее опасные: шведы и ливонские рыцари. Владимирским князьям нельзя было оборонять ее постоянно от всех этих врагов: у них было много дела у себя, на востоке, вследствие утверждения нового порядка вещей, беспрестанных усобиц для усиления одного княжества на счет всех других, и татарских отношений. Тогда Новгород Великий должен был взять на свою долю борьбу со шведами, а Псков, бедный средствами Псков, должен был вести борьбу с двумя самыми опасными врагами – Литвою и немцами, при внутреннем неустройстве, при частом отсутствии князя, при ссорах с старшим братом своим Новгородом Великим.

Самым сильным ударам с трех сторон Новгород и Псков подверглись с 1240 года; они выдержали их и этим преимущественно обязаны были сыну великого князя Ярослава, Александру, который стал княжить у них один после отца с 1236 года. В Швеции борьба между готским и шведским владетельными домами, кончившаяся в 1222 году, усилила власть вельмож, между которыми первое место занимал род Фолькунгов, владевший наследственно достоинством ярла. Могущественный представитель этой фамилии, Биргер, побуждаемый папскими посланиями, предпринял крестовый поход против Руси. Как скоро пришла в Новгород весть, что шведы явились в устье Ижоры и хотят идти на Ладогу, то Александр не стал дожидаться ни полков отцовских, ни пока соберутся все силы Новгородской волости, с небольшою дружиною выступил против неприятеля и 15 июля нанес ему поражение, за которое получил славное прозвание Невского. Сам Александр рассказывал после о подвигах шестерых мужей из дружины своей: один из них, Гаврило Олексич, прорвался вслед за бегущим Биргером до самого корабля его, был низвергнут и с конем в воду, но вышел невредим и опять поехал биться с воеводою шведским, который называется в летописи Спиридоном; этот воевода остался на месте, а по некоторым известиям, та же участь постигла и епископа. Другой новгородец, Сбыслав Якунович, удивил также всех своею силою и храбростию, не раз врываясь с одним топором в толпы неприятельские. Якуновичу в храбрости не уступал княжеский ловчий Яков Полочанин, с мечом в

руках ворвавшийся в шведские ряды. Четвертый новгородец, Миша, пешком с отрядом своим ударил на неприятельские корабли и погубил три из них; пятый, отрок княжеский Савва, пробился до большого златоверхого шатра Биргерова и подсек у него столп, шатер повалился, и падение его сильно обрадовало новгородцев в битве; шестой, слуга княжеский Ратмир, бился пеш, был окружен со всех сторон врагами и пал от множества ран; всех убитых со стороны новгородской было не более 20 человек. Зная, какой характер носила эта борьба, с каким намерением приходили шведы, мы поймем то религиозное значение, которое имела Невская победа для Новгорода и остальной Руси; это значение ясно видно в особенном сказании о подвигах Александра: здесь шведы не иначе называются как римлянами – прямое указание на религиозное различие, во имя которого предпринята была война. Победа была одержана непосредственною помощью свыше: был старшина в земле Ижорской, именем Пелгусий, которому было поручено сторожить неприятеля на море; Пелгусий был крещен и носил христианское имя Филиппа, хотя род его находился еще в язычестве; Пелгусий жил богоугодно, держал строгий пост по середам и пяткам и сподобился видения: однажды пробыл он всю ночь без сна и при восходе солнечном вдруг слышит сильный шум на море и видит, что гребет к берегу насад, а посреди насада стоят св. мученики Борис и Глеб в пурпурных одеждах, гребцы сидят как будто мглою одеты, и слышит он, что Борис говорит Глебу: «Брат Глеб! вели грести, поможем сроднику своему великому князю Александру Ярославичу». Пелгусий рассказал потом видение Александру, и тот запретил ему больше никому не рассказывать об нем.

Новгородцы любили видеть Александра в челе дружин своих; но недолго могли ужиться с ним как с правителем, ибо Александр шел по следам отцовским и дедовским: в самый год Невской победы он выехал из Новгорода, рассорившись с жителями. А между тем немцы опять с князем Ярославом Владимировичем взяли Изборск; псковичи вышли к ним навстречу и были разбиты, потеряли воеводу Гаврилу Гориславича, а немцы по следам бегущих подступили ко Пскову, пожгли посады, окрестные села и целую неделю стояли под городом. Псковичи принуждены были исполнить все их требования и дали детей своих в заложники: в Пскове начал владеть вместе с немцами какой-то Твердило Иванович, который и подвел врагов, как утверждает летописец; мы уже видели во вражде сторон причину таких измен.

Приверженцы противной стороны бежали в Новгород, который остался без князя, а между тем немцы не довольствовались Псковом: вместе с чудью напали они на Вотскую пятину, завоевали ее, наложили дань на жителей и, намереваясь стать твердою ногою в Новгородской волости, построили крепость в Копорьи погосте; по берегам Луги побрали всех лошадей и скот; по селам нельзя было земли пахать, да и нечем; по дорогам в тридцати верстах от Новгорода неприятель бил купцов. Тогда новгородцы послали в низовую землю к Ярославу за князем, и тот дал им другого сына своего, Андрея; но надобен был Александр, а не Андрей: новгородцы подумали и отправили опять владыку с боярами за Александром; Ярослав дал им его опять, на каких условиях, неизвестно, но, вероятно, не на всей воле новгородской: мы увидим после самовластие Александра в Новгороде; жалобы граждан на это самовластие остались в договорах их с братом Александровым.

Приехавши в Новгород в 1241 году, Александр немедленно пошел на немцев к Копорью, взял крепость, гарнизон немецкий привел в Новгород, часть его отпустил на волю, только изменников вожан и чудь перевешал. Но нельзя было так скоро освободить Псков; только в следующем 1242 году, съездивши в Орду, Александр выступил ко Пскову и взял его, причем погибло семьдесят рыцарей со множеством простых ратников, шесть рыцарей взяты в плен и замучены, как говорит немецкий летописец. После этого Александр вошел в Чудскую землю, во владения Ордена; войско последнего встретило один из русских отрядов и разбило его наголову; когда беглецы принесли Александру весть об этом поражении, то он отступил к Псковскому озеру и стал дожидаться неприятеля на льду его, который был еще крепок 5 апреля. На солнечном восходе началась знаменитая битва, слыvuщая в наших летописях под именем Ледового побоища. Немцы и чудь пробились свиньею (острою колонною) сквозь русские полки и погнались уже бегущих, как Александр обогнал врагов с тыла и решил дело в свою пользу; была злая сеча, говорит летописец, льда на озере стало не видно, все покрылось кровию; русские гнали немцев по льду до берега на расстоянии семи верст, убили у них 500 человек, а чудь бесчисленное множество, взяли в плен 50 рыцарей. «Немцы, – говорит летописец, – хвалились: возьмем князя Александра руками, а теперь их самих бог предал ему в руки». Когда Александр возвращался во Псков после победы, то пленных рыцарей вели пешком подле коней их; весь Псков вышел навстречу к своему избавителю, игумны и священники со крестами. «О псковичи! – говорит автор повести о великом князе Александре, – если забудете это и отступите от рода великого князя Александра Ярославича, то похожи будете на жидов, которых господь напитал в пустыне, а они забыли все благодеяния его; если кто из самых дальних Александровых потомков приедет в печали жить к вам во Псков и не примет его, не почтите, то назоветесь вторые жида». После этого славного похода Александр должен был ехать во Владимир прощаться с отцом, отправлявшимся в Орду; в его отсутствие немцы прислали с поклоном в Новгород, послы их говорили: «Что зашли мы мечом, Воть, Лугу, Псков, Летголу, от того от всего отступаемся; сколько взяли людей ваших в плен, теми разменяемся: мы ваших пустим, а вы наших пустите»; отпустили также заложников псковских и помирились.

Но оставалась еще Литва: в 1245 году толпы литовцев явились около Торжка и Бежецка; в Торжке в это время сидел возвратившийся, вероятно после мира, из Ливонии князь Ярослав Владимирович; он погнался было с новоторжцами за литвою, но потерпел поражение, потерял всех лошадей, потом новоторжцы и Ярослав погнались опять вместе с тверичами и дмитровцами; на этот раз литовцы были разбиты под Торопцом, и князья их вбежали в город. Но утром на другой день приспел Александр с новгородцами, взял Торопец, отнял у литовцев весь плен и перебил князей их, больше осьми человек. Новгородские полки возвратились от Торопца; но Александр с одним двором своим погнался опять за литовцами, разбил их снова у озера Жизца, не оставил в живых ни одного человека, побил и остаток князей. После этого он отправился в Витебск, откуда, взявши сына, возвращался назад, как вдруг наткнулся опять на толпу литовцев подле Усвята; Александр ударил на неприятелей и снова разбил их.

Так были отбиты со славою все три врага Северо-Западной Руси; Александр не мог долго оставаться здесь, ибо дела на востоке переменились со смертью отца

его После Ярослава старшинство и стол владимирский наследовал по старине брат его Святослав, который утвердил племянников своих, сыновей Ярослава, на уделах, данных им покойным великим князем. Еще в 1242 г. Невский ездил в Орду, потому что Батый прислал сказать ему: «Мне покорил бог многие народы, неужели ты один не хочешь покориться моей державе? Если хочешь сберечь землю свою, то приходи поклониться мне и увидишь честь и славу царства моего». Летописец говорит, что хан, увидавши Александра, сказал своим вельможам: «Все, что мне ни говорили об нем, все правда: нет подобного этому князю». По смерти отца Александр отправился к Батью вместе с братом Андреем; с берегов Волги поехали они, по обычаю, в Татарию; а между тем в отсутствие старших Ярославичей в Руси произошла важная перемена: один из младших братьев их, Михаил, по прозванию Хоробрит, князь московский, отнял у дяди Святослава великое княжение и сам заступил его место.

Это явление очень важно, потому что здесь мы видим совершенный произвол, полное невнимание ко всякому родовому праву, исключительное преобладание права сильного: Михаил не был даже и старшим сыном от старшего брата. Михаил скоро погиб в битве с литовцами, еще до возвращения старших братьев из Орды, где Александр был утвержден на столе киевском и новгородском, удерживая также на северо-востоке как отчину Переяславль Залесский, Андрей же получил великое княжение владимирское. Изгнанный дядя Святослав ездил в Орду; неизвестно, требовал ли он у хана возвращения великокняжеского достоинства или нет; известно только то, что не получил его и скоро умер (в 1252 г.). Оставался князь, который по старине мог предъявить права свои на великое княжение: именно Владимир углицкий, сын Константина ростовского, старшего из сыновей Всеволода III; но кто мог думать о праве Владимира в то время, когда Михаил московский не обращал никакого внимания ни на свое бесправие, ни на право дяди? Ярославичи были сильнее углицкого князя; этого было довольно, чтоб заставить позабыть о последнем.

Но раздел между Ярославичами не был мирен; есть известие, что Александр с Андреем имели в Орде большой спор, кому быть во Владимире, кому – в Киеве, и хан отдал Киев Александру, а Владимир – Андрею, основываясь на завещании покойного великого князя Ярослава. Что же могло заставить Ярослава завещать старшему Александру Киев, а младшему Андрею – Владимир? Быть может, особенная любовь к Андрею, который оставался всегда при нем; быть может, также, что Ярослав, желая удержать и Южную Русь в своем роде, отдал Киев Александру, как более способному держать его. Но если подобное завещание существовало в самом деле, то оно исключало необходимо брата Святослава, тогда как летопись говорит прямо, что Святослав утвердил племянников на уделах, как распорядился покойный Ярослав.

Впрочем, есть средство согласить оба свидетельства: Ярослав при жизни назначил Александра в Киев, Андрей оставался на севере; по изгнании Святослава Михаилом и по смерти последнего Андрей, желая получить владимирский стол, настаивал на том, что уже старший брат его получил старший стол – Киев и Русскую землю по распоряжению покойного отца, и тем убедил хана, который для собственной безопасности мог не желать усиления Александра. Но Александр, как старший, не мог быть доволен таким решением, ибо давно уже Владимир получил первенство над Киевом относительно старшинства, давно уже киевские

князья не могли быть без владимирских; теперь особенно, когда Южная Русь была опустошена, когда Киев представлял одни развалины, владение им не могло быть лестно. Вот почему Невский мог считать себя вправе сердиться на младшего брата, видеть в нем хищника прав своих (1249 г.). Как бы то ни было, Андрей два года спокойно сидел во Владимире; Александр, по некоторым известиям, хотел идти в Киев, но был удержан новгородцами, представившими ему опасность от татар на юге. В 1250 году Андрей вступил в тесную связь с Даниилом галицким, женившись на его дочери; а в 1252 году Александр отправился на Дон к сыну Батыеву Сартаку с жалобой на брата, который отнял у него старшинство и не исполняет своих обязанностей относительно татар. Александр получил старшинство, и толпы татар под начальством Неврюя вторгнулись в землю Суздальскую. Андрей при этой вести сказал: «Что это, господи! покуда нам между собою ссориться и наводить друг на друга татар; лучше мне бежать в чужую землю, чем дружить с татарами и служить им». Собравши войско, он вышел против Неврюя, но был разбит и бежал в Новгород, не был там принят и удалился в Швецию, где был принят с честью. Татары взяли Переяславль, захватили здесь семейство Ярослава, брата Андреева, убили его воеводу, попленили жителей и пошли назад в Орду. Александр приехал княжить во Владимир; Андрей также возвратился на Русь и помирился с братом, который помирил его с ханом и дал в удел Суздаль.

Но скоро началась у Александра вражда с другим братом, Ярославом, княжившим в Твери. Вследствие появления на севере отдельных отчин, уделов между князьями необходимо обнаруживается стремление усиливать эти уделы на счет других; уже в Ярославе Всеволодовиче ясно обнаружилось это стремление: недовольный своим Переяславским уделом, он старался утвердиться в Новгороде, даже в Киеве; сын его Ярослав тверской шел по следам отцовским. В 1254 году он отправился княжить во Псков (а по другим известиям, в Ладугу), где приняли его с большою честью; но Псков находился в тесной связи с Новгородом, а в Новгороде не все были довольны великим князем Александром, вместо которого княжил теперь здесь сын его Василий, и вот в 1255 году новгородцы выгнали Василия и перевели к себе из Пскова Ярослава тверского. Но Василий не думал уступать дяде без борьбы и, засевши, по обычаю, в Торжке, дожидаясь отца своего с полками, и ждал недолго; Александр явился с двоюродным братом своим Димитрием Святославичем и, присоединив к себе сына с новоторжцами, выступил против Новгорода; на дороге встретил его какой-то Ратишка с переветом. «Ступай, князь! – говорил он, – брат твой Ярослав убежал».

Несмотря, однако, на бегство князя, новгородцы не хотели безусловно покориться Александру и выстроили два полка, конный и пеший, причем в первый раз высказались две сословные партии: меньшие люди, собравши вече у св. Николы, сказали: «Братья! а что как князь скажет: выдайте мне врагов моих!» В ответ все меньшие целовали образ богородицы стать всем заодно – либо живот, либо смерть за правду новгородскую, за свою отчизну. Но лучшие люди думали иначе: им хотелось побить меньших и ввести князя на своей воле, и Михалко, сын последнего посадника, внук Твердиславов, предводитель стороны лучших людей, уже побежал из города к св. Георгию (к Юрьеву монастырю), чтоб оттуда со своим полком ударить на меньших. Посадником в это время на место Твердислава сына Степана (умершего в 1243 году) был Анания, который, желая добра

Михалку, послал за ним тайно; но весть о замысле Михалковом уже разнеслась между черными людьми, и они погнались было грабить его двор, но были удержаны посадником. «Братья, – говорил им Анания, – если хотите убить Михалка, то убейте прежде меня!» Он не знал, что лучшие люди уже порешили схватить его самого и посадничество отдать Михалку.

Между тем посол Александров явился на вече и объявил народу волю княжескую: «Выдайте мне Ананию-посадника, а не выдадите, то я вам не князь, еду на город ратью». Новгородцы отправили к нему с ответом владыку и тысяцкого: «Ступай, князь, на свой стол, а злодеев не слушай, на Ананию и всех мужей новгородских перестань сердиться». Но князь не послушал просьб владыки и тысяцкого; тогда новгородцы сказали: «Если, братья, князь согласился с нашими изменниками, то бог им судья и св. София, а князь без греха», – и стоял весь полк три дня за свою правду, а на четвертый день Александр прислал объявить новое условие: «Если Анания не будет посадником, то помирюсь с вами». Это требование было исполнено: Анания свергнут, его место занял Михалко Степанович, и Василий Александрович опять стал княжить в Новгороде.

Через год (1257 г.) злая весть, что татары хотят наложить тамги и десятины на Новгород, опять смутила его жителей. Первая перепись татарская для сбора дани должна была происходить еще в начале княжения Ярослава; Плано-Карпини говорит, что во время пребывания его в России ханы – Куюк и Батый – прислали сюда баскаком одного сарацина, который у каждого отца семейства, имевшего трех сыновей, брал одного, захватил всех неженатых мужчин и женщин, не имевших законных мужей, также всех нищих, остальных же перечислил, по обычаю татарскому, и обложил данью: каждый человек мужского пола, какого бы возраста и состояния ни был, обязан был платить по меху медвежью, бобровому, соболиному, хорьковому и лисьему; кто не мог заплатить, того отводили в рабство. В 1255 году умер Батый, ему наследовал сын его Сартак, или Сертак, скоро умерший, и Золотая Орда досталась брату Батыеву, Берге, или Берке. По воцарении этого нового хана, в 1257 году, по русским известиям, происходила вторая переписью приехали численники, сочли всю землю Суздальскую, Рязанскую и Муромскую, поставили десятников, сотников, тысячников и темников, не считали только игуменов, чернецов, священников и клирошан. Подобная же перепись происходила одновременно во всех странах, подвластных татарам, и везде служители всех религий, исключая еврейских раввинов, были освобождены от подати. В Новгороде после вести о переписи все лето продолжалось смятение; а зимою убили посадника Михалка; «если бы кто добро друг другу делал, – прибавляет летописец, – то добро бы и было, а кто копает под другим яму, тот сам в нее попадает». Вслед за этим приехал в Новгород великий князь с татарскими послами, которые начали требовать десятины и тамги; новгородцы не согласились, дали дары для хана ипустили послов с миром; сам Василий, сын Невского, был против дани, следовательно, против воли отцовской, и выехал во Псков, как только отец приехал в Новгород; Александр выгнал его оттуда и отправил в Суздальскую область, а советников его наказал жестоко. Волнения не прекращались в Новгороде: тою ж зимою убили Мишу, быть может того самого, который так славно бился со шведами при Неве; посадничество дано было Михаилу Федоровичу, выведенному из Ладоги. Целый следующий год, однако, прошел без слухов о требованиях татарских; но в 1259 г. приехал с Низу

(из Суздальской области) Михайла Пинецинич с ложным посольством. «Если не согласитесь на перепись, – говорил он новгородцам, – то уже полки татарские в Низовой земле». Новгородцы испугались и согласились; но когда зимою приехал Александр и с ним окаянные татары-сыроядцы с женами, то опять встал сильный мятеж; татары испугались и начали говорить Александру: «Дай нам сторожей, а то убьют нас», и князь велел их стеречь по ночам сыну посадничью со всеми детьми боярскими. Татарам наскучило дожидаться. «Дайте нам число, или побежим прочь», – говорили они. Но в Новгороде и в этом случае, как в предыдущем, высказались две враждебные сословные партии: одни граждане никак не хотели дать числа. «Умрем честью за св. Софию и за дома ангельские», – говорили они; но другие требовали согласия на перепись и наконец осилили, когда Александр с татарами съехали уже с Городища. И начали ездить окаянные татары по улицам, переписывая дома христианские. Взявши число, татары уехали; вслед за ними отправился и князь Александр, оставивший в Новгороде сына Димитрия.

В Новгороде стало тихо; но поднялись волнения на востоке, в земле Ростовской: здесь в 1262 году народ был выведен из терпения насилиями татарских откупщиков дани; поднялись вече и выгнали откупщиков из Ростова, Владимира, Суздаля, Переяславля и Ярославля; в последнем городе убит был в это время отступник Изосим, который принял магометанство в угоду татарскому баскаку и хуже иноплеменников угнетал своих прежних сограждан. Понятно, что в Орде не могли спокойно снести этого события, и полки татарские уже посланы были пленить христиан: тогда Александр, чтобы отмолить людей от беды, отправился в четвертый раз в Орду; как видно, он успел в своем деле благодаря, быть может, персидской войне, которая сильно занимала хана Берге. Но это было уже последним делом Александра: больной поехал он из Орды, проведши там всю зиму, и на дороге, в Городце Волжском, умер 14 ноября 1263 года, «много потрудившись за землю Русскую, за Новгород и за Псков, за все великое княжение отдавая живот свой и за правоверную веру». Соблюдение Русской земли от беды на востоке, знаменательные подвиги за веру и землю на западе доставили Александру славную память на Руси, сделали его самым видным историческим лицом в нашей древней истории – от Мономаха до Донского. Знаком этой памяти и славы служит особое сказание о подвигах Александровых, дошедшее до нас вместе с летописями, написанное современником и, как видно, человеком близким к князю. Великий князь Александр Ярославич, говорит автор сказания, побеждал везде, а сам не был нигде побежден; приходил в Новгород от западных стран знаменитый рыцарь, видел Александра и, возвратясь в свою землю, рассказывал: «Прошел я много стран и народов, но нигде не видал такого ни в царях царя, ни в князьях князя»; такой же отзыв сделал об нем и хан. Когда Александр после отцовской смерти приехал во Владимир, то был грозен приезд его, промчалась весть о нем до самых устьев Волги, и жены моавитские начали страшить детей своих: «Молчи, великий князь Александр едет!»

Однажды явились к нему послы из великого Рима от папы, который велел сказать Александру: «Слышали мы о тебе, князь, что ты честен и дивен, и велика земля твоя: поэтому прислали мы к тебе от двенадцати кардиналов двоих хитрейших – Галда и Гемонта, да послушаешь учения нашего». Александр, подумавши с мудрецами своими, описал папе все случившееся от сотворения мира до седьмого вселенского собора, прибавив: «Все это мы знаем хорошо, но от

вас учения не принимаем». Идя по следам отцовским, Александр передавал много золота и серебра в Орду на выкуп пленных. Митрополит Кирилл был во Владимире, когда узнал о смерти Александра; он так объявил об этом народу: «Дети мои милые! знайте, что зашло солнце земли Русской», и все люди завопили в ответ: «Уже погибаем!»

Занимаясь по смерти отца преимущественно отношениями ордынскими, Александр должен был следить и за обычною борьбою на западе, в которой прежде принимал такое славное участие. Мы видели, что Михаил московский недолго пользовался старшим столом, отнятым у дяди, пал в битве с литвою; но другие Ярославичи отомстили за его смерть, поразивши литву из Зубцова (в 1249 году); около этого же времени псковичи потерпели поражение от литвы на Кудепи; в 1253 году литва явилась в области Новгородской; но князь Василий с новгородцами нагнали ее у Торопца, разбили, отняли полон. В 1258 г. пришла литва с полочанами к Смоленску и взяла город Войщину на щит; после этого литовцы явились у Торжка, жители которого вышли к ним навстречу, но потерпели поражение, и город их много пострадал; под 1262 годом встречаем известие о мире новгородцев с литвою. Шведы и датчане с финнами пришли в 1256 году и стали чинить город на Нарове; новгородцы, сидевшие в это время без князя, послали в Суздальскую землю к Александру за полками, разослали и по своей волости собирать войско; неприятель испугался этих приготовлений и ушел за море. На зиму приехал в Новгород князь Александр и отправился в поход – куда, никто не знал; думали, что князь идет на чудь, но он от Копорья пошел на ямь; путь был трудный, войско не видело ни дня, ни ночи от метели; несмотря на то, русские вошли в неприятельскую землю и опустошили ее. После мира 1242 года немцы десять лет не поднимались на Русь; только в 1253 году, ободренные удачными войнами с Литвою, они нарушили договор, пришли под Псков и сожгли посад, но самих их много псковичи били, говорит летописец. Видно, впрочем, что осада крепости тянулась до тех пор, пока пришел полк новгородский на выручку; тогда немцы испугались, сняли осаду и ушли. В Новгороде в это время было покойно, и потому решились не довольствоваться освобождением Пскова, а идти пустошить Ливонию: пошли за Нарову и положили пусту немецкую волость; корелы также ей много зла наделали. Псковичи с своей стороны не хотели оставаться в долгу, пошли в Ливонию и победили немецкий полк, вышедший к ним навстречу. Тогда немцы послали во Псков и в Новгород просить мира на всей воле новгородской и псковской и помирились. В 1262 г. собрались князья идти к старой отчине своей, к Юрьеву ливонскому. Этот поход замечателен тем, что здесь в первый раз видим русских князей в союзе с литовскими для наступательного движения против немцев. Русские князья – брат Невского Ярослав и сын Дмитрий с Миндовгом литовским, Тройнатом жмудьским и Тевтивилом полоцким уговорились ударить вместе на Орден. Миндовг явился перед Венденом, но тщетно дожидался русских и возвратился назад, удовольствовавшись одним опустошением страны. Когда ушла литва, явились русские полки и осадили Юрьев; немцы сильно укрепили его.

«Был город Юрьев тверд, – говорит летописец, – в три стены, и множество людей в нем всяких, и оборону себе пристроили на городе крепкую». Посад был взят приступом, сожжен; русские набрали много полону и товара всякого, но крепости взять не могли и ушли назад. Немецкий летописец прибавляет, что

русские оставили Юрьев, слыша о приближении магистра Вернера фон Брейтгаузена, и что магистр по их следам вторгнулся в русские владения, опустошил их, но болезнь принудила его возвратиться.

Прежний великий князь Андрей Ярославич недолго пережил брата своего: он умер весною 1264 года. Сохранилось известие, что Андрей по смерти Александра снова хотел занять стол владимирский, но что брат его Ярослав перенес дело на решение хана, и тот утвердил Ярослава. Это известие подтверждается тем, что в летописях вступление Ярослава на великокняжеский престол означено не тотчас по смерти Александра, в 1263, но уже по смерти Андрея, в 1264 году. Неизвестно, где Невский имел пребывание, в отчинном ли городе Переяславле Залесском или во Владимире, по крайней мере погребен был в последнем; брат же его Ярослав, как видно, жил то в Твери, то во Владимире, то в Новгороде и был похоронен в Твери.

Смерть Невского повела прежде всего к перемене в Новгороде; сын его Димитрий был изгнан; мы видели, что посадник Анания был свержен по требованию Александра, и на его место поставлен Михалко Степанович – необходимо угодный великому князю; но Михалко был убит меньшими людьми, постоянно не ладившими с Александром, следовательно, и посадника, ими выбранного, Михаила Федоровича мы не имеем права считать в числе приверженцев последнего. Поэтому неудивительно встретить в летописи известие, что новгородцы изгнали Димитрия Александровича по совету с посадником своим Михаилом и послали в Тверь сына посадникова и лучших бояр звать Ярослава к себе на стол: вспомним, что и прежде Ярослав был позван в Новгород вследствие желания меньших людей, которые так сильно после того противились Александру. Ряд новгородцев с Ярославом дошел до нас во всей полноте в двух грамотах; новгородцы называют предложенные князю условия древними, быть может, они были предложены впервые Всеволоду, внуку Мономахову; внесено также в условия, чтобы поступки Невского не повторялись, несмотря на то, новгородцы недолго нажили в мире и с новым князем. Первая размолвка произошла по поводу псковичей, которые посадили у себя князем Довмонта литовского, тогда как прежде сидел у них сын Ярославов Святослав; в 1266 году Ярослав пришел в Новгород с полками низовыми, чтоб идти на псковичей и Довмонта, уже славного подвигами своими за Русскую землю; новгородцы воспротивились этому походу и сказали князю: «Прежде переведайся с нами, а потом уже поезжай во Псков». Ярослав отослал полки свои назад. Наместником Ярославовым в Новгороде сидел племянник его, Юрий Андреевич, но в 1269 году приходил туда сам великий князь и стал жаловаться: «Мужи мои и братья мои и ваши побиты в войне с немцами»: князь складывал всю вину на трех граждан – Жирослава Давыдовича, Михаила Мишинича и Юрия Сбыславича, желая лишить их волостей. Но новгородцы были за них; князь в сердцах собрался выехать из города: жители стали кланяться ему: «Князь! перестань сердиться на Жирослава, Михайла и Юрия и от нас не езд», потому что мир с немцами был еще непрочен. Ярослав не послушался и уехал; но они послали за ним владыку и лучших мужей и воротили его с Бронниц; чтоб угодить ему, выбрали тысяцкого Ратибора Клуксовича по его воле, а посадником на место Михаила Федоровича, умершего в 1268 году, был избран тогда же еще сын известного Анании, Павша.

Новгородцы хотели мира с Ярославом из страха перед немцами только, и когда этот страх прошел, то в следующем же 1270 году встал мятеж в городе: начали выгонять князя, собрали вече на Ярославовом дворе, убили приятеля княжеского Ивапка, а другие приятели Ярославовы, и между ними тысяцкий Ратибор, скрылись к князю на Городище; новгородцы разграбили их дома, хоромы разнесли, а к князю послали грамоту с жалобой, что отнят Волхов гогольными ловцами, а поле отнято заячьими ловцами, взят двор Алексы Морткинича, взято серебро на Никифоре Манускиниче, на Романе Болдыжевиче, на Варфоломее; кроме того, выводятся иноземцы, которые живут в Новгороде, Ярослав, несмотря на все свои старания, должен был выехать, и новгородцы послали за Димитрием Александровичем, но ошиблись в расчете: Димитрий отказался ехать к ним, сказавши: «Не хочу взять стола перед дядею». Новгородцы приуныли, особенно когда узнали, что Ярослав копит полки на них, мало того, послал к хану их прежнего тысяцкого Ратибора просить помощи на Новгород; Ратибор говорил хану: «Новгородцы тебя не слушают; мы просили у них дани для тебя, а они нас выгнали, других убили, дома наши разграбили и Ярослава обесчестили». Хан поверил и отправил войско к Ярославу. В такой крайней опасности Новгород был спасен не князем Южной, старой Руси, но родным братом великого князя, Василием Ярославичем костромским: этот князь вступился за старый город не по сочувствию с его бытом, но из соперничества с братом: как князь костромской, Василий боялся усиления князя тверского, ибо такое усиление грозило не только правам его на княжество Владимирское, но даже независимости его княжества Костромского.

Василий послал сказать новгородцам: «Кланяюсь св. Софии и мужам новгородцам: слышал я, что Ярослав идет на Новгород со всею своею силою, Димитрий с переяславцами и Глеб с смолянами; жаль мне своей отчины». Но Василий не ограничился одним сожалением: сам поехал в Орду, сказал хану, что новгородцы правы, а Ярослав виноват, и возвратил с дороги татарскую рать. Между тем новгородцы поставили острог около города, имение свое вывезли в крепость, и когда явились сторожа Ярославовы, то весь город вышел с оружием от мала до велика. Ярослав, узнав об этом, засел в Русе, а в Новгород послал с мирными предложениями: «Обещаюсь впредь не делать ничего того, за что на меня сердитесь, все князья в том за меня поручатся». Новгородцы отвечали: «Князь! ты вздумал зло на св. Софию, так ступай: а мы изомрем честно за св. Софию; у нас князя нет, но с нами бог и правда и св. София, а тебя не хотим». Новгородцы могли так разговаривать – к Ярославу татары не приходили, а к ним собралась вся их волость. Псковичи, ладожане, корела, ижора, вожане пошли все к устью Шелони и стояли неделю на броне, а полк Ярославов – по другую сторону реки. Дело, впрочем, не дошло до битвы, потому что явился новый посредник: прислал митрополит грамоту, в которой писал: «Мне поручил бог архиепископию в Русской земле, вам надобно слушаться бога и меня: крови не проливайте, а Ярослав не сделает вам ничего дурного, я за то ручаюсь; если же вы крест целовали не держать его, то я за это принимаю епитимью на себя и отвечаю перед богом».

Митрополичья грамота подействовала, и когда Ярослав опять прислал в новгородский полк с поклоном, то новгородцы помирились с ним на всей своей воле, посадили его опять у себя на столе и привели к кресту. Зимой Ярослав

отправился во Владимир, а оттуда в Орду, оставя в Новгороде наместником Андрея Вратиславича, а во Пскове князя Айгуста литовского.

В 1272 году Ярослав умер на возвратном пути из Орды. По старому порядку вещей великое княжество перешло к брату его Василию костромскому; но относительно Новгорода явился ему соперник, и, таким образом, новгородцы получили право выбора: послы Василия костромского и племянника его, Димитрия переяславского в одно время съехались в Новгороде; оба князя просили себе этого стола. Казалось, что выбор будет легок для новгородцев: благодарность заставляла их избрать Василия, недавно избавившего их от страшной опасности. Несмотря на то, они посадили у себя Димитрия. Есть известие, объясняющее причину такого поступка: Василий требовал уничтожения грамот брата своего, следовательно, новгородцы выбрали того, кто согласился княжить у них на всей их воле. Однако новый великий князь не думал уступать своих прав: с татарами и племянником своим, князем тверским Святославом, он повоевал волости новгородские, взял Торжок, пожег хоромы, посадил своего тиуна, торговля с Низовою землею прекратилась, купцов новгородских перехватывали там, и хлеб сильно вздорожал в городе. Зимой 1273 года князь Димитрий с новгородцами пошел к Твери, а к Василию послали сказать: «Возврати волости новгородские и помирись с нами»; но Василий не хотел мириться – тогда в Новгороде возмутились люди и захотели Василия; Димитрий, не дожидаясь изгнания, добровольно уехал в свой Переяславль, и Василий сел на столе новгородском; по некоторым известиям, великий князь наказал своих противников, в числе которых был тысяцкий; судя по обстоятельствам, с вероятностию можно положить, что прежние требования Василия относительно грамот были исполнены.

Перемена князя повлекла и перемену посадника: еще до приезда Васильева отняли посадничество у Павши (Павла Семеновича) и дали Михаилу Мишиничу (вероятно, сыну убитого прежде Миши); Давша бежал сперва к Димитрию, но потом раздумал и поехал с поклоном к Василию, который, как видно, принял его милостиво, потому что как скоро Василий утвердился в Новгороде, то отняли посадничество у Михаила и отдали опять Павше, выведши его из Костромы; но в следующем же 1274 году Павша умер, и Михаил стал опять посадником. В 1276 году умер великий князь Василии и погребен в своей отчине, Костроме; с ним прекратилось первое поколение потомства Ярослава Всеволодовича, и старшинство со столом владимирским перешло по старине к старшему сыну Невского, Димитрию Александровичу переяславскому. Таким образом, при ослаблении родовой связи и общности владения, при образовании уделов, отдельных отчин и при необходимо следующем отсюда стремлении каждого великого князя усилить свое собственное княжество, причем все они начинают с Новгорода, жребий – усилиться и стать чрез это сосредоточивающим пунктом Руси – выпал сперва Твери, но недостаток твердости в Ярославе тверском и соперничество брата его Василия воспрепятствовали усилению Твери; Василий костромской едва получил великокняжескую область, как начал действовать точно таким же образом, какой осуждал в брате; подобно ему привел татар на новгородцев, тогда как прежде заступился за последних и отклонил от них татарское нашествие; но кратковременное пятилетнее правление не позволило ему усилить Костромское княжество, он умер бездетен, и очередь перешла к Переяславлю Залесскому.

Касательно ордынских отношений по смерти Невского: в 1266 году кончилось первое, самое тяжелое двадцатипятилетие татарского ига; в этом году, говорят летописи, и умер хан Берге и была ослаба Руси от насилия татарского; Берге был первый хан, который принял магометанство, и поэтому неудивительно читать в летописях, что какой-то Изосим принял ислам в угодность татарскому баскаку. Берге наследовал Менгу-Тимур, внук Батгя от второго сына его Тутукана. В 1275 году происходила вторичная перепись народа на Руси и в Новгороде. На западе по-прежнему шла борьба с Литвою и немцами. В Литве в это время произошли усобицы, вследствие которых прибежал во Псков один из литовских князей, именем Довмонт, с дружиною и с целым родом, принял крещение под именем Тимофея и был посажен псковитянами на столе св. Всеволода: здесь в первый раз видим то явление, что русский город призывает к себе в князья литвина вместо Рюриковича, явление любопытное, потому что оно объясняет нам тогдашние понятия и отношения, объясняет древнее призвание самого Рюрика, объясняет ту легкость, с какою и другие западные русские города в это время и после подчинялись династии князей литовских. Псковичи не ошиблись в выборе: Довмонт своими доблестями, своею ревностию по новой вере и новом отечестве напомнил Руси лучших князей ее из рода Рюрика – Мстиславов, Александра Невского. Через несколько дней после того, как псковичи провозгласили его князем, Довмонт, взявши три девяноста дружины, отправился на Литовскую землю и повоевал свое прежнее отечество, пленил родную тетку свою, жену князя Гердена, и с большим полоном возвращался во Псков. Переправившись через Двину и отъехав верст пять от берега, он стал шатрами на бору, расставил сторожей по реке, отпустил два девяноста ратных с полоном во Псков, а сам остался с одним девяностом, ожидая за собою погони. Гердена и других князей не было дома, когда Довмонт пустошил их землю; возвратившись, они погнались с 700 человек вслед за ним, грозясь схватить его руками и предать лютой смерти, а псковичей иссечь мечами. Стража, расставленная Довмонтом на берегу Двины, прибежала и объявила ему, что литва уже переправилась через реку. Тогда Довмонт сказал своей дружине: «Братья мужи псковичи! кто стар, тот отец, а кто молод, тот брат! слышал я о мужестве вашем во всех сторонах; теперь перед нами, братья, живот и смерть: братья мужи псковичи! потянем за св. Троицу и за свое отечество». Поехал князь Довмонт с псковичами на литву и одним девяностом семьсот победил. В следующем 1267 году новгородцы с Довмонтом и псковичами ходили на Литву и много повоевали; в 1275 году русские князья ходили на Литву вместе с татарами и возвратились с большою добычею. В 1268 году новгородцы собрались было опять на Литву, но на дороге раздумали и пошли за Нарову к Раковору (Везенберг), много земли попустошили, но города не взяли и, потерявши 7 человек, возвратились домой; но скоро потом решились предпринять поход поважнее и, подумавши с посадником своим Михаилом, послали за князем Димитрием Александровичем, сыном Невского, звать его из Переяславля с полками; послали и к великому князю Ярославу, и тот прислал сыновей своих с войском, Тогда новгородцы сыскали мастеров, умеющих делать стенобитные орудия, и начали чинить пороки на владычнем дворе. Немцы-рижане, феллинцы, юрьевцы, услышавши о таких сборах, отправили в Новгород послов, которые объявили гражданам: «Нам с вами мир, переведывайтесь с датчанами-колыванцами (ревельцами) и раковорцами

(везенбергцами), а мы к ним не пристаем, на чем и крест целуем»; и точно – поцеловали крест; новгородцы, однако, этим не удовольствовались, послали в Ливонию привести к кресту всех пискупов и божиих дворян (рыцарей), и те все присягнули, что не будут помогать датчанам. Обезопасив себя таким образом со стороны немцев, новгородцы выступили в поход под предводительством семи князей, в числе которых был и Довмонт с псковичами. В январе месяце вошли они в немецкую землю и начали опустошать ее, по обычаю; в одном месте русские нашли огромную непроходимую пещеру, куда спрятались множество чуди; три дня стояли полки перед пещерою и никак не могли добраться до чуди; наконец один из мастеров, который был при машинах, догадался пустить в нее воду: этим средством чуди принуждена была покинуть свое убежище и была перебита. От пещеры русские пошли дальше к Раковору, но когда достигли реки Кеголы 18 февраля, то вдруг увидели перед собою полки немецкие, которые стояли как лес дремучий, потому что собралась вся земля немецкая, обманувши новгородцев ложною клятвою. Русские, однако, не испугались, пошли к немцам за реку и начали ставить полки: псковичи стали по правую руку; князь Димитрий Александрович с переяславцами и с сыном великого князя Святославом стали по правую же руку повыше; по левую стал другой сын великого князя, Михаил, с тверичами, а новгородцы стали в лице железному полку против великой свиньи и в таком порядке схватились с немцами. Было побоище страшное, говорит летописец, какого не видали ни отцы, ни деды; русские сломили немцев и гнали их семь верст вплоть до города Раковора; но дорого стоила им эта победа: посадник с тринадцатью знаменитейшими гражданами полегли на месте, много пало и других добрых бояр, а черных людей без числа: иные пропали без вести, и в том числе тысяцкий Кондрат. Сколько пало неприятелей, видно из того, что конница русская не могла пробиться по их трупам; но у них оставались еще свежие полки, которые во время бегства остальных успели врезаться свиньею в обоз новгородский; князь Димитрий хотел немедленно напасть на них, но другие князья его удержали. «Время уже к ночи, – говорили они, – в темноте смешаемся и будем бить своих». Таким образом, оба войска остановились друг против друга, ожидая рассвета, чтоб начать снова битву; но когда рассвело, то немецких полков уже не было более видно: они бежали в ночь. Новгородцы стояли три дня на костях (на поле битвы), на четвертый тронулись, везя с собою избитых братьев, честно отдавших живот свой, по выражению летописца. Но Довмонт с псковичами хотели воспользоваться победою, опустошили Ливонию до самого моря и, возвратившись, наполнили землю свою множеством полоня. Латины (немцы), собравши остаток сил, спешили отомстить псковичам: пришли тайно на границу, сожгли несколько псковских сел и ушли назад, не имея возможности предпринять что-нибудь важное; их было только 800 человек; но Довмонт погнался за ними с 60 человек дружины и разбил. В следующем 1269 году магистр пришел под Псков с силою тяжкою: 10 дней стояли немцы под городом и с уроном принуждены были отступить; между тем явились новгородцы на помощь и погнались за неприятелем, который успел, однако, уйти за реку и оттуда заключить мир на всей воле новгородской.

Оставалось покончить с датчанами ревельскими, и в том же году сам великий князь Ярослав послал сына Святослава в Низовую землю собирать полки; собрались все князья, и бесчисленное множество войска пришло в Новгород; был

тут и баскак великий владимирский, именем Амраган, и все вместе хотели выступить на Колывань.

Датчане испугались и прислали просить мира: «Кланяемся на всей вашей воле, Наровы всей отступаемся, только крови не проливайте». Новгородцы подумали и заключили мир на этих условиях.

До сих пор мы преимущественно обращали внимание на преемство великих князей владимирских и отношения их к родичам; теперь взглянем на отношения князей в других волостях Северо-Восточной Руси. Летописец не говорит, где княжил Святослав Всеволодович, лишенный владимирского стола, и сын его Димитрий, ибо прежний удел их Суздаль отдан был Невским брату своему Андрею Ярославичу, также лишившемуся Владимира; мы видим после, что этот Димитрий помогает Невскому в войне против Новгорода; наконец, под 1269 годом встречаем известие о смерти Димитрия и погребении его в Юрьеве – знак, что он княжил в этом городе, который держал отец его Святослав по смерти Всеволода III, следовательно, Юрьев, как неотъемлемая вотчина, остался за Святославом и тогда, когда он получил от брата Ярослава Суздаль, По смерти Андрея Ярославича остались сыновья Юрий и Михайла; первого мы видели в Новгороде. В 1249 г. умер последний сын Константина Всеволодовича, Владимир углицкий, оставив двоих сыновей – Андрея и Романа, из которых Андрей умер в 1261 г. В один год с Владимиром умер племянник его Василий Всеволодович ярославский, не оставив сыновей, вследствие чего произошло любопытное явление: прежде, в старой Руси, волости не считались собственностью отдельных князей, но собственностью целого рода, и если какой-нибудь князь умирал, то волость его не переходила даже и к сыновьям, но к старшему в роде или племени; на севере мы видим, что волости начинают переходить прямо к сыновьям, исключая одной старшей волости, Владимирской; но мало этого, понятие о собственности, отдельности владения так утвердилось, что удел, за неимением сыновей, переходит к дочери покойного князя, вследствие чего дочь Василия Всеволодовича начала княжить в Ярославле с матерью, которая стала искать ей жениха. В это время в Смоленской волости княжили трое сыновей Ростислава Мстиславича, внука Давыда Ростиславича: Глеб, которого мы видели союзником Ярослава Ярославича против Новгорода, Михаил и Феодор; по словам летописца, Глеб и Михаил обидели Феодора, давши ему один только Можайск; этого-то Феодора можайского вдова Василия Всеволодовича выбрала в мужа своей дочери, и таким образом один из Ростиславичей смоленских получил в приданое за женою волость суздальских Юрьевичей. В житии князя Феодора находим следующие дополнительные известия: от первой жены, княжны ярославской, он имел сына Михаила; во время отсутствия князя в Орду жена его умерла, и теща с боярами, провозгласив князем молодого Михаила, не впустили в город Феодора, когда он приехал из Орды. Феодор отправился назад в Орду, там женился на ханской дочери, прижил с нею двоих сыновей – Давида и Константина – и, услышав о смерти старшего сына, Михаила, возвратился в Ярославль, где утвердился с ханскою помощью.

Из князей муромских упоминается Ярослав по случаю брака ростовского князя Бориса Васильевича на его дочери. В Рязани княжил Олег Ингваревич, внук Игорев, правнук Глебов, оставивший (1258 г.) стол сыну Роману. В 1270 году на Романа донесли хану Менгу-Тимуру, будто он хулит хана и ругается веро татарской; хан напустил на Романа татар, которые стали принуждать его к своей

вере; тот не соглашался, и когда стали его бить, то он продолжал восхвалять христианство и бранить веру татарскую; тогда разъяренные татары отрезали ему язык, заткнули рот платком и, изрезавши всего по составам, отняли наконец голову и взоткнули на копье.

Рассказавши смерть Романову, летописец обращается к русским князьям и увещевает их не пленяться суетною славою света сего, не обижать друг друга, не лукавствовать между собою, не похищать чужого, не обижать меньших родичей.

Неизвестно, кто оклеветал Романа.

Из бояр при князьях Северо-Восточной Руси упоминается Жидислав, воевода князя Ярослава Ярославича, которого татары убили в Переяславле в 1252 году; именем своим он напоминает прежних, славных на севере Жидиславов, или Жирославов. У князя Василия костромского упоминается воевода Семен, опустошавший в 1272 году Новгородскую волость; можно думать, что это одно лицо с знаменитым впоследствии Семеном Тонилиевичем.

Обратимся теперь к Юго-Западной Руси.

Плано-Карпини, проехавший через древнюю собственную Русь (Киевскую область) в 1245 году, говорит, что он во все продолжение пути находился в беспрестанном страхе перед литовцами, которые начали опустошать теперь и Приднепровье благодаря тому, что некому было противиться: большая часть жителей Руси или была побита, или взята в плен татарами; Киев после Батыева опустошения сделался ничтожным городком, в котором едва насчитывалось домов с двести, жители находились в страшном рабстве; по окрестностям путешественники находили бесчисленное множество черепов и костей человеческих, разбросанных по полям.

Таким образом, Русь находилась между двумя страшными врагами, татарами с востока и Литвою с запада, которые не замедлят вступить в борьбу за нее. Но у нее оставался еще знаменитый князь, под знаменем которого она могла еще с успехом отстаивать свою независимость, хотя и тут, разумеется, собственная Русь не могла играть по-прежнему первенствующей роли; Киев уже прежде потерял свое первенствующее значение, перешедшее теперь к богатой области Прикарпатской, отчине знаменитого правнука Изяслава Мстиславича. Но к этой волости перешло также роковое преимущество Киевского княжества быть предметом усобиц между Мономаховичами и Ольговичами: несмотря на татарское опустошение, за Галич продолжали бороться двое представителей обеих враждебных линий – Даниил Романович Мономахович и Михаил Всеволодович Ольгович.

Даниил еще до взятия Киева Батыем поехал в Венгрию, но был дурно принят королем, который отказался выдать дочь свою за его сына. Даниил выехал из Венгрии, но, встретив на дороге толпы народа, спасавшегося бегством от татар, должен был возвратиться назад; потом, услышав, что брат, жена и дети спаслись в Польшу, отправился и сам туда же, на дороге соединился с семейством и вместе с ним поехал к Кондратову сыну Болеславу, который дал ему на время Вышгород, где Даниил и пробыл до тех пор, пока узнал, что татары вышли из его волости.

Обстоятельство, что Даниил выехал в Венгрию только с одним сыном Львом, оставивши семейство в Галиче, заставляет думать, что он не бежал пред татарами, а ездил для сватовства и заключения союза с королем против татар. В Галиче ждали Даниила прежние неприятности: когда он подъехал к городу Дрогичину, то

наместник тамошний не позволил ему войти в город; другие города были опустошены; из Бреста нельзя было выйти в поле от смрада гниющих трупов; во Владимире не осталось ни одного живого человека; Богородичный собор и другие церкви были наполнены трупами. Между тем и Михаил черниговский с сыном Ростиславом возвратились из Польши, где также скрывались от татар, и проехали мимо Владимира к Пинску, не давши знать Романовичам о своем приезде, чем явно выказывали вражду свою к ним; из Пинска Михаил отправился в Киев и жил под этим городом на острове, а сын его Ростислав поехал княжить в Чернигов, Когда, таким образом, Черниговские обнаруживали неприязнь свою к Романовичам, последние должны были бороться со внутренними врагами. Бояре галицкие, по словам летописца, называли Даниила своим князем, а между тем сами держали всю землю; главными из них были в это время Доброслав Судыч, попов внук, и Григорий Васильевич: первый взял себе Бакоту и все Понизье, а другой хотел овладеть Горною стороною Перемышльскою, и был мятеж большой в земле и грабеж от них, Даниил послал стольника своего Якова сказать Доброславу: «Я ваш князь, а вы меня не слушаетесь, землю грабите; я не велел тебе принимать черниговских бояр, велел дать волости галицким, а Коломыйскую соль отписать на меня», «Хорошо, – отвечал Доброслав, – так и будет сделано»; но в это самое время вошли к нему Лазарь Домажирич и Ивор Молибожич, два беззаконника от племени смердьего, как называет их летописец; они поклонились Доброславу до земли. Яков удивился и спросил; «За что это они так тебе низко кланяются?» «За то, что я отдал им Коломыню», – отвечал Доброслав. «Как же ты смел это сделать без княжеского приказа? – сказал Яков. – Великие князья держат эту Коломыню на раздачу оруженосцам своим, а эти чего стоят?» «Что же мне говорить?» – отвечал, смеясь, Доброслав; другого ничего Яков не мог от него добиться. К счастью Даниила, оба боярина, Доброслав и Григорий, скоро перессорились; Доброславу не хотелось иметь товарища, и потому он прислал к князю с доносом на Григория, и оба потом явились с наветами друг на Друга к Даниилу, который был особенно оскорблен гордостью Доброслава: этот боярин приехал к князю в одной сорочке, закинув вверх голову, в сопровождении толпы галичан, шедших у его стремени. Романовичи увидали, что оба боярина лгут, оба не хотят ходить по воле княжеской, и потому велели схватить обоих, потом отправили печатника Кирилла в Бакоту собрать подробные сведения о грабительствах боярских и успокоить землю, в чем Кирилл и успел.

Но только что установилось спокойствие внутреннее, как Романовичи должны были приняться за оружие для отражения врагов внешних: в 1241 году Ростислав Михайлович черниговский, собравши князей болховских и галичан себе преданных, осадил Кирилла в Бакоте; после битвы у городских ворот Ростислав потребовал свидания с печатником, надеясь склонить его на свою сторону, но Кирилл отвечал ему: «Так-то ты благодаришь дядей своих за их добро? ты позабыл, как тебя выгнал и с отцом король венгерский и как тогда приняли тебя господа мои, твои дядья? отца твоего в великой чести держали и Киев ему обещали, тебе Луцк отдали, а мать твою и сестру из Ярославовых рук освободили». Много умных речей говорил Кирилл, но Ростислав не послушался; тогда печатник принялся за другое средство, подействительнее, и вышел на черниговского князя с пехотою; тот не решился вступить в битву и ушел за Днепр. Даниил, услышавши, что Ростислав приходил на Бакоту с князьями болховскими,

пошел немедленно на последних, потому что эти князья также отплатили ему злою неблагодарностью за добро: когда он жил в Вышгороде у Болеслава мазовецкого, то князья болховские прибежали также в Польшу от татар; но Болеслав не хотел принимать их, а хотел ограбить. «Это особенные князья, а не твои ратники», – говорил он Даниилу, который вступился за них; галицкий князь хотел было даже биться за них с Болеславом, насилу брат его Василько умолил последнего не трогать болховских, которые обещались служить полякам. Но теперь они забыли все это, и Даниил без милости опустошал их землю, оставленную татарами в целости для того, чтоб жители сеяли на них пшеницу и просо; семь городов их взял Даниил и сжег. Но Ростислав черниговский не думал еще отставать от своих враждебных намерений: соединившись с изменником Данииловым, боярином Владиславом, и с рязанским изгнанником, братоубийцею, князем Константином Владимировичем, овладел Галичем, но был скоро выгнан оттуда Романовичами и спасен был от дальнейшего преследования только вестью, что татары вышли из Венгрии и идут на землю Галицкую; Константин с крамольным владыкою перемышльским также принужден был бежать перед дворецким Данииловым, Андреем; Андрей настиг и разграбил гордых слуг владыкиных, разодрал тулы их бобровые, прилбицы (опушки у шапок подле лба) волчьи и барсуковые; тут же попался в плен и славный певец Митуса, который прежде по гордости не хотел служить князю Даниилу.

Через три года (в 1245) Ростислав, женившийся между тем на дочери короля венгерского, пришел с тестевым войском опять на волость Даниила, разбил бояр последнего, но был выгнан самим Даниилом.

Через несколько времени Ростислав с полками венгерскими в польскими вошел в последний раз в землю Галицкую и осадил Ярославль. Во время сильных боев перед городом венгры и поляки укрепили свой лагерь, чтобы не терпеть никакого вреда от осажденных до тех пор, пока не будут готовы осадные машины Ростислав хвастался перед войском своим: «Если б я знал только, где Даниил и Василько, то поехал бы на них с десятью человеками». Он устроил воинскую игру перед городом и, сражаясь с каким-то Воршем, упал с лошади и вывихнул себе плечо – примета была не на добро, замечает летописец. Даниил и Василько, услышавши о его приходе, помолились богу и стали собирать войска. На реке Сане произошла последняя кровопролитная битва между Мономаховичами и Ольговичами; перед сражением, говорит летописец, пролетела над полком стая птиц хищных, орлов и воронов, и стали птицы играть, клектать и плавать по воздуху – знамение было на добро.

Первый напал на полки Ростиславовы дворецкий Андрей; когда с обеих сторон переломали копья, то послышался треск, как от грома, и много с обеих сторон попадало всадников с коней своих; Даниил послал к Андрею 20 отборных мужей на помощь; но те испугались и прибежали назад к Сану, оставя храброго дворского среди врагов с малою дружиною. Между тем поляки, поднявши страшный крик, поя Кирлешь (Кирие елеисон), двинулись на Василька; с ними был сам Ростислав, а в заднем полку стоял с хоругвию известный венгерский воевода Филя; он по-прежнему хвастался и укорял Русь. «Русские, – говорил он своим, – горячо наступают, но долго не выдерживают боя, стоит нам только выдержать их первый натиск». Даниил бросился на выручку брата, попался было в плен, вырвался, выехал из полков, но потом возвратился опять, ударил на Филю,

смял полк его, разодрал хоругвь пополам; увидавши это, Ростислав побежал, а за ним и все венгры. Мы оставили Василька, ожидавшего нападения поляков, которые кричали друг другу: «Погоним длинные бороды». «Лжете, – прокричал им в ответ Василько, – бог помощник нам» – и с этими словами, прищпорив коня, двинулся к ним навстречу. Поляки не выдержали натиска и обратились в бегство. Даниил, гоня венгров и русь Ростиславову через глубокую дебрь, сильно тужил, не зная, что делается с братом, как вдруг увидел хоругвь его и самого князя, гонящего поляков; Даниил остановился на могиле против города и подождал брата, с которым стал советоваться – продолжать ли преследование? Василько отговорил его гнаться дальше. Поражение неприятелей было полное: множество венгров и поляков было побито и взято в плен, в числе пленных находился гордый Филя, схваченный Андреем дворским, и знаменитый изменник галицкий, боярин Владислав: оба казнены были в тот же день вместе со многими другими венгерскими пленниками.

Ярославская победа окончательно утверждала Даниила на столе галицком: с этих пор никто из русских князей уже не беспокоил его более своим соперничеством; венгры также оставили свои притязания; должны были успокоиться и внутренние враги народа, бояре, не имея более возможности крамолить, не находя соперников сыну Романову. Но сколько славен был для Даниила 1249 год, столько же тяжек следующий, 1250: от татар пришло грозное слово: «Дай Галич!» В глубокой грусти оба Романовича стали думать: что делать? В чистом поле не было возможности сопротивляться татарам, городов не успели укрепить; наконец, Даниил сказал: «Не отдам пол-отчины моей, лучше поеду сам к Батыю». Даниил отправился в путь, приехал в опустошенный Киев, где сидел боярин Димитрий Ейкович, посланный туда великим князем Ярославом суздальским; в Киеве Даниил остановился в Выдубицком монастыре, созвал братию, попросил их отслужить молебен, чтоб бог помиловал его, и поплыл по Днепру в сильной тоске, видя перед собою беду грозную. В Переяславле, стольном городе прадеда своего Мономаха, он уже встретил татар; упомянутые выше западные путешественники рассказывают о тяжком впечатлении, которое произвело на них первое знакомство с татарами, показавшимися им какими-то демонами; такое же тяжелое впечатление произвели татары и на Даниила, по свидетельству летописца: варварские обряды, суеверия внушали глубокое отвращение сыну Романову, с ужасом думал он, что все приходящие к хану подчиненные владельцы должны исполнять эти обряды, ходить около куста, кланяться солнцу, луне, земле, дьяволу, умершим, находящимся в аде предкам их ханским. В черных мыслях приехал Даниил на Волгу, в Орду Батыеву, и первая весть, услышанная им здесь, не могла его утешить: пришел к нему слуга великого князя Ярослава суздальского и сказал: «Брат твой Ярослав кланялся кусту, и тебе кланяться». «Дьявол говорит твоими устами, – отвечал ему на это Даниил, – да заградит их бог». К счастью, Батый не потребовал от него исполнения суеверных обрядов: когда Даниил при входе в вежу поклонился, по татарскому обычаю, то Батый встретил его словами: «Данило! зачем так долго не приходил; но все хорошо, что теперь пришел; пьешь ли черное молоко, наше питье, кобылий кумыс!» «До сих пор не пил, – отвечал Даниил, – но теперь, если велишь, буду пить». «Ты уже наш татарин, – продолжал Батый, – пей наше питье». Даниил выпил, поклонился, по их обычаю, и, сказавши хану, что следовало о делах своих,

попросил позволения идти к ханше; Батый сказал: «Иди». Князь пошел поклониться ханше; потом Батый прислал к нему вина, велевши сказать: «Не привыкли вы пить молоко, пей вино». Северный летописец, довольный относительным уважением, каким пользовались наши князья в Орде, повторяет постоянно, что они принимались там с честью; но южный, рассказавши о принятии Даниила ханом, раздражается горькими жалобами: «О, злее зла честь татарская! Даниил Романович князь был великий, обладал вместе с братом Русскою землею, Киевом, Владимиром и Галичем; а теперь сидит на коленях и холопом называется, дани хотят, живота не чают, и грозы приходят. О, злая честь татарская! Отец был царем в Русской земле, покорил Половецкую землю и воевал на иные все страны; и такого отца сын не принял чести, кто ж другой после того получит от них что-нибудь? Злобе и лести их нет конца!» Пробывши двадцать пять дней в Орде, Даниил достиг цели своей поездки: хан оставил за ним все его земли.

Приехавши в Русь, он был встречен братом и сыновьями, и был плач об его обиде, говорит летописец, но еще больше радовались, что увидели его опять здоровым.

Даниил мог немного утешиться немедленным полезным следствием своей поездки к хану: король венгерский, испуганный не столько Ярославскою победою, сколько благосклонностию Батыею к Даниилу, тотчас же прислал к последнему с предложением мира и родственного союза, который прежде отвергнул Даниил изъявил сперва сомнение в искренности короля; но митрополит Кирилл съездил в Венгрию и уладил дело: Лев Данилович женился на дочери королевской, и Даниил отдал королю пленников венгерских, взятых при Ярославле. Но чем спокойнее было княжение Даниила внутри, чем славнее становился он между соседними государями европейскими, тем тягостнее была для него злая честь татарская, и он стал искать средств к свержению ига. С одними средствами Галича и Волыни нельзя было и думать об этом; сломить могущество татар, отбросить их в степи можно было только с помощью новых крестовых походов, с помощью союза всей Европы или по крайней мере всей восточной ее половины. Но о крестовом союзе католических государств нельзя было думать без главы римской церкви, от которого должно было изойти первое, самое сильное побуждение; князь русский мог быть принят в этот союз только в качестве сына римской церкви – и вот Даниил завязал сношения с папою Иннокентием IV о соединении церквей. Легко понять, как обрадовался папа предложению галицкого князя; письмо за письмом, распоряжение за распоряжением следовали от его имени по случаю присоединения Галицкой Руси. Он отправил доминиканского монаха Алексея с товарищем для безотлучного пребывания при дворе Даниила, поручил архиепископу прусскому и эстонскому легатство на Руси, позволил русскому духовенству совершать службу на заквашенных просвирах, признал законным брак Даниилова брата Василька на одной из родственниц, уступил требованию Даниила, чтобы никто из крестоносцев и других духовных лиц не мог приобретать имений в русских областях без позволения князя. Но с самого уже начала обнаружилось, что связь с Римом не будет продолжительна: время крестовых походов прошло, папа не имел уже прежнего значения, не мог своими буллами подвинуть целой Европы против Востока: в 1253 году он писал ко всем христианам Богемии, Моравии, Сербии и Померании об отражении татарских

набегов на земли христианские и проповедовании крестового похода; но это послание не произвело никакого действия; то же в следующем году писал он к христианам Ливонии, Эстонии и Пруссии, и также безуспешно. Вместо помощи против татар папа предлагал Даниилу королевский титул в награду за соединение с римскою церковью. Но Даниила не мог прельстить королевский титул. «Рать татарская не перестает: как я могу принять венец, прежде чем ты подашь мне помощь?» – приказывал отвечать он папе. В 1254 году, когда он был в Кракове у князя Болеслава, туда же явились и послы папские с короною, требуя свидания с Даниилом; тот отделался на этот раз, велевши сказать им, что не годится ему с ними видеться в чужой земле. На следующий год послы явились опять с короною и с обещанием помощи; Даниил, не полагаясь на пустые обещания, не хотел сперва и тут принимать короны, но был уговорен матерью своею и князьями польскими, которые говорили ему: «Прими только венец, а мы уже будем помогать тебе на поганных»; с другой стороны, папа проклинал тех, которые хулили православную веру греческую, и обещал созвать собор для рассуждения об общем соединении церквей. Даниил короновался в Дрогоичине; но событие это осталось без следствий; видя, что от папы не дожидаться помощи, Даниил прервал с ним всякие сношения, не обращая внимания на укоры Александра IV; впрочем, титул королевский остался навсегда за князем галицким.

Предоставленный одним собственным средствам, Даниил не хотел, однако, отказаться от мысли о сопротивлении татарам: укреплял города и не позволял баскакам утверждаться в низовьях днестровских. Ближайшим соседом Данииловым в Приднепровье был баскак Куремса, не могущий внушить большого страха галицкому князю, так что в 1257 году последний решился предпринять наступательное движение против татар и побрал все русские города, непосредственно от них зависевшие. В 1259 году войско Куремсы явилось у Владимира, но было отбито жителями, сам Куремса не мог взять Луцка, потому что сильный ветер относил от города камень, бросаемые татарами из машин. Но в 1260 вместо Куремсы явился другой баскак, Бурундай, с которым не так легко было управиться; Бурундай прислал сказать Даниилу: «Я иду на Литву; если ты мирен с нами, то ступай со мною в поход».

Опечаленный Даниил сел думать с братом и сыном: они хорошо знали, что если Даниил сам поедет к Бурундаю, то не воротится с добром за явную войну с Куремсою, и потому решили, что Василько поедет за брата. Василько отправился, на дороге встретил отряд литовцев, разбил их и привез сайгат (трофеи) к Бурундаю; это понравилось татарину, он похвалил Василька, поехал с ним вместе воевать литву и после войны отпустил домой. Но этим дело не кончилось: в следующем 1261 году Бурундай опять прислал сказать Романовичам: «Если вы мирны со мною, то встретьте меня, а кто не встретит, тот мне враг». Опять поехал к нему Василько, взявши с собою племянника Льва и владыку холмского Ивана (на Руси узнали уже, что монголы уважают служителей всех религий); татарин встретил их сильною бранью, так что владыка Иван стоял ни жив ни мертв от страха; наконец Бурундай сказал Васильку: «Если вы со мною мирны, то разметите все свои города». Надобно было исполнить приказание: Лев разметал Данилов, Истожек, послал и Львов разметать, а Василько послал разрушить укрепления Кременца и Луцка. Владыка Иван отправлен был ими к Даниилу с вестью о гневе Бурундая; Даниил испугался и уехал сперва в Польшу, потом в

Венгрию, а между тем Бурундай вместе с Васильком приехал к Владимиру и приказал разрушить городские укрепления; Василько видел, что такие обширные укрепления нельзя скоро разрушить, и потому велел зажечь их, и горели они целую ночь; сжегши свой город, Василько на другой день должен был угощать Бурундая в беззащитном Владимире; но татарину и этого было мало: он потребовал, чтоб рвы городские были раскопаны, и это было исполнено. Из Владимира Бурундай и Василько приехали к Холму, любимому городу короля Даниила; город был затворен, в нем сидели бояре и люди добрые с пороками и самострелами, так что взять его не было никакой надежды у Бурундая, и он стал говорить Васильку: «Это город брата твоего, ступай, скажи гражданам, чтоб сдались».

Василько поехал, а при нем три татарина и толмач, знавший русский язык, — слушать, что Василько будет говорить с холмовцами. Но Василько догадался, как сделать: набрал в руки камней и, подъехавши к стенам, начал кричать главным боярам: «Константин холоп и ты другой холоп, Лука Иваныч! это город брата моего и мой, сдавайтесь!» — и, сказавши это, три раза ударил камнем об землю, давая этим знать, чтоб не сдавались, а бились с татарами. Константин, стоя на забралах, увидел знак, понял его смысл и отвечал Васильку: «Ступай прочь, если не хочешь, чтоб ударили тебя камнем в лицо, ты уже не брат королю, а враг ему».

Татары, бывшие с Васильком, рассказали Бурундаю ответ Константинов, и тот, не смея приступить к Холму, отправился пустошить Польшу, а оттуда возвратился в степи. Таким образом, Даниил, обманутый слабостью Куремсы, рано начал действовать против татар и поплатился за преждевременную смелость городами галицкими и волынскими; но, с другой стороны, Даниил не ошибся относительно выбора главного средства сопротивления против степных полчищ, именно укрепления городов: наиболее укрепленный Холм остался цел; должно заметить, впрочем, что пред этим городом был один баскак со своим отрядом, конечно, и Холм не мог бы устоять против тех полчищ, которые приводил Батый на Русь.

Но если Даниил не имел успеха в борьбе с Востоком, зато он вознагражден был счастливою борьбою с европейскими своими соседями. Здесь первое место занимает борьба его с литвою, среди которой произошли важные перемены, имевшие решительное влияние на судьбы Юго-Западной Руси. До сих пор литовцы, подобно соплеменникам своим пруссам, были разъединены, повиновались многим князьям; такое разъединение, не препятствуя литовцам собираться многочисленными толпами и опустошать соседние страны, препятствовало единству, постоянству в движениях, не могло сообщать этим движениям завоевательного, прочного характера. Для этого нужно было единовластие; и вот в то время, как пруссы гибнут от меча немецких рыцарей или теряют свою народность вследствие разъединения, среди литовцев, значительно усиленных, без сомнения, беглецами прусскими, являются князья, которые начинают стремиться к единовластию; самым замечательным из них был Миндовг. Характер Миндовга ручался за успех дела в обществе варварском: этот князь был жесток, хитр, не разбирал средств для достижения цели, никакое злодейство не могло остановить его; но где нельзя было действовать силою, там он сыпал золото, употреблял обман. Из рассказа Плано-Карпини мы видели, что литовцы после нашествия Батыева безнаказанно опустошали русские области; но

в 1246 году, возвращаясь с набега на окрестности Пересопницы, они были настигнуты у Пинска обоими Романовичами и поражены наголову; в следующем году встречаем известие о новом поражении их от князей – галицкого и волынского. В 1252 году Миндовг отправил дядю своего Выкынта и двоих племянников – Тевтивила и Едивида – воевать к Смоленску; он сказал им: «Что кто возьмет, тот пусть и держит при себе». Но этот поход был хитростью со стороны Миндовга: он воспользовался отсутствием родичей, чтоб захватить их волости и богатство, после чего отправил войско, чтоб нагнать и убить их самих. Князья, однако, вовремя узнали о намерениях Миндовга и убежали к Даниилу, за которым была сестра Тевтивила и Едивида. Миндовг послал сказать Даниилу, чтоб тот не вступался за изгнанников, но Даниил не послушался сколько по родству с последними, столько же и потому, что хотел воспользоваться этим обстоятельством для обессиления Литвы: посоветовавшись с братом, он послал сказать князьям польским: «Время теперь христианам идти на поганых, потому что у лих встали усобицы». Поляки обещались идти с ним вместе на войну и не исполнили обещания. Тогда Романовичи стали искать против Миндовга других союзников и отправили Выкынта к ятвягам, в Жмудь, и к немцам, в Ригу; Выкынту удалось серебром и дарами уговорить ятвягов и половину Жмуди подняться на Миндовга; немцы также прислали сказать Даниилу: «Для тебя помирились мы с Выкынтом, хотя он погубил много нашей братьи» – и обещались также идти на помощь к изгнанникам.

Обнадеженные этим, Романовичи выступили в поход: Даниил послал брата на Волковскийск, сына на Слоним, а сам пошел к Здитову, побрали много городов и возвратились Домой; потом отправил Даниил Тевтивила с русью и половцами воевать Миндовгову землю; но немцы не двигались, и Тевтивил сам отправился в Ригу, где принял крещение; это подействовало, и Орден стал готовиться к войне.

Миндовг увидал, что не может противиться в одно время двум врагам – и Романовичам и Ордену, и потому принялся за другие средства: он послал тайно к магистру Ордена Андрею фон Штукланду с богатыми дарами и с следующим предложением: «Если убьешь или выгонишь Тевтивила, то еще больше получишь».

Андрей принял дары и отвечал, что питает к Миндовгу сильную дружбу, но не может помогать ему до тех пор, пока он не примет крещения. Миндовг просил личного свидания с магистром, и за роскошным обедом было улажено все дело. Миндовг крестился, и папа был в восторге: он принял литовского князя, по обычаю, под покровительство св. Петра, писал к ливонскому епископу, чтоб никто не смел оскорблять новообращенного, поручил епископу кульмскому венчать Миндовга королевским венцом, писал об установлении соборной церкви в Литве и епископа; но Миндовг принял христианство точно так же, как пруссы принимали его под мечом рыцарей, только для вида, до первой возможности возвратиться к отцовской вере.

«Крещение его было лъстиво, – говорит летописец, – потому что втайне он не переставал приносить жертвы своим прежним богам, сожигал мертвецов; а если, когда выедет на охоту, и заяц перебежит дорогу, то уж ни за что не пойдет в лес, не посмеет и ветки сломить там». Как бы то ни было, Миндовгу удалось отстранить опасность, грозившую ему от Ордена, и Тевтивил должен был бежать из Риги в Жмудь, к дяде своему Выкынту; он собрал войско из ятвягов, жмуди,

вспомогательного русского отряда, присланного ему Даниилом, и выступил против Миндовга, на помощь к которому пришли немцы. Война не ознаменовалась никаким решительным действием в 1252 году; в следующем 1253 сам Даниил принял в ней участие, опустошил область Новгородскую (Новогрудскую); потом Василько с племянником Романом Даниловичем взял Городен, а сын Миндовгов за то опустошил окрестности Турийска. Но этот набег не мог перевесить успехов русской рати, и Миндовг прислал к Даниилу с предложением мира и руки своей дочери для Шварна, сына Даниилова; литовский князь, впрочем, и тут нашел средство заставить Даниила благосклоннее выслушать его предложения: в одно время с Миндовговыми послами явился к Даниилу Тевтивил и объявил, что Миндовг подкупил ятвягов, и те не хотят больше воевать с ним. Даниил рассердился на ятвягов, но делать было нечего.

Почти два года после того не встречаем известий о делах литовских; в конце 1255 года летописец рассказывает о мире между Даниилом и сыном Миндовговым, Воишелком, князем новгородским (новогрудским); характер и жизнь этого Воишелка очень замечательны для нас, потому что подобные явления всего лучше показывают состояние нравов в известный век, в известном обществе. Жесток был и Миндовг, но бесчеловечие Воишелка превосходило всякое вероятие; наивный рассказ летописца наводит ужас: «Воишелк стал княжить в Новгороде, будучи в поганстве, и начал проливать крови много: убивал всякий день по три, по четыре человека; в который день не убивал никого, был печален, а как убьет кого, так и развеселится». И вдруг пронеслась весть, что Воишелк – христианин; мало того, он оставляет княжение свое и постригается в монахи. Этот-то Воишелк явился в 1255 году к королю Даниилу посредником мира между ним и отцом своим Миндовгом; условия были так выгодны, что нельзя было не принять их: Шварн Данилович получал руку Миндовговой дочери, а старший брат его, Роман, получал Новогрудек от Миндовга да Слоним с Волковскийском и другими городами от Воишелка с обязанностью, впрочем, признавать над собою власть Миндовга. При заключении этого мира Воишелк просил Даниила дать ему возможность пробраться на Афонскую гору, и Даниил выхлопотал для него свободный путь через венгерские владения; но смуты, происходившие тогда на Балканском полуострове, заставили Воишелка возвратиться назад из Болгарии, после чего он построил себе свой особый монастырь на реке Немане между Литвою и Новогрудком.

Таким образом, южным Мономаховичам удалось снова утвердиться в волостях, занятых было Литвою; но зато Изяславичи полоцкие должны были уступить свои волости князьям литовским. Последним полоцким князем является в наших летописях Брючислав, которого имя записано под 1239 годом по случаю брака Александра Невского на его дочери; но потом (в 1262 г.) полоцким князем является уже литвин Тевтивил, племянник Миндовгов от сестры. Но и Роману Даниловичу трудно было княжить в своей новой волости, среди родственников, подобных Воишелку: под 1260 годом встречаем известие, что король Даниил и брат его Василько воевали Литву, ища Романа Даниловича, схваченного Воишелком и Тевтивилом; чем кончилось дело, как освободился Роман – неизвестно; известно только то, что в 1262 году Миндовг, желая отомстить Васильку, который вместе с татарами воевал его землю, послал на Волынь две рати, набравшие добычи; но одну из них Василько нагнал у города Небла;

литовцы стояли у озера и, увидавши неприятеля, сели в три ряда за щитами, по своему обычаю; Василько ударил на них и победил, причем не осталось из них ни одного человека: одни погибли от меча, другие потонули в озере. Василько отправил сайгат к брату своему Даниилу, который был тогда на дороге в Венгрию и сильно тосковал по брате и молодом племяннике Владимире, зная, что они пошли в поход, как вдруг один из слуг начал говорить: «Господин! какие-то люди едут за щитами с сулицами, и кони с ними в поводах». Король вскочил с радостью и сказал: «Слава тебе, господи! это Василько победил Литву!» Посланный подъехал и привел сайгат: коней в седлах, щиты, сулицы, шлемы. Эта война Романовичей с Литвою была последнею при жизни Миндовга. В то время как сын его Воишелк жил в монастыре, Миндовг ждал случая отвергнуть новую веру и прервать связь с Орденом или, лучше сказать, зависимость от него; он долго выказывал себя пред рыцарями ревностным христианином, послушным сыном папы, союзником Ордена, уступил последнему значительные земли; мало того, завещал ему всю Литву в случае своей беспотомственной смерти, а между тем толпы литовцев в 1259 г. вторгнулись в Курляндию и пустошили там орденские владения; отряд тевтонских рыцарей вышел к ним навстречу, и на берегах реки Дурбы произошла битва, которая служила печальным предвещанием для Ордена: литовцы одержали блистательную победу и отпраздновали ее сожжением пленных рыцарей в жертву богам. Эта победа Литвы служила знаком к волнению пруссов, подстрекнутых, как говорят, Миндовгом; а в 1260 г., в условленный день, вспыхнуло повсеместное восстание. Миндовг еще медлил, все выжидал, наконец, видя, что час пробил, решился действовать открыто: отрекся от христианства и королевского титула, вступил с войском в Пруссию и страшно опустошил ее. С другой стороны, его войско счастливо воевало польские владения, убило одного князя, взяло в плен другого; с литовским войском в этом походе находился рязанский выходец Евстафий, сын известного нам братоубийцы князя Константина; сын, как видно, был похож на отца, потому что летописец называет Евстафия окаянным и беззаконным. Такие успехи не могли быть перевешены неудачею, которую литовцы в последнее время потерпели от Василька волынского, и летописец говорит, что Миндовг начал сильно гордиться и не признавал себе никого равным. В 1262 году умерла у него жена, о которой он очень жалел. У покойной была сестра за Довмонтом, князем нальщанским; Миндовг послал сказать ей: «Сестра твоя умерла, приезжай сюда плакаться по ней»; но когда та приехала, то он стал говорить ей: «Сестра твоя, умирая, велела мне жениться на тебе, чтоб другая детей ее не мучила», – и женился на свояченице. Муж последней, Довмонт, озлобившись за это на Миндовга, стал думать, как бы убить его, но открыто сделать этого не мог, потому что сила его была мала, а Миндовгова велика; тогда Довмонт стал искать себе союзника и нашел его в племяннике Миндовговом от сестры, Треняте, князе жмудском. В 1263 году Миндовг послал все свои войска за Днепр, на князя Романа брянского, и Довмонт находился также в этом ополчении; усмотря удобное время, он объявил другим вожакам, что волхвы предсказывают ему дурное, и потому не может продолжать поход; возвратившись назад, он немедленно отправился ко двору Миндовга, застал его врасплох и убил вместе с двумя сыновьями. Тренята, вероятно вследствие прежнего ряда с Довмонтом, стал княжить в Литве, на месте Миндовга, и в Жмуди и послал сказать брату своему, Тевтивилу полоцкому:

«Приезжай сюда, разделим землю и все имение Миндовгово»; но дележ повел к ссоре между братьями: Тевтивил стал думать, как бы убить Треняту, а Тренята – как бы отделаться от Тевтивила; боярин последнего, Прокопий Полочанин, донес Треняте о замыслах своего князя, тот предупредил брата, убил его и стал княжить один, но недолго накняжил: четверо конюших Миндовговых составили заговор отомстить убийцам прежнего князя своего и убили Треняту, когда тот шел в баню.

Тогда начал действовать единственный оставшийся в живых сын Миндовга Воишелк; когда он узнал о смерти отца своего, то испугался и ушел из Литвы в Пинск; но когда услышал, что Тренята убит, то с пинским войском отправился в Новогрудек и, взявши здесь другие полки, пошел в Литву, где был принят с радостью отцовскими приверженцами. Воишелк стал княжить и, как бы желая привести в забвение, что он был когда-нибудь монахом, начал поступать точно так же, как поступал, будучи князем в Новогрудке. «Он стал княжить по всей земле Литовской, – говорит летописец, – и начал избивать своих врагов, и перебил их бесчисленное множество, а другие разбежались». Воишелк утвердился в Литве с помощью зятя своего Шварна Даниловича и дяди его Василька Романовича волынского, которого он назвал отцом своим и господином; вместе с Шварном, приведшим в Литву сильное войско, Воишелк пошел на своих врагов, города их побрал, самих перебил; в числе убитых находился и рязанский изгнанник Евстафий Константинович.

Таким образом, отношения литовские при жизни Даниила кончились с явною выгодой для Руси: Миндовга не было более, а сын его Воишелк, обязанный утверждением своим в Литве русскому войску, признал зависимость свою от брата Даниилова, ибо таково значение слов, что он назвал Василька отцом и господином. С таким же успехом шла борьба и с другим соседним варварским народом – ятвягами: в 1248 году ятвяги потерпели сильное поражение от Василька Романовича при Дрогичине, потеряли сорок князьков своих. В 1251 году отправились на ятвягов оба Романовича с поляками и половцами, перешли болота и вошли в страну их, причем поляки не утерпели, зажгли первую весь; Романовичи сильно рассердились на них за это, потому что пожар дал весть варварам о рати; ятвяги собрались всею землею и, как видно, зная о гневе Даниила на поляков, прислали сказать ему: «Оставь нам поляков, а сам ступай с миром из земли нашей»; Даниил не согласился. Ночью ятвяги напали на укрепленный стан польский и готовились проломить острог, но польский князь Семовит послал просить стрельцов у Романовичей на помощь; русские князья насилу отпустили стрельцов, все еще сердясь на поляков. Стрельцам удалось откинуть ятвягов от острога, хотя во всю ночь не было от них покоя. На другой день Даниил двинулся вперед, а брат его Василько с Семовитом остался на месте, имея позади отряд половецкий; ятвяги ударили на последний, обратили его в бегство, отняли хоругвь и схватились потом с Васильком и Семовитом; сеча была лютая, и с обеих сторон падало много народу; известный нам Андрей дворский, крепкий сердцем и большой телом, поскакал было по привычке на неприятеля, но не мог удержать копыя в слабых руках и едва не лишился жизни; Василько послал к брату за помощью, и возвращение Даниила дало перевес русским. Земля неприятельская была пожжена и поплена, много князей ее побито; но скоро к ятвягам пришли на помощь пруссы и борты; русские и поляки сошли с коней и пешком двинулись навстречу к врагам: щиты их сияли, как заря, шлемы, как

солнце восходящее, копыта казались густым тростником, а князь Даниил разъезжал на коне среди полков и рядил войско. Тогда пруссы сказали ятвягам: «Можете ли дерево поддержать сулицами и дерзнуть на эту рать?» Ятвяги отступили; Даниил также возвратился в свою землю, избавивши от плена многих христиан, которые пели победителям славные песни; как видно, эти песни имели влияние и на рассказ летописца.

Через три года (в 1255 году) Даниил с сыном Львом и польским князем Семовитом отправился опять на ятвягов, молодой Лев Данилович, узнавши, что один из князей ятвяжских, Стекинт, укрепился (осекся) со своими в лесу, пошел на него, убил самого Стекинта, ранил брата его, обратил в бегство остальных ятвягов и принес к отцу оружие Стекинтово и брата его, обличая тем свою победу: королю была большая радость, Ятвяги прислали просить мира, обещаясь быть в подданстве у Даниила; но это возбудило зависть поляков, и они стали благоприятствовать поганым; узнавши об этом, Даниил велел пустошить землю Ятвяжскую, причем истреблен был весь дом Стекинтов, так что и теперь, говорит летописец, пусто на этом месте. В 1256 году Даниил с сыновьями Львом, Шварном, Романом, который княжил тогда в Новогрудке, с двумя из остальных Изяславичей полоцких (минских) и с Семовитом польским наполнил ятвяжские болота своими многочисленными полками. Князья русские и польские собрали совет и сказали Даниилу: «Ты король, голова всем полкам: если кого-нибудь из нас пошлешь наперед, то другие не будут слушаться; а ты ратный чин знаешь, война тебе за обычай, все тебя побоятся и постыдятся; ступай сам наперед». Даниил, устроивши полки, поехал сам наперед с небольшим отрядом вооруженных отроков, перед собою пустил стрельцов, а другие стрельцы шли по обеим сторонам дороги; дворский ехал за королем, к которому присоединились потом и сыновья его Лев и Роман. Узнавши, что ятвяги дожидались неприятелей в веси Привище, Даниил послал сказать дворскому: «Как скоро увидишь, что мы поскакали вперед, то немедленно ступай за нами, распустивши полк, чтоб всякий мог ехать как можно скорее»; но посланный молодой отрок не понял приказания и передал его совершенно иначе дворскому; это подвергло короля и сыновей его страшной опасности, потому что, надеясь на подкрепление от дворского, они ударили на весь, крича: «Беги! беги!» Ятвяги точно дрогнули сначала и побежали, но потом остановились посередине веси, и Даниилу со Львом стоило больших усилий обратить их вторично в бегство; дворский приехал уже тогда, когда одержана была полная победа, следствием которой было обычное опустошение страны» На другой день ятвяги прислали просить мира и предлагали заложников, чтоб только русские не убивали их пленных. Неизвестно, какое следствие имело это предложение: летописец говорит, что Даниил, возвратившись с честью и славою домой, собирался опять идти на ятвягов, но те поспешили отправить к нему послов с данью и с обещанием служить ему и строить города в земле своей, в удостоверение чего прислали детей своих в заложники. Так Даниил достиг того, что начал отец его, Роман Великий: тот заставлял дикарей расчищать землю под пашни, Даниил заставил их строить города в земле своей; торжество галицкого князя над ятвягами было торжеством гражданственности над варварством в Восточной Европе, и торжество это тем замечательнее, что в описываемое время цивилизующее племя само находилось под гнетом азиатских варваров. В 1257 году Даниил послал боярина своего взять дань с ятвягов черными куницами,

белками и серебром; часть дани послана была польскому воеводе: пусть узнает вся земля Польская, что ятвяги платят дань королю Даниилу.

Но не одною счастливою борьбою с варварами знаменит был король Даниил в соседних государствах; борьба с варварами не мешала ему принимать участие в делах этих государств, возвысить и здесь значение Руси, В Польше борьба между Владиславом Ласконогим и племянником его Владиславом Одоничем кончилась в 1231 году смертью Ласкононого, вследствие чего Одонич стал единовластителем великой Польши, Но усобица началась с другой стороны; по смерти Лешка брат его, Конрад мазовецкий, спешил взять в свои руки управление его волостями – Краковом и Сендомиром в качестве опекуна над малолетним племянником своим Болеславом; но мать и вельможи последнего предложили эту опеку герцогу силезскому Генриху I; отсюда война между Генрихом и Конрадом, в которой Конрад остался победителем и удержал за собою опеку над Болеславом краковским. Когда Болеслав, возмужав, потребовал от дяди очищения отцовских владений, то Конрад захватил его в плен; но племянник успел убежать из заключения и опять обратился с просьбою о помощи к Генриху силезскому; тот вступился в дело и помог Болеславу Лешковичу против дяди; но за эту помощь взял себе Краков и часть Сендомирской волости. С таким же успехом кончил Генрих и войну с великопольским князем Владиславом Одоничем в 1234 году: Одонич должен был уступить силезскому герцогу все свои земли, лежащие к югу от Варты. Благодаря этим успехам Генриха силезского самая старшая линия Пястов усилилась над всеми остальными линиями. Но, пролагая, с одной стороны, путь своему потомству к усилению себя на счет всех остальных родичей и к собранию земли Польской, Генрих, с другой стороны, сильно содействовал преобладанию немецкой народности над славянскою в областях польских. Не раз замечали мы, как наши русские князья тяготились малонаселенностью земли своей и старались отовсюду призывать в нее колонистов; та же самая потребность чувствовалась и в других землях славянских; монастыри, получившие большие земли во владение, искали средств расчистить свои леса, населить, обработать пустоши: для этого они стали перезывать к себе немецких колонистов. Князья перезывали их частью с тою же целию, частью селили их в старых городах и основывали для них новые, дабы посредством них усилить промыслы, торговлю и таким образом увеличить свои доходы; остальные землевладельцы последовали примеру духовенства и князей, и вот немцы распространяются по всем западнославянским землям. Пример к выводу немецких колонистов в польские владения должна была подать по своим особенным обстоятельствам Силезия. Родоначальник силезских князей, Владислав II, по изгнании своем с старшего стола нашел дружественный прием в Германии; сыновья его, рожденные от немецкой принцессы, были здесь воспитаны и с помощью императора Фридриха Барбаруссы получили от дядей волость в родной земле – Силезию. Это все повело к теснейшей связи их с Германиею. С другой стороны действовала церковь: монастыри, наполненные немецкими монахами и монахинями, рыцарские ордена, получившие себе земли от щедрости князей, стали с позволения последних вызывать в свои владения немецких колонистов; скоро и города начали также наполняться немцами, причем важно было то, что последние сохраняли вполне

свою народность, судились и рядились своим правом. Особенную склонность к немцам обнаружил Генрих I силезский, и легко понять, какое значение для всей Польши должна была иметь эта склонность, когда Генрих стал самым сильным из ее владетелей. Генрих умер в 1238 году, оставя сыну своему Генриху II Благочестивому княжество, которое превосходило величиною владения всех остальных Пястов; но впадение монголов, в битве с которыми пал Генрих Благочестивый, воспрепятствовало усилению Силезии на счет других польских областей: владения Генриха разделились между тремя его сыновьями; старший из них, Болеслав, которому достался Краков и часть великой Польши, беспорядочным поведением и наследственной в своем роде любовью к немцам вооружил против себя вельмож, которые провозгласили своим князем Болеслава, Лешкова сына, а жители великой Польши передались сыновьям старого своего князя Владислава Одонича. Но этого мало: скоро началась усобица между Болеславом Генриховичем и его родными братьями, причем соперники обращались к немецким князьям и платили за помощь частию своих владений, а между тем прелаты, пользуясь недалководною щедростью князей и их ослаблением вследствие усобиц, все более и более усиливали свое значение, и в Польше повторились явления, о которых начал уже забывать дальнейший запад: в 1258 году Болеслав Генрихович принужден был в одежде кающегося, босыми ногами отправиться в болеславскую церковь Иоанна Крестителя, чтоб избавиться от проклятия, над ним тяготевшего.

Мы видели, что слабостию Силезии воспользовался Болеслав (Стыдливый), сын Лешка (Белого), для возвращения своей отчины, стола краковского; но прежде утверждения своего здесь он должен был выдержать войну с дядею Конрадом мазовецким. Даниил галицкий снова находился в союзе с последним, и потому в 1245 году встречаем известие о войне его с Болеславом Лешковичем; в первый поход, вошедши в Польшу четырьмя дорогами, Романовичи опустошили Люблинскую область до рек Вислы и Сана; во второй поход осадили Люблин и сняли осаду только тогда, когда люблинцы дали слово не помогать Болеславу. Следствием этих войн было то, что в битве под Ярославлем поляки Болеславовы находились в войске Ростислава черниговского, а Романовичи, заслышав приход последнего, послали сказать Конраду: «Из-за тебя пришли на нас ляхи Болеславовы, потому что мы помогли тебе», и Конрад послал им вспомогательный отряд, который, однако, не успел принять участие в битве. В 1247 году умер Конрад, славный, предобрый, по выражению летописца, и Даниил с Васильком жалели об нем; еще при жизни своей он разделил Мазовию между двумя сыновьями: Казимиром и Болеславом; последний умер вскоре после отца и по просьбам князя Даниила отдал свою волость младшему брату Семовиту, за которым была племянница Даниилова, дочь Александра бельзского; дружеские отношения между Даниилом и Семовитом не прерывались до самой смерти последнего; с Болеславом краковским галицкий князь находился также в мире.

Ярославскою битвою кончились, как мы видели, враждебные отношения к Венгрии, и за союзом родственным скоро последовал политический, когда по смерти последнего австрийского герцога Фридриха за владения его возникла упорная борьба между королями чешскими венгерским; последний обратился с просьбою о помощи к Даниилу и заключил с ним договор, по которому сын Даниила, Роман, женился на сестре покойного герцога Гертруде и в приданое брал

Австрию. Следствием этого договора была война Даниила с чехами. В 1254 году Даниил предпринял поход в землю Опавскую (Троппау) сколько для короля венгерского, говорит летописец, столько же и для славы, потому что ни один князь русский, ни Святослав Храбрый, ни Владимир Святой, не воевал земли Чешской. Даниил выступил в поход вместе с Болеславом Стыдливым краковским, женатым на дочери венгерского короля; союзники, приближаясь к Опаве, отправили к городу сторожевой отряд из поляков, который был разбит чехами, выехавшими из Опавы. Такое неудачное начало навело сильный страх на поляков, и Даниил должен был увещевать их быть пободрее. «Чего вы испугались? – говорил он им, – разве вы не знаете, что война без мертвых не бывает? разве вы не знали, что вышли на мужчин вооруженных, а не на женщин? если воин убит на рати, то какое тут чудо? другие и дома умирают без славы, а эти со славою умерли; укрепите сердца ваши и ступайте бодро вперед». Но тщетно Даниил уговаривал поляков подступить поближе к городу: те никак не согласились; Даниил сильно горевал, тем более что большая часть его войска с сыном Львом отправилась другим путем и неизвестно где находилась; наконец пришел Лев Данилович, и началась осада, которая, однако, не имела успеха по причине глазной болезни Данииловой; взят был только ближний город Насилье (Носсельт). Опустошивши вконец всю землю Опавскую, Даниил и Болеслав возвратились домой, Даниил по уговору с королем венгерским опустошил чешские владения, но король не исполнил своих обещаний, данных Роману, и оставил его в городе Нейбурге, подле Вены, безо всякой помощи; чешский король Оттокар осадил Нейбург и, не будучи в состоянии взять его силою, прислал сказать Роману: «Ты мне родня и свояк (Оттокар был женат на Маргарите, другой сестре австрийского герцога Фридриха), оставь венгерского короля, и мы разделим с тобою пополам Австрию; король тебе много обещает и ничего не сделает; а я тебе говорю правду и поставлю свидетелей – папу и 12 епископов». Роман отвечал: «Не могу иметь с тобою никакого дела, потому что стыдно будет мне и грех вопреки обещаниям покинуть короля венгерского», – и послал объявить последнему о предложении Оттокара а, прося немедленной помощи. Но король явно его обманывал: хотел Австрию для себя, а Роману обещал дать города в Венгрии и не посылал ему помощи, а между тем осажденные терпели сильный голод в Нейбурге: одна женщина тайком прокрадывалась в Вену и покупала там съестные припасы для князя. Тогда жена Романова стала уговаривать мужа ехать к отцу, и Роман, воспользовавшись доброхотством какого-то Веренгера Просвела, выбрался из города и уехал в Галицию. В 1260 году Даниил опять соединил полки свои с войском Белы против Оттокара богемского; но союзники были разбиты последним при реке Мораве, и Даниил должен был отказаться от надежды видеть сына своего на престоле австрийском, тем более что татарские отношения занимали тогда все его внимание.

Король Даниил не долго пережил разрушение своих надежд на успешную борьбу с татарами; он умер между 1264–1266 годом; таким образом, почти в одно время Восточная Европа лишилась троих знаменитейших своих владетелей: в Руси Северной не стало Александра Невского, в Южной – Даниила, в Литве – Миндовга. Не трудно заметить сходство в деятельности обоих князей русских – Невского и короля Даниила: оба прославились воинскими подвигами на западе и оба должны были поникнуть пред монголами, причем неудача предприятий

Данииловых служит самым лучшим объяснением постоянной покорности Александровой и выставляет с выгодной стороны проницательность и осторожность внука Всеволода III; легко заметить, как оба князя, представители – один Северной, другой Южной – Руси, представители двух долго враждебных линий Мономахова племени, остаются верны каждой своей стране и своему племени по личному характеру своему, несмотря на известное сходство в характере их деятельности. Даниил сделал для Южной Руси все, что можно было ожидать от него при тех тяжелых обстоятельствах, которым мог быть в уровень только князь, талантливый подобно Даниилу и подобно Даниилу испытанный бедствиями, с ранней молодости не знавший покоя. Крепости скрыты по приказанию татарского баскака, но Холм сбережен, и вообще отношения монгольские не так тяжки на юге, гроза Бурундаева прошла как-то мимо; Литва и ятвяги в зависимости, среди соседних христианских государств Русь получила важное место с признанным необходимым влиянием, чему много способствовало то, что главная сцена действия перенесена была с востока, из области днепровской, на запад, в область днестровскую. Но кроме подвигов внешних Даниил прославился особенно внутреннею распорядительностью: после монгольского опустошения успел привести свою землю в цветущее состояние, населил, обстроил города, усилил промышленность, торговлю.

При этом должно заметить, однако, что Даниил, населяя города свои, наполнил их немцами, поляками, армянами, жидами, что не могло не иметь влияние на будущую судьбу страны.

По смерти короля Даниила мысль Романа Великого была приведена в исполнение: Галицкая земля перешла прямо к сыновьям Данииловым: Льву, Мстиславу и Шварну (Роман больше не упоминается), а дядя их Василько остался княжить по-прежнему на Волыни. Литва готовилась окончательно слиться с Русью под властью одного из сыновей Данииловых: в 1268 году Воишелк снова заключился в монастыре, отдав все свои владения зятю Шварну. Последний, боясь, как видно, возобновления внутренних волнений в Литве в пользу князей природных, уговаривал Воишелка покняжить еще вместе, но тот решительно отказался, говоря: «Много согрешил я пред богом и перед людьми; ты княжи, а земля тебе безопасна». Живя в угровском Данилове монастыре, Воишелк говорил: «Вот здесь подле меня сын мой Шварн, а там господин мой отец князь Василько, буду ими утешаться». Но он недолго утешался: Шварн умер бездетным, и литовцы снова вызвали Воишелка из монастыря для управления делами княжества; это возбудило вражду в брате Шварновом, Льве Даниловиче, которому хотелось быть наследником брата в Литве, а Воишелк не склонялся на его желание.

Между обоими князьями готовы уже были начаться неприятельские действия, как Василько Романович, князь волынский, предложил им съезжаться вместе для примирения. Воишелк и Лев приехали к Васильку во Владимир Волынский, где Маркольд, родом немец, старый советник короля Даниила, позвал всех троих князей к себе на обед; обедали весело, много пили, и Василько после обеда поехал к себе домой спать, а Воишелк поехал в Михайловский монастырь, где стоял. На этом дело не кончилось: Лев приехал в монастырь к Воишелку и стал говорить ему: «Кум! попьем-ка еще!» Тот согласился, и началась опять попойка, во время которой князья опять поссорились, от брани дошло до драки, и Воишелк был убит Львом.

Последний хотел было воспользоваться смертью Воишелка и приобрести себе Литву; но он не получил успеха в этом деле, и литовцы выбрали себе единоплеменного князя. Так порвано было в самом начале мирное соединение Литвы с Русью. С поляками, именно с Болеславом краковским, началась война скоро по смерти Данииловой; в ней русские потерпели поражение вследствие неосторожности Шварна, который, не послушавшись совета старого дяди Василька, не дождался полков волынских и ударил один на соединенных врагов, тогда как Василько именно говорил: «Не бейтесь сначала с поляками, но отпустите их в свою землю, когда пойдут, разделившись, тогда нападайте». В 1271 году умер Василько волынский, оставив стол свой сыну Владимиру. Кроме потомков Романа Великого на западной стороне Днепра упоминаются трое князей пинских: Федор, Демид и Юрий Владимировичи в союзе с Васильком волынским (1262 г.); Изяслав, князь свислочский (1256); Глеб Ростиславич степанский.

Обратимся теперь к другим княжествам Южной Руси, на восточном берегу Днепра. Мы оставили Михаила черниговского в Киеве, где он жил под городом на острове.

Узнавши, что король венгерский выдал наконец дочь свою за его сына Ростислава, он поехал в Венгрию, но не получил почетного приема ни от свата, ни от сына и, рассердившись на Ростислава, поехал в Чернигов, и оттуда – к Батью просить себе ярлыка на это княжество. Приехавши в Орду, он никак не хотел, обратившись на юг, поклониться изображению умершего Чингисхана, говоря, что охотно поклонится хану и даже рабам его, но христианин не должен кланяться изображению мертвого человека. Напрасно князь Борис ростовский уговаривал его со слезами исполнить обряд, а бояре ростовские обещались принять на себя за него епитимью и со всею своею областью – Михаил оставался непреклонным, тем более что боярин его Федор напоминал ему увещания духовника не губить души идолопоклонством. Михаил умер мучительною смертью; летопись называет палачом его русского отступника путивльца Домана; боярин Феодор был также убит (в 1246 г.). В Чернигове начал княжить Андрей Всеволодович, как видно, брат Михайлов. Из других черниговских князей упоминается Роман Брянский, который в 1264 году поразил литовское войско, нападшее на его волость. Под 1241 годом упоминается князь рыльский Мстислав, убитый татарами. В одной летописи под 1245 годом упоминается о смерти князя Андрея Мстиславича, убитого Батьем; Плано-Карпини называет его князем черниговским.

Глава четвертая

Борьба между сыновьями Александра Невского (1276–1304)

Исчезновение прежних понятий о праве старшинства. – Великий князь Димитрий Александрович переяславский стремится к усилению. – Восстание против него младшего брата, Андрея городецкого, с помощью Орды. – Влияние боярина Семена Тониловича. – Союз князей против Димитрия. – Осторожность северных князей. – Разделение Орды, и Димитрий пользуется этим разделением. – Убиение Семена Тониловича. – Новая усобица. – Торжество Андрея. – Безуспешный съезд князей. – Князь переяславский Иван Дмитриевич отказывает

свою волость князю Даниилу Александровичу московскому. – Смерть Андрея. – События в других северных княжествах. – Отношения к татарам, шведам, немцам и Литве. – Дела на юго-западе.

Мы достигли того времени, когда прежние понятия о праве старшинства исчезают; великие князья показывают ясно, что они добиваются не старшинства, но силы.

Каждый князь, получив область Владимирскую, старается увеличить свою собственность на счет других княжеств. Но когда преобладание понятия о собственности, отдельности владения заставляло каждого великого князя заботиться только о самом себе, то все остальные князья не могут уже более доверять родственной связи, должны также заботиться о самих себе, всеми средствами должны стараться приобрести силу, потому что им оставалось на выбор: быть жертвою сильнейшего или других сделать жертвами своей силы. Вот почему мы видим теперь восстания князей на великого с попранием всех старинных прав, родовых отношений.

Князь Димитрий Александрович переяславский, присоединивши к своей отчине область Владимирскую, начал тем же, чем начинали его предшественники, – стремлением усилиться на счет Новгорода, который по смерти Василия поспешил признать его своим князем. В 1279 году он, по словам летописца, выпросил у новгородцев позволение поставить для себя крепость Копорье, пошел и сам срубил ее; в следующем году он поехал туда вторично с посадником Михаилом, с лучшими гражданами; заложили в Копорье крепость каменную. В том же году посадник Михаил Мишинич, возведенный в это достоинство при Василии, был сменен, и на его место был возведен Семен Михайлович, неизвестно, сын какого из прежде бывших посадников – Михалка Степановича или Михаила Федоровича. Летопись говорит, что у Мишинича отнято было посадничество князем и новгородцами вместе – все показывало, следовательно, согласие города с Димитрием; но в следующем 1281 году вдруг встречаем известие о ссоре великого князя с новгородцами. Очень вероятно, что ссора эта произошла по поводу Копорья, на который Димитрий хотел смотреть как на свою собственность, что не нравилось новгородцам. Как бы то ни было, когда новгородцы отправили к Димитрию владыку с мольбою, то он не послушал его, пришел с войском на волость Новгородскую и сильно опустошил ее, после чего заключен был мир, как видно на всей воле великого князя. Быть может, этот поступок Димитрия, обличавший стремление его усилить себя на счет других, послужил Андрею Александровичу городецкому знаком к восстанию на старшего брата; быть может, он хотел подражать дяде своему Василию Ярославичу, который посредством хана не позволил брату своему Ярославу усилиться окончательно на счет Новгорода; впрочем, летописцы указывают на бояр Андреевых, и особенно на одного из них, Семена Тонилиевича, как главного виновника этого восстания. Мы видели у князя Василия костромского воеводу Семена, который водил полки своего князя против Димитрия и новгородцев. Очень вероятно, что вследствие этих отношений к Димитрию Семен по смерти Василия перешел не к

перяяславскому князю, а к городецкому Андрею, тем более что Кострома по смерти бездетного Василия перешла к Андрею Этот-то Семен начал вооружать нового князя против Димитрия, и вот Андрей отправляется в Орду, имея споспешником себе и помощником Семена Тонилиеви́ча и других многих, говорит летописец.

Задаривши хана Менгу-Тимура, Андрей получил ярлык на Владимир и войско против Димитрия, потому что последний не думал повиноваться слову ханскому, и нужно было принудить его к тому силою, причем все князья, ближние и дальние родственники, соединились с Андреем против Димитрия. Мы не станем предполагать, что Димитрий дурно обходился с ними, пусть Димитрий был добрый, кроткий князь: для нас важна здесь недоверчивость князей к великому князю владимирскому, постоянное нерасположение их к каждому князю, присоединявшему к своему уделу Владимирскую область. Димитрий, видя союз князей и татарские полки против себя, поехал к Новгороду, желая засесть в своем Копорье, но на озере Ильмене встретил полки новгородские; новгородцы показали князю путь, самого не схватили, но взяли двух дочерей его и бояр в заложники. «Отпустим их тогда, – сказали они Димитрию, – когда дружина твоя выступит из Копорья», Но дружина эта не думала оставлять крепости, потому что ею начальствовал зять Димитрия, знаменитый Довмонт псковский: он нечаянно напал на Ладогу и высвободил оттуда имение Димитриево; но когда новгородские полки подошли к Копорью, то дружина великокняжеская не могла долее здесь держаться и, получив беспрепятственный выход, оставила крепость, которую разрыли новгородцы. Между тем Димитрий отправился за море, а татары, пришедшие с Андреем, ища Димитрия, рассыпались по всей земле, опустошили все около Мурома, Владимира, Юрьева, Суздаля, Переяславля, Ростова, Твери до самого Торжка и далее к Новгороду. Андрей сел во Владимире, угостил богатым пиром, одарил князей ордынских и, отпустив их домой, поехал в Новгород, где был честно посажен на стол. Но скоро пришла к нему сюда весть, что Димитрий возвратился из-за моря с наемными войсками, засел в своем Переяславле, укрепляется там и собирает полки. Андрей немедленно выехал из Новгорода во Владимир, оттуда в Городец, а из Городца поехал в Орду опять вместе с Семеном Тонилиеви́чем жаловаться на брата хану Тудай-Менгу, брату и преемнику Менгу-Тимурову, доносить, что Димитрий не хочет повиноваться татарам, платить им дани; а между тем в его отсутствие князь Святослав Ярославич тверской, Даниил Александрович московский и новгородцы двинулись на Димитрия: союз также замечательный!

Враждебные войска сошлись у Дмитрова, стояли пять дней, ссылаясь о мире, и наконец заключили его, неизвестно на каких условиях. Становится заметным, как редко на севере князья вступают в битвы друг с другом: обыкновенно, сошедшись, они заключают мир и расходятся (1281–1283 г.).

Между тем Андрей пришел из Орды с полками татарскими; Димитрий бежал вторично, но на этот раз уже не за Балтийское море, а к берегам Черного: там, в степях, раскинулась другая орда, независимая и враждебная Золотой, или Волжской, орда Ногайская. Повелитель ее Ногай, князь рода Джучиева и полководец со времен Берге, из соперничества с ханом Золотой Орды принял с честью Димитрия и дал ему свои полки; на этот раз Андрей должен был уступить и возвратил брату Владимир.

Как же Димитрий воспользовался своею победою? В 1283 году двое переяславских бояр, Антон и Феофан, явились в Кострому, схватили нечаянно Семена Тонилиевича и начали допытываться у него о прежних и настоящих намерениях его князя. Семен отвечал: «Напрасно допрашиваете меня; мое дело служить верою и правдою своему князю; если же были между ним и братом его какие раздоры, то они сами лучше знают их причины». «Ты поднимал ордынского царя, ты приводил татар на нашего князя», – продолжали переяславские бояре. «Ничего не знаю, – отвечал Семен, – если хотите узнать подробнее об этом, спросите у господина моего, князя Андрея Александровича, тот ответит вам на все ваши вопросы». «Если ты не расскажешь нам о всех замыслах своего князя, – продолжали Димитриевы бояре, – то мы убьем тебя». «А где же клятва, которою клялся ваш князь моему, – отвечал Семен, – клятва мира и любви? Неужели ваш князь и вы думаете исполнить эту клятву, убивая бояр нашего господина?» Переяславские бояре исполнили поручение своего князя – убили Семена Тонилиевича.

Легко было предвидеть, что убийство Семена не потушит вражды между братьями: Андрей сильно тужил о своем боярине и начал ссылаться с новгородцами; в Торжке (в 1284 г.) они обменялись клятвами стоять друг за друга, против Димитрия. Но последний был силен. Андрей уступил и на этот раз и даже нашелся принужденным вместе с Димитрием и его татарами опустошать волости новгородские. После этого Андрей обратился к татарам и привел на Димитрия какого-то царевича из Орды; но когда татары рассеялись для грабежа, то Димитрий собрал большую рать и ударил на них; царевич убежал в Орду, бояре Андрея попались в плен, и городецкий князь должен был опять уступить; новгородцы приняли к себе Димитрия, конечно не на всей своей воле; есть известие о наказании людей, ему неприязненных; посадник Семен Михайлович, отправлявший свою должность во все время дружбы Новгорода с Андреем и потому необходимо приятный последнему, был свергнут при торжестве Димитрия; его место заступил Андрей Климович; но Семен не отделался одним лишением посадничества: в 1287 году встал на него весь Новгород понапрасну (без исправы), говорит летописец: пошли на него из всех концов, как сильная рать, каждый с оружием, пришли на двор к нему, взяли весь дом с шумом; Семен прибежал к владыке, а владыка проводил его в Софийскую церковь, где он и пробыл в безопасности до другого дня, пока смятение утихло. Семен чрез несколько дней умер; но и Андрей Климович недолго посадничал: в 1289 г. он был свергнут, и на его место возведен брат прежде бывшего посадника Юрий Мишинич, а ладожское посадничество отдано было Матвеем Семеновичу, как видно сыну Семена Михайловича.

Неизвестно, в связи ли с этими переменами было убиение Самойлы Ратшинича жителями Прусской улицы на владычнем Дворе; новгородцы сзвали вече у св. Софии и у св. Николы, откуда пошли вооруженные, взяли улицу Прусскую, дома разграбили, улицу всю пожгли. В следующем году крамольники пограбили торг; на другой день новгородцы собрались на вече и сбросили двух крамольников с мосту.

Между тем Димитрий, смилив брата и новгородцев, хотел, как видно, разделаться и с теми княжествами, которые помогали Андрею против него: в 1288 году Димитрий вместе с ростовским князем и новгородцами Пошел на тверского

князя Михаила Ярославича наследовавшего брату своему Святославу, неизвестно когда умершему; но Михаил встретил Дмитрия с полками у Кашина, и дело кончилось без боя – миром.

Неизвестны подробности, как Дмитрий поступил с другими князьями; известно только то, что в 1292 году отправились жаловаться на него в Орду князья: Андрей городецкий, Дмитрий ростовский с сыном и братом Константином углицким, двоюродный брат их Михаил Глебович белозерский, тесть последнего, Федор Ростиславич ярославский, с ростовским епископом Тарасием. В орде Волжской Тудай-Менгу был свергнут четырьмя племянниками своими, внуками Тутукана, которые скоро в свою очередь были истреблены сыном Менгу-Тимура Тохтою, или Токтаем.

Тохта, выслушав жалобы князей, хотел сначала послать в Русь за Дмитрием, но потом раздумал и отправил туда большое войско, Переяславцы, узнавши о приближении татар, все разбежались, и Дмитрий должен был бежать из своего города сперва на Волок, а оттуда во Псков; татары же с Андреем городецким и Федором ярославским взяли Владимир, разграбили Богородичную церковь, взяли потом 14 других городов и опустошили всю землю. Тверь наполнилась беглецами со всех сторон, которые уговаривались не пускать татар дальше и биться с ними; но татары хотели идти с Волока к Новгороду и Пскову; тогда новгородцы послали к предводителю их Дуденю богатые дары, и варвары, удовольствовавшись ими, отправились назад, в степи. Союзники – Андрей городецкий и Федор ярославский – поделили между собою волости: Андрей взял себе Владимир и Новгород, Федор – Переяславль, сына Дмитриева Ивана вывели в Кострому. По удалении татар Дмитрий хотел было пробраться из Пскова в Тверь, ибо Михаил не нарушал с ним мира и не показан в числе жалобщиков на него; сам Дмитрий успел проехать в Тверь, но обоз его был захвачен Андреем и новгородцами с новым посадником их Андреем Климовичем, заступившим место Юрия Мишинича, как видно вследствие торжества городецкого князя; Дмитрий принужден был просить мира у брата, который и принял предложение: как видно взявши Владимир, Андрей уступил старшему брату опять Переяславль, ибо встречаем известие, что Федор ярославский пожег этот город, вероятно с досады, что должен был отступить от своего приобретения, и после видим в Переяславле сына Дмитриева; Волок возвращен новгородцам. Но Дмитрий не достиг своей отчины: он умер по дороге в Волок в 1294 году, погребен же, по обычаю, в своем Переяславле.

Андрей заступил место брата и потому при тогдашних отношениях не мог оставить других князей в покое, ни сам остаться от них в покое. Мы видели, что и прежде Андрей был в союзе с князем Федором ярославским: союз остался ненарушимым и теперь; на их же стороне стоял и князь Константин ростовский; но против этих троих князей образовался другой союз также из троих князей: Михаила тверского, Даниила московского и Ивана переяславского, который, впрочем, был в это время в Орде и поручил защищать свою волость двум первым. В 1296 году в присутствии ханского посла князья собрались во Владимир для окончания своих споров, но чуть-чуть дело не дошло до кровопролития; владыка Симеон отвратил его, но ненадолго: в том же году Андрей, собравши большое войско, пошел к Переяславлю; но Даниил московский и Михаил тверской заступили ему дорогу: битвы, по обычаю, не было, князья стали пересылаться и помирились. В 1301 году князья опять съехались в Дмитрове: Андрей и Даниил

уладили свои дела, но Иван переяславский и Михаил тверской разъехались в распре – знак, что на этих новых съездах каждый князь толковал отдельно о своих отдельных интересах и, уладивши дело с одним, мог не уладиться с другим. В следующем 1302 году произошло событие, важное по своим следствиям и подавшее непосредственно повод к новой борьбе между князьями: князь Иван Дмитриевич переяславский умер бездетным: кому же должна была достаться его отчина, старший удел в племени Ярослава Всеволодовича? По старине великий князь должен был распорядиться этою родою собственностью по общему совету со всеми родичами, сделать с ними ряд, по древнему выражению. Но теперь на севере смотрели на волости, уделы как на частную собственность, и каждый князь, как частный собственник, отделенный от рода, считал себя вправе завещать свою собственность кому хотел, и вот Иван Дмитриевич завещает Переяславль мимо старшего дяди Андрея младшему – Даниилу московскому. Легко понять, какое значение это событие имело в то время, когда каждый князь стремился к усилению своего удела на счет других: область княжества Московского увеличивалась целою областью другого княжества! Великий князь Андрей не хотел позволить Даниилу воспользоваться завещанием племянника и тотчас по смерти Ивана отправил в Переяславль своих наместников; но Даниил не думал уступать: он выгнал наместников Андреевых и посадил своих; Андрей отправился в Орду, вероятно жаловаться хану, В следующем 1303 году умер Даниил Александрович московский; старший сын его Юрий был совершенно в уровень своему времени: приобретать и усиливаться во что бы то ни стало было главною его целию, и когда Андрей возвратился из Орды с ярлыками ханскими, то Юрий не уступил ему Переяславля, жители которого хотели непременно иметь его своим князем и, доставшись отцу его по завещанию, не толковали, как некогда киевляне, что не хотят доставаться по наследству. В 1304 году умер Андрей; смерть его служила знаком к борьбе между Москвою и Тверью.

Описавши борьбу между сыновьями Невского, обратимся к событиям, происходившим в других княжествах. В Ростове по смерти князя Бориса Васильковича (1277 г.) взял опять перевес смолоду, говорит старый обычай: здесь стал княжить брат покойного, Глеб Василькович белозерский. Но Глеб умер в следующем же 1278 году: он смолоду, говорит летописец, служил татарам и много христиан избавил от них из плена; ему наследовал в Ростове племянник от старшего брата, Дмитрий Борисович, на Беле-озере остался княжить сын покойного Глеба, Михаил. Дмитрий Борисович, по обычаю времени, захотел усилиться на счет этого младшего двоюродного брата и отнял у него волости с грехом и неправдою, по выражению летописца; от двоюродного брата Дмитрий скоро (1271 г.) перешел к родному, Константину Борисовичу, княжившему с ним вместе в Ростове; была между ними крамола и вражда великая, говорит летописец; быть может, эта вражда произошла вследствие смерти углицкого князя Романа Владимировича (1269 г.), не оставившего наследников.

Напрасно старался примирить их владыка Игнатий: Константин должен был выехать из Ростова, а Дмитрий стал собирать войско и укреплять город, боясь нападения от брата. Тогда владыка Игнатий отправился к великому князю Дмитрию Александровичу и упросил его приехать в Ростов; тот приехал и помирил братьев. В 1287 году братья разделились: старший, Дмитрий, остался в Ростове, младший, Константин, сел в Угличе. В 1294 году умер князь Дмитрий

Борисович ростовский; место его занял брат Константин Борисович, оставив в Угличе сына своего Александра. Из других князей племени Всеволода III упоминается под 1281 годом внук его князь Михаил Иванович стародубский, дядя сыновьям Невского, но не могший быть старшим ни по праву, потому что не был отчинником, ни по силе. Под 1278 годом упоминается внук Ярослава Всеволодовича, Давид Константинович, князь галицкий и дмитровский, он умер в 1290 году. Из князей суздальских, сыновей Андрея Ярославича, Юрий Андреевич умер в 1279 году, и его место занял брат его Михаил.

В Рязани княжил Федор, сын убитого в Орде Романа; он умер в 1294 году, и место его заступил брат Константин Романович; третий Романович, Ярослав, князь пронский, умер в 1299 году. В 1278 году умер смоленский князь Глеб Ростиславич; место его занял брат Михаил Ростиславич, но и этот умер в следующем 1279 году; тогда Смоленск перешел к третьему Ростиславичу, Федору ярославскому; соединение двух княжеств – Смоленского и Ярославского – могло бы повести к важным следствиям для Северной Руси при тогдашних обстоятельствах, если б географическое разъединение этих княжеств в самом начале не положило препятствия их политическому соединению: племянник Федора от старшего брата, Александр Глебович, овладел Смоленском под дядею; последний в 1298 году с большим войском пошел на Александра, долго стоял под Смоленском и бился крепко, но взять города не мог и возвратился в Ярославль без успеха. Смоленское княжество удержало свою независимость; после, в 1301 году, видим здесь усобицы между Александром смоленским и Андреем вяземским: Александр вместе с родным братом Романом осадил Дорогобуж и людям зла много сделал, отнявши у них воду, но Андрей вяземский подоспел на помощь к дорогобужцам, и Александр, раненный, потерявши сына, должен был с большим уроном отступить от города. На судьбу обоих княжеств, и Рязанского и Смоленского, в описываемое время начало оказывать влияние соседнее им обоим срединное княжество на севере, Московское, где, как мы видели, княжил третий, младший сын Невского, Даниил, сперва бывший в союзе с братом Андреем против старшего Димитрия, потом, когда Андрей стал великим князем, вооружившийся против него вместе с князьями тверским и переяславским. Кроме этого любопытного поведения и приобретения, по завещанию племянника, Переяславского княжества Даниил замечателен еще тем, что в 1301 году явился с войском у Переяславля Рязанского, одолел тамошнего князя Константина Романовича, перебил много бояр и простых людей и наконец взял в плен самого князя Константина какою-то хитростию вследствие измены бояр рязанских; Даниил, по словам летописца, держал пленника своего в чести, хотел укрепиться с ним крестным целованием и отпустить его в Рязань. Сын Даниилов, Юрий, в самый год отцовской смерти отправился с братьями на другое соседнее княжество, Можайское: город взял, князя Святослава Глебовича привел пленным в Москву. Так уже первые московские князья начинают собирать Русскую землю. В Новгороде после торжества Андреева над братом княжил сын великого князя Борис Андреевич; посадник Андрей был сменен братом Семеном Ивановичем, неизвестно в котором году; но в 1303 году Семена сменил опять Андрей. В последние годы отношения Новгорода к великому князю Андрею, как видно, переменились: до нас дошел договор новгородцев с Михаилом тверским, в котором этот князь, объявляя о союзе своем с Даниилом московским и Иваном

перяяславским, обязывает новгородцев, чтобы они помогали ему в случае притеснения от великого князя Андрея, или от татарина, или от кого-нибудь другого; новгородцы со своей стороны обязывают Михаила, чтоб он в случае обиды Новгороду защищал его вместе с братом своим Даниилом.

Касательно внешних отношений в описываемое время мы видели, что татары опустошали Северную Русь, помогая враждующим князьям, как прежде половцы пустошили Южную. В 1277 году русские князья Андрей городецкий, Глеб ростовский с сыном и племянником, Федор ярославский, будучи в Орде у хана Менгу-Тимура, должны были вместе с ним отправиться в поход против ясов, взяли их город Деяков и возвратились с честью и дарами от хана. В следующем году Федор ярославский и Михаил, сын Глеба ростовского, ходили опять с татарами на войну. В том же году татары приходили на Рязань и, наделавши много зла, возвратились домой. Через десять лет встречаем новое известие о нападении татар на Рязань и Муром. В 1293 году был тяжек для Твери царевич татарский; в Ростове в 1290 г. жители встали вечем на татар и разграбили их. На западе продолжалась прежняя борьба новгородцев со шведами, новгородцев и псковичей с немцами и Литвою. В 1283 году шведы вошли Невою в озеро Ладожское, перебили новгородцев – обонежских купцов, ладожане вышли к ним навстречу и бились, но счастливо ли, неизвестно; в следующем году такое же новое покушение шведов, хотевших взять дань на кореле; но на этот раз новгородцы и ладожане встретили врагов в устье Невы, побили их и заставили бежать. В 1292 году пришли шведы в числе 800 человек: 400 пошли на корелу, 400 – на ижору; но ижора перебила своих, а корела – своих. Это были покушения неважные; но в 1293 году шведы обнаружили намерение стать твердою ногою в новгородских владениях и построили город на Корельской земле; небольшое новгородское войско со смоленским князем Романом Глебовичем подошло к городу, но должно было отступить от него по причине оттепели и недостатка в конском корме; в 1295 году шведы построили другой город на Корельской же земле, но этот город новгородцы раскопали, истребивши гарнизон шведский. Шведы, однако, не отстали от своего намерения и в 1300 году вошли в Неву с большою силою, привели мастеров из своей земли и из Италии и поставили город при устье Охты, утвердили его твердостью несказанною, по словам летописца, поставили в нем пороки и назвали в похвальбу Венцом земли (Ландскрона); маршал Торкель Кнутсон, правивший Швециею в малолетство короля Биргера, сам присутствовал при постройке Ландскроны и оставил в нем сильный гарнизон с воеводою Стеном. Против такой опасности нужно было вооружиться всеми силами, и вот в следующем году сам великий князь Андрей с полками низовыми и новгородскими подступил к Ландскроне: город был взят, раскопан, гарнизон частью истреблен, частью отведен в неволю, шведам не удалось утвердиться в новгородских владениях; также неудачна была и попытка датчан из Ревеля поставить город на русской стороне Наровы в 1294 году: новгородцы пожгли город, и в 1302 году заключен был мир, за которым новгородские послы ездили в Данию. Псков продолжал бороться с Ливонским орденом. В 1298 году Довмонт в другой раз отбил от него немцев; это был последний его подвиг, в 1299 году он умер, много пострадавши (потрудившись) за св. Софию и за св. Троицу (т.е. за Новгород и за Псков) – лучшая похвала князю от летописца: литовский выходец сравнялся ею с Мономахом. Летописец прибавляет, что Довмонт был милостив безмерно,

священников любил, церкви украшал, нищих миловал, все праздники честно проводил, за сирот, вдов и всяких обиженных заступался. Неприятельские действия Литвы против Новгородской области ограничились в описываемое время одним опустошением берегов Ловати в 1285 году; но в следующем году литовцы напали на Олешню, церковную волость тверского владыки: тверичи, москвичи, волочане, новгородцы, дмитровцы, зубчане, ржевичи соединились, догнали разбойников, побили их, отняли добычу, взяли в плен князя. С финскими племенами продолжалась борьба с прежним характером: в 1292 году новгородские молодцы ходили с княжими воеводами воевать Емскую (ямь) землю и, пововав ее, пришли все поздорову; но в описываемое время одно из ближайших финских племен, корела, давно платившее дань Новгороду и еще до татар покрещенное, стало возмущаться. Еще в 1269 году князь Ярослав Ярославич собирался идти на корелу, но на этот раз новгородцы упростили его не ходить. Под 1278 годом встречаем известие, что князь Димитрий Александрович с новгородцами и со всею Низовскою землею казнил корелян и взял землю их на щит.

Князей Юго-Западной Руси – Льва Даниловича галицкого и двоюродного брата его, Владимира Васильковича волынского, занимали преимущественно отношения польские, литовские и татарские. С Болеславом Лешковичем краковским они помирились и даже помогали ему в войне с Болеславом Генриховичем бреславским (силезским). Мы видели, что Мазовия по смерти Конрада разделилась между двумя его сыновьями: сначала между Казимиром и Болеславом, потом, по смерти последнего, между Казимиром и Семовитом. Казимир, умерший в 1267 году, оставил свою часть пяти сыновьям: Лешку Черному, Земомыслу, Владиславу Локетку, Семовиту и Казимиру; Семовит оставил свою часть двум сыновьям, Болеславу и Конраду. С последним у волынского князя было враждебное столкновение по поводу ятвягов: эти дикари взволновались снова по смерти Даниила, но воеводы сыновей его, Льва и Мстислава, и племянника Владимира заставили их смириться; в 1279 году был сильный голод по всей земле Русской и Польской, у Литвы и ятвягов; послы ятвяжские приехали к князю Владимиру волынскому и стали ему говорить: «Господин князь Владимир! приехали мы к тебе ото всех ятвягов, понадеясь на бога и на твое здоровье; господин! не помори нас, а перекорми, пошли к нам жито свое на продажу, мы с радостью станем покупать, что хочешь, то и будем давать: воску, белок, бобров, черных куниц, серебро». Владимир сжалился и послал к ним жито из Бреста в лодках по Бугу с людьми добрыми, кому верил. Волынцы из Буга вошли в Нарев, поплыли по этой реке, но когда остановились ночевать под Полтовском (Пултуском), то все были перебиты, жито унесено, лодки потоплены. Владимир стал доискиваться, кто это сделал, и послал сказать Конраду: «Под твоим городом перебиты мои люди: либо ты приказал их убить, либо кто другой; ты должен знать, что делается в твоей земле, объяви мне». Конрад заперся: «Сам не бил и другого никого не знаю». Но дядя его, Болеслав краковский, бывший в ссоре с племянником, послал сказать Владимиру: «Конрад лжет, сам избил твоих людей, переведайся с ним, осрамил он тебя, смой свой позор». Владимир послушался и послал на Конрада войско, которое опустошило земли по сю сторону Вислы и взяло много плену; Конрад прислал просить мира у Владимира,

тот согласился, и началась между обоими князьями большая любовь: Владимир возвратил Конраду всю челядь, которую побрало его войско.

Смерть бездетного Болеслава краковского, последовавшая в 1279 году, подала повод к новым смутам. Болеславу наследовал старший из двоюродных племянников, Лешко Черный, князь мазовецкий-сераджский, сын Казимира Конрадовича, и это преемство утверждено было избранием краковской шляхты. Лев Данилович галицкий, не успевши получить Литвы после брата, захотел попытаться, не успеет ли овладеть наследством Болеслава краковского, но бояре сильные, по выражению летописца, не дали ему земли. Тогда Лев захотел по крайней мере овладеть некоторыми порубежными городами и послал просить войска у хана Ногая; тот исполнил его просьбу, и Лев с татарскими полками и сыном Юрием вступил в польские владения, а брат его Мстислав с сыном Даниилом и двоюродный брат Владимир волынский пошли туда же неволею татарскою. Лев шел к Кракову с гордостью великою, говорит летописец, но возвратился с великим бесчестьем, потому что при Гошличе, в двух милях от Сендомира, поляки поразили его наголову, а в следующем 1281 году Лешко отплатил ему вторжением в Галицкую область, где взял город Перевореск (Пршеворск) и сжег его, перебивши всех жителей. С другой стороны, поляки вошли в волынские владения у Бреста, взяли десять сел и пошли назад; но жители Бреста с воеводою Титом, в числе 70 человек, ударили на 200 поляков, убили у них 80 человек, других взяли в плен и возвратили все пограбленное. Скоро встала усобица между Семовитовичами мазовецкими – известным нам Конрадом и братом его Болеславом. Конрад обратился с просьбою о помощи к Владимиру Васильковичу волынскому; тот принял к сердцу его обиду и со слезами отвечал его послу: «Скажи брату – бог будет мстителем за твой позор, а я готов тебе на помощь», – и действительно стал собираться на Болеслава; послал и к племяннику Юрию Львовичу холмскому за помощью, и тот отвечал: «Дядюшка! с радостью бы пошел и сам с тобою, но некогда: еду в Суздаль жениться, а с собою беру немногих людей: так все мои люди и бояре богу на руки да тебе, когда тебе будет угодно, тогда с ними и ступай». Владимир собрал рать и выступил к Бресту, но прежде отправил к Конраду посла, который, опасаясь неверных бояр последнего, сказал при них князю: «Брат твой Владимир велел тебе сказать: с радостью бы помог тебе, да нельзя: татары мешают». Сказавши это, посол взял Конрада за руку и сильно пожал ее; князь догадался, вышел с ним вон, и посол начал опять говорить: «Брат велел тебе сказать: приготавлийся сам и лодки приготовь на Висле, рать у тебя будет завтра». Конрад сильно обрадовался, велел поскорее готовить лодки и сам приготовился; рать волынская пришла, перевезлась через Вислу и пошла вместе с Конрадом во владения Болеслава, где осадили город Гостинный. Конрад, едзя по полкам, начал говорить: «Братья моя, милая Русь! ступайте, бейтесь дружнее!»

Полки двинулись под стены, другие стали неподвижно, оберегая товарищей от внезапного нападения поляков. Осажденные сыпали на русских камень, как град сильный, но те ловко отстреливались; дело дошло и до копий, и поляки начали валиться со стен, как снопы, наконец город был взят; победители захватили в нем много всякого добра и пленных, остальных перебили, город сожгли и возвратились домой с победою и честью великою, потерявши только двух человек убитыми, но и те были убиты не под городом, а в наезде, один был

родом прусс, а другой – придворный слуга князя Владимира, любимый его сын боярский Рах Михайлович. Когда войска шли мимо Сохачева (Сохоцин), то князь Болеслав выехал из этого города, чтоб поймать кого-нибудь из неприятелей в разгоне; князь Владимир наказывал своим воеводам не распускать войска, а идти всем вместе к городу; но тридцать человек отделились от войска и поехали в лес ловить челядь, которая скрылась там из сел; в это время Болеслав ударил на них; все разбежались, не побежали только двое – Рах с пруссом: последний пустился на самого Болеслава и был убит окружавшими князя; Рах убил знатного боярина Болеславова, но также заплатил жизнью за свой подвиг; они умерли мужественно, говорит летописец, оставили по себе славу будущим векам. В 1282 году два хана – Ногай и Телебуга – пошли на венгров с огромным войском, велели идти с собою и русским князьям. Пользуясь этим, Болеслав напал с небольшою дружиною на русские границы, взял несколько сел и пошел назад, величаясь, как будто бы всю землю завоевал. Лев Данилович, возвратясь из похода, послал сказать Владимиру Васильковичу: «Брат! смоем с себя позор, наведи литву на Болеслава». Владимир послал за литвою и получил ответ: «Владимир, Добрый князь, правдивый! можем за тебя свои головы сложить; если тебе любо, то мы готовы». Лев и Владимир, собравши полки, пошли к Бресту, дожидаясь литвы, но литва не пришла к сроку, и князья отпустили одних своих воевод, которые повоевали Болеславову землю, взяли бесчисленное множество челяди, скота, коней. После пришли литовцы к Бресту и стали говорить Владимиру: «Ты нас поднял, так веди куда-нибудь, мы готовы, мы на то и пришли». Князь стал думать, куда их вести: своя рать ушла уже далеко, реки разливаются, и вспомнил, что Лешко краковский посылал люблинцев, которые взяли одно пограничное волынское село; Владимир несколько раз ему напоминал, чтоб он возвратил пленных, но Лешко не возвратил, и за это теперь Владимир послал на него литву, которая повоевала около Люблина и взяла множество пленных. Скоро возвратились и русские воеводы из польского похода с большою добычею; но Болеслав все не переставал враждовать; Владимир с племянником Юрием опять собрали войско, опять привели литву; русские и литовцы взяли у Болеслава Сохачев и возвратились назад с большою добычею.

С литовским князем Тройденом Владимир Василькович воевал целый 1274 год мелкою войною; потом Тройден взял город Дрогичин у Льва Даниловича; Лев послал к хану Менгу-Тимуру за помощью, татары пришли, а это значило, что все русские князья должны идти с ними вместе, и пошли на Литву Лев, Мстислав, Владимир, Роман брянский с сыном Олегом, Глеб смоленский, князья пинские и туровские. Лев с татарами пришел прежде всех к Новогрудку и, не дожидаясь других князей, взял окольный город; на другой день пришли остальные князья и стали сердиться на Льва, что без них начал дело; в этих сердцах они не пошли дальше и возвратились от Новогрудка; волынский князь звал тестя своего, Романа брянского, заехать к нему во Владимир: «Господин батюшка! приезжай, побудешь в своем доме и дочери своей здоровье увидишь». Роман отвечал: «Сын Владимир! не могу от своего войска уехать, хожу в земле ратной, кто проводит войско мое домой? Пусть вместо меня едет сын мой Олег». В 1276 году толпы пруссов, спасаясь от притеснений Ордена, явились к литовскому князю с просьбою о помещении: Тройден одну часть их посадил в Гродне, а другую в Слониме. Владимиру и Льву это соседство показалось опасным; они послали рать свою к

Слониму и взяли пруссов. За это Тройден послал воевать около Каменца (Литовского); Владимир отомстил ему взятием Турийска Неманского.

Борьба на этот раз кончилась, и летописец говорит, что оба князя – Тройден и Владимир – начали жить в большой любви. Но последний, как видно, не полагался на долговременность этого мира и стал думать, где бы поставить город за Брестом. В этом раздумье он взял книги пророческие и разогнул их на следующем месте: «Дух господень на мне, его же ради помаза мя... и созиждут пустыня вечная, запустевшая прежде, воздвигнути города пусты, запустевшая от рода». Владимир, говорит летописец, уразумел к себе милость божию и начал искать места, где бы поставить город, для чего послал мужа искусного именем Алексу с туземцами на челнах вверх по реке Лосне; Алекса нашел удобное место и объявил об этом князю, который сам отправился на берега Лосны и заложил город, названный Каменцом, потому что почва была каменистая.

На этот раз татары не дали русским и литовским князьям пожить в мире; в 1277 году Ногай прислал к русским князьям грамоту: «Вы все мне жалуетесь на Литву, так вот вам войско и с воеводою, ступайте с ним на своих врагов». Зимой пошли русские князья Мстислав, Владимир и Юрий Львович на Литву к Новогрудку; но когда пришли они к Бресту, то получили весть, что татары опередили их; тогда князья стали думать: «Что нам идти к Новогрудку? там татары все уже извоевали; пойдем куда-нибудь к целому месту» – и пошли к Гродну. Минувши Волковскийск, они остановились ночевать, и тут Мстислав с Юрием тайком от Владимира послали лучших своих бояр и слуг с воеводою Тьюмою воевать окрестную страну. Те, повоевавши, расположились также на ночлег вдалеке от главной рати, сторожей не расставили и доспехи сняли. Тогда один переметчик убежал от них прямо в город и объявил жителям: «Там-то и там-то на селе люди лежат безо всякого порядка». Пруссы и борты выехали из города и ударили на сонных русских: половину избили, другую повели пленными в город, а Тьюму повезли на санях, потому что был тяжело ранен.

На другой день, когда главная рать подошла к городу, прибежал к ней один из посланных с Тьюмою, наг и бос, и объявил о поражении своих; князья, погоревавши, начали промышлять, как бы взять город: перед ним стояла высокая каменная башня, где заперлись пруссы и стрельбою своею никак не давали приблизиться к городу; русские поэтому приступили сперва к башне и взяли ее, тогда страх напал на горожан; они стояли как мертвые на забралах, потому что вся их надежда была на башню, стали рядиться с осаждающими и порешили на том, что русские не будут брать города, за что осажденные выдали им всех бояр, взятых в плен ночью.

Татары же водили русских князей и на поляков в 1287 году: Телебуга послал звать с собою в поход всех князей волынских и заднепровских. Князья, каждый на границе своей волости, встречали хана с напитками и дарами; они боялись, что татары перебьют их и города возьмут себе. Этого не случилось, но насилиям татарским в городах и по волости не было конца. Телебуга, отправившись в Польшу, оставил около Владимира отряд татар кормить любимых коней своих; эти татары опустошили всю землю Владимирскую, не давали никому выйти из города за съестными припасами: кто выедет, тот непременно будет или убит, или схвачен, или ограблен, и от того в городе Владимире померло людей бесчисленное множество. Пробывши десять дней в Польше, Телебуга на возвратном пути

остановился в Галицком княжестве на две недели и опустошил его точно так же, как татары его опустошили Волынское.

В то время еще, когда Телебуга был на Волыни, тамошний князь Владимир, уже давно страдавший тяжкою болезнию (гниением нижней челюсти), почувствовал, что становится ему гораздо хуже, и послал сказать двоюродному брату своему, Мстиславу Даниловичу луцкому: «Брат! Ты видишь мою немощь, а детей у меня нет; так даю тебе, брату своему, землю свою всю и города по смерти своей и даю это тебе при хане и его вельможах». Послал также сказать и другому двоюродному брату, Льву, и племяннику Юрию: «Объявляю вам, что я отдал брату Мстиславу землю свою и города». Лев отвечал Владимиру: «И хорошо сделал, что отдал; мне разве искать под ним после твоей смерти? все мы под богом ходим, а мне дал бы только бог и своим княжеством управить в нынешнее время». Потом Мстислав послал сказать брату Льву и племяннику: «Брат Владимир отдал мне землю свою и города; если чего захочешь искать по смерти брата Владимира, так скажи лучше теперь, когда здесь хан». Лев не отвечал на это ни слова. Телебуга пошел в Польшу со всеми князьями и с Владимиром; но последний должен был воротиться с дороги, потому что жалко было смотреть на него. Пробыв несколько дней во Владимире, он начал говорить княгине и боярам: «Хотелось бы мне поехать в Любомль, потому что погань эта (татары) сильно мне опротивела; я человек больной, нельзя мне с ними толковать, пусть вместо меня остается здесь епископ Марк». Князь поехал в Любомль с княгиней и слугами придворными, из Любомля в Брест, а из Бреста в Каменец (Литовский), где и слег в постель, говоря княгине и слугам: «Когда эта погань выйдет из земли, то поедем в Любомль». Через несколько дней приехали к нему слуги бывшие в Польше на войне с татарами; он стал спрашивать их о Телебуге, пошел ли он назад из Польши? Те отвечали, что пошел. «А брат мой Лев, и Мстислав, и племянник здоровы ли? Те отвечали, что все здоровы, бояре и слуги, причем сказали, что Мстислав уже раздает своим боярам города и села волынские. Владимир очень рассердился и стал говорить: „Я лежу болен, а брат придал мне еще болезни; я еще жив, а он уже раздает города мои и села; мог бы подождать, когда умру“. И отправил посла к Мстиславу с жалобой: „Брат! ведь ты меня ни на полону взял, ни копьем добыл, ни ратью выбил меня из городов моих – что так со мною поступаешь! ты мне брат, но ведь есть у меня и другой брат, Лев, и племянник Юрий; из вас троих я выбрал тебя одного и отдал тебе свою землю и города по своей смерти, а пока жив, тебе не вступаться ни во что; я так распорядился, отдал тебе землю за гордость брата Льва и племянника Юрия“. Мстислав спешил успокоить больного.

«Брат и господин! – велел он отвечать ему, – земля божия и твоя и города твои, и я над ними не волен, сам я в твоей воле, и дай мне бог иметь тебя как отца и служить тебе со всею правдою до смерти, чтоб ты, господин, здоров был, а мне главная надежда на тебя». Эта речь была любя Владимиру, он успокоился и поехал в Рай-город; здесь он начал говорить княгине: «Хочу послать за братом Мстиславом, урядиться с ним о земле, и о городах, и о тебе, княгиня моя милая Ольга, и об этом ребенке Изяславе, которую люблю, как дочь родную; бог за грехи мои не дал мне детей, так эта была мне вместо родной, потому что взял ее от матери в пеленах и вскормил». За Мстиславом послали, и когда он приехал, то Владимир поднялся с постели, сел и стал его расспрашивать про поход; Мстислав рассказал ему все по порядку, как было, и когда пришел к себе на подворье, то

Владимир послал епископа и двух бояр сказать ему: «Брат! я за тем тебя вызвал, что хочу урядиться с тобою о земле и о городах, о княгине своей и о ребенке Изяславе, хочу грамоты писать». Мстислав отвечал: «Брат и господин! Я разве хотел искать твоей земли по твоей смерти? Сам ты прислал ко мне в Польшу объявить, что отказываешь мне свою землю; если хочешь грамоты писать, то пиши как богу любо и тебе». Епископ возвратился с этим ответом, и Владимир велел писцу писать грамоты: в одной отказал Мстиславу всю свою землю и города; в другой отказал жене своей город Кобрин с несколькими селами и монастырь Апостольский с селами же. «А княгиня моя, сказано в конце грамоты, захочет идти в монастырь после меня, пусть идет, а не захочет, то как ей любо: мне ведь не смотреть, вставши из гроба, что кто станет делать по моей смерти».

Когда грамоты были написаны, Владимир послал сказать Мстиславу: «Целуй крест на том, что не отнимешь ничего у княгини моей и у ребенка Изяславы, не отдашь ее неволею ни за кого, но за кого захочет княгиня моя, за того отдашь». Мстислав поцеловал крест, после чего поехал во Владимир, в Богородичную церковь, куда созваны были бояре и граждане русские и немцы; перед ними прочли Владимирову духовную, в которой отказана была вся земля Мстиславу, и епископ благословил последнего крестом воздвизальным на княжение; Мстислав уже хотел начать после этого княжить, но опять был остановлен больным Владимиром, который велел ему подождать до своей кончины. Мстислав отправился в свою Луцкую волость, а Владимир из Рая переехал в Любомль, где лежал больной всю зиму, рассылая слуг своих на охоту, потому что был страстный охотник и храбрый: завидит вепря или медведя – не станет дожидаться слуг, сам убьет всякого зверя. Но больному князю не дали успокоиться; как наступило лето, прислал к нему Конрад Семовитович мазовецкий. «Брат и господин! – велел сказать ему Конрад, – ты был мне вместо отца, держал под своею рукою, своею милостью; тобою я княжил и города свои держал, от брата отступился и был грозен; а теперь, господин! слышал я, что ты отказал свои земли брату своему Мстиславу – так послал бы ты к нему своего посла вместе с моим, чтоб и он принял меня под свою руку и стоял бы за меня, как ты».

Владимир исполнил желание Конрада, послал к Мстиславу, и тот обещался не давать в обиду мазовецкого князя и, если случится, голову свою за него сложить.

Мстиславу хотелось также видеться лично с Конрадом; тот согласился с радостью, заехал сперва к Владимиру, в Любомль, где горько плакал, увидевши, как болезнь истощила красивое тело князя волынского; оттуда поехал к Мстиславу, который встретил его с боярами и слугами своими и принял с честью и любовью под свою руку, сказавши: «Как тебя брат мой Владимир честил и дарил, так дай бог и мне честить тебя, и дарить, и стоять за тебя, когда кто-нибудь тебя обидит». Потом князья начали веселиться: Мстислав одарил Конрада конями красивыми в седлах дивных, платьем дорогим и другими дарами многими и так с честью отпустил его.

За Конрадом явился к больному Владимиру другой гость: прислал князь Юрий Львович посла своего сказать дяде: «Господин дядюшка! Бог знает, и ты знаешь, как я служил тебе со всею правдою, почитал я тебя, как отца; чтоб тебе сжалиться за мою службу? теперь отец прислал ко мне, отнимает у меня города, что прежде дал, – Бельз, Червень и Холм, а велит мне быть в Дрогичине и

Мельнике; бью челом богу и тебе: дай мне, господин дядюшка, Брест». Владимир велел отвечать ему: «Племянник! не дам: сам знаешь, что я не двуречив и не лгун, не могу нарушить договора, что заключил с братом Мстиславом: дал ему всю землю и все города и грамоты написал». Отправивши с этим ответом Юрьева посла, Владимир отрядил к брату Мстиславу верного слугу своего Ратьшу с таким наказом: «Присылал ко мне племянник Юрий просить Бреста, но я не дал ему ни города, ни села» – и, взявши из-под постели клочок соломы, прибавил: «Не давай и такого клочка соломы никому после моей смерти». Мстислав велел отвечать ему: «Ты мне и брат, ты мне и отец, Данило король, когда принял меня под свои руки; что ни велишь мне, все с радостью исполню». Но этим дело не кончилось: чрез несколько времени вошли слуги и объявили больному: «Владыка, господин, приехал». «Какой владыка?» – спросил Владимир. «Перемышльский Мемнон, от брата твоего Льва приехал». Догадался Владимир, зачем приехал владыка, но делать нечего, велел позвать; владыка вошел, поклонился князю до земли, промолвив: «Брат тебе кланяется», сел и начал править посольство: «Брат твой велел тебе сказать, господин: дядя твой Данило король, а мой отец лежит в Холме у св. Богородицы, и сыновья его, братья мои и твои, Роман и Шварн, и всех кости тут лежат; а теперь, брат, слышал я про твою болезнь тяжкую: чтоб тебе, братец, не погасить свечи над гробом дяди своего и братьи своей, дать бы тебе свой город Брест? То бы твоя свеча была». Владимир, говорит летописец, разумел всякие притчи и темные слова и начал с епископом длинный разговор от книг, потому что был книжник большой и философ, какого не было во всей земле, да и по нем не будет; наконец отпустил епископа к брату с такими словами: «Брат Лев! что ты думаешь, что я уже из ума выжил и не пойму твоей хитрости? мало тебе твоей земли, что еще Бреста захотел, когда сам три княженья держишь: Галицкое, Перемышльское и Бельзское, и того все мало? мой отец, а твой дядя лежит у св. Богородицы во Владимире, а много ль ты над ним свеч поставил? какой город дал, чтоб свеча была? сперва просил ты живым, а теперь уже мертвым просишь; не дам не только города, села у меня не выпросишь, разумею я твою хитрость, не дам».

Волость свою Владимир отдал брату; что же касается движимого имения, то, еще будучи на ногах, роздал его бедным: золото, серебро, камни драгоценные, пояса отцовские и свои, золотые и серебряные, все роздал; блюда большие серебряные, кубки золотые и серебряные сам пред глазами своими побил и полил в гривны, полил и мнисты, большие золотые бабки и матери своей, и разослал милостыню по всей земле; и стада роздал убогим людям, у кого лошадей нет и кто потерял их во время Телебугина нашествия. Владимир умер в 1288 году, после двадцатилетнего княжения.

Княгиня и слуги придворные обмыли тело, обвили бархатом с кружевами, как следует хоронить царей, и, положивши на сани (10 декабря), повезли во Владимир; граждане от мала до велика с громким плачем проводили своего господина. Привезши во Владимир вечером того же дня, на другой день похоронили в соборной Богородичной церкви, причем княгиня причитала: «Царь мой добрый, кроткий, смиренный, правдивый! вправду называли тебя в крещеньи Иваном, всякими добродетелями похож ты был на него: много досад принял ты от сродников своих, но не видала я, чтоб ты отомстил им злом за зло»; а бояре причитали: «Хорошо б нам было с тобою умереть: как дед твой Роман, ты

освободил нас от всяких обид, поревновал ты деду своему и наследовал путь его; а уж теперь нельзя нам больше тебя видеть: солнце наше зашло и остались мы в обиде». Так плакали над ним множество владимирцев, мужчины, женщины и дети, немцы, сурожцы, новгородцы; жида плакали точно так, как отцы их, ведомые в плен вавилонский.

Мстислав, приехавши после похорон и поплакавши над братним гробом, спешил разослать засады (гарнизоны) по всем городам, боясь Льва и Юрия. Страх его не был напрасен: на юге не все так охотно исполняли завещания князей своих, как на севере, и Мстиславу дали знать, что Юрьева дружина уже сидит в трех городах: Бресте, Каменце (Литовском) и Бельске. Еще во время болезни Владимировой жители Бреста поклялись признать своим князем Юрия, и тот сейчас же после дядиной смерти приехал в Брест и стал здесь княжить. Но бояре Мстиславовы, старые луцкие и новые владимирские, начали говорить своему князю: «Господин! племянник осрамил тебя, отнял то, что дал тебе бог, брат, молитва отцовская и дедовская; можем и с детьми положить за тебя свои головы, ступай, возьми сначала Юрьевы города – Бельз и Червень, а потом пойдешь к Бресту». Мстислав отвечал: «Не дай мне бог пролить кровь неповинную; я исправлю дело богом и благословением брата своего Владимира», – и послал сказать племяннику: «Племянник! добро бы ты не был сам на том пути и ничего не слышал, а то сам слышал и отец твой и вся рать слышала, что брат Владимир отдал мне землю свою и города все, при хане и при его вельможах, и мы оба, я и Владимир, вам об этом объявляли: если ты чего хотел, то почему тогда ничего не сказал мне при хане? теперь объяви мне: сам ли ты сел в Бресте своею волею или по приказанию отца своего? не на мне будет кровь, а на виноватом; я пошлю за татарами, а ты сиди, пожалуй, не поедешь добром, так злом поедешь».

Потом отправил епископа владимирского к брату Льву сказать ему: «Жалуюсь богу и тебе, потому что ты мне больше всех по боге, брат ты мне старший; скажи мне правду: своею ли волею сын твой сел в Бресте или по твоему приказанию? если по твоему приказанию, то объявляю тебе прямо: я послал за татарами и сам собираю войско; как меня бог с вами рассудит». Лев испугался, потому что еще у него не сошла оскомина после Телебугина нашествия, говорит летописец, и велел отвечать брату: «Сын мой это сделал без моего ведома, своим молодым умом, и об этом, братец, не беспокойся, я пошлю к нему, чтоб он выехал из Бреста». И действительно, послал сказать Юрию: «Ступай вон из города, не погуби земли: брат послал за татарами; если же не поедешь, то я сам буду помогать брату на тебя и отрешу тебя от наследства, все отдам брату Мстиславу, если меня, отца своего, не послушаешься». Юрий поехал из Бреста с большим позором, взявши с собою главных крамольников, которых поклялся не выдавать дяде, пограбивши все дома дядины, и не осталось камня на камне ни в Бресте, ни в Каменце, ни в Бельске. Мстислав приехал в Брест и наказал его жителей тем, что заставил их содержать ловчих княжеских, и тем, что известие о крамоле их велел внести в летопись.

Покончив так удачно с родственниками, Мстислав был одинаково счастлив и в отношениях литовских: двое тамошних князей отдали ему свой город Волковский, чтоб только был с ними в мире. Со стороны Польши не могло быть также никакой опасности: в то время, когда Конрад Семовитович мазовецкий был в Луцке у Мстислава, в Любомль к больному Владимиру приехал лях из Люблина

и объявил, что ищет Конрада, потому что Лешко Черный краковский умер, и люблинцы послали за Конрадом, хотят, чтоб он княжил в Кракове. Владимир велел дать гонцу свежую лошадь, и он нагнал Конрада во Владимире; тот сильно обрадовался краковскому княжению и, взявши у Владимира воеводу волынского Дуная, чтоб было почетнее приехать в Люблин, немедленно отправился туда, но нашел ворота городские запертыми. Остановившись в монастыре, он послал сказать гражданам: «Зачем же вы привели меня, когда теперь город передо мною затворили?» Те отвечали: «Мы тебя не приводили и не посылали за тобою, голова нам Краков: там воеводы наши и бояре большие; если ты станешь княжить в Кракове, то и мы будем твои». После этого вдруг разнеслась весть, что рать идет литовская к городу: Конрад переполошился и вбежал в башню к монахам; но оказалось, что рать была не литовская, а русская; привел ее князь Юрий Львович, хотевший овладеть Люблином, но граждане не приняли его, стояли вооруженные на стенах и кричали ему: «Князь! плохо ездешь, рать с тобою малая, придет ляхов много, позор тебе будет большой». Юрий должен был удовольствоваться опустошением окрестностей краковских и отправился назад с добычею; поехал назад и Конрад мазовецкий, взявши себе позор великий, так что лучше было бы ему умереть, говорит летописец.

Шляхта краковская позвала себе на престол старшего брата его, Болеслава Семовитовича; но княжение Болеслава не могло быть продолжительно и спокойно, ибо если прежде в Польше на княжеские отношения обнаруживали сильное влияние вельможи и прелаты, то теперь сюда присоединилось третье сословие, не туземное, как в Европе Западной, так называемое среднее сословие, выступившее тогда на сцену вследствие известных обстоятельств, но иностранное, немецкое. Немцы краковские, сендомирские и из других городов, которым не понравился новый князь Болеслав, обратили свои взоры на Генриха IV, князя силезского-вратиславского (бреславского), Пяста, но совершенно онемеченного, который сочинял немецкие любовные песни (Minnelieder) и был вассалом немецкого императора. Генрих принял предложение краковских граждан, часть шляхты приняла также его сторону, и он успел выгнать Болеслава. Но тот не думал еще уступать ему: он собрал войско и призвал на помощь родного брата Конрада и двоюродного Владислава Локетка, собственно законного наследника Кракову по родном брате своем, Лешке Черном.

Мазовецкие князья пошли на Генриха, и тот выехал в Бреславль, поручивши охранять краковскую крепость немцам, лучшим мужам своим, задоблив их обещаниями даров и волостей и оставя им много съестных припасов. Немцы объявили, что сложат за него свои головы, а крепости не сдадут, и сдержали слово: Болеслав вошел в город (посад), но крепости взять не мог; при этом граждане отказались биться с крепостным гарнизоном, говоря: «Кто будет княжить в Кракове, тот наш и князь».

Целое лето стояли мазовецкие князья под крепостью; наконец на помощь к ним явился Лев Данилович галицкий, стал ездить около крепости, страдая гарнизон, но приступить ниоткуда нельзя было: вся она была каменная, утверждена пороками и самострелами, большими и малыми, которые поворачивались во все стороны. Видя невозможность взять крепость, Лев послал войско в Силезию, к Бреславлю, пустошить наследственную волость Генрихову, и галицкая рать взяла множество добычи, потому что никакого другого войско до нее

не входило так глубоко в эту область. Удовольствовавшись этим, Лев окончил поход и поехал на свидание к чешскому королю Вячеславу; очень вероятно, что при этом свидании была речь и уговор насчет Краковского княжества, ибо, когда по смерти Генриха силезского (1290 г.) за Краков подняли вражду Пршемыслав великопольский, внук Владислава Одонича, с Владиславом Локетком мазовецким, краковцы послали к Вячеславу с предложением ему короны, и Вячеслав согласился принять ее. Ни Пршемыслав великопольский, ни Владислав Локетек мазовецкий не хотели сначала отказаться от прав своих в пользу чужеземца, следствием чего была усобица: кому из них помогали русские князья Лев и Мстислав Даниловичи – неизвестно, известно только то, что они во время этой усобицы входили в Сендомирскую землю и опустошили ее.

Наконец, по смерти Пршемыслава Вячеславу чешскому удалось утвердиться в Кракове: Пясты, княжившие в других польских областях, должны были признать свою зависимость от него, как от короля всей Польши, а сам Вячеслав был вассал императора немецкого (1300).

Кроме потомков Романа Великого на западной стороне Днепра упоминаются еще другие князья из других племен: так, под 1289 годом упоминается Юрий, князь поросский, служивший волынским князьям – Владимиру и потом Мстиславу; под 1292 годом помещены известия о смерти пинского князя Юрия Владимировича и степанского князя Ивана Глебовича, после которого стал княжить сын его Владимир.

Из князей на восточной стороне Днепра мы встретили опять Романа брянского с сыном Олегом; этот Роман известен не по одной борьбе своей с Литвою: в 1286 году он приходил под Смоленск, пожег окрестности, посад, приступал к крепости, но, не взявши ее, ушел прочь. Из других черниговских Ольговичей упоминаются Олег, князь рыльский и волгорский, и Святослав, князь липецкий, по поводу следующего происшествия. Был в Курске ханский баскак, именем Ахмат, сын Темиров; он откупал в Орде всякие дани Курского княжества, и тяжело было от него и князьям, и черным людям; мало того, он построил себе две большие слободы во владениях князя Олега рыльского и волгорского и князя Святослава липецкого. Олег и Святослав были родственники между собою, но, как обыкновенно тогда водилось, то жили в мире, то воевали друг с другом; нападали они и на Ахматовы слободы, враждовали с ним и опять мирились, так что в Орде ничего об этом не знали. Но скоро князьям нельзя стало более терпеть у себя этих слобод, которых народонаселение увеличилось беглецами отовсюду, и окрестным жителям стало от них уже слишком тяжело. Олег и Святослав начали думать, как помочь злу, и решили, чтоб Олег шел с жалобой в Орду, к Телебуге. Хан решил дело в пользу князей, велел им разорить слободы и жителей их вывести в свою волость; князья исполнили приказ ханский. Тогда Ахмат, видя, что Телебуга принял сторону русских князей, обратился с жалобой на них к сопернику Телебугину, Ногаю. «Князь Олег и родственник его, князь Святослав, – говорил он Ногаю, – именем только князья, а на самом деле разбойники и тебе неприятели; если не веришь, то испытай: есть в Олеговой волости много ловищ лебединых: ты пошли своих сокольников, пусть наловят тебе лебедей, и князь Олег пусть с ними же ловит, а потом пусть они позовут его к тебе: если Олег послушается, придет к тебе, то я солгал, а Олег прав». Ногай сделал по Ахматову, послал звать к себе Олега, и тот не пошел: он боялся, что хотя сам он и не грабил

слобод Ахматовых, но люди его и князь Святослав липецкий грабили; к этому можно прибавить также, что пойти к Ногаю, признать над собою его суд и власть значило рассердить Телебугу. Сокольники возвратились и объявили Ногаю, что Ахмат прав, а Олег со Святославом разбойничают и не слушаются хана. Ногай рассердился и послал вместе с Ахматом войско для опустошения волости Олеговой и Святославовой. Татары пришли к городу Ворголу в январе месяце, в сильную стужу; Олег, услышав о Ногаевой рати, бросился бежать в Орду к своему хану Телебуге с женою и детьми, а Святослав бежал в Рязанское княжество, в леса воронежские; бояре Олеговы побежали было вслед за своим князем, но были перехвачены татарами, в числе одиннадцати человек. Двадцать дней стояли татары в Рыльском и Липецком княжествах, воюя повсюду и складывая добычу в слободах Ахматовых, которые наполнились людьми, и скотом, и всяким богатством. В числе пленников находились и купцы иностранные, немецкие и цареградские, которых привели закованных в железа немецкие; но татары, узнавши, что они купцы, освободили их и отдали им все товары, сказавши: «Вы купцы, торгуете, ходите по всяким землям, так рассказывайте всюду, что бывает тому, кто станет спорить со своим баскаком».

Бояр Олеговых Ахмат велел перебить и трупы их развешать по деревьям, а в слободах оставил двух своих братьев с отрядом войска из татар и русских.

В следующем году по весне случилось обоим братьям Ахматовым идти из одной слободы в другую, а с ними шло 35 человек русских слуг их. Липецкий князь Святослав, услышав об этом, подстерег их со своими боярами и дружиною, ударил нечаянно, убил 25 человек русских да двух татар, а братья Ахматовы успели убежать в слободу; Святослав преследовал их и туда, но слобожане встретили его с оружием, и с обеих сторон пало много людей в бою. Братья Ахматовы побоялись, однако, оставаться долее в слободе и побежали в Курск к брату, а за ними разбежались и все остальные слобожане. Ахмат прислал к Святославу с миром, но тот убил и посла. В это время возвратился из Орды от Телебуги князь Олег рыльский, сделал поминки по боярам своим и всем побитым, после чего послал сказать Святославу: «Что это ты, брат, сделал! правду нашу погубил, наложил на себя и на меня имя разбойничье, знаешь обычай татарский, да и у нас на Руси разбойников не любят, ступай в Орду, отвечай». Святослав велел сказать ему на это: «Из чего ты хлопчешь, какое тебе до меня дело? я сам знаю про себя, что хочу, то и делаю; а что баскаковы слободы грабил, в том я прав, не человека я обидел, а зверя; врагам своим отомстил; не буду отвечать ни перед богом, ни перед людьми в том, что поганых кровопийцев избил». Олег послал опять сказать ему: «Мы целовали с тобою крест, что ходить нам по одной думе обоим; когда рать была, то ты со мною к царю не бежал, остался в Руси, спрятался в воронежских лесах, чтоб после разбойничать, а теперь погубил и мою, и свою правду, нейдешь ни к своему царю, ни к Ногаю на исправу, так как тебя со мною бог рассудит».

Объявивши войну Святославу, Олег отправился в Орду, пришел оттуда с толпою татар и убил Святослава. Место последнего занял брат его Александр; он не мог стерпеть, чтобы не отомстить за брата, пошел в Орду с богатыми дарами и, взявши от хана войско, убил князя Олега рыльского с двумя сыновьями. Летописец говорит о своем рассказе, что в нем пропущено много подробностей, потому что и малая эта повесть может исторгнуть слезы у разумного человека.

Глава пятая

Борьба между Москвою и Тверью до кончины великого князя Иоанна Даниловича Калиты (1304–1341)

Соперничество между Михаилом Ярославичем тверским и Юрием Даниловичем московским. – Борьба за Переяславль. – Юрий увеличивает свою волость. – Наступательные движения Твери на Москву. – Борьба Новгорода с Михаилом. – Юрий женится на сестре ханской и воюет с Михаилом, который побеждает его. – Жена Юрия умирает в плену тверском. – Вызов Михаила в Орду и убиение его. – Юрий получает ярлык на великое княжение. – Димитрий Михайлович тверской усиливается против него в Орде. – Димитрий убивает Юрия и сам убит по ханскому приказу. – Хан отдает великое княжение брату Димитрию, Александру Михайловичу. – События в других княжествах. – Продолжение борьбы у Новгорода со шведами, у Пскова с ливонскими немцами. – Набег литвы. – Война новгородцев с устюжанами. – Иоанн Данилович Калита княжит в Москве. – Митрополит Петр утверждает свой престол в Москве. – Истребление татар в Твери. – Калита с татарами опустошает Тверское княжество. – Александр спасается сперва в Пскове, а потом в Литве. – Он мирится с ханом и возвращается в Тверь. – Возобновление борьбы между Александром и Калитой. – Александр вызывается в Орду и умерщвляется там. – Московский князь примыкает к своей волости. – Судьба Ростова и Твери. – События в других северных княжествах. – События в Новгороде и Пскове. – Смерть Калиты и его духовные грамоты. – Усиление Литвы на западе. – Поляки овладевают Галичем. – События на восточной стороне Днепра.

По смерти Андрея Александровича, по прежнему обычаю, старшинство принадлежало Михаилу Ярославичу тверскому, потому что он был внуком Ярослава Всеволодовича, а Юрий Данилович московский – правнуком, и отец его Даниил не держал старшинства.

Но мы уже видели, что место родовых споров между князьями заступило теперь соперничество по праву силы: Юрий московский был также силен, если еще не сильнее Михаила тверского, и потому считал себя вправе быть ему соперником.

Когда Михаил отправился в Орду за ярлыком, то и Юрий поехал туда же. Когда он был во Владимире, митрополит Максим уговаривал его не ходить в Орду, не спорить с Михаилом, ставил себя и тверскую княгиню, мать Михайлову, поручающими, что Михаил даст ему волости, какие только он захочет. Юрий отвечал: «Я иду в Орду так, по своим делам, а вовсе не искать великого княжения». Он оставил в Москве брата своего Ивана, а другого, Бориса, отправил в Кострому; но здесь Борис был схвачен тверскими боярами, которые хотели перехватить и самого Юрия на дороге, но тот пробрался другим путем. Опасность грозила Переяславлю, и князь Иван Данилович переехал из Москвы сюда оборонять отцовское приобретение от тверичей. Ему дали тайно весть из Твери, что хотят

оттуда прийти внезапно под Переяславль с войском; и действительно, под городом скоро появились тверские полки под начальством боярина Акинфа. Этот Акинф был прежде боярином великого князя Андрея Александровича городецкого, по смерти которого вместе с другими боярами перешел в Москву; но туда же пришел тогда на службу знаменитый киевский боярин Родион Несторович с сыном и привел собственный двор, состоявший из 1700 человек; московские князья обрадовались такому слуге и дали ему первое место между своими боярами. На этом оскорбился Акинф, отъехал к Михаилу тверскому и теперь спешил отомстить Даниловичам московским за свое бесчестье. Он три дня держал Ивана в осаде; но на четвертый день явился на выручку Родион из Москвы, зашел тверичам в тыл; Иван в то же время сделал вылазку из города, и неприятель потерпел совершенное поражение; Родион собственноручно убил Акинфа, взоткнул голову его на копье и поднес князю Ивану с такими словами: «Вот, господин, твоего изменника, а моего местника голова!»

Между тем в Орде решился спор между князьями другим образом: когда Юрий приехал в Орду, то князья татарские сказали ему: «Если ты дашь выходу (дани) больше князя Михаила тверского, то мы дадим тебе великое княжение». Юрий обещал дать больше Михаила, но тот надбавил еще больше; Юрий отказался, и Михаил получил ярлык. В 1305 году Михаил возвратился из Орды и, узнав о смерти боярина своего Акинфа, пошел на Юрия; чем кончилась эта война, на каких условиях помирились соперники, неизвестно; но известно, что после этого Юрий московский начал стремиться к усилению своей волости, не разбирая средств: он убил рязанского князя, плененного отцом его Даниилом, и удержал за собою Коломну, и в том же году встречаем известие об отъезде братьев Юрьевых из Москвы в Тверь. Через два года (1308) Михаил опять пошел к Москве, бился под ее стенами, наделал много зла, но ушел, не взявши города. Под 1312 годом находим в летописях трудное для объяснения известие, что двенадцатилетний сын Михаила тверского, Димитрий, отправился в поход на Нижний Новгород, на князя Юрия, но во Владимире был удержан от своего намерения митрополитом Петром и распустил войско.

До сих пор мы видели наступательные движения на Москву со стороны Твери; но в 1313 году дела переменились: хан Тохта умер, престол ханский занял молодой племянник его Узбек, и Михаил спешил в Орду взять ярлык от нового хана; этим отсутствием решились воспользоваться новгородцы, чтоб с помощью московского князя избавиться от притеснений тверского. Уже давно северные князья по примеру родоначальника своего Всеволода III стремились привести Новгород в свою волю, и только соперничеству между ними последний был обязан продлением своего быта.

Когда по смерти Андрея Александровича оба князя соперника – и московский и тверской – отправились в Орду, тверичи хотели силою ввести в Новгород наместников своего князя; но последние не были приняты новгородцами, которые немедленно отправили рать оберегать Торжок на случай нападения тверичей; тверские полки действительно явились у Торжка, но не решились напасть, потому что новгородцы собрали всю свою землю против них; наконец, положено было, что новгородцы на свободе будут дожидаться ханского решения, признают своим князем того из соперников, кто привезет ярлык на Владимирское княжество. Ярлык привез Михаил, и новгородцы в 1308 году посадили его у себя на столе на

обычных условиях. Однако в самом начале мы уже встречаем повторительные договорные грамоты новгородцев с Михаилом, и в их числе находится следующая жалоба новгородцев на двоих волостелей: «Князь великий Андрей и весь Новгород дали Федору Михайловичу город стольный Псков, и он ел хлеб; а как пошла рать, то он отъехал, город бросил, новгородского и псковского поклона не послушал, да еще приехавши в село Новгородскую волость пугу положил, братью нашу испродал. Тебе, князь, не кормить его новгородским хлебом, кормить его у себя, а за села его мы деньги ему отдадим. Бориса Константиновича кормил Новгород корелюю, а он корелю всю истерял и за немцев загнал, да и на Новгороде брал больше, чем следует. Как будешь в Новгороде у отца своего владыки и у своих мужей, то нам с ним суд перед тобою, господин, и теперь серебра не вели ему брать. И тебе, господин, новгородским хлебом не кормить его, пусть выедет из Новгородской волости, а за села его деньги отдадим». Четыре года прошли, впрочем, мирно; на пятый встала ссора: Михаил вывел своих наместников, захватил Торжок, Бежецк со всеми волостями и остановил подвоз хлеба, что всего хуже было для новгородцев; весной, в распустье, отправили они владыку Давыда в Тверь, и тот успел заключить мир: Михаил отворил ворота для обозов и прислал опять своих наместников в Новгород, взявши с него за мир 1500 гривен серебра. Легко догадаться, что тверские наместники не стали воздержнее после этого, было от них новгородцам много обид и нужды, и вот в 1314 году, в отсутствие Михаила, новгородцы послали в Москву звать к себе князя Юрия. Тот отправил к ним сначала князя Федора ржевского, который перехватал тверских наместников и пошел с новгородскими полками к Волге, куда навстречу вышел к нему сын Михайлов Димитрий с тверскою ратью. Битвы, впрочем, не было: простоявши до морозов у Волги, новгородцы заключили мир с Димитрием и послали в другой раз в Москву звать к себе князя Юрия на всей воле новгородской; Юрий на этот раз приехал сам вместе с братом Афанасием, и рады были новгородцы своему хотению, говорит их летописец.

Недолго радовались новгородцы: хан прислал звать Юрия в Орду, и тот поехал вместе с послами новгородскими, оставив в Новгороде брата Афанасия; тогда же пришла весть, что Михаил идет в Русь, ведет с собою татар. Новгородцы не могли теперь ждать от него милости и решились защищаться силою: князь Афанасий вышел с полками к Торжку и стоял здесь шесть недель, чтоб перенять весть; весть пришла, что Михаил со всею Низовою землею и татарами идет на Новгород. На этот раз дело не обошлось без битвы, и битва была злая: новгородцы потеряли много мужей добрых, бояр и купцов, и потерпели совершенное поражение: князь Афанасий с остатком рати затворился в Торжке, куда победитель прислал сказать новгородцам: «Выдайте мне Афанасия и Федора ржевского, так я с вами мир заключу». Новгородцы отвечали: «Не выдаем Афанасия, но помрем все честно за св. Софию». Михаил прислал опять, требовал выдачи по крайней мере одного Федора ржевского; новгородцы сперва не соглашались, но потом поневоле выдали его, кроме того, заплатили Михаилу 50000 гривен серебра (по другим известиям – только 5000) и заключили мир. Но Михаил, несмотря на мирное постановление, призвавши к себе князя Афанасия и бояр новгородских, перехватал их и отправил заложниками в Тверь, на жителей Торжка наложил окуп, сколько кто мог заплатить за себя, отобрал у них все оружие и тогда отправил своих наместников в Новгород, где посадничество дано было Семену Климовичу;

но, по некоторым, очень вероятным известиям, Михаил дал посадничество из своей руки Михаилу Климовичу и Ивану Димитриевичу. Заключен был договор: «Что случилось между князем и Новгородом, какое розратье, что в эту замятню взято в княжой волости, или у наместников, или у послов, или гостиный товар, или купеческий, или в церквах, или у которого боярина и по всей волости, то все князь отложил; а что взято новгородского товара по всей волости, того всего Новгороду не поминать. Которые села или люди новгородские заложились в эту замятню за князя и за княгиню, или за детей их и бояр, или кто купил села – тот возьмет свои деньги, а села отойдут Новгороду по прежней грамоте владыки Феоктиста, что утвердил в Твери. Что взято полону по всей волости Новгородской, то пойдет к Новгороду без окупа. Князю великому Михаилу и боярам его не наводить рати на Новгород ни за что, гостя не задерживать в Суздальской земле, нигде; а за все это взять князю у Новгорода 12000 серебра, а что взято у заложников, то пойдет в счет этих 12000; брать эти деньги в низовый вес, в четыре срока; а когда князь все серебро возьмет, то всех заложников должен отпустить. Нелюбье князь отложил от Новгорода, и от Пскова, и от всех пригородов и недругам своим мстить не будет; Новгороду держать княжение без обиды, а князю великому держать Новгород без обиды, по старине; опять сел князь великий Михаил на Феоктистовой грамоте, которую утвердил с владыкою и послами новгородскими в Твери. Если Новгород заплатит все серебро, 12000, то великий князь должен изрезать две прежние грамоты: одну, которая утверждена была в Городце, на Волге, и другую – новоторжскую, что утвердили в Торжке».

Договор не был исполнен; новгородцы отправили послов к хану жаловаться на Михаила, но тверичи поймали послов и привели их в Тверь; в 1316 году наместники Михайловы выехали из Новгорода, по другим известиям, были выгнаны, и Михаил отправился к Новгороду со всею Низовскою землею, а новгородцы сделали острог около города по обе стороны, и к ним на помощь сошлась вся волость: псковичи, ладожане, рушане, корела, ижора, вожане схватили какого-то Игната Беска, били его на вече и сбросили с моста в Волхов, подозревая, что он держит перевет к Михаилу, но правда ли это – бог один знает, по замечанию летописца; тогда же убит был и Данилко Писцов своим холопом, который донес горожанам, что господин посылал его с грамотами к князю Михаилу. Между тем Михаил приближался с войском и стал в 50 верстах от города; но собственная болезнь, мор на лошадей, вести о враждебных намерениях Юрия московского заставили его отступить, и отступление было губительно: тверские ратники заблудились в озерах и болотах, начали мереть от голода, ели конину, оружие свое пожгли или побросали и пришли пешком домой. В надежде, что эта беда сделает Михаила уступчивым, новгородцы в следующем 1317 году отправили к нему владыку Давыда с мольбою отпустить на окуп новгородских заложников; но Михаил не послушал просьбы архиепископской; ему, как видно, нужно было иметь в руках новгородских заложников в предстоящей борьбе с Юрием московским.

Юрий недаром жил в Орде; он не только оправдался в обвинениях Михайловых, но умел сблизиться с семейством хана и женился на сестре его, Кончаке, которую при крещении называли Агафиею. Ханский зять возвратился в Русь с сильными послами татарскими, из которых главным был Кавгадый; один татарин отправился в Новгород звать на Михаила его жителей; но последние, еще

не зная, где князь Юрий, заключили с Михаилом договор в Торжке, по которому обязались не вступаться ни за одного из соперников, после чего тверской князь, собравши войско и снесшись с другими князьями, пошел к Костроме, навстречу Юрию; Долго соперники стояли на берегу Волги, наконец заключили договор, в содержании которого источники разногласят: по одним известиям, Юрий уступил великое княжение Михаилу, по другим, наоборот, Михаил уступил его Юрию. Как бы то ни было, дело этим не кончилось; Михаил, возвратясь в Тверь, стал укреплять этот город, ожидая, как видно, к себе врага, и действительно, Юрий остался в Костроме, собирая отовсюду войска. Когда пришли к нему князья суздальские и другие, то он двинулся из Костромы к Ростову, из Ростова пошел к Переяславлю, из Переяславля к Дмитрову, из Дмитрова к Клину; а новгородцы уже дожидались его в Торжке. Наконец войска Юриевы пошли в Тверскую волость и сильно опустошили ее; послы Кавгадыевы ездили в Тверь, к Михаилу, с лестью, по выражению летописца, но мира не было, и в 40 верстах от Твери при селе Бортенева произошел сильный бой, в котором Михаил остался победителем; Юрий с небольшою дружиною успел убежать в Новгород, но жена его, брат Борис, многие князья и бояре остались пленными в руках победителя.

Кавгадый, видя торжество тверского князя, велел дружине своей бросить стяги и бежать в стан, а на другой день послал к Михаилу с мирными предложениями и поехал к нему в Тверь. Михаил принял его с честью, и татары стали говорить ему: «Мы с этих пор твои, да и приходили мы на тебя с князем Юрием без ханского приказа, виноваты и боимся от хана опалы, что такое дело сделали и много крови пролили». Князь Михаил поверил им, одарил и отпустил с честью.

Между тем Юрий явился опять у Волги, и с ним весь Новгород и Псков с владыкою своим Давыдом: понятно, что Новгород должен был вступить за Юрия, не ожидая себе добра от усиления Михаила. Тверской князь вышел к неприятелю навстречу, но битвы не было: заключили договор, по которому оба соперника обязались идти в Орду и там решать свои споры; Михаил обязался также освободить жену Юриеву и брата; новгородцы заключили с ним особый договор, как с посторонним владельцем (1317 г.). Но жена Юриева не возвратилась в Москву: она умерла в Твери, и пронесся слух, что ее отравили. Этот слух был выгоден Юрию и опасен для Михаила в Орде, и когда тверской князь отправил в Москву посла Александра Марковича с мирными предложениями, то Юрий убил посла и поехал в Орду с Кавгадыем, со многими князьями, боярами и новгородцами.

Начальником всего зла летописец называет Кавгадыя: по Кавгадыеву совету Юрий пошел в Орду. Кавгадый наклеветал хану на Михаила, и рассерженный Узбек велел схватить сына Михаила, Константина, посланного отцом перед собою в Орду; хан велел было умерить голодом молодого князя, но некоторые вельможи заметили ему, что если он умертвит сына, то отец никогда не явится в Орду, и Узбек приказал выпустить Константина. Что же касается до Кавгадыя, то он боялся присутствия Михаила в Орде и послал толпу татар перехватить его на Дороге и убить; но это не удалось; чтоб воспрепятствовать другим способом приезду Михаилу, Кавгадый стал говорить хану, что тверской князь никогда не приедет в Орду, что нечего его дожидаться, а надобно послать на него войско. Но в августе 1318 года Михаил отправился в Орду, и когда был во Владимире, то

явился туда к нему посол из Орды, именем Ахмыл, и сказал ему: «Зовет тебя хан, поезжай скорее, поспевай в месяц; если же не приедешь к сроку, то уже назначена рать на тебя и на города твои: Кавгадый обнес тебя перед ханом, сказал, что не бывать тебе в Орде». Бояре стали говорить Михаилу: «Один сын твой в Орде, пошли еще другого». Сыновья его, Димитрий и Александр, также говорили ему: «Батюшка! не ездь в Орду сам, но пошли кого-нибудь из нас, хану тебя оклеветали, подожди, пока гнев его пройдет».

Михаил отвечал им: «Хан зовет не вас и никого другого, а моей головы хочет; не поеду, так вотчина моя вся будет опустошена и множество христиан избито; после когда-нибудь надобно же умирать, так лучше теперь положу душу мою за многие души». Давши ряд сыновьям, разделив им отчину свою, написавши грамоту, Михаил отправился в Орду, настиг хана на устье Дона, по обычаю, отнес подарки всем князьям ордынским, женам ханским, самому хану и полтора месяца жил спокойно; хан дал ему пристава, чтоб никто не смел обижать его. Наконец Узбек вспомнил о деле и сказал князьям своим: «Вы мне говорили на князя Михаила: так рассудите его с московским князем и скажите мне, кто прав и кто виноват». Начался суд; два раза приводили Михаила в собрание вельмож ордынских, где читали ему грамоты обвинительные: «Ты был горд и непокорлив хану нашему, ты позорил посла ханского Кавгадыя, бился с ним и татар его побил, дани ханские брал себе, хотел бежать к немцам с казною и казну в Рим к папе отпустил, княгиню Юрьеву отравил». Михаил защищался; но судьи стояли явно за Юрия и Кавгадыя; причем последний был вместе и обвинителем и судьей. В другой раз Михаила привели на суд уже связанного; потом отобрали у него платье, отогнали бояр, слуг и духовника, наложили на шею тяжелую колоду и повели за ханом, который ехал на охоту; по ночам руки у Михаила забивали в колодки, и так как он постоянно читал псалтирь, то отрок сидел перед ним и перевертывал листы. Орда остановилась за рекою Тереком, на реке Севенце, под городом Деяковым, недалеко от Дербента. На дороге отроки говорили Михаилу: «Князь! Проводники и лошади готовы, беги в горы, спаси жизнь свою». Михаил отказался. «Если я один спасусь, – говорил он, – а людей своих оставлю в беде, то какая мне будет слава?» Уже двадцать четыре дня Михаил терпел всякую нужду, как однажды Кавгадый велел привести его на торг, созвал всех заимодавцев, велел поставить князя перед собою на колени, величался и говорил много досадных слов Михаилу, потом сказал ему: «Знай, Михайло! Таков ханский обычай: если хан рассердится на кого и из родственников своих, то также велит держать его в колодке, а потом, когда гнев минет, то возвращает ему прежнюю честь; так и тебя завтра или послезавтра освободят от всей этой тяжести, и в большей чести будешь»; после чего, обратясь к сторожам, прибавил: «Зачем не снимете с него колоды?» Те отвечали: «Завтра или послезавтра снимем, как ты говоришь». «Ну по крайней мере поддержите колоду, чтоб не отдавила ему плеч», – сказал на это Кавгадый, и один из сторожей стал поддерживать колоду. Наругавшись таким образом над Михаилом, Кавгадый велел отвести его прочь; но тот захотел отдохнуть и велел отрокам своим подать себе стул; около него собралась большая толпа греков, немцев, литвы и руси; тогда один из приближенных сказал ему: «Господин князь! Видишь, сколько народа стоит и смотрит на позор твой, а прежде они слыхали, что был ты князем в земле своей; пошел бы ты в свою вежу». Михаил встал и пошел домой. С тех пор на глазах его были всегда слезы,

потому что он предугадывал свою участь. Прошел еще день, и Михаил велел отпеть заутреню, часы, прочел со слезами правило к причащению, исповедался, призвал сына своего Константина, чтоб объявить ему последнюю свою волю, потом сказал: «Дайте мне псалтирь, очень тяжело у меня на душе». Открылся псалом: «Сердце мое смутится во мне, и страх смертный прииде на мя». «Что значит этот псалом?» – спросил князь у священников; те, чтоб не смутить его еще больше, указали ему на другой псалом: «Возверзи на господа печаль свою, и той ты пропитает и не даст вовеки смятения праведному».

Когда Михаил перестал читать и согнул книгу, вдруг вскочил отрок в вежу, бледный, и едва мог выговорить: «Господин князь! Идут от хана Кавгадый и князь Юрий Данилович со множеством народа прямо к твоей веже!» Михаил тотчас встал и со вздохом сказал: «Знаю, зачем идут, убить меня», – и послал сына своего Константина к ханше. Юрий и Кавгадый отрядили к Михаилу в вежу убийц, а сами сошли с лошадей на торгу, потому что торг был близко от вежи, на перелет камня.

Убийцы вскочили в вежу, разогнали всех людей, схватили Михаила за колоду и ударили его об стену, так что вежа проломилась; несмотря на то, Михаил вскочил на ноги, но тогда бросилось на него множество убийц, повалили на землю и били пятами нещадно; наконец один из них, именем Романец, выхватил большой нож, ударил им Михаила в ребро и вырезал сердце. Вежу разграбили русь и татары, тело мученика бросили нагое. Когда Юрию и Кавгадыю дали знать, что Михаил уже убит, то они приехали к телу, и Кавгадый с сердцем сказал Юрию: «Старший брат тебе вместо отца; чего же ты смотришь, что тело его брошено нагое?» Юрий велел своим прикрыть тело, потом положили его на доску, доску привязали к телеге и перевезли в город Маджары, здесь гости, знавшие покойника, хотели прикрыть тело его дорогими тканями и поставить в церкви с честью, со свечами, но бояре московские не дали им и поглядеть на покойника и с бранью поставили его в хлеве за сторожами; из Маджар повезли тело в Русь, привезли в Москву и похоронили в Спасском монастыре. Из бояр и слуг Михайловых спаслись только те, которым удалось убежать к ханше; других же ограбили донага, били как злодеев и заковали в железа (1319 г.).

В 1320 году Юрий возвратился в Москву с ярлыком на великое княжение и привел с собою молодого князя тверского Константина и бояр его в виде пленников; мать и братья Константиновы, узнавши о кончине Михаила и погребении его в Москве, прислали просить Юрия, чтоб отпустил тело в Тверь; Юрий исполнил их просьбу не прежде, как сын Михайлов Александр явился к нему во Владимир и заключил мир, вероятно на условиях, предписанных московским князем. В том же году Юрий отправил в Новгород брата своего Афанасия и ходил войною на рязанского князя Ивана, с которым заключил мир, а под следующим годом встречаем известие о сборах Юрия на тверских князей; но войны не было: князь Дмитрий Михайлович отправил к Юрию в Переяславль послов и заключил мир, по которому заплатил московскому князю 2000 рублей серебра и обязался не искать под ним великого княжения. Две тысячи рублей взяты были для хана; но Юрий не пошел с ними навстречу к татарскому послу, отправился в Новгород, куда вызвали его для дел ратных. Этим воспользовался Дмитрий тверской, поехал в Орду и выхлопотал себе ярлык на великое княжение; есть известие, что он объяснил хану всю неправду Юрия и особенно

Кавгадыя и что хан велел казнить последнего, а Димитрию дал великое княжение, узнавши от него, что Юрий собирает дань для хана и удерживает ее у себя. Последнее известие тем вероятнее, что находится в прямой связи с приведенным выше известием летописи об удержании тверского выхода Юрием; в связи с известием о гневе ханском на Юрия находится также известие о татарском после Ахмыле, который сделал много зла Низовской земле, много избил христиан, а других повел рабами в Орду. Как бы то ни было, впрочем, Тверь взяла перевес; Юрий видел необходимость идти опять в Орду и усердно просил новгородцев, чтоб проводили его: но на дороге, на реке Урдоме, он был захвачен врасплох братом Димитриевым Александром, казна его была отнята, сам же он едва спасся во Псков, откуда опять приехал в Новгород, ходил с новгородцами на берега Невы, потом в Заволочье и оттуда уже отправился в Орду по Каме, будучи позван послом ханским, в 1324 году.

Димитрий тверской не хотел пускать соперника одного в Орду и поспешил туда сам.

Мы не знаем подробностей о встрече двух врагов; летописец говорит, что Димитрий убил Юрия, понадеявшись на благоволение ханское; Узбек, однако, сильно осердился на это самоуправство, долго думал, наконец велел убить Димитрия (1325 г.); но великое княжение отдал брату его Александру; таким образом, Тверь не теряла ничего ни от смерти Михаила, ни от смерти Димитрия; в третий раз первенство и сила перешли к ее князю.

Взглянем теперь, что происходило в других княжествах во время этой первой половины борьбы между Москвою и Тверью. В год смерти великого князя Андрея Александровича (1304) вспыхнул мятеж в Костроме: простые люди собрали вече на бояр, и двое из последних были убиты; в следующем году в Нижнем Новгороде черные люди избili бояр князя Андрея Александровича; но в том же году возвратился из Орды князь Михаил Андреевич и перебил всех вечников, которые умертвили бояр.

Здесь представляется вопрос: кто был этот князь Михаил Андреевич? До сих пор утверждено было мнение, что все князья суздальские происходят от Андрея Ярославича, брата Александра Невского, в таком порядке: Андрей – Михаил – Василий – Константин – Димитрий и т.д. В самом деле, летопись говорит, что после Андрея Ярославича осталось двое сыновей – Юрий и Михаил. Юрий умер в 1279 году, и вместо него садится в Суздале брат его Михаил; потом летопись упоминает о смерти сына Михаила Василия в 1309 году; потом встречаем Александра и Константина Васильевичей суздальских, которых легко принять за детей Василия Михайловича. И действительно, в большей части родословных эти князья показаны происходящими от Андрея Ярославича. Но вот под 1364 годом читаем в летописи известие о кончине князя Андрея Константиновича суздальского, и этот князь называется потомком не Андрея Ярославича, но Андрея Александровича, сына Невского, в таком порядке: Андрей – Михаил – Василий – Константин. В известии о кончине брата Андреева, Димитрия Константиновича, повторена та же родословная.

Эта последняя родословная объявлена ошибочною; утверждено, что князь Михаил Андреевич был сын Андрея Ярославича, а не Александровича, у которого детей не было, кроме Бориса, умершего при жизни отца. Но на чем же основано такое утверждение? Основываются на том, что по смерти Андрея Александровича

бояре, не имея государя, уехали к Михаилу тверскому. Но если б Михаил Андреевич был сын Андрея Александровича, то бояре последнего могли по разным причинам отъехать к Михаилу тверскому, имея за собою право отъезда. Мы привели известия летописи об избиении бояр черными людьми в Нижнем Новгороде и о наказании мятежников великим князем Михаилом Андреевичем; но если Михаил Андреевич был сын Андрея Ярославича, а не Александровича, то почему бояре последнего являются в его княжестве и распоряжаются так, что возбуждают против себя черных людей? Это показывает, с другой стороны, что не все бояре Андрея Александровича отъехали в Тверь; часть их, и может быть большая, дождалась в Нижнем прибытия князя Михаила Андреевича, сына своего прежнего князя. Итак, отъезд бояр – не причина признавать Михаила Андреевича сыном Андрея Ярославича, а не Александровича. Но есть еще другие указания, подтверждающие родословную летописи: царь Василий Иванович Шуйский в грамоте о своем избрании, говоря о происхождении своем, ведет общий род до Александра Невского, которого называет своим прародителем, и после Александра начинается разветвление рода на две отрасли: отрасль Андрея Александровича, от которого пошли они, князья суздальские – Шуйские, и отрасль Даниила Александровича, от которого пошли князья, потом цари московские: «Учинились мы на отчине прародителей наших, царем и великим князем на Российском государстве, которое даровал бог прародителю нашему Рюрику, и потом в продолжение многих лет, до прародителя нашего великого князя Александра Ярославича Невского, на Российском государстве были прародители мои, а потом на Суздальский удел отделились, не отнятием, не по неволе, но как обыкновенно большие братья на большие места садились». Линия Андрея Александровича отделилась на Суздальский удел, как обыкновенно большие братья сажались на большие места: в самом деле, Андрей Александрович был большой брат Даниилу Александровичу, и Суздаль был большое место относительно Москвы. Итак, вопрос о происхождении князей суздальских-нижегородских не может быть решен окончательно.

В Ростове в 1309 году умер князь Константин Борисович, и место его заступил сын Василий; другого, Александра, мы видели в Угличе; под 1320 годом упоминается о смерти сына его, Юрия Александровича. В Ярославле в 1321 году умер князь Давыд, сын Федора Ростиславича Черного, смоленского; место его занял сын, Василий Давыдович. В Галиче упоминается под 1310 годом князь Василий Константинович, внук Ярослава Всеволодовича, княживший, как видно, по брате своем, Давыде. В Стародубе по смерти внука Всеволода III, Михаила Ивановича, княжил сын его Иван, умерший в 1315 году; место покойного заступил сын его, Федор Иванович. В Рязани после Константина Романовича, убитого в Москве, княжил сын его Василий, который был убит в Орде в 1308 году; в 1320 году видим в Рязани двоюродного брата Василиева, князя Ивана Ярославича, против которого предпринимал поход Юрий московский. В 1313 году умер князь Александр Глебович смоленский, оставив двоих сыновей, Василия и Ивана.

Касательно внешних отношений упоминается под 1308 годом о нашествии татар на Рязань, имевшем, как видно, связь с убиением тамошнего князя Василия Константиновича в Орде. В 1318 году приходил из Орды лютый посол, именем Конча, убил 120 человек у Костромы, потом пошел и весь Ростов повоевал ратию. В 1320 г. посол Байдера много зла наделал во Владимире; в 1321 г. татарин

Таянчар был тяжек Кашину; в 1322 году посол Ахмыл наделал много зла низовым городам, Ярославль взял и повел много пленников в Орду. На северо-западе продолжалась старая борьба – у Новгорода со шведами, у Пскова с ливонскими немцами. В 1310 году новгородцы в лодьях и лойвах вошли в Ладожское озеро, в реку Узерву, и построили на пороге новый город, разрушивши старый. В следующем году под начальством князя Дмитрия Романовича смоленского они отправились войною за море, в шведские владения, в Финляндию (емь); переехавши море, повоевали сначала берега Купецкой реки, села пожгли, людей побрали в плен, скот побили; потом взяли всю Черную реку, по ней подплыли к городу Ваная, город взяли и сожгли; шведы заперлись во внутренней крепости, или детинце, построенном на высокой неприступной скале, и прислали к новгородцам с поклоном просить мира, но те мира не дали и стояли трое суток под городом, опустошая окрестную страну: села большие пожгли, хлеб весь потравили, а из скота не оставили ни рога; потом пошли, взяли места по рекам Кавгале и Перне, выплыли этими реками в море и возвратились в Новгород все здоровы. Шведы отомстили новгородцам сожжением Ладоги в 1313 году. Мы уже видели попытки корелы отложиться от Новгорода и попытки шведов утвердиться в Корельской земле; видели и причину неудовольствия корелы в жалобе новгородцев на княжеского наместника, Бориса Константиновича, который своими притеснениями заставлял корелян бежать к шведам; в 1314 году встречаем новое известие о восстании корелян: они перебили русских, находившихся в Корельском городке, и ввели к себе шведов; новгородцы, однако, недолго позволяли короле оставаться за шведами; в том же году пошли они с наместником великого князя Михаила Ярославича Феодором к городу и перебили в нем всех шведов и переветников корелян. Через два года неприятельские действия возобновились: шведы в 1317 году вошли в Ладожское озеро и побили много обонежских купцов; а в следующем году новгородцы отправились за море и много воевали: взяли Або и находившийся недалеко от него епископский замок. В 1322 году шведы опять пришли драться к Корельскому городку, но не могли взять его; вслед за этим новгородцы с великим князем Юрием пошли к Выборгу и били его б пороками, но взять не могли, перебили только много шведов в городе и взяли в плен; из пленников одних перевешали, других отправили в Суздальскую землю (на Низ), потеряли несколько и своих добрых мужей. Надобно было ждать мести от шведов, и новгородцы в 1323 году укрепили исток Невы из Ладожского озера, поставили город на Ореховом острове (Орешек); но вместо рати явились послы шведские с мирными предложениями, и заключен был мир вечный по старине. Юрий с новгородцами уступил шведам три корельских округа: Саволак, Ескис и Егрепя. Под 1320 годом встречаем известие о враждебном столкновении с норвежцами: какой-то Лука, сказано, ходил на норвежцев, которые разбили суда какого-то Игната Мольгина.

По смерти Довмонта для Пскова наступило тяжелое время; на востоке князья заняты усобицами, там идет важный вопрос о том, какому княжеству пересилить все остальные и собрать землю Русскую; Новгород занят также этими усобицами и борьбою со шведами; притом же у него со Псковом начинаются неприятности, переходящие иногда в открытую вражду, причины которой в летописи не высказаны ясно. Стремление Пскова выйти из-под опеки старшего брата своего Новгорода мы замечаем с самого начала: после это стремление все более и более

усиливается; новгородцы, разумеется, не могли смотреть на это равнодушно и не могли близко принимать к сердцу затруднительное положение младших братьев: отсюда жалобы последних на холодность новгородцев, оставление без помощи, что еще более усиливало размолвку; притом же, не имея возможности давать чувствовать псковичам свое господство в политическом отношении, новгородцы сильно давали чувствовать его в церковном, вследствие того что Псков был подведомствен их владыке: отсюда новые неприятности и стремление псковичей отложиться от новгородского владыки, получить для себя особого епископа. Когда князья русские приезжали во Псков, то граждане принимали их с честью, от всего сердца; но эти князья не могли ходить с псковичами на немцев или отсиживаться в осаде от них; так, были во Пскове по необходимости на короткое время князья Дмитрий Александрович и Юрий Данилович.

Не видя помощи от русских князей, псковитяне принуждены были посылать за литовскими. В 1322 году немцы во время мира перебили псковских купцов на озере и рыболовов на реке Нарове, опустошили часть Псковской волости; псковичи послали в Литву за князем Давыдом, пошли с ним за Нарову и опустошили землю до самого Ревеля. В марте 1323 года пришли немцы под Псков со всею силою, стояли у города три дня и ушли с позором, но в мае явились опять, загордившись, в силе тяжкой, без бога; пришли на кораблях, в лодках и на конях, со стенобитными машинами, подвижными городками и многим замышлением. На первом приступе убили посадника; стояли у города 18 дней, били стены машинами, придвигали городки, приставляли лестницы. В это время много гонцов гоняло из Пскова к великому князю Юрию Даниловичу и к Новгороду, со многою печалию и тугою, потому что очень тяжело было в то время Пскову, как вдруг явился из Литвы князь Давыд с дружиною, ударил вместе с псковичами на немцев, прогнал их за реку Великую, машины отнял, городки зажег, и побежали немцы со стыдом; а князь великий Юрий и новгородцы не помогли, прибавляет псковский летописец.

Литовцы в 1323 году напали на страну по реке Ловати, но были прогнаны новгородцами. Мы видели волнения среди корел, видели и прежде восстания финских племен в Двинской области против новгородцев; в 1323 году началась у последних вражда с устюжанами, которые перехватили новгородцев, ходивших на югру, и ограбили их. Задвинские дани и торговля были главным источником богатства для новгородцев, и потому они не могли оставить этого дела без внимания: в следующем же году с князем Юрием Даниловичем они пошли в Заволочье и взяли Устюг на щит; когда они были на Двине, то князья устюжские прислали к Юрию и новгородцам просить мира и заключили его на старинных условиях. В чем состояли эти старинные условия, мы не знаем; знаем только то, что еще в 1220 году великий князь Юрий Всеволодович, собирая войско на болгар, велел ростовскому князю взять также и полки устюжские; из этого известия можно только заключить о зависимости Устюга от ростовских князей.

Таковы были отношения Северной Руси к соседним народам в первую половину борьбы между Тверью и Москвою до смерти Дмитрия тверского и Юрия московского. Дмитрию наследовал, как мы видели, брат его Александр Михайлович с ярлыком и на великое княжение, Юрию также брат – Иоанн Данилович Калита, остальные братья которого – Александр, Афанасий, Борис – умерли еще при жизни Юрьевой. Калита, следовательно, княжил один в

Московской волости; как видно, он управлял Москвою гораздо прежде смерти Юрия, когда последний находился то в Орде, то в Новгороде; иначе он не имел бы времени сблизиться с митрополитом Петром, ибо Юрий убит в 1325 году, а митрополит Петр умер в 1326. Еще в 1299 году митрополит Максим оставил опустошенный Киев, где не мог найти безопасности, и переехал на жительство во Владимир. Последний город был столицею великих, или сильнейших, князей только по имени, ибо каждый из них жил в своем наследственном городе; однако пребывание митрополита во Владимире при тогдашнем значении и деятельности духовенства сообщало этому городу вид столицы более, чем предание и обычай.

После этого ясно, как важно было для какого-нибудь города, стремившегося к первенству, чтоб митрополит утвердил в нем свое пребывание; это необходимо давало ему вид столицы всея Руси, ибо единство последней поддерживалось в это время единым митрополитом, мало того, способствовало его возрастанию и обогащению, ибо в него со всех сторон стекались лица, имевшие нужду до митрополита, как в средоточие церковного управления; наконец, митрополит должен был действовать постоянно в пользу того князя, в городе которого имел пребывание, Калита умел приобрести расположение митрополита Петра, так что этот святитель жила в Москве больше, чем в других местах, умер и погребен в ней.

Гроб святого мужа был для Москвы так же драгоценен, как и пребывание живого святителя: выбор Петра казался внушением Божиим, и новый митрополит Феогност уже не хотел оставить гроба и дома чудотворцева. Петр, увещевая Калиту построить в Москве каменную церковь Богоматери, говорил: «Если меня, сын, послушаешься, храм Пречистой богородицы построишь, и меня упокоишь в своем городе, то и сам прославишься больше других князей, и сыновья и внуки твои и город этот славен будет, святители станут в нем жить, и подчинит он себе все остальные города».

Другие князья хорошо видели важные последствия этого явления и сердились; но помочь было уже нельзя.

Но в то время, как московский князь утверждением у себя митрополичьего престола приобретал такие важные выгоды, Александр тверской необдуманном поступком погубил себя и все княжество свое. В 1327 году приехал в Тверь ханский посол, именем Шевкал (Чолхан), или Щелкан, как его называют наши летописи, двоюродный брат Узбека, и по обыкновению всех послов татарских позволял себе и людям своим всякого рода насилия. Вдруг в народе разнесся слух, что Шевкал хочет сам княжить в Твери, своих князей татарских посажать по другим русским городам, а христиан привести в татарскую веру. Трудно допустить, чтоб этот слух был основателен: татары изначала отличались веротерпимостью и по принятии магометанства не были ревнителями новой религии. Узбек, по приказу которого должен был действовать Шевкал, покровительствовал христианам в Кафе, позволил католическому монаху Ионе Валенсу обращать в христианство ясов и другие народы по берегу Черного моря; он же, как мы видели, выдал сестру свою за Юрия московского и позволил ей креститься. Еще страшнее был слух, что Шевкал хочет сам сесть на великом княжении в Твери, а другие города раздать своим татарам. Когда пронеслась молва, что татары хотят исполнить свой замысел в Успенев день, пользуясь большим стечением народа по случаю праздника, то Александр с тверичами

захотели предупредить их намерение и рано утром, на солнечном восходе, вступили в бой с татарами, бились целый день и к вечеру одолели. Шевкал бросился в старый дом князя Михаила, но Александр велел зажечь отцовский двор, и татары погибли в пламени; купцы старые, ордынские, и новые, пришедшие с Шевкалом, были истреблены, несмотря на то что не вступали в бой с русскими: одних из них перебили, других перетопили, иных сожгли на кострах.

Но в так называемой Тверской летописи Шевкалово дело рассказано подробнее, естественнее и без упоминания о замысле Шевкала относительно веры: Шевкал, говорится в этой летописи, сильно притеснял тверичей, согнал князя Александра со двора его и сам стал жить на нем; тверичи просили князя Александра об обороне, но князь приказывал им терпеть. Несмотря на то, ожесточение тверичей дошло до такой степени, что они ждали только первого случая восстать против притеснителей; этот случай представился 15 августа: дьякон Дюдко повел кобылу молодую и тучную на пойло; татары стали ее у него отнимать, дьякон начал вопить о помощи, и сбежавшиеся тверичи напали на татар.

Узбек очень рассердился, узнав об участии Шевкаловой, и, по некоторым известиям, послал за московским князем, но, по другим известиям, Калита поехал сам в Орду тотчас после тверских происшествий и возвратился оттуда с 50000 татарского войска. Присоединив к себе еще князя суздальского, Калита вошел в Тверскую волость по ханскому приказу; татары пожгли города и села, людей повели в плен и, просто сказать, положили пусту всю землю Русскую, по выражению летописца; но спаслась Москва, отчина Калиты, да Новгород, который дал татарским воеводам 2000 серебра и множество даров. Александр, послышав о приближении татар, хотел бежать в Новгород, но новгородцы не захотели подвергать себя опасности из-за сына Михаила и приняли наместников Калиты; тогда Александр бежал во Псков, а братья его нашли убежище в Ладоге. В следующем 1328 году Калита и тверской князь Константин Михайлович поехали в Орду; новгородцы отправили туда также своего посла; Узбек дал великое княжение Калите, Константину Михайловичу дал Тверь и отпустил их с приказом искать князя Александра. И вот во Псков явились послы от князей московского, тверского, суздальского и от новгородцев уговаривать Александра, чтоб ехал в Орду к Узбеку; послы говорили ему от имени князей: «Царь Узбек всем нам велел искать тебя и прислать к нему в Орду; ступай к нему, чтоб нам всем не пострадать от него из-за тебя одного; лучше тебе за всех пострадать, чем нам всем из-за тебя одного попустошить всю землю». Александр отвечал: «Точно, мне следует с терпением и любовью за всех страдать и не мстить за себя лукавым крамольникам; но и вам недурно было бы друг за друга и брат за брата стоять, а татарам не выдавать и всем вместе противиться им, защищать Русскую землю и православное христианство». Александр хотел ехать в Орду, но псковитяне не пустили его, говоря: «Не езд, господин, в Орду; что б с тобою ни случилось, умрем, господин, с тобою на одном месте». Надобно было действовать силою, но северные князья не любили действовать силою там, где успех был неверен; они рассуждали: «Псковичи крепко взялись защищать Александра, обещались все умереть за него, а близко их немцы, те подадут им помощь». Придумали другое средство, и придумал его Калита, по свидетельству псковского летописца: уговорили митрополита Феоноста проклясть и отлучить от церкви князя

Александра и весь Псков, если они не исполнят требование князей. Средство подействовало, Александр сказал псковичам: «Братья мои и друзья мои! не будь на вас проклятия ради меня; еду вон из вашего города и снимаю с вас крестное целование, только целуйте крест, что не выдадите княгини моей». Псковичи поцеловали крест и отпустили Александра в Литву, хотя очень горьки были им его проводы: тогда, говорит летописец, была во Пскове туга и печаль и молва многая по князе Александре, который добротой и любовью своею пришелся по сердцу псковичам. По отъезде Александра послы псковские отправились к великому князю московскому и сказали ему: «Князь Александр изо Пскова поехал прочь; а тебе, господину своему князю великому, весь Псков кланяется от мала и до велика: и попы, и чернецы, и черницы, и сироты, и вдовы, и жены, и малые дети». Услыхав, что Александр уехал изо Пскова, Калита заключил с псковичами мир вечный по старине, по отчине и по дедине, после чего митрополит Феогност с новгородским владыкою благословили посадника и весь Псков (1329 г.).

Полтора года пробыл Александр в Литве и, когда гроза приутихла, возвратился к жене во Псков, жители которого приняли его с честью и посадили у себя на княжении. Десять лет спокойно княжил Александр во Пскове, но тосковал по своей родной Твери: Псков по формам своего быта не мог быть наследственным княжеством для сыновей его; относительно же родной области он знал старый обычай, по которому дети изгнанного князя не могли надеяться на наследство; по словам летописи, Александр рассуждал так: «Если умру здесь, то что будет с детьми моими? все знают, что я выбежал из княжества моего и умер на чужбине: так дети мои будут лишены своего княжества». В 1336 году Александр послал в Орду сына Феодора попытаться, нельзя ли как-нибудь умиловать хана, и, узнавши, что есть надежда на успех, в 1337 году отправился сам к Узбеку. «Я сделал много зла тебе, – сказал он хану, – но теперь пришел принять от тебя смерть или жизнь, будучи готов на все, что бог возвестит тебе». Узбек сказал на это окружавшим: «Князь Александр смиренною мудростию избавил себя от смерти» – и позволил ему занять тверской стол; князь Константин Михайлович волею или неволею уступил княжество старшему брату.

Но возвращение Александра служило знаком к возобновлению борьбы между Москвою и Тверью: скоро встречаем в летописи известие, что тверской князь не мог поладить с московским, и не заключили они между собою мира. Еще прежде видим, что бояре тверские отъезжают от Александра к московскому князю. Спор мог кончиться только гибелью одного из соперников, и Калита решился предупредить врага: в 1339 году он отправился с двумя сыновьями в Орду, и вслед за этим Александр получил приказ явиться туда же: зов этот последовал думою Калиты, говорит летописец. Александр уже знал, что кто-то оклеветал его пред ханом, который опять очень сердит на него, и потому отправил перед собою сына Феодора, а за ним уже отправился сам по новому зову из Орды. Феодор Александрович встретил отца и объявил ему, что дела идут плохо; проживши месяц в Орде, Александр узнал от татар – приятелей своих, что участь его решена. Узбек определил ему смерть, назначили и день казни. В этот день, 29 октября, Александр встал рано, помолился и, видя, что время проходит, послал к ханше за вестями, сел и сам на коня и поехал по знакомым разузнавать о своей участи, но везде был один ответ, что она решена, что он должен ждать в этот самый день смерти, дома его ждал его посланный от ханши с тою же вестью. Александр стал

прощаться с сыном и боярами, сделал распоряжение насчет княжества своего, исповедался, причастился; то же самое сделали и сын его Феодор и бояре, потому что никто из них не думал остаться в живых. Ждали после того недолго: вошли отроки с плачем и объявили о приближении убийц; Александр вышел сам к ним навстречу – и был рознят по составам вместе с сыном. Калита еще прежде уехал из Орды с великим пожалованием и с честью; сыновья его возвратились после смерти Александровой, приехали в Москву с великою радостью и веселием, по словам летописи. Тверской стол перешел к брату Александрову, Константину Михайловичу, который называется собирателем и восстановителем Тверской волости после татарского опустошения.

Мы видели, что князья хорошо понимали, к чему поведет усиление одного княжества на счет других при исчезновении родовых отношений, и потому старались препятствовать этому усилению, составляя союзы против сильнейшего. Что предугадывали они, то и случилось: московский князь, ставши силен и без соперника, спешил воспользоваться этою силою, чтоб примыслить сколько можно больше к своей собственности. Начало княжения Калиты было, по выражению летописца, началом насилия для других княжеств, где московский собственник распоряжался своевольно. Горькая участь постигла знаменитый Ростов Великий: три раза проиграл он свое дело в борьбе с пригородами, и хотя после перешел как собственность, как опричнина в род старшего из сыновей Всеволодовых, однако не помогло ему это старшинство без силы; ни один из Константиновичей ростовских не держал стола великокняжеского, ни один, следовательно, не мог усилить свой наследственный Ростов богатыми примыслами, и скоро старший из городов северных должен был испытать тяжкие насилия от младшего из пригородов: отнялись от князей ростовских власть и княжение, имущество, честь и слава, говорит летописец.

Прислан был из Москвы в Ростов от князя Ивана Даниловича, как воевода какой-нибудь, вельможа Василий Кочева и другой с ним, Миняй. Наложили они великую нужду на город Ростов и на всех жителей его; немало ростовцев должны были передавать москвичам имение свое по нужде, но, кроме того, принимали еще от них раны и оковы; старшего боярина ростовского Аверкия москвичи стремглав повесили и после такого поругания чуть жива отпустили. И не в одном Ростове это делалось, но во всех волостях и селах его, так что много людей разбежалось из Ростовского княжества в другие страны. Мы не знаем, по какому случаю, вследствие каких предшествовавших обстоятельств позволил себе Калита такие поступки в Ростовском княжестве; должно полагать, что ростовским князем в это время был Василий Константинович. Со стороны утесненных князей не обошлось без сопротивления: так, московский князь встретил врага в зяте своем, Василии Давыдовиче ярославском, внуке Федора Ростиславича Черного; Василий, как видно, действовал заодно с Александром тверским и помогал ему в Орде, ибо есть известие, что Калита посылал перехватить его на дороге к хану, но ярославский князь отбил от московского отряда, состоявшего из 500 человек, достиг Орды, благополучно возвратился оттуда и пережил Калиту. По смерти Александра и Тверь не избежала насилий московских: Калита велел снять от св. Спаса колокол и привезти в Москву – насилие очень чувствительное по тогдашним понятиям о колоколе вообще, и особенно о колоколе главной церкви в городе. Из других князей упоминаются: князь Александр Васильевич суздальский,

помогавший Калите опустошать тверские волости; Александр умер в 1332 году, его место занял брат его, Константин Васильевич, участвовавший в походе под Смоленск, Стародубский князь Федор Иванович был убит в Орде в 1329 году. Мы видели, что Галич и Дмитров достались брату Александра Невского, Константину Ярославичу, у которого упоминаются сыновья – Давыд, князь галицкий и дмитровский, и Василий, после которого видим разделение волости, ибо под 1333 годом говорится о смерти князя Бориса дмитровского, а под 1334 годом – о смерти Федора галицкого. Упоминается князь Романчук белозерский. Под 1338 годом упоминается князь Иван Ярославич юрьевский – это, должно быть, потомок Святослава Всеволодовича, Об убиении князя Ивана Ярославича рязанского в летописи упомянуто в рассказе о походе татар с Калитою на Тверь; сын и преемник Ивана Ярославича, Иван Иванович Коротопол, возвращаясь в 1340 году из Орды, встретил родственника своего, Двоюродного брата Александра Михайловича пронского, отправлявшегося туда же с данью, или выходом, ограбил его, привел в Переяславль Рязанский и там велел убить; явление это объясняется тем, что старшие, или сильнейшие, князья в каждом княжестве в видах усиления своего на счет младших, слабейших, хотели одни знать Орду, т. е. собирать дань и отвозить ее к хану. В Смоленске княжил Иван Александрович; как видно надеясь на отдаленность своего княжества, он не хотел подчиняться хану и возить выход в Орду, и потому Узбек в 1340 году послал войско к Смоленску, куда велел также идти и всем князьям русским: рязанскому, суздальскому, ростовскому, юрьевскому, друцкому, фоминскому – и мордовским князьям; московский великий князь сам не пошел, но отправил свое войско под начальством двоих воевод – Александра Ивановича и Федора Акинфовича. Эта рать пожгла посады смоленские, пограбила села и волости, несколько дней постояла под Смоленском и пошла назад: татары пошли в Орду с большим полоном и богатством, а русские князья возвратились домой здоровы и целы.

Новгородцы, освобожденные московским князем от Василия тверского, не могли доброжелательствовать наследникам Михайловым; они признали своим князем Дмитрия, потом Александра Михайловича, когда он возвратился с ярлыком из Орды, но не приняли к себе Александра после убийства Шевкалова, взяли наместников московского князя и стояли за последнего против Александра и псковичей. Но Калита скоро показал новгородцам, что переменялось только имя и что значение Твери относительно Новгорода перешло к Москве. Что же теперь спасет Новгород? От Твери спасла его Москва, от Москвы должен спасти его какой-нибудь другой город, Москве враждебный: следовательно, новгородцы должны искать врагов московским князьям, пользоваться ссорами в семействе последних; но когда эти ссоры прекратятся, когда уже не будет других князей, кроме московского, то что тогда останется новгородцам? Останется или отказаться от своего старого быта, приравняться к Москве, или искать соперника московскому князю в Литве. Но московским князьям нужны были еще прежде всего деньги, чтоб, с одной стороны, задаривать хана, с другой – закупать как можно больше сел и городов в других княжествах; вот почему Новгород мог еще на несколько времени сохранить свой прежний быт, удовлетворяя денежным требованиям великих князей, усиливая последних на свой счет. В 1332 году Калита запросил у новгородцев серебра закамского, старинной дани печерской и за отказ взял Торжок, Бежецкий Верх, а в следующем году пришел в Торжок со

всеми князьями низовскими и рязанскими и начал опустошать новгородские волости. Новгородцы отправили послов звать великого князя в Новгород, но он их не послушал и, не давши мира, поехал прочь.

Новгородцы отправили за ним новых послов с владыкою Василием, которые нашли Калиту в Переяславле, давали ему пятьсот рублей, только бы отступился от слободы, которую построил на Новгородской земле; много упрашивал его владыка, чтоб помирился, но он не послушался его. Любопытно, что тотчас по возвращении из своего неуспешного посольства к Калите владыка Василий отправился во Псков, где уже новгородские архиепископы не бывали семь лет; во Пскове княжил в это время враг московского князя Александр тверской, у которого владыка Василий окрестил сына Михаила; можно думать, что все это происходило вследствие размолвки Новгорода с Калитой). Александр и псковичи находились в тесной связи с Литвою, и вот под тем же 1333 годом новгородский летописец говорит, что вложил бог в сердце князю Нариманту-Глебу, сыну великого князя литовского Гедимина, прислать в Новгород с просьбою позволить ему поклониться св. Софии; новгородцы послали звать его, и он немедленно приехал, принят был с честью, целовал крест ко всему Новгороду и получил пригороды – Ладогу, Орешек, Корельский городок с Корельскою землею и половину Копорья в отчину и дедину. По другим известиям, новгородцы еще прежде уговорились об этом с Наримантом. Как бы то ни было, уговор этот был исполнен тогда, когда Новгороду стал нужен союз Литвы против московского князя.

На следующий год Калита принял с любовью послов новгородских и сам ездил в Новгород; неизвестно, что было причиною такой перемены: новгородцы ли уступили всем требованиям Калиты, или последний смягчил свои требования, опасаясь связи новгородцев с Литвою и Александром псковским? Можно думать также, что мир заключен был не без участия митрополита, у которого перед тем был владыка Василий. В кратких известиях летописи причины явлений не показаны; но по всему видно, что Калита не мог долго сносить пребывания Александра тверского во Пскове. В 1335 году Калита собрался с новгородцами и со всею Низовскою землею идти на Псков, но почему-то поход был отложен, хотя псковичам и не дали мира; намерение, следовательно, воевать с ними не было оставлено, и московский князь продолжал ласкать новгородцев: в том же году он позвал к себе в Москву на честь владыку, посадника, тысяцкого, знатнейших бояр, и они, говорит летописец, бывши в Москве, много чести видели. Но в тот самый 1337 год, когда Александр тверской отправился из Пскова в Орду и помирился с ханом, Калита, вдруг забывши крестное целование, послал рать свою на Двину за Волочок, ибо заволоцкие владения и доходы новгородцев всего больше должны были соблазнять московского князя; но предприятие не удалось: московские войска были посрамлены и поражены, как выражается летописец; имели ли какую-нибудь связь эти два события – поездка Александра в Орду и разрыв Калиты с Новгородом, – неизвестно. Новгородцы могли надеяться, что восстановление Александра на отцовском столе и новая борьба его с Калитою помешают последнему теснить их; но московский князь не терял времени, и Александр погиб в Орде. Новгородцы отправили к великому князю послов с выходом, но Калита послал к ним своих просить другого выхода: «Дайте мне еще царев запрос, чего у меня царь запросил». Новгородцы отвечали: «Этого у нас не

бывало от начала мира, а ты целовал крест по старой пошлине новгородской и по Ярославовым грамотам». Калита велел своим наместникам выехать из Новгорода, и не было с ним мира.

Прежде, когда было много князей-соперников, переменявших охотно волости свои, Новгород редко оставался долгое время без князя: на смену одного спешил другой; но теперь, когда князья уселись неподвижно каждый в своей наследственной волости, в Новгороде вместо князя видим уже бояр – наместников великокняжеских, которые выезжают при первой размолвке новгородцев с великим князем, и Новгород предоставляется самому себе. Вследствие этого нового порядка вещей стороны, партии княжеские должны были исчезнуть: какие могли быть княжеские партии в Новгороде во время Калиты, когда Новгород мог иметь дело только с одним великим князем, который раз, много – два приедет в Новгород на самое короткое время?

Тверской партии не могло быть, потому что ни Михаил, ни сыновья его не жили в Новгороде, не могло быть и вследствие постоянно враждебных отношений; великим князьям и не нужно теперь иметь в Новгороде приверженную к себе сторону; их цель – рано или поздно уничтожить самостоятельность Новгорода, а пока им нужно брать с него как можно больше денег; они знают, что Новгород будет их, если они будут сильны, сильнее всех других, но изменчивое расположение новгородцев не даст им этой силы. Любопытно, что с описываемого времени летописец новгородский становится видимо равнодушен к смене посадников, начинает часто пропускать их; мы уже прежде упоминали об этих пропусках. Под 1315 годом встречаем известие о вручении посадничества Семену Климовичу, и после того до самого 1331 года нет ни слова о посадниках в летописи; в этом году встречаем известие о посаднике Варфоломее; но под следующим 1332 годом говорится, что встали крамольники, отняли посадничество у Федора Ахмыла и дали Захару Михайловичу, причем пограбили двор Семена Судокова, а у брата его Ксенофонта села пограбили; но Захар недолго был посадником: в том же году он был свержен и на его место выбран Матвей. Под 1335 годом упоминается новый посадник Федор Данилович, неизвестно когда и на чье место избранный. Прежде, еще под 1327 годом, летописец упоминает о мятеже, во время которого народ пограбил и пожег двор Евстафия Дворянина; потом, под 1335 годом, встречаем известие об усобице, во время которой едва не дошло до кровопролития: по обеим сторонам Волхова граждане стояли с оружием, но потом сошлись в любовь. Что касается до принятого на кормление литовского князя Нариманта, то новгородцы с самого начала увидели ненадежность этих союзов с Литвою: в 1338 году, когда новгородцы вели войну со шведами, Наримант был в Литве; новгородцы много раз посылали за ним, но он не приехал, даже и сына своего Александра вывел из Орешка, оставил только своих наместников.

По известиям Новгородской летописи, псковичи, взявши к себе в князья Александра тверского, признали в то же самое время зависимость свою от Литвы: естественно, Псков должен был употребить это средство, чтобы защитить себя в случае нового движения северо-восточных русских князей по настоянию Калиты и по приказу ханскому. Имея особого князя, псковичи хотели получить полную независимость от Новгорода, хотели иметь и особого епископа.

В 1331 году новоизбранный новгородский владыка Василий отправился для посвящения своего на Волынь, где находился тогда митрополит Феогност. Но в то же время к митрополиту явились послы из Пскова, от князя Александра, вместе с послами от Гедимины и всех других князей литовских; они привели с собою монаха Арсения, прося митрополита, чтоб поставил его владыкою во Псков; но Феогност отказал им в просьбе. Новгородский летописец говорит при этом: «Псковичи хотели поставить себе Арсения на владычество, но осрамылись, пошли прочь ни с чем от митрополита из Волынской земли; они Новгород считали за ничто уже; вознеслись высокоумием своим, но бог и св. София низлагают всегда высокомыслящих, потому что псковичи изменили крестному целованию к Новгороду, посадили к себе князя Александра из литовской руки». Мы видели, что в 1333 году было сближение Новгорода со Псковом и его князем вследствие разрыва новгородцев с князем московским; но потом, когда в 1335 году новгородцы помирились с Калитою, то снова началась вражда со Псковом; в 1337 году владыка Василий поехал во Псков для своих святительских дел, на подъезд, как тогда выражались, но псковичи суда ему не дали, и он поехал прочь, проклявши их.

Еще в 1316 и 1323 году источники западные упоминают о враждебных столкновениях новгородцев с Норвегиею; в 1326 году заключен был мир между ними на 10 лет. В 1337 году у новгородцев началась война со шведами опять по поводу корел, которые подвели шведов, побили новгородских и ладожских купцов и всех христиан, находившихся в их земле, а сами убежали в Выборг и, выходя оттуда, били новгородцев. В следующем году новгородцы с посадником Федором Даниловичем отправились в Неву и стояли под Орешком, пересылаясь с шведским воеводою Стеном; но переговоры кончились ничем; новгородцы возвратились домой; а шведы с корелою много воевали по Обонежью, а потом сожгли посад у Ладоги. Мстить им за это ходили молодцы Довгородские с воеводами: они повоевали шведскую корелу около Выборга, сильно опустошили землю, хлеб пожгли, скот изрубили и пришли домой все здоровы, с полоном. По их удалении шведы вышли из Выборга, воевали Толдогу и оттуда пошли на Вотскую землю, но здесь ничего не взяли, потому что жители поостереглись; копорьяне напали на них в небольшом числе и разбили. После этого пришли послы в Новгород из Выборга от воеводы Петрика и объявили, что шведский князь ничего не знает о войне, начал ее своевольно Стен, воевода. Новгородцы отправили в Выборг своих послов, которые и заключили мир на тех же условиях, на каких помирился князь Юрий Данилович на Неве; относительно же Кобылитской Корелы положено было послать к шведскому князю. В следующем 1339 году новгородцы отправили двоих послов, да еще третьего от владыки, за море, к шведскому князю, и заключили с ним мир по старым грамотам; о короле же сказали так: «Если наши побегут к вам, то секите их и вешайте; если и ваши прибегут к нам, то и мы с ними будем делать то же самое, чтоб из-за них ссоры между нами не было; которые же прежде были за нами, тех не выдадим, потому что они покрещены в нашу веру, да и мало их осталось, все померли гневом Божиим». На западе волновались корелы, на северо-востоке, в Двинской области, финские племена также не хотели быть спокойны: под 1329 годом опять встречаем известие, что новгородцы, шедшие в Югру, были перебиты устюжскими князьями. В 1326 году приезжали в Новгород послы из Литвы: брат Гедимины, Воин, князь полоцкий, Василий, князь минский,

и князь Федор Святославич; они заключили мир с новгородцами и немцами. Но в 1335 году, несмотря на этот мир и несмотря на то что литовский князь Наримант кормился на пригородах новгородских, Литва повоевала Новоторжскую волость; великий князь был в это время в Торжке и немедленно послал свое войско в Литву, оно пожгли городки литовские – Осечен, Рясну и много других.

Под 1329 годом летопись упоминает об убиении в Дерпте новгородского посла, мужа честного, Ивана Сыпа, но о следствиях этого убийства не говорит ничего. И в Псковской летописи с 1323 до 1341 года мы не встречаем известий о войне с орденом Ливонским. Причина была та, что уже давно, еще с конца XIII века, в Ливонии происходили усобицы. Мы видели, что главным деятелем при утверждении немецкого владычества в Ливонии был епископ рижский, по старанию которого был учрежден рыцарский Орден, необходимо становившийся в служебное отношение к рижской церкви. Но мир не мог долго сохраниться между двумя учреждениями, из которых у одного были материальные средства, право силы, меча, у другого же – одни права исторические и духовные; первое не могло долго подчиняться последнему; но епископы также не хотели уступить магистрам Ордена своего первенствующего положения, и следствием этого была усобица. Особенно разгорелась она при магистре Бруно и архиепископе Иоанне фон-дер-Фехте, причем, не имея достаточно собственных материальных средств для борьбы с рыцарями, епископ и рижане призвали себе на помощь литовцев-язычников! Началась ожесточенная война; в течение 18 месяцев дано было девять битв, большую часть которых выиграла рыцари; но в 1298 году литовский князь Витенес вторгнулся в Ливонию, встретился с войском рыцарей на реке Аа и нанес им страшное поражение: магистр Бруно, 60 рыцарей и множество простого войска полегли в битве; ободренные победою, войска рижские и литовцы осадили орденскую крепость Неумюль, но потерпели под нею поражение от тевтонских рыцарей, пришедших на помощь своим ливонским собратиям.

Не видя возможности одолеть Орден материальными средствами, епископы ливонские прибегли к другим: в это время, т.е. в начале XIV века, внимание Западной Европы обращено было на страшный процесс Храмовых рыцарей; великий магистр их уже был в окопах вместе с братьями, находившимися во Франции, и ненависть Филиппа Красивого грозила печальным окончанием процесса. Это подало надежду ливонским епископам, что подобная же участь может постигнуть и Немецкий орден в Пруссии и Ливонии. В 1308 году они подали папе обвинительный лист, в котором приписывали Ордену неуспех в обращении литовцев, обвиняли рыцарей в истреблении жителей Семигаллии, когда те были уже христианами, и проч.; нашлось обвинение и вроде тех, которые тяготели над несчастными Тамплиерами: епископы доносили, что когда рыцарь получал рану в битве, то остальные товарищи добивали его и сожигали тело, по обычаю язычников. Папа Климент V нарядил комиссию на месте для исследования справедливости жалоб; дело кончилось ничем; епископы не удовлетворились таким окончанием его, и когда король польский завел спор с Орденом о земле Поморской, когда архиепископ гнезенский, епископы куявский, плоцкий и познанский встали против Ордена, то архиепископ рижский соединился с ними в надежде, что такое сильное восстание достигнет наконец своей цели – низложения Ордена. Всего больше архиепископ и рижане настаивали на том, что князья литовские и народ их давно были бы христианами и

католиками, если б не препятствовали тому рыцари – обвинение, имевшее на своей стороне вероятность: если б в самом деле Литва приняла христианство, то Орден, которого целью было обращение язычников, тем самым должен был прекратить свое существование.

Несмотря, однако, на все старания епископов, великий магистр фон-Беффарт выиграл в Авиньоне дело в пользу Ордена, который был оправдан во всех взводимых на него обвинениях: самым лучшим доказательством в пользу Ордена послужило представленное Беффартом папе оригинальное письмо архиепископа и рижан к литовскому князю с просьбою напасть на владения Ордена. Но дело, решенное в Авиньоне, далеко было до окончания своего в Ливонии, потому что при такой долгой борьбе за самые существенные интересы ненависть с обеих сторон достигла высшей степени и не могла скоро потухнуть. Обманувшись в надежде повредить Ордену процессом у папы, рижане обратились опять к прежнему средству и вошли в сношения с литовскими язычниками против рыцарей. Тогда магистр ливонский Ебергарт фон-Монгейм решился покончить дело оружием и, собравши большое войско, осадил Ригу. Около года длилась осада; но наконец рижане, терпя сильный голод, запросили мира и получили его на тяжелых условиях: лучшие граждане должны были явиться в стан рыцарей и у ног магистра положить все свои привилегии. Потом, велевши засыпать часть городских рвов и понизить валы, магистр заложил новую крепость, которая должна была сдерживать беспокойное народонаселение.

С тех пор, говорит летописец, как московский князь Иоанн Данилович стал великим князем, наступила тишина великая по всей Русской земле и перестали татары воевать ее. Таково было непосредственное следствие усиления одного княжества, Московского, на счет всех других; в одном древнем памятнике деятельность Калиты обозначена тем, что он избавил Русскую землю от воров (татей) – видно, что предки наши представляли себе Калиту установителем тишины, безопасности, внутреннего наряда, который до тех пор постоянно был нарушаем сперва родовыми усобицами княжескими, потом усобицами князей или, лучше сказать, отдельных княжеств для усиления себя на счет всех других, что вело к единовластию. Борьба эта для усиления себя на счет других с презрением родовой связи и счетов началась давно: Михаил Хоробрит московский, Ярослав тверской, Василий костромской, Андрей городецкий показали ясно новый характер борьбы; борьба Твери с Москвою была последнею сильною, ожесточенною, кровавою борьбою двух княжеств, стремившихся к окончательному усилению. Для Москвы средства к этой борьбе были приготовлены еще при Данииле, начал борьбу и неумолимо продолжал Юрий Данилович.

Калита умел воспользоваться обстоятельствами, окончить борьбу с полным торжеством для своего княжества и дал современникам почувствовать первые добрые следствия этого торжества, дал им предвкусить выгоды единовластия, почему и перешел в потомство с именем первого собирателя Русской земли.

Калита умер 31 марта 1341 года, не успев окончить дел своих с Новгородом. До нас дошли две его духовные грамоты: между тремя сыновьями и женою поделил он свое движимое и недвижимое имение: старшему, Семену, отдано 26 городов и селений, в числе которых примыслы Юрия Даниловича – Можайск и Коломна; второму сыну, Ивану, 23 города и селения, из них главные Звенигород и

Руза; третьему, Андрею, 21 город и селение, из них известнее Серпухов; княгине с меньшими детьми опять 26.

Таким образом, величина уделов следует старшинству: самый старший и материально сильнее, притом города его значительнее, например Можайск был особым княжеством; старшему же должно было получить и великокняжескую область Владимирскую с Переяславлем.

В то самое время как на северо-востоке Русская земля собиралась около Москвы, такое же собиранье русских волостей в одно целое происходило и на юго-западе.

Давно уже можно было ожидать, что дело собрания старой, Юго-Западной Руси предназначено князьям галицко-волынским, потомкам Романа Великого. Случайные обстоятельства были в пользу этих князей, в пользу скорого собрания Юго-Западной Руси: в старшем сыне Романовом с блестящею храбростию соединялся ясный смысл, государственное понимание, отношения его к брату Васильку волынскому представляют образец братской любви и согласия. Волости не дробятся, ибо сын Василька, Владимир, умирая бездетным, отказывает Волынь сыну Даниилу, Мстиславу; мало того, при сыне Льва, Юрии, видим соединение Галича и Волыни под одну власть; при внуке этого Юрия, Юрии II, видим также соединение обеих волостей, потому что этот князь пишет свои грамоты то во Львове, то во Владимире. Несмотря на все эти благоприятные обстоятельства, Юго-Западная Русь не собралась в одно государство под знаменем своих родных князей из племени Романа Великого; мы не знаем никаких подробностей о княжении внуков Данииловых, мы знаем только имена их и титулы, как они сохранились в грамотах их к Немецкому ордену: читаем в этих грамотах имя Юрия, который называет себя королем русским и князем владимирским; в другой грамоте находим имена сыновей его, Андрея и Льва; наконец, есть позднейшие грамоты от Андреева сына, Юрия, князя всей Малой России. Эти грамоты важны для нас еще в другом отношении: они показывают, что в Галиче и на Волыни бояре и дружина сохранили по-прежнему свое важное значение, ибо грамоты написаны не от имени одного князя, но также от имени знатнейших бояр и дружины вообще; в числе баронов (бояр) упоминается и епископ галицкий; последняя грамота Юрия II относится к 1335 году. Но в то время как Юго-Западная Русь не воспользовалась благоприятными обстоятельствами и закоснела в старине своей, соседние государства, Литовское и Польское, успели усилиться внутри единовластием и приобрели, таким образом, возможность действовать наступательно на Русь. Мы видели, что по смерти Миндовговой предположенное соединение Руси с Литвою не состоялось: литовцы после убиения Воишелкова выбрали себе князя из своего народа. При этом князе и его преемниках продолжалось и окончилось начатое еще прежде утверждение литовского господства в русских княжествах – Полоцком, Туровском и отчасти Волынском. В 1315 г. последовала перемена в династии князей литовских, произведенная знаменитым Гедимином. Примером сильных противоречий, которыми наполнены источники литовской и малороссийской истории, служат известия о происхождении Гедимины: одни говорят, что Гедимин был конюшим великого князя Витенеса, в заговоре с молодою женою последнего убил своего государя и овладел его престолом; другие утверждают, что Гедимин был сын

Витенеса и получил престол литовский по смерти отца, пораженного громом; наконец, есть известие, что Гедимин был брат Витенеса.

В самом начале княжения Гедимины уже упоминается о столкновениях его с князьями русскими, галицкими и волынскими; можем принять известие, что эти князья хотели сообща с Немецким орденом сдержать опасные стремления литовского владельца и первые начали против него наступательное движение. Но за верность дальнейших известий о ходе борьбы историк ручаться уже не может; по одним свидетельствам, в 1320 году Гедимин предпринял поход на Владимир Волынский, где княжил Владимир Владимирович, под предводительством которого граждане оказали упорное сопротивление; наконец князь Владимир пал, и стольный город его отворил ворота победителю, причем в войске Гедиминовом литва занимала незначительную часть; большинство же состояло из русских – полочан, жителей Новгородка, Гродна. Таким образом, по одним известиям, Владимирское княжество завоевано Гедимином; но, по другим, Владимир, Луцк и вся земля Волынская досталась Любарту, сыну Гедиминову, которого последний князь этой страны, не имея сыновей, принял к дочери. Здесь сказано, что Луцк вместе с Владимиром взят был Любартом в приданое за женою; а по другим известиям, в Луцке княжил особый князь, Лев Юрьевич, который, испугавшись участи князя владимирского, бросил свой стольный город и убежал в Брянск, где у него были родственники. Луцк поддался Гедиминому, и бояре, собранные со всей Волыни, признали его своим князем, удержав прежние права, обычаи, веру.

На следующий 1321 год Гедимин двинулся к Киеву, которым владел какой-то князь Станислав; на помощь к нему пришел Олег, князь переяславский, Святослав и Василий, князья брянские, и вместе с ними бежавший из Волыни князь Лев. Над рекою Ирпенем сошлись неприятели – и Гедимин победил; князья Олег и Лев были убиты, Станислав убежал в Брянск с тамошними князьями; Белгород сдался победителю, но Киев выдержал двухмесячную осаду; наконец граждане, не видя ниоткуда помощи, собрались на вече и решили поддаться литовскому князю, который с триумфом въехал в Золотые ворота. Другие города русские последовали примеру Киева; Гедимин оставил везде старый порядок, только посажал своих наместников и гарнизоны по городам. Наместником в Киеве был назначен Миндовг, князь гольшанский. Новгородская летопись под 1331 годом упоминает о киевском князе Федоре, который вместе с татарским баскаком гнался, как разбойник, за новгородским владыкою Василием, шедшим от митрополита из Волыни; новгородцы, провожавшие владыку, остереглись, и Федор не посмел напасть на них.

Как бы то ни было, переворот, произведенный на севере своими князьями, потомками св. Владимира, был произведен на юге князем литовским, который тем или другим способом собрал Русскую землю под одну власть. Гедимин умер в 1339 году, оставив семерых сыновей – Монвида, князя карачевского и Слонимского, который скоро последовал за отцом в могилу; Нариманта-Глеба, князя туровского и пинского, которого мы видели в Новгороде; от второй жены, Ольги, русской родом, Гедимин оставил Олгерда, который, женившись на дочери князя витебского, получил это княжество за женою в приданое; кроме Олгерда от Ольги Гедимин имел другого сына, Кейстута, князя троцкого. От третьей жены, Еввы, также княжны русской, он оставил Любарта-Владимира, князя волынского, Кориата-Михаила, князя новгородского, наконец, Евнутия, князя виленского.

Последний, несмотря на то что был самый младший, получил, однако, стольный город отцовский, быть может по стараниям матери своей; но двое старших Гедиминовичей – Олгерд и Кейстут отняли у Евнутия старший стол. Олгерд и Кейстут жили между собою очень дружно, говорит летописец Западной Руси, а князь великий Евнутий, державший старшинство, не полюбился им, и сговорились они между собою, как бы Евнутия из Вильны выгнать.

Сговорившись, положили срок, в который день взять Вильну под братом Евнутием.

Князь Олгерд из Витебска не поспел к тому сроку, а князь Кейстут один напал на Вильну и прорвался в город; великий князь Евнутий спасся бегством в горы, отморозил ноги и попался в плен. Привезли его к брату Кейстуту; тот отдал его под стражу, а сам послал гонца сказать Олгерду, чтоб шел скорее в Вильну и что Евнутий уже в их руках. Когда Олгерд пришел, то Кейстут сказал ему: «Тебе следует быть великим князем в Вильне, ты старший брат, а я с тобою буду жить заодно». И посадил его на великом княжении в Вильне, а Евнутию дали Изяславль.

Потом уговорились оба князя между собою, чтоб всей братьи слушаться князя Олгерда; условились, что добудут, город ли, волость ли, все делить пополам и жить до смерти в любви, не мыслить лиха одному на другого. Олгерд и Кейстут поклялись и сдержали клятву. Так рассказывает летописец Литовский; Московский же летописец говорит, что Олгерд и Кейстут напали внезапно в Вильне на двух братьев, Нариманта и Евнутия; жители города испугались, и Наримант бежал в Орду, а Евнутий сперва во Псков, оттуда в Новгород, из Новгорода в Москву к преемнику Калиты, Симеону Ивановичу, здесь был крещен и назван Иваном (1346 г.).

Но в то время, как единовластие утверждалось в Восточной Руси благодаря князьям московским и в Западной вследствие подчинения ее князьям литовским, в Польше также утвердилось оно после великих смут, происходивших в этой стране в конце XIII и начале XIV века. Мы видели, что в 1300 году в Кракове утвердился чужой князь, Вячеслав, король чешский. Но по смерти Вячеслава Владиславу Локетку, которого характер исправился в школе бедствий, удалось после бесчисленных затруднений утвердиться на троне и успокоить Польшу (1319 г.). Правление Локетка особенно замечательно тем, что с его времени аристократия в Польше уступает место шляхетской демократии, потому что король, имея нужду в шляхте, по причине беспрестанных и тяжких войн, призвал ее на сейм для совещания о делах общественных; таким образом, при Локетке положено начало той шляхетской воли и власти, которые имели такое сильное влияние на будущую судьбу Польши, были главною причиною ее падения. Тщетно сын и преемник Владислава Локетка, Казимир Великий, старался обуздать эту волю и власть и защищать низшее народонаселение: он не мог произвести никакой перемены в этом отношении. В истории Юго-Западной Руси Казимир Великий замечателен тем, что ему удалось присоединить к Польше королевство Галицкое. Как видно, потомство Романа Великого в мужеском колене пресеклось смертью Юрия II, и преемником последнего в Галиче мы видим племянника его от сестры Марии, Болеслава, князя мазовецкого. Но Болеслав возбудил против себя сильное негодование новых подданных: он угнетал их тяжкими податями, насиловал их жен и дочерей, окружил себя поляками, чехами, немцами, раздавал им должности

мимо туземцев, наконец, старался ввести латинство. Галичане отравили его ядом; тогда Казимир Великий, пользуясь несогласием бояр относительно выбора князя, в два похода успел овладеть княжеством Мстислава торопецкого и Даниила Романовича (1340 г.)

На восточной стороне Днепра замечательны для нас события, происходившие в княжестве Брянском; замечательны они по соответствию событиям, которые видим в других княжествах русских в описываемое время: везде князья обнаруживают одинакие стремления – усилиться во что бы то ни стало на счет других, и везде борьба эта, ведущаяся по инстинкту самосохранения, принимает суровый характер, сопровождается кровавыми явлениями. Под 1309 годом летописец говорит, что князь Святослав Глебович выгнал племянника своего, князя Василия, из Брянска и сам сел на его место, Василий ушел в Орду жаловаться хану на дядю и в следующем году пришел под Брянск с татарским войском. В городе встал сильный мятеж. В это время находился здесь митрополит Петр, который стал уговаривать Святослава поделиться волостью с племянником или, оставивши ему все, бежать из города, а не биться. Но Святослав надеялся на свою силу и на мужество; был он крепок телом, очень храбр и потому не послушался митрополита, отвечал ему: «Господин! Брянцы меня не пустят, они хотят за меня головы свои сложить». Святослав не хотел даже защищаться в стенах города, но вышел на полдень пути от Брянска и сразился с татарами. Последние, по обычаю, сначала помрачили воздух стрелами, потом, когда дело дошло до копий и сабель, то брянцы-крамольники, как их называет летописец, выдали князя Святослава, бросили стяги и побежали; Святослав остался только с одним двором своим, бился долго, наконец был убит. Митрополит Петр затворился в церкви и там спасся от татар. Князь Василий, овладевши Брянском, не терял времени и случая: в том же году ходил с татарами к Карачеву и убил тамошнего князя Святослава Мстиславича. Смерть Василия брянского помещена под 1314 годом; в 1333 упоминается о походе князя Димитрия брянского на Смоленск с татарами: бились много и заключили мир. В 1340 году брянцы, злые крамольники, по выражению летописца, сошлись вечем и убили князя своего Глеба Святославича, несмотря на увещания митрополита Феоноста. В Карачевском княжестве князь Андрей Мстиславич был убит племянником своим, Василием Пантелеичем, в 1339 году.

Глава шестая

События в княжение сыновей Иоанна Калиты (1341–1362)

Симеон Гордый; подручные отношения князей к нему. – Походы Симеона на Смоленск и Новгород. – Волнения в Новгороде, Твери и Рязани. – События в Ярославле и Муроме. – Дела татарские и литовские. – Олгерд и борьба его с Тевтонским орденом. – Войны Пскова с ливонскими немцами, Новгорода со шведами. – Договор великого князя Симеона с братьями. – Черная смерть. – Кончина и завещание Симеона Гордого. – Соперничество преемника его Иоанна с суздальским князем. – Война с Рязанью. – Судьба московского тысяцкого Алексея Петровича Хвоста. – Усобицы в Муроме, Твери и Новгороде. –

Отношения к Орде и Литве. – Смерть великого князя Иоанна. – Торжество его сына Димитрия над суздальским князем. – Московские бояре.

По смерти Калиты все русские князья отправились в Орду; но соперничество их с богатым и сильным московским князем было невозможно, и хан объявил старшего сына Калиты, Симеона, великим князем владимирским. Благодаря усилению Москвы это уже не был теперь один только титул; но чего опасались князья еще со времен Мстислава Храброго, то исполнилось; они перестали быть родичами равноправными и стали подручниками. «Все князья русские даны были под руки Симеона», – говорят летописи. Что князья хорошо понимали эту перемену, что сын Калиты заставил их ее почувствовать, доказательством служит прозвание Гордого, которое они ему дали.

Есть известие, что Симеон, созывая князей для известных целей своих, напоминал им, что Русь была только тогда сильна и славна, когда князья беспрекословно повиновались старшему, и что теперь только таким же беспрекословным повиновением ему, Симеону, они могут освободиться от татарского ига; но князья знали разницу между прежними и настоящими отношениями, знали, к чему поведет такая покорность.

Как бы то ни было, князья повиновались Симеону; Тверь не думала более о борьбе: князь ее Всеволод Александрович отказался от мести за отца своего сыну Калиты и отдал за Симеона московского сестру свою Марию в 1346 году, а в 1349 году племянник Александров Михаил, сын великого князя тверского, Василия Михайловича, женился на дочери Симеоновой. В 1351 году летопись упоминает о походе Симеона с двумя братьями – Иваном и Андреем на Смоленск, но послы смоленские встретили его на реке Угре и заключили мир; причины похода и условия мира неизвестны. В то время как Симеон по смерти отца своего находился в Орде, новгородские молодцы, как называет их летописец, повоевали и пожгли Устюжну; жители последней нагнали их и отняли добычу; но потом молодцы эти повоевали Белозерскую волость. Мы видели, что Калита купил Белозерск; Симеон должен был смотреть на этот город уже как на свою собственность; когда он возвратился из Орды, то первым его делом было послать в Торжок за сбором дани, причем сборщики стали притеснять жителей.

Новоторжцы послали просить помощи у новгородцев, и те отправили войско, которое внезапно овладело Торжком, схватило великокняжеских наместников и сборщиков дани, перековало их с женами и детьми, укрепило город, а новгородцы между тем послали в Москву сказать Симеону: «Ты еще не сел у нас на княжении, а уже бояре твои насильничают». Новоторжцы, боясь мести великого князя, послали сказать новгородцам, чтоб они садились на коней и спешили к ним на помощь; но чернь новгородская не захотела выступить в поход. Тогда новоторжская чернь, видя, что из Новгорода рать не приходит, встала на бояр, говоря: «Зачем вы призвали новгородцев? Они перехватили княжих людей, и нам теперь приходится за это погибать!» Черные люди вооружились, надели брони, пошли на дворы, где содержались московские пленники, освободили их, а новгородцев выпроводили из города, потом бросились на своих бояр, дома их

разграбили, хоромы развезли, села опустошили, одного боярина Семена Внучка убили на вече, остальные убежали в Новгород. Между тем в Москве был съезд всем князьям русским – Симеон Гордый шел в поход на Новгород; с ним вместе отправился и митрополит Феогност. Новгородцы, узнав, что великий князь в Торжке со всею землею Низовскою, начали собирать всю свою волость к себе в город, но сперва попытались кончить дело миром: владыку Василия отправили бить челом к митрополиту, а тысяцкого с боярами – к великому князю. Симеон согласился на мир по старым грамотам новгородским, но взял за это черный бор по всей волости, и 1000 рублей с Торжка, после чего отпустил наместника в Новгород. По некоторым известиям, Симеон кроме денег потребовал еще неслыханного до тех пор унижения от послов новгородских; прозвание Гордый побуждает верить этому свидетельству. Только в 1347 году Симеон по зову владыки Василия, приехавшего за тем в Москву, отправился в Новгород, где сел на стол и пробыл три недели.

Сторон княжеских теперь не могло быть более в Новгороде, ибо нельзя стало более выбирать из многих князей; но существование сильных сторон боярских очевидно из рассказов летописца о внутренних делах Новгорода. Под 1342 годом летописец упоминает о смерти посадника Варфоломея, сына Юрия Мишинича; место его заступил прежний посадник Федор Данилович. Вскоре после этого Лука Варфоломеич, как видно сын умершего посадника, против воли Новгорода, не взявши благословения ни у митрополита, ни у владыки, собравши бродячих холопей, пошел за Волок на Двину, поставил городок Орлец и, набравши емчан, опустошил всю землю Заволоцкую по Двине, взял все погосты на щит; потом, отпустивши сына своего Оницифора на Вагу, выехал воевать только с двумястами человек и был убит заволочанами. Когда пришла в Новгород весть о смерти Луки, то черные люди встали на какого-то Андрюшку да на посадника Федора Даниловича, пограбили их дома и села, обвиняя их в убийстве Луки. Федор и Андрюшка убежали в Копорье и сидели там всю зиму до великого поста, когда возвратился с Ваги Оницифор и стал бить на них челом Новгороду.

«Федор и Андрюшка заслали убить моего отца», – говорил он. Владыка и Новгород послали архимандрита с боярами в Копорье привести оттуда обвиненных; Федор и Андрей приехали и объявили: «Не думали мы на брата своего Луку, чтоб его убить, не засылали на него». Тогда Оницифор вместе с Матвеем собрали вече у св. Софии, а Федор и Андрей собрали другое вече на Ярославовом дворе; Оницифор и Матвей послали было на это вече владыку, но, не дождавшись его возвращения, ударили на Ярославов двор, были разбиты, Матвей Коска (Козка) с сыном попались в руки врагов, а Оницифор убежал с своими пособниками. Это случилось утром; а после обеда вооружился весь город, разделившись на две стороны; однако владыка Василий с великокняжеским наместником Борисом помирили граждан: крест был возвеличен, а дьявол посрамлен, говорит летописец. После этого, как видно, посадником был избран Евстафий Дворянинец; но в 1345 г. он был лишен посадничества, которое было отдано упомянутому выше Матвею Варфоломеевичу, по всем вероятностям дяде Оницифорову, сыну покойного посадника Варфоломея. «Божиею благодатию, – говорит летописец, – не было лиха между ними», т.е. между старым и новым посадником.

Потом, как видно, Матвей опять скоро был свергнут и замещен Дворянцем, по смерти которого видим в 1348 году посадником опять Федора Даниловича. В 1350 году Федор Данилович был свергнут, и посадничество отдано известному Оницифору Лукиничу, но этим дело не кончилось: скоро Федора выгнали с тремя братьями, пограбили дома их и всю Прусскую улицу; изгнанники отправились сперва во Псков, а потом в Копорье.

В остальных княжествах происходили волнения другого рода. В Твери до 1346 года княжил Константин Михайлович. Стремясь, подобно всем князьям, усилить себя на счет родичей, он начал теснить вдову брата своего Александра, Анастасию, и сына его, Всеволода Александровича, князя холмского, силою захватывал бояр и слуг их.

Всеволод не мог сносить этих притеснений и ушел в Москву к Симеону; потом в том же 1346 г. и Константин и Всеволод поехали в Орду, где Константин умер, а Всеволод выхлопотал у хана ярлык на княжение, несмотря на то что у него оставался еще дядя, Василий Михайлович, князь кашинский. Последний, услышав о братней смерти, спешил также в Орду, но, зная, что туда незачем ездить с пустыми руками, взял дань с племянниковой Холмской волости и отправился; Всеволод, узнавши о поступке дяди и о поездке его в Орду, выехал оттуда к нему навстречу вместе с ханским послом и ограбил его, вследствие чего Василий должен был возвратиться в свою отчину – Кашин. Понятно, что вражда между дядею и племянником не кончилась этим, а только началась. «Была между ними ссора, – говорит летописец, – а людям тверским тягость, и многие люди тверские от такого нестроения разошлись; вражда была сильная между князьями, чуть-чуть не дошло до кровопролития». Однако любопытно, что кровопролития не было: не любили его северные князья, старались кончить дело какими-нибудь другими средствами. В 1349 году епископу Феодору удалось помирить князей; Всеволод уступил Тверь дяде, и оба укрепились между собою крестным целованием, поклялись жить в совете и единстве, и вот когда узнали, что князья помирились, то пошли к ним отовсюду люди в города их и волости, народонаселение умножилось, и все тверпчи сильно радовались. Но радовались они недолго; только что Василий получил ярлык из Орды, как начал опять сердиться на племянника, припоминая, как тот ограбил его на дороге в Орду; средства к угнетению племянника употреблены были и Василием те же самые, какие прежде употреблял Константин: он стал притеснять бояр и слуг холмского князя. Но подобные явления происходили не в одном Тверском княжестве: мы видели, что рязанский князь Иван Иванович Коротопол убил родственника своего, Александра Михайловича пронского. В 1342 году сын убитого Александра, Ярослав, выхлопотал себе ярлык и выгнал самого Коротопола из Переяславля Рязанского, потом встречаем известие, что Коротопол был убит неизвестно где, кем и как, а под 1344 годом упоминается о смерти Ярослава пронского. Под 1349 годом упоминается о смерти рязанского князя Василия Александровича, как видно брата Ярославова, после чего видим в Рязани князем знаменитого Олега Иоанновича. В 1344 году умерли князья Василий Давыдович ярославский и Василий муромский; преемник последнего, Юрий Ярославич, обновил отчину свою Муром, запустелый издавна, со времен первых князей; Юрий поставил двор свой в этом городе, его примеру последовали бояре, вельможи, купцы и черные люди.

В Орде в 1340 году умер хан Узбек; старший сын и преемник его, Тинбек (Инсанбег), был убит в 1342 году младшим братом своим Чанибеком. Пять раз ходил Симеон московский в Орду и всякий раз возвращался оттуда со многою честью и пожалованием, по выражению летописца: о татарских опустошениях, насилиях баскаков и послов не слышно и в княжение Симеона, как в княжение отца его; только раз, под 1347 годом, летописец упоминает о приходе ордынского князя Темира под город Алексин: татары сожгли посад и возвратились в Орду с большой добычею. С отношениями татарскими при Симеоне соединились литовские. Мы видели, что в то самое время, как на северо-востоке усилились московские князья и стали собирать Русскую землю, на юго-западе то же самое дело совершено было князьями литовскими; но как скоро обе половины Руси собрались в два сильные тела, то и вступили в борьбу между собою; Гедимин занят был подчинением себе волостей Юго-Западной Руси; сын его Олгерд, спокойный с этой стороны, обратил внимание на Северо-Восточную. Олгерд, по отзыву нашего летописца, был очень умен, говорил на разных языках, не любил забав и занимался делами правительственными день и ночь; был воздержан, вина, пива, меду и никакого хмельного напитка не пил и от этого приобрел великий разум и смысл, коварством своим многие земли повоевал и увеличил свое княжество. В 1341 году Олгерд явился под Можайском, опустошил окрестности, пожег посад, но города взять не мог. Мы видели, что Евнутий, брат Олгердов, нашел убежище в Москве у Симеона. Но литовские князья, подобно соперникам своим, князьям московским, отличаются большою осторожностью в своем поведении, не любят решительных средств, открытой борьбы, где в одной битве можно потерять собранное многолетними трудами. Олгерд, коварству которого удивляется летописец, вздумал погубить Московское княжество посредством татар, для чего в 1349 году отправил брата своего Кориада к Чанибеку просить у него помощи на Симеона. Тот, узнавши об этом, немедленно послал сказать хану: «Олгерд опустошил твои улусы (юго-западные русские волости) и вывел их в плен; теперь то же хочет сделать и с нами, твоим верным улусом, после чего, разбогатевши, вооружится и на тебя самого». Хан был столько умен, что понял справедливость слов Симеоновых, задержал Кориада и выдал его московскому князю. Олгерд присмирел на время и отправил послов в Москву с дарами и челобитьем, прося освободить брата; Симеон исполнил просьбу. Мало того, оба брата, Олгерд и Любарт, женатые и прежде на княжнах русских и овдовевшие, в один год прислали к Симеону просить за себя двух его родственниц: Любарт – племянницу, княжну ростовскую, а Олгерд – свояченицу, княжну тверскую. Симеон спросился митрополита, и тот разрешил эти браки, вероятно имея в виду пользу, какая могла произойти от них для православной Юго-Западной Руси, где Любарт волынский боролся с Казимиром польским, угнетавшим православие. С Новгородом также было у Олгерда враждебное столкновение в 1346 году: литовский князь вошел в новгородские пределы со всею братьею и со всею литовскою землею, стал на реке Шелони, при впадении в нее Пшаги, и послал объявить новгородцам: «Хочу с вами видеться: бранил меня посадник ваш, Евстафий Дворянинец, называл псом», после чего опустошил страну по рекам Шелони и Луге и пошел домой; новгородцы вышли было против него на Лугу, но возвратились к себе в город, собрали вече и убили посадника своего Дворянинца, крича ему: «Из-за тебя опустошили нашу волость».

Но не одна врожденная осторожность заставляла Олгерда действовать нерешительно против Северо-Восточной Руси; он сдерживался на западе опасною борьбою с Немецким орденом, влияние которого на судьбы Восточной Европы становится, таким образом, еще важнее. Мы видели, что торжеством своим над пруссами Орден был обязан преимущественно их разделению на многие независимые племена, не могшие потому выставить завоевателям дружного сопротивления. Но борьба переменяла характер, когда рыцари, окончив завоевание Пруссии, обратились на Литву, ибо здесь благодаря стремлениям Миндовга и его преемников они должны были иметь дело с соединенными силами целой страны, силами, которые постоянно увеличивались, сначала толпами пруссов, которые бежали от ига немцев, потом русскими волостями, входившими в состав великого княжества Литовского. Последние годы тринадцатого и первые четырнадцатого века протекли в опустошительных набегах рыцарей на литовские области и литовцев на владения рыцарей; последним не удалось стать твердою ногою на литовском берегу Немана. Неудачны были речные походы рыцарей по Неману; огромная барка их, сделанная в виде плавучего острожка, села на мель и была сожжена литовцами; одинаково неудачны были и походы сухопутные; взятие литовских крепостей стоило Ордену много трудов и крови. В 1336 году прибыл в Пруссию маркграф Бранденбургский, граф Геннебергский и граф Намурский с многочисленными войсками, чтоб помогать Ордену в войне с язычниками. Магистр Ордена воспользовался удобным случаем, двинулся вместе с союзниками на литву и осадил Пунэ, острожек, служивший пристанищем для литвы, возвращавшейся с набегов. На этот раз в острожке укрылось четыре тысячи окрестных жителей с женами, детьми и со всем имуществом. В христианском ополчении было много военных машин, которые так успешно били в стены острожка, что осажденные скоро увидели невозможность защищаться долее и, несмотря на то, решились лучше погибнуть с женами и детьми, чем сдать врагу; оборонялись до последней крайности, потратили много народа на вылазках; все способные к бою были покрыты ранами, а между тем часть стен была уже раскачена таранами, другая грозила рухнуть от подкопов. Тогда литвины перебили жен и детей, поклали трупы их на огромный костер, сгроможденный среди крепости, зажгли его и потом стали сами умерщвлять друг друга; большую часть перебил Маргер, начальник крепости, поклявшийся, что по умерщвлении товарищей сам себя лишит жизни; много помогла Маргеру одна старуха, которая обезглавила топором сто ратников и потом убила сама себя при виде входящих неприятелей. Немцы беспрепятственно вступили в крепость; оставшиеся в живых литвины бросались сами под удары их мечей. Маргер сдержал свое слово: он бился еще с горстью отчаянных храбрецов и, когда все они пали, бросился в подземелье, где спрятал жену, убил сперва ее, а потом и самого себя.

В таком положении находились дела до 1346 г., когда великим магистром Ордена был избран Генрих фон-Арфберг. Новый магистр начал действовать решительнее своих предшественников, и борьба началась с обеих сторон с большими усилиями, с большим ожесточением. Арфберг проник до Трок, страшно опустошил их окрестности, потом встретился с литовскими и русскими полками Олгерда и поразил их в злой сече, какой еще не было до сих пор между рыцарями и Литвою. Следствием победы было новое опустошение литовских областей. Но Олгерд недолго заставил ждать мести: он вторгнулся с братьями в

пределы орденских владений и с лихвою отплатил за недавнее опустошение Литвы; войско Олгердово возвращалось уже домой, обремененное добычею, как было настигнуто великим магистром: произошла новая злая битва, и опять литовцы потерпели поражение. С таким-то опасным врагом должен был бороться Олгерд на западе.

Прекращение внутренней борьбы дало возможность Ливонскому ордену возобновить свои нападения на Псков. В 1341 году без объявления войны немцы убили псковских послов; псковичи отомстили им опустошением ливонских областей и, видя, что скоро должно ожидать сильного нападения, начали кланяться новгородцам, чтоб те дали им наместника и помощь; новгородцы не дали ни того, ни другого, а между тем немцы пришли со всею силою, поставили городок на Псковской земле. Псковичи начали мелкую войну, ездили воевать немецкие села. Как производилась эта война, можно видеть из следующего рассказа летописца: двое удальцов – Филипп Ледович и Олферий Селкович, подговоривши 60 человек поречан, послали спросить островичей: «Хотите ли ехать воевать Латыгору?» Островичи согласились и назначили срок, когда собраться всем вместе на княжем селе – Изгоях. Поречане выехали в назначенное место и время; но островичи замедлили, а между тем немецкий отряд, состоявший более чем из 200 человек, явился опустошать Псковскую область; 60 человек псковичей, не дожидаясь товарищей, схватились биться с немцами, бились с солнечного восхода до полудня, потеряли Ледовича и Селковича и еще семь человек своих, утомились и отступили: очень было им тогда притужно, говорит летописец.

Немцы не преследовали их, а начали переправлять трупы своих убитых за реку Великую; в это время явились островичи с посадником своим Васильем Онисимовичем, ударили с свежими силами на немцев, одних убили, другие потонули в реке, а те, которые переплыли ее с трупами, бросились бежать, покинувши мертвых. Потом 50 молодых псковичей стоворились идти на немцев под начальством Калеки Карпа Даниловича, и в то же самое время немцы переехали Нарову-реку и стали воевать псковские села по берегу; Карпова дружина встретилась с ними на Кушели, у села на болоте, схватились биться крепко и убили на припоре 20 немцев, а остальные побежали прочь со стыдом, бросивши все, что пограбили. Зимой 1342 года Володша Строилович поднял псковичей воевать немецкие села; поехали по озеру, по льду, и, услышав, что немцы воюют село псковское Ремду, отправились туда и поразили их.

Еще при самом начале неприятельских действий псковичи, видя, что ниоткуда нет помощи, послали в Витебск, к литовскому князю Олгерду, велели сказать ему: «Братья наши, новгородцы, нас покинули, не помогают нам; помоги нам ты, господин!» Олгерд не оставил псковского слова без внимания и приехал во Псков сам с братом своим Кейстутом, полками литовскими и русскими. Воевода Олгердов, князь Юрий Витовтович, отправился на границу добывать языка и наткнулся на сильную рать немецкую, которая шла к Изборску. Потерявши 60 человек своей дружины, Юрий прибежал в Изборск, и на другой день явились под этим городом немцы, «загордившись, в силе тяжкой, без бога, с пороками, городами и со многим замышленным, и оступили город Изборск, хотя пленить дом св. Николы». Тяжко было в то время Изборску, послали жители его гонца во Псков «со многою тугою и печалию», но князь Олгерд, и Кейстут, и мужи

их литовники отrekliсь идти против немецкой силы; Олгерд говорил псковичам: «Сидите в городе, не сдавайтесь, бейтесь с немцами, и если только не будет у вас крамолы, то ничего вам не сделают. А если мне пойти с своею силою на великую их силу, то сколько там падет мертвых и кто знает, чей будет верх? Если, бог даст, и мы возьмем верх, то сколько будет побито народу, а какая будет из этого польза?» Пять дней стояли немцы под Изборском и вдруг отступили, пожегши пороки и города свои, не зная, что в Изборске воды не было и что он потому не мог долго держаться. После этого псковичи приняли много труда, уговаривая князя Олгерда креститься и сесть у них во Пскове на княжении; Олгерд отвечал «Я уже крещен, я уже христианин, в другой раз креститься не хочу и садиться у вас на княжение не хочу». Он согласился только на то, чтоб сын его Андрей крестился и остался княжить в Пскове. Но, уезжая из Пскова, Олгерд и Кейстут истребили в Псковской области хлеб и травы, так что зимою у жителей пало много лошадей и скота от бескормицы. Тогда псковичи, видя, что помощи нет ниоткуда, помирились с Новгородом. Иначе рассказывает дело новгородский летописец: в начале войны, по его словам, псковские послы приехали в Новгород с поклоном. «Идет на нас рать немецкая, – говорили они, – кланяемся вам, господам своим, обороните нас». Новгородцы, не медля нимало, запечатали все общины и выступили в поход, кто в великую пятницу, а кто в субботу. Но когда они дошли до села Мелетова, приехали опять послы псковские и объявили: «Кланяемся вам: рати на нас нет; пришли немцы, но они ставят город на рубеже на своей земле». Новгородцы сначала хотели продолжать путь, но потом послушались просьбы послов и возвратились домой.

В мае 1343 года псковичи, уговорившись с изборянами, подняли всю область Псковскую и поехали воевать немецкую землю. Пять дней и пять ночей воевали они неприятельские села около Медвежьей головы (Оденпе), не слезая с лошадей, воевали там, где не бывали их отцы и деды, и поехали назад во Псков с большим полоном. Немцы, собравши силу, погнались вслед за ними и догнали недалеко от Нового городка (Нейгаузена) немецкого, на Малом Борку. Стали псковичи на бой, помолились святой Троице, святым князьям своим Всеволоду и Тимофею (Довмонту), простились друг с другом и сказали: «Не опозорим отцов, потянем за св. Троицу и за св. церкви, за свое отечество!» Была сеча большая, и бог помог псковичам: побили они немцев и стали на костях, потерявши 17 человек убитыми; кроме того, некоторые из них обеспамятели от бессонницы и погибли, блуждая по лесу; иные, впрочем, вышли после рати. Между тем еще при самом начале битвы Руда, священник борисоглебский, пригнал в Изборск и распустил лихую весть, что всех псковичей и изборян немцы побили; ту же весть перенес и во Псков. Здесь поднялся плач и вопль, какого никогда прежде не бывало; отрядили гонцом в Новгород Фому, старосту поповского, сказать там: «Псковичи все побиты, а вы, новгородцы, братья наши, ступайте скорее, чтоб немцы не взяли прежде вас города». Опамятовавшись, однако, немного, послали проведать, точно ли правду сказал Руда, и нашли, что псковичи, которых считали мертвыми, спокойно спят в стане под Изборском. Сильная радость сменила горе, когда пришла во Псков эта добрая весть. Лет шесть потом не было слышно о немцах; но в 1348 году, когда войско псковское находилось в новгородских областях, помогая Новгороду в войне со шведами, немцы начали жечь псковские села, а весною 1349 года отряд их явился внезапно у Изборска. В это время жил во Пскове литовский князь Юрий

Витовтович; он вышел против немцев и был убит при первой стычке: была тогда во Пскове скорбь и печаль великая, все духовенство проводило князя, и положили его в церкви св. Троицы. В том же году немцы поставили новую крепость над рекою Наровою, псковичи подняли всю свою область и поехали – одни в лодках, другие на лошадях, приехали к Новому городку, обступили и зажгли его; немцы и чудь, которые в нем были, одни сгорели, другие пометались из крепости и были побиты псковичами. Во всех этих войнах не упоминается о князе Андрее Олгердовиче: он не жил сам во Пскове, а держал наместника. Пока этим наместником был храбрый и любимый Юрий Витовтович, псковичи молчали; но после смерти его они послали сказать Андрею: «Тебе было, князь, сидеть самому во Пскове на княжении, а наместниками Пскова не держать: когда тебе неуютно сидеть у нас, в другом месте княжишь, то наместников твоих не хотим». Этим поступком псковичи накликали на себя новых врагов: Олгерд и Андрей немедленно захватили в своих владениях всех купцов псковских, товар у них отняли, самих отпустили только тогда, когда они заплатили окуп; кроме того, Андрей из Полоцка повоёвывал псковские села; псковичи отомстили ему тем же.

В отношениях Пскова к Новгороду произошла важная перемена вследствие войны шведской. Еще во время малолетства короля Магнуса Ерихсона собрана была в Швеции десятина для крестового похода на русских – язычников, как величались они в папских буллах. В 1348 году Магнус предпринял этот поход. Послы его явились в Новгород и объявили вече от имени короля: «Пришлите на съезд своих философов, а я пришлю своих, пусть они поговорят о вере; хочу я узнать, какая вера будет лучше: если ваша будет лучше, то я иду в вашу веру, если же наша лучше, то вы ступайте в нашу веру, и будем все как один человек; если же не хотите соединиться с нами, то иду на вас со всею моею силою». Владыка Василий, посадник Федор Данилович, тысяцкий Авраам и все новгородцы, подумавши, велели отвечать Магнусу: «Если хочешь узнать, какая вера лучше, наша или ваша, то пошли в Царьград к патриарху, потому что мы приняли от греков православную веру, а с тобою нам нечего спорить о вере; если же тебе есть какая-нибудь от нас обида, то шлем к тебе на съезд», – и послали к нему Авраама тысяцкого с боярами. Но Магнус отвечал послам: «Обиды мне от вас нет никакой; ступайте в мою веру, а не пойдете, так иду на вас со всею моею силою»; и, отпустивши послов с этим ответом, осадил Орешек, стал крестить ижорян в свою веру, а которые не захотели креститься, на тех рать пустил, всем попавшимся в его руки русским велел стричь бороды и потом перекрещивать их в латинство. Но русские скоро показали, что у них бороды опять отросли, говорит шведская хроника; новгородцы отправили против неприятеля известного нам Оницифора Лукича с малою дружиною; но Оницифору удалось с потерей только трех человек из своего войска перебить 500 человек шведов, других взять в плен и казнить переветников. Между тем посадник Федор Данилович с наместниками великокняжескими, со всею волостью Новгородскою и псковичами двинулся к Ладого, пославши сказать великому князю Симеону: «Приходи, князь, к нам оборонять свою отчину, идет на нас король шведский, нарушивши крестное целование». Симеон отвечал: «С радостью иду, но держат меня дела ханские». Спустя несколько времени Симеон выступил в поход, но, дошедши до Ситна, возвратился назад в Москву: гонец привез ему известие, что хан выдал ему Олгердова брата Кориада; тогда московские полки повел в Новгород брат

Симеонов Иоанн. Этот князь пришел в Новгород, но в Ладогу, к новгородскому войску, не отправился, а между тем королю удалось овладеть Орешком, где он захватил и послов новгородских, Авраама тысяцкого с товарищами. Удовольствовавшись взятием Орешка, Магнус оставил в нем заместников, а сам отправился в Швецию; князь Иоанн, услышав о взятии Орешка, также ушел назад в Москву, и новгородцы с псковичами одни отправились осенью к Орешку и взяли его. Но, идучи к Орешку, новгородцы, по выражению летописца, дали жалованье Пскову, определили: посадникам новгородским во Пскове не сидеть, не судить: от владыки судить во Пскове псковичу, из Новгорода псковитян на суд не вызывать ни дворянами, ни подвойскими, ни софьянами, ни изветниками, ни биричами – и назвали Псков младшим братом Новгороду. Впрочем, есть известие, что псковитяне плохо отблагодарили новгородцев за это жалованье: они не хотели долго стоять под Орешком, и когда новгородцы просили, чтоб они ушли по крайней мере ночью, то псковичи не хотели исполнить и этой просьбы, но вышли из стана нарочно в полдень, с громкою музыкою. Через год Магнус приплыл опять к русским берегам, переночевал под Копорьем и, узнавши о приближении новгородского войска, ушел назад в море, где ждала его буря, истребившая много шведской рати в устье реки Наровы; а новгородцы пошли к Выборгу, пожгли окрестности, посад и разбили шведов, сделавших вылазку из города, наконец, в Дерпте разменяли пленных с обеих сторон и заключили мир.

Опасная борьба шла на западных границах; внутри разных княжеств происходили волнения, усобицы княжеские, заставлявшие народ выселяться из родной стороны; но Московское княжество было спокойно и при Симеоне, как при отце его; народ не терпел ни от татар, ни от усобиц. Симеон жил мирно с братьями, до нас дошел любопытный договор его с ними. Договор начинается так: «Я, князь великий Симеон Иоаннович, всея Руси с своими братьями младшими, с князем Иваном и князем Андреем, целовали между собою крест у отцовского гроба. Быть нам заодно до смерти, брата старшего иметь и чтить в отцово место; а тебе, господин князь великий, без нас не доканчивать ни с кем». Все эти выражения с первого разу напоминают старину, но в старину князья не иначе называли друг друга как: брат, отец, сын, в договоре же Симеона младшие братья, обещая, что будут держать старшего в отцово место, не смеют, однако, или не хотят, или не умеют назвать его: отче! но постоянно называют: «Господин, князь великий!» Любопытно также, что братья всего больше толкуют о собственности, о своих участках, младшие выговаривают, чтоб старший брат не обидел, чего не отнял у них; также: «Кто из нас что примыслил или прикупил или кто вперед что прикупит или примыслит чужое к своим волостям, то все блюсти, не обидеть».

Если в княжение Симеона Русь не испытала ни кровавых усобиц, ни татарских опустошений, зато в 1352 году явилась страшная язва – черная смерть; в 1353 году она поразила в Москве митрополита Феогноста, самого великого князя, двоих сыновей и брата Андрея. Симеон умер еще очень молод, 36 лет; он также оставил завещание, в котором отказал удел свой и все движимое и недвижимое имение жене, по смерти которой все это переходило к брату Симеонову, великому князю Иоанну.

Это обстоятельство важно в том отношении, что два удела Московского княжества соединились теперь в один, и, таким образом, сила великого князя Иоанна увеличивалась вдвое. Мы видели, что третий сын Калиты, Андрей, умер в

одно время с Симеоном, и уже по смерти его родился у него сын Владимир, получивший только один удел отцовский. В завещании Симеона любопытно следующее наставление братьям, из которого оказывается оседлость бояр вследствие нового порядка вещей, явление старых отцовских бояр, хранителей правительственных преданий, добрых советников, которых мы так мало видим прежде: «По отца нашего благословенью, что приказал нам жить заодин, также и я вам приказываю, своей братье, жить заодин; лихих людей не слушайте, которые станут вас ссорить; слушайте отца нашего, владыки Алексея, да старых бояр, которые отцу нашему и нам добра хотели. Пишу вам это слово для того, чтоб не перестала память родителей наших и наша, чтоб свеча не угасла».

У брата Симеонова Иоанна явился соперник в искании великого княжения Владимирского – то был Константин Васильевич, князь суздальский. Если мы предположим, что Константин происходил от Андрея Ярославича, а не Александровича и был, таким образом, дядею сыновьям Калиты, то и тогда он не имел права на старшинство, ибо взял бы его не по отчине и не по дедине: ни отец, ни дед его не были великими князьями. Константин суздальский искал великого княжения не по старым правам, во по новым понятиям и отношениям, по которым всякий князь вмел право в том случае, когда был отважен, богат и силен. Об отваге Константина свидетельствует летопись, говоря, что он княжил честно и грозно, оборонял отчину свою от сильных князей и от татар, причем под сильными князьями нельзя разуметь других, кроме московских. Если Константин не мог быть богат собственною казною, чтоб перекупить ярлык у московского князя, то мог получить денежную помощь из Новгорода, жители которого, притесненные Калитою, смиренные Симеоном, не могли надеяться добра от сильной Москвы и старались, чтоб великое княжение перешло к другому князю, послабее; узнавши о смерти Симеона, они отправили немедленно посла своего в Орду просить великого княжения Константину суздальскому. Но все их старания были напрасны: хан отдал ярлык Иоанну московскому. Впрочем, сначала ни суздальский князь, ни новгородцы не обратили внимания на ярлык: Константин помирился с Иоанном перед своею смертию, в 1354 году; с Новгородом у московского князя полтора года не было мира.

В год смерти Симеоновой рязанцы взяли Лопасню, захватили здесь наместника Александра Михайловича, отвели в Рязань и держали там в большом томлении, пока не выкупили его из Москвы. Лопасня, принадлежавшая к уделу малолетнего серпуховского князя, Владимира Андреевича, и шесть других мест были потеряны; но этот урон был вознагражден другими приобретениями в Рязанской области. Внутри Московского княжества в правление Иоанна произошло следующее замечательное событие. Мы уже имели случай говорить, что при оседлости князей и бояре их должны были приобрести большое значение в княжестве; большее значение должен был приобрести и тысяцкий, получивший возможность отправлять свою важную должность при нескольких князьях сряду без смены, могла даже явиться наследственность должности в одном роде. Но при таких обстоятельствах власть тысяцкого при непосредственных отношениях этой власти к городскому народонаселению могла быть опасна другим боярам, которых влияние стеснялось влиянием тысяцкого, потом могла быть опасна и самой власти княжеской. В описываемое время должность московского тысяцкого отправлял боярин Алексей Петрович Хвост. При Симеоне Гордом он поднял крамолу против

великого князя, был изгнан, лишен своих волостей; все три брата: Симеон, Иоанн и Андрей – поклялись не принимать к себе в службу мятежного боярина, ни детей его; Иоанн особенно поклялся не отдавать Алексею Петровичу той части его имения, которую он, Иоанн, получил от брата своего, великого князя Симеона, и несмотря на все это, Алексей Петрович является тысяцким в княжение Иоанна. Но зимою, 3 февраля 1357 года, рано, во время заутрени, тело Алексея Петровича было найдено на площади со всеми признаками насильственной смерти; никто не видал, как совершилось убийство; но слух шел, что бояре собирали на тысяцкого тайный совет, строили ковы, и погиб он от своих товарищей, общею всех думою, как погиб Андрей Боголюбский от Кучковичей. Сильный мятеж встал в городе вследствие этого убийства, и большие бояре московские отъехали в Рязань с женами и детьми; но в следующем году великий князь перезвал к себе опять из Рязани двоих бояр – Михаила и зятя его Василия Васильевича.

В других княжествах продолжались прежние явления. В Муромской волости в 1354 году князь Федор Глебович, собравши большое войско, пошел к Мурому на тамошнего князя Юрия Ярославича, выгнал его и сам сел на его место. Муромцы были ему рады и пошли с ним в Орду; но спустя неделю по отъезде Федора пришел в Муром прежний князь, Юрий, собрал остальных жителей Муромы и пошел также в Орду судиться с Федором. По суду ханскому муромское княжение досталось Федору Глебовичу; Юрий был выдан сопернику, который посадил его в крепкую тюрьму, где он и умер. В Твери продолжалась вражда между дядею Василием Михайловичем и племянником Всеволодом Александровичем холмским. В 1357 году митрополит Алексей приехал во Владимир, и туда явился к нему князь Всеволод Александрович с жалобою на дядю.

По митрополичью слову, Василий Михайлович, заключив договор с великим князем московским, также приехал во Владимир судиться с племянником пред митрополитом, с ним вместе приехал и владыка тверской Федор; много было между князьями споров, глаголения, как говорит летописец, но конечный мир и любовь не состоялись.

Московский князь, как видно, держал сторону дяди, Василия, потому что когда потом оба соперника отправились в Орду и Всеволод хотел пробраться туда через Переяславль, то наместники московские не пустили его, и он принужден был уехать в Литву. Немудрено, что и в Орде дело было решено также в пользу дяди; здесь хан и ханша без суда выдали Всеволода Василию; и было, по словам летописца, Всеволоду от дяди томление большое, много натерпелись и бояре, и слуги холмского князя, и черные люди.

Но у сына Александрова был могущественный союзник, Олгерд, князь литовский, женатый на родной сестре его. Неизвестно, каким образом удалось Всеволоду уехать в Литву; но когда он возвратился оттуда в 1360 году, то Василий уступил племянникам треть их отчины. Из других князей летопись упоминает под 1354 годом о смерти Димитрия Федоровича стародубского, которому наследовал брат его Иван Федорович. В 1359 г. умер смоленский князь Иван Александрович, и его место заступил сын его Святослав.

В Новгороде в 1354 году посадник Оницифор Лукич добровольно отказался от своей должности, и на его место был избран Александр, брат убитого Дворянина. Но потом, в 1359 году, упоминается уже другой посадник, Адриан Захарыч, у которого в этом году было отнято посадничество, но не всем городом, а

только одним Славенским концом; на место Адриана был избран Сильвестр Лентеевич. Но другие части города не согласились на это избрание, и на Ярославове дворе произошла сеча, потому что жители Славенского конца явились в доспехах и разогнали безоружных заречан, бояр многих били и грабили, одного убили до смерти. Это повело к новой усобице: Софийская сторона вооружилась, чтоб отомстить за бесчестье братьев своих, а Славенская по необходимости, чтоб защищать имение и головы свои; три дня враждебные стороны стояли друг против друга, славенцы переметали уже мост, как пришли два владыки – старый, Моисей, из монастыря, где жил на покое, и новый Алексей, с архимандритами и игуменами. Владыки стали благословлять народ, говоря: «Дети! не накликайте себе брани, а поганым похвалы, святым церквам и месту этому пустоты, не сходитесь на бой». Толпы послушались и разошлись; но села Селивестровы были опустошены, взято много сел и у других славенцев, причем погибло много и невиноватых; посадником был избран Никита Матвеевич, как видно сын прежнего посадника Матвея.

В орде хан Чанибек был убит в 1357 году сыном своим Бердибеком; русский летописец говорит об убитом, что он был очень добр к христианству и при нем была большая льгота земле Русской. В этом же году летописец упоминает о татарском после Кошаке, от которого была большая истома князьям русским. Бердибек был убит сыном своим Кулпою, Кулпа Неврусом. В 1358 году сын Бердибеков, Мамат-хожа, пришедши в Рязанскую землю, прислал в Москву к великому князю с предложением установить твердые границы между Московским и Рязанским княжествами; но великий князь не пустил Мамат-хожу в свою отчину. Опаснее был враг на западе: под 1356 годом летописец говорит, что литовцы овладели Ржевою, в тот же самый год Олгерд приходил под Брянск и под Смоленск и пленил сына у князя Василия смоленского.

Этот Василий в том же году пришел из Орды с ярлыком на Брянск, утвердился здесь, но скоро умер; после его смерти, по словам летописца, был в Брянске мятеж от лихих людей, смута великая и опустение города, после чего стал владеть Брянском великий князь литовский. В 1358 году войско тверское и можайское отняло Ржеву у литовцев; в 1359 году смольняне воевали Бельчу. Но Олгерд не любил отдавать назад раз что-нибудь взятое: в том же году он приходил под Смоленск, сын его Андрей взял опять Ржеву, и в 1360 году сам Олгерд приезжал смотреть этот город, верно боясь, чтоб русские в другой раз не отняли его у Литвы. Но к счастью для слабых княжеств, Смоленского и Тверского, Олгерд постоянно сдерживался на западе Тевтонским орденом: борьба с рыцарями шла одинаково неудачно для Литвы и при наследнике Арфберга, Винрихе фон-Книпроде. В 1360 году Олгерд, Кейстут и сын последнего Патрикий сошлись с великим магистром на границах литовских: битва продолжалась целый день, и рыцари одержали победу. Напрасно Кейстут старался остановить бегущих и возобновить битву: его свалили с коня, Патрикий ринулся в середину неприятелей для спасения отца, но также был сброшен с лошади, поднялся и отбивался до тех пор, пока подоспел отряд литовцев и выручил его из беды; но отца спасти не мог. Кейстута отвезли в Мариенбург, столицу Ордена, и засадили в тесную тюрьму; день и ночь стояла у дверей стража и не пускала к пленнику никого, кроме слуги, приносившего пищу, но этот слуга, приближенный к магистру, отличавшийся своею верностию, был родом литвин, в молодости

захваченный в плен и окрещенный. Ежедневный разговор с Кейстутом на родном языке, злая судьба и знаменитые подвиги литовского богатыря разбудили в нем давно уснувшую любовь к старому отечеству: он дал средство Кейстуту уйти из заточения и достичь двора зятя своего, князя мазовецкого. Кейстут не хотел возвращаться на родину, не отомстивши рыцарям: он взял у них два замка и с добычей возвращался домой, как на дороге был захвачен орденом отрядом, вторично попался в неволю, вторично ушел из нее и опять начал готовиться ко вторжению в Пруссию. К 1362 или 1363 году относят победу Олгерда над татарами при Синих водах, следствием которой было очищение Подолии от татар.

У Новгорода со шведами, а у Пскова с Ливонским орденом войны не было в княжение Иоанна; встречаем только известие о двукратном походе псковичей к Полоцку.

В 1359 году умер Иоанн московский, кроткий, тихий и милостивый князь, по словам летописца. Иоанн умер еще очень молод, 33 лет, оставив двух малолетних сыновей, Дмитрия и Ивана, и малолетнего племянника Владимира Андреевича. Следовательно, Московское княжество по смерти Иоанна находилось точно в том же положении, как и по смерти Калиты, разделялось на три участка, а именно: старший сын Иоанна Дмитрий получил удел дяди Симеона, младший, Иван, участок отца своего, а двоюродный их брат Владимир удержал волость отца своего Андрея. Но Иван скоро умер (1365 г.), и Дмитрий опять соединил два участка, при которых владел еще Владимирскою великокняжескою областью с прикупками дедовскими; Владимир Андреевич имел только один участок отцовский, борьба между братьями была поэтому невозможна, и Владимир должен был подчиняться распоряжениям Дмитрия, как увидим впоследствии.

Казалось, что ранняя смерть Иоанна будет гибельна для Москвы, ибо малютка сын его мог ли хлопотать в Орде, мог ли бороться с притязаниями других князей? И действительно, когда все князья явились в Орде и недоставало одного московского, то хан отдал великокняжескую Владимирскую область князю суздальскому, который получил ее не по отчине и не по дедине, повторяет летописец, следовательно, безо всякого права. Еще замечательнее здесь то, что добыл у хана ярлык не старший из суздальских князей – Андрей Константинович, но младший – Дмитрий. Андрей, по словам летописца, не захотел взять ярлыка; есть известие, будто он говорил: «Доискиваться ярлыка – потратить только деньги, а потом, когда вырастет законный наследник Дмитрий московский, то надобно будет воевать с ним, притом должно нарушить клятву, данную отцу его». Дмитрий Константинович думал иначе: он поехал во Владимир и, чтоб упрочить его за собою, остался жить в этой древней столице великокняжеской. Но Москва не думала уступать. Бояре ее, привыкшие быть боярами сильнейших князей, князей всея Руси, не хотели сойти на низшую степень и начали стараться добыть ярлык своему князю. Малютка Дмитрий отправился в Орду; но там нельзя было ничего добиться при сильной смуте, когда один хан сменял другого: Неврус был свергнут и убит заяицким ханом Хидырем (Хидрбег). Хидырь был убит сыном своим Темир-Ходжею; наконец, Орда разделилась между двумя ханами: Абдулом (Abdullah), именем которого правил сильный темник Мамай, и Мюридом.

Московские бояре отправили послов к последнему, и он дал ярлык малолетнему их князю. Есть известие, что за Дмитрия московского хлопотали в Орде также родственники его, князья ростовские и тверские, вероятно думавшие,

что гораздо безопаснее для них иметь на владимирском столе малютку, чем взрослого. Бояре посадили на коней всех трех малолетних князей своих, Димитрия, Ивана и Владимира, и выступили с ними на Димитрия Константиновича. Последний не мог противиться московским полкам, и внук Калиты получил великое княжение Владимирское (1362 г.).

Таким образом, бояре московские, упрочив первенство за молодым князем своим, оправдали отзыв об них Симеона Гордого. Но кто же были эти бояре, которые, по выражению Симеона, отцу его добра хотели? Мы видели, что еще к Юрию Даниловичу в Москву пришел служить из Южной Руси боярин Родион Несторович. В 1340 году великий князь Иоанн Данилович Калита отправил рать свою под Смоленск с двумя воеводами: Александром Ивановичем и Федором Акинфовичем. Последний должен быть сын знаменитого Акинфа, который по неудовольствию на Родиона отъехал в Тверь и погиб при Переяславле; сыновья Акинфа могли перейти опять из Твери в Москву, тем более что летописец упоминает перед тем об отъезде многих тверских бояр в Москву, а что у Акинфа были два сына – Федор и Иван, это мы знаем также из летописи. В 1348 году вместе с князем Иваном ходил в Новгород воеводою из Москвы Иван Акинфович. Наконец, мы видели действующим в Ростове боярина Василия Кочеву.

При Симеоне Гордом наместниками его в Торжке были Михаил Давыдович и Иван Рыбкин, да сборщик податей Борис Семенов. Вознамерившись жениться на княжне тверской, Симеон послал за невестою Андрея Кобылу и Алексея Босоволокова. Вскоре после этого по очень важному делу Симеон отправил в Орду Федора Хлебовича (в некоторых летописях – князя Федора Глебовича, следов. муромского) и с ним килчеев или мечников – Федора Шубачеева и Аминя. В 1352 году Симеон отправил в Константинополь послами Дементия Давыдова и Юрия Воробьева; мы видели уже прежде одного Давыдовича, Михаила, наместником в Торжке. В 1353 году наместником серпуховского князя в Лопасне был Михаил Александрович, тогда как прежде мы видели Александра Ивановича воеводою при Калите. Большими боярами в Москве при Иоанне Иоанновиче были, как мы видели, Михаил и зять его Василий Васильевич, бесспорно тысяцкий, род которого производится от Протасия, приехавшего в Москву с князем Даниилом Александровичем и бывшего здесь тысяцким. Сын его Василий, отец нашего Василия, по родословным книгам, был также тысяцким: отсюда объясняется соперничество и вражда этого рода с Алексеем Петровичем Хвостом; дед нашего Василия называется Протасием в родословных книгах, в летописи же – Вельямином; могло быть, что он имел два имени, по обычаю того времени. В духовной Калиты упоминается Борис Ворков, который служил великому князю и за это получил от него село в Ростовской области. Свидетелями договора между великим князем Симеоном и братьями его были: Василий... тысяцкий, Михаил Александрович... Васильевич, Василий Окадьевич, Ананий Окольничий... Иван Михайлович. Дьяком при Иоанне Калите был Кострома, при сыне его Иоанне – Нестерко.

Глава седьмая

Княжение Димитрия Иоанновича Донского (1362–1389)

Следствия усиления Москвы для других княжеств. – Св. Алексей и св. Сергей. – Вторая борьба Москвы с Тверью. – Война рязанская. – Торжество московского князя над тверским. – События в Литве по смерти Олгерда. Борьба Москвы с Ордою. – Поражение русских на реке Пьяне. – Победа их на Воже. – Куликовская битва. – Нашествие Тохтамыша. – Сын великого князя в Орде. – Война с Рязанью. – События в Нижнем Новгороде. – Отношения великого князя Димитрия к двоюродному брату Владимиру Андреевичу. – Уничтожение сана тысяцкого и судьба боярина Вельяминова. – Отношения Москвы к Новгороду. – Войны Пскова с ливонскими немцами. – События в Литве. – Смерть великого князя Димитрия и его завещание. – Значение княжения Димитриева. – Московские бояре.

Преждевременная смерть Иоанна и малолетство сына его вместо вреда, какого, по-видимому, должно было ожидать от них для Московского княжества, послужили только для того, чтобы показать всю силу последнего: благодаря этой силе, скопленной дедом, дядею и отцом, одиннадцатилетний Димитрий московский получил первенство между всеми князьями Северо-Восточной Руси. Мы видели, что бояре московские купили ярлык для своего князя у одного из ханов-соперников – Мюрида; но когда в 1363 году, во время пребывания молодого Димитрия во Владимире, явился туда к нему посол из Мамаевой Орды, от хана Абдула, с ярлыками на великое княжение Владимирское, то великий князь принял и этого посла с честью и проводил с дарами. Это рассердило Мюрида, который, чтоб отомстить Димитрию московскому, прислал с князем Иваном белозерским новый ярлык на Владимир Димитрию суздальскому. Тот обрадовался и сел в другой раз во Владимире, но сидел только двенадцать дней, потому что Димитрий московский опять пришел на него с большим войском, выгнал из Владимира, осадил в Суздале, опустошил окрестности этого города и взял наконец над его князем свою волю, по выражению летописца. Но если торжество Москвы над Тверью при Калите сопровождалось бедою для других княжеств, то и торжество внука Калитина над соперником его, князем суздальским, имело такие же следствия: под тем же 1363 годом летописец говорит, что Димитрий московский взял свою волю над князем Константином ростовским, а князя Ивана Федоровича стародубского и Димитрия галицкого выгнал из их княжеств. Изгнанники удалились к Димитрию Константиновичу суздальскому; но время удачных союзов многих младших князей против великого прошло: суздальский князь, два раза уже испытал силу Москвы, не хотел начинать борьбы в третий раз; и потом, когда в 1365 году ему снова вынесли из Орды ярлык на Владимир, он отказался навсегда от своих притязаний в пользу московского князя с тем, чтоб тот помог ему управиться с младшим братом, а в 1366 году выдал дочь свою за Димитрия московского.

Между тем моровая язва сильно опустошила Россию, умерло много князей: молодой брат Димитрия московского, Иван; ростовский князь Константин; тверские – Семен Константинович, Всеволод, Андрей и Владимир Александровичи; Андрей Константинович суздальский. Между оставшимися в живых князьями начались споры за выморочные уделы; древний Суздаль, подобно

Ростову, давно уже утратил свое значение; старшие князья жили и погребались не в Суздалье и не в Городец, а в Новгороде Нижнем, уже тогда значительном по своей торговле благодаря выгодному положению; старший из Константиновичей – Андрей княжил в Нижнем, предоставив Суздаль младшему – Димитрию; но по смерти Андрея Нижним овладел третий, самый младший брат Борис Константинович; Димитрий, не будучи в силах сам отнять у брата Нижний, послал просить помощи в Москву. Димитрий московский (четырнадцатилетний) отправил к Константиновичам послов с увещанием помириться и поделиться вотчиною; но Борис не послушался. Тогда Москва употребила другую силу: митрополит Алексей отнял епископию нижегородскую и городецкую у суздальского владыки Алексея, и в то же время послом от московского князя явился в Нижнем преподобный Сергей, игумен радонежский; он позвал Бориса Константиновича в Москву, и когда тот не послушался, то Сергей по приказу митрополита и великого князя московского затворил все церкви в Нижнем. После этого присланы были из Москвы полки на помощь Димитрию Константиновичу, и когда последний приблизился с ними и своею ратью к Нижнему, то Борис вышел к нему навстречу с поклонами и покорением, уступая ему захваченную волость. Димитрий помирился с ним, взял себе Нижний, а брату отдал Городец.

В Твери князь Василий Михайлович начал опять войну с племянниками Александровичами: в 1363 году он пошел было с войском на Михаила Александровича, князя микулинского, но скоро помирился с ним. Смерть князя Семена Константиновича подала новый повод к борьбе, потому что Семен отказал удел свой двоюродному брату Михаилу Александровичу мимо дяди Василия и родного брата Еремея Константиновича. В 1366 году Василий и Еремей начали спор, который был отдан на решение тверского владыки Василия: Василий судил князей по благословению и повелению митрополита и оправил князя Михаила Александровича. Но этот князь был самый деятельный и смелый из всех потомков св. Михаила и потому менее других был способен терпеть насилия от могущественной Москвы. Под 1367 годом летописец говорит, что князь Димитрий Иванович московский заложил у себя каменный кремль и всех князей русских приводил под свою волю, посягнул и на князя Михаила Александровича тверского. Михаил решился на борьбу, но, разумеется, он не мог противиться Москве собственными силами и потому обратился к зятю своему, Олгерду литовскому, следовательно, на эту вторую борьбу Твери с Москвою мы должны смотреть, собственно, как на борьбу московского князя с литовским по поводу тверского князя. Михаил уехал в Литву; этим воспользовались князья Василий и Еремей, чтоб с помощью Москвы низложить соперника; прежде всего они позвали владыку Василия в Москву на суд к митрополиту, зачем не по правде решил спор об уделе Семена Константиновича? За это решение владыка Василий понес большие убытки (протор велик) в Москве; жители Твери испытали также большую беду: князь Василий с сыном Михаилом, с князем Еремеем, со всею силою кашинскою и с полками московскими приехал в Тверь, многих людей мучил и грабил без милости; приступал и к крепости, но не мог ее взять, опустошил только волости и села, и много народу поведено было тогда в плен войсками московскими и волоцкими, которые пожгли и попленили все по сторону Волги, не исключая и волостей, принадлежавших церкви св. Спаса. Из этих слов летописца мы видим, что Тверь не принадлежала более Василию, но

Михаилу; когда произошла эта перемена, мы не знаем; быть может, она-то и повела к враждебным столкновениям Михаила с Москвою.

В этом же году Михаил пришел назад с полками литовскими, захватил в плен жен – Еремееву и Васильеву, бояр и слуг их и отправился с своею ратиею и литовскою к Кашину. Но на дороге, в селе Андреевском, ждали его послы дяди и от тверского епископа Василия; бог, по словам летописца, утишил ярость Михайлову, и он помирился с дядею, а потом помирился и с двоюродным братом Еремеем и с московским князем Димитрием. Но еще год не кончился, как Еремей сложил с себя крестное целование к Михаилу Александровичу и уехал в Москву. В 1368 году великий князь Димитрий и митрополит Алексей зазвали ласкою к себе в Москву князя Михаила на третейский суд; после этого суда тверского князя схватили вместе со всеми боярами и посадили в заключение, но вдруг узнали о неожиданном приезде трех князей ордынских. Этот приезд напугал врагов Михаила, и они выпустили его на свободу, заставивши отказаться от Городка, части удела Семена Константиновича, где великий князь Димитрий посадил наместника своего вместе с князем Еремеем. Понятно, что Михаил выехал из Москвы непримиримым врагом ее князю, который спешил предупредить его, пославши сильное войско на его волость.

Михаил и на этот раз ушел в Литву и стал упрашивать со слезами Олгерда, чтоб тот оборонил его, пошел войною на Москву, отмстил Димитрию; научил и сестру свою упрашивать мужа, и тот решился исполнить их просьбу, тем более что еще с 1363 года встречаем известия о враждебных столкновениях Литвы с Москвою.

У Олгерда Гедиминовича, говорит летописец, был такой обычай, что никто не знал, ни свои, ни чужие, куда он замышляет поход, на что собирает большое войско; этою-то хитростию он и забрал города и земли и попленил многие страны, воевал он не столько силою, сколько мудростию. Так и на этот раз Димитрий московский узнал о замыслах Олгердовых, когда уже тот стоял на границе с братом Кейстутом, молодым сыном его Витовтом, своими сыновьями, другими князьями литовскими, Михаилом тверским и полками смоленскими. Великий князь разослал по всем городам грамоты для сбора войска, но ратники не успели прийти из дальних мест, и Димитрий мог выслать против Олгерда в заставу только сторожевой полк из москвичей, коломенцев и дмитровцев под начальством своего воеводы Димитрия Минина и воеводы двоюродного брата, Владимира Андреевича, – Акинфа Федоровича Шубы. Между тем Олгерд уже воевал порубежные места, т.е. жег, грабил, сек; встретился с князем Семеном Дмитриевичем стародубским – Крапивою и убил его, потом в Оболенске убил князя Константина Юрьевича, наконец, 21 ноября на реке Тросне встретил московский сторожевой полк и разбил его: князья, воеводы и бояре все погибли. Узнавши здесь, что Димитрий не успел собрать большого войска и заперся в Москве, Олгерд быстро пошел к этому городу, где Димитрий велел пожечь посады, а сам с митрополитом, двоюродным братом Владимиром Андреевичем, со всеми боярами и со всеми людьми затворился в новом кремле. Три дня стоял под ним Олгерд, взять его не мог, но страшно опустошил окрестности, повел в плен бесчисленное множество народа, погнал с собою и весь скот. Впервые по прошествии сорока лет, то есть начиная от первого года княжения Калиты,

Московское княжество испытало теперь неприятельское нашествие. Михаил тверской был отомщен.

Димитрий принужден был уступить ему Городок и все части удела Семена Константиновича; дядя его Василий кашинский умер еще прежде похода Олгердова, оставив удел свой сыну Михаилу, который в следующем 1369 г. уже приезжал в Москву жаловаться митрополиту Алексею на владыку своего Василия.

Олгерд не мог стоять более трех дней под Москвою, потому что на западе немцы не давали ему отдыха. Еще в 1362 году они взяли Ковно, а в 1369 году в миле от этого города заложили замок Готтесвердер. Олгерд и Кейстут поспешили взять его, но принуждены были снова отдать немцам. В 1370 году сильное ополчение, состоявшее из литвы, жмуди, руси и татар, под предводительством Олгерда, Кейстута и двоих молодых сыновей их, Ягайла и Витовта, вторгнулось в Пруссию, где великий магистр встретил его под замком Рудавою и поразил наголову. В это время Москва, отдохнувши год, начала наступательное движение; ее войска вместе с волочанами воевали смоленские волости, вероятно мстя их князю за союз с Олгердом; потом Димитрий посылал рать к Брянску, наконец, в августе 1370 года послал объявить войну Михаилу тверскому, который, по обычаю, спешил уйти в Литву, а московские войска, по обычаю, опустошили Тверскую волость. Но это была только еще часть рати: скоро сам великий князь Димитрий явился в тверских владениях с большою силою, взял и пожег города – Зубцов, Микулин, пожег также все волости и села, а людей многое множество вывел в свою землю со всем их богатством и скотом.

Сильно опечалился и оскорбился Михаил, когда пришло к нему в Литву известие о страшном опустошении Тверской волости. От Олгерда нельзя было надеяться помощи в настоящую минуту, потому что он занят был немецкими делами, и вот Михаил вздумал попытаться, нельзя ли побороть Димитрия старым средством – Ордою; он поехал туда, но приятели из Москвы дали ему весть, что повсюду на дороге расставлены заставы московские, чтоб перехватить его. Михаил возвратился опять в Литву, опять стал кланяться Олгерду и на этот раз с успехом. Зимой, в рождественский пост, Олгерд двинулся на Москву с братом Кейстутом, с Михаилом тверским и Святославом смоленским. Они подошли к Волоку Ламскому, пожгли посад, окрестности, но, простояв три дня под городом, не взяли его и пошли дальше, к Москве, которую осадили 6 декабря. Великий князь Димитрий и на этот раз заперся в кремле московском; но брат его Владимир Андреевич стоял в Перемышле, собирая силу; к нему на помощь пришел князь Владимир Димитриевич пронский и полки Олега Ивановича рязанского. Олгерд испугался, услышав о сборах в Перемышле, и стал просить мира, предлагая выдать дочь свою за князя Владимира Андреевича; но великий князь Димитрий вместо вечного мира согласился только на перемирие до Петрова дня. Олгерд двинулся назад и шел с большою осторожностью, озираясь на все стороны, боясь за собою погони.

Михаил тверской возвратился в Тверь, также помирившись с Димитрием; но испуг Олгерда и желание литовского князя породниться с московским показывали ему, что надобно искать помощи в другой стороне: весною 1371 года он исполнил прежнее свое намерение, отправился в Орду и возвратился оттуда с ярлыком на великое княжение Владимирское и с послом ханским Сарыхожею. Но Димитрий московский по всем городам взял присягу с бояр и черных людей не передаваться

тверскому князю и не пускать его на Владимирское княжение, а сам с братом Владимиром стал с войсками в Переяславле. Владимирцы, исполняя присягу, не пустили к себе Михаила, и когда Сарыхожа послал звать Дмитрия во Владимир к ярлыку, то московский князь велел отвечать ему: «К ярлыку не еду, Михаила на княжение Владимирское не пушу; а тебе, послу, путь чист». Сарыхожа сначала не хотел ехать к Дмитрию, но потом прельстился дарами и, отдавши ярлык Михаилу, поехал из Мологи в Москву, а Михаил, недовольный оборотом дела, повоевал Кострому, Мологу, Углич, Бежецкий Верх и, возвратясь в Тверь, отправил в Орду сына своего Ивана. Между тем Сарыхожа пировал в Москве у Дмитрия, набрал у него много даров и, возвратясь в Орду, начал расхваливать московского князя, его добрый нрав и смирение. Вероятно обнадеженный Сарыхожею в добром приеме, Дмитрий сам решился отправиться в Орду, чтоб положить конец проискам Михайловым. Митрополит Алексей проводил его до Оки и, дав благословение на путь, возвратился в Москву, куда в это время приехали послы литовские обручать Олгердову дочь Елену за князя Владимира Андреевича.

В Орде московский князь успел задобрить и Мамаю, и хана, и ханш, и всех князей, пожалован был опять великим княжением Владимирским и отпущен с большою честью, а тверскому князю хан послал сказать: «Мы тебе дали великое княжение, давали и войско, чтоб посадить тебя на нем; но ты войска нашего не взял, говорил, что сядешь одною своею силою; так сиди теперь с кем хочешь, а от нас помощи не жди».

Молодой тверской князь Иван задолжал в Орде 10000 рублей; Дмитрий московский заплатил эти деньги и взял Ивана с собою в Москву, где он сидел на дворе митрополичьем до тех пор, пока отец выкупил его. Для нас здесь важно то, что тверской князь принужден был задолжать в Орде 10000 рублей, а московский имел средства выкупить его – борьба была неравная! Таким образом, говорит летописец, великий князь Дмитрий твердо укрепил под собою великое княжение, а врагов своих посрамил. Но одного посрамления было мало: в Бежецком Верху тверской князь держал своего наместника, и Дмитрий отправил туда войско. Наместник Михайлов был убит, тверские волости пограблены; но война рязанская помешала тверской. Мы видели, что во время второго нашествия Олгердова князь пронский вместе с рязанскими полками приходил на помощь войску московскому, собиравшемуся в Перемышле; но после доброе согласие между Москвою и Рязанью было нарушено неизвестно по каким причинам, и в 1371 году, в декабре, великий князь отправил на Олега рязанского воеводу своего Дмитрия Михайловича Волынского с большим войском; Олег собрал также большое войско и вышел навстречу московским полкам, причем, по словам летописца, рязанцы говорили друг другу: «Не берите с собою ни доспехов, ни щитов, ни коней, ни сабель, ни стрел, берите только ремни да веревки, чем взять боязливых и слабых москвичей». Московский летописец поблагодарил их за такое мнение в следующих выражениях: «Рязанцы, люди суровые, свирепые, високоумные, гордые, чайтельные, вознесшись умом и возгордившись величанием, помыслили в високоумии своем, полуумные людища, как чудища». Господь низложил гордых, продолжает летописец: в злой сече рязанцы пали как снопы, и сам князь Олег едва спасся бегством с небольшою дружиною. Мы видели, что в Рязани шла постоянная вражда между двумя княжескими линиями, рязанскою и пронскою;

эта борьба помогала Москве, точно так как в Твери помогали ей усобицы между князьями тверскими и кашинскими. Как только князь Владимир Дмитриевич пронский узнал о беде Олеговой, то явился в Рязани и сел здесь на княжение; но Олег скоро выгнал его, взял в плен и привел в свою волю.

По окончании войны рязанской, в 1372 году, началась опять война тверская. Князю Михаилу Александровичу удалось снова заключить союз с Литвою, и в надежде на него он начал наступательное движение, послал племянника своего Димитрия Еремеевича с войском к городу Кистме, воеводы которого были схвачены и приведены в Тверь. Тотчас после этого князь Михаил Васильевич кашинский отправил посла в Москву, заключил мир с князем Димитрием и сложил крестное целование к князю Михаилу. Тверской князь не удовольствовался Кистмою: он пошел сам к Дмитрову, взял с города окуп, посады, волости и села пожег, бояр и людей побрал в плен. В то же время он подвел тайно под Переяславль рать литовскую – Олгердова брата Кейстута с сыном Витовтом, Андрея Олгердовича полоцкого и Димитрия друцкого.

Переяславль имел участь Дмитрова; скоро разделил ее и Кашин, которого князь принужден был подчиниться Михаилу и опять целовать ему крест. От Кашина союзники пошли к Торжку, взяли его, и тверской князь посадил в нем своих наместников. Но в Петров пост явились в Торжок новгородцы, укрепились с новоторжцами крестным целованием, выслали наместников Михайловых из города, а купцов тверских и других людей пограбили и побили, после чего укрепили город и сели в нем дожидаться прихода Михайлова. 31 мая пришел Михаил под Торжок и послал сказать гражданам, чтоб выдали ему тех, которые били и грабили тверичей, и чтоб приняли опять его наместников, после чего он оставит их в покое. Новгородцы не согласились и вышли на бой: первый встретил тверичей на Подоле Александр Абакумович и пал костью за св. Спаса и за обиду новгородскую, трое товарищей его были также убиты, и новгородцы потерпели совершенное поражение: одни побежали в поле по Новгородской дороге, другие заперлись в крепости (городе) Торжокской. Но тверичи скоро зажгли посад, сильный ветер потянул на город, и пошел огонь по всему городу; несчастные новгородцы побросались оттуда с женами и детьми прямо в руки врагам, иные сгорели, другие задохнулись в церкви св. Спаса или перетонули в реке; добрые женщины и девицы, видя себя раздетыми донага, от стыда сами бросались в реку, тверичи донага обдирали всех, даже чернецов и черниц, иконных окладов и всякого серебра много побрали, чего и поганые не делают, заключает летописец: кто из оставшихся в живых не поплачет, видя, сколько людей приняло горькую смерть, святые церкви пожжены, город весь пуст; и от поганых никогда не бывало такого зла; убитых, погорелых, утопших наметали пять скудельниц, а иные сгорели без остатка, другие потонули и без вести поплыли вниз по Тверце.

Истребивши Торжок, Михаил отправился для соединения с Олгердом, который стоял у Любутска. На этот раз Димитрий приготовился, встретил с сильным войском Олгерда у Любутска и разбил сторожевой полк литовский. Все войско литовское переполошилось, сам Олгерд побежал и остановился за крутым и глубоким оврагом, который не допустил неприятелей до битвы; много дней литва и москвичи стояли в бездействии друг против друга, наконец заключили мир и разошлись. Мир или, лучше сказать, перемирие было заключено на короткий срок: от 31 июля по 26 октября (от Спожина заговенья до Дмитриева

дня). Договор заключен от имени Олгерда, Кейстута и смоленского великого князя Святослава Ивановича; в него включены также: князь Михаил тверской, Димитрий брянский и те князья, которые будут в имени Олгерда и Святослава смоленского; трое князей рязанских, которые одинаково называются великими, находятся на стороне Димитрия московского. Олгерд поручился, что Михаил тверской возвратит все пограбленное им в волостях московских и сведет оттуда своих наместников и волостелей. Если Михаил в перемирный срок станет грабить волости Димитрия, то последний волен разделяться с ним и литовские князья за него не вступятся. Димитрий предоставил себе также право покончить с Михаилом посредством хана: «А что пошли в Орду к царю люди жаловаться на князя Михаила, то мы в божией воле и в царевой: как повелит, так мы и будем делать, и то от нас не в измену».

Раздоры между князем тверским и кашинским не допустили до продолжительного мира, ибо если князь тверской от притеснений Москвы находил защиту в Литве, то слабый князь кашинский от притеснений Твери искал постоянно защиты в Москве. Под 1373 годом опять встречаем известие, что князь Михаил Васильевич кашинский сложил крестное целование к Михаилу тверскому и уехал в Москву, а из Москвы отправился в Орду, откуда возвратился в Кашин неизвестно с чем. Скоро после этого он умер, а сын его Василий по совету бабки и бояр приехал в Тверь к князю Михаилу Александровичу с челобитьем и отдался в его волю; за этим примирением последовало и примирение тверского князя с московским. Димитрий отпустил из Москвы сына Михаила Ивана, приведенного, как мы видели, им из Орды, а Михаил вывел своих наместников из занятых им волостей великокняжеских. Но на следующий год молодой кашинский князь Василий Михайлович побежал из Твери в Москву, зато теперь и тверской князь нашел внутри самой Москвы врагов Димитрию. По поводу насильственной смерти тысяцкого Алексея Петровича мы упоминали о важном и опасном значении этого сановника. В 1374 г. умер тысяцкий Василий Васильевич Вельяминов, и великий князь не назначил другого на его место, которое, по всем вероятностям, надеялся занять сын покойного, Иван. Обманутый в этой надежде, он сговорился с другим недовольным, Некоматом Сурожанином, то есть купцом, торгующим дорогими южными товарами, и в 1375 году бежали оба к тверскому князю со многою лжею и льстивыми словами, и от этого загорелся огонь, по выражению летописца. Михаил Александрович, поверив льстивым словам московских беглецов, отправил Вельяминова с Некоматом к хану, а сам поехал в Литву, где, пробывши малое время, возвратился в Тверь; скоро возвратился из Орды и Некомат с ханским послом и ярлыком Михаилу на великое княжение Владимирское и на великую погибель христианскую, говорит летописец. Тогда Михаил, уверенный, как видно, в помощи и с востока и с запада, послал объявить войну Димитрию московскому и в то же время отправил наместников в Торжок и рать в Углич.

Но помощь не приходила к нему ни с востока, ни с запада, а между тем Димитрий собрался со всею силою и двинулся к Волоку Ламскому, куда пришли к нему князья: тесть его Димитрий Константинович суздальский с двумя братьями и сыном, двоюродный брат Владимир Андреевич серпуховской, трое князей ростовских, князь смоленский, двое князей ярославских, князь белозерский, кашинский, моложский, стародубский, брянский, новосильский, оболенский и

торусский. По словам летописца, все эти князья сильно сердились на Михаила тверского за то, что он прежде несколько раз приводил литву, наделавшую столько зла христианам, а теперь соединился с Мамаем; но, с другой стороны, заметим, что некоторые из этих князей были подручники Дмитрия и не могли ослушаться его приказаний, некоторые же были только по имени князьями известных волостей, как, например, князь стародубский, а Белозерск был куплен еще Калитою. Все эти князья двинулись из Волока к Твери и стали воевать, взяли Микулин, попленили и пожгли окружные места, наконец, осадили Тверь, где заперся князь Михаил. Обнесши весь город тыном, наведя два больших моста на Волге, Дмитрий послал за новгородцами; те, желая почтить великого князя и вместе отомстить тверичам за торжокское поражение, собрались в три дня, пришли к Твери и много наделали зла. Тогда осаждающие приступили со всеми силами к городу: приставили туры, приметали примет около всей крепости, зажгли мост у Тмакских ворот и стрельницы; но осажденные, хотя с большим трудом, потушили пожар, и когда Дмитриева рать немного отступила от крепости, то Михаил сделал из нее удачную вылазку, посек туры, другие пожег и побил много людей у осаждающих. Но этот успех не принес ему пользы: волость его была опустошена вконец, города Зубцов, Белгород и Городок (Старица) взяты; он все ждал помощи из Литвы и от хана; литовские полки пришли, но, услышав, какая бесчисленная рать стоит у Твери, испугались и ушли назад. Тогда Михаил, потеряв последнюю надежду, отправил владыку Евфимия и больших бояр своих к Дмитрию просить мира, отдаваясь во всю волю московского князя, и тот заключил с ним мир, которого условия дошли до нас. Независимый великий князь тверской, соперник московского по Владимирскому великому княжению, не утрачивая своего названия великий князь, обязывается считать себя младшим братом Дмитрия, равным младшему двоюродному брату последнего, удельному Владимиру Андреевичу. Обязанности младшего брата к старшему определены: когда великий князь московский или брат его выступают в поход, то и тверской князь обязан садиться на коня; если пошлет воевод, то и он обязан послать своих воевод. Михаил обязался не искать ни Москвы, ни великого княжения Московского, ни Новгорода, обязался не только за себя, но и за детей своих и племянников; обязался сам не искать великого княжения Владимирского и не принимать его от татар, за что Дмитрий с своей стороны обещался не принимать Твери от татар; но он вытребовал, чтоб княжество Кашинское было независимо от Тверского – условие важное, выгодное для Москвы, тяжкое для Тверского княжества, которое обессиливалось раздроблением на две волости независимые: «В Кашин тебе не вступаться, и что потянуло к Кашину, то ведает вотчич князь Василий, и выходом ненадобно Кашину тянуть к Твери; князя Василия тебе не обижать; а будешь обижать, то стану его оборонять». Также важное условие постановлено относительно татар: «Будем ли мы в мире с татарами – это зависит от нас; дадим ли выход – это зависит от нас; не захотим дать – это зависит также от нас. Если же татары пойдут на нас или тебя, то нам биться вместе, если же мы пойдем на них, то и тебе идти с нами вместе». Михаил отказался от союза с Олгердом, его братьями, детьми и племянниками, мало того, обязался воевать с Литвою, если она нападет на московского или на смоленского князя. С Великим Новгородом и Торжком тверской князь обязался жить по старине и в мире и возвратить все церковные вещи, пограбленные в Торжке во время его взятия,

также все пограбленное после мира 1373 года. Право отъезда от одного князя к другому с удержанием сел в прежних волостях утверждено за боярами и слугами вольными, за исключением Ивана Васильевича Вельяминова и Некомата, села которых удержал московский князь за собою. Замечательно, что при затруднениях в смешанном суде дела москвитян и тверичей положено отдавать на решение великого князя рязанского Олега.

Так счастливо для Москвы кончилась борьба с Тверью, т.е. с Литвою по поводу Твери. В том же году Олгерд опустошил Смоленскую волость за то, что князь ее воевал против Михаила тверского; с другой стороны, татары опустошили волости Нижегородскую и Новосильскую за то же самое; но московский князь оставался в покое и в 1376 году посылал Владимира Андреевича с войском ко Ржеву; серпуховской князь, по обычаю, пожег посад, но, простояв три дня под крепостью, возвратился назад. Тверской князь не думал разрывать союза с Литвою: еще в 1375 г в Тверь приведена была дочь Кейстута Марья, окрещена и выдана замуж за сына великого князя Михаила, Ивана. Но союз этот был бесполезен для тверского князя, ибо в 1377 году умер Олгерд, постригшись перед смертью в монахи, причем мирское православное имя Александра переменял на имя Алексея. Еще прежде умер брат его князь волынский Любарт, который всю жизнь провел в борьбе с поляками, стремившимися овладеть и Волынию, как овладели Галичем. Великим князем стал сын Олгерда Ягайло, в православии Яков, и дядя Кейстут, князь троцкий, присягнул племяннику. Но Ягайло, подобно дяде Евнутию, взял старшинство не по праву, мимо старшего брата, Вингольта Андрея, рожденного от первой жены Олгердовой; Андрей, княживший в Полоцке, объявил было свои притязания на старшинство, но, не получая ниоткуда подкрепления, должен был уступить Ягайлу, лишился своей волости и бежал в Псков, где жители посадили его на княжение с согласия великого князя Дмитрия, к которому Андрей ездил в Москву. Дмитрий хотел воспользоваться этою смутою, и в 1379 году Андрей Олгердович вместе с серпуховским князем Владимиром Андреевичем и московским воеводою Дмитрием Михайловичем Волынским отправились на литовские владения, взяли города Трубчевск и Стародуб, повоевали много станов и волостей и возвратились с большим богатством домой; брат Андрея Дмитрий Олгердович, князь трубчевский, не сопротивлялся московским полкам: он вышел из города с семейством и боярами, поехал в Москву и вступил в службу великого князя, или, как выражается летописец, урядился в ряд и крепость взял; Дмитрий принял его с честью, любовию и дал ему Переяславль со всеми пошлинами.

За этою смутою, которая доставила московскому князю двух верных слуг между сыновьями Олгердовыми, последовала другая, более опасная для Литвы, более выгодная для врагов ее. Ягайло не походил на отца и деда своего: был ленив, любил удовольствия и не имел твердого характера, вследствие чего подвергался влиянию окружавших его. Самым приближенным из них был Войдылло, о котором вот что говорит летописец: был у великого князя Олгерда паробок, крепостной холоп, звали его Войдыллом; сначала был он хлебником, полюбился великому князю, который взял его к себе постелю стлать и пить подавать, а наконец дал ему держать город Лиду. Силен был Войдылло при Олгерде; еще сильнее стал при Ягайле, который даже отдал за него родную сестру. Старому князю Кейстуту очень не понравилось, что племянницу его выдали за

холопа; стал он попрекать и вдове Олгердовой, и Ягайлу, и самой племяннице, отсюда пошла ненависть между Кейстутом и Войдыллом, и последний стал думать, как бы избавиться от старика. С этой целью он начал наговаривать Ягайлу на Кейстута и поднимать на него немецких рыцарей. Куно Либштейн, командор остерродский, кум Кейстута, послал сказать последнему: «Ты ничего не знаешь, как Ягайло беспрестанно посылает Войдылла к нам и уже договор с нами написал, чтоб отнять у тебя волости». Кейстут, получив эту весть, послал сказать сыну своему Витовту: «Ты живешь с Ягайлом в тесной дружбе, а он договорился с немцами на наше лихо». Витовт отвечал отцу, что ничему не надобно верить, что он живет с Ягайлом душа в душу, знает все его думы. Скоро, однако, правда обнаружилась. В Полоцке по изгнании Андрея Олгердовича княжил сын Кейстута Андрей, прозвищем Горбатый. Ягайлу или Войдыллу хотелось отнять эту волость у Кейстutowича и отдать ее родному брату Ягайлову, Скиригайлу; но полочане, старые вечники, никак не согласились на эту перемену и с позором выгнали от себя Скиригайла. Великий князь выслал против них сильное войско, с которым соединились и немцы; но полочане не потеряли духа: они объявили, что скорее поддадутся немцам, чем Скиригайлу, и вместе с Андреем мужественно отразили все приступы. Старик Кейстут, услышав о полоцких происшествиях, опять стал жаловаться сыну своему Витовту на Ягайла: «За Войдылла отдал мою племянницу, уговорился с немцами на мое лихо; а вот теперь с кем мы воевали? с немцами? а он с ними заодно добывает Полоцка». Витовт отвечал и на этот раз, что он все еще не совсем верит коварству Ягайла, и выехал в Дрогичин, откуда скоро отправился в Гродно. Но старик Кейстут не разделял сомнений сына своего: он решился для собственной безопасности предупредить Ягайла, врасплох явился с войском перед Вильною, овладел ею, взял в плен Ягайла со всем семейством, захватил все грамоты и, между прочим, последний договор Ягайла с немцами.

Витовт, извещенный чрез гонца о торжестве отцовском, в один день прискакал из Гродна в Вильну. Кейстут показал ему грамоту: «Ты мне все не верил, а вот тебе и грамота на лице; написали на наше лихо, да бог нас остерег. А я великому князю Ягайлу за это никакого зла не сделал, не дотронулся ни до имени его, ни до стад, и сам он у меня не в плену, ходит только за малой стражей; отчину его – Витебск и Крево и все места, что отец его держал, все отдаю ему и ни во что его не вступаюсь; а что я теперь сделал, того нельзя было мне не сделать: берег свою голову». Ягайло должен был присягнуть, что никогда не вооружится против Кейстута и не выйдет из его воли, после чего со всеми родными и имением отправился в Витебск.

Кейстут стал великим князем, но недолго пользовался своим новым положением.

Вдова Олгердова Иулиания и дети ее не могли спокойно видеть, что стол великокняжеский перешел к Кейстуту, и потому посредством Скиригайла, изгнанника полоцкого, завязали снова сношения с немцами, которые были рады смутам в Литве.

Но пока Кейстут жил в Вильне, никто не смел против него подняться, тем более что Ягайла трудно было уговорить на какое-нибудь отважное предприятие. Только когда Кейстут велел повесить пленника своего Войдылла, Ягайло позволил сестре и ее приверженцам уговорить себя действовать решительно против дяди. В это время старый Кейстут вел войну с племянником Димитрием Олгердовичем;

Ягайло обязан был также выступить в поход; но, вместо того чтоб идти с войском на Русь, он двинулся нечаянно к Вильне, где Кейстута тогда не было, и овладел городом; та же участь постигла и Троки. Кейстут собрал большое войско и, соединившись с сыном Витовтом, обложил Троки; против него стоял Ягайло с своими союзниками, немцами..

Но Олгердов сын побоялся решить дело оружием и предпочел коварство. Он начал просить Витовта, чтоб тот помирил его с отцом, для чего просил обоих князей приехать к нему в стан, и князь Скиригайло именем брата поклялся, что с ними не случится ничего дурного. В надежде на эту клятву Кейстут и Витовт приехали в стан к Ягайлу, чтоб договариваться о мире, но вместо того были схвачены, и Кейстут был отдан в руки самым злым врагам своим, которые сковали его, отвезли в Крево, заперли в тюрьму и на пятую ночь удавили.

Больной Витовт был также отвезен вместе с женою Анною в Крево, где держали его под крепкою стражею. И выздоровевши, Витовт все еще притворялся хворым; жена навещала его ежедневно вместе с двумя служанками; наконец она получила от Ягайла для одной себя позволение ехать в Моравию. В ночь накануне отъезда она пришла проститься с мужем и замешкалась у него, как следовало ожидать, долее обыкновенного: в это время Витовт переодевался в платье одной из жениных служанок, Елены, которая осталась на его месте, а он, вышедши с женою из тюрьмы и спустившись со стены, нашел лошадей, высланных из Волковыйска от тамошнего тиуна, в короткое время достиг Слонима, оттуда отправился в Брест и на пятый день был уже в Плоцке. Елена, не вставая с постели, так хорошо представляла больного князя, что только на третий день узнали о его бегстве. Она поплатилась жизнью за свое самоотвержение.

Эти смуты отняли у литовских князей средства враждебно действовать против Москвы и дали последней возможность беспрепятственно управиться с татарами. Димитрий вырос в неповиновении хану, два раза младенцем ходил он отнимать Владимирское княжение у Димитрия суздальского, у которого был ярлык ханский. Княжество Московское постоянно усиливалось, его князья еще со времен Калиты привыкли располагать полками князей подручных, убеждались все более и более в своей силе, тогда как Орда видимо ослабевала вследствие внутренних смут и усобиц, и ничтожные ханы, подчиненные могущественным вельможам, свергаемые ими, теряли все более и более свое значение, переставали внушать страх. От страха перед татарами начал отвыкать русский народ и потому, что со времен Калиты перестал испытывать их нашествия и опустошения; возмужало целое поколение, которому чужд был трепет отцов пред именем татарским; московский князь, находившийся в цвете лет, в самом полном развитии сил, был представителем этого нового поколения. С малолетства привык Димитрий действовать иначе, нежели действовали дед, дяди и отец его; малюткою с оружием в руках добыл он себе старшинство между русскими князьями, после до тридцатилетнего возраста не выпускал из рук оружия, выдержал опасную борьбу с Литвою, Тверью, Рязанью и вышел из нее победителем с полным сознанием своих сил. Неудивительно, что такой князь решился первый поднять оружие против татар. Мы видели, что в начале княжения Димитриево Орда делилась между двумя ханами – Мюридом (Амуратом) и Абдулом (Abdullah), именем которого управлял темник Мамай. Но кроме них в древней стране Болгарской утвердился третий хан Пулад-Темир, а в стране Мордовской – князь

Тогай. Последний в 1365 году напал нечаянно на Переяславль Рязанский, взял, сжег его, попленил окрестные волости и села и уже с большою добычею возвращался в степь, как был настигнут князьями – Олегом Ивановичем рязанским, Владимиром пронским и Титом козельским: был между ними бой лютой, пало много мертвых с обеих сторон, но русские князья наконец одолели, и Тогай едва убежал с небольшою дружиною. В 1367 году Булат, или Пулад-Темир, напал на нижегородские владения, но прогнан был князем Димитрием Константиновичем за реку Пьяну с большим уроном, прибежал в Золотую Орду и был там убит ханом Азизом, или Озизом, преемником Мюридовым. В 1370 году Димитрий Константинович с братом Борисом, сыном Василием и ханским послом Ачихожею (Хаджи Ходжа) ходил войною на болгарского князя Асана; тот встретил их с челобитьем и дарами, они дары взяли, но посадили на княжение Салтана, Бакова сына. В 1373 году татары из Орды Мамаевой опустошили Рязанское княжество; великий князь московский все лето простоял на берегу Оки (куда пришел к нему и Владимир Андреевич) и не пустил татар на свою сторону. Соппротивление татарам и даже наступательное движение на них обнаруживалось повсюду: в 1374 году нижегородцы перебили послов Мамаевых и с ними 1500 татар; старшего посла – Сарайку с дружиною заперли в крепости. На следующий год князь Димитрий Константинович приказал развести пленников по разным местам, но Сарайка с товарищами своими вырвался, убежал на архиерейский двор, зажег его и начал отбиваться от нижегородцев, многих перебил и переранил; наконец народ одолел татар и перебил их всех. В том же году татары Мамаевы опустошили берега реки Киши, притока Суры, и места за рекою Пьяною. Мы упоминали уже о нападении татар на Нижегородское и Новосильское княжества за помощь, оказанную их князьями, Димитрию московскому против Михаила тверского, после чего московский князь ходил с войском за Оку, оберегая землю свою от татар. Еще в XII и XIII веках мы видели стремление Северо-Восточной Руси к естественному распространению своему на восток, вниз по Волге, на счет болгар, мордвы и других туземных племен; стремление это было надолго остановлено татарским нашествием и внутренними движениями, которые имели следствием усиление Московского княжества; теперь же, как скоро Северо-Восточная Русь снова усилилась единовластием, а татарское владычество ослабело, опять начинается наступательное движение русских на древнюю Болгарскую землю. По окончании борьбы с Литвою и Тверью, весною 1376 года, великий князь послал воеводу своего Димитрия Михайловича Волынского на болгар; с Волынским отправились двое молодых князей нижегородских – Василий и Иван Дмитриевичи – и подступили под Казань. Казанцы вышли против них из города, стреляя из луков и самострелов; другие производили какой-то гром, чтоб испугать русских, а некоторые выехали на верблюдах, чтоб переполошить лошадей. Но все эти хитрости не удались: русские вогнали неприятеля в город, и князья казанские Асан и Магомет-Солтан принуждены были добить челом великому князю; заплатили тысячу рублей Димитрию московскому, тысячу новгородскому, три тысячи воеводам и ратным людям; кроме того, летописец говорит, что русские посадили в Казани своего сборщика податей (дорогу) и таможенников.

В 1377 году в Москву пришла весть, что в странах посурских явился новый царевич татарский, Арапша, перебежавший за Волгу с берегов Яика и Аральского моря.

Димитрий московский тотчас собрал большое войско и пошел на помощь к тестю своему, Димитрию нижегородскому; но об Арапше долго не было вести, и великий князь возвратился в Москву, оставивши воевод своих с полками владимирскими, переяславскими, юрьевскими, муромскими и ярославскими, с которыми соединилось и нижегородское войско под начальством своего молодого князя Ивана. Собралась большая рать и двинулась за реку Пьяну, где воеводы получили весть, что Арапша далеко, на реке Волчьих Воды, притоке Донца.. Князя и воеводы русские обрадовались и не обращали уже более внимания на другие приходившие к ним вести; кто может стать против нас? – говорили они, и стали ездить в простом платье (охабнях и сарафанах), а доспехи свои покладали на телеги и в сумы, рогатины, сулицы и копья не были приготовлены, иные не были еще насажены, также не были приготовлены щиты и шлемы. Было время в конце июля, стояли сильные жары, и ратники разъезжали, спустивши платье с плеч, расстегнувши петли, растрепавшись, точно в бане; если случалось где найти пиво и мед, напивались допьяна и хвастались, что один из них выедет на сто татар. Князя, бояре и воеводы также забыли всякую осторожность, ездили на охоту, пировали, величались да ковы друг против друга строили. В это время мордовские князя подвели тайно Арапшу, который, разделив свою рать на пять полков, второго августа нечаянно ударил со всех сторон на русское войско; последнее не имело возможности сопротивляться и побежало в ужасе к реке Пьяне; князь Иван Димитриевич нижегородский утонул при переправе вместе со множеством бояр, слуг и простых ратников, другие были перебиты татарами. Арапша явился перед Нижним, откуда князь Димитрий Константинович выбежал в Суздаль, а жители разбежались на судах по Волге к Городцу. Татары перехватили тех, которые не успели спастись, сожгли город, опустошили окрестности и ушли назад; в том же году Арапша пограбил и места за Сурою (Засурье), потом перебил русских гостей; пришел нечаянно на Рязань, взял ее, причем сам князь Олег, истрелянный, едва вырвался из рук татарских.

Надеясь, что после пьянского поражения Нижегородское княжество осталось без защиты и мордва захотела попытать счастья против русских: приплыла нечаянно по Волге в Нижегородский уезд и пограбила то, что осталось от татар; но князь Борис Константинович настиг ее у реки Пьяны и поразил: одни потонули, другие были побиты. Но оба князя, и московский и нижегородский, не хотели этим ограничиться, и зимою, несмотря на страшные морозы, нижегородское войско под начальством князей Бориса Константиновича и Семена Димитриевича и московское под начальством воеводы Свибла вошло в Мордовскую землю и «сотворило ее пусто», по выражению летописца; пленников, приведенных в Нижний, казнили смертью, травили псами на льду на Волге. В следующем 1378 году татары явились опять нечаянно перед Нижним; князя не было тогда в городе, а жители разбежались за Волгу. Приехавши к Нижнему из Городца, князь Димитрий Константинович увидел, что нельзя отстоять города от татар, и потому послал к ним окуп; но татары не взяли окупа и сожгли Нижний, потом повоевали весь уезд и Березовое поле. Управившись с Димитрием нижегородским, Мамай отправил князя Бегича с большим войском на Димитрия

московского. Но тот узнал о приближении неприятеля, собрал силу и выступил за Оку в землю Рязанскую, где встретился с Бегичем на берегах реки Вожи. 11 августа к вечеру татары переправились через эту реку и с криком помчались на русские полки, которые храбро их встретили: с одной стороны ударил на них князь пронский Даниил, с другой – московский окольный Тимофей, а сам великий князь Димитрий ударил на них в лице. Татары не выдержали, побросали копья и бросились бежать за реку, причем множество их перетонуло и было перебито. Ночь помешала преследовать татар, а на другое утро был сильный туман, так что только к обеду русские могли двинуться вперед и нашли в степи весь обоз неприятельский. Мамай собрал остаток своей рати и в сентябре ударил на Рязанскую землю; князь Олег, никак не ожидая нападения после Вожской битвы, бросил города и перебежал на левую сторону Оки, а татары взяли города Дубок и Переяславль Рязанский, сожгли их и опустошили всю землю, но дальше, за Оку, не пошли.

Борьба была открытая, после Вожской битвы московский князь не мог надеяться, что Мамай ограничится местию на Рязанской области. До сих пор смуты и разделение в Орде внушали смелость московскому князю не обращать большого внимания на ярлыки ханские; Димитрий был свидетелем ослабления Орды в самой Орде; лучшим доказательством этого ослабления было то, что Мамай должен был отказаться от прежней дани, какую получали ханы из России во время Чанибека, и удовольствоваться меньшим ее количеством; мы видели, до какой самонадеянности дошли русские воеводы и ратники перед пьянским поражением: эта самонадеянность была наказана, однако битва Вожская снова убедила русских в возможности побеждать татар. Но отношения должны были измениться, когда Мамай, правивший до сих пор именем ханов Абдула и потом Магомедом, избавился наконец от последнего и провозгласил себя ханом; теперь он имел возможность двинуть всю Орду для наказания московского князя, которого нельзя было смирить одним отрядом: времена Андрея Ярославича прошли; чтоб снова поработить Россию, нужно было повторить Батыево нашествие. Говорят, что Вожское поражение привело в ярость Мамай, и он не хотел успокоиться до тех пор, пока не отомстит Димитрию. Есть любопытное известие, будто советники Мамай говорили ему: «Орда твоя оскудела, сила твоя изнемогла; но у тебя много богатства, пошли нанять генуэзцев, черкес, ясов и другие народы». Мамай послушался этого совета, и когда собралось к нему множество войска со всех сторон, то летом 1380 года он перевезся за Волгу и стал кочевать при устье реки Воронежа. Ягайло литовский, который имел много причин не доброжелательствовать московскому князю, вступил в союз с Мамаем и обещал соединиться с ним 1 сентября. Узнавши об этом, Димитрий московский стал немедленно собирать войска; послал за полками и к князьям подручным – ростовским, ярославским, белозерским; есть известие, что князь тверской прислал войско с племянником своим Иваном Всеволодовичем холмским. Не соединился с Москвою один потомок Святослава черниговского, Олег рязанский: более других князей русских он был настрашен татарами; еще недавно княжество его подверглось страшному опустошению от не очень значительного отряда татар, а теперь Мамай стоит на границах с громадным войском, которого пограничная Рязань будет первую добычею в случае сопротивления. Не надеясь, чтоб и Димитрий московский дерзнул выйти против татар, Олег послал сказать ему о

движениях Мамаю, а сам спешил войти в переговоры с последним и с Ягайлом литовским. Говорят, будто Олег и Ягайло рассуждали так: «Как скоро князь Димитрий услышит о нашествии Мамаю и о нашем союзе с ним, то убежит из Москвы в дальние места, или в Великий Новгород, или на Двину, а мы сядем в Москве и во Владимире; и когда хан придет, то мы его встретим с большими дарами и упросим, чтоб возвратился домой, а сами с его согласия разделим Московское княжество на две части – одну к Вильне, а другую к Рязани и возьмем на них ярлыки и для потомства нашего».

Но Димитрий не думал бежать ни в Новгород Великий, ни на Двину, а назначил всем полкам собираться в Коломну к 15 августа, отправивши наперед сторожей в степь, которые должны были извещать его о движениях Мамаю. Перед выступлением из Москвы великий князь отправился в Троицкий монастырь, недавно основанный св. пустынником Сергием, о котором было уже раз упомянуто в рассказе о нижегородских событиях; Сергей благословил Димитрия на войну, обещая победу, хотя соединенную с сильным кровопролитием, и отпустил с ним в поход двух монахов – Пересвета и Ослябя, из которых первый был прежде боярином в Брянске, и оба отличались в миру своим мужеством. Оставя в Москве при жене и детях воеводу Федора Андреевича, Димитрий выехал в Коломну, куда собралась огромная рать, какой прежде никогда не видывали на Руси, – 150000 человек! Кроме князей воеводами были: у коломенского полка – Николай Васильевич Вельяминов, сын последнего тысяцкого, у владимирского – Тимофей Валуевич, у костромского – Иван Родионович, у переяславского – Андрей Серкизович; пришли и два князя иноплеменных, два Олгердовича: Андрей и Димитрий.

Весть о сильном вооружении московского князя, должно быть, достигла Мамаю, и он попытался было сначала кончить дело миром; послы его явились в Коломну с требованием дани, какую великие князья платили при Узбеке и Чанибеке; но Димитрий отвергнул это требование, соглашаясь платить только такую дань, какая была определена между ним и Мамаем в последнее свидание их в Орде.

20 августа великий князь выступил из Коломны и, пройдя границы своего княжества, стал на Оке, при устье Лопастны, осведомляясь о движениях неприятельских; здесь соединился с ним двоюродный брат его Владимир Андреевич серпуховской, приехал и большой воевода московский Тимофей Васильевич Вельяминов с остальными полками.

Тогда, видя все полки свои в сборе, Димитрий велел переправляться через Оку; в воскресенье, за неделю до Семенова дня (1 сентября), переправилось войско, в понедельник переехал сам великий князь с двором своим, и шестого сентября достигли Дона. Тут приспела грамота от преподобного игумена Сергия, благословение от святого старца идти на татар; «чтоб еси, господине, таки пошел, а поможет ти бог и святая богородица», – писал Сергей. Устроили полки, начали думать; одни говорили: «Ступай, князь, за Дон», а другие: «Не ходи, потому что врагов много, не одни татары, но и литва и рязанцы». Димитрий принял первое мнение и велел мостить мосты и искать броду; в ночь 7-го сентября начало переправляться войско за Дон; утром на другой день, 8 сентября, на солнечном восходе был густой туман, и когда в третьем часу просветлело, то русские полки строились уже за Доном, при устье Непрядвы. Часу в двенадцатом начали

показываться татары: они спускались с холма на широкое поле Куликово; русские также сошли с холма, и сторожевые полки начали битву, какой еще никогда не бывало прежде на Руси: говорят, что кровь лилась, как вода, на пространстве десяти верст, лошади не могли ступать по трупам, ратники гибли под конскими копытами, задыхались от тесноты. Пешая русская рать уже лежала как скошенное сено, и татары начали одолевать. Но в засаде в лесу стояли еще свежие русские полки под начальством князя Владимира Андреевича и известного уже нам воеводы московского, Дмитрия Михайловича Волынского-Боброка. Владимир, видя поражение русских, начал говорить Волынскому: «Долго ль нам здесь стоять, какая от нас польза? Смотри, уже все христианские полки лежат мертвы». Но Волынский отвечал, что еще нельзя выходить из засады, потому что ветер дует прямо в лицо русским.

Но чрез несколько времени ветер переменился. «Теперь пора!» – сказал Волынский, и засадное ополчение бросилось на татар. Это появление свежих сил на стороне русских решило участь битвы: Мамай, стоявший на холме с пятью знатнейшими князьями и смотревший оттуда на сражение, увидел, что победа склонилась на сторону русских, и обратился в бегство; русские гнали татар до реки Мечи и овладели всем их станом.

Возвратившись с погони, князь Владимир Андреевич стал на костях и велел трубить в трубы; все оставшиеся в живых ратники собрались на эти звуки, но не было великого князя Дмитрия; Владимир стал спрашивать: не видал ли кто его? Одни говорили, что видели его жестоко раненного, и потому должно искать его между трупами; другие, что видели, как он отбивался от четырех татар и бежал, но не знают, что после с ним случилось; один объявил, что видел, как великий князь, раненный, пешком возвращался с боя. Владимир Андреевич стал со слезами упрашивать, чтоб все искали великого князя, обещал богатые награды тому, кто найдет. Войско рассеялось по полю; нашли труп любимца Дмитриева Михаила Андреевича Бренка, которого перед началом битвы великий князь поставил под свое черное знамя, велел надеть свои латы и шлем; остановились над трупом одного из князей белозерских, похожего на Дмитрия, наконец двое ратников, уклонившись в сторону, нашли великого князя, едва дышащего, под ветвями недавно срубленного дерева. Получивши весть, что Дмитрий найден, Владимир Андреевич поскакал к нему и объявил о победе; Дмитрий с трудом пришел в себя, с трудом распознал, кто с ним говорит и о чем; панцирь его был весь избит, но на теле не было ни одной смертельной раны.

Летописцы говорят, что такой битвы, как Куликовская, еще не бывало прежде на Руси; от подобных битв давно уже отвыкла Европа. Побоища подобного рода происходили и в западной ее половине в начале так называемых средних веков, во время великого переселения народов, во время страшных столкновений между европейскими и азиатскими ополчениями: таково было побоище Каталонское, где полководец римский спас Западную Европу от гуннов; таково было побоище Турское, где вождь франкский спас Западную Европу от аравитян. Западная Европа была спасена от азиатцев, но восточная ее половина надолго еще осталась открытою для их нашествий; здесь в половине IX века образовалось государство, которое должно было служить оплотом для Европы против Азии; в XIII веке этот оплот был, по-видимому, разрушен; но основы европейского государства спаслись на отдаленном северо-востоке; благодаря сохранению этих основ государство в

полтора года лет успело объединиться, окрепнуть – и Куликовская победа послужила доказательством этой крепости; она была знаком торжества Европы над Азией; она имеет в истории Восточной Европы точно такое же значение, как победы Каталонская и Турская имеют в истории Европы Западной, и носит одинакий с ними характер, характер страшного, кровавого побоища, отчаянного столкновения Европы с Азией, долженствовавшего решить великий в истории человечества вопрос – которой из этих частей света восторжествовать над другою?

Таково всемирно-историческое значение Куликовской битвы; собственно, в русской истории она служила освящением новому порядку вещей, начавшемуся и утвердившемуся на северо-востоке. Полтора года лет назад татарские полчища встретились впервые с русскими князьями в степи, на берегах Калки: здесь была в сборе Южная Русь, которая носила преимущественно название Руси, здесь было много храбрых князей и богатырей, здесь был самый храбрый из князей – Мстислав Мстиславич торопецкий; но этот самый Мстислав завел распрю (которую) с братьями и погубил войска. На севере исполнилось то, чего так боялся отец Мстиславов: младшие братья-князья стали подручниками старшего, великого князя, и когда этот князь вывел их против татар на берега Дона, то не было между ними никаких котор и победа осталась за Русью. Но Куликовская победа была из числа тех побед, которые близко граничат с тяжким поражением. Когда, говорит предание, великий князь велел счесть, сколько осталось в живых после битвы, то боярин Михайла Александрович донес ему, что осталось всего сорок тысяч человек, тогда как в битву вступило больше четырехсот тысяч. Если историк и не имеет обязанности принимать буквально последнего показания, то для него важно выставленное здесь отношение живых к убитым. Четверо князей (двое белозерских и двое тарусских), тринадцать бояр и троцкий монах Пересвет были в числе убитых. Вот почему в украшенных сказаниях о Мамаевом побоище мы видим, что событие это, представляясь, с одной стороны, как великое торжество, с другой – представляется как событие плачевное, жалость. Была на Руси радость великая, говорит летописец; но была и печаль большая по убитым от Мамаю на Дону; оскудела совершенно вся земля Русская воеводами, и слугами, и всяким воинством, и от этого был страх большой по всей земле Русской. Это оскудение дало татарам еще кратковременное торжество над куликовскими победителями.

Мамай, возвратившись в Орду, собрал опять большое войско с тем, чтоб идти на московского князя, но был остановлен другим врагом: на него напал хан заяицкий Тохтамыш, потомок Орды, старшего сына Джучиева. На берегах Калки встретился Мамай с Тохтамышем, был разбит и бежал в Кафу к генуэзцам, которые убили его.

Тохтамыш, овладевши Золотою Ордою, отправил к московскому и другим князьям русским послов известить их о своем воцарении. Князья приняли послов с честью и отправили своих послов в Орду с дарами для нового хана. В 1381 году Тохтамыш отправил к великому князю посла Ахкозю, который называется в летописи царевичем, с семьями татар; но Ахкозя, доехавши до Нижнего Новгорода, возвратился назад, не смел ехать в Москву; он послал было туда несколько человек из своих татар, но и те не осмелились въехать в Москву. Тохтамыш решился разогнать этот страх, который напал на татар после Куликовской битвы; в 1382 году он велел пограбить русских гостей в Болгарии,

перехватить их суда, а сам внезапно с большим войском перевезся через Волгу и пошел к Москве, наблюдая большую осторожность, чтоб в Русской земле не узнали о его походе. Эта скрытность и поспешность Тохтамыша показывают всего лучше перемену в татарских отношениях вследствие Куликовской битвы: хан надеется иметь успех, только напавши врасплох на московского князя, боится встретить его войско в чистом поле, употребляет осторожность, хитрость – орудие слабого – и тем самым обнаруживает слабость Орды перед новым могуществом Руси.

Нижегородский князь, узнавши о походе Тохтамыша, послал к нему двоих сыновей своих, Василия и Семена, которые едва могли нагнать хана на границах рязанских.

Здесь же встретил Тохтамыша и князь Олег рязанский, упросил его не воевать Рязанской области, обвел его около нее и указал броды на Оке. Димитрий московский, узнавши о приближении татар, хотел было выйти к ним навстречу; но область его, страшно оскудевшая народом после Куликовского побоища, не могла выставить вдруг достаточного числа войска, и великий князь уехал сперва в Переяславль, а потом в Кострому собирать полки. Тохтамыш взял Серпухов и приближался к Москве, где без князя встало сильное волнение: одни жители хотели бежать, а другие хотели запереться в кремле. Начались распри, от распрей дошло до разбоя и грабежа: кто хотел бежать вон из города, тех не пускали, били и грабили; не пустили ни митрополита Киприана, ни великую княгиню Евдокию, ни больших бояр: во всех воротах кремлевских стояли с обнаженным оружием, а со стен метали камнями в тех, кто хотел выйти из города, насилу наконец согласились выпустить митрополита и великую княгиню.

Мятеж утих, когда явился в Москве литовский князь Остей, которого летописец называет внуком Олгердовым. Остей принял начальство, укрепил кремль и затворился в нем с москвичами. 23 августа показались передовые татарские отряды; они подъехали к кремлю и спросили: «В городе ли великий князь Димитрий?» Им отвечали, что нет. Тогда они объехали вокруг всего кремля, осмотрели его со всех сторон: все вокруг было чисто, потому что сами граждане пожгли посады и не оставили ни одного тына или дерева, боясь примета к городу. Между тем внутри кремля добрые люди молились день и ночь, а другие вытащили из погребов боярских меды и начали пить; хмель ободрил их, и они стали хвастаться: «Нечего нам бояться татар, город у нас каменный, крепкий, ворота железные; татары долго не простоят под городом, потому что им будет двойной страх: из города будут нас бояться, а с другой стороны – княжеского войска, скоро побегут в степь».

Некоторые вошли на стены и начали всячески ругаться над татарами; те грозили им издали саблями...

На другой день, 24 числа, подошел к кремлю сам Тохтамыш, и началась осада.

Татары пускали стрелы как дождь, стреляли без промаха, и много падало осажденных в городе и на стенных забралах; неприятель поделал уже лестницы и лез на стены; но граждане лили на него из котлов горячую воду, кидали камнями, стреляли из самострелов, пороков, тюфяков (ружей) и пушек, которые здесь в первый раз упоминаются. Один купец-суконник, именем Адам, стоявший над Фроловскими воротами, пустил стрелу из самострела и убил одного знатного

князя татарского, о котором очень жалел Тохтамыш. Три дня уже бились татары под кремлем, и не было надежды взять его силою; тогда хан вздумал употребить хитрость: на четвертый день подъехали к стенам большие князья ордынские и с ними двое князей нижегородских, Василий и Семен, шурья великого князя Дмитрия; они стали говорить осажденным: «Царь хочет жаловать вас, своих людей и улусников, потому что вы не виноваты: не на вас пришел царь, а на князя Дмитрия, от вас же он требует только, чтоб вы встретили его с князем Остеем и поднесли небольшие дары; хочется ему поглядеть ваш город и побывать в нем, а вам даст мир и любовь».

Нижегородские князья дали москвитянам клятву, что хан не сделает им никакого зла. Те поверили, отворили кремлевские ворота, и вышли лучшие люди со князем Остеем, со крестами и с дарами. Но татары сперва взяли к себе тайком в стан князя Остея и убили его; потом подошли к воротам и начали без милости рубить духовенство, ворвались в кремль, всех жителей побили или попленили, церкви разграбили, взяли казну княжескую, имение частных людей, пожгли и книги, которых множество отовсюду было снесено в кремль. Эта беда случилась 26 августа.

Взявши Москву, Тохтамыш распустил рать свою к Владимиру и Переяславлю; другие отряды взяли Юрьев, Звенигород, Можайск, Боровск, Рузу, Дмитров; волости и села попленили; Переяславль был сожжен, но многие жители его успели спастись в лодках на озеро. Великий князь Дмитрий с семейством своим укрылся в Костроме; митрополит Киприан – в Твери. Тверской князь Михаил послал к Тохтамышу киличя своего с честью и с большими дарами, за что хан послал к нему свое жалованье, ярлык и не тронул тверских владений. Между тем князь Владимир Андреевич стоял близ Волока с большою силою; один из Тохтамышевых отрядов, не зная об этом, подъехал к нему и был разбит; испуганные татары прибежали к своему хану с вестию о большом русском войске – и тогда опять ясно обнаружилась решительная перемена в отношениях Руси к татарам, обнаружилось следствие Куликовской битвы; едва успел узнать Тохтамыш, что великий князь стоит в Костроме, а брат его Владимир у Волока, как тотчас стянул к себе все свои войска и пошел назад, взявши на дороге Коломну и опустошивши Рязанскую землю. По уходе татар великий князь и брат его Владимир возвратились в свою опустошенную отчину, поплакали и велели хоронить убитых: Дмитрий давал за погребение 80 тел по рублю и издержал на это 300 рублей, следовательно, погребено было 24000 человек.

Бедою Москвы спешил воспользоваться тверской князь Михаил Александрович, вместе с сыном Александром он поехал в Орду, и поехал не прямою дорогою (не прямыми), но околицами, опасаясь и таясь от великого князя Дмитрия: он хотел искать себе великого княжения Владимирского и Новгородского. Это заставило великого князя отправить в Орду сына своего Василия с старшими боярами, верными и лучшими, тягаться с Михаилом о великом княжении. Весною 1383 года отправился Василий в Орду, и летом того же года приехал в Москву посол от Тохтамышя с добрыми речами и с пожалованием. Но за эти добрые речи и пожалование надобно было дорого заплатить: был во Владимире лютый посол от Тохтамышя, именем Адаш, и была дань великая по всему княжению Московскому, с деревни по полтине, тогда же и золотом давали в Орду, говорит летописец под 1384 годом. К таким уступкам великий князь

приневолен был не одною невозможностию опять вступить в открытую борьбу с Ордою после недавних разорений, но еще и тем, что сын его Василий был задержан Тохтамышем, который требовал за него 8000 окупа, и только в конце 1385 года молодой князь успел спастись бегством из плена. После этого мы ничего не знаем об отношениях московского князя к Тохтамышу; летопись упоминает только о двукратном нашествии татар на Рязанские земли. Не одни отношения татарские занимали Дмитрия после Куликовской битвы. Союзник Мамаев, Олег рязанский, знал, что ему нечего ожидать добра от московского князя, и потому, приказав по возможности препятствовать возвращению московских войск чрез свою землю, сам убежал в Литву. Дмитрий послал было в Рязань своих наместников, но увидел, что еще трудно будет удержать ее против Олега, и потому помирился с последним.

Договор дошел до нас: Олег, подобно Михаилу тверскому, признает себя младшим братом Дмитрия и равным московскому удельному князю – Владимиру Андреевичу; определены границы между обоими княжествами, причем Олег уступил Дмитрию три места; Мещера, купленная князем московским, остается за ним; упоминается о местах татарских, которые оба князя, и московский и рязанский, взяли за себя; Олег обязался разорвать союз с Литвою и находиться с нею в тех же самых отношениях, в каких и великий князь московский; точно так же и с Ордою и со всеми русскими князьями. Мы видели, что во время Тохтамышева нашествия Олег рязанский последовал примеру Дмитрия нижегородского, вышел навстречу к хану с челобитьем и обвел татар мимо своей области; но следствия этого поступка для Олега были иные, чем для князя нижегородского: прежде всего татары на возвратном пути опустошили Рязанское княжество, но едва Тохтамыш выступил из рязанских пределов, как московские полки явились в волостях Олега и разорили то, что не было тронато татарами: злее ему стало и татарской рати, говорит летописец. Олег, собравшись с силами, отомстил за это в 1385 году: он напал нечаянно на Коломну, взял и разграбил ее; Дмитрий отправил против него войско под начальством Владимира Андреевича. Но москвитяне потерпели поражение, потеряли много бояр и воевод. Дмитрий стал хлопотать о мире, отправлял к рязанскому князю послов, но никто не мог умолить Олега; наконец по просьбе великого князя отправился в Рязань троицкий игумен, св. Сергей. Летописец говорит, что этот чудный старец тихими и кроткими речами много беседовал с Олегом о душевной пользе, о мире и любви; князь Олег переменил свирепость свою на кротость, утих и умилился душою, устыдясь такого святого мужа, и заключил с московским князем вечный мир. Этот мир был скреплен даже семейным союзом: сын Олега женился на дочери Дмитрия.

В 1383 году умер Дмитрий Константинович нижегородский; Тохтамыш отдал ярлык на Нижний по старине брату его Борису; но племянники, сыновья Дмитрия, вооружились по-новому против дяди и с помощью зятя своего, Дмитрия московского, принудили его к уступке Нижнего. Летописец говорит, будто Борис пророчил племянникам, что они будут плакать от врагов своих. Пророчество это исполнилось, как увидим впоследствии.

С именем Дмитрия Донского в нашей истории неразлучно имя двоюродного брата его, Владимира Андреевича, который называется также Донским и Храбрым. Мы видели, что великие князья тверской и рязанский в договорах с

великим князем московским приравняются к Владимиру Андреевичу, и потому для нас очень любопытно знать отношения последнего к старшему двоюродному брату. К счастью, до нас дошли три договорные грамоты, заключенные между ними. Первая написана в 1362 году. Братья обязываются жить так, как жили отцы их с старшим своим братом, великим князем Симеоном; Симеонову договорную грамоту с братьями мы знаем, но в ней нет таких любопытных мест, какие находим в грамоте Димитрия и Владимира, например: «Тебе, брату моему младшему, князю Владимиру, держать под мною княженье мое великое честно и грозно; тебе, брату моему младшему, служить мне без ослушанья по уговору (по згадце), как будет мне надобно и тебе: а мне тебя кормить по твоей службе». Владимир обязывается не искать под Димитрием удела Симеонова: этим вводится новый обычай, по которому выморочный удел поступает прямо к великому князю, без раздела с родичами. Большая статья посвящена боярам. Несмотря на допущение перехода бояр от великого князя к удельному и наоборот, старший брат уже делает попытку распространить свое влияние на бояр младшего; к этому он приступает следующим образом: «Если случится мне отпускать своих воевод из великого княжения, то ты должен послать своих воевод с моими вместе без ослушанья; а кто ослушается, того я буду казнить, а ты вместе со мною. Если захочешь кого-нибудь из бояр оставить при себе, то ты должен мне об этом доложить, и мы решим вместе – кому остаться и кому ехать». В 1371 г. был заключен второй договор, по которому Владимир обязался не искать Московской отчины Димитриевой и великого княжения Владимирского не только под Димитрием, но и под сыновьями его, обязался в случае смерти Димитриевой считать старшего сына его, а своего племянника старшим братом и служить ему. Мы видели, что еще в первом договоре с двоюродным братом великий князь выговаривал себе право наказывать Владимировых бояр в известном случае. В 1389 году Димитрий захотел воспользоваться этим правом, хотя нам и неизвестно, чем именно бояре Владимировы навлекли на себя гнев великого князя; последний велел схватить старших из них и развести по разным городам, где держали их под крепкою стражею, под надзором жестоких приставников. О неприязненных действиях со стороны Владимира сохранилось известие: он захватил несколько деревень великокняжеских. Ссора, впрочем, была непродолжительна, и братья заключили третий договор. В этом договоре окончательно и ясно определены отношения Владимира к семейству старшего двоюродного брата. Димитрий называет себя уж не старшим братом, но отцом Владимиру; старший сын великого князя Василий называется старшим братом Владимира, второй сын, Юрий, просто братом, т.е. равным; а меньшие сыновья – младшими братьями. В остальных статьях этот договор сходен с первым; заметим только следующие выражения, которые показывают также новые отношения между родичами: Димитрий говорит Владимиру: «Ты мне челом добил чрез отца моего Алексея, митрополита всея Руси, и я тебя пожаловал, дал тебе Лужу и Боровск».

Строго начал поступать великий князь московский с боярами удельного князя; злая участь постигла и московского боярина, дерзнувшего восстать против своего князя.

Мы упоминали об уничтожении сана тысяцкого в Москве и о поведении Ивана Вельяминова и Некомата Сурожанина; мы видели, что Некомат возвратился из Орды в Тверь с ханским ярлыком для князя Михаила; но Вельяминов остался в

Орде и, как видно, продолжал свои происки в стенах московских; летописец говорит глухо: «Много нечто нестроения бысть». В битве на Воже русские поймали какого-то попа, шедшего с татарами из Орды по поручению Ивана Вельяминова; у этого попа обыскали ядовитые коренья, допросили его и сослали в заточение. В 1378 году Вельяминов сам решился явиться на Руси, но следы его были открыты, он схвачен в Серпухове и приведен в Москву. На Кучковом поле, где теперь Сретенка, была совершена первая торжественная смертная казнь, и был казнен сын первого сановника в княжестве; летописец говорит: «Бе множество народа стояща, и мнози прослезися о нем и опечалишася о благородстве его и величестве его». Как знаменит был род Вельяминовых, видно из того, что летописец, говоря о смерти последнего тысяцкого, приводит его родословную. Родной брат казненного Ивана Николай был женат на родной сестре великой княгини московской, дочери Дмитрия Константиновича нижегородского, и великий князь в своих грамотах называет Василия Вельяминова тысяцкого дядею. Даже и после, несмотря на измену и казнь Ивана Вельяминова, род его не потерял своего значения: последний сын Донского Константин был крещен Марьею, вдовою Василия Вельяминова тысяцкого.

Если Калита и Симеон Гордый давали уже чувствовать Новгороду силу московскую, то еще большей грозы должны были ждать новгородцы от смелого внука Калитина. По смерти Иоанна московского желание их исполнилось было: Дмитрий Константинович суздальский, за отца которого они и прежде так хлопотали в Орде, сел на великом княжении во Владимире и немедленно послал своих наместников в Новгород; новгородцы посадили их у себя и суд дали, уговорившись с князем. Неизвестно, когда Новгород признал своим князем Дмитрия московского; только под 1366 годом летописец упоминает прямо уже о ссоре Новгорода с великим князем. Причиной этой ссоры были разбои новгородской вольницы. Еще в 1360 году, в княжение Дмитрия Константиновича, новгородская вольница взяла город Жукотин на реке Каме, перебила там множество татар и разграбила их богатства. Жукотинские князья жаловались хану, и тот велел русским князьям переловить разбойников и прислать к нему в Орду, что и было исполнено тремя князьями – суздальским, нижегородским и ростовским, которые нарочно для того съезжались в Кострому. Под 1363 годом Новгородский летописец говорит, что приехали с Югры дети боярские и молодые люди с воеводами – Александром Абакуновичем и Степаном Ляпою: воевали они по реке Оби до моря, а другая половина рати воевала верховье Оби; двиняне стали против них полком, но были разбиты. В 1366 году пошли опять из Новгорода молодые люди на Волгу без новгородского слова с тремя воеводами: Осипом Варфоломеевичем, Василием Федоровичем, Александром Абакуновичем, много бусурман побили под Нижним и в том же году возвратились поздорову. Но великий князь разорвал за это мир с новгородцами, велел сказать им: «Зачем вы ходили на Волгу и гостей моих пограбили?» Новгородцы отвечали: «Ходили люди молодые на Волгу без нашего слова, но твоих гостей не грабили, били только бусурман; и ты нелюбье отложи от нас». В Вологде слуги московского князя задержали новгородца Василия Даниловича Машкова с сыном и Прокопья Киева, шедших с Двины; но рати не было: новгородцы отправили послов к Дмитрию и заключили мир, вследствие чего великий князь прислал своего наместника в Новгород. К этому времени должен

относиться дошедший до нас договор новгородцев с великим князем Димитрием и двоюродным братом его Владимиром Андреевичем: князья обязались помогать Новгороду в войне с Литвою, Тверью и немцами, а новгородцы обязались помогать князьям в войне с Литвою и Тверью; Димитрий обязался также в случае войны или сам быть в Новгороде, или послать туда брата Владимира и до окончания войны Новгорода не метать, исключая того случая, когда неприятель нападет на собственные его области. Вследствие этого договора в 1364 году, во время войны с немцами, князь Владимир Андреевич приезжал в Новгород.

Но тогда борьба между московским и тверским князем была еще далека до окончания; хан не был расположен к Димитрию, Михаил домогался ярлыка в Орде, и новгородцы заключили с тверским князем обычный договор с условием: «Вынесут тебе из Орды княжение великое, и ты будешь князь великий; если же не вынесут тебе княжения великого из Орды, то пойти твоим наместникам из Новгорода прочь и из новгородских пригородов, и Новгороду в том измены нет». Вследствие этого условия новгородцы и признали великим князем Димитрия московского, когда тот не пустил Михаила во Владимир и сам вынес себе ярлык из Орды. Мы упоминали уже о враждебном столкновении Новгорода с тверским князем, о взятии Торжка и страшном его опустошении. Принужденный после того к миру с великим князем московским, Михаил должен был заключить мир с новгородцами на всей их воле, тверской князь обязался свести своих наместников с Торжка и со всех волостей новгородских, возвратит всех пленных новгородцев и новоторжцев без окупа, возвратит товары, пограбленные у новгородских и новоторжских купцов, тогда как новгородцы не обязались вознаградить тверского князя за убийства и грабежи, причиненные их вольницею на Волге; Михаил обязался также возвратит все товары, захваченные у купцов новгородских и новоторжских до взятия Торжка. Московские князья исполняли свой договор с новгородцами: в 1373 г. князь Владимир Андреевич опять был у них, вероятно для обереганья от Твери; но потом, как видно, отношения изменились, потому что в 1380 году новгородцы сказали своему архиепископу Алексею: «Что б тебе, господин, поехать к великому князю Димитрию Ивановичу?» Владыка принял челобитье детей своих всего Новгорода и поехал в Москву вместе со многими боярами и житыми мужами. Великий князь принял их в любовь, а к Новгороду целовал крест на всей старине новгородской и на старых грамотах. Между тем разбои новгородской вольницы не прекращались: в 1369 году осенью шло Волгою 10 ушкуев (разбойничьих судов), а иные шли Камою, и били их под Болгарами; в следующем году дважды ходили новгородцы Волгою и много зла наделали. В 1371 году ушкуйники разграбили Ярославль и Кострому. В 1374 году разбойники в 90 ушкуях пограбили Вятку; потом взяли Болгары и хотели зажечь город, но жители откупились 300 рублей, после чего разбойники разделились: 50 ушкуев пошли вниз по Волге, к Сараю, а 40 – вверх, дошли до Обухова, опустошили все Засурье и Маркваш, высадились на левый берег Волги, истребили суда свои, отправились к Вятке на лошадях и дорогою разорили много сел по берегам Ветлуги. В 1375 году, в то время, когда великий князь Димитрий стоял под Тверью, новгородские разбойники на 70 ушкуях под начальством Прокопа и какого-то смольнянина явились под Костромою: тамошний воевода Плещеев вышел к ним навстречу с 5000 рати, тогда как разбойников было только 1500 человек; но Прокоп разделит свой отряд на две части: с одною вступил в битву с

костромичами, а другую отправил тайком в лес, в засаду. Удар этой засады в тыл Плещееву решил дело в пользу разбойников, которые вошли в беззащитный город и жили здесь целую неделю, грабя дома и забирая в плен жителей; они забрали с собою только то, что было подороже и полегче, остальное побросали в Волгу или пожгли, пленников взяли на суда и поплыли дальше вниз. Ограбивши и зажегши Нижний Новгород, они повернули в Каму и, помедливши здесь некоторое время, вошли в Волгу; в городе Болгарах продали бусурманам жен и девиц, плененных в Костроме и Нижнем, и поплыли в насадах по Волге вниз, к Сараю, грабя гостей христианских, а бусурман побивая; они доплыли таким образом до самой Астрахани, но князь астраханский перебил их всех обманом. Будучи занят отношениями ордынскими, великий князь Димитрий не мог обратить большого внимания на подвиги волжан, как называли ратников Прокопа; но, окончивши дела рязанские, покойный со стороны Тохтамыша и для сохранения этого спокойствия имея нужду в деньгах, Димитрий решился разделаться и с новгородцами. В 1385 году приезжали от него в Новгород бояре брать черный бор по тамошним волостям, причем дело не обошлось без ссоры; новгородские бояре ездили на Городище тягаться с московскими боярами об обидах, причем дворня (чадь) главного московского боярина, Федора Свибла, побежала прямо с Городища в Москву, не удовлетворивши новгородцев за обиды; впрочем, другие низовцы (москвичи) остались в городе добирать черный бор; а в следующем году отправился к Новгороду сам великий князь с войском, собранным из 29 волостей, в числе которых упоминается Бежецкая и Новоторжская; причиною похода были выставлены разбои волжан, взятие ими Костромы и Нижнего и еще то, что новгородцы не платили княжеских пошлин. Новгородцы отправили навстречу к великому князю послов с челобитьем о мире, но Димитрий отпустил их без мира и остановился в 15 верстах от Новгорода. Сюда приехал к нему владыка Алексей и сказал: «Господин князь великий! я благословляю тебя, а Великий Новгород весь челом бьет, чтобы ты заключил мир, а кровопролития бы не было, за виноватых же людей Великий Новгород доканчивает и челом бьет тебе 8000 рублей». Но великий князь, сильно сердясь на Новгород, не послушал и владыки; тот поехал назад без мира, пославши наперед себя сказать новгородцам: «Великий князь мира не дал, хочет идти к Новгороду, берегитесь». Тогда новгородцы поставили острог и пожгли около города 24 монастыря великих и всякое строение вне города за рвом: много было убытку новгородцам и монашескому чину, говорит летописец; кроме того, великокняжеские ратники много волостей повоевали, у купцов много товару пограбили, много мужчин, женщин и детей отослали в Москву; новоторжцы, большие люди, вбежали в Новгород, и из иных волостей много народу побежало туда же.

Наконец, новгородцы отправили третье посольство к великому князю: послали архимандрита Давыда, семь священников и пять человек житых, с конца по человеку, которым и удалось уговорить Димитрия к миру по старине: новгородцы взяли с полатей у св. Софии 3000 рублей и послали к великому князю с двумя посадниками, остальные же 5000 рублей обещали взять на заволоцких жителях, потому что они также грабили по Волге.

В то время, когда рать московская стояла под Новгородом, начальниками рати новгородской были князья: Патрикий Наримантович, Роман Юрьевич и какие-то

копорские князья. Не наученные примером Нариманта, новгородцы продолжали принимать к себе на кормление литовских князей: в 1379 году приехал в Новгород Юрий Наримантович, в 1383 брат его Патрикий, которому новгородцы дали в кормление пригороды: Орехов, Корельский город, половину Копорья и Лузское село; но в следующем году ореховцы и кореляне приехали с жалобой к Новгороду на князя Патрикия, который приехал также в Новгород, поднял посулом Славянский конец и смутил весь город. Славяне стали за князя и целые две недели звонили вече на Ярославовом дворе, а на другой стороне три конца собрали свое вече у св. Софии; тысяцкий Осип с плотничанами и добрыми людьми перешел к Софийскому вечу, за что Славянский конец с Ярославодворского веча ударил на его двор, но плотничане не выдали Осипа, били славлян и ограбили их. Тогда три конца: Неревский, Загородский и Людин – вооружились на Славянский конец и стояли у св. Софии на вече от обеда до вечерни; с ними сначала согласился и Плотницкий конец, желая также идти на славлян, но на другой день отказался, и только три конца написали три одинакие грамоты обетные – стоять заодно, а славяне с князем Патрикием все стояли на вече на Ярославовом дворе. Наконец все пять концов уладились: отняли прежние города у Патрикия, а вместо них дали ему Русу, Ладогу и Наровский берег; написали с ним договорную грамоту и запечатали на вече на Ярославовом дворе. Под 1388 годом летопись упоминает о другой смуте: встали три конца Софийской стороны на посадника Осипа Захарьича, созвонили вече у св. Софии и пошли на двор Осипов как рать сильная, все вооруженные, взяли дом его и хоромы развезли, а посадник Осип бежал за реку в Плотницкий конец; Торговая сторона встала за него вся: начали людей грабить, перевозчиков отбивать от берега, лодки их рассекать, и так продолжалось две недели; наконец сошлись в любовь и дали посадничество Василью Ивановичу. После того как летописец перестал упоминать постоянно об избрании и свержении посадников, мы потеряли возможность представлять непрерывный ряд этих сановников и отличать посадников степенных от старых. Под 1360 годом встречаем в летописи имя посадника Александра; под 1371 и 1375 годом упоминается посадник Юрий Иванович; под 1386 посадник Федор Тимофеевич, под 1388 Осип Захарьич, смененный, как мы видели, Василием Ивановичем, но в том же году упоминаются посадники (старые) Василий Федорович и Михаил Данилович. В договорных грамотах с великим князем Дмитрием московским и Михаилом тверским встречаем имя посадника Юрия; в наказе послам, отправленным из Новгорода к князю Михаилу тверскому, читаем имя посадника Михаила; на печатях, приложенных к этому наказу, читаем имена посадников: Якова, Адриана, Юрия Ивановича.

Псков по-прежнему вел войну с немцами ливонскими, в которой принимал участие и Новгород. В 1362 году пригнали немцы и перебили на Лудве несколько голов на миру; за это псковичи задержали немецких купцов, которых было тогда много во Пскове. В следующем году приехали в Новгород послы немецкие из Юрьева и Феллина договариваться с псковичами; приехали и псковичи, наговорили много, а поехали прочь без мира, за что купцов новгородских задержали в Юрьеве. Тогда новгородцы отправили туда своих послов, по боярину из каждого конца, которым удалось помирить (смовить в любовь) немцев со

псковичами: немцы отпустили новгородских купцов, а псковичи немецких, взявши с них серебро за головы убитых на Лудве.

Мир, как обыкновенно, был непродолжителен; на этот раз миротворцем хотел быть великий князь московский, и в 1367 году посол его Никита приехал в Юрьев, жил здесь долго, но, не сделавши ничего доброго, возвратился во Псков, а вслед за ним явилась рать немецкая и пожгла посад; но стояла только одну ночь под городом и ушла назад. В то же время другая немецкая рать явилась у Велья и разбила псковскую погоню: много пало голов добрых людей. Потом псковичи с каким-то князем Александром отправились к Новому городку (Нейгаузену) воевать чудь, причем небольшой отряд охочих людей под начальством Селила Скертковского поехал в разгон к Киремпе, наткнулся на отряд немецкий и был разбит им. Князь Александр приехал на место битвы, похоронил убитых, собрал раненых, рассеявшихся по лесу, и возвратился назад.

Псковичи отправили послов сказать новгородцам: «Господа братья! Как вы заботитесь об нас, своей братье младшей?» Новгородцы задержали послов немецких, потому что новгородские купцы были задержаны в Юрьеве и других городах ливонских, и в 1368 году отправили войска к Изборску, осажденному немцами. Немцы бросили осаду, слышавши о приближении новгородцев, но в следующем году явились опять под Псков, выстояли под ним три дня и две ночи и ушли, ничего не взявши; летописец упоминает только имена двух убитых псковичей и одного взятого в плен и затравленного немцами. В 1370 году новгородцы и псковичи захотели отомстить рыцарям за их нападения и пошли к Новому городку, но не взяли его, потому что был тверд, говорит Новгородский летописец, а Псковский жалуется на новгородцев, зачем они от Городка не пошли в Немецкую землю, а возвратились назад, не пособивши нимало псковичам, которые одни сожгли Киремпе, и взяли множество добычи. Немцы – одни были побиты, а другие задохнулись от зноя в погребах. В 1371 году новгородский посадник Юрий Иванович с тысяцким и двумя другими боярами заключил мир с немцами под Новым городком; но под 1377 годом летописец упоминает о походе новгородских молодых людей к Новому городку немецкому: они стояли долго под городом, посад весь взяли, волость всю потравили, полона много привели и сами пришли все поздорову.

Во все это время во Пскове и в пригородах мы видим разных князей неизвестного нам происхождения. Так, упоминается изборский князь Евстафий, умерший в 1360 году, вместе с двумя сыновьями; потом упоминается князь Александр; в 1375 году встречаем князя Матфея; но в следующем году прибежал во Псков бывший уже прежде здесь князем Андрей Олгердович; псковичи посадили его к себе на княжение с согласия великого князя московского, и Андрей водил псковские полки на Куликовскую битву, куда брат его, великий князь литовский Ягайло, вел войско для соединения с Мамаем. Днем или еще меньше опоздал Ягайло и, узнавши у Одоева о поражении своего союзника, возвратился назад. После он уже не мог продолжать борьбы с Димитрием московским, потому что внутренние дела заняли все его внимание. Мы видели, что Витовт освободился из плена, следовательно, Ягайлу начала грозить борьба с опасным врагом; но изгнанник не мог действовать против двоюродного брата одними собственными средствами и вошел в сношения с Немецким орденом, обязался в случае, если рыцари помогут ему возвратить отчину, объявить себя подручником

Ордена. Для последнего не могло быть ничего лестнее подобной сделки: он достигал таким образом верховной власти над Литвою, поделенною между враждебными князьями. Великий магистр послал объявить Ягайлу, чтоб он позволил возвратиться в Литву и вступить во владение отчиною Кейстутовичам, находящимся под высокою рукою Ордена. Ягайло не послушался, и война открылась. Сам великий магистр, Конрад Цольнер, вступил в Литву с сильным войском, но подле хоругви Ордена развевалось знамя литовско-жмудское, под которым шел Витовт с отрядом своих приверженцев. Число этих приверженцев все более и более увеличивалось, когда войско вступило на правый берег Немана. Витовт овладел Троками, и как скоро весть об этом разнеслась по краю, толпы литвы и жмуди начали сбегаться к сыну Кейстутову, который скоро увидал себя обладателем почти всего Троцкого княжества. Но едва только великий магистр оставил Литву, как под Троками явилось многочисленное войско Ягайлово и принудило немецкий гарнизон к сдаче крепости. В такой беде Витовт решился на самые большие пожертвования, чтоб получить более деятельную помощь от Ордена; он принял католицизм, объявил себя вассалом Ордена и уступил последнему в полное владение лучшую часть собственной Литвы и Жмуди. В 1384 году Неман опять покрылся многочисленными судами, наполненными всякого рода материалами; положено было возобновить старое Ковно, чтоб из этой крепости удобнее действовать против Ягайла. Сам великий магистр опять предводил ополчением; шесть недель без отдыха работало множество народа, стены нового Ковна поднялись; но крепость уже носила новое, чуждое название Риттерсвердера.

Таким образом, становилось ясно, что Литве готовится участь Пруссии; но, к счастью для Литвы, князья ее поспешили вовремя прекратить усобицу: Ягайло предложил Витовту значительные волости и возобновление прежней братской любви, если он захочет отказаться от союза с общим врагом. Витовт охотно принял предложение, захватил два орденских замка, переменил католицизм на православие, и оба брата начали сообща собирать силы для борьбы с немцами. Целью их усилий был новый ковенский замок – Риттерсвердер – ключ ко всей Литве; они осадили его и стали добывать с необыкновенною деятельностью. Немецкий гарнизон, составленный из выборных ратников орденского войска, выставил также упорное сопротивление.

Каждый день происходили кровавые стычки: в ловкости брали верх немцы, в смелости и отваге – литва и русь; особенно литовские пушки плохо действовали в сравнении с немецкими. Наконец после трехнедельных усилий литовцам и русским удалось сделать пролом в стене, и крепость сдалась в виду немецкого отряда, который не мог подать никакой помощи осажденным.

Примирение Витовта с двоюродным братом принесло Ордену большие потери; по эти потери были только предвестницами страшной опасности, которая начала грозить ему от соединения Литвы с Польшею вследствие брака Ягайла на Ядвиге, наследнице польского престола. Польский король Казимир великий, не имея детей, назначил наследником по себе племянника своего Людовика, короля венгерского; король не мог исполнить своего желания без согласия сейма, и сейм воспользовался этим благоприятным случаем для усиления своих прав на счет прав королевских. Еще при жизни Казимира, в 1355 году, послы от сейма вытребовали у Людовика подтверждения шляхетских прав. Двенадцатилетнее

правление Людовика ознаменовано было беспрестанными смутами, потому что король жил в Венгрии и не обращал большого внимания на Польшу, предоставленную, таким образом, самой себе. В 1382 году умер Людовик; не имея сыновей, он назначил наследником по себе в Польше мужа старшей своей дочери Марии, Сигизмунда, маркграфа бранденбургского, сына чешского короля и немецкого императора Карла IV. Но польские вельможи, собравшись у Радома, постановили: присягнуть второй дочери короля Людовика, Ядвиге, и выбрать ей в мужа князя на всей своей воле. Нашелся и жених: то был князь от крови Пяста, Семовит мазовецкий, которого и выбрали по согласию большинства. Началась война между Семовитом и Сигизмундом, сопровождаемая внутренними волнениями и кровопролитиями. Наконец, в 1384 году Ядвига приехала в Краков и была принята с большою радостью всем народом, который ждал от нее избавления от смут междоусобицы. Надобно было теперь думать о ее браке; Семовит мазовецкий уже успел приобрести нерасположение поляков насильственными поступками против тех, которые не хотели признать его; кроме того, присоединение Мазовии к владениям Казимира великого мало льстило вельможам; по той же причине отвергнут был и другой искатель – Владислав, князь опольский, также потомок Пяста. У Ядвиги был еще другой жених, с которым они вместе воспитывались, к которому была привязана нежною страстью: то был Вильгельм, герцог австрийский. Но Вильгельм не нравился польским вельможам, потому что от него нельзя было ожидать скорой помощи. Их внимание обратил на себя более выгодный жених: в 1385 году явились к Ядвиге послы литовские с предложениями, что князь Ягайло примет римскую веру не только сам, но и со всеми родственниками, вельможами и народом, выдаст без окупа польских пленников, захваченных литовцами в предыдущих войнах, соединит навеки с Польшею свои наследственные и приобретенные владения, поможет Польше возратить потерянные ею земли, привезет в нее некоторые из отцовских и дедовских сокровищ, заплатит сумму, должную Вильгельму австрийскому за несдержанность обещания насчет руки королевича. Ядвиге не очень приятно было это предложение, но сильно нравилось оно вельможам польским; они представили королеве высокую заслугу апостольского подвига, успели поколебать ее отвращение и отправили уже послов к Ягайлу для окончательных переговоров, как вдруг неожиданно является в Кракове Вильгельм австрийский. Тщетно вельможи запретили ему вход в Краковский замок: Ядвига устроила с ним свидание в Францисканском монастыре, и здесь страсть ее к прежнему жениху возобновилась и усилилась до такой степени, что она, как говорят, и слышать не хотела об Ягайле и обвенчалась с Вильгельмом; но когда он хотел пользоваться правами супруга в самом Краковском замке, то с бесчестьем был оттуда изгнан вельможами. Ядвига хотела за ним следовать, но была удержана силою; тогда Вильгельм, опасаясь чего-нибудь еще худшего, поспешил скрыться из Кракова. Между тем Ягайло приближался к этому городу; вельможи и прелаты снова подступили к Ядвиге с просьбами не отказаться от брака с литовским князем и заслужить название просветительницы его народа; молодая королева, охлажденная несколько отсутствием Вильгельма, опять начала колебаться. Ее сильно беспокоила молва, что Ягайло был варвар нравом и урод телом; чтоб увериться в справедливости этих слухов, она отправила к нему навстречу самого преданного себе человека с поручением рассмотреть

хорошенько наружность жениха и изведать его нрав. Ягайла предупредили о цели посольства; он принял посланного с необыкновенною ласкою, и тот, возвратившись к Ядвиге, донес ей, что литовский князь наружностью приятен, красив и строен, роста среднего, длиннолиц, во всем теле нет у него никакого порока, в обхождении важен и смотрит государем. Ядвига успокоилась на этот счет и позволила убедить себя.

В 1386 году совершен был брак Ягайла с Ядвигагою, имевший такое великое влияние на судьбы Восточной Европы. Согласно с условиями, Ягайло отрекся от православия, причем прежнее имя Якова переменял на имя Владислава; ему последовали родные братья, Олгердовичи, и двоюродный Витовт, приехавший с ним на свадьбу в Краков.

Ягайло спешил исполнить и обещание относительно распространения католицизма в Литве: здесь уже прежде было распространено православие; половина виленских жителей исповедовала его; но так как православие распространилось само собою, без особенного покровительства и пособий со стороны светской власти, то по этому самому оно распространялось медленно. Иначе стали действовать латинские проповедники, приехавшие теперь с Ягайлом в Литву: они начали истреблением священных мест старого языческого богослужения, и народ, которого прежние верования были ослаблены давным знакомством с христианскою религиею посредством русских, без большого труда согласился на принятие новой веры. Впрочем, латинские проповедники действовали успешно только в тех местах, которые давно уже находились под русским влиянием, в Жмуди же они встретили упорное сопротивление и были выведены по приказанию Витовта, напуганного тем, что многочисленные толпы народа начали переселяться, чтоб спастись от принуждения к новой религии. Но если католицизму легко было сладить с язычниками собственной Литвы, то очень трудно было бороться с православием, имевшим здесь издавна многочисленных и верных приверженцев; наступательные действия латинства против него начались немедленно: постановлено было, что русские, выходявшие замуж за католиков, должны принимать исповедание мужей своих, а мужья православной веры должны принимать исповедание жен; есть даже известие, что православная церковь в Литве имела мучеников при Ягайле.

Вместе с новостями религиозными явились и политические: князья племени Рюрика и Гедимины принуждены были присягать короне Польской и королеве Ядвиге: так, в 1386 году князь Федор Острожский утвержден был на своей отчине с тем условием, чтоб он и его наследники служили Ягайлу, его преемникам и короне Польской, как прежде служил князь Федор князю Любарту Гедиминовичу волынскому. Но подобный порядок вещей не мог беспрепятственно утвердиться; Литва и Русь не могли легко и добровольно подчиниться Польше в религиозном и политическом отношении, началась борьба: началась она под покровом личных стремлений князей литовских, кончилась восстанием Малой Руси за веру и падением Польши.

Неизвестно, каким образом Андрей Вингольт Олгердович, которого мы видели во Пскове, в Москве и на Куликовом поле со псковичами, успел овладеть опять Полоцком; известно только то, что он вторично восстал на Ягайла под тем предлогом, что последний, принявши католицизм, не имеет более права владеть православными областями. Андрей соединился с немецкими рыцарями, которые

опустошили литовские владения больше чем на 60 миль. Эта война кончилась тем, что другой брат Ягайлов, Скиргайло, взял Полоцк, захватил в плен Андрея, а сына его убил. Но опаснее для Ягайла была новая борьба с Витовтом. Новый польский король назначил наместником Литвы брата своего Скиргайла с титулом великого князя, но столица его была в Троках; в Вильне же сидел Поляк, староста королевский. Характер Скиргайла польские историки описывают самыми черными красками: он был дерзок и жесток, не дрожал ни перед каким злодейством, был почти постоянно в нетрезвом виде и потому был нестерпим для окружающих, которые никогда не могли считать себя безопасными в его присутствии. Иначе отзываются об нем православные летописцы, называя его князем чудным и добрым; причина такого разноречия ясна: Скиргайло оставался верен православию и потому был любим русским народом. Между троцким князем Скиргайлом и гродненским Витовтом скоро возникли несогласия: Витовту наговаривали, что Скиргайло хочет известить его каким бы то ни было образом, не желая иметь соперника в Литве; в нерасположении Ягайла Кейстутович мог убедиться уже из того, что король не хотел дать ему грамот на уступленные области, не согласился придать ему волости князя Любарта волынского; потом это нерасположение обнаружилось еще сильнее, когда Ягайло заключил в оковы посланца Витовтова и вымучивал у него показания о сношениях его князя с князем московским. Все это заставило Витовта вооружиться снова против двоюродных братьев; он хотел было нечаянно овладеть Вильною, но попытка не удалась, и он принужден был с семейством и двором удалиться сперва в Мазовию, а потом к немецким рыцарям.

Опять Ордену открылся удобный случай утвердить свое влияние в Литве, соединение которой с Польшею грозило ему страшною опасностью в двух отношениях: с одной стороны, он не мог с успехом бороться против соединенных сил двух государств; с другой стороны, самое существование его стало теперь более ненужным, ибо он учрежден был для борьбы с язычниками, для распространения между ними христианства по учению западной церкви; но теперь сам великий князь литовский, ставши польским королем и принявши католицизм, обязался утвердить последний и в своих наследственных волостях и усердно исполнял свое обязательство. Немудрено после этого, что рыцари забили сильную тревогу, когда узнали о намерении Ягайла вступить в брак с Ядвигою: они стали разглашать, что это соединение Польши с Литвою грозит гибелью христианству, потому что Литва непременно обратит Польшу в язычество; мы видели, что они поддерживали Андрея полоцкого против Ягайла, а теперь охотно приняли сторону Витовта, который отдал им Жмудь и Гродно под залог. Но Ягайлу удалось взять Гродно. Чтобы поправить дело, Орден в 1390 году выслал в Литву сильное войско, при котором в числе заграничных гостей находился граф Дерби, после ставший герцогом ланкастерским и, наконец, королем английским под именем Генриха IV. После удачной битвы на берегах Вилии крестоносцы осадили Вильну, взяли нижний замок изменою приятелей Витовтовых, но верхнего взять не могли и принуждены были отступить по причине холодных осенних ночей, недостатка в съестных припасах и болезней. В 1391 году, усиленный толпами новых пришельцев из Германии, Франции, Англии и Шотландии, великий магистр Конрад Валленрод в челе 46-тысячного войска вступил в Литву. Витовт с своею жмудью и магистр Ливонского ордена

соединились также с ним, и все двинулись опять на Вильну, но на дороге получили весть, что вся страна на пять миль в окружности этой столицы опустошена вконец самими литовцами. Великий магистр, потеряв надежду прокормить свое войско в опустошенной стране, не мог более думать об осаде Вильны и возвратился назад, удовольствовавшись построением деревянных острожков на берегах Немана, охрана которых поручена была Витовту. Последний с немецким отрядом осадил Гродно, где королевский гарнизон состоял большею частию из русских и литвы, потом из поляков. Сначала осажденные оказали сильное сопротивление; Витовт уже терял надежду взять крепость, как вдруг вспыхнул в ней пожар, а вместе с пожаром ссора между поляками и литовцами, вероятно вследствие подозрения, что пожар произведен последними, расположенными к Витовту. Литовцы пересилили поляков, заперли их, загасили пожар и сдали крепость Кейстуту сыну.

Между тем члены королевского совета в Кракове действовали благоразумнее гродненского гарнизона: они старались всеми силами оторвать опять Витовта от Ордена и успели в этом, потому что сыну Кейстуту тяжело было видеть себя подручником ненавистных рыцарей и вместе с ними пустошить свою отчину; притом король выполнял все его требования, давал ему грамоту на Литву и Жмудь. И вот нечаянно с значительным отрядом войска явился Витовт перед Ковно, где был принят как союзник и верный слуга Ордена, но едва успел он войти в крепость, как велел своим людям занять все важные места, перехватал рыцарей, немецких купцов, приказал разломать мосты на Немане и Вилии, потом также нечаянно овладел Гродном и новыми острожками Ордена. С тех пор, т.е. с 1392 года, мир между Ягайлом и Витовтом не прерывался более. Скиргайло, принужденный отказаться от Литвы в пользу Витовта, получил диплом на достоинство великого князя русского и Киев столицей; но в Киеве сидел другой Олгердович, Владимир, посаженный здесь отцом своим, который выгнал из Киева прежнего князя Федора. Владимир не хотел уступить Руси брату, и Витовт должен был оружием доставить киевский стол Скиргайлу.

Все эти внутренние происшествия не давали князьям литовским возможности думать о наступательных движениях на Северо-Восточную Русь, но они со славою и выгодною успели уничтожить попытку смоленских князей к наступательному движению на Литву.

В 1386 году смоленский князь Святослав Иванович с сыновьями Глебом и Юрием и племянником Иваном Васильевичем собрал большое войско и пошел к Мстиславлю, который прежде принадлежал смоленским князьям и потом был у них отнят литовцами.

Идучи Литовскою землею, смольняне воевали ее, захватывая жителей, мучили их нещадно различными казнями, мужчин, женщин и детей: иных, заперши в избах, сжигали, младенцев на кол сажали. Жители Мстиславля затворились в городе с наместником своим, князем Коригойлом Олгердовичем; десять дней стояли смольняне под Мстиславлем и ничего не могли сделать ему, как в одиннадцатый день поутру показался в поле стяг литовский: то шел великий князь Скиргайло Олгердович; немного подальше выступал другой полк – вел его князь Димитрий-Корибут Олгердович, за полком Корибутовым шел полк Симеона Лугвения Олгердовича, наконец, показалась и рать Витовтова. Литовские полки быстро приближались; смольняне смутились, увидавши их, начали скорее

одеваться в брони, выступили на бой и сошлись с литовцами на реке Вехре под Мстиславлем, жители которого смотрели на битву, стоя на городских забралах. Битва была продолжительна, наконец Олгердовичи одолели; сам князь Святослав Иванович был убит одним поляком в дубраве; племянник его Иван был также убит, а двое сыновей попались в плен.

Литовские князья вслед за бегущими пошли к Смоленску, взяли с него окуп и посадили князем из своей руки Юрия Святославича, а брата его Глеба повели в Литовскую землю.

В таком положении находились дела на востоке и западе, когда в 1389 году умер великий князь московский Димитрий, еще только 39 лет от рождения. Дед, дядя и отец Димитрия в тишине приготовили богатые средства к борьбе открытой, решительной. Заслуга Димитрия состояла в том, что он умел воспользоваться этими средствами, умел развернуть приготовленные силы и дать им вовремя надлежащее употребление. Мы не станем взвешивать заслуг Димитрия сравнительно с заслугами его предшественников; заметим только, что употребление сил происходит обыкновенно громче и виднее их приготовления, и богатое событиями княжение Димитрия, протекшее с начала до конца в упорной и важной борьбе, легко затмило бедные событиями княжения предшественников; события, подобные битве Куликовской, сильно поражают воображение современников, надолго остаются в памяти потомков, и потому неудивительно, что победитель Мамай получил подле Александра Невского такое видное место между князьями новой Северо-Восточной Руси. Лучшим доказательством особенно важного значения, придаваемого деятельности Димитрия современниками, служит существование особого сказания о подвигах этого князя, особого, украшенно написанного жития его. Наружность Димитрия описывается таким образом: «Бяше крепок и мужествен, и телом велик, и широк, и плечист, и чреват вельми, и тяжек собою зело, брадою ж и власы черн, взором же дивен зело». В житии прославляется строгая жизнь Димитрия, отвращение от забав, благочестие, незлобие, целомудрие до брака и после брака; между прочим, говорится: «Аще и книгам неучен беаше добре, но духовныя книги в сердце своем имяше». Кончина Димитрия описывается таким образом: «Разболеся и прискорбен бысть вельми, потом же легчае бысть ему; и паки впаде в большую болезнь и стенание прииде к сердцю его, яко торгати внутреним его, и уже приближися к смерти душа».

Важные следствия деятельности Димитрия обнаруживаются в его духовном завещании; в нем встречаем неслыханное прежде распоряжение: московский князь благословляет старшего своего сына Василия великим княжением Владимирским, которое зовут своею отчиною. Донской уже не боится соперников для своего сына ни из Твери, ни из Суздаля. Кроме Василия у Димитрия оставалось еще пять сыновей: Юрий, Андрей, Петр, Иван и Константин; но двое последних были малолетни; Константин родился только за четыре дня до смерти отцовской, и великий князь поручает свою отчину, Москву, только четверым сыновьям. В этой отчине, т.е. в городе Москве и в станах, к ней принадлежавших, Донской владел двумя жребиями, жребием отца своего Ивана и дяди Симеона, третьим жребием владел Владимир Андреевич: он остался за ним и теперь. Из двух своих жребиев великий князь половину отдает старшему сыну Василию, на старший путь; Другая, половина разделена на три части между остальными

сыновьями. Другие города Московского княжества разделены между четырьмя сыновьями: Коломна – старшему Василию, Звенигород – Юрию, Можайск – Андрею, Дмитров – Петру. Благословляя старшего Василия областью великого княжения Владимирского, к которому принадлежали области Костромская и Переяславская, Дмитрий отдает остальным трем сыновьям города, купленные еще Калитою и окончательно присоединенные только им: Юрию – Галич, Андрею – Белоозеро, Петру – Углич. Предпоследний сын, Иван, сильно обделен: ему ничего не назначено из собственно Московской отчины, удел его ничтожен в сравнении с уделами других братьев. Такую, по-видимому, несправедливость объясняют слова завещателя: «В том уделе волен сын мой князь Иван, который брат до него будет добр, тому даст». Из этих слов видно, что князь Иван был болен и не мог иметь надежды на потомство: вот почему Донской дает ему право распорядиться своим маленьким уделом в пользу того брата, который будет до него добр; в самом деле, Иван умер скоро по смерти отца. Завещание было написано прежде рождения самого младшего сына Константина, и потому на его счет сказано следующее: «А даст бог сына, и княгиня моя поделит его, взявши по доли у больших его братьев». Княгине своей Дмитрий завещал по несколько волостей из уделов каждого сына с тем, чтоб по смерти ее эти волости отошли к тому князю, к уделу которого принадлежали; но теми волостями, которые примыслил сам Дмитрий и дал жене или которые она сама примыслила, великая княгиня могла распорядиться по произволу: «сыну ли которому даст, по душе ли даст». Великой княгине уступлена также неограниченная власть при дальнейшем распределении волостей между сыновьями в следующих случаях: когда умрет один из князей, то уделом его княгиня делит остальных сыновей; если у которого-нибудь из князей убудет отчины, то княгиня вознаграждает его за потерю, отделив ему часть из уделов остальных братьев; если умрет старший сын князь Василий, то его удел переходит к старшему по нем брату; удел последнего княгиня делит между всеми сыновьями. Наконец, завещатель выражает надежду, что сыновья его перестанут давать выход в Орду.

Говоря о важном значении княжения Дмитриева в истории Северо-Восточной Руси, мы не должны забывать и деятельности бояр московских: они, пользуясь обстоятельствами, отстаивали права своего малолетнего князя и своего княжества, которым и управляли до возмужалости Дмитрия. Последний не остался неблагодарен людям, которые так сильно хотели ему добра; доказательством служат следующие места жития его, обнаруживающие всю степень влияния бояр на события Дмитриева княжения. Чувствуя приближение смерти, Дмитрий, по словам сочинителя жития, дал сыновьям следующее наставление: «Бояр своих любите, честь им достойную воздавайте против их службы, без воли их ничего не делайте». Потом умирающий князь обратился к боярам с такими словами: «Вы знаете, каков мой обычай и нрав, родился я перед вами, при вас вырос, с вами царствовал; воевал вместе с вами на многие страны, противникам был страшен, поганых низложил с божиею помощью и врагов покорил, великое княжение свое сильно укрепил, мир и тишину дал Русской земле, отчину свою с вами сохранил, вам честь и любовь оказывал, под вами города держал и большие волости, детей ваших любил, никому зла не сделал, не отнял ничего силою, не досадил, не укорил, не ограбил, не обесчестил, но всех

любил, в чести держал, веселился с вами, с вами и скорбел, и вы не назывались у меня боярами, но князьями земли моей».

Кто же были эти бояре? Первое место между ними принадлежит Димитрию Михайловичу Волынскому-Боброку, победителю рязанцев и решителю Куликовской битвы; он выехал из Волыни в Москву при Донском и женился на сестре великокняжеской, Анне; между свидетелями, подписавшимися на второй духовной великого князя, имя Димитрия Михайловича стоит на первом месте. После Волынского следует Тимофей Васильевич, окольник, который называется также великим воеводою; по родословным книгам, он был брат последнего тысяцкого, Василия Васильевича Вельяминова; в первой духовной Донского он подписался свидетелем на первом месте, во второй духовной – на втором, уступив первое Димитрию Михайловичу Волынскому; подпись эта доказывает, что он не был убит на Куликовском сражении, как говорится в сказаниях. После Тимофея, окольника, на духовных грамотах следует подпись Ивана Родионовича Квашни, который в известиях о Куликовской битве называется костромским воеводою: это был сын известного Родиона Несторовича, боярина Калитина. После имени Ивана Родионовича в духовных великого князя следуют имена двоих Федоров Андреевичей: первый был сын известного уже в предыдущее княжение боярина Андрея Кобылы; но сын, Федор Андреевич, носил уже другое прозвание – Кошка; о знатности этого боярина свидетельствует то, что великий князь тверской Михаил Александрович женил своего сына на его дочери. Другой боярин, Федор Андреевич Свибл, был правнук знаменитого Акинфа чрез сына его, известного уж нам Ивана. Свибл, как мы видели, был начальником рати, опустошившей землю Мордовскую; кто из обоих Федоров Андреевичей был оставлен в Москве воеводою во время Донского похода и кто из них вытягал у смольнян два места, как значится в духовной великого князя, – решить нельзя, ибо прозваний в обоих случаях нет. Во второй духовной встречаем имена двоих Иванов Федоровичей: один из них должен быть сын боярина Федора Кошки; что же касается до другого, то в родословных книгах значится, что у последнего тысяцкого Василия Васильевича был брат Федор Воронеж, у которого был сын Иван, носивший боярское звание. Но очень может быть также и Иван Федорович Уда, происходивший, по родословным, от князей Фоминских-Смоленских; имя одного Ивана Федоровича встречается и в первой духовной и в договорной грамоте с Олгердом. Что касается до остальных имен, встречаемых в подписях на грамотах: Ивана Михайловича, Димитрия Александровича, Симеона Васильевича, Александра Андреевича, Ивана Андреевича, то мы видели прежде имена Михаила, Александра, Василия и Андрея между боярами московскими; Димитрий Александрович может быть или Димитрий Александрович Всеволож, сын выходца смоленского, князя Александра Всеволодовича, который вместе с братом Владимиром упоминается в сказаниях о Донской битве, или внук мурзы Чета, выехавшего при Калите, предка Сабуровых и Годуновых. Относительно Александра Андреевича должно заметить, что, по родословным, между боярами великого князя Димитрия значится Андрей Одинец, у которого был сын Александр Белеут; Александр Белеут вместе с Федором Свиблом и Иваном Федоровичем Удою был послан в 1384 г. в Новгород брать черный бор; но, кроме того, между братьями Федора Андреевича Свибла встречаем имена Александра и Ивана. В летописи под 1367 годом встречаем воеводу Димитрия Минина,

родоначальника Софроновских и Проестевых, посланного против Олгерда вместе с воеводою князя Владимира Андреевича, Акинфом Федоровичем Шубою. Послом в Константинополь с нареченным митрополитом Митяем отправлен был большой боярин Юрий Васильевич Кочевин Олешенский, сын известного нам при Калите Василия Кочевы. В известиях о Куликовской битве упоминается владимирский воевода Тимофей Валуевич, переяславский Андрей Серкизович; по родословным книгам, к великому князю Дмитрию выехал из Орды царевич Серкиз, у которого был сын Андрей; боярином же Донского называется Владимир Данилович Красный Снабдя, потомок князей муромских. В известиях о Куликовской битве упоминается боярин и крепкий воевода Семен Мелик; в родословных значится: «Семен Мелик да Василий: оба из немец пришли». Между убитыми на Дону упоминаются: Михаил Андреевич Бренко, любимец великокняжеский, Семен Михайлович, Михайла и Иван Акинфовичи, Иван Александрович, Андрей Шуба, Валуй Окатьевич, Лев Мазырев, Тарас Шетнев.

Упоминается боярин Михалко Александрович, который сказал великому князю, сколько осталось в живых после Куликовской битвы. Под 1382 годом упоминаются бояре Симен Тимофеевич (сын окольного, по родословным) и Михаил, быть может Михаил Андреевич Челядня, брат Федора Свибла, ездившие за митрополитом Киприаном.

Под 1375 годом упоминается наместник великого князя в Новгороде Иван Прокшинич; послом от великого князя во Псков приезжал Никита. Под 1375 годом упоминается костромской воевода Александр Плещей: по родословным, это был меньшей брат св. митрополита Алексея, сын боярина Федора Бяконты, вышедшего из Чернигова. Дьяком при великом князе Дмитрии был сначала прежний Нестор, а потом Внук.

Четвертый том

Глава первая

Княжение Василия Дмитриевича (1389–1425)

Присоединение к Москве княжества Нижегородского. – Столкновение великого князя с дядею Владимиром Андреевичем Донским. – Договоры великого князя с родными братьями. – Отношения к Новгороду Великому. – Внутренние движения в Новгороде. – Ссора Новгорода со Псковом. – Отношения Москвы к Рязани и Твери. – Усобицы между тверскими князьями. – Нашествие Эдигея на Москву. – Отношение великого князя к татарам после Эдигеева нашествия. – Отношения литовские: взятие Смоленска Витовтом; намерение Витовта овладеть Новгородом; битва Витовта с татарами на Ворскле; вторичное взятие Смоленска Витовтом; борьба московского князя с литовским и мир на Угре; взгляд летописца на литовские и татарские отношения. – Отношения Литвы к Польше и Тевтонскому ордену. – Борьба Пскова и Новгорода с Ливонским орденом. – Борьба Новгорода со шведами. – Смерть Василия Дмитриевича. – Его духовные грамоты. – Бояре Василия.

Молодой сын Донского в самом начале княжения своего показал, что останется верен преданию отцовскому и дедовскому. Через год после того, как посол ханский посадил его на великокняжеский стол во Владимире, Василий отправился в Орду и купил там ярлык на княжество Нижегородское, которое незадолго перед тем выпросил себе в Орде же Борис Константинович. Услыхав о замыслах Васильевых, Борис созвал к себе бояр своих и стал говорить им со слезами: «Господа и братья, бояре и друзья мои! вспомните свое крестное целование, вспомните, как вы клялись мне».

Старшим боярином у него был Василий Румянец, который и отвечал князю: «Не печалься, господин князь! Все мы тебе верны и готовы головы свои сложить за тебя и кровь пролить». Так он говорил своему князю, а между тем пересылался с Василием Дмитриевичем, обещаясь выдать ему Бориса. Василий на возвратном пути из Орды, доехавши до Коломны, отправил оттуда в Нижний Тохтамышева посла с своими боярами. Борис сначала не хотел пускать их в город, но Румянец стал говорить ему: «Господин князь! посол ханский и бояре московские идут сюда за тем, чтоб мир покрепить и любовь утвердить вечную, а ты сам хочешь поднять брань и рать;пусти их в город; что они могут тебе сделать? Мы все с тобою». Но только что посол и бояре въехали в город, как велели звонить в колокола, собрали народ и объявили ему, что Нижний принадлежит уже князю московскому. Борис, услышав об этой новости, послал за боярами и стал говорить им: «Господа мои и братья, милая дружина! вспомните крестное целование, не выдайте меня врагам моим». На это отвечал ему тот же Румянец: «Господин князь! не надейся на нас, мы уже теперь не твои и не с тобою, а на тебя». Борис был схвачен. Немного спустя приехал в Нижний Василий Дмитриевич, посадил здесь своих наместников, а князя Бориса с женою, детьми и доброхотами велел развести в оковах по разным городам и держать за крепкою стражею. По тому же ярлыку кроме Нижнего Василий приобретал Городец, Муром, Мещеру, Тарусу.

Но у Бориса нижегородского оставалось двое племянников – Василий и Семен Дмитриевичи, родные дядья по матери московскому князю; как видно, они оставались княжить в Суздальской волости, обхваченной теперь со всех сторон московскими владениями, или по крайней мере оставались жить в Суздале; но в 1394 году, тотчас по смерти Бориса Константиновича, оба племянника его вследствие притеснений от московского князя, как шел слух, выбежали из Суздаля в Орду добиваться ярлыков на отчину свою – Нижний, Суздаль и Городец. Московский князь послал за ними погоню, но им удалось избежать ее и благополучно достигнуть Орды.

В 1399 году князь Семен Дмитриевич вместе с каким-то татарским царевичем Ейтяком, у которого было 1000 человек войска, подступил к Нижнему Новгороду, где затворились трое московских воевод; три дня бились татары под городом, и много людей пало от стрел, наконец нижегородцы сдали город, взявши с татар клятву, что они не будут ни грабить христиан, ни брать в плен. Но татары нарушили клятву, ограбили всех русских донага, а князь Семен говорил: «Не я обманул, а татары; я в них не волен, я с ними ничего не могу сделать». Две недели пробыли татары в Нижнем с Семеном, но потом, услышавши, что московский князь собирается на них с войском, убежали в Орду. Василий Дмитриевич послал

большую рать с братом своим князем Юрием, воеводами и старшими боярами; они вошли в Болгарию, взяли города: Болгары, Жукотин, Казань, Кременчук, в три месяца повоевали всю землю и возвратились домой с большою добычею.

После этого Семен крился все в татарских местах, не отказываясь от надежды возвратить себе родовое владение. Это заставило московского князя в 1401 году послать двоих воевод своих, Ивана Уду и Федора Глебовича, искать князя Семена, жену, детей, бояр его. В земле Мордовской отыскиали они жену Семенову, княгиню Александру, на месте, называемом Цыбирца, у св. Николы, где бусурманин Хазибаба поставил церковь. Княгиню ограбили и привели вместе с детьми в Москву, где она сидела на дворе Белеутове до тех пор, пока муж ее не прислал к великому князю с челобитьем и покорился ему. Василий, быть может по увещанию св. Кирилла белозерского, дал ему опасную грамоту, получивши которую Семен приехал в Москву, заключил мир с великим князем, взял семейство и больной отправился в Вятку, издавна зависевшую от Суздальского княжества: здесь он через пять месяцев умер.

Этот князь, говорит летописец, испытал много напастей, претерпел много истомы в Орде и на Руси, все добываясь своей отчины; восемь лет не знал он покоя, служил в Орде четверем ханам, все поднимая рать на великого князя московского; не имел он своего пристанища, не знал покоя ногам своим – и все понапрасну. Брат Семенов, Василий, как видно, также помирился с великим князем московским, потому что под 1403 годом встречаем известие о смерти его, случившейся в Городец, и в некоторых летописях он называется прямо князем городецким; но Василий не мог оставить Городец сыну своему Ивану, которого мы видим после в изгнании, а Городец в числе московских владений.

Неизвестно, каким образом освободились сыновья Бориса Константиновича – Иван и Даниил. Имеем, впрочем, право отнести к Ивану Борисовичу следующее место в договорной грамоте великого князя с дядею своим Владимиром Андреевичем: уступая дяде Городец с волостями, великий князь говорит: «А чем я пожаловал князя Ивана Борисовича, в то князю Владимиру и его детям не вступаться». Но в 1411 году встречаем уже известие о бое между сыновьями Борисовыми и князем Петром Димитриевичем на Лыскове; изгнанники с союзниками своими, князьями болгарскими и жукотинским, остались победителями. В том же году князь Даниил Борисович, призвавши к себе какого-то татарского царевича Талыча, послал вместе с ним ко Владимиру тайно лесом боярина своего Семена Карамышева. Татары и дружина Даниилова подкрались к городу в полдень, когда все жители спали, захватили городское стадо, взяли посады и пожгли их, людей побили множество. В соборной Богородичной церкви затворился ключарь, священник Патрикий, родом грек; он забрал сколько мог сосудов церковных и других вещей, снес все это в церковь, посадил там несколько людей, запер их, сошел вниз, отбросил лестницы и стал молиться со слезами пред образом богородицы. И вот татары прискакали к церкви, кричат по-русски, чтоб им ее отперли; ключарь стоит неподвижно перед образом и молится; татары отбили двери, вошли, ободрали икону богородицы и другие образа, ограбили всю церковь, а Патрикия схватили и стали пытаться: где остальная казна церковная и где люди, которые были с ним вместе? Ставили его на огненную сковороду, втыкали щепы за ногти, драли кожу – Патрикий не сказал ни слова; тогда привязали его за ноги к лошадиному хвосту и таким образом

умертвили. Весь город после того был пожжен и пограблен, жителей повели в плен; всей добычи татары не могли взять с собою, так складывали в копны и жгли, а деньги делили мерками; колокола растопились от пожара, город и окрестности наполнились трупами. В 1412 году Борисовичи успели выхлопотать себе в Орде ярлыки на отчину свою; но один ярлык давно уже потерял значение на Руси, и в 1416 году приехали в Москву нижегородские князья Иван Васильевич, внук Димитрия, и Борисович Иван, а сын последнего Иван приехал еще за два года перед тем; в следующем году явился и князь Даниил Борисович, но в 1418 году убежал отсюда опять вместе с братом Иваном. Дальнейших летописных известий о судьбе князей суздальских не встречаем; но имеем право заключать, что Суздальская волость оставалась за ними, потому что великий князь Василий в завещании своем ни слова не говорит о Суздале, отказывая сыну только два примысла свои – Нижний и Муром.

Утверждение нового порядка вещей не обошлось без сопротивлений и в самом роде князей московских: в первый же год княжения Василиева встречаем известие о ссоре великого князя с дядею Владимиром Андреевичем, который выехал из Москвы сперва в свой наследственный город Серпухов, а потом в новгородскую область, в Торжок. Но в начале следующего года находим уже известие о мире между дядею и племянником: Василий придал Владимиру к его отчине два города – Волок и Ржеву. Договор дошел до нас: великий князь выговаривает себе право посылать дядю в поход, и тот должен садиться на коня без слушания. Следующее условие показывает сильную недоверчивость между родственниками. «Если я, – говорит великий князь дяде, – сам сяду в осаде в городе (Москве), а тебя пошлю из города, то ты должен оставить при мне свою княгиню, своих детей и своих бояр; если же я тебя оставлю в городе, а сам поеду прочь, то я оставлю при тебе свою мать, своих братьев младших и бояр». Предположение «Если переменит бог Орду» находится в договоре; видно также, что при заключении договора Василий уже имел намерение примыслить Муром, Торусу и другие места: «Найду я себе Муром, или Торусу, или другие места, то ты (князь Владимир) не участвуешь в издержках, которые я понесу при этом; если же тебе бог даст какие другие места кроме Мурома и Торусы, то мы (великий князь с братьями) не участвуем в твоих издержках». Потом заключен был второй договор с Владимиром, по которому он уступил великому князю Волок и Ржеву и взял вместо них Городец, Углич, Козельск и некоторые другие места. Владимир обязался не вступаться в примыслы великого князя – Нижний Новгород, Муром, Мещеру и ни в какие другие места татарские и мордовские, которые были за дедом Василиевым Димитрием Константиновичем и за ним самим. Владимир обязался в случае смерти великого князя признать старшим, отцом, сына его, а своего внука, Ивана; здесь, впрочем, выговорена небольшая перемена в отношениях. «Если, господин! – говорит Владимир, – будет сын твой на твоём месте и сядет сын твой на коня, то и мне с ним вместе садиться на коня; если же сын твой сам не сядет на коня, то и мне не садиться, а пошлет детей моих, то им сесть на коня без слушанья». В 1410 году умер князь Владимир Андреевич. В завещании он разделил свою волость на пять частей по числу сыновей своих, которых вместе с княгинею своею и боярами приказал великому князю Василию с просьбою печаловаться об них; споры между сыновьями решает княгиня, мать их, и великий князь должен привести в исполнение приговор ее, причем завещатель

прибавляет: «А вотчине бы их и уделам было без убытку». В случае смерти одного из сыновей завещатель распорядился так: «Если не будет у него сына и останется дочь, то все дети мои брата своего дочь выдадут замуж, а брата своего уделом поделаются все поровну».

До нас дошли также договорные грамоты Василия Димитриевича с родными его братьями. В них нет отмен против прежних подобного же рода грамот. Для объяснения последующих событий нужно заметить, что князя Андрей и Петр Димитриевичи обязываются в случае смерти Василия блюсти великое княжение и под сыном его, тогда как в договорной грамоте Юрия этого условия не находится.

Подобно Юрию, и самый младший брат великокняжеский, Константин, не хотел сначала отказаться от прав своих в пользу племянника. Мы видели, что Константин родился незадолго до смерти отца, так что ему в духовной Донского не было назначено никакого удела, и Василий Димитриевич в первом завещании своем, распорядившись насчет родного сына, говорит: «А брата своего и сына, князя Константина, благословляю, даю ему в удел Тошню да Устюжну по душевной грамоте отца нашего, великого князя». Но когда Василий в 1419 году потребовал от братьев, чтоб они отреклись от прав своих на старшинство в пользу племянника, то Константин оказал явное сопротивление. «Этого от начала никогда не бывало», – говорил молодой князь; Василий рассердился, отнял у него удел, и Константин ушел в Новгород, убежище всех недовольных князей; однако скоро он уступил требованиям старшего брата и возвратился в Москву.

С Новгородом Великим началась у московского князя вражда в 1393 году. Давно уже новгородцы одним из главных условий своих с великими князьями ставили, чтоб не звать их к суду в Низовые города; в 1385 году они вздумали приобрести то же право и в отношении к суду церковному; посадник и тысяцкий созвали вече, где все укрепились крестным целованием не ходить в Москву на суд к митрополиту, а судиться у своих владык по закону греческому; написали об этом и утвержденную грамоту. Когда в 1391 году митрополит Киприан приехал в Новгород, то целые две недели уговаривал граждан разодрать эту грамоту. Новгородцы отвечали одними устами: «Целовали мы крест заодно, грамоты пописали и попечатали и души свои запечатали». Митрополит говорил им на это: «Целованье крестное с вас снимаю, у грамот печати порву, а вас благословляю и прощаю, только мне суд дайте, как было при прежних митрополитах». Новгородцы не послушались, и Киприан поехал от них с большим гневом. Московский князь, хорошо зная, что зависеть от митрополита значило зависеть от Москвы, не хотел позволить новгородцам отложиться от суда митрополичьего: примысливши Нижний Новгород, он послал сказать гражданам Великого, чтоб дали ему черный бор, заплатили все княжеские пошлины (княжчины) и чтоб отослали грамоту о суде к митрополиту, который снимет с них грех клятвoprеступления. Новгородцы не согласились, и великий князь отправил дядю своего Владимира Андреевича и брата Юрия с войском к Торжку. Новоторжцы побежали с женами и детьми в Новгород и другие места, и много народу из новгородских волостей сбежалось с домочадцами своими в Новгород. Князь Владимир и Юрий сели в Торжке, а рать распустили воевать новгородские волости; взяты были Волок Ламский и Вологда. Остальные жители Торжка возмутились было и умертвили великокняжеского боярина Максима; но Василий послал перехватать убийц, которые были привезены в Москву и казнены

различными муками. Между тем новгородская охочая рать с двумя князьями (Романом литовским и Константином белозерским) и пятью своими воеводами начала воевать великокняжеские волости, взяла Кличен городок и Устюжню, а из Заволочья новгородцы с двинянами взяли Устюг. Много было кровопролития с обеих сторон, и новгородцы, по словам их летописца, не желая видеть большего кровопролития между христианами, отправили послов к великому князю с челобитьем о старине, а к митрополиту отослали грамоту целовальную; митрополит отвечал: «Я грамоту целовальную беру, грех с вас снимаю и благословляю вас». Великий князь также принял новгородское челобитье и взял мир по старине. Новгородцы дали князю черный бор по своим волостям, заплатили 350 рублей князю и митрополиту зато, что последний благословил их владыку и весь Новгород; те, за которыми были княжчины, поклялись не утаивать их.

Три года прошло мирно: в 1395 году митрополит Киприан приехал в Новгород вместе с послом патриаршим и запросил суда; новгородцы суда ему не дали, и несмотря на то, при отъезде он благословил владыку Ивана и весь Великий Новгород. Но в 1397 году великий князь вдруг послал за Волок на Двину бояр своих, приказавши объявить всей Двинской свободе (колонии): «Чтоб вам задаться за великого князя, а от Новгорода бы отняться? Князь великий хочет вас от Новгорода оборонять, хочет стоять за вас». В дошедших до нас летописях выставлена одна причина такого поступка великокняжеского: Василий Димитриевич вместе с Витовтом литовским отправили послов своих к новгородцам с требованием разорвать мир с немцами; новгородцы не послушались князей и дали такой ответ в Москву: «Князь Василий! С тобою у нас мир, с Витовтом другой, с немцами третий!» Но есть очень вероятное известие, что великий князь решился захватить Заволоцкую свободу, узнавши о сношениях новгородцев с Витовтом литовским, который склонял их поддаться ему.

Как бы то ни было, бояре двинские и все двиняне задались за великого князя и целовали ему крест; но Василий не удовольствовался этим, послал войско захватить Волок Ламский, Торжок, Бежецкий Верх, Вологду, после чего сложил с себя крестное целование к Новгороду и крестную грамоту скинул. Новгородцы сделали то же самое, но хотели кончить дело миром, и когда митрополит прислал ко владыке, чтоб тот ехал в Москву по святительским делам, то вместе с архиепископом новгородцы отправили к великому князю послов своих: владыка подал великому князю благословение и доброе слово, а послы – челобитье от Новгорода; владыка говорил Василию: «Чтоб тебе, господин сын князь великий, мое благословение и доброе слово и новгородское челобитье принять, от Новгорода от своих мужей вольных нелюбье отложить, принять их в старину; чтобы при твоём, сын, княжении другого кровопролития между христианами не было; а что ты, сын князь великий, на крестном целовании отнял у Новгорода Заволочье, Торжок, Волок, Вологду, Бежецкий Верх, того, князь великий, отступишь, пусть пойдет то к Новгороду по старине, и общий суд на порубежьих отложи потому что это не старина». Но великий князь не принял ни благословения, ни доброго слова от владыки, ни челобитья от послов новгородских и мира не взял.

Тогда на следующий (1398) год, весною, новгородцы сказали своему господину владыке отцу Иоанну: «Не можем, господин отец, терпеть такого

насилия от своего князя великого, Василия Димитриевича, что отнял у нас, у св. Софии и у Великого Новгорода пригороды и волости, нашу отчину и дедину, хотим поискать их», – и целовали крест все за один брат, что отыскивать им пригородов и волостей св. Софии и Великого Новгорода, сказали: «Или найдем свою отчину, или головы свои положим за св. Софию и за своего господина, за Великий Новгород». Владыка Иоанн благословил своих детей, и новгородцы с тремя воеводами отправились за Волок, на Двину, к городку Орлецу. На дороге встретил их вельский волостель владыкин, Исаия, и сказал: «Господа воеводы новгородские! наехал князя великого боярин Андрей с двинянами на Софийскую волость Вель в самый велик день, волость св. Софии повоевали, а на головах окуп взяли; от великого князя приехал в засаду, на Двину, князь Федор ростовский городок беречь, судить и пошлины брать с новгородских волостей, а двинские воеводы, Иван да Конон, с своими друзьями волости новгородские и бояр новгородских поделили себе на части». Услыхавши об этом, новгородские воеводы сказали друг другу: «Братья! если так вздумал господин наш князь великий с клятвопреступниками двинскими воеводами, то лучше нам умереть за св. Софию, чем быть в обиде от своего великого князя», – и пошли на великокняжеские волости, на Белоозеро, взяли их на щит, повоевали и пожгли; старый городок белозерский пожгли, а из нового вышли князья белозерские с великокняжескими воеводами и добились челом воеводам новгородским всему войску, заплативши 60 рублей окупа. Новгородцы захватили и Кубенские волости, воевали около Вологды, взяли и сожгли Устюг, где оставались четыре недели; отсюда двое воевод с детьми боярскими ходили к Галичу и только одного дня не дошли до него.

Добычу взяли новгородцы страшную; пленников отпустили на окуп, потому что уже лодьи не поднимали, и многое принуждены были бросить. С Устюга Двиною пошли новгородцы к городку Орлецу, стояли под ним четыре недели, но когда начали бить пороками, то двиняне вышли из городка с плачем, и воеводы, по новгородскому слову, приняли их челобитье, схватили только воевод заволоцких, которые водили Двинскую землю на зло, по словам летописца: одних казнили смертью, других сковали, у князя Федора ростовского взяли присуд и пошлины, которые он побрал, а самого с товарищами оставили в живых; у гостей великокняжеских взяли окупа 300 рублей; у двинян за их вину взяли 2000 рублей да 3000 лошадей. С торжеством возвратилось новгородское войско домой, из 3000 человек потерявши только одного.

Пленный воевода заволоцкий Иван Никитин как главный переветник скинут был с моста; братья его Герасим и Родион выпросили себе у Великого Новгорода жизнь с условием постричься в монахи; четвертый, Анфал, убежал с дороги; за ним погнался Яков Прокофьев с 700 человек и пригнал к Устюгу, где в то время был ростовский архиепископ Григорий и князь Юрий Андреевич; Яков спросил владыку Григория, князя Юрия и устюжан: «Стоите ли за беглеца новгородского Анфала?» Те отвечали, что не стоят. Тогда Яков пошел дальше за Анфалом и настиг его за Медвежьею горою, где беглец с товарищами своими устроил себе острог и бился из-за него с новгородцами; устюжане обманули Якова и в числе 2000 человек пришли на помощь к Анфалу и бились с новгородцами крепко на реке Сухоне, у порога Стрельного: Яков победил, убил 400 человек устюжан и дружины Анфаловой, перетопил других в Сухоне, но сам Анфал убежал в Устюг.

Это было уже в 1399 году; но еще в предыдущем 1398 новгородцы, несмотря на свои успехи, отправили к великому князю архимандрита, посадника, тысяцкого и двоих житых людей со вторичною просьбою о мире и получили его на старинных условиях.

Но в Москве не могли забыть неудачи относительно Заволоцкого края, не могли забыть и того, что владыка Иоанн благословил новгородцев на войну с великим князем. В 1401 году владыка был позван к митрополиту Киприану в Москву для святительских дел, но был задержан там и пробыл в наказании и смирении с лишком три года. В то же время на Двине возобновлена была прежняя попытка: известный нам Анфал Никитин с братом Герасимом, которому удалось выбежать из новгородского монастыря, с полками великокняжескими явились неожиданно в Двинской земле и взяли ее всю на щит, жителей посекали и повешали, имение их забрали, захватили и посадников двинских; но трое из них, собравши вожан, нагнали Анфала и Герасима, бились с ними на Холмогорах и отняли у них бояр новгородских. В то же время великий князь послал двоих бояр своих с 300 человек в Торжок, где они захватили двоих бояр новгородских и взяли имение их, хранившееся в церкви. Как шли дела дальше, неизвестно; в 1402 году великий князь отпустил бояр новгородских, захваченных в Торжке, а в 1404 отпущен был и владыка Иоанн. Потом, под 1406 годом, встречаем известие о приезде в Новгород князя Петра, брата великокняжеского; в 1408 году великий князь послал наместником в Новгород брата своего Константина, чего уже давно не бывало. Анфал Никитич не беспокоил более владений новгородских: в 1409 году он пошел с вятчанами Камою и Волгою на город Болгары, но был разбит татарами и отведен в Орду; избавившись от плена, он явился опять в Вятку, но был здесь убит другим новгородским беглецом, Разсохиным, в 1418 году. Этот Разсохин шел по следам Анфала относительно Новгорода; в 1417 году из Вятки, из отчины великого князя, как выражается новгородский летописец, боярин князя Юрия Димитриевича, Глеб Семенович, с новгородскими беглецами – Жадовским и Разсохиным, с устюжанами и вятчанами наехали в насадах без вести на Заволоцкую землю и повоевали волости Борок, Емцу и Холмогоры, захватили и двоих бояр новгородских. Но четверо других бояр новгородских нагнали Глеба Семеновича и отбили свою братью со всеми другими пленниками и добычею, после чего четверо воевод новгородских пошли с заволочанами в погоню за разбойниками и пограбили Устюг. Это было последнее враждебное столкновение Москвы с Новгородом в княжение Василия Димитриевича, который первый ясно показал намерение примыслить к Москве Заволоцкие владения.

Овладевши Нижним Новгородом с помощью тамошних бояр, великий князь попытался сделать то же самое и в Двинской области; первая попытка была неудачна, но московский князь, верный преданиям своего рода, не теряет надежды на успех, повторяет попытку, не упускает из виду раз намеченной цели. Почетный прием, оказанный новгородцами в 1419 году князю Константину Димитриевичу, поссорившемуся с старшим братом, как видно, не имел неприятных следствий для Новгорода.

Следы внутреннего разделения в Новгороде, разделения между лучшими и меньшими людьми, опять обнаруживаются: в 1418 году какой-то простолюдин Степан схватил боярина Даниила Ивановича и стал кричать прохожим: «Господа, помогите мне управиться с этим злодеем!» Прохожие кинулись на Даниила,

поволокли его к толпе, собравшейся на вече, и стали бить; между прочим, выскочила из толпы какая-то женщина и начала бранить и бить его как неистовая, крича, что он ее обидел; наконец полумертвого Даниила свели с веча и сбросили с моста; но один рыбак, Личков сын, захотел ему добра и взял на свой челн; народ разъярился на рыбака и разграбил его дом, а сам он успел скрыться. Дело этим не кончилось, потому что боярин Даниил хотел непременно отомстить Степану: он схватил его и стал мучить.

Когда разнеслась в народе весть, что Степан схвачен, то зазвонили вече на дворе Ярославовом, собралось множество народа, и несколько дней сряду кричали: «Пойдем на этого Даниила, разграбим его дом!» Подняли доспехи, развернули знамя и пошли на Козмодемьянскую улицу, где разграбили дом Даниилов и много других домов, а на Яневой улице пограбили берег. Тогда козмодемьянцы, боясь, чтоб не было с ними чего хуже, решились выпустить Степана и, пришедши к архиепископу, стали умолять его, чтоб вступился в дело и послал к людскому собранию; святитель исполнил их просьбу и послал священника козмодемьянского вместе с своим боярином, которые и освободили Степана. Но и этим дело не кончилось: народ встал, как пьяный, на другого боярина, Ивана Иевлича, разграбил его дом на Чудинцевой улице и много других домов боярских, мало того, разграбили и Никольский монастырь на поле, говоря, что тут житницы боярские; потом, в то же утро, разграбили много дворов на Люгоще улице, говоря, что там живут их супостаты, пришли было и на Прусскую улицу, но жители ее отбились от грабителей, и это послужило поводом к большому смятению. Вечники прибежали на свою Торговую сторону и начали кричать, что Софийская сторона хочет на них вооружиться и дома их грабить, начали звонить по всему городу – и вот с обеих сторон толпы повалили, как на рать, в доспехах на большой мост, стали уже и падать мертвые: одни от стрел, другие от лошадей; в то же самое время страшная гроза разразилась над городом с громом и молниєю, дождем и градом; ужас напал на обе стороны, и многие начали уже переносить имение свое в церкви. Тогда владыка Симеон пошел в церковь св. Софии, облачился, велел взять крест и образ богородицы и пошел на большой мост, за ним следовали священники, причет церковный и толпа народу. Многие добрые люди плакали, говоря: «Да укротит господь народ молитвами господина нашего святителя!»; другие, припадая к ногам владыки, с плачем говорили: «Иди, святитель, благослови народ, да утишит господь твоим благословением усобную рать!»; а иные прибавляли: «Пусть все зло падет на зачинщиков!» Между тем крестный ход, невзирая на тесноту от вооруженных людей, достиг большого моста; владыка стал посреди него и начал благословлять крестом на обе стороны: тогда одни, видя крест, начали кланяться, другие прослезились; от Софийской стороны пришел старый посадник Федор Тимофеевич с другими посадниками и тысяцкими и стал просить владыку, чтоб установил народ; владыка послал духовника своего, архимандрита Варлаама, и протодьякона на двор Ярославов к св. Николе отнести благословение степенному посаднику Василью Осиповичу, тысяцкому, всему народу и сказать им, чтоб расходились по домам. Те отвечали: «Пусть святитель прикажет своей стороне разойтись, а мы здесь своим, по его благословению, приказываем то же самое», и таким образом все разошлись.

Мы видели, как дорого поплатились новгородцы за своих ушкуйников при Димитрии Донском; это заставляло их строго смотреть, чтоб шайки людей,

обремененных долгами, холопей, рабов не собирались в их волостях и не отправлялись разбойничать на Волгу; это же повело и к ссоре Новгорода со Псковом в 1390 году.

Пошли новгородцы с войском ко Пскову под предводительством князя Семена Олгердовича и стали на Солце. Но тут явились к ним послы псковские и заключили мир с обязательством не вступаться за должников, холопей и рабов, которые ходили на Волгу, но выдавать их. Ушкуйничество, впрочем, не прекратилось: под следующим же годом встречаем известие, что новгородцы, устюжане и другие собрались и пошли в насадах и ушкуях рекою Вяткою и Камою, взяли Жукотин, Казань, выплыли потом на Волгу и пограбили всех гостей. Не прекратилась и вражда Новгорода со Псковом: в 1394 году новгородцы пошли с войском ко Пскову и стояли под ним 8 дней; был у них бой с псковичами, где они потерпели неудачу и принуждены были ночью бежать домой, побросавши свои стенобитные орудия; вследствие этого-то неудачного похода свергнут был, как видно, посадник Осип Захарович. Несмотря, однако, на свое торжество, псковичи не хотели продолжать войны с старшим братом и отправили послов в Новгород; но на этот раз послы возвратились без мира; через два года явились в Новгород новые знатные послы из Пскова и били челом владыке Иоанну: «Чтобы ты, господин, благословил детей своих Великий Новгород, чтобы господин наш Великий Новгород нелюбье нам отдал и принял бы нас в старину». Владыка благословил детей своих: «Вы бы, дети, мое благословение приняли, псковичам нелюбье отдали и свою братью младшую приняли по старине; потому что, дети, видите, уже последнее время приходит, надобно христианам быть заодно».

Новгородцы послушались и заключили мир по старине.

Но если после этого не было войны между Новгородом и Псковом, зато не было и единогодушного союза между ними, какого желал владыка; и после псковский летописец постоянно жалуется, что новгородцы не помогают псковичам. Отношения между старшим и младшим братом были таковы, что они не могли действовать заодно; но этот недостаток единства между ними пролагал московским князьям путь к усилению своей власти, к собранию Русской земли. Действительно, по словам новгородского владыки, приходило теперь последнее время, но последнее время для особого существования Новгорода, Пскова и других русских волостей. Угрожаемый немцами и Литвою, оставляемый без помощи Новгородом, Псков необходимо должен был обратиться к сильному князю московскому, который теперь имел возможность заняться его делами, оборонить отчину св. Ольги, и вот с последнего года XIV века во Пскове происходит важная перемена: он начинает принимать князей от руки великого князя московского. Таким образом, сын Донского примыслил богатые волости на берегах Оки и Волги, утвердил свое влияние во Пскове, заставил новгородцев держать свое княжение честно и грозно, потому что грозил постоянно их богатым колониям заволочким. Рязань и Тверь, слабые, волнуемые усобицами, не могли и думать о борьбе с Москвою, но все более и более подчинялись ее влиянию.

В 1402 году великий князь московский Василий от имени всех родичей – дяди Владимира Андреевича и троих родных братьев – Юрия, Андрея и Петра – заключил договор с великим князем рязанским Федором Ольговичем. В этом договоре московский князь делит своих родичей на два разряда – братьев младших (князь Владимир Андреевич и князь Юрий Димитриевич) и братьев

меньших (князя Андрей и Петр Димитриевичи). Великий князь рязанский обязывается держать великого князя московского старшим братом, младших его братьев равными себе братьями, меньших братьев младшими. Обязывается не приставать к татарам; выговаривает себе право отправлять посла (киличея) в Орду с подарками, право принять у себя татарского посла с честью для добра христианского; но при этом обязывается давать знать в Москву, если вздумает послать киличея, равно как передавать в Москву все вести ордынские. «А отдалится от нас Орда, тогда тебе с нами учинить по думе», – прибавляет великий князь московский. Не раз было упомянуто о наследственной вражде между великими князьями – рязанским и пронским; московский князь ставит себя посредником между ними и вносит в договор следующее условие: «С князем великим Иваном Владимировичем (пронским) взять любовь по прежним грамотам, а если учинится между вас какая обида, то вам послать бояр своих для решения спора, если же они не решат, то третий (судья) им митрополит: кого митрополит обвинит, тот и должен отдать обидное; а не отдаст, то я, великий князь Василий Димитриевич, заставлю его исправиться». Московский князь обязывает рязанского помириться с князьями новосильским и торусским по прежним грамотам и жить с ними без обиды, потому что те князья один человек с московским. Если случится у этих князей спор с князем рязанским о земле или о воде, то решают его бояре, высланные с обеих сторон; если же бояре не уладятся, то избирают третьего судью, приговор которого приводится в исполнение князем московским. Если князь литовский Витовт захочет любви с князем рязанским, то последний может взять с ним любовь, но только по думе с князем московским, как будет годно. Но, несмотря на посредничество московского князя, вражда между князьями рязанским и пронским не стихла: в 1408 году князь Иван Владимирович пронский пришел нечаянно с татарами и выгнал из Рязани князя Федора Ольговича, который бежал за Оку.

Московский князь послал на помощь к изгнанному воеводе коломенского и муромского с тамошними полками; на реке Смядве встретились они с пронским князем и были разбиты: коломенский воевода был убит, муромский взят в плен. Несмотря, однако, на эту победу, пронский князь уступил Рязань опять Федору, вероятно вследствие угроз князя московского.

В 1399 году умер тверской князь Михаил, последний опасный соперник московского князя. Договорная грамота его с сыном Донского дошла до нас: в ней отношения князя тверского к московскому и его братьям не определены родовыми счетами: Михаил называется просто братом Василия. Тверской князь обязывается за себя, за детей своих, за внучат и за племянников не искать ни Москвы, ни великого княжения Владимирского, ни Великого Новгорода; обязывается быть заодно с московским князем на татар, на литву, на немцев и ляхов. Если на московских князей нападут татары, литва, немцы или поляки и сам Василий с братьями сядет на коня, то Михаил обязан послать к ним на помощь двоих сыновей да двоих племянников, оставив у себя одного сына; если же татары, литва или немцы нападут на Тверское княжество, то московский князь обязан сам идти на помощь к Михаилу с своею братею. Эта разница в обязательствах объясняется старостию Михаила относительно Василия. Тверской князь обязан объявить Витовту литовскому, что он один человек с московским князем. К Орде тверскому князю путь чист, равно его детям, внучатам и людям. В первый раз

московский князь упоминает о князьях, которых ему или его младшей братье бог поручил: если кто-нибудь из них отъедет к тверскому князю, то последний не может вступаться в их вотчины: они остаются за московским князем.

Распределение Тверских волостей между сыновьями, сделанное князем Михаилом, замечательно, и здесь ясно обнаруживается намерение завещателя увеличить волость старшего брата пред волостями младших, чтоб сделать восстание последних и усобицы невозможными: старший сын Михаила, Иван, получил Тверь с семью городами, а двое других сыновей, Василий и Федор, – только по два города; притом можно думать, что в Кашинском же уделе второго сына, Василия Михайловича, помещен был и внук Михайлов Иван, сын умершего при жизни отцовой Бориса Михайловича. Мы видели упорную борьбу Михаила с Дмитрием московским, которая обличила большую энергию в тверском князе; мы видели также стремление Михаила подчинить себе Кашинское княжество; это стремление увенчалось успехом, несмотря на сопротивление Москвы, ибо мы видим Кашин во власти Михаила, и он завещает этот город второму сыну своему Василию. Мир, господствовавший в Тверских волостях в продолжение 25 лет по окончании борьбы с Москвою, дал Михаилу досуг обратить свою деятельность на устройство внутреннего наряда; и автор сказания о его смерти говорит, что в княжение его разбойники, воры и ябедники исчезли, корчемники, мытари и торговые злые тамги истребились, о насилиях и грабежах нигде не было слышно; вообще о Михаиле встречаем в летописях такой отзыв: был он крепок, сановит и смышлен, взор имел грозный и дивный.

Новый тверской князь Иван Михайлович, по обычаю, немедленно же хотел воспользоваться полученными от отца средствами для приведения в свою волю младших братьев. Тверские бояре великокняжеские начали обижать удельных князей.

Василий Михайлович кашинский пришел к своей матери, великой княгине Евдокии и стал говорить ей: «Бояре брата нашего крестное целование к нам сложили, тогда как они клялись отцу нашему – хотеть нам добра». Великая княгиня тотчас же отправила своих бояр с боярами младших сыновей к старшему, которому они должны были сказать: «Господин князь великий! вопреки грамоте отца нашего, бояре твои сложили к нам крестное целование, и ты б, господин князь великий, пожаловал, велел своим боярам крестное целование держать по грамотам отца нашего». Но Иван велел им прямо сказать, что бояре тверские сложили к ним крестное целование по его приказу, и начал с тех пор сердиться на мать, братьев и племянника. Но мать последнего, вдова Бориса Михайловича, родом смольнянка, взяла сына, боярина Воронца и явилась в Тверь к великому князю с оправданием, что она не посылала своих бояр вместе с другими удельными. Эта лукавая лесть, по выражению летописца, понравилась Ивану; он отнял у брата Василия кашинское Луское озеро и отдал его племяннику Ивану Борисовичу. Тщетно Василий чрез владыку тверского Арсения просил у брата общего суда: тот велел отвечать ему: «Суда тебе не дам».

Скоро Иван успел примыслить новую волость к своей отчине: в 1402 году умер двоюродный брат его Иван Всеволодович холмекский и мимо родного брата Юрия отказал свой удел сыну великого князя Александру; в следующем году этот Александр выгнал дядю Василия Михайловича из Кашина; тот убежал в Москву, и великий князь успел на этот раз помирить его с старшим братом; но чрез год,

когда кашинский князь приехал за чем-то в Тверь к старшему брату, то последний велел схватить его вместе с боярами; двоюродный брат их Юрий Всеволодович, боясь такой же участи, убежал в Москву; неизвестно, что заставило Ивана выпустить своего пленника и поцеловать с ним крест; но через месяц кашинский князь был уже в Москве, и тверские наместники сидели в Кашине, угнетая его жителей продажами и грабежом.

Дела литовские мешали московскому великому князю вступить в усобицу тверских князей. Как видно, он дал изгнанному Василию Михайловичу Переяславль в кормление; но когда явился из Литвы более важный для Москвы выходец, князь Александр Нелюб, то великий князь Василий отдал Переяславль ему; вероятно, это самое обстоятельство заставило кашинского князя вступить в переговоры с старшим братом своим, Иваном тверским, который возвратил ему Кашин.

Между тем Юрий Всеволодович холмский все жил в Москве и вдруг в 1407 году поехал в Орду искать великого княжения Тверского под двоюродным братом своим Иваном.

Последний, узнав об этом, также отправился в Орду судиться с Юрием; но легко было предвидеть, кто из двух будет оправдан на этом суде – богатый ли Иван или безземельный Юрий? Все князья ордынские, говорит летописец, оправдали князя Ивана Михайловича и с честью отпустили его в Тверь, а Юрий остался в Орде. В 1408 году поднялась вражда между князем Иваном Михайловичем и племянником его Иваном Борисовичем, которому он до сих пор покровительствовал: услышав о приближении дяди с войском к Кашину, Иван Борисович бежал в Москву, но мать его отвезена была пленницею в Тверь, и в Кашине сели наместники великого князя тверского, т.е., как надобно полагать, в той части Кашина, которою владел Иван Борисович, ибо тут же сказано, что князь Иван Михайлович заключил мир с братом своим, Василием кашинским. Мир этот, однако, продолжался не более трех лет: в 1412 году встало опять между братьями нелюбие великое, по выражению летописца: князь Иван Михайлович тверской велел схватить брата своего Василия Михайловича кашинского вместе с женою, боярами и слугами; княгиню велел отвезти в Тверь, а самого Василия Михайловича в Старицу; но при переправе через реку Тмаку, когда все провожатые сошли с лошадей, князь в одном терлике, без кивера погнал свою лошадь вброд, переправился через реку и потом поскакал по неезжалым дорогам; в одном селе посчастливилось ему найти преданного человека, который заботился об нем, укрывал в лесу, перенимал вести и, улучив наконец удобное время, убежал с князем в Москву.

В это самое время явился из Орды в Тверь посол лютый звать князя Ивана к хану; тот поехал, но еще прежде него отправился в Орду из Москвы брат его Василий, прежде и возвратился и, пользуясь отсутствием старшего брата, попытался было овладеть Кашинем с татарами; но князь Иван Борисович с тверскою заставою (гарнизонем) не пустил его в город. Это показывает, во-первых, что Василий успел склонить хана на свою сторону, ибо тот дал ему татар в помощь, во-вторых, видим, что князь Иван Борисович помирился уже с старшим дядею и действовал за него, против младшего. Скоро перемена хана в Орде переменяла и дела тверские: враждебный князю Ивану Михайловичу хан

Зелени-Салтан был убит, и преемник его отпустил тверского князя с честью и пожалованием.

Этим оканчиваются известия о тверских делах в княжение Василия Дмитриевича.

Дела ордынские и литовские мешали московскому князю пользоваться тверскими уособицами; сначала князь Иван Михайлович был в союзе с Москвою и послал полки свои на помощь Василию Дмитриевичу против Витовта к реке Плаве; но тут московский князь скрыл свои переговоры с Витовтом от князей и воевод тверских; кроме того, в договорной грамоте с литовским князем написал имя тверского великого князя ниже имен родных братьев своих Дмитриевичей, вследствие чего тверичи с гневом ушли домой, и князь их с тех пор перестал помогать Москве 26.

Несмотря на то, однако, он не смел и думать об открытой борьбе с Москвою.

Опасение тверского князя затронуть могущественную Москву видно из того, что когда Эдигей во время осады Москвы послал звать его к себе на помощь с войском, то князь Иван показал вид, что послушался приказа, и поехал к Эдигею, только один, без войска; а потом под предлогом болезни возвратился с дороги.

Современники считали этот поступок тверского князя мастерским делом; вот что говорит летописец: «Таковым коварством перемудрова, ни Эдигея разгнева, ни князю великому погруби, обоим обоего избежа; се же створи уменски, паче же истински».

Тверской князь боялся князя московского наравне с ханом татарским; это всего лучше показывает значение Москвы при сыне Донского; несмотря на то, Василий Дмитриевич не мог еще смотреть на хана как только на равного себе владетеля, не мог совершенно избавиться от зависимости ордынской. Мы видели, что в начале своего княжения московский князь ездил в Орду искать благосклонности Тохтамыша, с ярлыком которого овладел Нижним. Между тем летописи говорят о нападениях татар на Рязань: два раза пустошили они это пограничное с степью княжество безнаказанно, в третий были побиты князем Олегом; в 1391 году Тохтамыш послал какого-то царевича Бектута, которому удалось взять Вятку, перебить и попленить ее жителей; как видно, этот поход был предпринят с целью отомстить вятчанам за их ушкуйничество. Более важных предприятий нельзя было ожидать со стороны Тохтамыша, потому что к смятением внутренним присоединялась еще борьба с Тамерланом. В конце XIV века для Азии повторились времена Чингисхановы: сын небогатого чагатайского князька, Тимур, или Тамерлан, начал в половине XIV века поприще свое мелким грабежом и разбоями, а в 1371 году владел уже землями от Каспийского моря до Маньчжурии. Ему был обязан Тохтамыш престолом Кипчакским, но не хотел быть благодарным и вооружился против Тамерлана. В 1395 году на берегах Терека Тохтамыш потерпел поражение и принужден был спасаться бегством в лесах болгарских, а Тамерлан вошел в русские пределы, взял Елец, пленил его князя, опустошил окрестную страну. Нападение не было нечаянное, и Василий Дмитриевич имел время приготовиться: он собрал большое войско и стал на границе своего княжества, на берегу Оки. Но он не дождался врага; простоявши 15 дней в земле Рязанской, опустошивши оба берега Дона, Тамерлан вышел из русских пределов в тот самый день, когда москвичи встретили образ богородицы, принесенный из Владимира.

После разгрома Тамерланова Золотая Орда долго не была опасна московскому князю; в продолжение 12 лет летописец раза три упоминает только о пограничных сшибках хищнических отрядов татарских с рязанцами, причем успех большею частью оставался на стороне последних. Несколько ханов переменилось в Орде, а великий князь московский не думал не только сам ездить к ним на поклон, но даже не посылал никого: на требование дани отвечал, что княжество его стало бедно людьми, не на ком взять выхода, тогда как татарская дань с двух сох по рублю шла в казну великокняжескую. Наконец, обращение с татарами переменилось в областях московских: над послами и гостями ордынскими начали смеяться и мстить им за прежнее разными притеснениями. В это время, как во время Мамаево, всеми делами в Орде заведовал князь Эдигей; долго терпел он презрительное обращение московского князя с бывшими повелителями; наконец решился напомнить ему о себе. Но, подобно Тохтамышу, и Эдигей не осмелился явно напасть на Москву, встретиться в чистом поле с ее полками; только от хитрости и тайны ждал он успеха; дал знать великому князю, что хан со всею Ордою идет на Витовта, а сам с необыкновенною скоростью устремился к Москве. Василий Димитриевич, застигнутый врасплох, оставил защищать Москву дядю Владимира Андреевича да братьев своих Андрея и Петра Димитриевичей, а сам с княгинею и детьми уехал в Кострому. Жители Москвы смутились, от страха побежали в разные стороны, не заботясь об имени, чем воспользовались разбойники и воры и наполнили руки свои богатством. Посады были уже выжжены, когда явились татары Эдигеевы и со всех сторон облегли город. Остановившись у Москвы, Эдигей разослал в разные стороны отряды, которые опустошили Переяславль, Ростов, Дмитров, Серпухов, Верею, Новгород Нижний, Городец, Клин; много народу погибло от татар, много и от жестокого холоду и вьюг. Тридцатичетырехтысячный отряд послан был в погоню за великим князем, ноне успел догнать его. Между тем Эдигей стоял спокойно под Кремлем; сберегая людей и помня неудачу Тохтамышеву, он не делал приступов, а хотел зимовать и принудить к сдаче голодом; уже месяц стоял Эдигей под Москвою, как вдруг пришла к нему весть из Орды от хана, чтоб шел немедленно домой, потому что какой-то царевич напал на хана. Осажденные ничего не знали об этом, и когда Эдигей прислал к ним с мирными предложениями, то они с радостью заплатили ему три тысячи рублей за отступление; Эдигей поспешно поднялся и вышел из русских пределов, взявши по дороге Рязань (1408 г.).

Но и после нашествия Эдигеева московский князь три года не ездил в Орду сам и не посылал туда ни родственников своих, ни бояр больших; только в 1412 году, когда новый хан Зелени-Салтан (Джелаледдин Султан), сын Тохтамыша, дал изгнанным нижегородским князьям ярлык на их отчину, Василий Димитриевич поехал в Орду с большим богатством и со всеми своими вельможами. Это последнее известие об отношениях Москвы к Орде в княжение Василия Димитриевича; после встречаем только известия о нападениях татарских на пограничные с степью русские области: в 1410 году татары напали нечаянно на Рязань, но были отбиты и потеряли добычу; в 1414 они воевали по Задонью, взяли Елец и убили тамошнего князя; в 1422 году они прогнаны были из области Одоевской; в 1424 году хан Куидадат вошел в Одоевскую область, простоял здесь

три недели и отправился к Рязани; но здесь встречен был русскими войсками и поражен.

Опаснее была Литва. Когда еще в 1386 году Василий Дмитриевич спасался бегством из Орды от Тохтамыша, то, разумеется, не мог бежать прямою дорогою, а направлял путь к западным странам, свободным от татарского влияния; сначала он укрывался в Молдавии, а оттуда пробирался в Москву через литовские владения; известия разногласят насчет того, где именно Василий встретился с Витовтом, ведущим тогда борьбу с Ягайлом; но согласны в том, что молодой московский князь дал или принужден был дать Кейстутову сыну слово жениться на его дочери Софии. Слово было сдержано, как только Василий стал великим князем: в 1390 году трое бояр великокняжеских привезли невесту в Москву из-за моря, от немцев, по выражению летописца, т.е. из владений Ордена, где жил тогда Витовт. Но эта близкая родственная связь не принесла Москве никакой пользы, когда Витовт, помирившись с Ягайлом, стал великим князем литовским и начал стремиться к увеличению своих владений, ибо это увеличение единственно могло произойти чрез покорение областей Руси Восточной.

Сначала Орден не давал Витовту досуга обратить свое внимание на восток; великий магистр Конрад фон Юнгинген хотел воспользоваться борьбою между Ягайлом и младшим братом его, Свидригайлом Олгердовичем витебским (который, по обычаю, отдался под покровительство Ордена), и в 1394 году осадил Вильну. Но, несмотря на многочисленность осаждавших, их искусство, опытность вождей, превосходную по тому времени артиллерию, осажденные отбивались с таким мужеством, что магистр, потеряв треть войска, множество лошадей и снарядов, принужден был снять осаду и заключить мир с Витовтом, чтоб только беспрепятственно выйти из Литвы. Мир с немцами дал Витовту возможность обратить внимание на восток и примыслить важную волость Смоленскую. В Смоленске происходила в это время сильная усобица между князем Юрием Святославичем и братьями его за уделы и за то, что ни один брат не хотел служить другому. Князь Юрий был принужден уехать из Смоленска к тестю своему князю Олегу рязанскому, а Витовт спешил воспользоваться этим обстоятельством, ибо удаление Юрия не примирило остальных Святославичей; литовский князь распустил слух, что идет на татар, – вместо того вдруг явился под Смоленском. Один из князей, Глеб Святославич, выехал к нему навстречу с небольшою дружиною, был принят с честью, отпущен с миром, причем Витовт велел сказать остальным князьям: «Чтоб вам, всем князьям братьям, выехать ко мне с любовию, по охранной грамоте (по опасу); слышал я, что между вами нет единства и вражда большая; так если будет между вами какой спор, то вы сошлитесь на меня как на третьего, и я вас рассужу справедливо». Смоленские князья обрадовались, что нашелся беспристрастный третий судья, который рассудит их по всей справедливости и разделит им вотчину по жребию: все они собрались и поехали к Витовту с дарами; но Витовт, взявши дары, велел перехватать всех князей и отослал их в Литву, потом подступил к городу, пожег посады, взял крепость и посадил здесь своих наместников (1395 г.).

Но старший из смоленских князей, Юрий, оставался на свободе, в Рязани, и в конце 1395 года тесть его Олег вместе с ним и другими князьями опустошил литовские владения; но еще не успел Олег возвратиться в Рязань, как услышал, что Витовт пустошит его собственные волости. Тогда, оставив свою добычу в

надежном месте, Олег ударил врасплох на литовцев, рассеявшихся для грабежа, и поразил их; Витовт испугался и ушел домой. Великий князь московский при всех этих событиях явно держал сторону тестя: в 1396 году он ездил на свидание с ним в Смоленск, праздновал здесь пасху, а когда рязанский князь снова вошел с полками в землю Литовскую и осадил Любутск, то Василий отправил к нему посла и отвел его от того города. Потом, когда Витовт вошел в рязанские владения и пролил здесь кровь, как воду, по выражению летописей, и людей побивал, сажая их улицами, то из Москвы не было ему никакого препятствия, напротив, зять встретил его в Коломне, поднес дары и оказал большую честь. Мы видели, что в 1397 году оба князя, и московский и литовский, заодно посылали требовать от новгородцев, чтоб те разорвали мир с немцами; но тогда же московский князь мог узнать, какого союзника он имел в своем тесте, ибо в то же время Витовт требовал от новгородцев, чтобы те поддались ему; получивши отказ, он послал в 1399 году в Новгород грамоту разметную (объявление войны) и велел сказать новгородцам: «Вы меня обесчестили: что было вам мне поддаться, а мне было вашим князем великим быть и вас оборонять: но вы мне не поддались». Но не один Витовт объявлял свои притязания на Новгород: еще в 1389 году приехал туда князь Симеон-Лугвений Олгердович, был принят новгородцами с честью и за эту честь дал брату своему королю Ягайлу следующую запись: «Так как господин Владислав (Ягайло), король польский, литовский, русский и иных земель многих государь, поставил нас опекуном над мужами и людьми Великого Новгорода, то мы королю и Ядвиге королеве вместе с новгородцами обещались и обещаемся, пока держим Новгород в нашей опеке, быть при короне Польской и никогда не отступать от нее».

Намерение Витовта овладеть Новгородом обнаруживается и в договоре его с Орденом в 1398 году; здесь Витовт обещался Ордену помогать ему в завоевании Пскова, за что Орден с своей стороны обязался помогать Витовту в завоевании Великого Новгорода. Но война с последним была отложена, потому что Витовт обратил внимание на дела ордынские, вмешательство в которые обещало ему выгоды более важные. По удалении Тамерлана на юг Тохтамыш попытался было снова утвердиться в Золотой Орде, но был изгнан ханом Темир-Кутлуем (Kotlogh-Timur) и отдался в покровительство Витовту, который обещал ему возратить Кипчак с тем, чтобы Тохтамыш потом помог ему овладеть Москвою.

В 1399 году Витовт собрал огромное войско; кроме руси, литвы, жмуди и татар Тохтамышевых здесь были полки волошские, польские и немецкие, ибо и находившийся тогда в мире с Витовтом великий магистр Ордена прислал ему отряд войска; одних князей летописцы насчитывают до пятидесяти. Перед выступлением в поход к Витовту явились послы от Темира-Кутлуя. «Выдай мне беглого Тохтамыша, – велел сказать ему хан, – он мой враг, не могу оставаться в покое, зная, что он жив и у тебя живет, потому что изменчива жизнь наша: нынче хан, а завтра беглец, нынче богат, завтра нищий, нынче много друзей, а завтра все враги. Я боюсь и своих, не только что чужих, а хан Тохтамыш чужой мне и враг мой, да еще злой враг; так выдай мне его, а что ни есть около его, то все тебе». Витовт велел отвечать на это: «Хана Тохтамыша не выдам, а с ханом Темир-Кутлуем хочу видеться сам». На берегах Ворсклы произошло это свидание, в поле чистом, в земле Татарской. Но перед битвою начались опять переговоры; Темир-Кутлуй послал сказать Витовту: «Зачем ты на меня пошел? Я твоей земли

не брал, ни городов, ни сел твоих». Витовт велел отвечать: «Бог покори́л мне все земли, покори́сь и ты мне, будь мне сыном, а я тебе буду отцом, и давай мне всякий год дани и оброки; если же не хочешь быть сыном, так будешь рабом, и вся орда твоя будет предана мечу». Испуганный хан соглашался на все требования Витовта, который, видя такую уступчивость, начал требовать, чтоб на деньгах ордынских чеканилось клеймо литовского князя; хан просил три дня срока подумать. Но в это время пришел к нему Эдигей; старик, узнавши об условиях, сказал хану: «Лучше нам умереть, чем согласиться на них», – и послал к Витовту требовать личных переговоров; литовский князь выехал на берег Ворсклы, и Эдигей стал ему говорить с другого берега: «По праву взял ты нашего хана в сыновья, потому что ты стар, а он молод; но я старше еще тебя, так следует тебе быть моим сыном, дани давать каждый год, клеймо мое чеканить на литовских деньгах». Витовт рассвирепел и велел немедленно полкам своим сходиться на битву. Сначала полки Витовтовы схватились с полками Эдигеевыми; с обеих сторон стреляли из самострелов и пицалей; но пушки и пицали плохо действовали в чистом поле. Несмотря на то, Витовтова рать крепко боролась, падали стрелы как дождь, и стали полки Витовтовы перемогать князя Эдигея. Но в это время обошли кругом полки Темир-Кутлуевы, вступили в битву и одолели силу литовскую. Тохтамыш первый обратился в бегство и в этом бегстве много народа побрал и много Литовской земли пограбил. Победители взяли весь обоз Витовта, который едва успел убежать с небольшою дружиною; татары гнались за ним пятьсот верст до самого Киева: ставши под этим городом, Темир-Кутлуй распустил свою силу воевать Литовскую землю, и ходила татарская рать до самого Луцка, опустошив все на своем пути. Киев откупился тремя тысячами рублей, причем Печерский монастырь заплатил от себя 30 рублей, и хан ушел в степи, оставив Литовскую землю в плаче и скудости: летописец насчитывает между убитыми с лишком 20 князей.

Битва Куликовская возвестила падение татарского владычества в Восточной Европе; Мамай пришел на Дон с целию напомнить Руси Батыя, восстановить порядок вещей, утвердившийся после сражения при Сити; Мамай был побежден, и битва при Ворскле показала ясно следствия этой победы: Темир-Кутлуй пришел не нападать, но защищаться от замыслов одного из государей Восточной Европы: унижительные условия, которые он соглашался принять, показывают всего лучше перемену отношений; татары победили, но какие же были следствия этой победы? Опустошение некоторой части литовских владений – и только! Темир-Кутлуй должен был удовольствоваться тем, что освободился от страха пред Тохтамышем. Важность битвы при Ворскле для судеб Восточной Европы не подлежит сомнению: конечно, нельзя несколько утверждать, что торжество Витовта и Тохтамыша над Темир-Кутлуем имело бы необходимым следствием подчинение Москвы и остальных княжений Восточной Руси Витовту; но нельзя также не признать, что опасность Москве от этого торжества грозила большая.

Витовт приутих и заключил с новгородцами мир по старине в 1400 году. В то же время и смольняне, которым тяжело было господство литовское, завели сношения с родным князем своим, Юрием Святославичем, жившим по-прежнему у тестя в Рязани.

Юрий пришел к Олегу и стал говорить ему со слезами: «Пришли ко мне послы из Смоленска от доброхотов моих, говорят, что многие хотят меня видеть

на отчине и дедине моей; сотвори, господин, христову любовь, помоги, посади меня на отчине и дедине моей, на великом княжении Смоленском». И вот в 1401 году Олег вместе с Юрием, князьями пронским, муромским и козельским отправился к Смоленску: время он улучил удобное, говорит летописец, потому что Витовт оскудел тогда до конца людьми после побоища при Ворскле, и в Смоленске была крамола: одни хотели здесь Витовта, а другие многие – своего отчича, старинного князя Юрия. Пришедши под Смоленск, Олег велел повестить его жителям: «Если не отворите города и не примете господина вашего, князя Юрия, то буду стоять здесь долго и предам вас мечу и огню; выбирайте между животом и смертью». Смольняне сдались, и многие из них были рады князю своему Юрию, но другие ненавидели его. Вошедши в город, Юрий начал тем, что убил Витовтова наместника, князя Романа Михайловича брянского, с его боярами, а потом перебил и смоленских бояр, преданных Витовту, Олег, возвративши зятю его отчину, не был этим доволен, но вошел со всем войском в литовские владения и возвратился оттуда с большою добычею. В августе месяце утвердился в Смоленске Юрий, а осенью того же года Витовт уже стоял с полками под этим городом, где поднялась сторона, ему преданная; но противники Литвы осилили, перебили много ее приверженцев, и Витовт, простоявши четыре недели понапрасну, заключил перемирие и отступил от Смоленска. Следующий 1402 год был счастливее для Витовта: сын рязанского князя Родослав Ольгович пошел на Брянск, но у Любутска встретили его двое князей Гедиминовичей – Симеон-Лугвений Олгердович и Александр Патрикиевич стародубский, разбили его и взяли в плен; три года просидел он в тяжком заключении у Витовта, наконец отпущен в Рязань за 3000 рублей. В 1403 году победитель Родослава Лугвений взял Вязьму, а в 1404 сам Витовт опять осадил Смоленск, и опять неудачно: три месяца стоял он под городом, много трудился и бил пушками, но взять не мог и, опустошив окрестности, ушел в Литву, Смоленский князь Юрий видел, однако, что один он не в состоянии противиться Витовту, который показывал ясно намерение овладеть во что бы то ни стало Смоленском, внутри которого была у него сильная сторона; Олег рязанский умер (1402 г.), следовательно, отсюда нечего было ожидать помощи. Оставался только один русский князь, могший поспорить с Витовтом, то был князь московский, но последний, зять Витовта, до сих пор был с ним в постоянном союзе; трудно было надеяться и отсюда помощи бескорыстной; Юрий видел, что из двух подданств надобно выбрать менее тяжкое, и потому, взявши опасную грамоту, приехал в Москву и стал умолять Василия Дмитриевича о помощи. «Тебе все возможно, – говорил он, – потому что он тебе тесть, и дружба между вами большая, помири и меня с ним, чтоб не обижал меня. Если же он ни слез моих, ни твоего дружеского совета не послушает, то помоги мне, бедному, не отдавай меня на съедение Витовту, если же и этого не хочешь, то возьми город мой за себя; владей лучше ты им, а не поганая Литва». Василий обещался помочь ему, но медлил; в некоторых источниках эта медленность объясняется доброжелательством московского князя к тестю, хотя она может, естественно, объясняться и без этого. Как бы то ни было, в то время, когда медлили в Москве, в Смоленске и Литве не теряли времени: бояре смоленские, доброжелательствовавшие Витовту, послали сказать ему, чтоб шел как можно скорее к их городу, прежде чем придет Юрий с помощью московскою. Витовт явился, и бояре сдали ему город вместе с женою Юрьевою, дочерью Олега

рязанского. Витовт отослал княгиню в Литву вместе с некоторыми боярами, других бояр, самых сильных себе противников, казнил смертью, посадил в городе своих наместников, а жителям дал большие льготы, отводя их тем от князя Юрия, чтоб земля Смоленская не хотела последнего и не любила. В Москве сильно рассердились или по крайней мере показали вид, что рассердились, когда узнали о сдаче Смоленска; желая, как видно, сложить всю вину на самого Юрия и поскорее освободиться от него, Василий сказал ему: «Приехал ты сюда с обманом, приказавши смольнянам сдаться Витовту», и Юрий, видя гнев московского князя, уехал в Новгород, где жители приняли его и дали тринадцать за городов; Юрий и новгородцы целовали друг другу крест – не разлучаться ни в жизни, ни в смерти; если пойдут какие иноплеменники на Новгород ратью, то обороняться от них князю Юрию с новгородцами заодно. Так пало знаменитое княжество Ростиславичей, отчина Мстислава!

Новгородцы, заключая договор с князем Юрием против иноплеменников, по всем вероятностям, имели в виду самого опасного из этих иноплеменников, князя литовского. И действительно, в следующем же 1405 году Витовт, пославши объявление войны в Новгород, сам пошел с войском в Псковскую волость, тогда как псковский посол жил еще в Литве, и псковичи, ничего не зная, не могли приготовиться: Витовт взял город Коложе и вывел 11000 пленных, мужчин, женщин и детей, не считая уже убитых; потом стоял два дня под другим городом, Вороначем, где литовцы накидали две лодки мертвых детей: такой гадости, говорит летописец, не бывало с тех пор, как Псков стал. Между тем псковичи послали в Новгород просить помощи, и новгородцы прислали к ним полки с тремя воеводами; но Витовт уже вышел из русских пределов. Псковичи вздумали отомстить ему походом в его владения и звали с собою новгородцев: «Пойдемте, господа, с нами на Литву мстить за кровь христианскую»; но воеводы новгородские побоялись затрагивать страшного литовского князя и отвечали псковичам: «Нас владыка не благословил идти на Литву, и Новгород нам не указал, а идем с вами на немцев». Псковичи рассердились, отправили новгородцев домой, а сами выступили в поход, повоевали Ржеву, в Великих Луках взяли стяг Коложский, бывший в плену у Литвы, и возвратились с добычею. Мало этого, в 1406 году псковичи подняли всю свою область и пошли к Полоцку, под которым стояли трое суток.

Но ни псковичи, ни новгородцы не надеялись одними собственными силами управиться с Витовтом и потому послали просить защиты у московского князя. Мы не знаем, какие были уговоры у Василия Дмитриевича с Витовтом относительно Смоленска, уже прежде принадлежавшего литовскому князю; нет ничего странного, что Москва действовала нерешительно в смоленском деле. Но нападение на псковские волости показывало ясно, что Витовт, ободренный вторичным взятием Смоленска, не хочет удовольствоваться этим одним примыслом, и московский князь не хотел ему уступать Пскова и Новгорода: Василий разорвал мир с тестем за псковскую обиду, отправил брата Петра в Новгород; потом, сложивши вместе с тверским князем крестное целование к Витовту, собрал полки и послал их в Литовскую землю: они приступали к Вязьме, Серпейску и Козельску, но безуспешно. Витовт за это велел перебить всех москвичей, находившихся в его владениях; но здесь уже отозвался разрыв с московским князем: до сих пор те из южных русинов и литвинов, которые были

недовольны новым порядком вещей, начавшим утверждаться со времени соединения Литвы с Польшею, должны были сдерживать свое неудовольствие, ибо негде было искать помощи, кроме иноверного Ордена: сильный единоверный московский князь находился постоянно в союзе с Витовтом. Но когда этот союз переменился на вражду, то недовольным литовским открылось убежище в Москве: первый приехал из Литвы на службу к великому князю московскому князь Александр Нелюб, сын князя Ивана Ольгимантовича, и с ним много литвы и поляков; Василий Димитриевич принял его с любовью и дал ему в кормление Переяславль. С обеих сторон, и в Москве и в Литве, собирали большое войско, и осенью 1406 года московский князь выступил в поход и остановился на реке Плаве, близ Кропивны, куда пришли к нему на помощь полки тверские с четырьмя князьями и татарские от хана Шадибека. Литовский князь также вышел навстречу к зятю с сильным войском, поляками и жмудью, но, по обычаю, битвы между ними не было: князья начали пересылаться, заключили перемирие до следующего года и разошлись, причем татары, уходя, пограбили русские области.

В 1407 году литовцы начали неприятельские действия, взявши Одоев. Московский князь пошел опять с большим войском на Литовскую землю, взял и сжег город Дмитровец; но, встретившись с тестем у Вязьмы, опять заключил перемирие, и оба князя разошлись по домам. В следующем году отъехал из Литвы в Москву родной брат короля Ягайла, северский князь Свидригайло Олгердович, постоянный соперник Витовта, и соперник опасный, потому что пользовался привязанностию православного народонаселения в Южной Руси. Свидригайло приехал не один; с ним приехал владыка черниговский, шесть князей Юго-Западной Руси и множество бояр черниговских и северских. Московский князь не знал, чем изъявить свое радушие знаменитому выходцу: он дал Свидригайлу в кормление город Владимир со всеми волостями и пошлинами, селами и хлебами земляными и стоячими, также Переяславль (взятый, следовательно, у князя Нелюба), Юрьев Польский, Волок Ламский, Ржеву и половину Коломны. В июле приехал Свидригайло, в сентябре Василий с полками своими и татарскими уже стоял на границах, на берегу Угры, а на другом берегу этой реки стоял Витовт с Литвою, поляками, немцами и жмудью. Но и тут битвы не было: постоявши много дней друг против друга, князья заключили мир и разошлись.

Витовт был сдержан: после мира на Угре, во все остальное время княжения Василиева, он не обнаруживал больше неприятельских замыслов ни против Москвы, ни против Новгорода и Пскова. Во время войны между князьями московским и литовским новгородцы, по обычаю, не хотели быть ни за того, ни за другого: не отступали от Москвы и между тем держали у себя на пригородах князя Симеона-Лугвения Олгердовича, присяжника Ягайлова. Напрасно после того Ягайло и Витовт уговаривали новгородцев заключить тесный союз с Польшею и Литвою и воевать вместе с немцами; те не соглашались, причем высказалась уже главная причина, которая будет постоянно препятствовать тесному союзу Новгорода с Гедиминовичами: последние уже были латины, поганые. В 1411 году Симеон-Лугвений, видя, что мало пользы служить на пригородах новгородских, уехал в Литву, свел и наместников своих, и в начале следующего года Ягайло, Витовт и Лугвений разорвали всякий союз с новгородцами, прислали им взметные грамоты и велели сказать: «Что было вам

взяться служить нам, разорвать мир с немцами, с нами стать заодно и закрепиться на обе стороны в запас; пригодился бы этот союз – хорошо; а не пригодился, так ничего бы дурного не было; мы к вам посылали бояр своих Немира и Зиновья Братошича спросить вас, стоите ли в прежнем договоре? И вы отвечали Немиру: „Не может Новгород исполнить королевского требования: как он с литовским князем мирен, так и с немцами мирен“. Мы князя Лугвения вывели от вас к себе, с немцами заключили мир вечный, и с венграми, и со всеми нашими соседями (граничниками), а вы слово свое забыли, да еще ваши люди нас бранили и бесчестили, погаными звали; кроме того, вы приняли нашего врага, сына смоленского князя». Лугвений велел прибавить: «Держали вы меня у себя хлебокормлением, а теперь старшим моим братьям, королю и Витовту, это не любо и мне не любо, потому что я с ними один человек, и с меня крестное целование долой». Войны, однако, у Новгорода с Литвою не было: в 1414 году новгородские послы ездили в Литву и заключили с Витовтом мир по старине; псковичи же заключили мир с литовским князем еще в 1409 году по старине, на псковской воле, по dokonчанию великого князя Василия Дмитриевича; следовательно, при заключении мира на Угре московский князь выговорил у Витовта и мир со Псковом. Но в 1418 году Витовт писал к великому магистру Немецкого ордена, поднимая его против псковичей; магистр отговаривался тем, что у Ордена со Псковом заключен десятилетний мир; Витовт возражал, что Орден учрежден для постоянной борьбы с неверными и, следовательно, должен помогать ему, Витовту, как единоверному государю против неверных псковичей; представлял в пример собственное поведение: в прошлом году московский великий князь прислал звать его на немцев, но он не согласился. Неизвестно, потому ли Витовт хотел поднять Орден на псковичей, что сам не мог напасть на них без нарушения договора с Москвою; известно только то, что войны со Псковом не было.

Витовт был сдержан; но на северо-востоке не умели понять необходимости войны с литовским князем; видели вооружения сильные, но с первого взгляда бесполезные, видели странную борьбу, кончившуюся как будто ничем; сильно досадовали, что иноплеменнику Свидригайлу дано так много богатых волостей; всего больше боялись и ненавидели татар: от них опасались вредных замыслов, и вот действительно Эдигей страшно опустошил московские владения. «Эдигей, – по мнению летописца, – ссорил тестя с зятем, чтоб они тратили свои силы в борьбе и тем легче стали бы добычею татар; Эдигей посылал в Москву к великому князю Василию, побуждая его на Витовта, давая ему помощь свою, а князья и бояре и все думцы великокняжеские и вся Москва радовались Эдигеевой любви к Василию Дмитриевичу и говорили: „Вся Орда в воле великого князя, кого хочет воюет“. Вот и начали воевать Литву, вода с собою рать татарскую, а Литва воевала москвичей, крови лилось много. Татары обогащались добычею, а московские бояре, воеводы и вельможи веселились. Но старикам старым это не нравилось: не добра дума бояр наших, говорили они, что приводят на помощь к себе татар, нанимают их серебром и золотом; не оттого ли в старину Киеву и Чернигову приключились большие напасти и беды? И там братья воевали друг с другом, поднимая половцев на помощь; а половцы, рассмотревши весь наряд и всю крепость князей наших, потом их всех одолевали.

Что, если и теперь то же случится? Князь великий Василий Дмитриевич воевал с тестем своим, великим князем Витовтом Кейстутовичем, утомились и заключили перемирие; а вражда между ними умножилась, и оба понесли много убытков и томления. Не было в то время на Москве бояр старых, но молодые обо всем советовали, радуясь войне и кровопролитию, а между тем Эдигей беспрестанно ссорил князей, рассматривая весь русский наряд и все войско, дожидаясь удобного времени, когда бы напасть на Русь. В это время прислал в Москву к великому князю Свидригайло Олгердович, желая с ним вместе воевать Литву. Свидригайло был верою лях, но устроен к брани, муж храбрый и крепкий на ополчение; обрадовался ему князь великий со всеми боярами своими, дали ему городов много, чуть-чуть не половину всего княжения Московского и даже славный город Владимир, где соборная златоверхая церковь Пречистой богородицы: и это все ляху-пришельцу дано было; оттого и многие беды постигли нас: храбрый князь Свидригайло Олгердович и храброе его воинство смутились и испугались, как дети малые, во время Эдигеева нашествия и обратились в бегство».

Так рассуждает летописец. Свидригайло действительно не оправдал надежд великого князя, хотя, быть может, союз этого Олгердовича с московским князем и заставил Витовта ускорить заключением мира с последним. Свидригайло не мог быть доволен таким окончанием войны, которое нисколько не изменяло его положения к лучшему относительно Литвы: ему не удалось свергнуть Витовта с московскою помощью. Вот почему он вошел в тесную дружбу с братом великого князя Юрием, который уже тогда был в размолвке с Василием, не желая уступать старшинства племяннику; этим объясняется поступок Свидригайла, который во время Эдигеева нашествия не оказал великому князю никакой помощи и скоро отъехал назад в Литву (1409 г.), обнаружив свою вражду к Москве тем, что на дороге ограбил Серпухов.

Неизвестно, чего надеялся Свидригайло в Литве; известно только то, что по приезде своем сюда он был схвачен в Кременце, заключен в темницу Ягайлом и Витовтом и пробыл в цепях около девяти лет: только в 1418 году он был освобожден острожским князем и убежал в Венгрию. Но заключение Свидригайла не могло положить конца волнениям в Литве и Руси, ибо эти волнения зависели не от личности одного человека, но от взаимных отношений двух или трех народов, приведенных в неожиданную связь одним случайным обстоятельством. Следя за отношениями московского князя к литовскому, мы видели обширные честолюбивые замыслы последнего: примыслив важную волость Смоленскую, Витовт хотел сделать то же с Новгородом и Псковом, хотел посадить своего хана в Кипчаке и с его помощью подчинить себе Москву; но этот могущественный и честолюбивый князь был не иное что, как вассал двоюродного брата своего, короля польского: мог ли Витовт терпеливо сносить такое положение, могли ли терпеливо сносить его Литва и Русь?

В 1398 году королева Ядвига прислала к Витовту письмо, в котором говорилось, что Ягайло отдал ей княжества Литовское и Русское в вено, вследствие чего она имеет право на ежегодную дань от них. Витовт собрал сейм в Вильне и предложил боярам литовским и русским вопрос: «Считают ли они себя подданными короны Польской в такой степени, что обязаны платить дань королеве?» Все единогласно отвечали: «Мы не подданные Польши ни под каким

видом; мы всегда были вольны, наши предки никогда полякам дани не платили, не будем и мы платить, останемся при нашей прежней вольности». После этого поляки больше уже не толковали о дани. Но Витовт и бояре его не могли забыть этой попытки со стороны Польши и должны были подумать о том, как бы высвободиться и из-под номинального подчинения. Однажды на обеде, данном по случаю заключения мира с Орденом, бояре провозгласили тост за Витовта, короля литовского и русского, и просили его, чтоб он позволил всегда так величать себя. Витовт на этот раз притворился скромником и отвечал, что не смеет еще почитать себя достойным такого высокого титула. Королем литовским и русским могли провозглашать его вельможи, потому что еще в 1396 году древняя собственная Русь, или Киевская область, лишилась своего великого князя Скиргайла-Ивана и соединилась опять с Литвою. Но если князь литовско-русский с своими боярами хотел независимости от Польши, то вельможи польские старались всеми силами соединить неразрывно Литву и Русь с своим государством: в 1401 году на Виленском сейме в присутствии Ягайла и Витовта было определено, что по смерти Витовта Литва и Русь возвращаются снова под власть Ягайла; по смерти же королевской ни Литва без Польши не выбирает великого князя, ни Польша без Литвы не выбирает короля: оба народа имеют общих врагов и друзей. Ходили слухи еще об одном пункте договора, а именно что по смерти Ягайла престол польский переходит к Витовту. В 1413 году связь с Польшею была еще более скреплена на сейме Городельском: дворянство литовское сравнено в правах с дворянством польским, за исключением, однако, православных.

Последний пункт показывал ясно, как мало прочности было для будущего в этой связи Литвы с Польшею; но пока она еще не рушилась, и первым важным следствием ее для Восточной Европы было сокрушение Немецкого ордена. В конце XIV века Витовт, чтобы заняться делами на востоке, хотел жить в мире с немцами и даже отдал им на жертву Жмудь, упорно державшуюся язычества. В 1399 году, пользуясь прибытием заграничных крестоносцев, в том числе Карла, герцога лотарингского, великий магистр выступил на Жмудь, жители которой одни не могли сопротивляться немцам и принуждены были принять подданство и крещение; некоторые из них, однако, по примеру старых пруссов убежали в Литву. Когда Орден неотступно требовал их выдачи у Витовта, то последний отвечал: «Вы, верно, хотите, чтоб я всем жмудицам за раз велел возвратиться в их землю? Хорошо; но знайте, что эти люди самые горячие приверженцы независимости, которую вы отняли у их земляков; никто лучше их не защитит ее». Угроза Витовта скоро исполнилась: восстание вспыхнуло во всей Жмуди, толпы вышли из лесов и ударили на новопостроенные замки орденские, сожгли их, изрубили гарнизоны, начальников, рыцарей, духовных побрали в неволю, после чего отправлены были послы к Витовту с просьбою, чтоб он взял Жмудь под свою власть. Витовт согласился; жмудицы разослали всюду грамоты с жалобою на Орден: «Выслушайте нас, угнетенных, измученных, выслушайте нас, князья духовные и светские! Орден не ищет душ наших для бога, он ищет земель наших для себя; он нас довел до того, что мы должны или ходить по миру, или разбойничать, чтобы было чем жить. Как они после того смеют называть себя братьями, как смеют крестить? Кто хочет других умывать, должен быть сам чист.

Правда, что пруссы покрещены; но они так же ничего не смыслят в вере, как и прежде: когда войдут с рыцарями в чужую землю, то поступают хуже турок, и

чем злее свирепствуют, тем больше похвал получают от Ордена. Все плоды земли нашей и улья пчелиные рыцари у нас забрали; не дают нам ни зверя бить, ни рыбы ловить, ни торговать с соседями; что год, увозили детей наших к себе в заложники; старшин наших завезли в Пруссию, других со всем родом огнем сожгли; сестер и дочерей наших силой увлекли – а еще крест святой на платье носят! Сжальтесь над нами! Мы просим крещения, но вспомните, что мы люди же, сотворенные по образу и подобию божию, а не звери какие... От всей души хотим быть христианами, но хотим креститься водою, а не кровию».

Началась война. Рыцари, пользуясь отсутствием Витовта к брату в Краков, опустошили окрестности Гродна, за что Жмудь взяла Мемель; два раза потом сильное орденское войско опустошало Литву; Витовт оплатил рыцарям опустошением Пруссии; с обеих сторон, впрочем, не сделали ничего важного и заключили перемирие, а в 1404 году вечный мир. Витовт принужден был спешить заключением мира с Орденом, потому что должен был обратить внимание свое на отношения к Северо-Восточной Руси; он уступил опять Жмудь рыцарям, обязавшись даже в случае сопротивления жмудинов помогать Ордену при их покорении. Несмотря на это. Жмудь не думала покоряться добровольно. Когда орденские и Витовтовы войска входили в ее области, жители преклонялись на время перед силою, но потом восставали опять. «Немало у нас (говорили они) прелатов, ксендзов и тому подобных людей, которые отбирают у нас шерсть и молоко, а в учении христианском не наставляют нас». Между тем Витовт, управившись на востоке, начал думать, как бы опять овладеть Жмудью, стал поддерживать жителей ее в их восстаниях, следствием чего были новые войны Польши и Литвы с Орденом. В 1410 году Витовт соединился с Ягайлом и встретил орденское войско под Грюнвальдом: у рыцарей было 83000 войска, у Витовта и Ягайла – 163000, между которыми находились русские полки: смоленский, полоцкий, витебский, киевский, пинский и другие. В начале битвы успех был в стороне рыцарей; но отчаянное мужество русских смоленских полков, выдержавших натиск немцев, дало возможность Витовту поправить дело: рыцари потерпели страшное поражение, потеряли великого магистра Ульриха фон Юнгингена, более 40000 убитыми и 15000 взятыми в плен вместе со всем обозом. Грюнвальдская битва была одна из тех битв, которые решают судьбы народов: слава и сила Ордена погибли в ней окончательно, покорители разъединенных пруссов встретили громадное ополчение из трех соединенных народов Восточной Европы, пред которым силы, мужество, искусство рыцарей оказались недостаточными; военное братство, существовавшее для борьбы, не имело более ни средств, ни цели для борьбы; силы его поникли пред соединенными силами трех народов христианских, в ополчении врагов Ордена не приносилось более языческих жертв, в нем раздавалась христианская молитва: «Богородице, дево, радуйся!» Орден был предоставлен собственным средствам: потерянные силы не восполнялись более толпами рыцарей из разных краев Европы, потому что Орден не вел более войн с неверными, следовательно, существование его становилось уже бессмысленным, ненужным, и существование это после Грюнвальдской битвы представляет только продолжительную агонию.

В то время, как орден Тевтонский в Пруссии оканчивал борьбу свою с Литвою, другая половина его, орден Меченосцев в Ливонии, продолжала борьбу со Псковом и Новгородом, В 1406 году, по возвращении псковичей с войны

литовской, из-под Полоцка, магистр ливонский пришел со всею силою и ходил две недели по их волости: но известно, что значило тогда ходить по чужой волости. Жители пригорода Велья выехали в числе 150 человек железной рати, помолились богу и св. Михаилу и ударили на немцев; поганые не выдержали и обратились в бегство, потерявши много людей и знамя; а из вельян никто не был не только убит, но даже и ранен; одного только немцы взяли в плен, но и тот убежал. Это было в августе месяце; в октябре псковичи подняли всю свою волость и пошли на Немецкую землю, подстерегли немецкую рать, убили у нее 20 человек да 7 взяли живых; потом пошли за Новый городок, встретили другую немецкую рать, ударили и на нее, убили 315 немцев, потеряли своих 34 человека и возвратились домой с большою добычею. В следующем году приехал во Псков брат великого князя московского Константин; первым делом его было послать слугу своего в Новгород на добро Пскову, просить помощи на немцев; новгородцы, однако, отказались, не помогли псковичам ни словом, ни делом. Тогда князь Константин, будучи юн верстою, по выражению летописца, но совершен умом, поднявши всю область Псковскую и пригороды, пошел воевать за Нарову; повоевали много погостов, взяли много добычи; со времен князей Довмонта и Давыда псковичи не бывали еще так далеко в Немецкой земле.

Благополучно возвратились псковичи из похода; но скоро князь Константин уехал от них, и дела переменились; магистр пришел ко Пскову со всею немецкою силою; псковичи вышли к нему навстречу, четыре дня стояли неприятели друг против друга и бились об реку; немцы не отважились перейти ее и пошли уже назад, как псковичи, ободренные этим отступлением, перешли реку и погнались за ними; тогда немцы оборотились и нанесли им сильное поражение на Логозовицком поле, убили трех посадников, множество бояр и сельских людей, всего 700 человек; немцам победа стоила также дорого, и они не могли воспользоваться ею. Это побоище, по словам летописца, было так же сильно, как Ледовое и Раковорское. В то же самое время другая рать псковская потерпела неудачу за Наровою, принуждена была бросить свои лодки и бежать от неприятеля. Псковский летописец при этом продолжает жаловаться на новгородцев: они взяли князя из Литвы, говорит он, все псковичам наперекор, вложил им дьявол злые мысли в сердце – водить дружбу с Литвою и немцами, а псковичам не помогают ни словом, ни делом. В следующем 1408 году магистр пришел опять со всею силою на Псковскую волость, ходил по ней две недели, но безуспешно, осаждал Велье; потом встречаем известие о новом неудачном набеге немцев на Велье и о неудачном походе псковичей на Немецкую землю. В 1409 году новое нашествие немцев, опять без важных последствий, кроме поражения псковских охочих людей. Наконец, в 1410 году псковские посадники и бояре съехались с рыцарями у Киремпе и заключили мир по старине, на псковской воле; в 1417 в Ригу приехал посол великокняжеский с двумя псковскими сановниками, и заключили договор о свободной торговле и непропуске врагов Ордена чрез псковские, а псковских – чрез орденские владения; в обидах положено искать управы судом, а не мечом; великий князь Василий в этой грамоте называется великим королем московским, императором русским. В 1420 году немецкие послы съехались с новгородскими на реке Нарове и заключили вечный мир по старине, как было при Александре Невском.

В 1392 году приходили шведские разбойники в Неву, взяли села по обе стороны реки, не доходя 5 верст до города Орешка; но князь Симеон (Лугвений) Олгердович нагнал их и разбил; в 1395 году новое безуспешное покушение шведов на город Яму; в следующем году опять нападение шведов на Корельскую землю, где они повоевали два погоста; в 1397 году они взяли семь сел у города Яма. В 1411 году успех шведов был значительнее: они овладели одним пригородом новгородским; тогда новгородцы с князем Симеоном Олгердовичем пошли сами в Шведскую землю, села повоевали и пожгли, народу много перебили и взяли в плен, а у города Выборга взяли наружные укрепления. В том же году двинский воевода с заволочанами по приказу из Новгорода ходил на норвежцев, последние отомстили в 1419 году: пришло их 500 человек в бусах и шнеках к берегам Белого моря, повоевали одиннадцать мест; заволочанам удалось истребить у них только две шнеки.

Когда войны стихли на всех концах Северо-Восточной Руси, тогда явилось бедствие физическое, начал свирепствовать странный мор. В это время умер великий князь московский Василий Димитриевич, 1425 года 27 февраля, после тридцатишестилетнего правления. До нас дошли три его духовные грамоты. Первая написана, когда еще у него был жив сын Иван, а Василий еще не родился. В это время великий князь не был уверен, достанется ли великое княжение Владимирское, равно как богатые примыслы Нижний и Муром, сыну его, и потому говорит предположительно: «А даст бог сыну моему князю Ивану княженье великое держать... А даст бог сыну моему держать Новгород Нижний да Муром». Во второй духовной грамоте великий князь благословляет сына Василия утвердительно своею отчиною, великим княжением; о Новгороде же Нижнем говорит опять предположительно: «Если мне даст бог Новгород Нижний, то я благословляю им сына моего князя Василия». В третьей грамоте утвердительно благословляет сына примыслом своим Новгородом Нижним и Муромом; но о великом княжении Владимирском говорит опять предположительно: «А даст бог сыну моему великое княженье». Замечательнее всего в этих духовных то обстоятельство, что великий князь приказывает сына тестю Витовту, братьям Андрею, Петру и Константину, равно как троюродным братьям, сыновьям Владимира Андреевича; но ни в одной грамоте не говорится ни слова о старшем из братьев Юрии Димитриевиче – знак, что этот князь еще при жизни Василия Димитриевича постоянно отрицался признать старшинство племянника, основываясь на древних родовых счетах и на кривотолкуемом завещании Донского, где последний говорит, что в случае смерти Василия удел его переходит к старшему по нем брату; но здесь, как и во всех других завещаниях, разумеется кончина беспотомственная, ибо речь идет о целом уделе Василиевом, которого отчинная часть по крайней мере, если исключим великое княжение Владимирское, должна была переходить к сыновьям покойного; притязания брата Юрия, как видно, и заставили Василия в последней своей духовной грамоте сказать предположительно о великом княжении; в третьей грамоте нет также имени Константина Димитриевича в числе князей, которым Василий поручал своего сына.

На первом плане в княжение Василия Димитриевича стоят, бесспорно, отношения литовские. Почти в одно время со вступлением на московский стол Василия в Литве окончательно утверждается тесть его Витовт; оба

ознаменовывают начало своего княжения богатыми примыслами: Василий овладевает Нижним Новгородом и Муромом, Витовт – Смоленском. Примыслы эти достались им нелегко, не вдруг, и на берегах Волги и на берегах Днепра не обошлось без борьбы, довольно продолжительной. В этой борьбе оба князя не только не мешают друг другу, но находятся, по-видимому, в тесном союзе, живут как добрые родственники, хотя Витовт и выговаривает себе Москву у Тохтамыша. Но как скоро литовский князь, утвердившись в Смоленске, начинает теснить Псков и Новгород, то Василий вооружается против него. Кажется, наступает решительная минута, в которую должен решиться вопрос о судьбах Восточной Европы, но ни потомки Всеволода III, ни потомки Гедимины не любят средств решительных: тесть и зять не раз выходят с полками друг против друга и расходятся без битвы; дело оканчивается тем, что Витовт отказывается от дальнейших покушений на независимость Пскова, куда московский князь посылает своих наместников; с другой стороны, и Василий принужден отказаться на время от богатого примысла – Двинской земли. Но мы видели, что порвание мира между тестем и зятем возбудило сильное неудовольствие в Москве; летописец жалуется, что не было больше в думе княжеской старых бояр, и обо всех делах начали советовать молодые. Кто ж были эти старые бояре, державшиеся союза с Литвою и осторожно поступавшие относительно татар, и кто были эти молодые, начавшие действовать иначе? Это мы узнаем из письма Эдигеева, которое он прислал великому князю, возвращаясь от Москвы в степи.

«Добрые нравы, и добрая дума, и добрые дела в Орде были от боярина Федора Кошки; добрый был человек; которые были добрые дела ордынские – и он тебе об них напоминал; но это время прошло. Теперь у тебя сын его Иван казначей твой и любимец, старейшина, из которого слова и думы ты не выступаешь. А от этой думы улусу твоему теперь разорение и христиане изгибли. Так ты вперед поступай иначе, молодых не слушай, а собери старших своих бояр: Илью Ивановича, Петра Константиновича, Ивана Никитича да иных многих стариков земских – и думай с ними добрую думу».

Итак, важнейшее влияние на дела оказывал сначала боярин Федор Андреевич Кошка, а потом сын его Иван, подле которых видим и родичей их младших сыновей Федора Кошки – Федора Федоровича и Михаила Федоровича и родного племянника его Игнатия Семеновича Жеребцова, бывшего коломенским воеводою и убитого в сражении с пронским князем. Старшими боярами Эдигей называет Илью Ивановича, Петра Константиновича, Ивана Никитича, из которых первый, по родословным, оказывается сыном известного Ивана Родионовича Квашни. Этот Иван Родионович умер в 1390 году, и известие об его смерти занесено в летопись. Из Вельяминовых по соображению с родословными книгами можно указать только Федора Ивановича, сына казненного Ивана Васильевича. Знаменитый боярин Донского Федор Андреевич Свибл больше не упоминается; но в духовных грамотах своих великий князь Василий говорит о селах Федора Свибла, которые он взял за себя, и о холопах, которых он отнял у него: это выражение указывает на опалу; но между боярами Василия упоминается родной брат Свибла Михаил Андреевич Челядня. Из известных нам прежде родов и лиц упоминаются также между боярами: Константин Димитриевич Шея, сын Димитрия Александровича Зерна, внук Четов; Иван Димитриевич, сын Димитрия Всеволожа; Владимир Данилович Красный-Снабдя, бывший наместником в

Нижнем Новгороде; Даниил и Степан Феофановичи Плещеевы, родные племянники св. митрополита Алексия; о Данииле сказано в летописи под 1393 годом: «Преставился Данило Феофанович, который много служил великому князю в Орде, и на Руси, и по чужим землям». Наконец, упоминаются в летописи Иван Уда и Александр Белеут. Из неизвестных упоминаются: Димитрий Афинеевич, подписавшийся на первой духовной Василия на третьем месте; Андрей Албердов, занявший Двинскую землю; Александр Поле, Иван Марин (оба под 1401 годом); Селиван (или Селиван Борисович, внук Димитрия Михайловича Волынского, или Селиван Глебович Кутузов); Димитрий Васильевич; Степан Васильевич; заместниками в Нижнем Новгороде вместе с Владимиром Даниловичем Красным были Григорий Владимирович и Иван Лихорь; в 1393 году новоторжцы убили великокняжеского боярина Максима; в битве с пронским князем вместе с Игнатием Жеребцовым погибли Михайла Лялин и Иван Брынка, тут же попался в плен муромский воевода Семен Жирославич; заместником во Владимире упоминается Юрий Васильевич Щека; под 1390 годом встречаем известие, что в Коломне на игрушке был убит Осей, кормиличик великого князя. Как при Донском новоприезжий боярин Димитрий Михайлович Волынский оттеснил на низшую степень или заехал, по тогдашнему выражению, некоторых старых бояр, так при Василии Димитриевиче литовский князь, Юрий Патрикеевич, внук Наримантов, вступивши в службу к московскому князю, заехал также некоторых бояр, и его имя встречаем на первом месте в духовных великокняжеских. Брат его, князь Федор Патрикеевич, был заместником великого князя в Новгороде в 1420 году. Дьяками великокняжескими были: Тимофей Ачкасов и Алексей Стромиллов.

Глава вторая

Княжение Василия Васильевича Темного (1425–1462)

Малолетство Василия Васильевича. – Новая усобица дяди с племянником. Спор в Орде между ними. – Московский боярин Всеволожский. – Хан решает дело в пользу племянника Василия против дяди Юрия Димитриевича. – Отъезд боярина Всеволожского от великого князя к дяде его Юрию. – Возобновление борьбы между дядею и племянником. – Василий попадает в плен к Юрию. – Василий в Коломне. – Продолжение борьбы. – Смерть Юрия. – Василий утверждается в Москве. – Отношения Василия Васильевича к двоюродным братьям, сыновьям Юрия, Василию Косому и Димитрию Шемяке. – Слеплене Косого. – Отношения великого князя к другим удельным князьям. – Отношения татарские. – Плен великого князя у казанских татар и освобождение. – Шемяка овладевает Москвою, захватывает великого князя в Троицком монастыре и ослепляет. Слепой Василий получает Вологду. – Движения его приверженцев, которые овладевают Москвою. – Продолжение борьбы Василия с Шемякою. – Деятельность духовенства в этой борьбе. – Смерть Шемяки. – Отношения великого князя к другим удельным князьям. – Отношения к Рязани и Твери. Отношения к Новгороду и Пскову. – События в Литве, борьба ее с Польшею. Отношения Литвы к Москве. – Татарские

нашествия. – Борьба Новгорода и Пскова со шведами и немцами. – Смерть великого князя Василия; его духовная грамота; его приближенные.

По смерти Василия Дмитриевича на столе московском и вся Русь явился опять малолетний, десятилетний, князь Василий Васильевич. Малолетством деда его Дмитрия хотел воспользоваться Дмитрий суздальский, князь из старшей линии потомства Ярослава Всеволодовича; но Москва была уже так сильна, что, несмотря и на малолетство ее князя, Суздаль, даже поддерживаемый ханом, не мог остаться победителем в борьбе. Теперь, при малолетнем внуке Дмитриевом, никто из князей не осмеливается спорить за Владимир с потомками Калиты: Нижний, Суздаль принадлежат уже Москве, Тверь давно уже отказалась от всякого наступательного движения. Но теперь, когда не может быть более борьбы у московского князя за Владимир ни с князем нижегородским, ни с тверским, начинается борьба между самими потомками Калиты, между самими князьями московскими – за Москву и уже неразрывно соединенный с нею Владимир. До сих пор мы видели частые и явные нарушения родовых прав старшинства в потомстве Всеволода III, нарушения, постоянно увенчивавшиеся успехом: видели восстание Михаила Ярославича московского против дяди Святослава, восстание Андрея Александровича городецкого против старшего брата, Дмитрия переяславского, восстание Юрия московского против старшего в роде Михаила тверского; но все это были восстания против порядка вещей, который хотя и видимо ослабевал (что именно доказывалось успехом явлений, против него направленных), однако еще держался, признавался вообще всеми как законно существующий, и явления, ему враждебные, были только исключениями; не являлось еще ни одного князя, который решился бы это исключение сделать правилом. Дмитрий Донской первый завещал старшие столы, и московский и владимирский, сыну своему мимо двоюродного брата, который сам согласился на это распоряжение, согласился признать племянника старшим братом; но этот брат Донского был, во-первых, брат двоюродный, во-вторых, не мог занять старшего стола по отчине, отец его не был никогда великим князем московским и владимирским. Гораздо важнее, следовательно, и решительнее было распоряжение сына Дмитриева Василия, завещавшего старшинство сыну своему мимо родных своих братьев, которых права по старине были совершенно бесспорны. И вот полноправный им по старине наследник старшинства князь Юрий Дмитриевич звенигородский отказывается признать старшинство племянника, отказывается признать законность нового порядка престолонаследия. Должна была возгореться борьба, борьба последняя и решительная, которая несколько не похожа на прежние усобицы между дядями и племянниками; припомним древнюю борьбу Изяслава Мстиславича с дядею Юрием Долгоруким: Изяслав занял Киев вопреки правам дяди, но никогда не смел отрицать этих прав, говорил прямо, что Юрий старше его, но не умеет жить с родичами и проч.; припомним также, что возможность этой борьбы условливалась обстоятельством случайным, слабостию, неспособностью полноправного дяди Вячеслава, пред которым, однако, Изяслав принужден был наконец покаяться. Но теперь оба порядка, оба обычая, старый и новый, сталкиваются друг с другом во всей чистоте: князь Юрий – полноправный наследник старшинства по старине; племянник его Василий Васильевич получает

это старшинство по завещанию отцовскому, с полным отрицанием прав дяди, без всякого пособия какого-либо случайного обстоятельства, которое ослабляло бы права дяди и давало племяннику предлог к восстанию против них. В этой новой борьбе дяди с племянником как бы нарочно племянник является малолетним и потому неспособным действовать сам по себе; до сих пор, когда племянники восставали против дядей, то это было обыкновенно восстание более даровитой, более сильной личности; но теперь, как нарочно, слабый отрок вступает в борьбу против сильного своим правом старого дяди, следовательно, все преимущества, по-видимому, на стороне последнего, а между тем побеждает малолетний племянник, и тем резче обнаруживается вся крепость нового порядка вещей, который не зависит более от личных средств.

Могущественные средства малолетнего Василия обнаружились в самом начале: в ту самую ночь, как умер великий князь Василий Димитриевич, митрополит Фотий послал своего боярина в Звенигород к Юрию звать его в Москву. Но Юрий не захотел признавать племянника старшим, боялся принуждения в Москве, боялся даже оставаться поблизости в Звенигороде и уехал в отдаленный Галич, откуда прислал с угрозами к племяннику и с требованием перемирия месяца на четыре. В Москве согласились на перемирие, которое было употреблено с обеих сторон для собрания войска. Бояре московские с малолетним князем своим предупредили Юрия и пошли к Костроме с большим войском, в котором находились и остальные дядья великого князя, Димитриевичи; это напугало Юрия, который побежал в Нижний Новгород и сел там; против него отправлен был брат его Константин Димитриевич, который прежде сам вооружался за старшинство дядей; Юрий из Нижнего побежал за Суру и стал на одном ее берегу, а Константин на другом и, постоявши несколько времени, возвратился в Москву под тем предлогом, что нельзя было перейти реку: но, по некоторым, очень вероятным известиям, Константин радел не племяннику, а брату и потому не хотел, как должно, преследовать Юрия, который возвратился в Галич и послал в Москву просить опять перемирия на год. Но если для Юрия выгодно было не заключать окончательного мирного договора, в котором он принужден был бы отказаться от своих притязаний, если ему выгодны были только перемирия, которые позволяли ему собирать силы и выжидать удобного времени, то в Москве, наоборот, желали чего-нибудь решительного, и по общему совету – митрополита, матери великокняжеской Софии, дядей и даже деда Витовта литовского – митрополит Фотий отправился в Галич уговаривать Юрия к вечному миру. Юрий, узнавши, что митрополит едет, встретил его с детьми, боярами, лучшими людьми, собрал и чернь всю из городов и деревень и поставил ее по горе так, чтобы Фотий мог видеть большую толпу народа при въезде в город. Но галицкий князь не достиг своей цели, не испугал митрополита, который, взглянув на густые толпы черни, сказал ему: «Сын князь Юрий! не видывал я никогда столько народа в овечьей шерсти», давая тем знать, что люди, одетые в сермяги, – плохие ратники.

Начались переговоры: митрополит настаивал на вечный мир, но Юрий не хотел об нем слышать, а требовал только перемирия, Фотий рассердился и выехал из Галича, не благословив ни князя, ни город, и вдруг после его отъезда открылся мор в Галиче.

Юрий испугался, поскакал сам за митрополитом, нагнал его за озером и едва успел со слезами умолить его возвратиться. Фотий приехал опять в Галич, благословил народ, и мор стал прекращаться, а Юрий обещал митрополиту послать и действительно послал двух бояр своих в Москву, которые заключили мир на том условии, что Юрий не будет искать великого княжения сам собою, но ханом: кому хан даст великое княжение, тот и будет великим князем. Но понятно, что и это была только одна уловка, одно средство продлить нерешительное положение, потому что если и прежние князья мало обращали внимания на решения ханские, то могли ли повиноваться им сын и внук Донского? Вот почему после того ни дядя, ни племянник не думали ехать в Орду, и Юрий, отчаявшись в успехе своего дела, заключил в 1428 году договор с Василием, по которому признавал себя младшим братом племянника и обязывался не искать великого княжения под Василием. Но в 1431 году Юрий прислал означенный договор вместе со складною грамотою, и оба соперника решились ехать в Орду, к хану Махмету. Обратив внимание на время возобновления вражды, мы не можем не прийти к мысли, что поводом к нему была смерть Витовта: в 1428 году Юрий признал старшинство племянника, потому что в предыдущем году великая княгиня Софья Витовтовна ездила к отцу и поручила ему сына и все Московское княжество; в 1430 году Витовт умер, и на его месте стал княжить Свидригайло, побратим, свояк Юрия; вот почему последний в 1431 году, пользуясь благоприятною для себя переменою обстоятельств, разрывает с племянником.

В челе московского боярства стоял тогда известный уже нам боярин Иван Дмитриевич Всеволожский, хитрый, ловкий, находчивый, достойный преемник тех московских бояр, которые при отце, деде и прадеде Василия умели удержать за Москвою первенство и дать ей могущество. Когда Юрий по прибытии в Орду уехал в Крым вместе с доброжелателем своим, могущественным мурзою Тегинею, который обещал ему великое княжение, Иван Дмитриевич подольстился к остальным мурзам, возбудил их самолюбие и ревность к могуществу Тегини. «Ваши просьбы, – говорил он им, – ничего не значат у хана, который не может выступить из Тегинина слова: по его слову дается великое княжение князю Юрию; но если хан так сделает, послушавшись Тегини, то что будет с вами? Юрий будет великим князем в Москве, в Литве великим князем побратим его Свидригайло, а в Орде будет сильнее всех вас Тегиня». Этими словами, говорит летопись, он уязвил сердца мурз как стрелою; все они стали бить челом хану за князя Василия и так настроили хана, что тот начал грозить Тегине смертию, если он вымолвит хотя слово за Юрия. Весною 1432 года был суд между дядею и племянником: Юрий основывал свои права на древнем родовом обычае, доказывал летописями и, наконец, ссылался на кривотолкуемое завещание Донского. За Василия говорил Иван Дмитриевич, он сказал хану: «Князь Юрий ищет великого княжения по завещанию отца своего, а князь Василий по твоей милости; ты дал улус свой отцу его Василию Дмитриевичу, тот, основываясь на твоей милости, передал его сыну своему, который уже столько лет княжит и не свергнут тобою, следовательно, княжит по твоей же милости». Эта лесть, выражавшая совершенное презрение к старине, произвела свое действие: хан дал ярлык Василию и даже хотел заставить Юрия вести коня под племянником, но последний сам не захотел нанести такой позор дяде; Юрию уступлен был также Дмитров, выморочный удел брата его Петра (умершего в 1428 году). Так кончился

суд в Орде; разумеется, он не мог потушить распри; Юрий не мог забыть неудачи, а в Москве не могли не воспользоваться своим торжеством для окончательного низложения соперника. Вот почему в том же году встречаем известие, что Юрий побоялся жить вблизи от Москвы, в новоприобретенном Дмитрове, и уехал опять в Галич, а Василий тотчас же выгнал его наместников из Дмитрова и захватил город; но вдруг дела в Москве неожиданно приняли благоприятный оборот для старого дяди.

Иван Дмитриевич в награду за услуги, оказанные им Василию в Орде, надеялся, что великий князь женится на его дочери; эта надежда вовсе не была дерзкою в то время, когда князья часто женились на дочерях боярских и выдавали за бояр дочерей своих. Сам же Иван Дмитриевич вел свой род от князей смоленских и женат был на внуке великого князя нижегородского, почему и был уже в родстве с великим князем московским. Василий, будучи в Орде, дал Ивану Дмитриевичу обещание жениться на его дочери; но по приезде в Москву дела переменились; мать великого князя Софья Витовтовна никак не согласилась на этот брак и настояла, чтоб сын обручился на княжне Марье Ярославне, внуке Владимира Андреевича. Тогда Иван Дмитриевич, так сильно ратовавший в Орде против старины княжеской, вспомнил старину боярскую и отъехал от московского князя. Он боялся прямо ехать к Юрию и потому кинулся сперва к брату его Константину Дмитриевичу, надеясь пробудить в нем старинные замыслы, потом к тверскому князю, наследственному сопернику Москвы: но все это уже была старина, над которою сам боярин так недавно посмеялся в Орде; новым, действительным было могущество Москвы, против которого никто не смел тронуться, могущество, утвержденное с помощью предшественников, товарищей Ивана и его самого. Наконец боярин решился явиться к Юрию и был принят радушно. Но между тем как Иван Дмитриевич подговаривал Юрия возобновить старые притязания, в Москве сыновья Юрия – Василий Косой и Дмитрий Шемяка – пировали на свадьбе великокняжеской. Василий Косой приехал в богатом золотом поясе, усаженном дорогими камнями. Старый боярин Петр Константинович рассказал историю этого пояса матери великокняжеской, Софье Витовтовне, историю любопытную: пояс этот был дан суздальским князем Дмитрием Константиновичем в приданое за дочь Евдокию, шедшею замуж за Дмитрия Донского; последний тысяцкий Василий Вельяминов, имевший важное значение на княжеской свадьбе, подменил этот пояс другим, меньшей цены, а настоящий отдал сыну своему Николаю, за которым была другая дочь князя Дмитрия суздальского, Марья. Николай Вельяминов отдал пояс также в приданое за дочь, которая вышла за нашего боярина, Ивана Дмитриевича; Иван отдал его в приданое за дочь же князю Андрею, сыну Владимира Андреевича, и по смерти Андреевой, обручив его дочь, а свою внучку за Василия Косого, подарил жениху пояс, в котором тот и явился на свадьбу великого князя. Софья Витовтовна, узнав, что за пояс был на Косом, при всех сняла его с князя как собственность своего семейства, незаконно перешедшую в чужое. Юрьевичи, оскорбленные таким позором, тотчас выехали из Москвы, и это послужило предлогом к войне.

В Москве тогда только узнали о движениях Юрия, когда уже он был в Переяславле с большим войском. Московский князь, захваченный врасплох, послал бояр своих просить мира у дяди, которого они нашли в Троицком

монастыре; но Иван Дмитриевич не дал и слова молвить о мире. «И была, – говорит летописец, – между боярами брань великая и слова неподобные». Тогда Василий, собравши наскоро, сколько мог, ратных людей и московских жителей, гостей и других, выступил против дяди, но с своей малочисленной и нестройною толпою был разбит наголову сильными полками Юриевыми на Клязьме, за 20 верст от Москвы (в апреле 1433 года), и бежал в Кострому, где был захвачен в плен. Юрий въехал в Москву и стал великим князем.

Но какие же могли быть следствия этого события? Старина, возобновленная Юрием, была новостью в Москве, и потому победитель находился в затруднительном положении относительно побежденного. Сперва при господстве родовых отношений сын старшего, или великого, князя при жизни отца имел свою волость, и когда старший в роде заступал место покойного великого князя, то сын последнего оставался на своем столе или переменил его на другой, лучший, что было тогда легко. Но теперь Василий при жизни отца не имел особого удела, его удел была Москва и великое княжение; вытеснив его из Москвы, Юрий, чтоб поместить его где-нибудь, должен был разрушить порядок вещей, установленный завещаниями князей предшествовавших.

Далее, представлялся вопрос: по смерти Юрия кто должен был занять его место? По старому порядку вещей, Константин Дмитриевич, единственный из оставшихся в живых сын Донского (Андрей умер в 1432 году), и после него опять Василий, как сын старшего брата. Но московский боярин Иван Дмитриевич и сыновья Юрия думали не так: они позабыли старину и знать ее не хотели. Их право не было старинное право старшинства, но право новое, право силы и удачи. Выгнавши Василия из Москвы, добывши его в свои руки, Юрьевичи вовсе не думали возобновлять старых родовых счетов с кем бы то ни было; они хотели, по новому порядку, наследовать своему отцу точно так, как Василий наследовал своему; они хотели воспользоваться своею победою, чтоб тотчас же избавиться от соперника. Но Юрий был более совестлив или по крайней мере не имел столько твердости, чтоб решиться на меры насильственные.

Скоро Василий нашел за себя пред ним ревностного ходатая: у Юрия был старинный любимый боярин Семен Морозов, который, вероятно, из соперничества с Иваном Дмитриевичем, отбившим у него первое место, заступился за пленного Василия и уговорил Юрия отдать последнему в удел Коломну, постоянно переходившую к старшему сыну московского князя. Тщетно Иван Дмитриевич и сыновья Юрия сердились и восставали против этого решения: Юрий дал прощальный пир племяннику, богато одарил его и отпустил в Коломну со всеми боярами его.

Но едва прибыл Василий в Коломну, как начал призывать к себе отовсюду людей, и отовсюду начали стекаться к нему князья, бояре, воеводы, дворяне, слуги, откладываясь от Юрия, потому что, говорит летописец, не привыкли они служить галицким князьям; одним словом, около Василия собрались все те, которые пришли бы к нему и в Москву по первому зову, но не успели этого сделать, потому что Юрий напал на племянника врасплох и этому только был обязан своим торжеством.

Тогда старшие Юрьевичи, Василий Косой и Дмитрий Шемяка, увидя исполнение своих опасений, обратили ярость свою на главного виновника отцовской ошибки и убили Семена Морозова в дворцовых сенях, приговаривая:

«Ты злодей, крамольник! Ты ввел отца нашего в беду и нам издавна крамольник и лиходей». Избегая отцовского гнева, убийцы удалились из Москвы; тогда Юрий, видя себя оставленным всеми, послал к Василию звать его обратно на великое княжение, а сам уехал в Галич, сопровождаемый только пятью человеками. Так торжественно была показана невозможность восстановления старины! Но борьба этим не кончилась.

Удаляясь из Москвы в пылу негодования на двоих старших сыновей, Василия Косого и Дмитрия Шемяку, Юрий отделил их дело от своего и заключил с Василием Васильевичем договор, в котором за себя и за младшего сына, любимца своего, Дмитрия Красного, отказался принимать к себе Косого и Шемяку, отказался от Дмитрова, вместо которого взял Бежецкий Верх с разными другими волостями; признал племянника старшим братом, который один имеет право знать Орду; старый дядя выговорил только не садиться на коня, когда племянник сам поведет свои полки, не ездить к племяннику и не давать ему помощи на Литву, где по смерти Витовта княжил побратим и свояк Юрьев, Свидригайло. Что же касается до Ивана Дмитриевича, то есть известие, что он был схвачен великим князем Василием и ослеплен, села его были взяты в казну великокняжескую за его вину, как сказано в договоре Юрия с Василием. Понадеявшись на обещание дяди, Василий отправил воеводу своего, князя Юрия Патрикеевича, к Костроме, на Косого и Шемяку; но те с вятчанами и галичанами разбили московское войско на реке Куси и взяли в плен воеводу. Василий узнал, что дядя не сдержал своих обещаний, что полки его были в войске сыновей при Куси, и потому в 1434 году пошел на Юрия к Галичу, сжег этот город и заставил дядю бежать на Белоозеро. Но, когда Василий ушел домой, Юрий также возвратился в Галич, послал за сыновьями, за вятчанами и весною двинулся на московского князя с большою силою. Он встретил двух племянников – Василия московского и Ивана можайского (сына умершего Андрея Дмитриевича) – в Ростовской области, у св. Николы на горе, и разбил их: Василий убежал в Новгород, Иван можайский – в Тверь вместе с матерью; Василий Васильевич послал к нему боярина с просьбою не отступать от него в беде; но Можайский отвечал: «Господин и государь! где ни буду, везде я твой человек, но теперь нельзя же мне потерять свою отчину и мать свою заставить скитаться по чужой стороне». Позванный Юрием, Иван отправился к нему в Троицкий монастырь и вместе с дядею приступил к Москве, которая сдалась по прошествии недели, причем мать и жена Васильевы попались в плен и были отосланы в Звенигород. Сам Василий, не видя ниоткуда помощи, перебрался из Новгорода Великого в Нижний и, слыша о погоне за собою от Юрьевичей, которые стояли во Владимире, собрался в Орду, как вдруг узнал о скоростижной смерти Юрия и о том, что старший сын последнего Василий Косой занял стол московский, по новому обычаю.

Но братья Косого, два Дмитрия – Шемяка и Красный, – послали сказать ему: «Если богу не угодно, чтоб княжил отец наш, то тебя сами не хотим», – и в то же время послали к Василию Васильевичу в Нижний звать его на великое княжение в Москву; они знали, что брату их не удержаться в Москве, и спешили добровольным признанием Василия получить расположение последнего и прибавки к своим уделам.

Василий Васильевич действительно отдал Шемяке удел умершего дяди Константина Дмитриевича – Ржеву и Углич, Дмитрию Красному – Бежецкий

Верх, но зато Удержал за собою удел дяди Петра – Дмитров и удел Косого – Звенигород; кроме того, выговорил, чтоб Шемяка не вступался в Вятку, воинственное народонаселение которой давало постоянно деятельную помощь Юрию. Косой был изгнан из Москвы и лишен удела; ему не оставалось ничего, кроме самых отчаянных средств, которые, следовательно, обуславливались его положением и притом еще личным характером.

Вообще, чтоб уяснить себе характер Косого и Шемяки, надобно войти в их положение: притязания отца вовлекли их во вражду с Василием московским, из которой им не было выхода. Когда отец их овладел в первый раз Москвою, они требовали насильственных мер против Василия, понимая, что дело идет о том, кому быть московским князем и кому быть слугою московского князя; теперь, когда восторжествовал Василий, Юрьевичи чувствуют, что победитель должен употребить против них те же самые средства, какие прежде они сами хотели употребить против него, и если они примиряются с ним, то это примирение вынуждено только обстоятельствами, ненадежно, и обе стороны пользуются им для отыскания средств к возобновлению борьбы. Но во имя чего же идет эта борьба? Какое право поддерживают Юрьевичи против Василия? Борьба идет во имя права самосохранения: доведенные до отчаяния, озлобленные неудачей, Юрьевичи повинуются одному инстинкту самосохранения и не разбирают средств для достижения цели; но средства, употребляемые Юрьевичами, вызывают подобные же и со стороны их соперника.

Косой бежал из Москвы в Новгород Великий, но скоро выехал оттуда, пограбивши по дороге берега Мсты, Бежецкий Верх и Заволочье. В 1435 году он успел собрать войско в Костроме и встретился с великим князем московским в Ярославской волости, на берегу Которости, между Кузьминским и Великим Селом: бог помог Василию Васильевичу, Косой бежал в Кашин и, собравшись здесь с силами, напал нечаянно на Вологду, где была застава (гарнизон) великокняжеская, захватил воевод и дворян московских и послал за вятчанами, которые не замедлили прийти к нему. Московский князь пошел опять за ним к Костроме и стал у нынешнего монастыря Ипатьевского, на мысе между Волгою и Костромою, за которою расположился Косой. Река помешала биться, и двоюродные братья помирились: великий князь отдал Косому в удел Дмитров; почему же не прежний удел его – Звенигород? Почему и прежде Василий не дал этого отцовского удела Шемяке и уступил ему удел Константина Дмитриевича! Распоряжение это объясняется последующими распоряжениями: и после великие князья стараются переменять владения князей удельных, дабы последние, постоянно живя в одном уделе, не могли приучить к себе его жителей, приобрести их любовь. Юрьевич признал Василия Васильевича старшим братом, обязался не брать великого княжения, если татары будут давать ему его, обязался также отдать всю казну, увезенную им из Москвы, равно казну покойного дяди Константина. В этом же договоре встречаем следующее условие: «Которые гости суконники завели крамолу на меня, великого князя, и на мою мать, великую княгиню, да ушли из Москвы в Тверь во время нашей войны, тех тебе не принимать». Но мир был не долговечен: прожив только месяц в Дмитрове, Косой отправился опять в Кострому, отославши к великому князю разметные грамоты.

Проживши в Костроме до зимнего пути, отправился к брату в Галич, отсюда к Устюгу, куда пришли к нему и вятчане; не могли взять крепости устюжской

Гледена силою, взял его на условиях, но, нарушив их, убил московского воеводу князя Оболенского, повесил десятильника владыки ростовского и многих устюжан перебил и перевешал. И в это самое время брат Косого Шемяка приехал в Москву звать великого князя к себе на свадьбу; но Василий Васильевич велел задержать его и стеречь в Коломне на все время войны с братом его; третий же Юрьевич, Димитрий Красный, по своему кроткому характеру не мог возбудить подозрения и был в войсках великого князя. Последний встретился с Косым в Ростовской области, при селе Скорятине. У Юрьевича кроме вятчан был двор брата его Шемяки; с великим князем кроме Димитрия Красного находился Иван можайский и новоприбывший из Литвы князь Иван Баба Друцкой, который изрядил свой полк с копьями, по литовскому обычаю. Косой не надеялся одолеть соперника силою и решился употребить коварство: заключил с великим князем перемирие до утра, и, когда Василий, понадеявшись на это, распустил свои полки для сбора припасов, вдруг прибежали к нему сторожа с вестию, что неприятель наступает. Великий князь тотчас разослал по всем сторонам приказ собираться, сам схватил трубу и начал трубить; полки московские успели собраться до прихода Косого, который был разбит, взят в плен и отвезен в Москву, и когда союзники его, вятчане, схватили воеводу великокняжеского, князя Александра Брюхатого, взяли с него богатый окуп и, несмотря на это, отвели к себе в плен, то великий князь велел ослепить Косого.

Ожесточенная борьба, в которой решался вопрос, кому стать сильнее всех и подчинить себе всех других, давно уже шла между князьями, борьба, по означенному характеру не могшая отличаться мягкостью средств: так, борьба между Москвою и Тверью кончилась гибелью четырех князей тверских. Московские князья погубили их в Орде посредством хана, но не менее того погубили; теперь же, в борьбе между московскими князьями, соперники были поставлены в положение гораздо опаснейшее: прежде вопрос шел только о великом княжении Владимирском, торжество одного князя еще не грозило такою близкою гибелью побежденному: он, его сыновья и внуки могли существовать как владельцы почти независимые, тогда как теперь обстоятельства были уже не те, Косой обнаружил свой характер и свои цели, показал, что, пока он жив, имеет средства вредить, до тех пор Василий Васильевич не будет покоен; ханы в это время потеряли прежнее значение, их уже нельзя было употреблять орудием для гибели соперника, и князьям было предоставлено разделяться самим друг с другом.

По ослеплении Косого великий князь выпустил брата его Шемяку из Коломны в прежний удел и заключил с ним договор, совершенно одинаковый с предыдущим. В 1440 году встречаем новый договор с Юрьевичем, где, между прочим, сказано следующее: «Также и теперь, что вы взяли на Москве нынешним приходом у меня, и у моей матери, и у моих князей, у бояр моих и детей боярских и что будет у вас, то все вы должны отдать». Это место ясно указывает на неприятельский приход Юрьевичей к Москве. Летописцы молчат об этом приходе Шемяки под 1440 годом и помещают приход его под 1442, которому предшествовал поход великого князя на Юрьевича и бегство последнего в Новгородскую область; причиною вражды Василия к Шемяке в этом случае было то, что Юрьевич ослушался зову великокняжеского и не пошел помогать Москве, когда она была осаждена ханом Улу-Махметом в 1439 году, соперники были

примирены троицким архимандритом Зиновием. Если мы предположим, что в летописи перемешаны года и этот поход 1442 года должно отнести к 1440, после которого и был заключен означенный договор, то дело может объясниться легко: в 1439 году Улу-Махмет осаждал Москву; Шемяка не явился на помощь, за что великий князь пошел на него и прогнал в Новгородскую область; потом Шемяка, оправившись, явился сам под Москвою и заключил мир.

Так кончилась первая половина усобицы в княжение Василия Васильевича. За право дядей боролся один Юрий, остальные три Дмитриевича были на стороне племянника, хотя, как видно, и не желали окончательного низложения брата. Все они умерли во время первой половины усобицы, до 1440 года; Петр и Константин умерли бездетны, Андрей оставил двоих сыновей – Ивана Можайского и Михаила верейского. Мы видели поведение Ивана Можайского в борьбе Юрия с Василием: чтобы не лишиться волости, чтобы не заставить мать свою скитаться по чужим сторонам, он принимает сторону победителя, уверяя в верности своей побежденного, – таково обыкновенно поведение слабых в борьбе двух сильных. До нас дошел договор обоих Андреевичей с Василием Васильевичем, заключенный, как видно, еще до поездки в Орду, когда еще Василий не был уверен, что получит великое княжение, ибо Андреевичи говорят: «А даст тебе бог достать свою вотчину, великое княжение, то ты нас пожалуешь, как обещался, – из великого княжения, попригожу». Андреевичи обязываются считать себя младшими братьями. После торжества дяди Юрия они заключили и с ним договор, в котором обязываются почитать его отцом, не сноситься с Василием Васильевичем и по кончине Юрия признать великое княжение за детьми его, – знак, что Юрий под предлогом старшинства вел борьбу вовсе не за старый порядок вещей и, добывши себе великое княжение, передавал его своим детям мимо законного по старине наследника. Так же точно обязался не искать великого княжения Московского под сыновьями Юрия и рязанский князь Иван Федорович, по матери родной племянник Юрию, который обязывается иметь его племянником; Василий Косой обязывается иметь рязанского князя братом равным, Димитрий Шемяка и Димитрий Красный – братом старшим. До нас дошел также договор князя Василия Ярославича, внука Владимира Андреевича, с зятем (мужем сестры) и четвероюродным братом Василием Васильевичем московским. В этом договоре замечаем другой тон, гораздо униженнее: Василий Ярославич называет московского князя старшим братом и отцом, обязывается держать под ним великое княжение честно и грозно.

С 1440 года по 1445 у великого князя не было враждебных столкновений с Шемякою; последний дожидался удобного случая для возобновления борьбы, и этот случай наконец представился по поводу дел татарских. Прежде поездки Василия Васильевича с дядею в Орду, для суда пред ханом, мы встречаем известия об обычных набегах татар на украинские места: в 1425 году они приходили на Рязанскую Украину, но были разбиты рязанцами и потеряли всю добычу; в конце 1428 года они напали нечаянно на Галицкую область и стояли здесь месяц; потом взяли Кострому, Плесо, Лух и ушли Волгою вниз. Великий князь Василий послал за ними в погоню дядей своих Андрея и Константина Дмитриевичей и боярина Ивана Дмитриевича с полками московскими; они не догнали татар и возвратились; но князь Федор Стародубский-Пестрый с Федором Константиновичем Добрынским тайком от московских князей погнались за

татарами, догнали задние отряды и побили. Тот же князь Федор Давыдович Пестрый по приказанию князя московского ходил на болгар и попленил всю их землю в 1431 году. В 1437 году татары опустошили границы рязанские; но гораздо важнее были дела с ними в конце года, когда хан Улу-Махмет, изгнанный из Золотой Орды братом своим, явился на границах русских и засел в Белеве. Великий князь отправил против него сильные полки под начальством обоих Юрьевичей – Шемяки и Красного, которые, по свидетельству летописца, грабили по дороге своих, русских, мучили людей, допытываясь у них имения, били скот и позволяли себе всякого рода неприличные поступки. Когда они пришли к Белеву, то хан испугался, прислал просить мира, отдаваясь на всю волю князей русских, но те не послушали его речей, двинулись к городу и нанесли татарам сильное поражение. На другой день татарские мурзы приехали опять для переговоров с великокняжескими воеводами: хан давал сына и мурз своих в заложники, обязывался, пока жив, стеречь Русскую землю и не требовать никаких выходов. Но воеводы не соглашались и на эти условия; тогда мурзы сказали им: «Не хотите мира, так оглянитесь назад!» – и воеводы увидали, что все русское войско бежит назад перед татарами.

Причиною этого бегства был литовский мценский воевода Григорий Протасьев, присланный своим князем на помощь москвичам: он передался на сторону хана и начал говорить московским воеводам: «Великий князь мой прислал ко мне приказ, чтоб я не бился с ханом, а заключил с ним мир и распустил полки». Когда московские воеводы приуныли от этого объявления, Протасьев послал ночью к хану, чтоб тот утром напал на московскую рать. Утро, как нарочно, было мглистое, и русские сторожа не видали, как татары вышли из города и напали на московские полки; Протасьев побежал прежде всех, крича: «Беги! беги!» – и все в ужасе побежали за ним.

После этой победы Улу-Махмет пошел степью мимо русских границ, переправился через Волгу и засел в опустелой от русских набегов Казани, где поставил себе деревянный город на новом месте, и в июле 1439 года явился нечаянно под Москвою.

Великий князь не успел собраться с силами и уехал за Волгу, оставив защищать Москву воеводу своего, князя Юрия Патрикеевича; хан стоял 10 дней под городом, взять его не мог, но наделал много зла Русской земле, на возвратном пути сжег Коломну и погубил множество людей. В 1444 году султан Мустафа пришел на Рязань со множеством татар, повоевал волости и села рязанские и остановился в степи для продажи пленников, которых выкупали рязанцы. Когда пленные были все выкуплены, Мустафа пришел опять в Рязань, на этот раз уже с миром; хотелось ему зимовать в городе, потому что в степи не было никакой возможности оставаться: осенью вся степь погорела пожаром, а зима была лютая, с большими снегами и сильными выюгами; от бескормицы лошади у татар перемерли. Когда в Москве узнали об этом, то великий князь отправил на Мустафу двоих воевод своих – князя Василия Оболенского и Андрея Голтыева – с двором своим да мордву на лыжах. Московские воеводы нашли Мустафу под Переяславлем на речке Листани, потому что рязанцы выслали его из своего города. Несчастные татары, полузамерзшие, бесконные, не могшие владеть луками по причине сильного вихря, должны были выдержать нападение с трех сторон: от воевод московских, от мордвы и от казаков рязанских, которые

упоминаются тут в первый раз. Несмотря на беспомощное состояние свое, татары резались крепко, по выражению летописца, живыми в руки не давались и были сломлены только превосходным числом неприятелей, причем сам Мустафа был убит.

Другие татары в том же году отплатили за Мустафу нападением и на Рязанскую Украину, и на землю Мордовскую; а в 1445 году хан Улу-Махмет засел в старом Нижнем Новгороде и оттуда пришел к Мурому. Великий князь вышел против него со всеми своими силами, с князьями – Шемякою, обоими Андреевичами и Василием Ярославичем; хан испугался и убежал назад в Нижний Новгород, только передовым полкам великокняжеским удалось побить татар под Муромом, Гороховцом и в других местах.

Но иначе кончилось дело при второй встрече Василия с татарами Улу-Махметовыми.

Весною того же года пришла в Москву весть, что двое сыновей Улу-Махметовых опять появились в русских границах, и великий князь, заговевшись на Петров пост, вышел против них. В Юрьев прискакали к нему нижегородские воеводы – князь Федор Долголядов и Юшка Драница – с вестию, «что они выбежали ночью из города, зажегши его, потому что не могли долее переносить голода: что было хлебного запаса, все переели». Тогда великий князь, проведши Петров день в Юрьеве, пошел к Суздалью и стал на реке Каменке, куда пришли к нему двоюродные братья Андреевичи и Василий Ярославич. 6 июля московское войско переполошилось, надели доспехи, подняли знамена и выступили в поле, но неприятель не показывался, и великий князь, возвратившись в стан, сел ужинать с князьями и боярами; долго пили ночью, встали на другой день уже после солнечного восхода, и Василий, отслушав заутреню, хотел было опять лечь спать, как пришла весть, что татары переправляются чрез реку Нерль. Великий князь тотчас же послал с этою вестию по всем станам, сам надел доспехи, поднял знамена и выступил в поле, но войска было у него мало, всего тысячи с полторы, потому что полки союзных князей не успели собраться, не успели прийти и союзные татары, не пришел и Шемяка, несмотря на то что к нему много раз посылали. Подле Евфимиева монастыря, по левую сторону, сошлись русские полки с татарами, и в первой стычке рать великокняжеская обратила в бегство татар; но когда стала гнаться за ними в беспорядке, то неприятель обратился и нанес русским совершенное поражение. Великий князь отбивался храбро, получил множество ран и был наконец взят в плен вместе с двоюродным братом Михаилом Андреевичем; князь Иван Андреевич Можайский был также ранен и сбит с коня, но успел пересесть на другого и спасся бегством. Победители рассыпались по окрестностям для грабежа, а сыновья ханские, остановившись в Евфимиеве монастыре, сняли с великого князя крест-тельник и отослали в Москву к матери и жене пленника.

Когда узнали в Москве об участии великого князя, то поднялся плач великий и рыдание многое, говорит летописец. Но за эту беду для москвичей по следам шла другая: ночью 14 июля загорелся их город и выгорел весь; не осталось ни одного дерева, а каменные церкви распались, и стены каменные попадали во многих местах; людей много погорело: по некоторым известиям, 700 человек, по другим – гораздо больше, духовных и мирян, потому что с одной стороны огонь, а с другой – боялись татар; казны и всякого товара сгорело множество, ибо из

разных городов собрались тогда жители в Москву и сели в осаде. Великие княгини Софья и Марья с детьми и боярами уехали в Ростов; по некоторым же известиям, великая княгиня Софья отправилась было сначала в Тверь, но от реки Дубны была возвращена назад Шемякою. Между тем в Москве после отъезда княгинь поднялось волнение: те, которые могли бежать, хотели оставить Москву; но чернь, собравшись, прежде всего начала строить городовые ворота, хотевших бежать хватали, били, ковали и тем прекратили волнение: все вместе начали укреплять город и готовить лес для постройки домов.

Между тем победители-татары подошли было к Владимиру, но не решились на приступ и удалились сперва к Мурому, потом к Нижнему, откуда Улу-Махмет со всею Ордою и пленным великим князем отступил к Курмышу, отправивши посла своего Бегича к Шемяке, который мог теперь думать, что благоприятная судьба внезапною развязкою дает ему желанное торжество. Он принял посла с большою честью и отпустил его, по выражению летописца, «со всем лихом на великого князя» и вместе с Бегичем отправил к хану своего посла, дьяка Дубенского, хлопотать о том, чтоб Василию не выйти на великое княжение. Но хан хотел кончить дело как можно скорее, как можно скорее получить выгоды от своей победы; думая, что посол его, долго не возвращавшийся от Шемяки, убит последним, Махмет вступил в переговоры с своим пленником и согласился отпустить его в Москву. Касательно условий освобождения свидетельства разногласят: в большей части летописей сказано: «Царь Улу-Махмет и сын его утвердили великого князя крестным целованием, что дать ему с себя окуп, сколько может»; но в некоторых означена огромная сумма – 200000 рублей, намекается также и на другие какие-то условия: «А иное бог весть, и они между собою»; во всяком случае трудно согласиться, чтоб окуп был умеренный. Летописи единогласно говорят, что с великим князем выехали из Орды многие князья татарские со многими людьми. И прежде Василий принимал татарских князей в службу и давал им кормление – средство превосходное противопоставлять варварам варваров же, средство, которое Россия должна была употреблять вследствие самого своего географического положения; но современники думали не так: мы видели, как они роптали, когда при отце Василия давались литовским князьям богатые кормления; еще более возбудили их негодование подобные поступки с татарами, потому что в них не могла еще тогда погаснуть сильная ненависть к этому народу, и когда к тому еще были наложены тяжкие подати, чтоб достать деньги для окупа, то неудовольствие обнаружилось в самых стенах Москвы: им спешил воспользоваться Шемяка. Теперь больше чем когда-либо Юрьевич должен был опасаться Василия, потому что посол его к хану был перехвачен, и великий князь знал об его замыслах; но, занятый делами татарскими, он не мог еще думать о преследовании Димитрия. Последний спешил предупредить его и начал сноситься с князем Борисом тверским и Можайским князем Иваном Андреевичем, у которого хотя прежде и было неудовольствие с великим князем, однако потом заключен был мир: Василий дал ему Козельск с волостями, и Можайский князь вместе с братом, как мы видели, находились в Суздальской битве. Шемяка сообщил князьям слух, который носился тогда, об условиях Василия с ханом Махметом: шла молва, будто великий князь обещал отдать хану все Московское княжество, а сам удовольствовался Тверью.

Князя тверской и можайский поверили или сочли полезным для себя поверить и согласились действовать заодно с Шемякою и московскими недовольными, в числе которых были бояре, гости и даже чернецы, а главным двигателем был Иван Старков; из бояр Шемякиных главными советниками летописец называет Константиновичей, из которых после на видном месте является Никита Константинович.

В 1446 году московские недовольные дали знать союзным князьям, что Василий поехал молиться в Троицкий монастырь; Шемяка и Можайский ночью 12 февраля овладели врасплох Москвою, схватили мать и жену великого князя, казну его разграбили, верных бояр перехватили и пограбили, пограбили также многих граждан, и в ту же ночь Можайский отправился к Троице с большою толпою своих и Шемякиных людей. Великий князь слушал обедню 13 числа, как вдруг вбегают в церковь рязанец Бунко и объявляет ему, что Шемяка и Можайский идут на него ратию. Василий не поверил ему, потому что Бунко незадолго перед тем отъехал от него к Шемяке. «Эти люди только смущают нас, – сказал великий князь, – может ли быть, чтобы братья пошли на меня, когда я с ними в крестном целовании?» – и велел выбить Бунка из монастыря, поворотив его назад. Не поверивши Бунку, великий князь послал, однако, на всякий случай сторожей к Радонежу (на гору), но сторожа просмотрели ратных людей Можайского, ибо те увидели их прежде и сказали своему князю, который велел собрать много саней, иные с рогожами, другие с полостями, и положить в них по два человека в доспехах, а третьему велел идти сзади, как будто за возом. Въехавши на гору, ратники выскочили из возов и перехватили сторожей, которым нельзя было убежать, потому что тогда снег лежал на девять пядей. Забравши сторожей, войско Можайского пошло тотчас же к монастырю. Великий князь увидел неприятелей, как они скакали с Радонежской горы к селу Клементьевскому, и бросился было на конюшенный двор, но здесь не было ни одной готовой лошади, потому что сам он прежде не распорядился, понадеявшись на крестное целование, а люди все оторопели от страха. Тогда Василий побежал в монастырь, к Троицкой церкви, куда пономарь впустил его и запер за ним двери.

Тотчас после этого вскакали на монастырь и враги; прежде всех въехал боярин Шемякин Никита Константинович, который разлетелся на коне даже на лестницу церковную, но, как стал слезать с лошади, споткнулся об камень, лежащий на паперти, и упал: когда его подняли, то он едва очнулся, шатался точно пьяный и побледнел как мертвец. Потом въехал на монастырь и сам князь Иван и стал спрашивать, где князь великий. Василий, услышав его голос, закричал ему из церкви: «Братья! помилуйте меня! Позвольте мне остаться здесь, смотреть на образ божий, пречистой богородицы, всех святых; я не выйду из этого монастыря, постригусь здесь», – и, взявши икону с гроба св. Сергия, пошел к южным дверям, сам отпер их и, встретив князя Ивана с иконою в руках, сказал ему: «Брат!

Целовали мы животворящий крест и эту икону в этой самой церкви, у этого гроба чудотворцева, что не мыслить нам друг на друга никакого лиха, а теперь не знаю, что надо мною делается?» Иван отвечал: «Государь! если мы захотим сделать тебе какое зло, то пусть это зло будет над нами; а что теперь делаем, так это мы делаем для христианства, для твоего окупа. Татары, которые с тобою пришли, когда увидят это, облегчат окуп».

Василий, поставив икону на место, упал пред чудотворцевым гробом и стал молиться с такими слезами, воплем и рыданием, что прослезил самих врагов своих. Князь Иван, помолвившись немного в церкви, вышел вон, сказавши Никите: «Возьми его».

Великий князь, помолвившись, встал и, оглянувшись кругом, спросил: «Где же брат, князь Иван?» Вместо ответа подошел к нему Никита Константинович, схватил его за плеча и сказал: «Взят ты великим князем Димитрием Юрьевичем». Василий сказал на это: «Да будет воля божия!» Тогда Никита вывел его из церкви и из монастыря, после чего посадили его на голые сани с чернецом напротив и повезли в Москву; бояр великокняжеских также перехватывали, но о сыновьях, Иване и Юрии, бывших вместе с отцом в монастыре, даже и не спросили. Эти малолетние князья днем спрятались вместе с некоторыми из слуг, а ночью убежали в Юрьев, к князю Ивану Ряполовскому, в село его Боярово; Ряполовский, взявши их, побежал вместе с братьями Семеном и Димитрием и со всеми людьми своими в Муром и там заперся.

Между тем великого князя привезли в Москву на ночь 14 февраля и посадили на дворе Шемякине; 16 числа на ночь ослепили и сослали в Углич вместе с женою, а мать, великую княгиню Софью Витовтовну, отослали на Чухлому. В некоторых летописях приведены причины, побудившие Шемяку ослепить Василия: «Зачем привел татар на Русскую землю и города с волостями отдал им в кормление? Татар и речь их любишь сверх меры, а христиан томишь без милости; золото, серебро и всякое имение отдаешь татарам, наконец, зачем ослепил князя Василия Юрьевича?»

Услыхавши об ослеплении великого князя, брат жены его, князь Василий Ярославич, вместе с князем Семеном Ивановичем Оболенским убежали в Литву. Мы видели литовских князей в Москве, теперь видим явление обратное: и великие князья литовские принимают московских выходцев точно так же, как московские принимали литовско-русских, — с честью, дают им богатые кормления: так, Василию Ярославичу дали Брянск, Гомель, Стародуб, Мстиславль и многие другие места. Из бояр и слуг Васильевых одни присягнули Шемяке, другие убежали в Тверь; всех отважнее поступил Федор Басенок, объявивший, что не хочет служить Шемяке, который за это велел заковать его в железа; но Басенок успел вырваться из них, убежал в Коломну, подговорил там многих людей, разграбил с ними Коломенский уезд и ушел в Литву к князю Василию Ярославичу, который отдал ему и князю Семену Оболенскому Брянск.

Шемяка видел, что не может быть покоен до тех пор, пока сыновья Василия находятся на свободе в Муроме с многочисленною дружиною, но не смел послать против них войско, боясь всеобщего негодования против себя, и придумал следующее средство: призвал к себе в Москву рязанского епископа Иону и стал говорить ему: «Батюшка! поезжай в свою епископию, в Муром, и возьми на свою епитрахиль детей великого князя Василия, а я с радостию их пожалую, отца их выпущу и вотчину дам достаточную, чем будет им можно жить». Владыка отправился в Муром и передал Ряполовским слова Шемяки. Те начали думать: «Если мы теперь святителя не послушаем, не пойдём к князю Димитрию с детьми великокняжескими, то он придет с войском и город возьмет; тогда и дети, и отец их, и мы все будем в его воле».

Решившись исполнить требование Шемяки, они сказали Ионе: «Мы не отпустим с тобою детей великокняжеских так просто, но пойдём в соборную церковь, и там возьмешь их на свою епитрахиль». Иона согласился, пошел в церковь, отслужил молебен богородице, взял детей с пелены от пречистой на свою епитрахиль и поехал с ними к Шемяке в Переяславль, куда прибыл 6 мая. Шемяка принял малюток ласково, позвал на обед, одарил; но на третий день отослал к отцу, в Углич, в заточение. Тогда Ряполовские, увидев, что Шемяка не сдержал своего слова, стали думать, как бы освободить великого князя из заточения. В этой думе были с ними вместе: князь Иван Васильевич Стрига-Оболенский, Иван Ощера с братом Бобром, Юшка Драница, которого прежде мы видели воеводою нижегородским, Семен Филимонов с детьми, Русалка, Руно и многие другие дети боярские. Они сговорились сойтись к Угличу в Петров день, в полдень. Семен Филимонов пришел ровно в срок, но Ряполовские не могли этого сделать, потому что были задержаны отрядом Шемяки, за ними посланным; они разбили этот отряд, но, зная, что уже опоздали, двинулись назад по Новгородской области в Литву, где соединились с прежними выходцами, а Филимонов пошел опять к Москве.

Шемяка испугался этих движений в пользу пленного Василия, послал за владыками и начал думать с ними, с князем Иваном Можайским и боярами: выпускать ли пленного Василия из заточения или нет? Сильнее всех в пользу Василия говорил епископ Иона, нареченный митрополит; он каждый день твердил Шемяке: «Сделал ты неправду, а меня ввел в грех и срам; ты обещал и князя великого выпустить, а вместо того и детей его с ним посадил; ты мне дал честное слово, и они меня послушали, а теперь я остаюсь перед ними лжецом. Выпусти его, сними грех со своей души и с моей! Что тебе может сделать слепой да малые дети? Если боишься, укрепи его еще крестом честным, да и нашею братьею, владыками». Шемяка решился наконец освободить Василия, дать ему отчину и осенью 1446 года отправился в Углич с епископами, архимандритами, игуменами. Приехавши туда, он выпустил Василия и детей его из заключения, каялся и просил у него прощения; Василий также в свою очередь складывал всю вину на одного себя, говорил: «И не так еще мне надобно было пострадать за грехи мои и клятвопреступление перед вами, старшими братьями моими, и перед всем православным христианством, которое изгубил и еще изгубить хотел. Достоин был я и смертной казни, но ты, государь, показал ко мне милосердие, не погубил меня с моими беззакониями, дал мне время покаяться».

Когда он это говорил, слезы текли у него из глаз как ручьи; все присутствующие дивились такому смирению и умилению и плакали сами, на него глядя. На радости примирения Шемяка дал Василию, жене его и детям большой пир, где были все епископы, многие бояре и дети боярские; Василий получил богатые дары и Вологду в отчину, давши наперед Шемяке проклятые грамоты не искать великого княжения. Но приверженцы Василия ждали только его освобождения и толпами кинулись к нему.

Затруднение состояло в проклятых грамотах, данных на себя Василием: Трифон, игумен Кириллова Белозерского монастыря, снял их на себя, когда Василий приехал из Вологды в его монастырь под предлогом накормить братию и раздать ей милостыню. С Бела-озера великий князь отправился к Твери, которой князь Борис Александрович обещал ему помощь с условием, чтоб он обручил

своего старшего сына и наследника Ивана на его дочери Марье; жениху было тогда только семь лет.

Василий согласился и с тверскими полками пошел на Шемяку к Москве.

Между тем князь Василий Ярославич и другие московские выходцы, жившие в Литве, еще не зная об освобождении великого князя, решились, оставя семейства свои в Литве, идти к Угличу и вывести оттуда Василия. Они уже назначили срок собираться всем в Пацыне, как пришла весть, что великий князь выпущен и дана ему Вологда.

Тогда князь Василий Ярославич двинулся из Мстиславля, князь Семен Оболенский с Басенком из Брянска, сошлись в Пацыне и, получивши здесь весть, что великий князь уже пошел из Вологды на Белоозеро и оттуда к Твери, двинулись к нему на помощь. Близ Ельны встретили они татарский отряд и начали было уже с ним стреляться, как татары закричали: «Кто вы?» Они отвечали: «Москвичи; идем с князем Василием Ярославичем искать своего государя, великого князя Василия Васильевича, сказывают, что он уже выпущен; а вы кто?» Татары отвечали: «Мы пришли из страны Черкасской, с двумя царевичами, детьми Улу-Махметовыми, Касимом и Эгупом; слышали царевичи о великом князе, что он пострадал от братьев, и пошли искать его за прежнее его добро и за хлеб, потому что много его добра до нас было». Когда дело таким образом объяснилось, москвичи и татары съехались, дали друг другу клятву и пошли вместе искать великого князя. Шемяка с князем Иваном Можайским выступил к Волоку, навстречу неприятелю, но в его отсутствие Москва внезапно и легко была захвачена приверженцами Василия Васильевича, как прежде приверженцами Шемяки. Боярин Михаил Борисович Плещеев, отправленный великим князем с очень небольшим отрядом войска, пробрался мимо Шемякиной рати и подъехал к Москве в ночь накануне Рождества Христова, в самую заутреню; Никольские ворота были отворены для княгини Ульяны, жены Василия Владимировича (сына Владимира Андреевича); этим воспользовался Плещеев и ворвался в кремль; Шемякин наместник, Федор Галицкий, убежал от заутрени из собора; наместник князя Ивана Можайского, Василий Шига, выехал было из кремля на лошади, но был схвачен истопником великой княгини Ростопчею и приведен к воеводам, которые сковали его вместе с другими боярами Шемяки и Можайского, а с граждан взяли присягу на имя великого князя Василия и начали укреплять город.

Великий князь, узнавши, что Москва за ним, двинулся к Волоку на Шемяку и Можайского, которые, видя, что из Твери идет великий князь, из Литвы – Василий Ярославич с татарами, Москва взята и люди бегут от них толпами, побежали к Галичу, оттуда в Чухлому, где взяли с собою мать великого князя, Софью Витовтовну, и отправились в Каргополь. Василий, отпустивши жену в Москву, пошел за ними, взял Углич, который сдался только тогда, когда тверской князь прислал пушки осаждающим; в Угличе соединился с великим князем Василий Ярославич, и все вместе пошли к Ярославлю, где соединились с татарскими царевичами. Из Ярославля Василий послал сказать Шемяке: «Брат князь Дмитрий Юрьевич! Какая тебе честь или хвала держать в плену мою мать, а свою тетку? Неужели ты этим хочешь мне отомстить? я уже на своем столе, на великом княжении!» Отпустивши с этим посла к Шемяке, великий князь отправился в Москву, куда приехал 17 февраля 1447 года; а Шемяка, выслушавши посла Василиева, стал думать с своими боярами. «Братья, – говорил он им, – что мне

томить тетку и госпожу свою, великую княгиню? Сам я бегаю, люди надобны самому, они уже и так истомлены, а тут еще надобно ее стеречь, лучше отпустим ее». Порешивши на этом, он отпустил Софью из Каргополя с боярином своим, Михаилом Федоровичем Сабуровым, и детьми боярскими. Великий князь, услышав, что мать отпущена, поехал к ней навстречу в Троицкий монастырь, а оттуда с нею же вместе в Переяславль; боярин Шемякин, Сабуров со всеми своими товарищами добил челом великому князю, чтоб принял их к себе в службу.

После этого Шемяка с Можайским решились просить мира и обратились к посредничеству князей, остававшихся верными Василию, – Михаила Андреевича верейского и Василия Ярославича серпуховского, заключили с ними перемирие и в перемирном договоре обещались бить челом своему господину, брату старшему, великому князю Василию Васильевичу, чтоб принял их в любовь и мир, пожаловал их прежними их отчинами, за что обязывались возвратить всю казну, захваченную ими у великого князя, его матери, жены, жениной матери и бояр: кроме того, Шемяка отступался от пожалования великого князя – Углича, Ржевы и Бежецкой волости, а Можайский отступался от Козельска, Алексина и Лисина, обещались отдать все взятые в казне великокняжеской договорные грамоты, ярлыки и дефтеры. Любопытно высказанное в этом договоре недоверие: Шемяка и Можайский просят, чтобы великий князь не вызывал их в Москву до тех пор, пока не будет там митрополита, который один мог дать им ручательство в безопасности. На основании этих статей заключен был мир между Шемякою, Иваном можайским и великим князем. Но мы видели, что и Василий дал Шемяке в Угличе такие же проклятые грамоты.

Теперь мы должны обратиться несколько назад и посмотреть, что сделал Шемяка, сидя в Москве на столе великокняжеском. Положение его здесь было незавидное: отовсюду окруженный людьми подозрительной верности, доброжелателями Василия, он не мог идти по следам своих предшественников, примышлять к своей отчине, потому что только уступками мог приобрести расположение других князей. Обязанный своим успехом содействию князя Ивана Андреевича можайского, он отдал ему Суздальское княжество; но правнуки Дмитрия Константиновича были еще живы и, как видно, княжили в Суздале неизвестно в каких отношениях к московским князьям. Когда Шемяка снова лишился Москвы, то заключил с ними договор, признал старшего брата, князя Василия Юрьевича, сыном, младшего, князя Федора Юрьевича, племянником; но сын Шемяки, князь Иван Дмитриевич, должен был считать князя Василия Юрьевича братом равным, следовательно, в случае смерти Шемяки суздальский князь, будучи равным сыну его и наследнику, имел равное с ним право на великое княжение Владимирское! Шемяка обязался не отдавать Суздаля князю можайскому, как отдал прежде, не вступаться в прадедину, дедину и отчину обоих братьев, Суздаля, Новгород Нижний, Городец и Вятку. Здесь, как видно, нарочно прибавлено: прадедину, чтоб показать давность права князей на эти области. Шемяка уступает суздальским одно из самых важных прав – ведаться самим с Ордою; обязывается не заключать никаких договоров с великим князем Василием без ведома князей суздальских. Касательно оборонительного и наступательного союза обязанности равные: если сам Шемяка поведет войско, то и князь суздальский должен сесть на коня, если же пошлет сына, то и суздальский князь посылает только сына или брата. Московские служилые князья и бояре, купившие

волости в Суздальском княжестве во время невзгоды прежних князей его (в их неверемя), должны отступить от своих приобретений; наконец, читаем: «Что мы, наши бояре и люди пограбили в твоей отчине, великом княженьи, то все оставить, пока даст тебе бог, велит достать своей отчины, великого княжения».

Обязанный уступать требованиям князей-союзников в ущерб силе Московского княжества, Шемяка, разумеется, должен был уступать требованиям своей дружины и своих московских приверженцев; граждане, к нему не расположенные или по крайней мере равнодушные, не могли найти против них защиты на суде Шемякине, и этот суд пословицею перешел в потомство с значением суда несправедливого.

Но после торжества Василиева отношения московского князя к другим князьям, союзным и враждебным, родным и неродным, принимают прежний характер. Мы видели, на каких основаниях заключен был мир с Шемякою и Можайским; до нас дошла договорная грамота последнего с великим князем; Можайский повторяет в ней: «Что ты, господин князь великий, от нас потерпел, за то за все ни ты сам, ни твоя мать, ни жена, ни дети не должны мстить ни мне, ни моим детям, не должны ничего этого ни помнить, ни поминать, ни на сердце держать». Когда детям великокняжеским исполнится по 42 лет, то они должны сами целовать крест в соблюдении этого договора. Договаривающиеся ставят в свидетели бога, богородицу, великих чудотворцев, великого святителя Николу, св. Петра митрополита, св. Леонтия Ростовского, Сергия и Кирилла, молитву родителей, отцов, дедов и прадедов; а поруками – князя тверского, его жену (сестру Можайского), князей Михаила Андреевича и Василия Ярославича; кто нарушит договор, на том не будет милости божией, богородицы, молитвы означенных святых и родительской, а поруки будут с правым на виноватого.

Союз можайского князя пока еще был нужен Василию, и в сентябре 1447 года заключен был с ним новый договор, по которому великий князь пожаловал Ивана Андреевича Бежецким Верхом, половиною Заозерья и Лисиным; Можайский клянется держать великое княжение честно и грозно, без обиды, в случае смерти Василия обязуется признать его сына великим князем и быть с ним заодно, ходить на войну по приказу великокняжескому без ослушанья, но выговаривает опять: «А к тебе, великому князю, мне не ездить, пока бог не даст отца нашего митрополита в земле нашей». Князья, оставшиеся верными Василию, были награждены: в июне 1447 года заключен был договор с Михаилом Андреевичем верейским, по которому тот получал освобождение от татарской дани на два года, кроме того, большую часть Заозерья в вотчину; серпуховской князь Василий Ярославич получил за свои услуги Дмитров и еще несколько волостей.

Все эти князья были довольны; не мог быть доволен один Шемяка. Везде, в Новгороде и Казани, между князьями удельными и в стенах самой Москвы, он заводил крамолы, хотел возбудить нерасположение к Василию: он не переставал сноситься с Новгородом, называя себя великим князем и требуя помощи от граждан, повторяя старое обвинение Василию, что по его поблажке Москва в руках татар, не прекратил сношений и с прежним союзником своим, Иваном можайским: последний не скрывал этого союза от великого князя, послы его прямо говорили Василию: «Если пожалуешь князя Дмитрия Юрьевича, то все равно, что ты и меня, князь Ивана, пожаловал; если же не пожалуешь князя Дмитрия, то это значит, что и меня ты не пожаловал».

Из этого свидетельства видно, что Шемяка просил у великого князя волостей, потерянных по договору 1447 года, или других каких-либо и не получал просимого.

Отказавшись от всякой власти над Вяткою, Шемяка между тем посылал подговаривать ее беспокойное народонаселение на Москву; поклявшись не сноситься с Ордою, Шемяка держал у себя казанского посла, и легко было догадаться, какие переговоры вел он с ханом, потому что последний сковал посла великокняжеского; когда же от хана Большой Орды пришли послы в Москву и великий князь послал к Шемяке за выходом, то он не дал ничего, отозвавшись, что хан Большой Орды не имеет никакой власти над Русью. Поклявшись возвратить все захваченное им в Москве через месяц, Шемяка не возвращал и по истечении шести месяцев, особенно не возвращал ярлыков и грамот. Далее, в договоре находилось условие, общее всем княжеским договорам того времени, что бояре, дети боярские и слуги вольные вольны переходить от одного князя к другому, не лишаясь своих отчин, так что боярин одного князя, покинув его службу, перейдя к другому, мог жить, однако, во владениях прежнего князя, и тот обязывался блюсти его, как своих верных бояр. Но Шемяка не мог смотреть равнодушно, что бояре его отъезжают в Москву, и вопреки клятве грабил их, отнимал села, дома, все имущество, находившееся в его владениях. Мы знаем, что младшим сыновьям великокняжеским давались части в самом городе Москве, и каждый из них держал тиуна в своей части: Шемяка, владея в Москве жребием отца своего Юрия, посылал к тиуну своему Ватазину грамоты, в которых приказывал ему стараться отклонять граждан от великого князя. Эти грамоты были перехвачены, и Василий отдал дело на суд духовенству.

Если русское духовенство в лице своего представителя, митрополита, так сильно содействовало возвеличению Москвы, то одинаково могущественно содействовало и утверждению единовластия, ибо в это время духовенство сознательнее других сословий могло смотреть на стремление великих князей московских, вполне оценить это стремление. Проникнутое понятиями о власти царской, власти, получаемой от бога и не зависящей ни от кого и ни от чего, духовенство по этому самому должно было находиться постоянно во враждебном отношении к старому порядку вещей, к родовым отношениям, не говоря уже о том, что усобицы княжеские находились в прямой противоположности с духом религии, а без единовластия они не могли прекратиться. Вот почему, когда московские князья начали стремиться к единовластию, то стремления их совершенно совпали с стремлениями духовенства; можно сказать, что вместе с мечом светским, великокняжеским, против удельных князей постоянно был направлен меч духовный. Мы видели, как митрополит Фотий в начала Васильева княжения действовал против замыслов дяди Юрия, как потом кирилловский игумен Трифон разрешил Василия от клятвы, данной Шемяке; а теперь, когда Шемяка не соблюл своей клятвы и великий князь объявил об этом духовенству, то оно вооружилось против Юрьевича и отправило к нему грозное послание, замечательное по необыкновенному для того времени искусству, с каким написано, по уменью соединить цели государственные с религиозными. Послание написано от лица пяти владык, двух архимандритов, которые поименованы, и потом от лица всего духовенства. Здесь прежде всего обращает на себя внимание порядок, в каком следуют владыки один за другим: они написаны по старшинству

городов, и первое место занимает владыка ростовский. Ростов Великий, давно утративший свое значение, давно преклонившийся пред пригородами своими, удерживает прежнее место относительно церковной иерархии и напоминает, что область, в которой находится теперь историческая сцена действия, есть древняя область Ростовская; за ним следует владыка суздальский, и уже третье место занимает нареченный митрополит Иона, владыка рязанский, за которым следуют владыки коломенский и пермский.

Второе, что останавливает нас здесь, – это единство русского духовенства: Иона, епископ рязанский, ревностно поддерживает государственное стремление московского князя, и московский князь не медлит дать свое согласие на возведение этого епископа в сан митрополита, зная, что рязанский владыка не принесет в Москву областных рязанских стремлений.

В первых строках послания духовенство высказывает ясно свою основную мысль о царственном единодержавии: оно сравнивает грех отца Шемякина, Юрия, помывшего незаконно о великом княжении, с грехом праотца Адама, которому сатана вложил в сердце желание равнобожества. «Сколько трудов перенес отец твой, – говорит духовенство Шемяке, – сколько истомы потерпело от него христианство, но великокняжеского стола все не получил, чего ему богом не дано, ни земскою изначала пошлиною». Последними словами духовенство объявляет себя прямо на стороне нового порядка престолонаследия, называя его земскою изначала пошлиною.

Упомянув о поступках и неудачах Юрия и Василия Косого, духовенство обращается к поступкам самого Шемяки; укорив его тем, что он не подавал никогда помощи великому князю в борьбе его с татарами, переходит к ослеплению Василия: «Когда великий князь пришел из плена на свое государство, то дьявол вооружил тебя на него желанием самоначалства: разбойнически, как ночной вор, напал ты на него, будучи в мире, и поступил с ним не лучше того, как поступили древние братоубийцы Каин и Святополк Окаянный. Но рассуди, какое добро сделал ты православному христианству или какую пользу получил самому себе, много ли нагосподарствовал, пожил ли в тишине? Не постоянно ли жил ты в заботах, в переездах с места на место, днем томился тяжелыми думами, ночью дурными снами? Ища и желая большего, ты погубил и свое меньшее». Потом приводится последняя договорная грамота Шемяки с великим князем и показывается, что Юрьевич не соблюл ни одного условия.

Духовенство отстраняет упрек, делаемый великому князю за то, что он держит в службе своей татар: «Если татары живут в земле христианской, то это потому, что ты не хочешь соблюдать договора, следовательно, все слезы христианские, проливаемые от татар, на тебе же. Но как скоро ты с своим старшим братом, великим князем, управишься во всем чисто, по крестному целованию, то мы ручаемся, что великий князь сейчас же вышлет татар вон из земли». Как видно, Шемяка сильно досадовал на духовенство за то, что оно держало сторону Василия, и выражал на словах свою досаду; духовенство пишет: «Ты оскверняешь наши святые епитрахили неподобными своими богомерзкими речами: это делаешь ты не как христианин, но хуже и поганых, ибо сам знаешь, что святые епитрахили изображают страдание господина нашего Иисуса Христа: епитрахили наши твоими речами не могут никак оскверниться, но только ты сам душу свою губишь». В заключение духовенство говорит, что оно по своему долгу

било челом за Шемяку великому князю, что тот послушал святительского слова и хочет мира с двоюродным братом, назначая ему срок для исполнения договора. Если же Шемяка и тут не исполнит условий, в таком случае духовенство отлучает его от бога, от церкви божией, от православной христианской веры и предаёт проклятию.

Шемяка не послушался увещаний духовенства, и в 1448 году великий князь выступил в поход. Тогда Юрьевич, не пугавшийся церковного проклятия, испугался полков Васильевых и послал просить мира к великому князю, который остановился в Костроме. Мир был заключен, как видно, на прежних условиях, и Шемяка дал на себя проклятые грамоты. Иона, посвященный в декабре 1448 года в митрополиты, уведомляя об этом посвящении своем князей, панов, бояр, наместников, воевод и все христоименитое господне людство, пишет: «Знаете, дети, какое зло и запустение земля наша потерпела от князя Дмитрия Юрьевича, сколько крови христианской пролилось; потом князь Дмитрий добил челом старшему брату своему, великому князю, и честный крест целовал, и не однажды, но все изменял; наконец, написал на себя грамоту, что если вооружится опять на великого князя, то не будь на нем милости божией, пречистой богоматери, великого чудотворца Николы, св. чудотворцев Петра и Леонтия, преподобных Сергия и Кирилла, благословения всех владык и всего духовенства ни в сей век, ни в будущий; поэтому, продолжает Иона, пишу к вам, чтобы вы пощадили себя, не только телесно, но особенно духовно, посылали бить челом к своему господарю великому князю о жалованье, как ему бог положит на сердце. Если же не станете бить челом своему господарю и прольется от того кровь христианская, то вся эта кровь взыщется от бога на вас, за ваше окаменение и неразумие; будете чужды милости божией, своего христианства, благословения и молитвы нашего смирения, да и всего великого священства божия благословения не будет на вас; в земле вашей никто не будет больше называться христианином, ни один священник не будет священствовать, но все божии церкви затворятся от нашего смирения».

В конце 1448 года уведомлял митрополит о мире великого князя с Шемякою, а весною следующего 1449 года Шемяка уже нарушил крестное целование, свои проклятые грамоты и в самое Светлое воскресенье осадил Кострому, бился долго под городом, но взять его не мог, потому что в нем была сильная застава (гарнизон) великокняжеская под начальством князя Ивана Стриги и Федора Басенка. Скоро и сам великий князь выступил с полками против Шемяки, с которым опять заодно действовал Иван Можайский, а с великим князем шли вместе также могущественные союзники – митрополит и епископы. На Волге, в селе Рудине, близ Ярославля, встретились неприятели, но битвы не было, потому что Можайский оставил Шемяку и помирился с Василием, который придал ему Бежецкий Верх. Мы видели, что Бежецкий Верх был отдан Ивану гораздо прежде, в 1447 году, но это несколько не может заставить нас заподозрить приведенное летописное известие, потому что до нас не дошло никаких известий о причинах, которые побуждали Шемяку и Можайского восставать на великого князя; очень может быть, что у Можайского почему-нибудь было отнято пожалование 1447 года; мы знаем, что еще в феврале 1448 года Можайский чрез посредство тестя своего князя Федора Воротынского вошел в сношения с великим князем литовским Казимиром, требуя помощи последнего для овладения столом Московским, за что обязывался писаться всегда Казимиру братом младшим,

уступить Литве Ржеву, Медынь, не вступаться в Козельск и помогать во всех войнах, особенно против татар. Под 1450 годом встречаем новое известие о походе великого князя на Шемяку, к Галичу: 27 января великокняжеский воевода князь Василий Иванович Оболенский напал на Шемяку, который стоял под городом со всею своею силою; Шемяка потерпел страшное поражение и едва мог спастись бегством; Галич сдался великому князю, который посадил здесь своих наместников.

Лишенный удела, Шемяка скрылся сначала в Новгороде, но потом, собравшись с силами, захватил Устюг; земли он не воевал, говорит летописец, но привел добрых людей к присяге, кто же из них не хотел изменить великому князю Василию, тех бросал в реку Сухону, навязавши камень на шею; из Устюга ходил воевать к Вологде. Великий князь, занятый делами татарскими, не мог действовать против Шемяки в 1451 году и только в начале 1452 выступил против него к Устюгу; Шемяка испугался и убежал на реку Кокшенгу, где у него были городки; но преследуемый и там великокняжескими полками, убежал опять в Новгород. В 1453 году отправился туда из Москвы дьяк Степан Бородатый; он подговорил боярина Шемякина Ивана Котова, а тот подговорил повара: Юрьевич умер, поевши курицы, напитанной ядом.

23 июня пригнал к великому князю из Новгорода подьячий Василий Беда с вестью о смерти Шемякиной и был пожалован за это в дьяки.

Сын Шемяки Иван ушел в Литву, где, как прежде враги отца его, нашел себе почетный прием и кормление. Но кроме Шемяки в Московском княжестве оставались еще другие удельные князья, от которых Василию надобно было избавиться; он начал, как и следовало ожидать, с Ивана Можайского: в 1454 году великий князь пошел к Можайску на князя Ивана Андреевича за его неисправление, говорит летописец. Князь Иван не сопротивлялся; он выбрался из города с женою, детьми, со всеми своими и побежал в Литву; Можайск был присоединен к Москве. Какое было неисправление Ивана Можайского, узнаем из письма митрополита Ионы к смоленскому епископу. «Вы знаете, – пишет митрополит, – что и прежде этот князь Иван Андреевич сделал с нашим сыном, а своим братом старшим, но не скажу: с братом, с своим господарем, великим князем». Здесь глава русского духовенства ясно говорит, что родовых отношений между князьями более не существует, что князья удельные не суть братья великому, но подданные! Вина Ивана Можайского, по словам Ионы, состояла в том, что во время двукратного нашествия татар митрополит посылал к нему с просьбою о помощи великому князю; но Иван не явился. Цель письма – чрез посредство смоленского владыки внушить литовскому правительству, чтоб оно, приняв беглеца, удовольствовалося этим и не позволяло ему враждовать против Москвы, ибо это необходимо должно вызвать неприязненное движение и со стороны Василия Васильевича.

Из остальных удельных князей всех беспокойнее мог быть Василий Ярославич серпуховской, именно потому, что оказал большие услуги великому князю и, следовательно, имел большие притязания на благодарность и уступчивость последнего. Мы видели, что в благодарность за услугу великий князь уступил серпуховскому князю Дмитров; но после, неизвестно в какое именно время, Василий Ярославич должен был отказаться от этого пожалования, и только когда Иван Можайский был изгнан из своего удела, великий князь

уступил Василию Ярославичу Бежецкий Верх и Звенигород. Но в 1456 году серпуховской князь был схвачен в Москве и заточен в Углич, откуда после перевезен в Вологду, где и умер; той же участи подверглись и меньшие его дети, а старший, Иван, вместе с матерью убежал в Литву. Летописцы не объявляют вины серпуховского князя, одна только Степенная книга глухо говорит: «за некую крамолу». Иван Васильевич серпуховской встретился в Литве с Иваном Андреевичем Можайским; общее бедствие соединило их, и они уговорились действовать заодно; Иван серпуховской говорит в договорной грамоте князю Можайскому: «Так как великий князь Василий Васильевич отнял у тебя твою отчину и дедину на крестном целовании, выгнал тебя из твоей отчины и дедины; также и моего отца, князя Василия Ярославича, великий князь схватил на крестном целовании безвинно и меня выгнал из моей отчины и дедины; то идти тебе, князь Иван Андреевич, доставать вместе и отца моего, князя Василия Ярославича, и нашей отчины и дедины, а мне идти с тобою заодно. Если великий князь станет звать тебя на твою отчину, станет отдавать тебе твою отчину или придавать к ней, а моего отца не пожалует, не выпустит и отчины ему по старине не отдаст или станет жаловать отца моего, как мне нелюбо, то тебе с великим князем без моей воли не мириться, стоять со мною заодно, доставать отца моего; и если отец мой погибнет в неволе или умрет своею смертию, то тебе с великим князем также не мириться без моей воли, но мстить за обиду отца моего. Наоборот, если великий князь захочет помириться с отцом моим, а с тобою не захочет, то мне от тебя не отставать. Если великий князь не смилуется, ни тебе отчины не отдаст, ни отца моего не выпустит, и, даст бог, князя великого побьем или сгоним, и ты достанешь великое княжение и отца моего освободишь, то тебе принять отца моего в любовь и докончанье и в его отчину тебе не вступаться; а меня тебе принять в братья младшие и дать мне отчину особую, Дмитров и Суздаль; а если кто станет тебе на меня наговаривать, то тебе меня вдруг не захватывать, но обослать сперва своими боярами и спросить по крестному целованию, и мне тебе сказать всю правду, а тебе мне верить». Это условие любопытно; оно может указывать, что князь Василий Ярославич серпуховской был схвачен по наговору, и сын его требует от своего союзника, чтобы вперед не было подобного. В изгнании, лишённые почти всякой надежды, князья – Можайский и серпуховской – мечтали: один – о великом княжении, другой – о Дмитрове и Суздале. Замыслы изгнанников не осуществились; попытка некоторых верных слуг освободить старого серпуховского князя также не удалась: они были схвачены и казнены в Москве в 1462 году. Таким образом, из всех уделов Московского княжества остался только один – Верейский, ибо князь его, Михаил Андреевич, как видно, вел себя так, что на него не могло быть никакого наговора. До нас дошел договор великого князя Василия с суздальским князем Иваном Васильевичем Горбатым, правнуком Дмитрия Константиновича чрез второго сына Семена; князь Иван отказался от Суздаля и Нижнего, возвращал московскому князю все ярлыки, прежде на эти княжества взятые, и сам брал от Василия в виде пожалования Городец да несколько сел в Суздальской области с условием, что если он отступит от великого князя или сыновей его, то эта отчина отходит к Москве, а он, Иван, подвергается церковному проклятию. Какая была судьба князей – Василия и Федора Юрьевичей, – неизвестно; известно только то, что великий князь московский завещал Суздаль старшему сыну своему.

Так кончилась знаменитая усобица между князьями московскими, потомками Калиты.

Сперва началась было она под предлогом старого права дяди пред племянником; но скоро приняла сообразный со временем характер: сыновья Юрия мимо всех прав враждуют с Василием Васильевичем, добиваются великого княжения, ибо чувствуют, что удельными князьями они больше оставаться не могут. Вследствие сухости, краткости, отрывочности летописных известий у нас нет средств с точностью определить, во сколько торжество старшей линии в потомстве Донского зависело от личности главных деятелей в этой борьбе; но из современных источников, при всей их неполноте, мы можем ясно усмотреть, как старые права, старые счета родовые являются обветшалыми, являются чем-то диким, странным; московский боярин смеется в Орде над правами, которые основываются на старых летописях, старых бумагах; духовенство торжественно провозглашает, что новый порядок престолонаследия от отца к сыну, а не от брата к брату есть земская изначала пошлина; старый дядя Юрий остается одинок в Москве с своим старым правом; сын его Шемяка побеждается беззащитным, слепым пленником своим, который успевает уничтожить все (кроме одного) уделы в Московском княжестве и удержать примыслы отцовские и дедовские.

Но в то время, как в Московском княжестве происходила эта знаменитая усобица между правнуками Калиты, усобица первая и последняя, ясно показавшая, что Московское княжество основалось на новых началах, не допускающих родовых счетов и родовых усобиц между князьями, – в это время что же делали великие князья, давние соперники московских, – князь рязанский и тверской? Отчего они не воспользовались усобицею и не постарались усилиться на счет Москвы? Как видно, они были так слабы, что им не приходило и на мысль подобное предприятие. Этим князьям давно уже оставалось на выбор – подчиниться московским или литовским великим князьям, смотря по тому, которые из них возьмут верх. Когда усиление Московского княжества было приостановлено усобицею между потомками Калиты, рязанский князь Иван Федорович почел нужным примкнуть к Литве и заключил с Витовтом следующий договор: «Я, князь великий Иван Федорович рязанский, добил челом господину господарю моему, великому князю Витовту, отдался ему на службу: служить мне ему верно, без хитрости и быть с ним всегда заодно, а великому князю Витовту оборонять меня от всякого. Если будет от кого притеснение внуку его, великому князю Василию Васильевичу, и если велит мне великий князь Витовт, то по его приказанию я буду пособлять великому князю Василию на всякого и буду жить с ним по старине. Но если начнется ссора между великим князем Витовтом и внуком его, великим князем Василием, или родственниками последнего, то мне помогать на них великому князю Витовту без всякой хитрости. А великому князю Витовту не вступаться в мою отчину, ни в землю, ни в воду, суд и исправу давать ему мне во всех делах чисто, без переводу: судьи его съезжаются с моими судьями и судят, целовав крест, безо всякой хитрости, а если в чем не согласятся, то решает дела великий князь Витовт». Временем этого подданства и договора можно положить 1427 год: от 15 августа этого года Витовт писал к великому магистру Ордена, что во время поездки его по русским областям явились к нему князья рязанские – переяславский и пронский, также князья новосильский, одоевский и воротынский и все поддались ему; что потом приехала к нему дочь, великая

княгиня московская, которая с сыном и великим княжеством своим, с землями и людьми отдалась в его опеку и оберегание. Таким образом, чего, с одной стороны, не успевали сделать князья московские, то, с другой, доканчивали литовские, отнимая независимость и у князей Восточной Руси, заставляя их вступать к себе в службу. В одно время с рязанским князем и великий князь пронский заключил точно такой договор с Витовтом – «Служить ему верно, безо всякия хитрости». Но когда Витовт умер и Литва ослабела от междоусобий, а в Москве Василий Васильевич взял явный верх, тогда тот же рязанский князь Иван Федорович примкнул к Москве и, умирая, в 1456 году отдал осьмилетнего сына своего на руки великому князю Василию: последний перевез малютку Василия вместе с сестрою к себе в Москву, а в Рязань и другие города княжества послал своих наместников.

В Твери в 1426 году умер великий князь Иван Михайлович во время сильного морового поветрия; Ивану наследовал сын его Александр, но и этот умер в том же году; старший сын и наследник его, Юрий, княжил только четыре недели и умер; место Юрия занял брат его Борис Александрович, тогда как оставался еще в живых двоюродный дед его, князь Василий Михайлович кашинский. Василий, как видно, не хотел уступать своего старшинства без борьбы, и Борис спешил предупредить его: под тем же годом встречаем известие, что князь Борис Александрович схватил деда своего Василия Михайловича кашинского. Но если старый порядок вещей явно везде рушился, то новый не установился еще окончательно: Борис занял главный стол мимо старых прав двоюродного деда и мимо новых прав племянника от старшего брата, ибо у князя Юрия Александровича остался сын Иван, который не наследовал отцу в Твери и должен был удовольствоваться уделом Зубцовским. Во время малолетства Василиева и смут московских и Борис тверской, подобно рязанскому князю, примкнул к Литве, хотя на гораздо выгоднейших условиях: в 1427 году он заключил с Витовтом договор, по которому обязался быть с литовским князем заодно, при его стороне, и помогать на всякого без исключения; Витовт с своей стороны обязался оборонять Бориса от всякого думою и помощью. В этом договоре всего любопытнее то, что тверской великий князь не позволяет Витовту никакого вмешательства в отношения свои к удельным тверским князьям – знак, что в описываемое время все великие князья в отношении к удельным преследовали одинакие цели, все стремились сделать их из родичей подручниками, подданными. Борис говорит в договоре: «Дядьям моим, братьям и племени моему – князьям быть у меня в послушании: я, князь великий Борис Александрович, волен, кого жалую, кого казню, и моему господину деду, великому князю Витовту, не вступаться; если кто из них захочет отдаться в службу к моему господину деду вместе с отчиною, то моему господину деду с отчиною не принимать; кто из них пойдет в Литву, тот отчины лишится: в отчине его волен я, князь великий Борис Александрович». Вследствие этого договора тверские полки находились в войске Витовта, когда последний в 1428 году воевал Новгородскую землю. Но по смерти Витовта начинается беспрестанное колебание тверского князя между союзом литовским и московским, причем Борис Александрович сохраняет равенство положения, пользуясь благоприятными для себя обстоятельствами, т.е. тем, что оба сильнейшие князя были заняты внутренними смутами и не имели возможности действовать наступательно на Тверь. Так, дошел до нас договор тверского князя с

великим князем Василием Васильевичем и двоюродными братьями его – Димитрием Шемякою и Димитрием Красным. Борис Александрович выговаривает, чтоб московский князь не принимал тверских областей в дар от татар. Оба князя клянутся быть заодно на татар, на ляхов, на литву, на немцев; Борис обязывается сложить целование к Сигизмунду литовскому, объявив ему, что Тверь в союзе с Москвою, и без князя московского не заключать договоров ни с каким князем литовским. Мы видели, что тверской князь, находившийся в близком свойстве с князем Можайским, соединился с последним и Шемякою против Василия, но тотчас же и принял сторону его, увидавши, что все Московское княжество против Шемяки; мы видели также, что Борис в награду за помощь выговорил у Василия согласие на брак его старшего сына и наследника, Ивана, на своей дочери Марии. Между тем у тверского князя была война с литовским, и войска последнего взяли Ржеву. Это, как видно, заставило Бориса заключить мир с Казимиром литовским, который возвратил Ржеву, но за это Борис обязался быть в постоянном союзе с литовским князем, помогать ему на всех, никого не исключая. И московский великий князь, заключая в том же году договор с Казимиром, объявляет тверского князя на стороне литовской, о своих же отношениях к нему говорит, что он с ним в любви и докончании. Но после 1454 года опять встречаем договор тверского князя с московским, в котором оба клянутся быть заодно на татар, на ляхов, на литву и немцев. В этом договоре замечательно следующее условие: «Что отступил от тебя князь Иван Можайский да сын Димитрия Шемяки, князь Иван, или который другой брат тебе сгрубит: и мне, великому князю Борису, и моим детям, и братьям моим младшим к себе их не принимать; а быть нам с тобою на них заодно и с твоими детьми.

Также, если кто из моих братьев младших или меньших мне, великому князю Борису, сгрубит или моему сыну, князю Михаилу, и меньшим моим детям, то тебе, великому князю Василию, и твоим детям великому князю Ивану и князю Юрию, и меньшим твоим детям к себе их не принимать; а быть вам со мною и с моими детьми на них заодно». Оба свата обязываются в заключение, что если один из них умрет, то оставшийся в живых должен заботиться о жене и детях умершего. И в сношениях с князем тверским митрополит Иона принимает деятельное участие. До нас дошло послание его к тверскому епископу о том, чтоб тот убедил своего князя подать помощь великому князю Василию против татар. «Благословляю тебя, – пишет митрополит епископу, – чтоб ты сыну моему, великому князю Борису Александровичу, говорил и бил челом и докучал твердо, по своему святительскому долгу, чтоб он послал своих воевод к великому князю Василию Васильевичу на безбожных, ибо сам ты знаешь, что если великий князь Василий Васильевич получит над ними верх, то это будет общее добро обоих великих государей и всего нашего православного христианства». Так духовенство старалось тогда поддержать сознание об общих русских выгодах.

Рязань и Тверь постоянно колебались между Москвою и Литвою; Новгород Великий хотел быть самостоятельнее, тем более что теперь он был порадован возобновлением усобиц между самими князьями московскими. Во время этих усобиц новгородцы следовали правилу признавать победителя своим князем, но между тем давать у себя убежище и побежденному; так, в 1434 году нашел в Новгороде убежище Василий Васильевич, и в том же году видим там и противника его, Василия Юрьевича Косого.

Но последний, кроме почетного приема, не мог ничего получить от новгородцев и, уезжая от них, пограбил их волости. Угрожаемый Косым, Василий Васильевич заключил в 1435 году договор с новгородцами, по которому обещал отступить от всех новгородских земель, захваченных его предшественниками, – Бежецкого Верха, волостей на Ламском Волоке и Вологде, а новгородцы обещали также отступить от всего следующего великому князю и для этого обязались с обеих сторон выслать своих бояр на развод земли. Новгородцы выслали своих бояр в назначенный срок, но московские бояре не явились. Несмотря, однако, на это, открытой вражды не было; когда в 1437 году от великого князя из Москвы приехал в Новгород князь Юрий Патрикеевич просить черного бору, то новгородцы черного бору дали; с другой стороны, московский князь был занят борьбою с Косым и татарами. Но в 1441 году, когда со всех сторон было спокойно, Василий прислал в Новгород складную грамоту и повоевал волостей новгородских много вместе со псковитянами, которые опустошили новгородские владения на 300 верст в длину и 50 в ширину; двое тверских воевод были также в полках Василиевых. Новгородские воеводы с своей стороны много воевали за Волоком по земле великокняжеской; тем не менее новгородцы послали в город Демон к великому князю владыку, бояр и житых людей, которые купили у него мир на старинных условиях – за 8000 рублей. Если мы, основываясь на договоре великого князя с Шемякою 1440 года, предположим смешение годов в летописях и отнесем войну Василия Васильевича с Шемякою к 1439 и 1440 годам вместо 1442, то будем в состоянии объяснить себе причину разрыва великого князя с Новгородом в 1441 году: во время войны своей с Василием Шемяка убежал в новгородские владения на Бежецком Верху и оттуда послал сказать новгородцам: «Примите меня на своей воле». Те отвечали: «Хочешь, князь, приезжай к нам, а не хочешь, то как тебе любо».

1444 год был тяжек для Новгорода: с одной стороны напали немцы, с другой стороны тверичи неизвестно по какому поводу опустошили много пограничных волостей новгородских; тогда великий князь литовский Казимир прислал сказать новгородцам: «Возьмите моих наместников на Городище, и я вас обороню, я для вас не заключил мира с великим князем московским». Новгородцы не приняли этого предложения, не было им обороны ни от Литвы, ни от Москвы против князя тверского, который опять взял у них 50 волостей вместе с Торжком. Плен великого князя Василия у татар придал тверскому князю еще больше смелости: он прислал своих людей и воевод на Торжок, разогнал, ограбил остальных его жителей, иных погубил, на других взял окуп, свез в Тверь 40 возов товару московского, новгородского и торжокского, из них несколько потонуло в реке. Притесняемые Тверью, новгородцы по крайней мере могли надеяться спокойствия со стороны Москвы, где опять начались усобицы; Шемяка восторжествовал над Василием, но был слаб и потому прислал поклонщиков в Новгород и заключил с ним мир на всех старинах. Шемяка недолго княжил в Москве; в новой войне его с Василием новгородцы, по словам их летописца, не вступились ни за одного и тем самым уже возбуждали неудовольствие победителя; еще более раздражали они его тем, что, по обычаю, приняли к себе Шемяку. Митрополит Иона и тут вступился в дело; несколько раз писал он к новгородскому архиепископу Евфимию и к новгородцам, чтоб они поберегли себя душевного ради устройства и тишины. Новгородцы с своей стороны присылали к митрополиту с просьбою, чтоб бил челом за них

великому князю и дал для их послов опасные грамоты. Опасные грамоты были даны с тем, чтобы новгородцы отправили в Москву своих послов, людей больших, по своим делам, а чтоб Шемяка прислал своего посла с чистым покаянием бить челом своему господину и старшему брату, великому князю, и жалованья у него просить. Новгородцы прислали своих послов, людей великих, но прислали ни с чем; Шемяка прислал также своего боярина, но с такими условиями, на которые в Москве никак не хотели согласиться. Митрополит жаловался на это новгородскому владыке, зачем Шемяка посылает свои грамоты с великою высостию, о своем преступлении и о своей вине ни одного слова пригодного не приказывает. Между тем новгородцы продолжали держать Шемяку, и владыка в письмах к митрополиту оправдывал их старинным обычаем, по которому каждый князь, приехавший к св. Софии, принимался с честью, указывал, что и сам митрополит называет Шемяку сыном. Иона отвечал на это: «Прочти хорошенько все мои грамоты, какие только я к тебе писал, и вразумись, мог ли я называть сыном того князя, с которым не велю детям твоим, новгородцам, ни пить, ни есть, потому что он сам себя от христианства отлучил.

Ты сам видел грамоту, которую он написал на себя, и после сколько зла наделал, сколько крови христианской пролил? После того можно ли князя Дмитрия называть сыном церкви божией и нашего смирения? Я тебе писал и теперь пишу, что я и вместе со мною все владыки и все священство Русской земли считаем князя Дмитрия неблагословенным и отлученным от божией церкви. Ты пишешь, что прежде русские князья приезжали в дом св. Софии, в Великий Новгород, и новгородцы честь им воздавали по силе, а прежние митрополиты таких грамот с тягостию не посылавали; но скажи мне, сын, какие это прежние князья приезжали к вам, сделавши такое зло над своим старшим братом и оставя у вас княгиню свою, детей и весь кош, ходили от вас в великое княжение христианство губить и кровь проливать? Как прежде не бывало в нашей земле братоубийства и к вам с таким лихом ни один князь не приезжал, так и прежние митрополиты в Великий Новгород таких грамот с тягостию не посылавали».

Новгородцы все не слушались и держали Шемяку до самой его смерти; они должны были ждать мести из Москвы, и вот, управившись с князем Можайским и татарами, Василий в 1456 году выступил в поход против Новгорода за его неисправление. В Волоке собрались к нему все князья и воеводы со множеством войска; из Новгорода также явился туда посадник с челобитьем, чтоб великий князь пожаловал – на Новгород не шел и гнев свой отложил. Но Василий не принял челобитья и продолжал поход, отправивши наперед на Русу двоих воевод, князя Ивана Васильевича Оболенского-Стригу и Федора Басенка, а сам остановился в Яжелбицах. Стрига и Басенок вошли в Русу и захватили здесь много богатства, потому что жители, застигнутые врасплох, не успели убежать и спрятать свое имение. Московские воеводы отпустили главную рать свою назад с добычею, а сами с немногими детьми боярскими поотстали от нее, как вдруг показалось пятитысячное новгородское войско. Москвичи, которых не было и двухсот, сначала испугались, но потом начали говорить: «Если не пойдем против них биться, то погибнем от своего государя великого князя; лучше помереть». Схватиться им в рукопашный бой с новгородцами было нельзя; мешали плетни и свежие сугробы; тогда воеводы придумали средство: видя на новгородцах крепкие доспехи, они велели стрелять по лошадям, которые начали от ран беситься и

сбивать всадников. Новгородцы, никогда и прежде не любившие и не умевшие биться верхом, никак не могли сладить с лошадьми, не умели действовать и длинными копьями и валились под коней своих, точно мертвые.

Московские воеводы одержали решительную победу, много перебили неприятелей, взяли в плен посадника Михаила Тучу, но других пленников было мало, потому что некому было брать их. Когда беглецы принесли в Новгород весть о своем поражении, то поднялся сильный плач, потом зазвонили в вечевой колокол; сошелся весь город на вече, и стали бить челом владыке Евфимию, чтоб ехал вместе с посадниками, тысяцкими и житыми людьми к великому князю просить о мире. Владыка приехал в Яжелбицы, стал бить челом сперва князьям и боярам, а потом уже самому великому князю, который принял челобитье, дал мир, но взял за него 10000 рублей кроме того, что получили князья и бояре. Договор, заключенный в Яжелбицах, дошел до нас здесь кроме обычных старинных условий встречаем следующие новые: 1) вечевым грамотам не быть; 2) печати быть князей великих; 3) Великий Новгород не будет принимать к себе князя можайского и его детей, князя Ивана Дмитриевича Шемякина и его детей, его матери и зятьев; и после, если какой-нибудь лиходея великим князьям приедет в Новгород, то Новгороду его не принимать, приедет ли он прямо из Московской земли или побежит сперва в Литву или к немцам и оттуда приедет в Новгород. Что оставалось новгородцам после таких условий? В Суздальской земле, как они продолжали называть новую Русь, теперь один великий князь, ибо великие князья – тверской и рязанский – по своему относительно бессилию готовы стать его подручниками или отказаться от своих владений; татары уже не вступаются в дела князей, их ярлыки недействительны; последний поход показал новгородцам их бессилие пред полками московскими: теперь эти полки постоянно будут готовы устремиться к Новгороду, ибо не будут более заняты усобицами; притом же новгородцы поклялись не вмешиваться в междоусобия княжеские, не принимать к себе врагов Василия и его сына. Новгородцы понимали всю трудность своего положения, предчувствовали приближающееся падение своего быта, и это произвело в некоторых из них неукротимую ненависть к московскому князю, отнявшему у веча печать и грамоты. В 1460 году Василий с младшими сыновьями – Юрием и Андреем – поехал в Новгород: вечники начали стовариваться, как бы убить его и с детьми; намерение не было приведено в исполнение только потому, что архиепископ Иона представил всю его бесполезность: с Василием не было старшего сына, Иоанна; смерть старого князя могла бы только возбудить всеобщую ненависть к новгородцам, навлечь на них страшную месть сына Василиева; некоторые хотели убить лучшего и вернейшего воеводу великокняжеского, Федора Басенка, но и этот замысел не удался.

Новгород был наказан за то, что давал у себя убежище лиходеям великокняжеским; но колония новгородская, Вятка, оказывала этим лиходеям более деятельную помощь и потому не могла быть забыта московским князем, когда он восторжествовал над всеми своими врагами. В 1458 году великий князь отправил на вятчан воевод своих: князя Ивана Васильевича Горбатого суздальского, князя Семена Ряполовского и Григория Перхушкова; но этот поход не удался, потому что Перхушков за подарки благоприятствовал вятчанам. В следующем году были посланы другие воеводы, князь Иван Юрьевич Патрикеев, Иван Иванович и князь Димитрий Ряполовский: они взяли два города, Орлов и

Котельнич, и долго держали в осаде главный город Хлынов; наконец вятчане добились челом на всей воле великого князя, как ему было надобно.

Другим, не насильственным, путем утверждалась власть московского великого князя во Пскове. Несмотря на то что внутренние смуты, происходившие в первую половину княжения Василиева, не позволяли московскому князю постоянно наблюдать за Псковом, жители последнего долго не прерывали связи с Москвою, прося утверждения князьям своим от великого князя московского. Так, в 1429 году псковичи прислали к Василию Васильевичу в Москву просить себе князя, и он отпустил к ним князя Александра Федоровича ростовского; потом, с 1434 года, видим во Пскове князем зятя Александра, Владимира Даниловича, приехавшего из Литвы; во время его княжения, в 1436 году, явился из Москвы, от великого князя, князь Борис; псковичи приняли его, посадили на княжьем дворе, но отправили старого своего князя Владимира в Москву; великий князь дал ему опять княжение, а Борису велел выехать из Пскова, потому что последний прогнал его, по выражению летописца, т.е., вероятно, Борис, просясь у Василия на псковский стол, представил тамошние дела не так, как они были на самом деле. Мы видели, что псковичи усердно помогли великому князю в войне с Новгородом. В 1443 году стал княжить во Пскове князь Александр Васильевич Чарторыйский: посол московский поручил ему княжение по великого князя слову, псковичи посадили Александра на стол у св. Троицы, и он целовал крест к великому князю Василию Васильевичу и ко всему Пскову на всей псковской пошине. Бедствие великого князя Василия и борьба его с Шемякою прервали на время связь Пскова с Москвою; псковичи теснее соединились с новгородцами; отпустивши князя своего Александра в Новгород в 1447 году, они взяли оттуда князя Василия Васильевича Шуйского-Гребенку, правнука Дмитрия Константиновича нижегородского чрез сына Семена. Когда в 1454 году сын Шемяки Иван, убегая из Новгорода в Литву, приехал во Псков, то навстречу к нему вышло все священство с крестами, посадники и весь Псков приняли его с великою честью, угощали три недели и при отъезде подарили ему на вече 20 рублей. Когда в 1456 году великий князь Василий Васильевич начал войну с Новгородом, то оттуда явился гонец во Псков и стал говорить на вече: «Братья младшие, мужи псковичи! брат Великий Новгород вам кланяется, чтобы вы нам помогли против великого князя и крестное целование исправили». Псковичи, говорит летописец, взирая на бога и на дом св. Троицы и старых времен не поминая, что новгородцы псковичам никогда не помогали ни словом, ни делом, ни на какую землю, послали воевод своих на помощь Новгороду. Между тем начались у Новгорода мирные переговоры с великим князем, и псковичам оставалось только отправить вместе с новгородскими послами и своих – добивать челом последнему. Но приведение Новгорода в волю московского князя необходимо утверждало власть его и во Пскове. Здесь снова княжил теперь Александр Чарторыйский, сменивший Василия Шуйского, уехавшего в Новгород. Когда в 1460 году великий князь приехал в Новгород, то псковичи отправили к нему знатных послов с 50 рублями дару и с челобитьем, чтоб жаловал и печаловался своею отчиною, мужами псковичами, добровольными людьми. «Обижены мы от поганых немцев, водою, землею и головами, церкви божии пожжены погаными на миру и на крестном целовании», – говорили послы, после чего били челом великому князю о князе своем Александре Васильевиче, чтоб быть ему наместником великокняжеским и

во Пскове князем. Василий отвечал: «Я вас, свою отчину, хочу жаловать и оборонять от поганых, как делывали отцы наши и деды, князья великие; а что мне говорите о князе Александре Чарторыйском, то и этим вас, свою отчину, жалую: если князь Александр поцелует животворящий крест ко мне, великому князю, и к моим детям, великим князьям, что ему зла на нас не хотеть, не мыслить, то пусть будет вам князем, а от меня наместником». Услыхавши этот ответ, князь Александр не захотел целовать креста и сказал псковичам: «Не слуга я великому князю, и не будь вашего целования на мне и моего на вас; когда станут псковичи соколом ворон ловить, тогда и меня, Чарторыйского, вспомнят». Он попрощался на вече, сказал: «Я вам не князь», – и уехал в Литву с двором своим, 300 человек боевых людей кованой рати кроме кошевых; псковичи много били ему челом, чтоб остался, но он не послушал псковского челобитья. Когда великий князь услышал, что Александра нет больше во Пскове, то послал туда сына своего, князя Юрия. Посадники и бояре псковские встретили его за рубежом с великою честью, духовенство со крестами встретило его за городом, пели многолетие и посадили на столе отцовском, знаменовавши крестом, а посадники и весь Псков приняли его честно в княжой двор.

Потом посадники и весь Псков били ему челом: «Чтоб, господин, пожаловал, дал бы нам от великого князя и от себя наместника во Псков, князя Ивана Васильевича» (Оболенского-Стригу), и князь Юрий пожаловал свою отчину, по приказу отца своего и старшего брата дал псковичам в наместники князя Оболенского; Юрий пробыл во Пскове три недели и два дня; псковичи подарили ему 100 рублей и проводили 20 верст за рубеж.

Таким образом, в конце княжения Василиева обозначилось ясно, куда должны примкнуть эти спорные между Москвою и Литвою области – Рязань, Новгород, Псков: все они находились уже почти в воле великого князя московского. Но как же должны были смотреть на это князья литовские? что заставило их выпустить из рук добычу без борьбы, что помешало им воспользоваться усобицами князей московских для окончательного усиления себя на счет последних? Они не имели для этого средств, ибо если прежде сдерживались они на западе борьбою с Немецким орденом, то теперь сдерживались они еще более союзом с Польшею и потом окончательною борьбою с тем же Орденом. Мы видели, что если поляки сильно хлопотали о вечном соединении своего государства с Литвою, то в Литве хлопотали также о независимости своего княжества от Польши. На Ленчицком сейме, бывшем в 1426 году, опять толковали о средствах, как бы помешать отделению Литвы от Польши, о котором стал снова замышлять Витовт. Но Витовт, замышляя о независимости Литвы от Польши, замышлял также и о зависимости Польши от себя. Мы видели, что в случае смерти Ягайла бездетным престол польский мог перейти к нему, но Ягайло от второго брака имел уже двоих сыновей, и королева Софья была беременна третьим ребенком; Витовт придумал средство: ослабив мать, лишить и сыновей надежды на престол; в 1427 году на сейме в Городне Витовт обвинил молодую королеву в неверности Ягайлу; пыткой вынудили показания у некоторых придворных женщин, перехватили указанных виновников преступления; но королева успела очистить себя присягою, и Ягайло успокоился. Тогда Витовт стал думать о другом средстве достать независимость для Литвы и корону королевскую для себя: для этого он обратился к императору Сигизмунду.

Сигизмунд, находясь в затруднительном положении по случаю войны с гуситами и турками, требовал и не мог добиться помощи от слабого Ягайла, который сам признавался, что не может ничего сделать без совета с Витовтом; вот почему императору очень хотелось сблизиться с Витовтом. «Вижу, – говорил он, – что король Владислав – человек простоватый и во всем подчиняется влиянию Витовта, так мне нужно привязать к себе прежде всего литовского князя, чтоб посредством его овладеть и Ягайлом». Начались частые пересылки между Сигизмундом и Витовтом, наконец положили свидетелься в Луцке, куда должен был приехать и Ягайло. В 1429 году был этот знаменитый съезд трех коронованных лиц вместе со множеством вельмож польских, литовских и русских. После празднеств начались совещания, и на одном из них император сказал следующие слова: «Я понуждаю папу, чтоб он созвал собор для примирения с гуситами и для преобразования церкви; отправлюсь туда сам, если он согласится; если же не согласится, созову собор собственною моею властью. Не должно пренебрегать также и соединением с греками, потому что они исповедуют одну с нами веру, отличаясь от нас только бородами да тем, что священники у них женатые. Но этого, однако, не должно ставить им в порок, потому что греческие священники довольствуются одною женою, а латинские держат их по десяти и больше». Эти слова императора скоро были в устах всех русских, которые превозносили его похвалами, к великой досаде католиков и поляков. Но досада последних усилилась еще более, когда они узнали о главном предмете совещаний между Сигизмундом и Витовтом: этот предмет был признание Витовта независимым королем Литвы и Руси. Сигизмунд легко успел уговорить Ягайла дать на это свое согласие, но сильное сопротивление, как следовало ожидать, оказалось со стороны прелатов и вельмож польских, у которых из рук вырывалась богатая добыча: Збигнев Олесницкий, епископ краковский, бывший везде впереди по своему характеру и талантам, в полном собрании обратился к Витовту с резкими словами, говоря, что при избрании Ягайла они руководствовались только духовным благом литовцев, владения которых не могли представить им ничего лестного, потому что были все почти опустошены и разобраны соседними владельцами. Палатин краковский, Ян Тарновский, и все другие шумно выразили свое согласие с речью Олесницкого.

Витовт, всегда скрытный, тут, однако, не мог удержать своего неудовольствия, которое выразилось в отрывочных гневных восклицаниях. «Пусть так! – сказал он, выходя из собрания, – а я все-таки найду средства сделать по-моему». Поляки тогда обратились с упреками к своему королю: «Разве ты нас за тем сюда позвал, чтобы быть свидетелями отделения от Польши таких знатных владений?»

(Следовательно, Литва и Русь не были еще вконец опустошены и разобраны соседними государями!!) Ягайло заливался слезами, благодарил их за верность, клялся, что никогда не давал согласия Сигизмунду и Витовту на отделение Литвы, что рад хоть сейчас бежать из Луцка, куда они сами назначат. И точно, прелаты и паны польские собрались и уехали днем, а Ягайло побежал за ними в ночь. Витовта сильно раздосадовало это поспешное бегство поляков и короля их; однако крутые, решительные меры были не в характере Витовта; зная польское корыстолюбие, он начал обдаривать панов, чтобы как можно тише, без помощи оружия, достигнуть своей цели.

На следующем сейме у поляков было положено – кроткими мерами отвлекать Витовта от его опасного намерения. Послан был к нему в Литву все тот же Збигнев Олесницкий, который истошил перед ним все свое красноречие. «Знай, – говорил он Витовту, – что корона королевская скорее уменьшит твоё величие, чем возвысит: между князьями ты первый, а между королями будешь последний; что за честь в преклонных летах окружить голову небольшим количеством золота и дорогих камней, а целые народы окружить ужасами кровопролитных войн?» Но в литовском князе Збигнев встретил достойного противника. «Никогда, – отвечал ему Витовт, – у меня и в голове не было намерения стать независимым королем; давно уже император убеждал меня принять королевский титул, но я не соглашался. Теперь же сам король Владислав потребовал этого от меня; уступая его мольбам, повинувшись его приказанию, я дал публично свое согласие, после чего постыдно было бы для меня отречься от своего слова». Олесницкий возвратился ни с чем, а между тем приближенные Витовта не переставали убеждать своего князя привести как можно скорее к концу начатое предприятие. Витовт писал к Ягайлу, укоряя его за то, что он взял назад свое согласие, и за то, что хочет сделать народ литовский и князя его вассалами Польши; писал и к императору с теми же жалобами. Поляки были в страшной тревоге; после долгих совещаний положено было опять слать послов к Витовту, и опять отправлен был Збигнев Олесницкий вместе с Яном Гарновским, палатином краковским. Послы удивили Витовта предложением принять корону польскую, которую уступает ему Ягайло, по старости лет уже чувствующий себя неспособным к правлению. Витовт отвечал, что считает гнусным делом принять польскую корону, отнявши ее у брата, и прибавил, что сам не станет более добиваться королевской короны, но если ее пришлют ему, то не откажется принять.

Между тем поляки действовали против намерений Витовта, и, с другой стороны, они представили папе всю опасность, которою грозит католицизму отделение Литвы и Руси от Польши, потому что тогда издревле господствовавшее в этих странах православие опять возьмет прежнюю силу и подавит только что водворившееся в Литве латинство. Папа, поняв справедливость опасения, немедленно отправил к императору запрет посылать корону в Литву, а Витовту – запрет принимать ее.

Получив папскую грамоту, Витовт в 1430 году написал прелатам и вельможам польским, жалуясь им на короля Владислава, который чернит его пред папою и другими владетелями католическими. В это время поляки были встревожены вестью, что литовский князь взял с своих бояр присягу служить ему против короля и королевства Польского, и снова Збигнев отправился в Литву успокоить Витовта насчет папского послания и укорить в неприязненных намерениях против Польши.

Витовт отвечал, что он взял присягу с своих и утвердил крепости вовсе не с целью начать наступательные движения против Польши, но только для предохранения себя от внезапного нападения врагов, ибо ему достоверно известно, что гуситы беспрестанно добиваются от короля Владислава позволения пройти чрез его области на Пруссию и на Литву, и король ему об этом ничего не объявил. Збигневу нечего было отвечать на это. Между тем днем Витовтовой коронации назначен был праздник Успения богородицы; но так как посланные от Сигизмунда с короною опоздали к этому дню, то назначен был другой праздник –

Рождества богородицы, и приглашены были уже к этому торжеству многие соседние владельцы, в том числе и внук Витовта, князь московский. Поляки знали об этих приготовлениях и потому расставили сторожевые отряды по границам, чтобы не пропускать Сигизмундовых послов в Литву. На границах Саксонии и Пруссии схвачены были двое послов – Чигала и Рот, которые ехали к Витовту с известием, что корона уже отправлена, и с грамотами, в силу которых он получал право на королевский титул; за этими послами следовали другие, знатнейшие и многочисленнейшие, везшие корону. Чтоб перехватить их, отправилось трое польских вельмож с значительным отрядом, поклявшись помешать отделению Литвы и Руси, хотя бы для перехвачения короны нужно было ехать в самые отдаленные пределы. Послы, узнав об этом, испугались и возвратились назад, к Сигизмунду.

Весть об этом так поразила Витовта, что сильно расстроила его здоровье; однако больной старик еще не терял совершенно надежды как бы то ни было успеть в своем намерении. Зная слабохарактерность Ягайла, он послал звать его к себе в Вильну.

Ягайлу и самому очень хотелось поехать в Литву, не потому, что он питал сильную привязанность к родной стране, а потому, что в ней всего лучше удовлетворял он своей страсти к охоте. Но польские прелаты и вельможи знали, что если Ягайло раз свидится с Витовтом, то не будет в состоянии отказать ему ни в чем; знали также, что Сигизмундовы послы убеждают Витовта употребить при венчании корону, сделанную в Вильне, что не помешает Сигизмунду признать его королем, и потому боялись отпустить Ягайла одного в Литву, а приставили к нему Збигнева Олесницкого, на твердость которого вполне полагались. Витовт принял двоюродного брата с большим торжеством; но сам со дня на день становился все слабее и слабее, не переставая, однако, требовать от Ягайла, чтобы тот согласился на его коронацию. Ягайло отвечал, что он сам по себе рад дать согласие, да что ж ему делать, когда поляки приставили к нему Збигнева, без согласия которого ничего нельзя сделать; что прежде всего нужно как-нибудь размягчить этот камень. Витовт принялся размягчать и просьбами и дарами, каких никто до сих пор не получал еще в Литве, но Збигнев остался непреклонен. Тогда Витовт прибегнул к угрозам, давая знать, что употребит все средства, рассыплет повсюду то самое золото, раздаст те самые дары, которые были приготовлены для Збигнева, чтобы лишить его краковской епископии. Но угрозы не испугали, а только ожесточили Збигнева, и Витовт должен был оставить всякую надежду преклонить его на свою сторону, а скоро тяжкая болезнь заставила его отложить все другие надежды. Витовт умер 27 октября 1430 года; главною причиною смерти полагают тяжкую скорбь о несбывшихся намерениях.

Не имея сыновей, Витовт сосредоточил все свои желания на удовлетворении личного честолюбия, для чего так усиленно добивался венца королевского, и не мог, по-видимому, в последнее пятилетие жизни заботиться о расширении своих владений, которых некому было оставить. Несмотря на то, еще в 1425 году Витовт посылал к великому магистру Ордена требовать помощи против Пскова, магистр отказал, и Витовт почему-то отложил поход; в 1426 году он опять послал за тем же к магистру; тот опять отвечал, что не может нарушить крестного целования к псковичам; но на этот раз Витовт не стал дожидаться союзников, объявил войну псковичам и по прошествии четырех недель и четырех дней после объявления, в

августе месяце, явился с полками литовскими, польскими, русскими и татарскими под Опочкою, жители которой устроили мост на канатах, под мостом набили кольев, а сами спрятались в крепости, чтобы неприятелю показалась она пустою. Татарская конница, не видя никого на стенах, бросилась на мост: тогда граждане подрезали канаты, и мост вместе с татарами упал на колья, почти все неприятели лишились жизни, а которые попались в плен, тех жестоко и позорно изувечили в городе и в таком виде показали осаждающим. Витовт отошел от Опочки и осадил другой город – Воронач, под которым стоял три недели, разбивая пороками стены. Вороначанам стало очень тяжело, и они послали сказать в Псков: «Господа псковичи! помогайте нам, думайте об нас, нам теперь очень тяжело!» Псковичи послали в литовский стан своего посадника бить челом Витовту; но тот не принял псковского челобитья.

Другой псковский посадник с 400 человек хотел пробраться в город Котельну и засесть там, но был перенят по дороге 7000 литовцев и татар и успел убежать в Котельну, потерявши 30 человек; в двух других стычках с татарами жители псковских пригородов были счастливее. Между тем в одну ночь случилось чудо страшное, говорит летописец: внезапно нашла туча грозная, полился дождь, загремел гром, молния сверкала беспрестанно, и все думали, что или от дождя потонут, или от молнии сгорят, или от грома камнями будут побиты; гром был такой страшный, что земля тряслась, и Витовт, ухватясь за шатерный столп, кричал в ужасе: «Господи помилуй!» Псковский летописец этой грозе приписывает смирение Витовта, который дал перемирие вороначанам; но летописец московский приводит другое обстоятельство: к Витовту приехал посол из Москвы, князь Лыков, и сказал от имени великого князя Василия: «Зачем это ты так делаешь вопреки договору? Вместо того чтобы быть тебе со мною заодно, ты мою отчину воюешь и пустошишь».

Витовт, послушавшись внука своего, заключил с псковичами мир; вместо трех тысяч рублей взял с них только одну тысячу и пленников их отдал на поруки, с условием, чтоб в известный срок они явились к нему в Вильну; псковский летописец не говорит ничего о после московском и жалуется, по обычаю, на новгородцев, которые не помогли Пскову ничем, ни словом, ни делом, хотя их посол был все это время в стане у Витовта, и под Опочкою, и под Вороначем. Когда срок ехать в Вильну с деньгами и пленными стал приближаться, псковичи послали в Москву просить великого князя, чтоб отправил к деду своих бояр бить челом за псковичей.

Московский посол поехал в Вильну вместе с псковскими, повезли деньги, 1000 рублей, и пленников; Витовт деньги взял, но пленников оставил у себя, и посол московский не помог ничего своим посольством, говорит псковский летописец: псковичи принуждены были опять послать посадника в Вильну и выкупить пленных деньгами.

В 1428 году пришел черед и новгородцам: Витовт объявил им войну за то, что они называли его изменником и пьяницею; новгородцы послали просить помощи у псковичей, но те отвечали: «Как вы нам не помогли, так и мы вам не поможем, да еще мы и договор заключили с Витовтом, что не помогать вам». Великий князь московский также целовал крест Витовту, что не будет помогать ни Новгороду, ни Пскову, а тверской князь отправил даже свои полки на помощь Витовту. И вот Витовт пришел сначала к Вышгороду, а потом к Порхову с пушками; была у него

одна огромная пушка по имени Галка, которая наделала много вреда и Порхову и Литве, потому что, разорвавшись, убила самого мастера, воеводу полоцкого и много ратных людей и лошадей. Несмотря на то, Порхов не мог долее держаться и заплатил за себя Витовту 5000 рублей; потом приехали из Новгорода владыка с боярами и заплатили еще 5000 да тысячу за пленных; собирали это серебро по всем волостям Новгородским и за Волоком, брали с 10 человек по рублю. «Вот вам за то, что называли меня изменником и бражником», – сказал Витовт новгородцам, принимая у них деньги.

Смерть Витовта обрадовала многих и в Польше, и в Северо-Восточной Руси; ей радовались и в Юго-Западной Руси те, которым дорого было свое и которые видели ясно, что Витовт в своих честолюбивых стремлениях руководился одними личными, корыстными целями. Их надежды давно уже были обращены на брата Ягайлова, Свидригайла Олгердовича, который оказывал явное расположение к православию и явную ненависть к Польше. Польские писатели изображают Свидригайла человеком, преданным вину и праздности, непостоянным, вспыльчивым, безрассудным, склонным на все стороны, куда ветер подует, и находят в нем одно только доброе качество – щедрость. Но должно заметить, что почти всех Гедиминовичей можно упрекать в непостоянстве, видя, с какою легкостью изменяют они одной вере и народности в пользу другой, лишь бы только эта измена вела к скорейшему достижению известной цели. Эта фамильная черта Гедиминовичей равно поражает нас как в Ягайле, Свидригайле и Витовте, так и в последнем из Гедиминовичей, Сигизмунде Августе, который точно так же был равнодушен, точно так же колебался между католицизмом и протестантизмом, как предки его колебались между католицизмом и православием.

Быть может, причина такому явлению заключалась в самом положении литовского народа, который, не успев выработать для себя крепких основ народного характера, пришел в столкновение с различными чуждыми и высшими его народностями: к одной которой-нибудь из них он должен был при равняться, не насильственно, однако, а с правом выбора.

По смерти Витовта Ягайло не мог противиться всеобщему желанию: русские и литовские вельможи бросились к Свидригайлу и провозгласили его великим князем.

Свидригайло ознаменовал свое вступление на отцовский стол тем, что занял литовские замки от своего имени, с исключением Ягайлова, и тем обнаружил намерение отложиться от Польши. Кипя гневом за прежние обиды и гонения, он в резких словах укорял короля и его польских советников, грозя им местию. Ягайло находился в самом затруднительном положении; эта затруднительность еще более усилилась при известии, что поляки, услышав о смерти Витовта, внезапно захватили Подолию, вытеснив оттуда литовских наместников. Свидригайло выходил из себя, грозил королю тюрьмою и даже смертью, если поляки не возвратят Подолию Литве.

Тогда советники королевские решились умертвить Свидригайла и, запершись в Вильне, держаться там до прибытия коронного войска. Но Ягайло никак не соглашался на такую меру и почел за лучшее возвратить брату Подолию.

Свидригайло, обрадованный уступчивостию короля, утих и начал ласкаться к брату; но вельможи польские были в отчаянии, что Подолия отходит от них, стали

придумывать средства, как бы помешать королевскому намерению, и наконец нашли: тайным образом дали знать польскому коменданту Каменца, чтоб он не слушался королевского повеления, не сдавал города Литве и заключил бы в оковы Ягайловых и Свидригайловых посланных; комендант исполнил их желание.

В 1431 году Ягайло возвратился в Польшу; на Сендомирском сейме слабый старик стал жаловаться на обиды от Свидригайла; негодование поляков было усилено еще вестями, что Свидригайло не оставляет в покое ни Подолии, ни других соседних областей; но они боялись действовать против литовского князя вооруженною силою, зная сильную приверженность к нему русских, заподозривая и короля своего в тайном доброжелательстве брату, и потому решились попытаться сперва мирным путем склонить Свидригайла к уступке Подолии и к признанию своей зависимости от Польши. Первое посольство их осталось без успеха; при втором, выведенный из терпения дерзкими требованиями Яна Лутека Бржеского, Свидригайло дал ему пощечину. В том же году (1431) Бржеский опять приехал послом от Ягайла, опять говорил Свидригайлу те же речи, опять получил от него пощечину, но теперь уже не был отпущен назад, а заключен в тюрьму. Ягайло выступил с войском на Литву, хотя, как выражается польский историк, горше смерти был ему этот поход против родной земли и родного брата. Борьба между народностями, из которых одна посягала на права другой, ведена была, как и следовало ожидать, с большим ожесточением: с обеих сторон не было пощады пленникам, причем русские особенно изливали свою месть на латинское духовенство. Жители Луцка с удивительным мужеством выдерживали осаду от королевского войска; несмотря на то, по уверению польского историка, город должен был бы скоро сдаться и война кончилась бы с выгодой и честью для короля и королевства, если б тому не помешал сам Ягайло, благопритествовавший Свидригайлу и его подданным, с которыми поспешил заключить перемирие, причем положен был срок и место для переговоров о вечном мире. Король снял осаду Луцка, и русские торжествовали отступление неприятеля тем, что разрушили все католические церкви в Луцкой земле.

Съезд для заключения вечного мира назначен был в Парчеве; но Свидригайло не явился туда и не прислал своих уполномоченных. Тогда поляки, не надеясь справиться с литовским князем открытою силою, решились выставить ему соперника и возбудить междоусобие в собственных его владениях. Мы видели, что Свидригайло держался русского народонаселения. Это возбуждало неудовольствие собственно литовских вельмож, особенно тех, которые приняли католицизм. Поляки воспользовались их неудовольствием и послали Лаврентия Зоронбу в Литву с явным поручением от Ягайла к брату его – склонять последнего к покорности – и с тайным поручением – уговаривать литовских вельмож к свержению Свидригайла и к принятию к себе в князья Витовтова брата, Сигизмунда Кейстутовича, князя стародубского.

Зоронба успел как нельзя лучше выполнить свое поручение: составлен был заговор, с помощью которого Сигизмунд стародубский напал нечаянно на Свидригайла и выгнал его из Литвы; но Русь (т.е. Малороссия), Смоленск и Витебск остались верными Свидригайлу.

Сведав об изгнании Свидригайла из Литвы, король созвал вельмож и прелатов для совещания о делах этой страны. Положено было отправить к Сигизмунду полномочных послов, в числе которых находился Збигнев

Олесницкий. Сигизмунд с почестями принял посольство и подчинил себя и свое княжество короне Польской. Такой поступок понятен: Сигизмунд собственными средствами не мог держаться против Свидригайла; ему нужна была помощь Польши, авторитет ее короля. Но понятно также, что подчинение Литвы Польше не могло доставить Сигизмунду расположения многих литовцев, которые не хотели этого подчинения; вот почему Сигизмунд скоро увидел, что окружен людьми, на верность которых не может положиться; и хотя польский летописец видит в этом случае только врожденное непостоянство литовцев, но мы имеем право видеть еще что-нибудь другое, тем более что тот же самый летописец в один голос с летописцем русским упрекает Сигизмунда в страшной жестокости и безнравственности. Открыт был заговор на жизнь Сигизмунда, и главами заговора были двое знаменитейших вельмож: Янут, палатин троцкий, и Румбольд, гетман литовский. Янут и Румбольд вместе с другими соучастниками погибли под топором; но ожесточение против Сигизмунда не уменьшилось: он не смел встретиться с Свидригайлом в открытом поле, боясь измены своих.

В таком положении находились Литва и Юго-Западная Русь, когда в 1434 году умер король Ягайло. Поляки возвели на престол сына его Владислава, не без смут, впрочем, и сопротивления со стороны некоторых вельмож. Но перемена, совершившаяся в Польше, не изменила положения Литвы и Руси: здесь по-прежнему шла борьба между Сигизмундом и Свидригайлом, по-прежнему последний не хотел отказываться от прав своих на Литву и по-прежнему был несчастлив на войне: войска его потерпели сильное поражение под Вилькомиром. Но Сигизмунд недолго наслаждался своим торжеством: двое братьев, русские князья Иван и Александр Чарторыйские составили новый заговор, вследствие которого Сигизмунд лишился жизни.

По убиении Сигизмунда литовские вельможи разделились: одни хотели видеть великим князем Владислава Ягайловича, короля польского; другие, возвеличенные Сигизмундом, держались сына его Михаила; третьи, наконец, хотели Свидригайла.

Король Владислав был в это время в большом затруднении: венгры выбрали его на свой престол и просили поспешить приездом к ним, а между тем Литва требовала также его присутствия и в противном случае грозила отделиться от Польши. После долгих совещаний с польскими вельможами решено было, чтоб сам Владислав поспешил в Венгрию для упрочения себе тамошнего престола, а в Литву отправил вместо себя родного брата своего, молодого Казимира, не в качестве, однако, великого князя литовского, а в качестве наместника польского. Литовские и некоторые из русских вельмож вместе с Александром, или Олельком, Владимировичем, князем киевским, внуком Олгердовым, приняли Казимира, но никак не хотели видеть в нем наместника Владислава и требовали возведения его на великокняжеский престол; поляки, окружавшие Казимира, никак не хотели согласиться на это требование, и тогда литовцы против их воли провозгласили Казимира великим князем. Видя это, король Владислав и его польские советники придумали средство обессилить Литву, отнять у ее князей возможность к сопротивлению польскому владычеству: это средство было – разделение литовских областей между Казимиром Ягеллоновичем, Михаилом Сигизмундовичем и Болеславом мазовецким; назначен был для этого уже и съезд в Парчеве, но сопротивление литовских вельмож помешало и этому намерению.

В 1444 году Владислав, король польский и венгерский, пал в битве с турками при Варне, и это событие имело важное значение в судьбах Литвы и Руси; оно снова затягивало связь их с Польшею, потому что бездетному Владиславу должен был наследовать брат его, осьмнадцатилетний Казимир литовский. Поляки, по мысли Збигнева Олесницкого, прислали звать Казимира к себе на престол; тот по внушениям литовцев долго не соглашался: на Петрковском сейме в 1446 году послы Казимировы, русские князья Василий Красный и Юрий Семенович, объявили панам прямой отказ своего князя наследовать брату на престоле польском; второе посольство поляков также не имело успеха; наконец Казимир должен был уступить их требованиям, когда узнал, что на сейме идет речь о выборе в короли Болеслава, князя мазовецкого, тестя и покровителя соперника его, Михаила Сигизмундовича.

Затруднительно было положение Казимира между притязаниями поляков на литовские владения и стремлениями литовцев удержать свою самостоятельность относительно Польши; иногда дело доходило до явного разрыва, и больших усилий стоило Казимиру отворотить кровопролитие. Но этого мало: Орден является опять на сцену, чтоб отвлечь внимание государей польско-литовских от востока к западу. Грюнвальдская битва, нанеся решительный удар Ордену, служила знаком ко внутренним беспокойствам в его владениях: ослабленные рыцари стали нуждаться теперь в помощи дворянства и городов; последние воспользовались обстоятельствами и начали требовать участия в правлении, начали требовать, чтоб при великом магистре находился совет, состоящий из выборных от Ордена, дворянства и главных городов, и чтоб на этом совете решались все важнейшие дела. Вследствие этих стремлений между Орденем, с одной стороны, дворянством и городами – с другой, начались неудовольствия, кончившиеся тем, что в 1454 году послы от дворян и городов прусских явились к королю Казимиру с просьбою принять их в свое подданство.

Казимир согласился, и следствием этого была война с Орденем, война продолжительная, ведшаяся с переменным счастьем и поглотившая все внимание короля и сеймов.

Такое затруднительное положение великого князя литовского, с одной стороны, и не менее затруднительное положение великого князя московского – с другой, сдерживало обоих, мешало значительным столкновениям Руси Юго-Западной с Северо-Восточною во все описываемое время. Но если не могло быть между Литвою и Москвою войны значительной, богатой решительными последствиями, то самые усобицы, однако происходившие одновременно и здесь и там, не могли допустить и постоянного мира между обеими державами, потому что враждующие стороны на северо-востоке искали себе пособия и убежища на юго-западе и наоборот.

Свидригайло был побратим князю Юрию Дмитриевичу, следовательно, Василий московский должен был находиться в союзе с врагом Свидригайловым, Сигизмундом Кейстуовичем и сыном его Михаилом, а убийца Сигизмунда, князь Чарторыйский, жил у Шемяки и вместе с ним приходил воевать на Москву. Василий держал сторону Михаила и в борьбе его с Казимиром; мы видели, что в 1444 году, находясь в войне с Михаилом и Болеславом мазовецким, Казимир предлагал новгородцам помощь под условием подданства. Новгородцы не согласились на это предложение, и в 1445 году великий князь Василий послал

нечаянно двух татарских царевичей на литовские города – Вязьму, Брянск и другие; татары много воевали, много народу побили и в плен повели, пожгли Литовскую землю почти до самого Смоленска и возвратились домой с большим богатством. Казимир спешил отомстить и отправил под Калугу 7000 войска под начальством семерых панов своих. Были они под Козельском и под Калугою, но не могли здесь сделать ничего и отошли к Суходрову; тут встретили их сто человек можайцев, сто верейцев и шестьдесят боровцев и сразились: русские потеряли своих воевод, литовцы также потеряли двести человек убитыми и возвратились домой. Это, впрочем, было единственное ратное дело с Литвою в княжение Василия; в 1448 году был в Москве посол литовский, а в 1449 году заключен был договор между королем Казимиром и великим князем Василием и его братьями: Иваном Андреевичем, Михаилом Андреевичем и Василием Ярославичем; Василий обязался жить с Казимиром в любви и быть с ним везде заодно, хотеть добра ему и его земле везде, где бы ни было; те же обязательства взял на себя и Казимир. Договаривающиеся клянутся иметь одних врагов и друзей; Казимир обязывается не принимать к себе Димитрия Шемяки, а Василий – Михаила Сигизмундовича. Если пойдут татары на украинские места, то князьям и воеводам, литовским и московским, переславшись друг с другом, обороняться заодно. Казимир и Василий обещают не вступаться во владения друг друга, и в случае смерти одного из них другой должен заботиться о семействе умершего. Обязываются помогать друг другу войском в случае нападения неприятельского; но это обязательство может быть и не исполнено, если союзник будет занят сам у себя дома войною. Орду великий князь московский знает по старине, ему самому и послам его путь чист в Орду чрез литовские владения. С первого взгляда последнее условие кажется странным: для чего было московскому князю или послам его ездить в Орду чрез литовские владения? Но мы не должны забывать, что при усобицах княжеских победитель захватывал пути в Орду, чтоб не пропускать туда соперника, и для последнего в таком случае было очень важно проехать беспрепятственно окольными путями. Далее, договаривающиеся обязываются не трогать служилых князей. Василий московский называет себя в договоре князем новгородским и требует от Казимира, чтобы тот не вступался в Новгород Великий, и во Псков, и во все новгородские и псковские места, и если новгородцы или псковичи предложат ему принять их в подданство, то король не должен соглашаться на это. Если новгородцы или псковичи нагрубят королю, то последний должен уведомить об этом великого князя московского и потом может переведаться с новгородцами и псковичами, и Василий не вступится за них, не будет сердиться на Казимира, если только последний не захватит их земли и воды. Казимир обязывается держать с немцами вечный мир, с новгородцами особенный мир, с псковичами особенный, и если станут они воевать друг с другом, то король не вмешивается в их дело. Если новгородцы или псковичи нагрубят великому князю московскому и тот захочет их казнить, то Казимиру за них не вступаться. Великий князь Иван Федорович рязанский в любви с великим князем московским, старшим своим братом, и потому король не должен обижать его, и если рязанский князь нагрубит Казимиру, то последний обязан дать знать об этом Василию, и тот удержит его, заставит исправиться; если же рязанский князь не исправится, то король волен его казнить, и московский князь не будет за него заступаться; если

же рязанский князь захочет служить королю, то Василий не будет за это на него сердиться или мстить ему.

Войны не было после этого между Москвою и Литвою, но и договор не был соблюдаем; Михаил Сигизмундович был принят в Москве, где и умер в 1452 году, в одно время с знаменитым Свидригайлом; с своей стороны Казимир принял сына Шемяки и потом Ивана Андреевича можайского и Ивана Васильевича серпуховского: Шемячич получил во владение Рыльск и Новгород Северский; Можайский получил сперва Брянск, потом Стародуб и Гомей. Видим новые переговоры между великими князьями – московским и литовским, причем митрополит Иона является посредником. Рязанцы опустошали литовские владения и входили за промыслами туда, куда им издавна входов не бывало; Казимир жаловался на это великому князю рязанскому Ивану Федоровичу, но получил ли удовлетворение – неизвестно.

Московские удельные князья бежали в Литву вследствие стремлений своего старшего, великого князя к единовластию; но чего они не хотели в Москве, тому самому должны были подвергнуться в Литве: они не могли быть здесь князьями самостоятельными и, принимая волости от внука Олгердова, клялись быть его подручниками, слугами, данниками. В тех же самых отношениях к литовскому великому князю были уже давно все князья Рюриковичи Юго-Западной Руси.

Литва не мешала московскому князю утверждать единовластие на северо-востоке по смерти Шемякиной; мешали тому татары: в 1449 году отряд их внезапно явился на берегах реки Похры и много зла наделал христианам, сек и в полон вел. Великого князя обвинили в том, что он любит татар, кормит их, принимает в службу; в настоящем случае поведение Василия получило полное оправдание, потому что против грабителей выступил татарский же царевич Касим из Звенигорода, разбил их, отнял добычу, прогнал в степь. И в следующем году Касим оказал такую же услугу Москве, разбивши татар вместе с коломенским воеводою Беззубцевым на реке Битюге. Но в 1451 году дело было значительнее: великому князю дали весть, что идет на него из-за Волги царевич Мазовша; Василий, не собравшись с силами, вышел было к Коломне, но, услышав, что татары уже подле берега, возвратился в Москву, а всех людей своих отпустил к Оке с воеводою, князем Иваном звенигородским, чтоб препятствовать, сколько можно долее, переправе татар через реку; но Звенигородский испугался и вернулся также назад, только другим путем, а не прямо за великим князем. Между тем Василий, пробыв Петров день в Москве, укрепил (осадил) город, оставил в нем свою мать княгиню Софью Витовтовну, сына князя Юрия, множество бояр и детей боярских, митрополита Иону, жену с другими детьми отпустил в Углич, а сам со старшим сыном Иваном отправился к Волге. Татары подошли к Оке, думая, что на берегу стоит русская рать, и, не видя никого, послали сторожей на другую сторону реки посмотреть, не скрылись ли русские где в засаде. Сторожа обыскали всюду и возвратились к своим с вестью, что нет нигде никого. Тогда татары переправились через Оку и без остановки устремились к Москве и подошли к ней 2 июля. В один час зажжены были все посады, время было сухое, и пламя обняло город со всех сторон, церкви загорелись, и от дыма нельзя было ничего видеть; несмотря на то, осажденные отбили приступ у всех ворот.

Когда посады сгорели, то москвичам стало легче от огня и дыма, и они начали выходить из города и биться с татарами; в сумерки неприятель отступил, а

граждане стали готовить пушки и всякое оружие, чтоб отбивать на другой день приступы; но при солнечном восходе ни одного татарина уже не было под городом: в ночь все убежали, покинувши тяжелые товары, медь, железо. Великая княгиня Софья тотчас же послала сказать об этом сыну, который в то самое время перевозился через Волгу при устье Дубны; Василий немедленно возвратился в Москву и утешал народ, говоря ему: «Эта беда на вас ради моих грехов; но вы не унывайте, ставьте хоромы по своим местам, а я рад вас жаловать и льготы давать». Через три года татары попытались было опять тем же путем пробраться к Москве, но были разбиты полками великокняжескими у Коломны. В 1459 году новый приход татар к берегам Оки: на этот раз отбил их старший сын великого князя, Иоанн Васильевич. На следующий год хан Большой Орды Ахмат приходил с всею силою под Переяславль Рязанский в августе месяце, стоял шесть дней под городом и принужден был отступить с уроном и стыдом. Это было последнее нападение из Большой Орды в княжение Василия; с Казанью был нарушен мир в 1461 году; великий князь собрался идти на нее войною, но во Владимире явились к нему послы казанские и заключили мир.

Новгородцы, или, лучше сказать, новгородские подданные, воевали со шведами и норвежцами не на берегах Невы и Ладожского озера, но в отдаленном Заволочье, на берегах Белого моря: в 1445 году кореляне заволоцкие напали на норвежские владения, перебили и попленили жителей и возвратились поздорову домой. Как видно, чтобы отомстить за это нападение, в следующем году шведы и норвежцы пришли нечаянно в Двинскую губу, на посад Неноксу, повоевали, пожгли, людей перебили и в плен повели; услышавши об этом, двиняне собрались скоро, напали на неприятеля, убили у него троих воевод, взяли в плен сорок человек и прислали их в Новгород; только немногим удалось пометаться в корабли и уйти в море.

Собственные волости новгородские не терпели от шведов; в 1443 году шведский князь из Выборга приехал ратью на миру и крестном целовании на реку Нарову и схватил псковского сына посадничьего Максима Ларионова вместе с 27 человеками, а других перебил; только на следующий год псковичи выкупили Максима с товарищами за 120 рублей, а всех проторей они потерпели 150 рублей. Вреднее была для новгородских волостей война с ливонскими немцами: в 1444 году немцы пожгли посад у города Ямы и берег повоевали, а в Новгород прислали сказать: «Не мы вас воюем, а воюет вас из-за моря князь клеветский, мстит вам за своего проводника и толмача». Князь клеветский действительно ездил через Россию в Палестину и претерпел неприятности, потому что его именем немцы грабили Новгородскую землю.

Зимою новгородцы пошли в Немецкую землю, за Нарову, пожгли и попленили все около Ругодива (Нарвы), по берегам Наровы до Чудского озера. За это магистр Ордена приходил со всеми своими силами под город Яму, бил его пушками и стоял пять дней, пожег и попленил по Вотской земле, по Ижоре и по Неве, но города взять не мог и с уроном должен был возвратиться домой. Новгородцы собрались отомстить ему за это, идти опять за Нарову, но конский падеж помешал походу. В 1446 году съехались было новгородцы с немцами для заключения мира, но магистр захотел Острова, и потому разъехались без мира. Между тем у псковичей происходили с немцами мелкие столкновения; в 1427 году немцы убили шесть человек опочан-бортников, убили на русской земле; другие

подошли к Опочке, посекали и пожгли все на миру и на крестном целовании; иные в то же время косили сено на псковской земле; псковичи за это поехали на них в двух насадах, сено пожгли, схватили 7 человек чуди и повесили их у Выбутска. На следующий год, впрочем, заключен был мир с магистром жителями Юрьева и со всею землею Немецкою, по старому крестному целованию, только без Новгорода, потому что новгородцы не помогли ничем, по словам псковского летописца. Семь лет продолжался этот мир: но в 1436 году псковичи захватили гостей немецких с товарами, всего 24 человека, и посадили их в тюрьму за то, что немцы во время мира стали захватывать псковских рыболовов, а некоторых и убили. В 1443 году заключен был мир на 10 лет; но тотчас же после этого псковичи с князем Александром Чарторыйским поехали под Новый городок немецкий, истребили все жито и повесили 7 чухнов, схвативши их на своей земле. Под 1448 годом псковский летописец говорит о походе новгородцев с князем Александром Васильевичем Чарторыйским против ливонских и тевтонских рыцарей и короля шведского: новгородцы стали на Нарове и бились через реку с немцами; бог помог новгородцам, они побили много врагов, иных побили много на море в судах (бусах), другие потонули в море, 84 человека попались в плен, и с ними два князя; добычи было взято много русскими; в то же время отряд немецкий потерпел поражение под Ямою от новгородцев, бывших под начальством князя Василия Васильевича суздальского. Эта неудача, как видно, заставила немцев быть стоворчивее; в следующем году псковичи отправили своих послов на съезд, на реку Нарову, вместе с послами новгородскими, и заключен был выгодный для русских мир на 25 лет с магистром Ордена и епископом юрьевским: немцы возвратили со стыдом и срамом, по выражению летописца, все старины псковские, которые прежде отняты были юрьевцами. Восемь лет соблюдали этот мир; но в 1458 году началась опять ссора за границы: князь Александр Чарторыйский с посадниками псковскими поехали на спорную землю, сено покосили и велели своим рыболовам рыбу ловить по старине, церковь поставили и чудь перевешали. Но в следующем году поганые латины, не веруя в крестное целование, напали нечаянно на это спорное место, сожгли церковь и десять человек. Псковичи с князем Александром немедленно поехали в насадах и лодьях в Немецкую землю и также много людей, мужчин и женщин, пожгли, мстя за те головы неповинные. Немцы спешили отомстить за своих: въехали в шнеках и в лодьях в Нарову, отняли у псковских рыболовов насаду с пушками и со всем запасом ратным, а в Березской волости выжгли 42 двора, людей же бог сохранил. Но скоро потом приехал посол из Новгорода во Псков, посадник Карп Савинич, с дружиною и объявил, что немцы бьют челом и назначили срок для мирного съезда. Князь Александр вместе с посадником новгородским и псковским и боярами изо всех концов отправились на спорное (обидное) место, обыскали и нашли, что земля и вода принадлежат св. Троице; немцы же, зная свою неправду, не явились на спорное место в назначенный срок. После этого псковичи с своим князем Александром поехали в Немецкую землю и много вреда наделали, повоевали землю Немецкую на 70 верст и три ночи в ней ночевали: много добра пограбили и погостов много пожгли, божницу великую выжгли, сняли с нее крест и четыре колокола; со множеством других пленников привели во Псков и попа немецкого.

Это был последний поход на немцев в княжение Темного. Удачный ли поход псковичей или весть о том, что могущественный князь московский принял дела псковские в свое заведование, заставили немцев желать мира, – только в 1460 же году приехали во Псков немецкие послы бить челом находившемуся тогда здесь сыну великокняжескому Юрию Васильевичу о перемирии; князь Юрий принял их челобитье, и в следующем году большие послы немецкие приехали в Новгород бить челом о перемирии с псковичами на пять лет. Посол великого князя и Новгорода, спросившись с псковичами, послали в Москву гонцов доложить великому князю о просьбе немцев: гонцы говорили Василию, что Новгород и Псков полагают на него упование. Великий князь согласился на пятилетнее перемирие, и оно было заключено с тем условием относительно спорного места, что псковичи будут ловить рыбу на своем берегу, а юрьевцы и епископ их на своем; кроме того, немцы возвратили иконы и все вещи, пограбленные ими в прежнюю войну. В столкновениях своих с финскими племенами приуральскими новгородцы не были счастливы в это время; в 1446 году двое воевод их, Василий Шенкурский и Михаил Яковлев, пошли с трехтысячною заволоцкою ратью на Югру, набрали много добычи и стали вести себя оплошно, чем воспользовались югорцы и обманули их, говоря: «Мы хотим вам дань давать, хотим перечислить, сколько всех нас, указать вам станы, острова и уречища», а между тем собрались и ударили на острог Василия Шенкурского, где перебили 80 человек детей боярских и удалых людей; воевода Василий успел спастись с сыном и небольшою дружиною, другие разбежались по лесу. Товарищ Шенкурского, Михаил Яковлев, был в это время на другой реке; приехавши к Васильеву острогу и видя, что он разорен и люди побиты, стал искать беглецов по реке, и когда все они собрались к нему, то пошли назад в свою землю. А между тем на дороге новгородцев к Уралу стоял город, который не только не признавал над собою власти Великого Новгорода, но и не один раз решался враждовать с ним: то был Устюг Великий: в 1425 году устюжане повоевали землю Заволоцкую; новгородцы пошли за это ратью к Устюгу и взяли с него окуп: 8000 белок да шесть сороков соболей.

С Устюгом легко было справиться новгородцам в 1425 году; то было для них благоприятное время: начало княжения Василия Васильевича, начало смут в Московском княжестве; но тяжек был для Новгорода конец княжения Темного, когда все смуты прекратились и великий князь стал жаловаться, что новгородцы чтут его не так, как следует, его, который держит в руках всех князей русских. В Новгороде знали о жалобах великого князя, и вот владыка Иона, несмотря на свою старость, отправился в Москву, где своими увещаниями и успел на время отклонить от Новгорода последний удар: Иона убедил Василия отказаться от похода на Новгород и обратить все свое внимание на татар, врагов христианства; но скоро смерть положила конец всем предприятиям великого князя. В 1462 году Василий разболелся сухотною болестию и велел пользоваться себя обыкновенным тогда в этой болезни лекарством, зажигать на разных частях тела трут по нескольку раз; но лекарство не помогло; раны загнили, и больному стало очень тяжело; он захотел постричься в монахи, но другие не согласились на это, и 27 марта, в субботу, на четвертой неделе великого поста, Василий скончался.

Желая узаконить новый порядок престолонаследия и отнять у враждебных князей всякий предлог к смуте, Василий еще при жизни своей назвал старшего сына Иоанна великим князем, объявил его соправителем; все грамоты писались от

имени двух великих князей. Димитрий Донской первый решился благословить старшего своего сына великим княжением Владимирским, потому что не боялся ему соперников ни из Твери, ни из Нижнего; Василий Дмитриевич не решился благословить сына своего утвердительно великим княжением, зная о притязаниях брата своего Юрия. Василий Темный не только благословляет старшего сына своего отчиною, великим княжением, но считает великое княжение Владимирское неразрывно соединенным с Московским, вследствие чего Владимир и другие города этого княжества смешивает с городами московскими. До сих пор в завещаниях своих князья прежде всего распоряжались отчинными своими Московскими волостями и потом уже благословляли старшего сына великим княжением Владимирским утвердительно или предположительно; но Василий Темный начинает с того, что благословляет старшего сына отчиною своею, великим княжением, потом дает ему треть в Москве, Коломну, и за Коломною следует Владимир – отдельно от великого княжения, за ним города, принадлежавшие прежде к Владимирской области, – Переяславль и Кострома; за Костромою следует Галич, за Галичем – Устюг, который до сих пор не упоминался в завещаниях княжеских, равно как Вятка и Суздаль, что все отказывается старшему сыну, великому князю, вместе с Новгородом Нижним, Муромом, Юрьевом, Великою Солью, Боровском, Суходолом, Калугою, Алексинем – огромные владения в сравнении с теми, которые были отказаны самому Василию отцом его. Второй сын, Юрий, получил Дмитров, Можайск, Медынь, Серпухов и Хатунь; третий сын, Андрей Большой, получил Углич, Бежецкий Верх и Звенигород; четвертый, Борис, – Ржеву, Волок и Рузу; пятый, Андрей Меньшой, – Вологду с Кубеною, Заозерьем и некоторыми Костромскими волостями. Жене своей великий князь отказал московскую часть Ростова с тем, чтобы по смерти своей она отдала ее второму сыну, Юрию. Таким образом, старший получил городов гораздо больше, чем все остальные братья вместе, не говоря уже о значении городов и величине областей; замечательно, что все уделы младших братьев назначены на севере и западе, отчасти юге, тогда как весь восток сплошь составляет участок старшего, великого, князя; замечательно также, что в уделы младшим отданы те волости, которые и прежде были уделами, область же великого княжения Владимирского и примыслы – Нижний, Суздаль и Муром – без раздела переходят к старшему брату, которому даны были все материальные средства держать младших под своею рукою.

В княжение Темного чаще, нежели прежде, встречаются имена служилых князей, бояр и воевод московских. Еще в княжение Василия Дмитриевича мы видели, как литовский выходец князь Юрий Патрикеевич отеснил (заехал) некоторых бояр и занял первое место между ними. И в княжение Темного князь Юрий Патрикеевич водил в поход полки московские, но неудачно: он был разбит и взят в плен Косым и Шемякою; но после, под 1437 годом, мы видим его опять в Новгороде в качестве посла великокняжеского. Сын его Иван Юрьевич наследовал отцовское место: под духовною Темного он подписался прежде всех; этот Иван Юрьевич замечателен тем, что участвовал в покорении Вятки. Из князей Рюриковичей на службе московского князя виднее других являются князья Ряполовские и Палецкий, потомки Ивана Всеволодовича Стародубского, и Оболенские, потомки св. Михаила черниговского. Мы видели, какую важную услугу оказали Ряполовские семейству великого князя; из четверых братьев –

Ивана, Семена, Дмитрия и Андрея Лобана Ивановичей – Семен известен неудачным походом под Вятку, Дмитрий – удачным, Андрей Лобан убит в сражении с татарами под Белевом, двоюродный брат их князь Федор Давыдович Палецкий-Пестрый известен победою над татарами в 1428 году. Из шести сыновей князя Ивана Константиновича Оболенского трое внесли свои имена в летопись: Василий, Семен и Глеб; Василий разбил татар под Переяславлем Рязанским в 1444 году; Семен явился ревностным приверженцем Темного, по ослеплении которого бежал в Литву вместе с князем Василием Ярославичем; Глеб был убит Косым; сын Василия Ивановича Оболенского, князь Иван Васильевич Стрига, подобно отцу, известен победами: он отбил Шемяку от Костромы в 1449 году, потом разбил новгородцев под Русою. Из потомков св. Михаила черниговского упоминается также князь Федор Тарусский; по родословным, это должен быть один из князей Мезецких, упоминается и несколько других князей северного происхождения. Из старых московских знатных фамилий прежнее значение удерживает фамилия Кобылиных-Кошкиных, которой представителями в княжение Темного являются Андрей Федорович Голтыев, внук старого главного советника при Василии Дмитриевиче, Федора Кошки, чрез второго сына его, Федора Голтяя, и другой внук того же Федора Кошки через третьего его сына, Александра Беззубца, Константин Александрович Беззубцев. Андрей Федорович Голтыев уговаривает князя Ивана Можайского не отставать от Василия Васильевича при торжестве дяди Юрия, в 1435 году он попадает в плен к Косому в Вологде; в 1438 ведет переговоры с ханом Улу-Махметом у Белева; в 1444 году вместе с князем Василием Ивановичем Оболенским разбивает татар у Переяславля Рязанского; Константин Александрович Беззубцев разбивает татар в 1450 году. Что касается до старшего их двоюродного брата Ивана Ивановича, сына того знаменитого советника при великом князе Василии Дмитриевиче, на которого так жаловался Эдигей, то, по всем вероятностям, это тот самый боярин Иван Иванович, который подписался под завещанием Темного на втором месте после князя Юрия Патрикеевича и который вместе с князем Иваном Юрьевичем покорил Вятку. Из знаменитой фамилии Акинфых упоминается Федор Михайлович Челяднин. Верными слугами Темного являются члены другой древней фамилии – Плещеевы: Михаил Борисович и двоюродный брат его Андрей Федорович, правнуки Александра Плещеева, младшего брата св. Алексея, митрополита: Михаил был отправлен захватить Москву под Шемякою, Андрей – объявить в Москве об освобождении великого князя из татарского плена. Одного рода с известною нам прежде фамилиею Белеутовых было двое братьев Сорокоумовых – Иван Ощера и Дмитрий Бобр, вместе с знаменитым Басенком отличившие себя верностию к Темному; действовавший с ними заодно Семен Филимонов принадлежал к роду Морозовых, был родной племянник известного Семена Морозова, любимца князя Юрия Дмитриевича; Юрий или Юшка Драница, литовский выходец, был вторым воеводою в Нижнем, потом действовал вместе с поименованными лицами в пользу Василия Темного и был убит под Угличем: летопись называет его храбрым человеком; Василий Федорович Кутузов, потомок слуги Александра Невского, был послан Темным к Шемяке требовать возвращения из плена великой княгини Софьи Витовтовны. Это все приверженцы Темного; врагом его оказался Иван Старков, который был наместником в Коломне и приставом при Шемяке, когда последнего отослали в Коломну под стражу; этот

Старков, по родословным, причитается внуком татарского царевича Серкиза, выехавшего из Большой орды при Димитрии Донском. Из бояр Шемякиных главными советниками своего князя выставлен Никита Константинович с братьями; Михаил Федорович Сабуров, потомок мурзы Чета перешел от Шемяки к Темному. Дьяками у последнего были Федор и потом Василий Беда.

Глава третья

Внутреннее состояние русского общества от кончины князя Мстислава Мстиславича Торопецкого до кончины великого князя Василия Васильевича Темного (1228–1462)

Общий ход событий. – Причины усиления Московского княжества. – Московские волости. – Их судьба по княжеским завещаниям. – Способы их увеличения. Границы их. – Перемены в отношениях между старшим и младшими князьями. Положение женичины в роде княжеском. – Служебные князья. – Титулы княжеские. – Печати. – Посаждение на стол. – Отношение к татарам. – Законодательная власть князя. Финансы. – Богатство князей. – Жизнь русского князя на севере и юге. Положение дружины. – Войско. – Характер войны. – Города. – Сельское народонаселение. – Казаки. – Бедствия политические и физические. – Торговля. – Деньги. – Искусство, ремесла. – Церковь. – Законодательные памятники. – Международное право. – Правы. – Обычаи. – Литература. – Летописи. – Общий ход русской истории до образования Московского государства.

Мы обозрели события более чем двухсотлетнего периода времени – от смерти Мстислава торопецкого до смерти Василия Темного. Мы остановились на смерти Удалого, потому что это был последний князь, который связывал еще судьбы обеих половин Руси, Северной и Южной, который, будучи представителем последней, оказал между тем сильное влияние и на судьбы первой, тогда как прежде, при Андрее Боголюбском и Всеволоде III, наоборот, Южная Русь подчинялась влиянию Северной, князь последней считался старшим, главным князем, без которого князь южные не могли обойтись, по собственному их признанию. Следя за внутреннею связью явлений, наблюдая за переходом от старого быта Руси к новому, от родовых княжеских отношений к единовластию, мы заметили в Северной Руси внутренние условия, благоприятствующие этому переходу, заметили несостоятельность Южной в этом отношении. Еще прежде Мстислава, при Романе Великом, можно заметить, что и в Южной Руси главная сцена действия готова уже оставить Приднепровье, славные горы Киевские и перенестись в богатую область Галицкую, издавна служившую посредницею между Русью и миром западным; Мстислав умирает в Галиче, и там же является достойный ему преемник в сыне Романовом Данииле. Не менее Мстислава доблестный, но не странствующий герой, подобный ему, Даниил отчинными преданиями привязан к одной известной области; он с ранней молодости не знает покоя, чтобы добыть отцовское наследие; добывши его, заботится об нем,

устанавливает наряд внутренний, старается защитить от татар, ятвягов и Литвы, старается распространить свое влияние на севере и западе. Будущность Южной Руси в руках Даниила и его потомства, в котором историк надеется увидеть собирателей Русской земли на юге; но надежды эти оказываются обманчивыми. Южная Русь не собирается в одно самостоятельное целое; большая часть ее подчиняется князьям литовским, меньшая отходит к Польше. Литва и Русь соединяются с Польшею под одну династию; но соединение это оказывается внешним, непрочным, слияния внутреннего, государственного и народного нет, и причина этого заключается в том, что большую часть владений князей литовских составляют русские области, большую часть их подданных составляет русское православное народонаселение, которое с самого начала, будучи затронуто в самом существенном своем интересе, должно было вступить в борьбу с католическими стремлениями Ягеллонов и преемников их. Историк должен со вниманием и участием следить за этою борьбою по тому великому значению, какое имела она, и особенно исход ее, на судьбы России, на судьбы Восточной Европы, но при этом внимании и участии он не может дать истории Юго-Западной Руси равного места, равного значения с историею Руси Северо-Восточной, где вследствие внутренних движений образовалось самостоятельное Русское государство, и важность Юго-Западной Руси, важность исхода борьбы ее с Польшею для судеб Восточной Европы условливается самостоятельным существованием Московского государства на севере; довольно сказать, что история Юго-Западной Руси после Гедимина и Казимира Великого немыслима одна, сама по себе, но только в связи с историею Литвы и Польши. Итак, если несправедливо, в научном отношении неверно и односторонне упускать из виду Юго-Западную Русь после отделения ее от Северо-Восточной, поверхностно только касаться событий ее истории, ее быта и отношений к Литве и Польше, тем более что ее быт представляет постоянно народные русские особенности и самая видная сторона ее отношений к Литве и Польше есть борьба для поддержания основ русской народности, то, с другой стороны, также несправедливо, также неверно историю Юго-Западной Руси ставить наряду с историею Северо-Восточной: значение Юго-Западной Руси остается всегда важным, но всегда второстепенным; главное внимание историка должно быть постоянно обращено на север.

Здесь благодаря Мстиславу торопецкому и Липецкой победе старший сын Всеволода III, Константин, усиливается не в пример перед братьями, которые как побежденные должны были удовольствоваться ничтожными волостями, данными из милости победителем. Но преждевременная смерть Константина помешала ему воспользоваться своим выгодным положением и упрочить могущество сыновей своих, которые должны были удовольствоваться одною Ростовскою волостью. Очередь усиливаться перешла к Юрию; но этот Всеволодович погиб от татар со всем семейством своим и двумя племянниками Константиновичами. Оставались еще трое Всеволодовичей, и старшим между ними был Ярослав. Этот князь уже давно из всех сыновей Всеволодовых отличался предприимчивым духом, охотою к примыслам; будучи еще только князем переяславским, он не отставал от Новгорода, все старался привести его в свою волю, несмотря на урок, заданный ему Мстиславом на Липице. По отношениям новгородским он завел ссору с Черниговом и, не надеясь получить скоро старшинства на севере, бросился на юг

и овладел Киевом. Татары истреблением семейства Юриева очистили Ярославу великое княжение и обширные волости для раздачи сыновьям своим. Он отдал Суздаль брату Святославу, Стародуб – другому брату, Ивану; свою отчину, Переяславль, передал нераздельною старшему сыну Александру, остальных же пятерых сыновей поделил волостями из великого княжения, не давши ничего из него потомкам Константиновым. Неизвестно, что он дал второму сыну своему, Андрею, вероятно Юрьев, который уступил ему Святослав Всеволодович за Суздаль; третий сын, Константин, получил Галич, четвертый, Ярослав, – Тверь, пятый, Михаил, – Москву, шестой, Василий, – Кострому. Таким образом, вся почти Владимирская область явилась в руках сыновей Ярославовых: что могли предпринять против этих шестерых князей дядья их – князья суздальский и стародубский? Ясно, что при ослаблении родовых понятий по смерти Ярослава брат его Святослав не мог долго держаться на старшем столе, был изгнан Михаилом Ярославичем московским, а после даже лишился и Суздаля, который перешел к Ярославичам же, а Святослав и его потомство должны были удовольствоваться опять одним Юрьевом. При этом надобно заметить, что сыновья Ярославовы и по личному характеру своему были в уровень своему положению, могли только распространить и укрепить отцовское наследство, а не растратить его: Александр получил название Невского, в отваге Андрея нельзя сомневаться, когда он решился поднять оружие против татар; Михаил прозывается Хоробритом, Ярослав идет постоянно по следам отцовским, постоянно хлопочет о примыслах, хочет привести Новгород в свою волю, но не может этого сделать, потому что Василий костромской также не хочет спокойно смотреть на деятельность старших братьев. Кратковременная вражда между Александром Невским и братом его Андреем не могла принести вреда семье Ярославовой; важное значение Невского не ограничивается только подвигами его против шведов, немцев, литвы и благоразумным поведением относительно татар: в нем с первого же раза виден внук Всеволода III и дед Калиты; он страшен Новгороду не менее отца и деда; в великом княжении распоряжается по-отцовски; Переяславскую отчину без раздела отдает старшему сыну Димитрию, остальных сыновей наделяет волостями великокняжескими: Андрею отдает Городец с Нижним, Даниилу – Москву, выморочный удел Михаила Хоробрита. По смерти Невского Ярославу тверскому помешал усилиться Василий костромской, но сам умер скоро и беспотомственно, очистив таким образом старший стол для сыновей Невского; здесь повторяется то же явление: Димитрию переяславскому мешает усилиться Андрей городецкий; начинается продолжительная усобица, во время которой старшие Александровичи истощают свои силы, не могут сделать ничего для своего потомства, притом же сын Димитрия умирает бездетным; а между тем во время этой усобицы князей переяславского и городецкого в тиши усиливаются два княжества: Тверское – при сыне Ярослава Ярославича, Михаиле, и Московское – при младшем сыне Невского, Данииле. Соперничество между ними по этому самому необходимо; но будет ли это соперничество последним?

До сих пор при стремлении северных князей к примыслам, к увеличению своих волостей, своих материальных средств, они обыкновенно стараются привести в свою волю Новгород Великий, утвердиться здесь прочнее прежних князей; но борьба с Новгородом ни для одного из них не увенчивается полным успехом; средства князей еще не так велики, средства Новгорода обширны;

притом же предприятие слишком важно, слишком громко, возбуждает внимание, опасение других князей, которые стараются ему воспрепятствовать. Московские князья при начале своего усиления поступают благоразумнее: вооружаются против ближайших соседей, слабых, с которыми легко сладить, притом же примыслы на их счет слишком далеки от главной сцены действия, не могут возбудить подозрения и сильного противодействия. Даниил Александрович вооружается против Рязани, берет в плен ее князя, упрочивает за своим княжеством Коломну, важный пункт при устье Москвы-реки в Оку; сын Даниилов Юрий обращается на другую сторону, берет Можайск у Смоленского княжества, также важный пункт при верховьях Москвы-реки. Гораздо заметнее, крупнее по тогдашним отношениям было приобретение Переяславля Залесского, доставшегося Даниилу по завещанию бездетного племянника Ивана Димитриевича: Андрей городецкий не хотел уступить Переяславля московскому князю; не хотел уступить ему его и Михаил тверской, когда стал великим князем владимирским, но Москва крепко держалась за свой примысл, несмотря на то что и ее князья, до самого Василия Темного, признавали Переяславль волостию великого княжения. Уже одно держание Переяславля могло повести к усобице между Москвою и Тверью кроме явного намерения Юрия спорить с Михаилом и о самом Владимире. Борьба сначала решилась было в пользу Твери; но мы уже видели, что все великие князья стремятся примыслить к своей отчине Новгород: не мог не последовать отцовскому примеру и Михаил тверской, ближайший сосед Новгорода. Но мы заметили также, что предприятие против богатого Новгорода было для князя довольно затруднительно: и теперь, стесненные Михаилом, новгородцы обращаются к Юрию московскому, и нет сомнения, что деньги их всего более помогли последнему успеть в Орде и сблизиться, породниться с семейством ханским, что и было причиною гибели Михайловой. Но Тверь не пала вместе с Михаилом; Юрий, хлопотавший так много для примыслов, не разбиравший средств для них, прошедший всю жизнь в беспокойствах, странствованиях, не воспользовался плодами своих тяжких и непривлекательных трудов, погиб беспотомственно в Орде от руки сына Михайлова. Но ему наследовал брат его Иоанн Калита, и если Александр Михайлович тверской получил от хана великое княжение Владимирское, то Калита перезвал к себе в Москву митрополита, что было важнее всяких ярлыков ханских.

Борьба, следовательно, не кончилась; Калита ждал удобного случая, и вот в Твери вспыхнуло восстание, вырезали татар; Калита с татарским войском опустошил, обессилил вконец Тверское княжество и погубил потом Александра в Орде. Москва восторжествовала и, не имея более соперников, стала собирать Русскую землю.

Изложивши ход событий, вследствие которого княжество Московское усилилось на счет всех остальных княжеств и собрало около себя Русскую землю на севере, мы должны еще обратить внимание на некоторые обстоятельства, благоприятствовавшие усилению Москвы. Здесь, разумеется, прежде всего мы должны обратить внимание на географическое положение Москвы и ее области. Уже прежде, в своем месте, было замечено о важном значении Москвы как срединного, пограничного места между старою, Южною, и новою, Северною, Русью. Когда Южная Русь потеряла свое значение, княжества обессилели от усобиц, размельчения волостей и особенно от погрому татарского, после которого

не было здесь более безопасности, то необходимо должно было усилиться переселение народа с юга на север, в места более безопасные, и первым пограничным княжеством было Московское: боярин Родион Несторович пришел из Киева в Москву на службу к ее князьям и привел с собою 1700 человек дружины; черниговский боярин Плещеев вследствие татарских опустошений также перешел в Москву. Но если переселялись дружинники, то нет основания полагать, что не переселялись люди других сословий. Притом же кроме Южной Руси в Московское княжество должно было стекаться народонаселение и из ближайших областей – Рязанской, Тверской, Ростовской, постоянно менее безопасных, чем область Московская; пограничная с степью, Рязанская волость часто терпела от татарских нападений, тогда как Москва после 1293 года до самого Тохтамышева нашествия не слыхала о них. Тверское княжество было страшно опустошено татарами и Калитою, потом здесь начинаются усобицы княжеские, заставлявшие жителей, по прямому свидетельству летописи, переселяться в другие области; в Ростовском княжестве насилия москвичей при Калите заставили многих жителей из городов и сел перейти в московские владения. Увеличение народонаселения в княжестве вместе с его продолжительною безопасностью увеличивало доходы княжеские, и отсюда объясняется, почему уже Калита был так богат, что мог покупать целые княжества, как Белоозеро, Углич и Галич; но что же заставило князей белозерского и галицкого продать свои волости Калите? По всем вероятностям, невозможность платить выходы ордынские. Обилие в деньгах не только позволяло московским князьям увеличивать свои владения внутри и удерживать за собою великокняжеское достоинство, задаривая хана и вельмож его; оно давало им еще новое средство увеличивать народонаселение своих волостей, скупая пленных в Орде и поселяя их у себя; так произошел особенный класс народонаселения – ордынцы, о которых часто упоминается в завещаниях и договорах княжеских; не говорим уже о том, что обилие в деньгах позволяло московским князьям давать переселенцам большие льготы, чем какие они могли получить в других областях, от других, менее богатых князей.

Любопытно, что древние путешественники, хваля плодородие Владимирской и Нижегородской областей, называют область собственно Московского княжества малоплодородною. Мы знаем, что относительно плодородия почвы Владимирская область не имеет преимуществ пред Московскою, и потому известие путешественников может быть объяснено только более ранним истощением московской почвы вследствие более раннего и более густого населения.

Кроме увеличения доходов, зависевшего от умножения народонаселения, казна московских князей должна была обогащаться также вследствие выгодного торгового положения их области, которая не только была посредствующею областью между севером и югом, но также благодаря своей реке посредствовала в торговом отношении между северо-западом и юго-востоком. Впоследствии мы видим большой торговый путь из Азии в Европу и обратно по Волге, Оке и Москве-реке; видим указания путешественников на важность торгового положения Московской области вследствие удобства речной системы; нет сомнения, что этот торговый путь существовал и в описываемое время, и прежде: этим объясняется, почему торговые новгородцы утвердили свое владение на

Волоке Ламском, важном торговом пункте между рекою Москвою, притоком Оки, Ламою, притоком Волги, и озерною их областью.

Но кроме Волжского торгового пути Москва-река имела важное торговое значение для Новгорода как путь в Рязанскую область, богатейшую естественными произведениями из всех областей Северо-Восточной Руси, по уверению путешественников, и особенно изобилующую медом и воском, а этими товарами, как известно, Россия чрез Новгород и Псков снабжала всю Европу.

Важно было положение Москвы в середине, на границе между Северною и Южною Русью, в политическом отношении; важно было посредничество ее речной области между юго-востоком и северо-западом в отношении торговом; думаем, что срединность положения ее между Северною и Южною Русью имела немалое значение и в отношении церковном. Всероссийские митрополиты, пребывавшие на юге, в Киеве, после того как этот город потерял значение, перешедшее на север, и после погрома татарского должны были обратить особенное внимание на Русь Северо-Восточную, куда, видимо, перенеслась главная сцена действия русского православного мира. Митрополиты начинают часто путешествовать с юга на север и наконец утверждают свое пребывание во Владимире Клязьменском; но в то же время, блюдя единство русской церкви, не переставая называться митрополитами киевскими и всея Руси, они не могли оставить без внимания и Руси Юго-Западной; в этом отношении Владимир не мог быть для них удобным местопребыванием, находясь слишком далеко на Северо-Востоке, тогда как Москва, пограничный город между старою и новою Русью вполне удовлетворяла потребности всероссийского митрополита, долженствовавшего одинаково заботиться и о севере и о юге.

Таковы были обстоятельства, содействовавшие усилению Московского княжества; обратимся теперь к рассмотрению волостей этого княжества и их постепенного увеличения. Вот Московские волости, как они, подробно исчисленные, являются в первый раз в завещании Иоанна Калиты. «Приказываю сыновьям своим, – пишет Калита, – отчину свою Москву, а вот как я разделил им волости». Из этих слов видим, что город Москва находится в общем владении сыновей завещателя; в таком же общем владении Москва продолжает находиться у всего потомства Калиты. Общее владение Москвою противопоставляется частному, отдельному владению каждого князя известными волостями, уделу. Эти уделы сыновей Калиты были следующие: удел старшего сына Симеона: Можайск, Коломна со всеми Коломенскими волостями, Городенка, Мезыня, Песочна, Середокорытна, Похряне, Устьмерска, Брошевая, Гвоздна, Иваны деревни, Маковец, Левичин, Скулнев, Канев, Гжеля, Горетова, Горки, село Астафьевское, село на Северьске в Похрянском уезде, село Константиновское, село Орининское, село Островское, село Копотенское, селце Микульское, село Малаховское, село Напрудское у города. Удел второго сына, Иоанна: Звенигород, Кремична, Руза, Фоминское, Суходол, Великая свобода, Замошская свобода, Угожь, Ростовци, Окатьева слободка, Скирминовское, Тростна, Негуча; села: Рюховское, Каменичское, Рузское, Белжинское, Максимовское, Андреевское, Вяземское, Домонтовское, село в Заможской свободе, село Семцинское.

Удел князя Андрея Иоанновича: Лопастна, Северска, Нарунжское, Серпухов, Нивна, Темна, Голичичи, Щитов, Перемышль, Ростовец, Тухачев; села: Талежское, Серпуховское, Колбасинское, Нарское, Перемышльское, Битяговское,

Труфоновское, Ясиновское, Коломнинское, Ногатинское. Княгине с меньшими детьми завещаны: Сурожик, Мушкина гора, Радонежское, Бели, Воря, Черноголовль, на Вори – свободка Софроньевская, Вохна, Дейково Раменье, Данилищева свободка, Мишев, Селна, Гуслицы, Раменье; села: Михайловское, Луцинское, село у озера, село Радонежское, Дейгунинское, Тыловское, Ротожь, Протасьевское, Аристовское, Лопастенское, Михайловское на Яузе, два села Коломенских. В духовной у Калиты означены и прикупы его: село Аваковское в Новгороде, на Улале, Борисовское во Владимире, которые оба отданы князю Симеону, четыре села на Масе, Петровское, Олексинское, Вседобричь и Павловское; половина их была куплена, и половина выменена у митрополита; все они отданы князю Ивану. Два села: Варварское и Меловское у Юрьева – князю Андрею. Новое селце, купленное на Костроме, вместе с покупкою бабки Калитиной, жены Александра Невского, селом Павловским, завещатель отказал жене своей. Купленное в Ростове село Богородицкое отдано в поместье Бориску Воркову. Три селца, одно на Кержачи, другое Леонтьевское, третье Шарাপовское, отданы св. Александру на поминанье. Но в духовных Калиты умолчано о важных прикупках, о которых говорится в завещании Донского, – о Галиче, Белеозере и Угличе, оставшихся, по всем вероятностям, еще за прежними князьями своими на известных условиях; умолчано также и о другом прикупе – Кистме в Бежецком Верхе, которая впервые упоминается в завещании Василия Димитриевича.

В договоре великого князя Симеона с братьями встречаем уже новые села: Новое село на Купавне и Вышневолокское означены во владении великого князя; села: Михайловское, Микульское на Пруженке, Микифоровское и Парфеньевское – во владениях младших братьев – Ивана и Андрея. Из шестерых сыновей Симеона Гордого ни один не остался в живых; Симеон завещал весь свой удел, все свое движимое и недвижимое имение жене Марии, не означив в духовной, кому все это имущество должно принадлежать по ее смерти. Но добровольно или нет, Мария еще при жизни передала свои волости великому князю Иоанну, оставив за собой только два примысла мужа своего; да и те обязалась передать по своей смерти великой княгине Александре, жене Иоанновой, причем у великого князя не было никакого дележа с племянником Владимиром Андреевичем. Таким образом при Иоанне II две части Московского княжества (Коломенско-Можайская и Звенигородская), как они были при Калите, соединились опять в один участок. В завещании Симеона Гордого упоминаются следующие новые волости, ему принадлежавшие: Заячков, которым благословила его тетка, княгиня Анна, и Гордошевичи; потом села: Ивановское, село на Клязьме Хвостовское, Дейгунинское, село на Сулешне погосте; купли в Переяславле: село Самаровское, Романовское на Кержаче, Ортаковское в Юрьевской волости, село Семеновское во Владимирской волости, село на Костроме Александровское, село в Дмитрове и Заберег.

Иоанн II, умирая, разделил свой участок двоим сыновьям – Димитрию и Иоанну, и таким образом Московское княжество опять разделилось на три части, как по смерти Калиты: Коломенско-Можайский удел Симеонов отдан был старшему сыну Димитрию; здесь при исчислении Коломенских волостей между Каневом и Гжелею встречаем Каширу; примыслов Симеоновых – Заячкова и Заберега – нет, потому что они оставались при вдове Симеоновой, Марии; но неизвестно, почему нет других примыслов Симеоновых, равно села

Астафьевского; зато встречаем названия новых волостей: село Малино, село Холмы, Мещерка у Коломны. Младший сын Иоанн получил прежний отцовский удел Звенигородский; здесь вместо Великая свобода встречаем название Истерва свобода; нет Угожа, Акатьевои свободки и Скирминовского; из сел нет Рузского, Белжинского, Вяземского, Семцинского, вместо которых встречаем: Михалевское, село на Репне в Боровеце, Милцинское, Выславское, Кузминское, Каринское и Козловское. Из мест Рязанских по сю сторону Оки дан Владимиру Андреевичу Новый городок на устье Поротли, а другие Рязанские места – князьям Димитрию и Иоанну; Димитрию же – село на Рокше Романовское, и Ивану – село Афинеевское да селце у Павловского села, само же село Павловское – св. Александру впрок – на память. Жене своей Александре Иоанн завещал село Семцинское, которого потому и недостает между волостями Ивановыми; потом из уделов обоих сыновей выделил ей волости в пожизненное владение, а после смерти ее они отходили к уделу того князя, у которого были взяты; из Коломенских волостей были ей выделены: село Лысцевское вместе с Похрянами, Песочною и Середокорытною; из Звенигородских: Угожь, Великая свобода Юрьева, село Кляповское и Белцинское с Новым селцем. В завещании Иоанна II встречаем также распоряжение относительно волостей мачехи его, жены Калиты, княгини Ульяны: волости ее – Сурожик и Лучинское – после ее смерти поступают к ее дочери, остальные же волости и пошлина в Москве, называемая осмничим, по ее смерти переходили к князьям Димитрию, Ивану и двоюродному брату их Владимиру Андреевичу.

Князь Иван скоро умер, и опять две части Московского княжества соединились в одних руках – Димитрия, как были они в руках отца его Иоанна; притом же Димитрий успел увеличить свои владения примыслами, которые делали не так чувствительным раздробление волостей на пять или даже на шесть участков – по числу сыновей его.

Важнее всех примыслов было то, что старший сын Донского Василий получал Владимирскую великокняжескую область бесспорно, по завещанию отцовскому, что утешало его в лишении Можайской волости, которая вместе с Коломною доставалась до сих пор постоянно старшему. Относительно Москвы (в которой Димитрий владел только двумя частями, а третья принадлежала двоюродному брату его Владимиру Андреевичу) завещатель увеличил долго старшего, которому дана половина, а другим братьям – части остальной половины; встречаем в первый раз выражение старший путь. «Сына своего князя Василия, – говорит Донской, – благословляю на старший путь в городе и в станах моего удела – двух жребиев половина, а трем сынам моим половина, и в пошлинах городских половина». Кроме того, на старший путь великому князю Василию отказано Василцево сто и Добрятинская борть с селом Добрятинским.

Между Коломенскими волостями первое место занимает Мещерка, встречающаяся в первый раз в завещании отца Димитриева, потом Раменка, которой не встречаем прежде, по крайней мере в этой форме; из прежде известных Коломенских волостей нет Мезыни, Середокорытны, Горетовой, Горок; но зато встречаются новые волости: Кочема и Комарев с берегом. Из сел, принадлежавших прежде к уделу старшего сына, нет Астафьевского, села на Северьске, Микульского и Напрудского; вместо них встречаем Митин починок, Жирошкины деревни, Хвостовское на Клязьме, встречающееся в первый раз в

завещании Симеона Гордого. Надобно заметить также, что из Коломенских волостей Левичин, Скулнев и следующие за ними в завещании Донского названы деревнями. Подле Москвы великому князю Василию отказан луг великий за рекою.

Второму сыну, Юрию, отдан удел Звенигородский; здесь между прежними волостями встречаем новые: Сурожик и Бели, бывшие за княгинею Ульяною, потом Вышегород, Плесь и Дмитриева слободка. Из московских сел Юрий получил только Михалевское и Домантовское с Ходынским лугом.

Для третьего сына, Андрея, уже надобно было выделить из прежнего удела Коломенско-Можайского Можайск с его волостями, которые теперь впервые перечисляются: Исмея, Числов, Боянь, Берестов, Поротва, Колоча, Тушков, вышнее Глинское, Пневичи с Загорьем, Болонск; к Можайскому же уделу приданы были волости: Коржань и Моишин Холм, равно как отъездные волости: Верея, Рудь, Дордошевичи (примысл Симеона Гордого), Гремичи, Заберега (примысл Симеона Гордого), Сушов, село Репнинское, принадлежавшее прежде к уделу Звенигородскому.

Из московских сел: Напрудское, принадлежавшее прежде к волостям старшего брата, Луцинское на Яузе с мельницею и Деунинское (оба из волостей княгини Ульяны), Хвостовское в Перемышле, луг Боровский и другой против Воскресенья; из юрьевских сел – село Алексинское на Пешке.

Так были разделены на три удела два участка Московского княжества, в буквальном смысле отчина и дедина Димитриева; но у Димитрия оставались еще другие сыновья, которым также надобно было назначать уделы, и для этого послужили примыслы.

Летописи не говорят, каким образом был примышлен Дмитров; мы знаем только, что этот город вместе с Галичем находился во владении потомков Константина Ярославича; Галич был куплен Калитою, но князь его окончательно изгнан из своей волости Димитрием Донским; вероятно, в то же время приобретен был и Дмитров.

Умирая, Донской отдает этот примысл четвертому сыну, Петру; волости Дмитревские означены следующие: Вышегород, Берендеева слобода, Лутосна с отъездцем, Инобаш; к этой небольшой волости приданы были еще старые места московские, большею частию волости княгини Ульяны: Мушкова гора, Ижва, Раменка, слободка князя Иванова, Воря, Корзенево, Рогож или Ротож, Загарье, Вохна, Селна, Гуслица, Шерна-городок.

Из московских сел: Новое и Сулишин погост (приобретение Симеона Гордого). Пятому сыну, князю Ивану, отделена была маленькая волость: Райменице с бортниками, село Зверковское с Сохонским починком, что отошло от князя Владимира Андреевича, и Сохна.

Кроме Дмитрова были окончательно примышлены при Донском Галич, Белоозеро и Углич: Галич отдан князю Юрию со всеми волостями и с теми селами, которые тянули к Костроме, – Никольским и Борисовским. Белоозеро отдано князю Андрею со всеми волостями, и Вольским с Шаготью, и с Милолюбским езом, и с слободками. Углич отдан князю Петру вместе с Тошною и Сямою. Потом прикуплены были села: Красное, Елизаровское и Проватово в Юрьеве, Васильевское в Ростове; все они отданы были старшему сыну Василию. Село Козмодемьянское в Юрьеве с починком Красного села за Везнею и село

Богородицкое в Ростове отданы были сыну Юрию. Примышлены были волости изменника Ивана Вельяминова и одна из них – село в Гремичах – отдана была князю Андрею. Вероятно, при Донском же присоединены были к Московскому княжеству Калуга и Роща; вытяганы были у смольнян Тов (?) и Медынь, и все это отдано князю Андрею. Князю Петру был отдан примысл: село Богородицкое на Богоне в Юрьеве. Великой княгине Евдокии завещаны примыслы: Скирменевская слободка с Шепновым, Смоляные с Митяевским почином и с бортью, с вышегородскими бортниками, Кропивна с бортниками кропивенскими, исменскими, гордошевскими, рудскими, Железна слободка с бортью и селом Ивана Хороброва, Исконская слободка, Кузовская слободка; на Коломне примысл – Самойлецов починок с деревнями, Савельевский починок, Микульское село, Бабышево, Ослебятевское; из юрьевских покупок – Петровское село, Фроловское, Елох. Княгиня Федосья (должно быть, дочь Калиты от второй жены) отдала великому князю Суду на Белеозере, да Калашку и Слободку, а великую княгиню благословила Городком и Волочком; этими волостями, впрочем, она пользовалась во все продолжение жизни своей, после же смерти ее они отходили к великой княгине. Сама великая княгиня прикупила себе Лохно; кроме того, ей выделено было в пожизненное владение по несколько волостей из удела каждого сына; из великокняжеской Владимирской области она получила в Переяславском уезде Юлку, в Костромском – Иледам с Комелою; из Галича – Соль; из Бела-озера – Вольское с Шаготью и Милолюбский ез; из владимирских сел – Андреевское; из переяславских – Доброе село; из Коломенского уезда – Канев, Песочну, а из сел: Малинское, Лысцево; из Звенигородского удела: Юрьеву слободу.

Суходол с Истьею и с Истервою, села – Андреевское и Каменское; из Можайского удела: Верею, Числов, село Лучинское; из Дмитровского удела: Ижво да Сяму. Потом ей принадлежало село Репенское и московские села: Семцинское с Ходынской мельницею, Остафьевское, Илмовское, наконец, Холхол и Заячков.

Василий Димитриевич примыслил к своим владениям богатые волости нижегородские, муромские и торусские, и все эти примыслы со всеми волостями, полученными от отца, мог оставить в нераздельности единственному сыну своему Василию, которому суждено было собрать княжество Московское, как оно было при Калите, вместе с примыслами всех преемников последнего. Но до нас дошло еще завещание Василия Димитриевича в пользу сына Ивана, умершего до рождения Василия: в этом завещании между Коломенскими волостями мы находим новые названия мест: Радокин с берегом, Крутинки. Из волостей, завещанных великой княгине Софье Витовтовне, встречаем новые названия: Оглоблино со всеми деревнями и с Ольхом, Колычевское с Змеевским, село в Левичине, принадлежавшее Ивану Вельяминову, с землею Чухистова и со всеми прикупами. Из московских сел, отказанных великому князю Василию Васильевичу, встречаем село Григорьевское Фаустова; но из сел самый богатый примысл Василия Димитриевича составляли владения знаменитого боярина Федора Свибла: эти села находились на Устюге, и в Отводном, и на Сяме, и в Ростове, и в Бежецком Верхе (Максимовское с деревнями), в Переяславле (Весьское с Радивоновским), на Москве Буйловское с Алексеевскою деревнею, да села: Тимофеевское – на Яузе, в Юрьеве – Чагино, Савельевское, Иворово, Карабузино, в Новгороде – Непейцино. Кроме того, великий князь купил Ухтюшку и приобрел Фоминские села дьяконовы: все эти примыслы отданы были в

пожизненное владение великой княгине вместе с юрьевскими селами – Фроловским (с Ольхом), Петровским, Богородицким и Алексинским, которые Василий Димитриевич выменял у матери своей.

Из нового примысла, княжества Нижегородского, великая княгиня получила Алачинские села, Монгач, Курмыш со всеми селами и пошлинами и Алгаш, из Муромской области – сельце. В опричнину (владение отдельное, которым можно было располагать по произволу) даны были ей два села Юрьевские – Богородицкое и Алексинское. Василий Димитриевич должен был также наделить и младшего брата своего Константина: ему даны были Тошна и Устюжна.

Во втором завещании, написанном в пользу сына Василия, находим некоторые перемены и новизны: сыну великий князь отказывает в городе на Москве: двор Фомы Ивановича у Боровицких ворот, да другой двор, что был за Михайлом за Вяжем, да новый двор за городом у св. Владимира, да примысл в Юрьеве – села Петровское и Алексинское; мы видели, что эти села отданы были по прежнему завещанию великой княгине, которой теперь из Коломенских волостей отданы Песочна, Брашева с селцем, и с Гвозднею, и с Иваном, Устьмерска и Гжеля с путями и селами (из коломенских сел не встречаем против прежнего Оглоблина, Колычевского и Змеевского); село Васильевское в Ростове (примысл Донского), по-прежнему все села Свибловские, подмосковные села – Митин починок и Семцинское с Самсоновым лугом; примысл Донского – слободку на Гуси, хотя это название и встречается здесь в первый раз; в Юрьеве примыслы Донского – село Красное с Проватовом и Елизаровским, прежние примыслы завещателя – Фроловское, Елох и Богородицкое, Устюшка на Вологде. Из великокняжеских волостей: из Костромы получала Иледам с Обнорою, Комелою и Волочком, Нерехту с варницами, бортниками, бобровниками и Княгининским селом; из Переяславля – Юлку и Доброе село; из Владимира – Андреевское село и Тошну, если великий князь выменяет ее у детей князя Владимира Андреевича; из Нижнего – Сокольское село и Киржанец; из Мурома – сельце и Шатур.

Из всех этих волостей Гжеля и Семцинское село были даны в опричнину.

Из новых примыслов, которых нет в прежнем завещании, упоминаются между коломенскими селами Окуловское и Захаровское; в Бежецком Верхе – Кистма и села Антоновские, хотя и названные куплею Калиты, но встречающиеся в первый раз, Троицкая слободка – на Волге, Белеутовские (боярина Белеута) села – на Волоке и в Юрьеве слободе; под Москвою – село Крилатское, на Беле-озере – слободка, на Устюге – села Ивана Головина и Тутолмина-все эти примыслы были отказаны великой княгине.

Если два жребия, или участка, Московского княжества, соединенные при Димитрии Донском, по смерти его разделились на пять частей, то и третий участок князя Владимира Андреевича разделился также на пять частей – по числу его сыновей.

Владимир Андреевич отказал вотчину свою Москву, свою треть, сыновьям – Ивану, Семену, Ярославу, Андрею, Василию, которые должны ведать ее по годам. Подобно Донскому, он благословил старшего сына Ивана на старейший путь в Москве и станах, дал ему конюший путь, бортников, садовников, псарей, бобровников, барашей и делюев. Дал ему Серпухов с волостями: Городец, Нарское, Нивна, Темна, Синилица, Гомонин, Ярославля слободка, Мокрая

слободка, Дягилева слободка, Львова, Верх-Москвиц слободка, Круглая и Остапкова слободки; из московских сел: Микулинское, Губкино, Немцово, Поповское и Коломенка с мельницею, Туловское со всеми деревнями; село Сесипетрово и Струпиково; князю же Ивану: Козельск, Гоголь, Алексин и купля Лисин.

Князю Семену: Боровск с волостями: Голчицы, Хопилева слободка, Истья с слободкою, Мушковы треть, половина Щитова; из московских сел: Выпряжково на Студенце с деревнями, Колычевское, мельница на Неглинной; в Юрьеве Польском 4 села: Варварское, Богоявленское, Попловское, Федоровское.

Князю Ярославу: Ярославль с Хотунью, Вихорну, Полянку, Ростунову слободку, Мошненскую слободку; из московских сел: Сарыевское, да Кирьясово с лугами, да на устье Мстица мельница. Семену и Ярославу вместе: Городец на Волге кроме мыта и тамги, которыми будет пользоваться княгиня, их мать; город же и станы князья разделят пополам со всеми пошлинами: Семену – станы по сю сторону Волги, пониже Городца, да Белогородье; Ярославу – станы по ту сторону Волги, повыше Городца, да Юрьевец; если же Белогородье окажется больше Юрьевца и Черняковой, то князь Семен придаст князю Ярославу Коряковой; если же Юрьевец и Чернякова окажутся больше Белогородья, то оставить по-прежнему, а Корякову разделить пополам вместе с слободками. Ез (рыбные ловли) оба князя устроят под Городцом вместе и делят себе добычу пополам. Но кроме этого раздела князю Семену одному дана на Городце Пороздна.

Князю Андрею: Радонеж, Бели, Черноголовль с численными людьми на Кержаче, Яковля слободка, Кишкина слободка, Тухачев; из московских сел: Михайловское с мельницею, Калиткиново, на Уче – Поповское да Илья Святый, селце Дмитрия Воронина, Четрековское и Мосейково – на Любосивли, Сакова деревня.

Князю Василию: Перемышль, Ростовец, половина Щитова, треть Добрятинская; из московских сел: Ясиновское с деревнями да Паншина гарь. Князьям Андрею и Василию вместе – город Углич.

Княгине Елене: Лужу, Козлов Брод, Бадееву слободку; слободы и волости Лужевские: Ловышина, Ярцева слободка, Сосновец, Турьи горы, Буболь, Вепрейка, Якимова слободка, Маковец, Сетунка, Терехова, Спиркова, Артемова слободка, Скомантова, Гриди Ярцева, Михалкова Степана Осипова, Дынка Мосолова, Гриди Федотова Лукина.

Из московских сел: Коломенское со всеми лугами и деревнями, Ногатинское, Танинское с Кореевым, Косино с тремя озерами, Обухово, мельница на устье Яузы; Косино, Обухово и мельница даны в опричнину. Из сыновних уделов в пожизненное владение княгиня получила: из удела князя Ивана: Восточное с деревнями, Тетково озеро; из удела князя Семена: Омутское с деревнями и лугами; из удела князя Ярослава: Бовыкино и Долгое озеро на устье Лопастны; из удела князя Андрея – Вороновское, Ковезинское, радонежских бортников с деревнями и бортью; из удела князя Василья: Битягово, Домодедово; на Угличе – село Богородицкое. По смерти княгини Елены Коломенское село должно отойти к старшему ее сыну, князю Ивану, Ногатинское – к Семену, Танинское с Кореевым – к Василью; Козлов брод – пополам князю Ивану с братом Ярославом, равно как и Бадеева слободка, а Лужу со всеми волостями должны поделить на три части

князя Семен, Андрей и Василий, кроме сел – Бубольского, Бенитского, Медкина и Дьяковского, в которых княгиня вольна.

Старшему сыну, князю Ивану, завещатель отказал в Москве дворы – Зворыкин, Игнатьев и Бутов сад; Семену и Ярославу – пополам двор великой княгини Марии (жены Симеона Гордого); Семену – за Неглинною Терехов сад; княгине с Андреем и Васильем – большой двор московский пополам; Ярославу, Андрею и Василью – Чичаков сад натрое. Соль на Городце князя Семен и Ярослав ведают заодно и добычу делят пополам, кроме Федоровской варницы.

Сравнивая волости, исчисленные в завещании Владимира Андреевича, с волостями, которые получил отец его по завещанию Калиты, мы видим, что князь Владимир успел значительно увеличить свой удел. Из этого удела еще при великом князе Иоанне II была потеряна Лопастна, отошедшая к Рязани, но она заменена была Новым городком на устье Поротли. Потом Владимир Андреевич вследствие завещания Калиты получил треть из волостей княгини Ульяны; великий князь Димитрий Донской дал ему Лужу и Боровск; племянник Василий Димитриевич дал ему Волок и Ржеву с волостями; но потом произошла у них мена: быть может, Василию не хотелось, чтоб волости серпуховского князя простирались так далеко на запад, по границам новгородским и тверским; он взял назад у дяди Волок и Ржеву и вместо первого уступил ему часть своих примыслов на востоке, именно Городец с волостями: Белгородьем, Юрьевцем, Коряковою и Черняковою слободами и Унжинскою тамгою, а вместо Ржевы – Углич с селом Золоторусским; наконец, на юге даны были Владимиру Андреевичу в удел и отчину: Козельск, Гоголь, Алексин и Лисин с куплею Пересветовою. Но умножение сел подмосковных, слобод в разных других местах, сел в Юрьеве нельзя приписать ничему иному, как покупкам со стороны Владимира Андреевича; в завещании своем он упоминает об одной покупке сына своего, князя Ивана, доказательство, что князя еще при жизни отцов своих имели средства покупать себе волости.

В завещании Владимира Андреевича и в договорах его с великим князем Василием Димитриевичем останавливает нас еще одно обстоятельство: он получает от великого князя Углич; но мы видели, что этот город по завещанию Донского отказан был не Василию, а Петру Димитриевичу, князю дмитровскому. Эта мена волостей произошла вследствие составления удела для меньшего брата, Константина Димитриевича. Мы видели, что в первом завещании своем Василий Димитриевич отказывает на долю Константина Тошню и Устюжну; но этого было мало; все князья должны были участвовать в составлении удела, и вот бездетный князь Петр Димитриевич уступает младшему брату Углич, взамен получает от Юрия Шачебал и Ликурги, но и эти две волости уступает также Константину; кроме того, Юрий отдает Константину еще несколько своих Звенигородских волостей. За это, а может быть и за что-нибудь другое, Юрий получает от великого князя часть его примысла, Вятку, принадлежавшую к Суздальско-Нижегородскому княжеству. Но великий князь взял у Константина Углич и променял у Владимира Андреевича на Ржеву для Константина же, которому придал еще великокняжеские владения в Бежецком Верхе; Волок, выменанный на Городец, остался за великим князем. Такое распределение волостей существовало недолго по смерти князя Владимира Андреевича, ибо великий князь отобрал у его детей все свои пожалования: Углич, Городец, Козельск, Гоголь, Алексин, куплю Пересветову и

Лисин, из которых Углич отдал опять брату Константину, вероятно, чтоб заставить его отказаться от своих притязаний на старшинство. Владимировичи не имели средств противиться великому князю и должны были отказаться от примыслов отцовских, и один из них, Ярослав, принужден был отъехать в Литву.

Впрочем, великий князь дал им некоторое вознаграждение: отдавая Углич Константину, он взял у него Тошню и отдал Владимировичам, наказавши, однако, сыну своему в завещании выменять ее у них.

Так были распределены волости в Северо-Восточной Руси, когда малолетний Василий Васильевич сел на столе отца своего и начались знаменитые усобицы, поведшие к собранию почти всех волостей Московских в одно целое. Прежде всего должен был возникнуть вопрос о Дмитрове, выморочном уделе князя Петра Дмитриевича; сначала он был, как видно, присоединен к волостям Василия Васильевича, но потом, после суда в Орде, Дмитров был отдан дяде Юрию в вознаграждение за потерю старшинства.

Заключая договор с племянником после смерти Морозова и бегства своего из Москвы, Юрий уступил ему опять Дмитров, но зато взял Сурожику, село Лучинское, Шепкову, Шачебал, Ликурги, Костромские волости: Андому, Корегу, Борку, Березовец с Залесьем и Шиленгу, наконец, остальные великокняжеские владения в Бежецком Верху, кроме волостей, уступленных прежде князю Константину, и кроме сел боярина Ивана Дмитриевича, которые Василий оставлял за собою, ибо «взял в своей вине».

Оба брата, и Юрий и Константин, несмотря на разницу в годах, умерли почти в одно время; выморочный удел бездетного Константина взял себе великий князь Василий; у Юрия оставалось трое сыновей. До нас дошло его завещание, но написанное гораздо прежде смерти, когда еще он владел Дмитровом, следовательно, до первого завладения Москвою. В этом завещании особенно замечательно то, что не сделано никакого различия между старшим и младшими братьями, участок Московский отказан всем трем сыновьям поровну, старшего пути нет; быть может, холодность к старшему сыну, Василию Косому, и особенная привязанность к младшему, Дмитрию Красному, были тому причиною. Василий Косой получил Звенигород с волостями: Угожею, Плесню, Дмитриевою слободкою, Тростною, Негучею, Андреевским; из московских сел: Домантовское да луга Тамашинские в Перерве; Дмитрий Шемяка получил город Рузу с ее волостями: Юрьевою слободою, Замошьем, Кремичною, Скирмановом, Белми, Ростовцами, Фоминским, селом Михайловским и Никифоровским со всеми деревнями; из подмосковных волостей получил он бортников на той стороне Москвы-реки да луг против города. Дмитрий Красный получил Вышгород с Коситским селом, Суходол с Истьюю и с Истервою, с Уборичною слободкою, с Боровковою, Смолянью; из подмосковных волостей: село Михалевское, селце Сущеvское у города, доблинских сокольников, бортников, псарей да луг Ходынский. Дмитров-город завещан троем сыновьям вместе, а из волостей Дмитровских Василию Косому: Селна, Гуслица, Вохна, Загарье, Рогожь, Куней; Шемяке: городок Шорна, Корзенева, Воря, Вышегород, Инобаж; Красному: Ижво, Мушкова, Раменка, Берендеево с слободкою Кузмодемьянскою, Лутосна, Куликова. Вятка отказана всем сыновьям вместе; но Галич со всеми волостями и доходами — одному Дмитрию Красному. Троем сыновьям вместе Юрий отказывает двор свой, сад за городом на посаде и другой садик поменьше. Из

этого завещания видим, что, кроме Вятки и Дмитрова, уступленных братом и племянником, Юрий не успел прикупить ничего к своему уделу, а потерял Сурожик (отданный, как видно, брату Константину); не упомянуты также в его завещании села Юрьевское и Ростовское. Иначе, как видно, распорядился Юрий перед смертью: Вышгород и Галич, волости Красного по прежнему завещанию, теперь видим у Шемяки; за Красным видим волости Бежецкие и Костромские, недавно приобретенные Юрием, кроме, однако, Шачебала, Ликургов и Андомы. Но смерть Юрия и вражда Косого с Василием Васильевичем послужили для последнего первым поводом к примыслению на счет живых князей: он отобрал у Косого его Звенигородскую волость; Шемяка, заключая договор с великим князем, отказался и от Звенигорода, и от Дмитрова, и от Вятки, а взял удел дяди Константина – Ржеву и Углич – да подмосковные волости – Зарыдалье, Сохну, Раменейцо, Осташевские деревни, Щукинское, Сурожик, Шепкову, Лучинское. После встречи при Костроме Косому отдан был Дмитров вместо Звенигорода, но, как мы видели, ненадолго.

Таким образом, удел Петра Дмитриевича и половина удела Юрия Дмитриевича были присоединены к Коломенскому великокняжескому уделу. Но уделы Серпуховской и Можайский оставались еще не тронутыми: первый вследствие беспотомственной смерти четырех сыновей Владимира Андреевича сосредоточился в руках единственного внука его Василия Ярославича; удел Можайский по смерти Андрея Дмитриевича разделился на два удела: Можайский, доставшийся старшему сыну Андрееву – Ивану, и Верейский – младшему, Михаилу. Шурина великого князя Василий Ярославич отказался от всех пожалований, полученных дедом его от отца Василиева; но часть этих пожалований, именно Козельск с волостями – Серенском, Людимском, Коропками, Вырною, Пересветовою куплею, Алексином, Лисином и Свибловом, в Москве сочли нужным отдать Ивану Андреевичу можайскому. Союз Ивана Андреевича с Шемякою, имевший следствием взятие и ослепление великого князя, имел также следствием и присоединение Можайского удела к волостям Василиевым: в то время, когда Шемяка принужден был отказаться от Углича, Ржевы и Бежецка, можайский князь должен был уступить Козельск, Алексин и Лисин. Потом, отказавшись от союза с Шемякою, Иван Андреевич получил было за это снова Лисин и, кроме того, владения в Бежецком Верхе, как они были за Дмитрием Красным (умершим в 1440 году и передавшим свои волости Шемяке), и половину Заозерья – волости кубенских князей; но скоро после, вследствие известных обстоятельств, Иван Андреевич лишился не только этих новых примыслов, но и своего удела Можайского. Все волости Шемяки еще прежде были присоединены к владениям великокняжеским. Оставались уделы Серпуховской и Верейский. После услуг, оказанных Василием Ярославичем великому князю, последний вспомнил, что серпуховскому князю недодана была его дедина: Углич, Городец, Козельск, и в вознаграждение за это отдал ему Дмитров, кроме того, из отобранных у Шемяки волостей – Суходол с Красным селом. По изгнании Ивана Андреевича можайского между шурином и зятем произошла мена волостями: Василий Ярославич отдал Дмитров назад великому князю и за то получил Звенигород с теми волостями, которые были за Косым, кроме Плесни и села Ершовского, потом Бежецкий Верх со всем и с селами тех бояр и детей боярских, которые пошли в изгнание с князем Иваном можайским,

кроме сел, проданных уже московским боярам, – Толстикова и Башарова – и вотчинных деревень детей Сопрычиных. Но Василий Ярославич недолго пользовался этими волостями: сначала был принужден отдать назад Звенигород и Бежецкий Верх, а потом лишился и всех волостей своих.

Уцелел один удел Верейский; князь Михаил Андреевич не только сохранил свою отчину, но еще успел приобрести некоторые примысли: сначала верейский князь получил от Василия Васильевича в отчину и удел половину Заозерья, отчины заозерских князей; кроме того, к этой половине прибавлено было еще 100 деревень из половины великокняжеской, да за половину Кубены Михаил Андреевич получил из великокняжеских Заозерских волостей попригожу, на той стороне, которая приходилась к его отчине Белуозеру. Потом из Шемякиных волостей великий князь дал Михаилу Андреевичу Вышгород с волостями, путями и селами да из Звенигородских волостей – Плеснь, кроме Плесенского села, кроме того, Смоляные, Сохну, Зарыдалье, Зерем и тарусицких бортников. Ценность пожалования была увеличена еще тем, что Вышгород освобождался от выхода на пять лет и вся Верейская волость три года платила только полвыхода. Относительно распределения волостей в княжение Василия Васильевича любопытны духовные завещания двух княгинь: Елены, жены Владимира Андреевича, и великой княгини, Софьи Витовтовны, матери Василия Темного. Елена сочла нужным благословить своего господина великого князя Василия Васильевича селом Коломенским; внука своего Василия Ярославича она благословила селами: Омутским, Выходским, в Луже, селами Юрьевским, Деготским, Осеневским, Аврамовским, Михалковом, Миседским, Сосновским, в стану Московском, селом Туловским; сноху свою, жену князя Семена, Василису благословила селом Ногатинским с лугами и городскими Ногатинцами, в Луже, селом Бубольским и Бенитским; другую сноху, жену князя Василия, Ульяну, благословила селами Битяговом и Домодедовом, а в стану (Московском), селом Танинским да селом Богородским; внука князя Василия Ярославича благословила также селом Ковезинским в Радонеже; внуку княгиню Марью Ивановну, селом Вороновским в Дмитрове, в городе (Москве), местом под двором старым на Подоле, где были владычни хоромы, а по смерти княгини Марьи село и место, князю Василию Ярославичу. В этом завещании мы видим не все волости, которые получила Елена по духовной мужа своего, и, между прочим, не видим тех волостей, которые были даны ей в опричнину, как Обухово, Косино. С другой стороны, мы знаем, что княгини имели право располагать только теми волостями, которые были назначены им в опричнину, или своими собственными примыслами; каким же образом княгиня Елена располагает всеми своими волостями? Это явление можно объяснить только тем, что Елена пережила всех своих сыновей, которым должны были достаться ее волости, взятые из их уделов, а правила, по которому единственный внук ее Василий Ярославич должен был считаться необходимым наследником всех своих бездетных дядей, не было.

Духовное завещание великой княгини Софьи Витовтовны замечательно в двух отношениях: во-первых, по большому количеству прикупов, что показывает большие средства, которыми обладала завещательница; во-вторых, замечательно тем, что большая часть этих прикупов отказана одному любимому внуку князю Юрию Васильевичу. Княгини по завещанию мужей своих получали большие и богатые волости – некоторые из них в опричнину, большую часть в пожизненное

владение; но доходы со всех волостей, равно как некоторые другие доходы, оставляемые умирающими князьями в пользу жен своих, давали последним средства прикупать волости, которыми уже они могли располагать по произволу, и смотря по привязанности увеличивать ими удел того или другого внука. В завещании княгини Софьи встречаем из 52 волостей не более шести, которые не были ее прикупами, именно села:

Бабышевское, Лысцево, Ослебятевское, прикупы Димитрия Донского, завещанные им жене своей Евдокии и неизвестно по какому случаю перешедшие в полную собственность княгини Софьи, и потом опричнина последней – селце Семчинское с Самсоновым лугом и Гжеля. Первые три села она отказала снохе своей, великой княгине Марии Ярославовне, а последние – любимому внуку Юрию. Теперь следуют прикупы: коломенские села: Колычевское, Николцево, Липятинское, Чухистово, Окуловское и Репинское; юрьевские: Курчевское, Елецкое, Варварское; за Волгою на Шексне волость Устьугла, стан Веретейка со всеми деревнями – отказаны сыну, великому князю Василию. Коломенские прикупы: на Северьске село Григорья Наумова да у Малина село Ивана Бункова – отказаны великой княгине Марии. Владимирский прикуп – села Толба, Вижекша и Головино – внуку Иоанну. Московский прикуп – села Поповское, Воробьево с Семеновским и деревнями, на Похре село Мячково с Фаустовским, Ладыгинским, Левонтьевским, Тяжином и рыболовлими деревнями; коломенские села: Вилино, Кривцово, Бронниче, Чевырево, Марчуково, Рожок, починок у Щелина озера; юрьевские прикупы – Турабьевские села, потом: Кучка, Деревенька, Шадрино; костромские прикупы: Качаловское, Ушаковское, Святое; вологодские: Масленские села, Янгасарские, Говоровские – отказаны внуку Юрию, кроме трех сел юрьевских: Турабьевских Березников, Ратькова и Алексина; Алексино – княгине Евфросинии, Березники и Ратьково – великой княгине Марии, но по смерти их – князю же Юрию. Село Вышелес – внуку Андрею; прикуп на Волоке – Белеутовские села и Окораковские – внуку Борису.

Наконец, все уделы Московского княжества (кроме одного, Верейского) вместе со всеми примыслами в других областях собраны были Василием Темным, который, смещав все их вместе с великокняжескою областью Владимирскою, разделил между пятью сыновьями: старшего, Иоанна Васильевича, благословил великим княжением, третью в Москве, чем его самого благословил отец, Коломною, Владимиром, Переяславлем, Костромою, Галичем, Устюгом, Вяткою, Суздалем, Новгородом Нижним, Муромом, Юрьевом с Великою Солью, Боровском, Суходолом, Калугой, Алексином; из московских сел: Островским, Орининским, Константиновским, Малаховским, Красным над Великим прудом и лугом большим у города по реке Москве. Второго сына, Юрия, благословил в Москве третью, которая была за князем Владимиром Андреевичем; но Юрий должен был разделить эту треть с братом Андреем Большим и держать ее по годам. Кроме половины московской трети Юрий получил в Москве же год князя Константина Димитриевича, потом волости: Дмитров, Юлку, Серебож, Бускутово, Рожественное, Можайск, Медынь, Серпухов, Хотунь, все волости, завещанные ему бабкою Софьею Витовтовною, с придачею Шипиловского села к Турабьевским. Мы замечаем желание князей округлить свои уделы, не иметь в них волостей, принадлежащих другим князьям: так, например, князь Владимир Андреевич требовал от своего сына Ивана, чтоб тот отказался от прикупа своего,

приходившегося в уделе другого сына, Ярослава, теперь по завещанию Софьи Витовтовны села князя Юрия приходились в Коломенском уделе великого князя Иоанна, вследствие чего Василий Темный дает последнему право выменять их у младшего брата без обиды. Третий сын, князь Андрей Большой, получил Углич, Устюжну, Рожалово, Кистму, Бежецкий Верх, Звенигород, у Москвы село Сущеvское. Четвертый сын, князь Борис, получил в Москве год князя Ивана Андреевича можайского, Ржеву, Волок, Рузу. Если князь Юрий Васильевич благодаря особенной любви бабки своей с отцовою стороны получил большую часть ее многочисленных прикупов, то князь Борис был любимцем другой бабки – с материнской стороны, княгини Марьи Федоровны Голтыевой, и получил от нее также много волостей, без сомнения доставшихся ей после отца, боярина Федора Федоровича Голтяя-Кошкина и бездетных братьев; эти волости были: у Коломны села Проскурниковские да Введенские, на Городне деревня, на Москве за Похрою Разудовские села – Зверевское и Бирановское, во Владимире Симизинские села, Лазарское, Котязино, у Владимира Евнутьевское село, на Костроме, на Волге, Нижняя слобода, Базееvское, Мануиловское, на Вологде Турандаевское, Понизовное, Ковылинские села, Горка, на Шоме деревни да у Москвы село Шарапово, Лошаково, луг на Москве-реке под Крутицею, в Берендееве село Ростовцовское, в Кинеле Суровцово, Тимофееvское, Микульское, двор внутри города Москвы и дворы на посаде. Пятый сын, Андрей Меньшой, получил в Москве год князя Петра Дмитриевича, у Москвы село Танинское, Ясневское, Раменейце, потом Вологду с Кубеною и Заозерьем, Иледам с Обнорою, Комелою и Волочком, Авнегу, Шиленгу, Пельшму, Бохтюгу, Ухтюшку, Сяму, Отводное с Перхушковскими селами, Тошну, Янгосар.

Великая княгиня Мария получила в пожизненное владение: Ростов, т.е. ту часть города, которая была за Василием Темным, в остальной же части еще владели князья ростовские; по смерти великой княгини ее часть Ростова переходила к князю Юрию.

Потом утверждались за нею купля ее Романов и устье Шексны; далее, великая княгиня получала волости по Волге и Шексне, которые были за князем Иваном можайским, вместе с селами, отобранными у изменившего боярина Петра Константиновича Усть-Углы, Нерехту, у Москвы село Напрудское, мельницу Ходынскую с лугом Ходынским, Ногатинское, Новинки, Озерецкие села, Михалевское, Олешню, Лужские села, Павшинское, деревни боярина Петра Константиновича на Истре. Из уделов: из Коломенского: городок Брашову, с селцем, с Гвозднею и с Иваном, Устьмерску, Песочну, Малинские села, село Серкизовское с Мезынкою, Высокое, Шкинъ, селце Федора Степанова, Свербееvское, Лысцевское, Бабышево у Коломны, Чухистово; в Переяславле: Рюминское, Маринину слободу, село Доброе; в Юрьеве: село Фроловское с Елохом, Красное, Курчево, Елцы, Варварино, Кузьмодемьянское, Голенищево, Добрыньское, Волстиново, Сорогошино, села Петра Константиновича: Матвейцово и Ворогово; в Суздале: Шокшов, Давыдовское; на Костроме: села Михайла Данилова, села Колдомские, данные ей Михаилом Сабуровым; на Устюге, в придачу к ее купле Леонтьевскому, Пятницкому и Вондокурью, село Мошемское и Дымкову сторону; из удела Андрея Большого: Елду, Кадку, Васильково; из удела князя Бориса: Издетемлю, Иудину слободу, Ядрово, село Андрееvское во Ржеве; из удела Андрея Меньшого: Иледам с Комелою и

Обнорою; из Нижнего Новгорода: села, которые были за великою княгиней Софьею Витовтовною, с Сокольским селцем и Керженцом; из Мурома – селце Муромское и Шатур. После составлена была еще приписная духовная грамота, по которой великой княгине отказаны: село Коломенское, Дьяковское, Хвостовское, луг князя Юрия Димитриевича против великокняжеского двора, Юрьевский луг Казначеев, два стана к Марининой слободе; в Переяславле – Городище с деревнями Волнинскими да Бармазово с деревнями; в Муроме – Почап, Заколпье, Черсово; на Коломне – село Оксинское с деревнями, также Мячково, купленное у Настасьи, жены Федора Андреевича, села на реке Москве, купленные у ее дочери. В Можайске: село Чертаковское, Белевицы, Исмейское село, мельницу под городом; села муромские и села в Вотском Стародубе, данные Анною, женою Василия Ивановича; села Долмата Юрьева в Хотунском, Растунове и Перемышле – в опричнину. Двор князя Ивана можайского в Москве отдан старшему сыну Ивану; двор серпуховских князей за Архангельским собором – сыну Юрию, а двор, данный ему бабкою у церкви Иоанна Предтечи, отдан великой княгине; двор Шемяки – Андрею Большому; опальные же дворы бояр Константиновичей – Петра, Ивана и Никиты, также за городом дворы отдаются в распоряжение великой княгине – кому из сыновей что даст. Села Окуловское и Репинское, которые великая княгиня дала Федору Басенку, а в духовной своей отдала в распоряжение великому князю, – эти села будут находиться у Басенка в пожизненном владении, а после смерти его отходят к великой княгине Марии.

Из этого обзора постепенного распространения, разделения и собирания Московских волостей мы видим, что в распространении Московского княжества завоевания играют весьма малую роль; первоначальное распространение на счет соседних княжеств – Смоленского и Рязанского, присоединение Можайска и Коломны с Вереєю, Боровском, Лужею произошло силою оружия; но со времен Калиты распространение происходило преимущественно прикупками и примыслами особого рода, в которых оружие не участвовало. Московский князь скупает (отсюда название окупных князьков) отдаленные северо-западные и северо-восточные княжества, волости, как видно пустынные, бедные, которых князья не были в состоянии удовлетворять ордынским требованиям, а с другой стороны, не были в состоянии противиться ближайшим соседям, князьям более сильным. Таким образом, московские князья распространяют свои владения на счет слабых, раздробленных владений потомков Константина, Ивана Всеволодовичей, Константина Ярославича; Калитою куплены были Белоозеро, Галич, Углич; летописцы не говорят, как приобретен Дмитров; они говорят об изгнании из волости князей галицкого и стародубского при Донском; но волости стародубских князей не упоминаются среди волостей Донского и наследников его; следовательно, они оставались за князьями-отчичами, вошедшими в служебные отношения к московским князьям. Княжества Нижегородско-Суздальское и Муромское были заняты не силою оружия, только после нужно было в продолжение известного времени защищать этот примысел от притязаний прежних его князей; на юге московские князья распространяют свои владения на счет слабых, раздробленных областей Черниговско-Северских, на юго-востоке – на счет князей мещерских. Но в то время, когда волости присоединяются путем мирным, куплею или хотя насильственным, но без походов и завоеваний, продолжительные войны московских князей с соседними княжествами, хотя и

оканчивавшиеся благополучно, не имели следствием земельных приобретений: так, ничего не было приобретено от Твери после счастливых войн с нею при Донском, ничего не было приобретено от Рязани после определения границ при Иоанне II; попытка приобрести волости Новгородские за Двиною при Василии Дмитриевиче не удалась. Кроме приобретения целых княжеств московские князья обогатились приобретением многих сел и мест. Мы знаем, что князья постоянно вносили в свои договоры условие – не приобретать волостей в чужих владениях, вследствие чего московские князья, несмотря на свои денежные средства, не могли купить волостей ни в Тверской, ни в Рязанской области; но им открыта была для прикупов великокняжеская область Владимирская, которою они постоянно владели, и мы видели из их завещаний, как они воспользовались этим, как преимущественно наполнили своими куплями уезд Юрьева Польского; вот также одна из причин усиления московских князей. Двоим путем князья московские приобретали села: куплею и отобранием у опальных бояр; так приобретены были села Вельяминовские, Свибловские, Всеволожские (Ивана Дмитриевича), братьев Константиновичей.

Границы Московского княжества при кончине Иоанна Калиты не совпадали даже с границами нынешней Московской губернии, ибо для этого недоставало ему Дмитрова, Клина, Волока Ламского; потом захватывали некоторую часть Тульской и Калужской губерний; но при кончине праправнука Калитина, Василия Темного, московские владения последнего не только обнимают всю нынешнюю Московскую губернию (кроме Клина), но простираются по губерниям: Калужской, Тульской, Владимирской, Нижегородской, Вятской, Костромской, Вологодской, Ярославской, Тверской.

Границы собственно Московского княжества на юго-востоке с Рязанскою областью определены в договорах рязанских князей с московскими: граница шла по реке Оке и Цне; прежние места Рязанские, от Коломны вверх по Оке, на стороне Московской:

Новый городок, Лужа, Верея, Боровск – и все другие места на левой стороне реки принадлежат Москве, а вниз по Оке от Коломны по реку Цну и от устья Цны вверх все места на Рязанской стороне – к Рязани, а на Московской – к Москве.

Вследствие этого раздела Окою старые Рязанские места на правом берегу, бывшие до времен Иоанна II за Москвою, отошли к Рязани, именно: Лопастна, уезд Мстиславль, Жадене городище, Жадемль, Дубок, Броднич с местами. Места: Талица, Выползов, Такасов – отошли к Москве, равно как Мещера, купля Донского. Иначе, думаем, нельзя понимать этого места: «А межы нас роздел земли по реку по Оку, от Коломны вверх по Оце, на Московской стороне почен, Новый городок, Лужа, Верея, Боровск, и иная места Рязанская, которая ни будут на той стороне, то к Москве; а на низ по Оце, по реку на Тцну от усть Тцны вверх по Тцсне, что на Московской стороне Тцсны, то к Москве; а что на Рязанской стороне за Окою, что доселе потягло к Москве, почен, Лопастна и проч., та места к Рязани». Но спрашивается: каким образом Лопастна могла быть на Рязанской стороне, за Окою? Относительно Тулы новая трудность: «А что место князя великого Дмитрия Ивановича на Рязанской стороне, Тула, как было при царице при Тайдуле, и коли ее баскаци ведали; в то ся князю великому Олгу не вступатся, и князю великому Дмитрию». Тула называется местом великого князя Дмитрия на Рязанской стороне, он от нее отступается – это понятно, но в то же время

отступается от нее и великий князь Олег! В чью же пользу? Можно было бы предположить ошибку в договоре Донского и, основываясь на позднейших договорах рязанских князей с Василием и Юрием Дмитриевичами, принимать, что великие князья московские отступились от Тулы в пользу князей рязанских, ибо в этих позднейших договорах московские князья обязываются не вступаться в Тулу; но здесь опять затрудняет дело договор рязанского князя Ивана Федоровича с Витовтом, где встречаем следующее условие: «Великому князю Витовту в вотчину мою не вступатися Ивана Федоровича, в землю ни в воду, поколе рубежь Рязанские земли Переяславские моее вотчины вынемши Тулу, Берестей, Ретань с Паши, Дорожен, Заколотен Гордеевской».

Любопытно, что в договорах московских князей с рязанскими не только Лопастна, но также Верея и Боровск называются старыми местами Рязанскими, тогда как, по свидетельству летописца под 1176 годом, Лопастна была волостию Черниговскою; но уже из этого самого свидетельства можно заметить, что рязанские князья начинают захватывать ближайшие к ним волости Черниговские, как, например, упоминаемый тут же Свирельск. По всем вероятностям, рязанцы захватили и Лопастну, и Верею, и Боровск, и Лужу вскоре после Батыева нашествия, когда Черниговско-Северское княжество опустело, раздробилось и обессилело.

Из новгородских договорных грамот мы знаем, что Волок, Вологда и Бежецкий Верх считаются до последнего времени владениями новгородскими; но в то же самое время в договорах и духовных грамотах великокняжеских мы видим, как великие князья распоряжаются и Волоком, и Бежецким Верхом, и Вологдою – знак, что здесь волости Новгородские находились в смешанном владении с великокняжескими; и действительно, великий князь Василий Васильевич, утверждая Бежецкий Верх за Шемякою и братом его Дмитрием Красным, ставит условием договора, чтобы они держали эту волость по старине с Новым городом. Мы видели, что новгородцы хотели здесь размежеваться с великим князем; по Василию Васильевич Темный почему-то не хотел этого размежевания. На основании известия под 1220 годом, что великий князь Юрий Всеволодович велел племяннику, Васильку Константиновичу ростовскому, выслать против болгар полки из Ростова и из Устюга, мы заключили, что Устюг зависел от ростовских князей. Не знаем, удержали ли они Устюг во время своей слабости и зависимости от великих князей, или Устюг отошел к Владимирской области; знаем только, что Устюг является как город, принадлежащий князьям московским, впервые только в завещании Василия Темного, когда в первый раз города Владимирского княжества были смешаны с московскими и когда в первый же раз Ростов был отказан великим князем жене. Что касается общих русских границ на юго-востоке, то с большою вероятностью можно предположить, что они совпадали с границами епархии Рязанской и Сарайской, ибо последняя находилась уже в собственных владениях татарских. Этой границею в митрополичьих грамотах определяется река Великая Ворона, из тех же грамот узнаем, что христиане находились в пределе Черленого Яру (реки) и по караулам возле Хопра до Дона. На восточном берегу Дона, там, где эта река имеет ширину одинакую с шириною Сены в Париже, Рубруквис нашел русскую слободу, построенную Батыем и Сартаком; жители ее обязаны были перевозить через реку купцов и послов. Относительно этих границ важно для нас известие о путешествии Пимена митрополита в

Константинополь. Митрополит отправился из Рязани сухим путем, взявши три струга и насад на колесах. Достигши Дона, путешественники спустили суда на реку и поплыли вниз. Вот как описывается плавание по Дону: «Путешествие это было печально и уныло, потому что по обеим сторонам реки пустыни: не видно ни города, ни села, виднеются одни только места прежде бывших здесь городов, красивых и обширных; нигде не видно человека, но зверей множество: коз, лосей, волков, лисиц, выдр, медведей, бобров, множество и птиц – орлов, гусей, лебедей, журавлей и разных других». Миновавши реки Медведицу, Высокие Горы и Белый Яр, также место древнего козарского Саркела, путешественники начали встречать татарские кочевья. Видно, что на Донской системе в конце XIV века крайним русским княжеством было Елецкое; кочевья же татарские начинались в нынешней земле войска Донского, около тех мест, где Дон находится в самом ближайшем расстоянии от Волги.

Касательно юго-западных границ с литовскими владениями мы знаем, что при Василии Дмитриевиче московском и Витовте литовском границею была назначена река Угра; но это определение односторонне. Мы видели также, как рязанский князь определил свои границы с Литвою; но из этого определения ничего понять нельзя. Из княжеских договоров и завещаний мы знаем, что Перемышль, Лихвин (Лисин), Козельск, Тросна считались в числе Московских волостей. Что же касается до земель присяжных князей Одоевских, Белевских, Воротынских, то здесь границ определить нельзя, потому что, по собственным словам Иоанна III, эти князья служили и его предкам и предкам Казимира литовского, на обе стороны, сообща; мы знаем также, что город Одоев, например, разделялся на две половины: одна принадлежала линии князей, зависевших от Москвы, а другая – линии князей, зависевших от Литвы. Из переговоров между московскими боярами и литовскими послами при Иоанне III мы знаем также, что договоры, заключенные с Литвою при Василии Дмитриевиче и сыне его Василии Темном, были невыгодны для Москвы, которая должна была тут уступить волости, принадлежавшие ей по прежним договорам, заключенным при Симеоне Гордом и брате его, Иоанне II. При Олгерде половина Серенска принадлежала Москве, а другая половина – Литве; в договоре Василия Темного с Казимиром Козельск был написан на обыск, т.е. по заключении договора должно было обыскать, кому этот город принадлежал прежде; но обыска не было, и Козельск остался за Москвою. Со стороны Смоленской или Верхнеднепровской области границею между московскими и литовскими владениями была сначала Угра, потом далее, на севере, границ Москвы и Твери с Литвою должно искать по водоразделу между речными областями Днепра и Волги. Границы между Литвою и новгородскими (с псковскими) владениями должны были оставаться те же самые, какие были между Смоленским и Полоцким княжествами и Новгородом. Как на востоке были волости, находившиеся в смесном владении у новгородцев и великих князей владимирских, например Торжок, Волок, Бежичи, так и на юге были такие же смесные владения у новгородцев и великих князей литовских; таковы были Великие Луки, Ржева (Новгородская) и еще волостей десять, менее значительных: все эти земли принадлежали к новгородским владениям, но дань и некоторые другие доходы шли с них великому князю литовскому; как в Торжке были два тиуна – новгородский и московский, так и на Луках сидели два же тиуна – новгородский и литовский, и суд у них был пополам. Без сомнения, такие

отношения к Лукам, Ржеве и другим местам литовские князья наследовали от князей смоленских, которых княжеством они овладели. Такое явление, что волость принадлежала одному государству, а дань с нее шла другому, мы видим не в одних Новгородских областях: в договорах великих князей тверских с литовскими читаем: «Порубежные места, которые тянут к Литве или к Смоленску, а подать дают к Твери, должны и теперь тянуть по-старому, равно как те места, которые тянули к Твери, а подать давали к Литве или к Смоленску, тем и ныне тянуть по-прежнему и подать давать по-прежнему же».

Западные границы, границы Псковских волостей с Ливонским орденом, совпадали с нынешними границами Псковской губернии с Остзейским краем. Что касается границ Новгородской области со стороны шведских владений в Финляндии, то мы не имеем возможности определить их до 1323 года, к которому относится дошедший до нас договор великого князя Юрия Даниловича с шведским королем Магнусом. В этом договоре сказано, что Юрий с новгородцами уступили шведам три корельских округа: Саволак, Ескис и Егрепя, вследствие чего и сделалось возможным определить границу.

Дошел до нас перечень и Новгородских Двинских волостей: Орлец, Матигоры, Колмогоры, Кур-остров, Чухчелема, Ухть-остров, Кургия, Княж-остров, Лисич-остров, Конечные дворы, Ненокса, Уна, Кривой, Ракула, Наволок, Челмахта, Емец, Калея, Кирия Горы, Нижняя Тойма. Потом из северных местностей упоминаются: Вельск, Кубена, Сухона, Кемь, Андома, Чухлома, Каргополь, Кокшенга и Вага. Из вятских городов упоминаются Орлов и Котельнич. На востоке определить границу трудно: знаем только, что на Суре был уже русский нижегородский город Курмыш.

Мы обозрели исторически распространение Московского княжества, усиление владельцев его волостями на счет других князей; но рядом с этим усилением московских и великих князей, разумеется, должно было идти изменение в отношениях между старшим и младшими князьями. Рассмотрим также и это изменение исторически; сперва обратим внимание на отношения князя московского и вместе великого князя владимирского к ближайшим родичам своим, удельным князьям, а потом на отношения его к дальним родичам, которые благодаря ослаблению родовой связи назвались, каждый в своей волости, великими князьями и пользовались одинакими правами с великим князем владимирским, хотя последний при удобном случае и старался приравнять их к своим удельным; таковы были князья тверской, рязанский, нижегородский.

В завещаниях своих великие князья определяют отношения между старшими и младшими сыновьями по старине; Калита говорит: «Приказываю тебе, сыну своему Семену, братьев твоих младших и княгиню свою с меньшими детьми: по боге ты им будешь печальник». Донской завещает детям: «Дети мои, младшие братья князя Василия, чтите и слушайте своего брата старшего, князя Василия, вместо меня, своего отца; а сын мой князь Василий держит своего брата князя Юрия и своих братьев младших в братстве без обиды». Против духовной Калиты в завещании Донского встречаем ту новость, что он придает волостей старшему сыну на старший путь. Одинакое наставление детям насчет отношений младших к старшему повторил и великий князь Василий Васильевич в своем завещании. Но описываемое время было переходным между родовыми и государственными отношениями; первые ослабели, вторые еще не утвердились; вот почему

неудивительно встретить нам такие завещания княжеские, где завещатель вовсе не упоминает об отношениях младших сыновей своих к старшему: таковы завещания Владимира Андреевича и Юрия Дмитриевича. Можно было бы подумать, что так как эти завещания писаны младшими, удельными князьями, то они и не упомянули об отношениях между сыновьями, которые все были одинаково младшие братья относительно великого князя; но в таком случае они упомянули бы об обязанностях своих сыновей к этому великому князю, чего мы не находим; притом, например, Владимир Андреевич делает же различие между старшим своим сыном и младшими, назначает первому особые волости на старший путь, наконец, определяет обязанности сыновей к их матери, своей жене, говорит, чтоб они чтили ее и слушались, говорит, чтоб они жили согласно, заодно, и, однако, не прибавляет старой обычной формы – чтоб они чтили и слушались старшего брата, как отца.

Посмотрим теперь, как определялись обязанности удельных князей к великому в их договорах друг с другом. В договоре сыновей Калиты младшие братья называют старшего господином князем великим; клянутся быть заодно до смерти; брата старшего иметь и чтить вместо отца. Кто будет, говорят они, брату нашему старшему недруг, тот и нам недруг, а кто будет ему друг, тот и нам друг. Ни старший без младших, ни младшие без старшего не заключают ни с кем договора.

Если кто станет их ссорить, то они должны исследовать дело (исправу учинить), виноватого казнить после этого исследования, а вражды не иметь друг к другу.

Старший обязан не отнимать у младших волостей, полученных ими от отца: «Того под ними блюсти, а не обидети». Когда кто-нибудь из младших умрет, то старший обязан заботиться (печаловаться) об оставшемся после умершего семействе, не обижать его, не отнимать волостей, полученных в наследство от отца; не отнимать также примыслов и прикупов. Если старший сядет на коня (выступит в поход), то и младшие обязаны также садиться на коней; если старший сам не сядет на коня, а пошлет в поход одних младших, то они должны идти без ослушанья. Если случится какая-нибудь оплошность (просторожа) от великого князя, или от младших князей, или от тысяцкого, или от наместников их, то князья обязаны исследовать дело, а не сердиться друг на друга.

В договоре Димитрия Донского с двоюродным братом Владимиром Андреевичем встречаем уже важные дополнения: младший брат обязывается держать под старшим княженьем великое честно и грозно, добра хотеть ему во всем: великий князь обязывается держать удельного в братстве, без обиды: «Тебе знать свою отчину, а мне знать свою». Заслышавши от христианина или от поганина что-нибудь доброе или дурное о великом князе, о его отчине или о всех христианах, младший обязан объявить ему вправду, без примышления, по крестному целованию, равно как и старший – младшему. Оба князя обязываются не покупать сел в уделах друг у друга, не позволять этого и своим боярам, не держать закладней и оброчников, не давать жалованных грамот; если случится иск одному князю на подданных другого, давать исправу. Младший обязан посылать своих воевод с воеводами великокняжескими вместе, без ослушанья; если кто-нибудь из воевод ослушается, то великий князь имеет право казнить его вместе с удельным. Если во время похода удельный князь захочет оставить

кого-нибудь из своих бояр у себя, то он обязан доложить об этом великому князю, и оба распорядятся вместе, по обоюдному согласию (по згадце): кому будет прилично остаться, тот останется, кому ехать, тот поедет. Младший должен служить старшему без ослушанья, по згадце, как будет прилично тому и другому, а великий князь обязан кормить удельного князя смотря по его службе.

Когда оба сядут на коня, то бояре и слуги удельного князя, кто где ни живет, должны быть под его знаменем. Если случится какое-нибудь дело между обоими князьями, то они отсылают для решения спора (для учинения исправы) своих бояр; если же бояре будут не в состоянии покончить дела, то едут к митрополиту, а не будет митрополита в Русской земле, то едут к кому-нибудь на третейский суд (на третей), кого сами себе выберут; и если который князь проиграет свое дело, то бояре его не виноваты в том.

Владимир Андреевич отказался от старшинства в пользу племянника, обязался признавать последнего старшим братом, но все же он был дядею Василию Димитриевичу, и потому договор, заключенный между ними, написан в более легких для серпуховского князя выражениях. Последний обязывается держать своего племянника, брата старейшего, честно, а слова грозно нет; великий князь обязывается держать дядю и вместе брата младшего в братстве и в чести без обиды.

Во втором договоре старик дядя выговаривает даже себе право не садиться на коня, когда племянник сам не сядет; этот второй договор замечателен тем, что договаривающиеся уже хотят продлить и упрочить свои отношения: здесь в первый раз князья клянутся исполнять условия договора за себя и за детей своих. В завещании своем Владимир Андреевич приказывает жену, детей и бояр своих брату старшему, великому князю; если между детьми его случится какой-нибудь спор, то они для его решения посылают своих бояр; если и эти не согласятся между собою, то идут пред старую княгиню-вдову; которого сына княгиня обвинит, на том великий князь должен доправить, так, однако, чтоб вотчине их и уделам было без убытка.

Относительно пользования уделами, Владимир Андреевич определяет, чтоб сыновья его не въезжали в уделы друг ко другу на свою утеху, т.е. на охоту, равно и в удел матери своей, разве получают позволение; не должны присылать в удел друг к другу приставов и не судить судов.

Димитрий Донской имел всю возможность привести в свою волю двоюродного брата, который не имел средств бороться с владельцем двух частей Московского княжества и целого Владимирского; притом же серпуховской князь не имел права на старшинство ни в Москве, ни во Владимире. В других отношениях находился Василий Димитриевич к родным братьям, которых надобно было щадить, ласкать, чтоб заставить решиться сделать первый тяжкий шаг – отказаться от старшинства в пользу племянника. Отсюда понятно, почему в договорах Василия Димитриевича с братьями мы не находим тех резких выражений, тех прямых указаний на служебные отношения удельного князя к великому, какие встречаем в договорах Донского с Владимиром Андреевичем. Младшие братья обязываются держать Василия только вместо отца; Юрий Димитриевич в отдельном договоре своем с старшим братом обязывается держать его в старшинстве, и только; нет выражения честно и грозно, нет обязательства служить старшему брату.

Василию Димитриевичу не удалось склонить брата Юрия к уступке старшинства племяннику; отсюда усобица в княжение Василия Васильевича. Эта усобица кончилась торжеством нового порядка вещей, собранием уделов, но в продолжение ее великий князь иногда находился в затруднительных обстоятельствах и потому не мог слишком круто поступать с удельными. Дядя Юрий Димитриевич, принуждаемый отказаться от старшинства, хотя и называет племянника старшим братом, однако заключает с ним договоры как союзник равноправный, безо всякого определения, как он должен держать старшего брата; Юрий освобождает себя от обязанности садиться на коня даже и тогда, когда сам великий князь выступит в поход; относительно этого обстоятельства в первом договоре встречаем следующее условие: если Василий Васильевич сядет на коня, то Юрий посылает с ним своих детей, бояр и слуг; если великий князь пошлет в поход младших дядей своих или детей Юрия, то последний обязан выслать детей с боярами и слугами; если же великий князь посылает своих воевод, то и Юрий обязан выслать только своего воеводу с своими людьми. Во втором договоре: когда Василий сам сядет на коня или пошлет в поход дядю Константина, то Юрий высылает сына; если же великий князь пошлет двоюродных братьев или воевод, то Юрий высылает только воевод своих; если же великий князь пошлет одного сына Юриева на службу, то последний должен идти без ослушанья.

Выражения честно и грозно в начале княжения Василия Васильевича не находим в договорных грамотах этого великого князя даже и с двоюродными братьями Андреевичами, встречаем только в договоре с князем Василием Ярославичем, внуком Владимира Андреевича; нет этого выражения и в договоре Андреевичей с Юрием; но после смерти Юрия оно является постоянно в договорах Василия Васильевича с удельными князьями.

Договоры великих князей московских с великими же князьями тверскими и рязанскими сходны с упомянутым выше договором великого князя Василия Васильевича с дядею Юрием, с тою только разницею, что Юрий, как удельный князь, не может сам собою, непосредственно, сноситься с Ордою, посылает дань чрез великого князя, тогда как великие князья тверской и рязанский сохраняют относительно татар вполне независимое от московского князя положение, сами знают Орду, по тогдашнему выражению. Если тверской князь и обязывается иногда считать московского старшим братом, то это определение отношений остается без дальнейшего объяснения.

Относительно выступления в поход в договорах между великими князьями – московским, тверским и рязанским – встречаем обыкновенно условие, что если великий князь московский сядет на коня, то и другой договаривающийся великий князь обязан садиться на коня; если московский пошлет воевод, то и другой обязан сделать то же; только в договорах Дмитрия Донского и сына его Василия с Михаилом тверским встречаем особенности: в первом тверской великий князь обязан садиться на коня и в том случае, когда выйдет на рать двоюродный брат московского князя Владимир Андреевич. В договоре Василия Димитриевича читаем: «Пойдет на нас царь (хан) ратию или рать татарская, и сяду я на коня сам с своею братьею, то и тебе, брат, послать ко мне на помощь двух своих сыновей да двух племянников, оставив у себя одного сына; если же пойдут на нас или литва, или ляхи, или немцы, то тебе послать детей своих и племянников на помощь; корм они возьмут, но иным ничем корыстоваться не должны. Также если пойдут на вас

татары, литва или немцы, то мне идти самому к вам на помощь с братьями, а нужно будет мне которого брата оставить у себя на сторожу, и я оставлю. А к Орде тебе и к царю путь чист и твоим детям, и твоим внучатам, и вашим людям». Этот договор заключен совершенно на равных правах, даже у тверского князя более прав, чем у московского, без сомнения вследствие возраста Михаила Александровича: так, последний ни в каком случае не обязывается сам выступать в поход.

Что касается формы договорных грамот, то до времен великого князя Василия Димитриевича они обыкновенно начинались словами: «По благословению отца нашего митрополита»; первая дошедшая до нас договорная грамота, начинающаяся словами: «Божиею милостию и пречистыя богоматери», есть договорная грамота Василия Димитриевича с тверским князем Михаилом; постоянно же эта форма начинает встречаться в договорных грамотах со времен Василия Васильевича Темного, именно начиная с договора его с князем Василием Ярославичем серпуховским. После этих слов следуют слова: «На сем на всем (имярек) целуй ко мне крест (имярек)».

Оканчиваются грамоты такими же словами: «А на сем на всем целуй ко мне крест по любви вправду, без хитрости». Когда вследствие известных стремлений вражда между родичами, между великим князем и удельными, дошла до крайности, когда мирились только по нужде, с враждою в сердце, с намерением нарушить мир при первом удобном случае, то начали употреблять более сильные нравственные средства, для того чтобы побудить к сохранению договора: явились так называемые проклятые грамоты. Но эти проклятые грамоты, это усиление нравственных принуждений не достигало цели и служит для нас только признаком крайнего усиления борьбы, при которой враждующие действовали по инстинкту самосохранения, не разбирая средств, не сдерживаясь никакими нравственными препятствиями. Что касается формы духовных завещаний княжеских, то они начинались следующими словами: «Во имя отца и сына и св. духа. Се аз грешный худый раб божий (имярек) пишу душевную грамоту, никем не нужен, целым своим умом, в своем здоровьи».

При обзоре распределения волостей княжеских мы видели, какую важную долю из них князья давали обыкновенно своим женам. Этому богатому наделению соответствовало и сильное нравственное и политическое влияние, какое уступалось им по духовным завещаниям мужей. Калита в своем завещании приказывает княгиню свою с меньшими детьми старшему сыну Семену, который должен быть по боге ее печальником. Здесь завещатель не предписывает сыновьям, кроме попечения, никаких обязанностей относительно жены своей, потому что эта жена, княгиня Ульяна, была им мачеха. До какой степени мачеха и ее дети были чужды тогда детям от первой жены, доказательством служит то, что сын Калиты, Иоанн II, не иначе называет свою мачеху как княгинею Ульяною только, дочь ее не называет сестрою; это объясняет нам старинные отношения сыновей и внуков Мстислава Великого к сыну его от другой жены, Владимиру Мстиславичу, мачешичу. Иначе определяются отношения сыновей к родным матерям по духовным завещаниям княжеским: Донской приказывает детей своих княгине. «А вы, дети мои, – говорит он, – живите заодно, а матери своей слушайтесь во всем; если кто из сыновей моих умрет, то княгиня моя поделит его уделом остальных сыновей моих: кому что даст, то тому и есть, а дети мои из ее

воли не выйдут. Даст мне бог сына, и княгиня моя поделит его, взявши по части у больших его братьев. Если у кого-нибудь из сыновей моих убудет отчины, чем я его благословил, то княгиня моя поделит сыновей моих из их уделов; а вы, дети мои, матери слушайте. Если отнимет бог сына моего, князя Василия, то удел его идет тому сыну моему, который будет под ним, а уделом последнего княгиня моя поделит сыновей моих; а вы, дети мои, слушайте своей матери: что кому даст, то того и есть. А приказал я своих детей своей княгине; а вы, дети мои, слушайте своей матери во всем, из ее воли не выступайте ни в чем. А который сын мой не станет слушаться своей матери, на том не будет моего благословения».

Договор великого князя Василия Дмитриевича с братьями начинается так: «По слову и благословию матери пашей Авдотьи». В договор свой с братом Юрием Василий вносит следующее условие: «А мать свою нам держать в матерстве и в чести».

Сыну своему Василий Дмитриевич наказывает держать свою мать в чести и матерстве, как бог рекл; в другом завещании обязывает сына почитать мать точно так же, как почитал отца. Князь Владимир Андреевич серпуховской дает своей жене право судить окончательно споры между сыновьями, приказывает последним чтить и слушаться матери. То же самое приказывает сыновьям и Василий Темный.

Относительно княгинь-вдов и дочерей их в завещании Владимира Андреевича находим следующее распоряжение: «Если бог отнимет которого-нибудь из моих сыновей и останется у него жена, которая не пойдет замуж, то пусть она с своими детьми сидит в уделе мужа своего, когда же умрет, то удел идет сыну ее, моему внуку; если же останется дочь, то дети мои все брата своего дочь выдадут замуж и брата своего уделом поделятся все поровну. Если же не будет у нее вовсе детей, то и тогда пусть сноха моя сидит в уделе мужа своего до смерти и поминает нашу душу, а дети мои до ее смерти в брата своего удел не вступаются никаким образом».

Мы видели, что волости, оставляемые княгиням, разделялись на такие, которыми они не имели права располагать в своих завещаниях, и на такие, которыми могли распорядиться произвольно; последние назывались опричинами. Но кроме того, в Московском княжестве были такие волости, которые постоянно находились во владении княгинь, назначались на их содержание; эти волости назывались княгининскими пошлыми. Относительно их великий князь Василий Дмитриевич в завещании своем делает следующее распоряжение: «Что касается сел княгининских пошлых, то они принадлежат ей, ведает она их до тех пор, пока женится сын мой, после чего она должна отдать их княгине сына моего, своей снохе, те села, которые были издавна за княгинями».

Во всех этих волостях княгиня была полною владельницею. Димитрий Донской на этот счет распоряжается так: «До каких мест свободские волостели судили те свободы при мне, до тех же мест судят и волостели княгини моей. Если в тех волостях, слободах и селах, которые я взял из уделов сыновей моих и дал княгине моей, кому-нибудь из сирот (крестьян) случится пожаловаться на волостелей, то дело разберет княгиня моя (учинит исправу), а дети мои в то не вступаются».

Владимир Андреевич распорядился так: «На мытников и таможников городецких дети мои приставов своих не дают и не судят их: судит их, своих мытников и таможников, княгиня моя».

Духовенство во имя религии поддерживало все эти отношения сыновей к матерям, как они определялись в духовных завещаниях княжеских. Митрополит Иона писал князьям, которые отнимали у матери своей волости, принадлежащие ей по завещанию отца: «Дети! Била мне челом на вас мать ваша, а моя дочь, жалуется на вас, что вы поотнимали у нее волости, которые отец ваш дал ей в опричину, чтобы было ей чем прожить, а вам дал особые уделы. И это вы, дети, делаете богопротивное дело, на свою душевную погибель, и здесь, и в будущем веке... Благословляю вас, чтобы вы своей матери челом добились, прощение у ней выпросили, честь бы ей обычную воздавали, слушались бы ее во всем, а не обижали, пусть она ведает свое, а вы свое, по благословию отцовскому. Отпишите к нам, как вы с своею матерью управитесь: и мы за вас будем бога молить по своему святительскому долгу и по вашему чистому покаянию. Если же станете опять гневить и оскорблять свою мать, то, делать нечего, сам, боясь бога и по своему святительскому долгу, пошлю за своим сыном, за вашим владыкою, и за другими многими священниками да взглянувши вместе с ними в божественные правила, поговорив и рассудив, возложим на вас духовную тягость церковную, свое и прочих священников неблагословение».

Таковы были междукняжеские отношения в Северо-Восточной Руси. Мы видим, что переход родовых отношений в государственные, переход удельных князей из родичей в служебников, поскольку он выражается в договорных княжеских грамотах, совершается очень медленно благодаря именно долговому господству родовых княжеских отношений и вследствие того, что великий князь должен здесь усиливать свою власть на счет ближайших родственников, выгоды которых требуют поддержания старых родовых форм при определении отношений в договорах, хотя, разумеется, при перемене отношений на деле, при новых стремлениях и понятиях и самые родовые формы изменяются и показывают ясно разрушение старых отношений: так, например, выражения, встречающиеся в договорах описываемого времени, — держать дядею, держать племянником, держать братом равным — не имеют смысла при родовых отношениях, где существуют только отношения отца к детям, где дядя есть отец, старший брат — отец, племянник, младший брат — сыновья. Обязательство удельного князя служить великому и обязательство последнего кормить удельного смотря по службе являются раз в договоре Дмитрия Донского с двоюродным братом Владимиром Андреевичем и потом исчезают вследствие того, что Василий Дмитриевич и Василий Васильевич находятся в менее выгодном положении относительно родичей. Даже довольно неопределенное выражение «держать великое княжение честно и грозно» утверждается не вдруг в договорных грамотах. Договоров служебных князей с теми князьями, к которым они вступали в службу с отчинами, из Северо-Восточной Руси до нас не дошло; но мы имеем довольно число таких договоров из Руси Юго-Западной. В 1448 году князь Федор Львович Воротынский, взявши город Козельск в наместничество из руки Казимира, короля польского и великого князя литовского, записался своему господарю без лести и без хитрости. Король Казимир в 1455 году пишет, что дал вотчину князю Воротынскому, узревши верную его службу. Договорная грамота

князей новосильских и одоевских с Казимиром начинается тем, что означенные князья били челом господарю великому князю, чтобы принял их в службу.

Тот пожаловал, принял их в службу, и они обязываются служить ему верно во всем, без всякой хитрости, и быть во всем послушными, давать ему ежегодную дань (полетное), быть в его воле, иметь одних друзей и врагов. Казимир с своей стороны обязывается держать их в чести и в жалованье, оборонять от всякого; обязывается и за наследников своих не нарушать договора, не вступаться в их отчину; в противном случае крестное целованье с них долой, и они становятся вольными; обязывается суд и исправу давать им во всяких делах чистые, без перевода; судьи королевские съезжаются с их судьями и судят, поцеловавши крест, без всякой хитрости; если возникнет у судей спор, то дело переносится на решение великого князя; споры самих князей между собою отдаются также на решение Казимира. Любопытно сравнить дошедшую до нас духовную грамоту Олгердова внука, князя Андрея Владимировича, с духовными грамотами московских князей; и в этих письменных памятниках, как во всяких других, высказывается различие в характере стран, где они писаны. И московские и южно-русские завещания начинаются словами: «Во имя отца, и сына, и св. духа», после чего в московских, как мы видели, означает, что завещатель находился в добром здоровье, душевном и телесном, — замечание, необходимое для того, чтобы духовная имела полную силу, и потом, без всяких околичностей, излагаются распоряжения завещателя. В духовной же Гедиминовича нет замечания о душевном и телесном здравии: вместо того завещатель распространяется, как он с женою и детьми приехал в Киев богу молиться, поклонился всем святыням, благословился у архимандрита Николая, поклонился гробам родственников и всех святых старцев и стал размышлять в своем сердце: сколько тут гробов, а ведь все эти мертвецы жили на сем свете и пошли все к богу! Пораздумав, что скоро и ему туда придется идти, где отцы и братья, князь почел приличным написать духовное завещание.

Мы видели, что прежде князь было общим, неотъемлемым названием для всех членов Рюрикова рода, а старший в этом роде князь назывался великим, причем мы видели, что название великий князь придавалось иногда и младшему в роде просто из учтивости, от усердия пишущего к известному князю. В описываемое время на севере при ослаблении родовой связи, родового единства, при стремлении князей к особности, независимости мы должны ожидать, что явится много князей, которые в одно и то же время будут величать себя названием великих, и не обманываемся в своих ожиданиях: князья московские носят это название по праву, обладая постоянно старшим столом Владимирским; но в то же самое время называют себя великими князья тверские и рязанские, в роде князей рязанских князья пронские, стремясь постоянно к независимости, называют себя также великими; наконец, видим, что по-прежнему и те младшие, удельные князья, которые в официальных памятниках никогда не смеют называть себя великими, в памятниках неофициальных из учтивости величаются этим названием: так, св. Кирилл Белозерский в духовной своей называет великим князем удельного можайского, Андрея Димитриевича. Прежде, когда все внимание обращалось на родовые отношения князей, а не на владения, старшему великому князю противопоставлялись младшие; но теперь, когда родовые отношения стали рушиться, отношения же по владениям и зависимости начали

выдвигаться на первый план, в противоположность великому князю для младших являются названия удельных и поместных князей. Мы видели, что и прежде некоторые князья назывались великими князьями всея Руси, как, например, Мономах, Юрий Долгорукий; в описываемое время из официальных памятников видим, что уже Иоанн Калита называется великим князем всея Руси и потом все его преемники. Из прежних названий княжеских встречаем господин; вновь являются господарь и государь. Что касается происхождения первого слова, то оно одинаково с происхождением слова князь: оспода означает семью, осподарь – начальника семьи, отца семейства; должно заметить также, что первое название употребительнее на юге, второе – на севере. Господин и господарь встречаются в соединении, например: «Занеже, господине князь великий, нам, твоим нищим, нечим боронитися противу обидящих нас, но токмо, господине, богом, и пречистою богородицею, и твоим, господине, жалованием нашего господина и господаря». Что значение слова господарь или государь было гораздо важнее значения прежнего господин, свидетельствует упорное сопротивление новгородцев ввести его в употребление вместо господин. Господарь противопоставляется служащим: «Кто кому служит, тот с своим господарем и едет».

Для великих князей встречаем названия: великого государя земского, великого государя русского, великого господаря, самодержца. Самый полный титул великого князя московского для внешних сношений встречаем в договорной грамоте его с Казимиром, королем польским: «По божьей воли и по нашей любви, божьею милостью, се яз князь великий Василий Васильевич, московский и новгородский и ростовский и пермьский и иных». По-прежнему подданные, все остальное народонаселение, противопоставляются князьям под названием черных людей.

При подлинных грамотах княжеских, дошедших до нас от описываемого времени, находятся печати князей с различными изображениями и надписями. На печати Иоанна Даниловича Калиты с одной стороны находится изображение Иисуса Христа, на другой – св. Иоанна; вокруг надпись: «Печать великого князя Ивана». У Симеона Гордого на одной стороне печати – изображение святого Симеона, на другой – надпись: «Печать князя великого Семенова всея Руси». У брата его Иоанна II на одной стороне печати – изображение святого Иоанна с надписью: «Агиос Иоанн», на другой – надпись: «Печать князя великого Ивана Ивановича». У Дмитрия Донского на одной стороне печати – изображение св. Дмитрия, на другой – надпись: «Печать князя великого Дмитрия»; но на другой печати того же князя встречаем надпись с прибавлением: всея Руси. У Василия Дмитриевича несколько печатей: на одной – изображение св. Василия Кесарийского и надпись: «Печать князя великого Васильева Дмитриевича всея Руси»; на другой – изображение всадника с копьем, обращенным острием книзу; третья печать имеет изображение всадника с поднятым мечом, и разные другие. На печати Василия Темного виден всадник с копьем, находящимся в покойном положении, острием вверх. На печати тверского князя Бориса Александровича встречаем также изображение всадника с поднятым мечом.

И в описываемое время вступление князя на стол сопровождалось обрядом посажения.

Вот как описывается посажение Александра Невского во Владимире: преосвященный Кирилл митрополит встретил его со крестами, со священным

собором и со множеством людей и посадил его на великом княжении во Владимире, на стол отца его, с пожалованием царевым (ханским). Великий князь Василий Димитриевич был посажен на стол послом Тохтамышевым; Василия Васильевича посадил на стол посол ханский у Пречистыя, у золотых дверей. Таким образом, в этом самом обряде обозначалась ясно зависимость русских князей от ханов татарских; теперь, следовательно, для удовлетворительнейшего решения вопроса о значении князя на Руси в описываемое время мы должны постараться определить степень зависимости его от хана; зависимость эта выражалась ли только в необходимости требовать ханского утверждения, ханского ярлыка и в обязанности платить дань, или она имела влияние на внутреннюю деятельность князя, стесняла его? Здесь, разумеется, прежде всего должно решить вопрос о том, как хан мог наблюдать за деятельностью князя, имел ли он при нем постоянного представителя своего, наместника? В известном рассказе об Ахмате, баскаке курском, летописец говорит, что Ахмат держал баскачество Курского княжения, другие же татары держали баскачество по иным городам, во всей Русской земле и были велики. В повести о мучении св. Михаила Черниговского сказано, что Батый поставил наместников и властелей своих по всем городам русским. В известии о перечислении говорится, что численники поставили десятников, сотников, тысячников и темников и, урядивши все, возвратились в Орду. Под 1262 годом летописец говорит, что по всем городам русским был совет на татар, которых Батый и потом сын его Сартак посажали властелями по всем городам русским. Князья, согласившись между собою, выгнали татар, потому что было от них насилие: богатые люди откупали у татар дани и корыстовались при этом сами, а многие бедные работали в ростах. Тогда же, при изгнании и убиении татар, в Ярославле убили отступника Зосиму или Изосима, который с позволения посла ханского делал много зла христианам. В 1269 году великий князь Ярослав Ярославич, собираясь идти на немцев, пришел в Новгород вместе с Амраганом, великим баскаком владимирским. Потом великий князь Василий Ярославич с тем же самым Амраганом воевал волости новгородские. Под 1275 годом упоминается о втором перечислении; под 1290 о восстании жителей ростовских на татар, которые были ограблены. После известия об Амрагане мы не встречаем на севере известий о баскаках, встречаем баскака только раз на юге, в Курской области; под 1284 годом – ясный знак, что на севере баскаков больше не было, иначе летописи не могли бы умолчать о них в рассказе о событиях, в которых татары принимали важное участие, как, например, в борьбе между сыновьями Невского; упоминаются только одни послы, временно являвшиеся в русских городах. После 1275 года не упоминается более о перечислении – ясный знак, что ханы по разным причинам начали оказывать полную доверенность князьям и что последние взяли на себя доставку дани в Орду; но еще под 1266 годом летописец говорит об ослабе от насилия татарского по смерти хана Берге. Уже князь Андрей Александрович городецкий взводил в Орде обвинение на старшего брата Димитрия переяславского, будто тот не хочет платить дани хану; конечно, если бы в это время находился в России баскак или главный сборщик податей, дорога, то не родному брату пришлось бы доносить на Димитрия, и хан не стал бы основываться на одних Андреевых доносах; если же в этих делах были замешаны и баскаки и дороги, то каким образом летописец умолчал о них? Не умолчал же он о Кавгадые. Таким образом, через удаление баскаков, численников и сборщиков

дани князя освобождались совершенно от татарского влияния на свои внутренние распоряжения; но и во время присутствия баскаков мы не имеем основания предполагать большого влияния их на внутреннее управление, ибо не видим ни малейших следов такого влияния.

На юго-западе самое подробное описание вступления княжеского на стол читаем в рассказе волынского летописца о вступлении Мстислава Даниловича на стол Владимирский, оставленный ему по распоряжению двоюродного брата Владимира Васильковича: Мстислав приехал в соборную церковь, созвал бояр и граждан, русских и немцев, которым прочли Владимирово завещание, и слышали все от мала до велика, после чего епископ благословил Мстислава крестом воздвизальным на княжение. Здесь, на юге, жители Бреста не хотели признавать Мстислава своим князем, не хотели исполнять завещания Владимирова; на севере не видим ничего подобного, не встречаем также известий о рядах или уговорах граждан с князьями; не встречаем известий о том, чтобы князья созывали веча и объявляли народу о походе. Князья по-прежнему чаще сами предводительствуют войском, чем посылают воевод; но ни в одном из них не замечаем такой охоты к бою, какую видели в князьях старой, Южной, Руси.

Законодательная деятельность князей выразилась в описываемое время на севере в уставной грамоте великого князя Василия Димитриевича на Двину, в судной грамоте великого князя Александра Михайловича, данной Пскову, и в уставной грамоте князя Константина Димитриевича, данной тому же городу. В 1395 году митрополит Киприан писал псковичам: «Слышал я, что суздальский владыка Дионисий, будучи во Пскове, составил грамоту и присоединил ее к грамоте великого князя Александра – по чему ходить, как судить, кого как казнить, да написал и проклятие на того, кто начнет поступать иначе. Дионисий владыка сделал это не свое дело, не по закону и не по правилам. Если великий князь Александр написал грамоту, по чему ходить, то волен, в том всякий царь в своем царстве, или князь в своем княженьи – всякие дела решить и грамоты записывать; так и великий князь Александр волен был написать грамоту, по чему ходить, на христианское добро, а Дионисий владыка впелся не в свое дело, написал грамоту негодную, и я эту грамоту рушаю. Вы же, дети мои псковичи, как прежде ходили по грамоте князя великого Александра, как была это у вас старина так и теперь по той старине ходите; а грамоту Дионисиеву пришлите ко мне, я сам ее раздеру; та грамота не в грамоту, а что написал он там проклятие и неблагословение патриаршее, то я это проклятие снимаю и благословляю вас. Ходите, дети, по своему обычаю (по своей пошлине) и по старине суды судите: кого виноватого пожалуете, вольны, покажите ли за какую вину, также вольны; делайте по старине, чисто и без греха, как и всякие христиане делают». О деятельности князя относительно суда и расправы так читаем в договоре Димитрия Донского с Владимиром Андреевичем серпуховским: великий князь говорит двоюродному брату: «Судов тебе московских без моих наместников не судить, а стану я судить московские суды, то я буду этим с тобою делиться. Если случится мне не быть в Москве, и ударит мне челом москвитин на москвитина, то я дам пристава и пошлю к своим наместникам, чтоб они решили дело вместе с твоими наместниками. Если же ударит мне челом кто из великого княжения на москвитина, на твоего боярина, то я пошлю за ним пристава, а ты пошлешь за своим своего боярина. Если же ударит мне челом мой на твоего, кто живет в твоём

уделе, то я пошлю к тебе, а ты решишь дело; а ударит тебе челом твой на моего, кто живет в моем уделе и в великом княжении, то ты пошлешь ко мне, и я решу дело, а послать нам за ними своих бояр».

Мы видим, что по прошествии известного времени Россия освободилась от татарских численников и сами князья стали собирать дань со своих волостей и доставлять в Орду. О том, как собиралась дань в волостях, составлявших общее владение Калитина потомства, можно найти известия в условиях договора между Димитрием Донским и Владимиром Андреевичем серпуховским. «Если мне, – говорит великий князь, – придется послать своих данщиков в город, и на перевозки, и в волости княгини Ульяны, то тебе своих данщиков слать с моими данщиками вместе, а в твой удел мне своих данщиков не всылать», следовательно, каждый удельный князь собирал в своем уделе дань независимо и потом отдавал ее великому князю для доставления в Орду. В другом договоре тех же князей говорится: «Что наши данщики сберут в городе (Москве), в станах и в варях, тому идти в мою (великого князя) казну, а мне давать в выход». После того как поголовное перечисление не возобновлялось более, то количество выхода, разумеется, стало зависеть от соглашений великих князей с ханами. Без сомнения, с самого начала великие князья предложили ханам большую сумму денег, чем та, которую доставляли татарские численники и откупщики; потом эта сумма должна была изменяться вследствие разных обстоятельств; так, например, мы видели, что иногда князья, соперничествуя из ярлыка, надбавляли количество выхода. Мамай требовал от Димитрия Донского дани, какую предки последнего платили ханам Узбеку и Чанибеку, а Димитрий соглашался только на такую дань, какая в последнее время была условлена между ним самим и Мамаем; нашествие Тохтамыша и задержание в Орде сына великокняжеского Василия заставили потом Донского заплатить огромный выход: была дань великая по всему княжению Московскому, говорит летописец, брали по полтине с деревни, давали и золотом в Орду. В завещании своем Димитрий Донской упоминает о выходе в 1000 рублей со всех волостей, принадлежавших его сыновьям; здесь доля каждого из пяти уделов определяется следующим образом: Коломенского – 342 рубля, Звенигородскую – 272, Можайского с отъездными местами – 235, Дмитровского – 111, удела князя Ивана – 10 рублей. Доля выхода, падавшая на княжество Серпуховское, удел Владимира Андреевича, не могла быть здесь означена, и, таким образом, мы лишены средства сравнить Серпуховской удел с другими уделами Московского княжества относительно количества выхода и, следовательно, относительно материальных средств. Доля Серпуховского удела определена в договоре великого князя Василия Димитриевича с дядею Владимиром Андреевичем и в завещании последнего: эта доля состояла из 320 рублей; но количество всего выхода в обоих случаях означено другое, именно 5000 рублей; наконец, во втором договоре Василия Димитриевича с князем серпуховским встречаем известие о выходе в 7000 рублей; из тех же источников узнаем, что Нижегородское княжество платило выходу 1500 рублей.

Известна также доля каждого из пяти уделов, на которые раздробилось Серпуховское княжество по смерти Владимира Андреевича: княгиня с своего участка платила 88 рублей, князь серпуховской – 48 рублей с половиною, князь боровский – 33 рубля, князь ярославский – 76, князь радонежский – 42 рубля; князь перемышльский – 41 рубль; с Городца князья Семен и Ярослав платили 160

рублей в нижегородский выход (1500 рублей); с Углича – 105 рублей. Здесь останавливает нас малость доли князя Семена боровского – 33 рубля; любопытно также, что средства одного Городца превышали средства двух уделов князей Семена и Ярослава, Боровска и Ярославля. В эти уроки, в эту определенную сумму, которую должен был вносить каждый удел для выхода, не входила чрезвычайная дань, которую князья брали с своих бояр больших и путных по кормлению и путям. Это выражение: брать дань по кормлению и путям, также: брать дань на Московских станах и на городе на Москве, с противоположением дани, взятой на численных людях; выражение: положить дань на волости по людям по силе; наконец, выражение: потянуть данью по земле и по воде – все эти выражения уже показывают, что дань бралась не поголовно. Великий князь Василий Васильевич пишет в своем завещании: «Как начнут дети мои жить по своим уделам, то княгиня моя и дети пошлют писцов, которые опишут их уделы по крестному целованию, обложат данью по сохам и по людям, и по этому окладу княгиня и дети мои станут давать в выход сыну моему Ивану». Едигей в письме к великому князю Василию Димитриевичу говорит, что последний во всех своих владениях брал дань по рублю с двух сох, но серебра этого не присылал в Орду.

Изменчивость выхода выражается обычным в княжеских договорах условием: «А прибудет дани больше или меньше, взять ее по тому же расчету» и т.п. Со времен Донского обычной статьёю в договорах и завещаниях княжеских является то условие, что если бог освободит от Орды, то удельные князья берут дань, собранную с их уделов, себе и ничего из нее не дают великому князю: так продолжают сохранять они родовое равенство в противоположность подданству, всего резче обозначаемому данью, которую князья Западной Руси уже платят великому князю литовскому.

Кроме выхода, или дани, были еще другого рода издержки на татар, ордынские тягости и проторы. Таков был ям – обязанность доставлять подводы татарским чиновникам, содержание посла татарского и его многочисленной хищной свиты; наконец, поездки князей в Орду, где должно было дарить хана, жен его, вельмож и всех сколько-нибудь значительных людей; неудивительно, что у князей иногда не доставало денег, и они должны были занимать их в Орде, у тамошних бесерменских купцов, а чтобы заплатить потом последним, занимать у своих русских купцов; отсюда долги княжеские разделяются в их договорах на долг бесерменский и русский: князь звенигородский Юрий Димитриевич в договоре с племянником Василием Васильевичем говорит: «Что я занял у гостей и у суконников 600 рублей и заплатил твой ордынский долг Резеп-Хозе и Абипу в кабалы и на кабалах подписал это серебро, то ты сними с меня этот долг 600 рублей, а с теми гостями ведайся сам без меня; я только назову тебе тех людей, у которых я занял деньги». Как средства великого князя превосходили средства удельных, видно из того, что он нередко имел возможность жаловать последних, позволяя им известное время не платить выхода с целого удела или с части его.

Дань шла в казну княжескую тогда только, когда не было запросов из Орды, то есть когда считали возможным не удовлетворять этим запросам; постоянные же доходы княжеские состояли по-прежнему в пошлинах торговых, судных и доходов с земельной частной собственности. Торговые пошлины в княжеских договорах определяются таким образом: князья требуют обыкновенно друг от друга, чтобы новых мытов не замышлять, старые же, обычные, мыты состоят в следующих

сборах: с воза пошлины деньга, с человека косток деньга, если кто поедет без воза, верхом на лошади, но для торговли, платить деньгу же; кто утаится от мытника, промытится, тот платит с воза промыты 6 алтын да заповеди столько же, сколько бы возов ни было; промыта состоит в том, когда кто объедет мыт; если же кто проедет мыт, а мытника у заставы (завора) не будет, то промыты нет; если мытник догонит купца, то пусть возьмет свой мыт, но промыты и заповеди здесь нет. С лодьи пошлина: с доски два алтына, со струга алтын. Тамги и осмничего берется от рубля алтын; но тамга и осмничее берется только тогда, когда кто начнет торговать; если же поедет только мимо, то знает свой мыт да костки, а других пошлин нет; если же кто поедет без торгу, то с того ни мыта нет, ни пошлин.

Кроме означенных пошлин в источниках упоминаются еще: гостиное, весчее, пудовое, пошлина с серебряного литья, резанка, шестьдесят, побережное, пятно (пошлина с положения клейма на лошадей), пошлины с соляных варниц (противень, плоски), сторожевое, медовое, езовое (пошлина с рыбных промыслов), закось, или закосная пошлина, поватажное, портное.

Из судебных пошлин упоминаются: вина, поличное, безадщина, татин рубль, пересуд и проч. Наконец, упоминается пошлина с браков, или так называемая повоженная куница. В описываемое время не встречаем упоминания о двух отраслях княжеских доходов, которые под именем полюдья и погородья упоминаются в известной грамоте князя Ростислава смоленского. Обычай князей ездить на полюдье, т.е. объезжать свою волость, вершить дела судные и брать дары, упоминается еще в известиях Константина Багрянородного, потом встречаем упоминание о нем в летописи в конце XII века, потом это название исчезает; но исчез ли обычай, и когда именно исчез? Этих вопросов решить не можем.

Мы видели, какую богатою земельною собственностью владели князья; произведения этих земель не только служили для продовольствия двора, но шли также в торговлю; на последнее указывает условие в договоре с рязанским князем, чтоб с торговых людей великокняжеских не брали мыта. В описываемое время встречаются известия об оброке, который должны были платить поселенные на землях люди два раза в год, весной и осенью на весенний и осенний Юрьев день. Одной из важнейших статей дохода было пчеловодство и варка меду; об этой статье князья постоянно упоминают в своих договорах и завещаниях. Потом упоминаются княжеские соляные варницы: в области Галицкой, так называемая Соль, в Нерехте, подле Юрьева упоминается Великая Соль, в Ростове – Ростовская Соль; на Городце Волжском князья имели также соляные варницы. О важности рыбной ловли для князей свидетельствует завещание серпуховского князя Владимира Андреевича о рыбной ловле под Городцом; он приказывает двоим сыновьям, чтоб они устроили себе общий ез и делили добычу поровну. Одной из важнейших отраслей звероловства была ловля бобров, для которой у князей был особый разряд служителей (бобровники); что бобры водились тогда поблизости Москвы даже, свидетельствует завещание князя Владимира Андреевича, который отказывает старшему сыну бобровников в станах Московских. Выгоды от звероловства и страсть к охоте придавали в глазах князей большую важность ловчому и сокольничему пути, т.е. праву промыслять над зверем и птицею; Симеон Гордый потребовал от братьев, чтоб они уступили ему на старейшинство

оба этих пути в станах Московских, которые должны были находиться в общем владении; по завещанию Владимира Андреевича ни один из его сыновей не смел охотиться в уделе другого без позволения последнего. Что охота была псовая, свидетельствует название ловчих псарями; для ловли птиц употреблялись также и перевесы. Князя посылали толпы своих промышленников, ватаги, к Белому морю и Северному океану, в страну Терскую и Печерскую за рыбою, зверем и птицею: из грамоты великого князя Андрея Александровича узнаем, что уже тогда три ватаги великокняжеские ходили на море со своим ватаманом (ватагаманом, атаманом); Калита дает жалованную грамоту печерским сокольникам. В завещаниях и договорах княжеских упоминается о конюшем пути, о праве ставить и кормить своих коней; Иоанн Калита завещал одно свое стаде сыну Семену, другое – Ивану, а остальными приказал поделиться сыновьям и жене поровну. Симеон Гордый завещал своей жене 50 коней ездовых и два стада.

Иоанн II отказал своим сыновьям пополам стада свои коневые, жеребцов и кобылиц; Донской разделил стада между сыновьями и женою. Владимир Андреевич серпуховской отказал свое стадо седельное – коней, лошаков и жеребцов, также кобылье стадо жене своей. Наконец, доходной статьею для князей являются сады, к которым причислено было известное число садовников.

Мы видели, что князя пользовались остатками своих доходов для приобретения имуществ недвижимых; о движимости их можно иметь довольно полное понятие из духовных завещаний. Иоанн Калита оставил после себя двенадцать цепей золотых, три пояса золотых, пояс большой с жемчугом и с камнем, пояс золотой с капторгами, пояс сердоничный окован золотом, пояс золотой фряжский с жемчугом и камнем, пояс золотой с крюком на червчатом шелку, пояс золотой царевский; две чаши золотые с жемчугом, два овкача золотых, две чашки круглые золотые, две чары золотые; блюдце золотое с жемчугом и камнем, десять блюд серебряных, два чума золотых больших, два чумка золотых поменьше, коробочку золотую; после первой жены его, княгини Елены, остались вещи: четырнадцать обручей, ожерелье, монисто кованое, чело, гривна. Кроме того, Калита упоминает еще о золоте, которое он приобрел, и о серебряных сосудах. Из дорогого платья Калита оставил детям: кожух червлёный жемчужный, кожух желтый обьяринный с жемчугом, два кожуха с аламами и с жемчугом, коц великую с бармами, бугай соболий с наплечками, с жемчугом и камнем, скорлатное портище, саженое с бармами, шапку золотую.

Все это движимое имущество разделено было между тремя сыновьями и женою; вещи первой жены пошли ее дочери. Доля князя Андрея Ивановича серпуховского досталась сыну его Владимиру; Симеон Гордый завещал все жене своей, от которой только некоторые вещи перешли к великому князю Иоанну II; последний оставил после себя три иконы, пять цепей золотых, из которых три с крестами, одну шапку золотую, одни бармы, четыре пояса, из которых два с жемчугом и камнем, две сабли золотые, две обязи золотые, две серьги с жемчугом, два чекака золотых с камнем и жемчугами, три овкача золотых, два ковша больших золотых, одну коробку сердоничную, золотом окованную, одну бадью серебряную с наливкою серебряною, один опашень скорлатный сажёный, алам жемчужный, наплечки золотые с кругами, с камнем и жемчугами, алам малый с жемчугами, чашку золотую и стакан цареградский, кованный золотом,

блюдо серебряное с кольцами. Будущим зятьям своим великий князь оставил по цепи золотой и поясу золотому.

Димитрий Донской оставил после себя одну икону, одну цепь, восемь поясов, бармы, шапку золотую, вотолу саженую, снасть золотую, наплечки, алам, два ковша золотых.

Василий Димитриевич оставил своему сыну: страсти большие, крест патриарха Филофея, икону Парамшина дела, цепь кресчатую, шапку золотую, бармы, три пояса, коробку сердоничную, ковш золотой князя Симеона Гордого, сосуд, окованный золотом, каменный сосуд, присланный в подарок от Витовта, кубок хрустальный, присланный в подарок от польского короля. Удельный князь Юрий Димитриевич звенигородский оставил после себя три иконы, окованные золотом, три пояса и блюдо большое двухколечное.

Великая княгиня Софья Витовтовна оставила: ящик с мощами, икону, окованную на мусии, икону пречистыя богородицы с пеленою, большую икону богородицы степную с пеленою и с убрусцами, икону св. Козьмы и Дамиана, икону св. Федора Стратилата, выбитую на серебре. Кроме того, оставила два дубовых ларчика, большой и малый, большой ящик и коробью с крестами, иконами и мощами.

Великий князь Василий Васильевич Темный оставил пять крестов золотых: один из них Петра чудотворца, другой Парамшинский, третий патриарха Филофея; икону золотую и на изумруде, шапку, бармы, сердоликовую коробку и два пояса. Из этого перечисления мы видим, что движимое имущество великих князей московских вовсе не увеличивается после Калиты, напротив, уменьшается; бедность завещанных вещей особенно поражает нас в духовной Димитрия Донского, сына и внука его. Такое оскудение мы должны приписать, во-первых, разделению между сыновьями и передаче вещей дочерям; потом желанию князей увеличивать более недвижимую собственность, чем движимую; Тохтамышеву нашествию и большим издержкам в Орде после этого нашествия; большим издержкам в Орде при Василии Димитриевиче для приобретения ярлыков на Нижний Новгород и Муром; наконец, смутному княжению Василия Васильевича и тому, что Василий Косой и Шемяка грабили в Москве казну великокняжескую. Золотая шапка завещается постоянно старшему сыну, начиная с завещания Калиты; барм Калита не отказывает старшему сыну Семену, отказывает одежды с бармами младшим сыновьям; но с завещания Иоанна II мы видим бармы постоянно в числе вещей, завещаемых старшему сыну; также, начиная с завещания Иоанна II, к старшему сыну постоянно переходит коробка сердоничная или сердоликовая, золотом окованная; впрочем, и Калита упоминает о золотой коробочке, которую он завещал княгине с дочерьми. Благословение иконами встречаем впервые в завещании Иоанна II; замечательно, что оружие, именно две золотые сабли, встречаем только между вещами этого князя, равно как две серьги, завещанные сыновьям.

В духовной Димитрия Донского встречаем очень мало платья; в духовных Василия Димитриевича и Василия Темного вовсе не встречаем его. Движимое богатство князей Юго-Западной Руси состояло, как видно, в тех же самых вещах, как и на северо-востоке; так, мы видели, что князь Владимир Васильевич волынский пред смертью роздал бедным все свое имение: золото, серебро, дорогие камни, золотые и серебряные пояса, отцовские и свои; серебряные блюда

большие и кубки золотые и серебряные побил и полил в гривны, так же поступил с золотыми монистами бабки и матери своей.

Жизнь русского князя на севере и юге в описываемое время мало чем отличалась от жизни прежних русских князей. Замечаем, что княжьи имена выходят из употребления; князья обыкновенно называются именами, взятыми из греческих святцев; из старых славянских имен употребляются такие, которые принадлежали святым прославленным князьям, каковы: Владимир, Борис, Глеб, Всеволод. В потомстве Константина Всеволодовича встречаем только одного Мстислава; в потомстве Ярослава Всеволодовича находим одного Ярослава и одного Святослава; чаще встречаем княжьи имена в областях, принадлежавших к старой Руси, Смоленской, Рязанской, Черниговской. Но если вышло из обычая давать князьям славянские языческие имена, то сохранялся обычай давать по два имени, хотя оба были взяты из греческих святцев; так, известно, что сын Василия Темного имел два имени – Иоанн и Тимофей, из которых употреблялось только одно первое.

Восприемниками при крещении князей встречаем духовные лица: так, владыка новгородский Василий ездил во Псков крестить сына (Михаила) у князя Александра Михайловича тверского; митрополит Алексей крестил князя Ивана Борисовича нижегородского; у Дмитрия Донского сына Юрия крестил св. Сергий Радонежский; у князя Василия Михайловича кашинского крестил сына Дмитрия троицкий игумен Никон, преемник св. Сергия, вместе с бабкою новорожденного, великою княгиней Евдокией; у Василия Васильевича Темного крестил сына (Иоанна) троицкий же игумен Зиновий. На княжеские крестины бывали большие съезды, приезжали князья-родственники с женами, братьями, детьми и боярами. Обряд пострига сохранялся. Касательно воспитания князей встречаем одно известие, что князь Михаил Александрович тверской ездил в Новгород к крестному отцу своему, владыке Василию, учиться у него грамоте; молодому князю было тогда семь лет. Между боярами княжескими упоминаются дядьки. Женились князья в первый раз от четырнадцатилетнего до двадцатилетнего возраста; как и прежде, свадьбы сопровождалась богатыми пирами; как видно, венчались князья в том городе, где княжил отец невесты, у которого был первый пир, а потом все родные и гости пиروвали у женихова отца; так, Глеб Васильевич, князь ростовский, женил сына Михаила на дочери ярославского князя Федора Ростиславича, и венчание происходило у последнего в Ярославле, куда приехал отец женихов и много других князей и бояр; потом женихов отец задал большой пир в Ярославле же, почтил свата своего, князя Федора Ростиславича, и всех гостей – князей, бояр и слуг, брачные пиры назывались кашею. От обычая жениться в городе отца невестина происходит выражение, что такой-то князь женился у такого-то князя. Но понятно, что подобный обычай мог соблюдаться только тогда, как жених был еще князь молодой, ниже или равный по достоинству с отцом невесты, и когда последний был жив; но если женился князь не молодой уже или даже если молодой, но важнее тестя или брал сироту, то жених не ездил сам в город, невестин, а посылал за нею бояр своих: так, Симеон Гордый, великий князь московский, послал двух бояр привезти себе невесту из Твери, сироту, дочь князя Александра Михайловича. Дмитрий Донской женился на дочери нижегородского князя Дмитрия Константиновича, но свадьба была не в Москве и не в Нижнем, а в Коломне, на половине дороги, ибо из Москвы в Нижний путь

шел Москвою-рекою и Окою мимо Коломны; выбор Коломны здесь объясняется тем, что оба великих князя не хотели нарушить своего достоинства.

Московский не хотел ехать жениться в Нижний, а нижегородский не хотел ехать на свадьбу к дочери в Москву к шестнадцатилетнему зятю. Так и Александр Невский, взявши дочь у полоцкого князя, венчался с нею в Торопце, где был первый пир, и потом в Новгороде – другой. Венчали князей епископы; если в городе, где женился князь, не было епископского стола, то приглашался для венчания тот епископ, к епархии которого принадлежало княжество; так, венчать князя Василия Ярославича в Кострому приезжал епископ из Ростова. Из завещания великого князя Иоанна II мы видим, что было в обычае тестю дарить зятьев: так, великий князь назначает будущим зятьям в завещании по золотой цепи и по золотому поясу. Мы видели, что обычай давать приданое был уже и прежде; по теперь встречаем в источниках и самое это слово; так, Димитрий Шемяка в договоре с великим князем Василием Васильевичем упоминает о своем приданом, которое было означено в духовной грамоте его тестя и которое захватил брат его Василий Косой. Женились князья и в описываемое время, как мы уже могли усмотреть, в своем роде, потом часто женились на княжнах литовских и выдавали дочерей своих замуж в Литву; иногда женились в Орде на княжнах татарских; великий князь Василий Дмитриевич отдал дочь свою Анну за греческого царевича Иоанна, сына Мануилова; наконец, князья женились на дочерях боярских и выдавали дочерей своих за бояр; дочь великого князя нижегородского Димитрия Константиновича была замужем за московским боярином Николаем Васильевичем, сыном тысяцкого Вельяминова; дочери московского боярина Ивана Дмитриевича были – одна за сыном Владимира Андреевича серпуховского, Андреем, другая за одним из князей тверских; сын Донского князь Петр дмитровский женился на дочери московского боярина Полиевкта Васильевича; один из сыновей тверского великого князя Михаила Александровича женат был на дочери московского боярина Федора Андреевича Кошки, а внучка последнего была за князем Ярославом, сыном Владимира Андреевича серпуховского. Из примера Симеона Гордого видим, что князья вступали в брак иногда до трех раз; тот же великий князь Симеон развелся со второю женою своею Евпраксиею и отослал ее к отцу, одному из князей смоленских; князь Всеволод Александрович холмский также отослал княгиню свою к родным в Рязань.

О занятиях княжеских в описываемое время по характеру источников мы имеем меньше известий, чем в период предшествовавший. Против прежнего для князей прибавилась теперь новая, важная и тяжкая обязанность – это поездки в Орду; Иоанн Калита ездил туда девять раз; сын его Симеон Гордый в кратковременное княжение свое был там пять раз. Иногда князья отправлялись в Орду и с женами и с детьми, иногда собиралось по нескольку князей и ехали туда вместе; о князе Глебе Васильевиче ростовском говорится, что он с молодых лет служил татарам и много христиан избавил от их обид; иногда князья должны были отправляться с ханом в поход.

Волынский летописец говорит, что князь Даниил галицкий, поехавши однажды провожать свое войско, убил на дороге сам рогатиною три вепря, да отрок его – трех же. О племяннике Данииловом, князе Владимире Васильевиче волынском, говорится, что он был ловец добрый и храбрый, завидит вепря или

медведя, не станет дожидаться слуг, но сам сейчас убьет всякого зверя. Не знаем, в такой ли степени северные князья разделяли эту страсть к охоте с своими южными соплеменниками мы видели, что князь Владимир Андреевич серпуховской запретил сыновьям в духовном завещании охотиться без позволения в чужих уделах; видели, что у князей были ловчие, псары и сокольники, которыми они дорожили; но, с другой стороны, мы знаем, что для князей охота составляла также промысел, что они посылали без себя своих ловчих добывать зверя и птицу. Так, в сказании о Луке Колоцком говорится, что когда сокольники удельного князя можайского Андрея Димитриевича выезжали по княжескому приказу с ястребами и соколами на ловлю, то Лука бил и грабил сокольников, ястребов и соколов себе брал, и случалось это много раз. Князь Андрей Димитриевич терпел иногда и посылал к Луке, но тот приказывал отвечать ему жестоко и сурово и сам не переставал бить и грабить не только сокольников, но и ловчих княжеских, отнимая у них медведей. Один из ловчих решил отомстить Луке и нашел удобный случай: поймавши однажды медведя лютого, он приказал вести его мимо Лукина двора; Лука, увидавши медведя, вышел сам к нему с служкою и приказал княжескому ловчему пустить зверя на дворе; тот воспользовался случаем и выпустил медведя прежде, чем Лука успел уйти в комнаты: зверь бросился на него и истерзал так, что слуги отняли его едва живого. Из этого рассказа видно, что ловили больших медведей живыми и употребляли их потом на утеху.

Как северные князья проводили свой день, видно отчасти из одного известия, именно из известия о Суздальской битве: здесь сказано, что великий князь Василий Васильевич ужинал у себя со всеми князьями и боярами и пир продолжался до глубокой ночи. На другой день по восшествии солнца (7 июля) великий князь приказал служить заутреню, после которой пошел опять уснуть. Видим, что по утрам к князю являлись сыновья его, бояре и другие люди с разными делами по управлению. Смерти княжеской предшествовало обыкновенно пострижение в иноки и в схиму; о кончине князя Димитрия Святославича юрьевского рассказывается, что когда ростовский епископ постриг его в иноки и в схиму, то он внезапно лишился употребления языка, потом опять стал говорить и, взглянувши на епископа радостными глазами, сказал ему: «Господин отец, владыка Игнатий! Исполни господь бог твой труд, что приготовил меня на долгий путь, на вечное лето, снарядил меня воином истинному царю Христу, богу нашему». Вот подробное описание кончины великого князя тверского Михаила Александровича: уже два года прошло, как Михаил отправил в Царьград послов с милостынею к соборной церкви св. Софии и к патриарху, по своему обычаю; император и патриарх приняли и отпустили послов тверских с большою честью, и патриарх отправил к Михаилу своего посла с иконою страшного суда, с мощами святых, с честным миром. Когда великий князь узнал, что послы приближаются к Твери, то велел им войти в город к вечеру: пришла ему мысль – встретив икону от святого места и приняв благословение от патриарха, не возвращаться более домой. На другой день утром, когда сыновья, другие князья, бояре и разные люди ждали его с делами по обычному городскому управлению, Михаил не велел уже никому входить к себе, а позвал одного епископа Арсения, которому объявил о намерении своем постричься, прося его, чтоб он не говорил об этом никому другому. Несмотря на то, уже по всему городу разнесся слух, что Михаил хочет оставить княжение и постричься в монахи. Народ изумился, иные не верили, но все

собирались, как на дивное чудо; бояре и отроки его, склоняясь друг к другу, проливали слезы, плакала княгиня, молодые князья, но в присутствии Михаила никто не смел сказать ни слова, потому что все боялись его: был он человек страшный, и сердце у него точно львиное. Между тем послы из Царяграда вошли в город, неся священные подарки; епископ, все духовенство и множество народа вышли к ним навстречу со свечами и кадилами, вышел и сам великий князь, с трудом вставши с постели, и встретил послов на своем дворе у церкви святого Михаила. Поклонившись иконе, Михаил приказал отнести ее в соборную церковь св. Спаса, сам ее проводил туда и, когда икону поставили на приготовленное для нее место, вышел из церкви к народу, стал на высокую ступень и, поклонясь на все стороны, сказал: «Простите меня, братия и дружина, добрые сыны тверские!

Оставляю вам любимого и старшего сына Ивана, пусть будет вам князем вместо меня, любите его, как и меня любили, а он пусть соблюдает вас, как я соблюдал». Народ отвечал горькими слезами и похвалами своему старому князю, который смиренно всем опять поклонился и пошел на пострижение в Афанасьевский монастырь, где за известную плату выпросился жить у одного монаха, именем Григория. На четвертый день он принял пострижение под именем Матвея и через восемь дней после этого обряда умер. В рассказе о кончине князя Димитрия Юрьевича Красного говорится, что его не хоронили семь дней, до тех пор пока приехал брат его Димитрий Шемяка; тогда отпели, положили в колоду, засмолили ее и повезли в Москву для погребения в церкви архангела Михаила – общем месте погребения всех потомков Калиты, как великих князей, так и удельных. Великий князь Василий Васильевич Темный, по словам летописца, хотел пред смертью постричься в монахи, но ему не дали воли; умер он в субботу, в третьем часу ночи, а на другой день, в воскресенье, схоронили его – следовательно, без особенных обстоятельств хоронили на другой день. На юго-западе погребение волынского князя Владимира описывается так:

княгиня с слугами дверными омыли тело, обвили его аксамитом с кружевом, положили на сани и повезли во Владимир, где поставили в Богородичной церкви на сенях, потому что было уже поздно; на другой день совершено было погребение с обычными причитаниями. Похвала доброму князю в устах летописца мало рознится от прежней; но в ней не встречаем известных слов об отношениях к дружине; о великом князе Василии Ярославиче костромском говорится, что он был очень добродетелен, любил бога от всего сердца, без лукавства, был милостив, ко святым церквам прилежен, чтит много епископов как начальников и пастырей, любил и чтит и весь священнический и монашеский чин; был незлобив и легко прощал согрешающих пред ним. О князе Глебе Васильевиче ростовском говорится, что он пищи и питья не щадил и подавал требующим, много церквей построил и украсил иконами и книгами, священнический и монашеский чин очень почитал, ко всем был любовен и милостив, гордости ненавидел и отвращался от нее как от змия; когда умер, то немалую жалость и плач оставил по себе всем знающим его. Об одежде княжеской мы уже могли составить понятие при исчислении вещей, остававшихся после князей московских; в летописи при описании бегства князя Василия Михайловича кашинского сказано, что он убежал в одном терлике и без кивера. При описании наружности волынского князя Владимира Васильковича говорится, что он стриг бороду.

Изменения, происшедшие в междукняжеских отношениях должны были непременно отразиться и на положении дружины. Оседлость князей в одних известных княжествах должна была повести и к оседлости дружины, которая могла теперь приобрести важное первенствующее земское значение в качестве постоянных, богатейших землевладельцев, в качестве лиц, пользующихся наследственно правительственными должностями. Потомки Даниила Александровича не трогаются из Москвы; начиная с Иоанна Калиты, все московские князья постоянно удерживают за собою великокняжескую Владимирскую область; князья не позволяют чужим боярам покупать села в своих волостях; одни только московские бояре имеют постоянную возможность покупать села в области Владимирской, как принадлежащей постоянно их князьям, и мы видим, что они пользуются этим правом. Им выгодно, следовательно, удерживать Владимирскую область и вместе главное, первенствующее значение за своими князьями, и мы видим, как они усердно об этом стараются. Как вместе с увеличением могущества князей московских усиливалось значение бояр их, видно из того, что великие князья нижегородский, тверской ищут родственных союзов с ними.

Несмотря на скудость источников, дошедших до нас от описываемого времени, в них можно встретить довольно ясные указания на усилившееся значение бояр. Уже было упомянуто в своем месте, как переселение бояр с юга в Московское княжество помогло усилению последнего, а это самое усиление в свою очередь должно было привлекать к московским князьям отовсюду богатых, знатных и даровитых бояр; мы видели, какую службу отслужил Москве пришлец с юга – боярин волынский Боброк Дмитрий Алибуртович; но он не вдруг перешел с юга в Москву, а сначала был тысяцким у нижегородского князя Дмитрия Константиновича. Здесь мы видим, как известное положение дружины на Руси способствовало усилению одного княжества на счет других, собранию земли Русской: вследствие единства рода княжеского в древней Руси земля сохраняла свое единство; дружинник, переходя от одного князя к другому, не изменял чрез это нисколько ни Русской земле, ни роду княжескому, владевшему ею нераздельно. Это право свободного перехода дружинники удержали и на севере: отсюда, как скоро они замечали невыгоду службы у слабого князя и выгоду у сильного, то свободно переходили к последнему, ибо здесь не было измены прежнему князю, а только пользование своим правом, признанным всеми князьями; так, мы видели, что великий князь Василий Дмитриевич, склонивши на свою сторону дружину нижегородского князя, овладел беспрепятственно его княжеством.

По родословным книгам, еще с князем Даниилом Александровичем приехал в Москву вельможа Протасий, предок знаменитых Вельяминовых; вернее, известие, что Протасий был тысяцким при Калите, после чего мы видим этот сан наследственным и для потомков Протасия. При одинаковой оседлости князей и бояр их в других княжествах подобные явления найдем не в одной Москве: так, выехал из Чернигова в Тверь Борис Федорович, прозвищем Половой, и был в Твери боярином; сын его также здесь боярином, внук, правнук и праправнук были тысяцкими. Кроме Вельяминовых мы видели целый ряд знатных фамилий, который продолжается от Калиты до праправнука его. Но подле этих, так сказать, коренных московских бояр мы видим постоянно приплыв пришельцев: приезжают

служить московским князьям не только знатные люди из Юго-Западной Руси и из стран чуждых, но вступают к ним в службу князья Рюриковичи с юга и севера, Гедиминовичи из Литвы. Мы видели, к каким явлениям иногда подавал повод приезд нового знатного выходца, который хотел вступить в службу к князю только при условии высокого места; но, чтобы дать ему это место, нужно было взять его у другого старинного боярина, понизить последнего и вместе с ним целый ряд других бояр, занимавших места под ним, – это называлось на тогдашнем языке заездом: новый выходец заезжал старых бояр, которые обязаны были подвинуться, чтобы дать ему высшее место. Так, при Калите выходец с юга Родион Несторович заехал боярина Акинфа с товарищами. Тогда Москва не взяла еще явного перевеса над другими княжествами, Акинфу можно было пренебречь ею, и, раздосадованный заездом, он отъехал в Тверь; но после, когда Москва усилилась окончательно и боярские роды обжились в ней, тогда им невыгодно стало отъезжать отсюда; они в случае заезда скорее соглашались уступать высшее место пришельцу.

Так, в княжение Донского выходец волынский Боброк заехал Тимофея Васильевича Вельяминова с товарищами, и тот уступил ему первое место; при Василии Димитриевиче литовский выходец, князь Юрий Патрикеевич, заехал также некоторых бояр, именно Константина Шею, Ивана Дмитриевича, Володимера Даниловича, Димитрия Васильевича, Федора Кошкина-Голтяя. Относительно этого заезда дошло до нас любопытное известие: князю Юрию Патрикеевичу князь великий место упросил, когда за него дал сестру свою великую княжну Анну (по летописям, дочь Марью). А брат был большой у князя Юрия Патрикеевича – Хованский; и Федор Сабур на свадьбе князя Юрия Патрикеевича брата большого посел Хованского (занял высшее место). И Хованский молвил Сабуру: «Посядь брата моего меньшего, князя Юрия Патрикеевича».

И Федор Сабур молвил Хованскому: «У того бог в кике, а у тебя бога в кике нет» – да сел Хованского выше. «У того бог в кике» значит: у того счастье, судьба в кичке; кичка вместо: женщина, жена; князь Юрий получил высшее место по жене.

До нас дошла также любопытная местная грамота нижегородского великого князя Димитрия Константиновича: «Князь великий Дмитрий Константинович Нижнего Новгорода и городецкой и курмышской. Пожаловал есми бояр своих и князей, дал им местную грамоту по их челобитью и по печалованию архимандрита нижегородского печерского отца своего духовного Ионы и по благословению владычню Серапиона нижегородского и городецкого и сарского и курмышского: кому с кем сидеть и кому под кем сидеть. Велел садитись от своего места тысяцкому своему Дмитрию Алибуртовичу князю волынскому, а под Дмитрием садитись князю Ивану Васильевичу городецкому, да против его в скамье садитись Дмитрию Ивановичу Лобанову, да в лавке же под князем Иваном князю Федору польскому Андреевичу; да садитись боярину его Василью Петровичу Новосильцеву, да против в скамье садитись казначею боярину Тарасию Петровичу Новосильцеву. А пожаловал его боярством за то, что он окупил из полону государя своего дважды великого князя Димитрия Константиновича, а в третье окупил великую княгиню Марфу. Да садитись боярину князю Петру Ивановичу Березопольскому, да садитись в лавке князю Дмитрию Федоровичу

курмышскому. А к местной грамоте князь великий велел боярам своим и дьяку руки прикладывать, а местную грамоту писал великого князя дьяк Петр Давыдов сын Русин». Из этой грамоты мы видим, как в каждом княжестве сильнейшие князья примыслили себе волости, сводя их князей на степень слуг своих; здесь эти князья должны садиться ниже простых бояр, и в начале грамоты бояре вообще поставлены выше князей.

Кроме завещания Димитрия Донского и из других известий мы знаем, что бояре по-прежнему были думцами князя, князь думал, советовался с ними о делах. Начиная с Симеона Гордого, бояре являются свидетелями в княжеских духовных грамотах.

Рязанский великий князь Олег Иванович в одной своей жалованной грамоте говорит: «Посоветовавшись (сгадав) с отцом своим, владыкою Василием, и с своими боярами (следуют имена их), дал я» и проч., но мы должны заметить, что в грамотах московских князей мы этого выражения не находим. Видим бояр, которые пользуются особенною доверенностью некоторых князей и чрез это обнаруживают большое влияние на дела: таков был Семен Тонилович при князе Андрее Александровиче, бояре Федор Андреевич и сын его Иван Федорович Кошка при Василии Димитриевиче, Морозов при князе Юрии Димитриевиче; мы видели, как влияние, переданное стариком Кошкою молодому (относительно) сыну своему, возбудило негодование старших, отразившееся и в летописи.

Разделение дружины на старшую и младшую сохраняется и в описываемое время, только с переменою некоторых названий. Старшая дружина по-прежнему носит название бояр, или бояр. Право бояр на свободный отъезд от одного князя к другому, от великого к удельному и наоборот, также от великого к великому же, от московского, например, к тверскому или рязанскому и наоборот, подтверждается во всех договорах княжеских. Князья обязывались в договорах своих не сердиться на отъехавших от них бояр, не захватывать их сел и домов, оставшихся во владениях прежнего князя. Вследствие этого права бояр сохранять свои недвижимые имущества после отъезда в княжеских уделах постоянно могли находиться волости чужих бояр, несмотря на то что князья не позволяли чужим боярам покупать сел в своих уделах; волости чужих бояр могли находиться в княжеских уделах еще и потому, что известное княжество, например Серпуховское, принадлежало сначала одному князю, Владимиру Андреевичу, и бояре его могли свободно покупать села по всему княжеству, но по смерти Владимира Андреевича его владения разделились между сыновьями его на несколько особых уделов, бояре его также разошлись по сыновьям, причем легко могло случиться, что боярин остался служить старшему брату, серпуховскому князю, а село его, по новому разделу, очутилось в уделе князя боровского. Это обстоятельство заставило князей вносить в свои договоры условие, что бояре относительно суда и дани подведомственны тому князю, во владениях которого живут, где у них недвижимая собственность: князья обязываются ведать таких бояр судом и данью как своих; но в военное время бояре должны были идти в поход с тем князем, которому служили, в случае же осады города, в котором или близ которого они жили, они должны были оставаться и защищать этот город. В случае спорного дела между одним князем и боярином другого оба князя отсылали от себя по боярину для решения этого дела; если же посланные бояре не могли между собою согласиться, то избирали третьего судью; но всякое дело

боярина с своим князем судит последний. За службу свою бояре получали от князей известные волости и села в кормление: Иоанн Калита в завещании своем упоминает о селе Богородицком, которое он купил и отдал Борису Воркову. «Если этот Ворков, – говорит великий князь, будет служить которому-нибудь из моих сыновей, то село останется за ним; если же перестанет служить детям моим, то село отнимут».

Касательно пользования доходами с кормлений Симеон Гордый распоряжается так в своем завещании: «Если кто-нибудь из бояр моих станет служить моей княгине и будет ведасть волости, то обязан отдавать княгине моей половину дохода (прибытка)». Димитрий Донской с двоюродным братом своим Владимиром Андреевичем уговорились так относительно боярских кормлений: «Если боярин поедет с кормленья от тебя ли ко мне, от меня ли к тебе, не отслужив службы, то дать ему кормление по исправе, т.е. зато только время, какое он находился в службе, или он обязан отслужить службу». До нас дошли ввозные, или послушные, грамоты, дававшиеся при пожаловании кормлением: в них приказывалось жителям отдаваемой в кормление волости чтить и слушаться посланного к ним на кормление последний ведает их и судит, и тиунам своим ходить у них велит, а доход должен брать по наказному списку; волости жаловались в кормление с мытами, перевозами, со всеми наместничьими доходами в с пошлиною.

Между самыми старшими членами дружины, между боярами, встречаем различие: встречаем название больших бояр. Летописец говорит, что после убийства тысяцкого Алексея Петровича Хвоста большие московские бояре отъехали в Рязань. Димитрий Донской требует от двоюродного брата своего Владимира Андреевича, что в случае если он, великий князь, возьмет дань на своих боярах, на больших и на путных, то и удельный князь должен также взять дань на своих боярах смотря по кормлению и по путям и отдать ее великому князю. Великий князь Василий Васильевич договаривается с Шемякою, что если общие судьбы их не согласятся то берут себе третьего судью, для чего берут сперва из бояр великокняжеских двоих да из бояр Шемяки одного большого. Кроме упомянутого условия Донского с Владимиром Андреевичем, мы не встречаем больше названия больших бояр вместе с путными; но вместе с путными боярами, или путниками, встречаем на первом месте бояр введенных. Относительно этих введенных и путных бояр мы постоянно встречаем условие, что когда в случае городской осады бояре обязаны садиться в осаду или защищать тот город, в котором живут, бояре введенные и путники избавляются от этой обязанности. Кроме того, о путных боярах в договоре великого князя Василия Димитриевича с Владимиром Андреевичем серпуховским встречаем условие: «Если нам взять (дань) на своих боярах на путных, то тебе взять на своих боярах на десяти». В жалованной грамоте великого князя Василия Васильевича Троицкому Сергиеву монастырю в 1453 году читаем: «Если кто станет чего искать на игуменском приказчике, то сужу его я, князь великий, или мой боярин введенный».

В родословной Кикиных говорится, что Логгин Михайлович Кикин был у великого князя Димитрия Иоанновича боярин введенный, или горододержавец, держал города Волок и Торжок без отнимки; сын Логгина, Тимофей, называется также боярином введенным.

Объяснить значение этих названий: боярин введенный и путный – мы можем только по соображению с другими подобными же названиями. Мы видели, что в одной грамоте на месте бояр введенных находятся большие, из чего имеем основание заключать, что оба этих названия были равнозначащи. После встречаем название дьяков введенных.

Что же касается различия между боярами введенными, или большими, и путными, то его можно усмотреть в приведенном месте из договора Димитрия Донского с Владимиром Андреевичем: «Если великий князь возьмет дань на своих боярах, на больших и на путных, то и удельный князь должен также взять дань на своих боярах смотря по кормлению и по путям». Значит, большой боярин, или введенный, был именно горододержавец, получавший города, волости в кормление; путный же боярин получал содержание с известных доходных статей княжеских, или так называемых путей. Боярин путный должен был иметь поэтому какую-нибудь придворную должность: конюший боярин, например, пользовался доходами с волостей, определенных на конюший путь. Старинное слово: путь и настоящее наше доход (от доходить) выражают одно и то же представление.

Встречаем в описываемое время и название окольного: так, оно находится в грамоте смоленского князя Федора Ростиславича 1284 года; в договорной грамоте Симеона Гордого с братьями. Серпуховской князь Владимир Андреевич сделал наместником в Серпухове окольного своего, Якова Юрьевича Носильца; в рассказе о битве с Бегичем упоминается московский окольный Тимофей (Вельяминов). В жалованной грамоте рязанского князя Олега Ивановича Ольгову монастырю в числе бояр, с которыми советовался при этом князь, упоминается Юрий окольный. Этот Юрий занимает здесь шестое место, из чего можем заключить, что окольные и в описываемое время, как после, хотя и причислялись к старшей дружине, составляли вместе с большими боярами (после просто с боярами) думу княжескую, однако занимали второстепенное место. В числе бояр в означенной Ольговой грамоте упоминается Манасия дядька, занимающий место выше окольного, и Юрий чашник, следующий за окольным. В другой рязанской грамоте выше чашника встречаем название стольника которое встречается и в московских грамотах. Эти оба звания определяются легко из самых слов, указывающих прямо на должность; но что была за должность окольного? На нее мы встречаем указание в позднейших источниках, из которых видим, что окольный употреблялся в походах царских, ездил перед государем по станам, и при этом случае иногда в окольные назначались дворяне – ясный знак, что здесь окольный представлял не чин только, а должность. Если мы сравним это известие о значении окольных с известиями о значении бояр путных, то будем иметь основание принять их за тождественные, тем более что в каком отношении прежде находятся путники к боярам большим, или введенным, в таком же отношении после находим окольных к боярам. Младшая дружина в противоположность старшей, боярам, носит общее название слуг и дворян; но в большей части памятников выделяются составные части младшей дружины, и первое место здесь, второе после бояр, занимают дети боярские – название, показывающее ясно, из кого составлялся этот высший отдел младшей дружины. Дети боярские имеют одинаковое положение с боярами относительно права отъезда и волостей, не имея только права участвовать в думе княжеской.

Второй отдел младшей дружины составляют собственно так называемые слуги, слуги вольные, люди дверные, которые, по тогдашнему выражению, бывали в кормлении и в доводе и которые относительно свободного отъезда имели одинаковое право с боярами и детьми боярскими, отличаясь от последних происхождением. От этих слуг вольных отличались слуги другого рода, промышленники и ремесленники, как-то: бортники, садовники, псари, бобровники, бараши, делюи, которые пользовались княжескими землями. Московские князья обязываются не принимать их в службу, блюсти заодно, земель их не покупать. Если кто из этих слуг не захочет жить на своей земле, то сам может уйти прочь, но земли лишается, она отходит к князю. Такого рода слуги обыкновенно называются в грамотах слуги под дворским, ибо находились под ведомством дворского; этим названием отличаются они от вольных слуг первого разряда, которые бывали в кормлении и в доводе. Наконец, у князей встречаем невольных слуг, холопей, которые могли употребляться в те же самые должности, в каких находились и слуги под дворским, равно и в высшие должности, по домовому и волостному управлению, например в тиуны, посельские, ключники, старосты, казначеи, дьяки; все эти должностные лица назывались большими людьми в отличие от простых холопей, меньших людей. Название гриди, гридба исчезает, но встречается еще иногда название мужа.

На юго-западе встречаем также бояр, слуг и слуг дверных; между боярами встречаем лучших бояр; между слугами – дворных детей боярских. Со времени литовского владычества название бояр для старших членов дружины остается в областях русских, но при дворе великокняжеском оно исчезает, заменяется названием паны, паны рада. До нас дошли жалованные грамоты великих князей литовских вступавшим к ним в службу русским дружинникам. Если кто-нибудь из вельмож литовских свидетельствовал пред великим князем о знатности выходца, то последнего принимали и при дворе литовском соответственно его прежнему значению, как человека родовитого и рыцарского, равняли его в правах с князьями, панами и шляхтою хоругвенною. Новый слуга обязывался быть верным великому князю: с кем последний будет мирен, с тем и он должен быть мирен, и наоборот, и отправлять военную службу вместе с прочею шляхтою, князьями, панами и землянами. Из этого мы видим, как разделялись и назывались служилые люди (шляхта) при дворе великих князей литовских. Дошли до нас присяжные грамоты и тех вельмож, которым великие князья литовские давали держать города: новый державец обязывался держать город верно, не передавать его никакому другому государству, кроме великого княжества Литовского; в случае смерти великого князя город сдать его преемнику. О богатстве южнорусских, именно галицких, бояр можно иметь понятие из известия о взятии двора боярина Судислава, где найдено было много вина, овощей, корма, копий, стрел. Что бояре на юге получали от князей волости, об этом источники описываемого времени говорят ясно; Даниил Романович не велит принимать черниговских бояр, а раздавать волости галицким только; и вслед за тем встречаем известие, что доходы с Коломыйской соли шли на раздачу оружникам. Больному волынскому князю Владимиру донесли, что брат его Мстислав, еще не вступив в управление княжеством, уже раздает боярам города и села. От времен литовских дошли до нас известия о жаловании слуг землями в вечное владение; при этих пожалованиях определяется обязанность пожалованного являться на службу с известным

количеством вооруженных слуг. Имена даются в вечное владение с правом передать их по смерти детям и ближним, с правом продать, подарить, распорядиться ими, как сочтут для себя полезнее; впрочем, Олгердов внук, князь Андрей Владимирович, пишет в своей духовной, что бояре, которым он дал имена, должны с этих имений служить жене его. Боярские вотчины в Юго-Западной Руси издавна были свободны от дани, не были тяглыми; в Смоленске дань (посощина) шла только с тех имений боярских, которые были пожалованы великим князем Витовтом и его преемниками.

По привилегии Казимира Ягелловича, данной литовским землям в 1457 году, князья, паны и бояре могли выезжать в чужие земли, кроме земель неприятельских, для приращения своего состояния и для подвигов воинских, с тем, однако, условием, чтоб в их отсутствие служба великокняжеская с их имений нисколько не страдала.

Имуществами отчинными или пожалованными от Витовта они имеют право владеть так, как князья, паны и бояре польские владеют своими имуществами, имеют право их продать, променять, отчудить, подарить и всячески на свою пользу употребить.

Подданные их освобождаются от всяких податей, платежей, поборов и серебщизны, от мер, которые называются дяклями, от подвод, от обязанности возить камень, бревна, дрова для обжигания кирпичей или извести, от кошения сена и проч., исключая работ, необходимых для построения новых крепостей и поправки старых; остаются также в силе старые повинности: постои, поборы, постройки новых мостов, поправки старых, исправление дорог. Их люди, зависимые и невольные, не могут быть принимаемы ни великим князем, ни его чиновниками. Если будет жалоба на кого-нибудь из людей их, то великий князь не посылает своего детского, но прежде будет потребована управа у господина, которому виноватый принадлежит, и только в том случае, когда в назначенный срок управа не будет учинена, детский посылается, но виноватый платит за вину только своему господину, а не кому-либо другому.

Мы видели на севере в числе бояр окольничих, стольников, чашников. Встречаем также должность конюшего, дворского. В современных источниках указана только одна обязанность дворского: ведать слуг княжеских – мастеровых и промышленных, но, конечно, деятельность его этим не ограничивалась. Встречаем казначеев, ключников, тиунов: все эти должностные лица могли быть из свободных и из холопей. Относительно ключников свободных в завещании князя Владимира Андреевича серпуховского находим следующее распоряжение: «Что мои ключники некупленные, а купили деревни за моим ключем, сами ключники детям моим не надобны, а деревни их детям моим». В рассказе о Мамаевом побоище встречаем рынду, который тут имеет обязанность возить великокняжеское знамя. Из лиц правительственных находим древний сан тысяцкого и видим его уничтожение в Москве при Димитрии Донском. Не встречаем более посадников, вместо них находим наместников, волостелей, становщиков и околичников, которые различались друг от друга обширностью и важностью управляемых участков. В жалованных грамотах обыкновенно говорится, что наместники и волостели не въезжают в известные волости, не судят тамошних людей и не посылают к ним ни за чем. Великий князь Василий Димитриевич требует от дяди своего Владимира Андреевича, чтобы тот не судил

судов московских без великокняжеских наместников; если в отсутствие великого князя из Москвы подаст ему просьбу москвич на москвича то он дает пристава и посылает к своим наместникам, которые должны разобрать дело вместе с наместниками удельного князя. Тиуны являются с прежним значением. При разбирательстве дел употреблялись чиновники: приставы, доводчики; селами управляли посельские, о которых нам прямо известно, что они могли быть из несвободных слуг княжеских; для письменных дел употреблялись дьяки и подьячие; дьяки употреблялись также и для дел посольских: так, Шемяка послал в Казань дьяка своего Федора Дубенского стараться о том, чтоб великого князя Василия Васильевича не выпускали из плена. Описи земель производились писцами. Для сбора разного рода податей существовал ряд чиновников под названием данщиков, боровщиков (от бора), бельщиков (от белки), ямщиков (от яма), бобровников, закосников, бортников.

На юго-западе до литовского владычества встречаем звание дворского, который имеет здесь важное значение и в мире, и на войне: дворский Григорий в Галиче вместе с епископом Артемием является на первом плане: оба противятся князю Даниилу Романовичу и потом оба являются к нему с предложенном принять город.

Знаменитый Андрей, дворский Даниила, является на первом плане в походах; по всему видно, что вследствие влияния соседних государств, Польского и Венгерского, дворский в Галиче имел важное значение палатина. Важным сановником является на юге печатник (канцлер): печатник Кирилл послан был князьями Даниилом и Васильком в Бакоту исписать грабительства бояр и утишить землю; печатника встречаем и в Смоленске в конце XIII века. Видим и в Москве печатника, которым при Димитрии Донском был знаменитый священник Митяй. Встречаем и на юге стольников. Встречаем седельничего, но в другом, высшем значении, чем прежде, находим новое название снузников подле бояр; писец на юге употребляется в том же значении, в каком дьяк на севере.

Таков был состав дружины и собственно двора княжеского на севере и юге. Но кроме означенных званий и разделений и здесь, и там в описываемое время входят в число княжеских слуг князя же племени Рюрика и Гедиминова, лишенные своих владений или по крайней мере лишенные прав независимых владельцев. Вначале, в описываемое время, эти князья не входят еще в общий служебный распорядок, составляют особый отдел дружины, причем, хотя не везде, становятся выше бояр. Князья условливаются друг с другом, что в случае отъезда князя служебные лишаются своих вотчин. Что же касается происхождения остальных членов дружины, то на севере она наполнялась выходцами из Южной Руси, из Литвы, из Орды и даже из Германии. На юге, во Владимире Волынском, видим немца Маркольта с важным значением; там же, в службе князя Владимира Васильковича, видим Кафилата, выходца из Силезии, потом прусса.

В смутное время в Галиче важного значения достиг боярин Григорий, внук священника; вместе с ним упоминаются Лазарь Доможирич и Ивор Молибожич, люди низкого происхождения (племени смердя); но было ли это явление следствием смутного времени или могло случиться и при обыкновенном порядке вещей – этого решить нельзя. Мы видим, что люди знатного происхождения, но не

достигшие еще звания члена старшей дружины образуют особый отдел в младшей дружине под именем детей боярских.

Кроме дружины войско по-прежнему составлялось и из городских полков; полки, составленные из московских жителей, упоминаются в княжеских договорах обыкновенно под именем московской рати; Василий Васильевич Темный вывел против дяди Юрия московских гостей и других жителей. В жалованной грамоте Василия Темного Троицкому Сергиеву монастырю говорится о сельчанах, обязанных береговою службою. На юге Ростислав Михайлович черниговский собрал в Перемышль многих смердов для войны с Даниилом галицким, причем летописец говорит, что эти смерды составляли пехоту, которая дала победу Ростиславу; но в знаменитом Ярославском сражении тот же Ростислав вступил в битву с одною конницею, оставил пехоту у города и был побежден Даниилом, у которого была и конница и пехота. На севере, заслышав о приближении неприятеля, князья рассылали грамоты по всем волостям своим для сбора войска; но мы видели, как эти сборы были медленны, когда надобно было иметь дело с неприятелем, подобным Олгерду или Тохтамышу. Когда неприятель был уже близко, то из первых собравшихся ратников составляли сторожевой полк и отправляли в заставу, чтобы задержать по возможности врага. Выступив в поход, посылали наперед сторожи разведать о движениях неприятеля, добыть пленников, от которых можно было бы узнать все подробно; добыть пленника значило, по тогдашнему выражению, добыть языка. В походе войско кормилось на счет областей, чрез которые проходило: так, говорится, что великий князь Василий Васильевич, заключив перемирие с Василием Косым, распустил свои полки, которые разъехались все для собрания кормов. Пред вступлением в битву войско располагалось по-прежнему: в середине становился великий полк, по обе стороны его две руки – правая и левая, наперед передовой полк; видим употребление с большою пользою засад, или западных полков: засада решила Куликовскую битву в пользу русских; благодаря засаде начальник ушкуйников Прокопий с двумя тысячами войска разбил пять тысяч костромичей. По-прежнему пред началом битвы князья говорили речи.

По-прежнему, видя бегство неприятеля, ратники бросались обдирать мертвых, иногда преждевременно, как, например на Суздальском бою; на юге и на севере видим старый обычай браниться с неприятелем. В южной летописи упоминается о русском бое как отличавшемся своими особенностями. Северный летописец по случаю битвы Василия Васильевича Темного с Василием Косым говорит, что литовский выходец, князь Иван Баба Друцкой, изрядил свой полк с копьями по-литовски, и этот литовский обычай противопоставляет русскому. Выражение: с копьями – не может нам дать понятия об особенностях литовского боя, ибо и русские одинаково употребляли это оружие; так, например, при описании Куликовской битвы говорится, что задний ряд закладывал копья на плеча передним, причем у передних копья были короче, а у задних длиннее. Венгерский полководец отзывался о южнорусских ратниках, что они охочи до бою, стремительны на первый удар, но долго не выдерживают; южнорусские полки любили биться в чистом поле, на открытых местах; Даниил галицкий во время похода на ятвягов говорит своему войску: «Разве не знаете, что христианам пространство есть крепость, а поганым теснота». В северном летописце находим известие, что когда великий князь Василий Васильевич послал полки свои против

татар к Оке под начальством князя звенигородского, то этот воевода испугался и возвратился назад; иначе поступили другие воеводы, князь Иван Васильевич Оболенский-Стрига и Федор Басенок, в войне новгородской: встретившись в числе двухсот человек с неприятелем, у которого было 5000 человек, они сказали: «Если не вступим в бой, то погибнем от своего государя великого князя», сразились и одержали победу. На юге сохранялся обычай, по которому князь должен был ехать впереди войска, потому что он был искуснее всех в ратном деле и его более всех слушались; так, князья русские и польские говорили Даниилу Романовичу: «Ты король, голова всем полкам; если пошлешь кого-нибудь из нас наперед, то войско не будет слушаться, ты знаешь воинский чин, ратное дело тебе за обычай, и всякий тебя постыдится и побоится; ступай сам наперед». И Даниил, урядивши полки, сам поехал наперед с одним дворским и небольшим числом отроков. На севере, по свидетельству сказаний о Мамаевом побоище, великий князь Димитрий, поездив немного впереди в сторожевых полках, возвратился в великий полк.

Вооружение на севере состояло из щитов, шлемов, рогатин, сулиц, копий, сабель, ослопов, топоров. Южный летописец так описывает вооружение полков Даниила галицкого: «Щиты их были, как заря, шлемы, как солнце восходящее, копья дрожали в руках их, как трости многие, стрельцы шли по обе стороны и держали в руках рожанцы свои, наложивши на них стрелы». В другой раз, вышедши на помощь к королю венгерскому, Даниил вооружил свое войско по-татарски: лошади были в личинах и коярах кожаных, а люди – в ярыках, сам же Даниил одет был по обычаю русскому: седло на коне его было из жженого золота, стрелы и сабля украшены золотом и разными хитростями, кожух из греческого оловира, обшит кружевами золотыми плоскими, сапоги из зеленого сафьяна (хза) шиты золотом; когда король попросился у него в стан, то Даниил ввел его в свою полату (палатку). И на юге между оружием попадаетеся название рогтичи, или рогатицы, также мечи и сулицы. В духовной волынского князя Владимира упоминается броня дощатая. Из отнятых у неприятеля коней и оружия составляли сайгат. По-прежнему на юге употребляются стяги или хоругви, на севере они уже начинают называться знаменами: так, в сказании о Мамаевом побоище упоминается черное знамя, которое возили над великим князем. Для созвания войска на бой употреблялись трубы: Василий Васильевич Темный сам начал трубить войску, слышав о приближении Косого.

Относительно характера войн должно заметить, что на севере (включая сюда область Северскую, Рязанскую и Смоленскую) из девяноста известий о войнах внутренних, или междоусобных, мы встречаем не более двадцати известий о битвах, следовательно, семьдесят походов совершено было без битв. Разделив описываемый период времени в 234 года на две равные половины, увидим, что в первую половину, до 1345 года, который придется в начале княжения Симеона Гордого, было только пять битв, остальные же пятнадцать относятся ко второй половине, и из этих пятнадцати почти половина, именно семь битв, приходится на усобицу, происходившую в княжение Василия Темного между этим князем и его дядею и двоюродными братьями, – доказательство усиленного ожесточения к концу борьбы. На юге же в продолжение семнадцати лет, от 1228 года до Ярославской битвы, встречаем двенадцать известий о походах и между ними четыре известия о битвах, между которыми две были лютые – Звенигородская и

Ярославская. О внешних войнах в описываемое время на севере встречаем около 160 известий, и в том числе около пятидесяти только известий о битвах; из этого числа битв более тринадцати было выиграно русскими. Из общего числа известий о войнах сорок пять относятся к войнам с татарами, сорок одно – к войне с литовцами, тридцать – с немцами ливонскими; остальные относятся к войне со шведами, болгарами и проч. На юге до литовского владычества встречаем сорок с чем-нибудь известий о войнах внешних, в том числе одиннадцать известий о битвах, из которых восемь были выиграны русскими. Во время междоусобных войн на севере встречаем раз тридцать пять известия о взятии городов, причем раз пять попадают осады неудачные; во внешних войнах раз пятнадцать упоминается о взятии городов русскими, раз семь – неудачные осады; раз семнадцать русские отбили осаждающих от своих городов, раз около семидесяти упоминается о взятии русских городов, преимущественно татарами, во время нашествия Батыева, Тохтамышева, Едигеева. На юге во внешних войнах раз семь упоминается о взятии городов русскими, раза три – избавление русских городов от осады, раз неудачная осада русскими, раз одиннадцать – взятие городов русских неприятелем.

Касательно осад городов в самом начале описываемого периода мы уже встречаем известия о стенобитных орудиях, пороках, таранах, турах. Во время осады Чернигова Даниилом Романовичем галицким и Владимиром Рюриковичем киевским осаждающие поставили таран, который метал камнем на полтора перестрела, а камень был в подъем четверем мужчинам сильным. Ростислав Михайлович черниговский во время осады Ярославля галицкого употреблял пороки, или праки. Вот как описывается взятие приступом города Гостиного волынского войсками, отправленными на помощь к польскому князю Конраду: «Когда полки пришли к городу и стали около него, то начали пристраиваться на взятие города; князь Конрад ездил и говорил русским: „Братья моя милая Русь! потяните за одно сердце!“ – и ратники полезли под забрала, а другие полки стояли неподвижно, сторожа, чтоб поляки не подкрались внезапно. Когда ратники прилезли под забрала, то поляки стали пускать на них камни, точно град сильный, но стрелы осаждающих не давали осажденным выникнуть из забрал; потом начали колотьясь копьями; много было раненных в городе от копий и стрел, и начали мертвые падать из забрал как снопы; таким образом взят был город и сожжен, жители перебиты и поведены в плен». На севере новгородцы, собираясь в поход под Раковор, приискали мастеров, которые стали чинить пороки на владычном дворе. Во время осады Твери Димитрием Донским осаждающие окружили город острогом, приставили туры и приметали примет около всего города; эта осада продолжалась четыре недели, город не был взят, потому что тверской князь поспешил заключить мир с московским. Первым делом осаждающих было пожечь посад и все строения около осажденной крепости или города; но иногда это делали сами осажденные, приготавливаясь к осаде. В рассказе об осаде Москвы Тохтамышем в первый раз упоминаются пушки и тюфяки, употребленные осажденными; тут же упоминаются и самострелы; осажденные кроме того, что бросали камни и стрелы, лили на осаждающих также горячую воду. Московский кремль ни разу не был взят силою, ибо Тохтамыш овладел им хитростию; Смоленск оба раза был взят Витовтом также хитростию; Тверь после

татарского нашествия с Калитою ни разу не была взята; Новгород не был взят никогда; Псков выдержал шесть осад от немцев.

Относительно числа войск в описываемое время у нас еще менее точных известий, чем даже в период предшествовавший. Правда, мы имеем известие о числе русского войска, сражавшегося на Куликовом поле, но это известие почерпнуто из украшенных сказаний, и есть еще другие причины сомневаться в его верности. Когда великий князь Димитрий перевезся через Оку и сосчитал своих ратников, то нашел, что их более двухсот тысяч, причем великий князь жалел, что у него мало пехоты, и оставил у Лопасны великого воеводу своего Тимофея Васильевича, чтоб он провожал по Рязанской земле те пешие и конные отряды, которые будут приходить после. И действительно, потом сказано, что пришло к нему много пехоты, много житейских людей и купцов изо всех земель и городов, так что после их прихода насчиталось уже более 400000 войска. Но если мы примем в соображение, что Димитрий должен был ограничиться силами одного Московского и великого княжества с подручными князьями и отрядом двух Олгердовичей, что известие о приходе новгородцев более чем сомнительно, что на известии о тверской помощи также нельзя много настаивать, что о полках нижегородских и суздальских нет и помину, то известие о 400000 войска не может не показаться преувеличенным. В Суздальском бою с Василием Темным было только полторы тысячи войска, хотя с ним были тут князья Можайский, верейский и серпуховской, недоставало одного Шемяки, чтоб все силы Московского княжества были в сборе. Новгородцы выставили против Василия Темного 5000 войска, и эту рать летописец называет великою вельми. Разумеется, мы не можем сравнивать похода Василия Темного на казанского хана с походом деда его Димитрия на Мамай: самые жалобы летописца на чрезмерное истощение областей Московских после Куликовской битвы показывают напряжение чрезвычайное.

Таково является, по источникам, состояние дружины и войска вообще. Что касается до остального народонаселения, городского и сельского, то города Северо-Восточной Руси в описываемое время представляются нам с другим значением, чем какое видели мы у городов древней, Юго-Западной Руси. Усобицы между князьями продолжаются по-прежнему, но города не принимают в них участия, как прежде, их голоса не слышно; ни один князь не собирает веча для объявления городовому народонаселению о походе или о каком-нибудь другом важном деле, ни один князь не уряживается ни о чем с горожанами. За Владимир и его область борются князья – переяславский и городецкий, московский и тверской, но расположение владимирцев к тому или другому сопернику никогда не кладется на весы для решения спора, как некогда расположение киевлян; цена важность Владимира и его области, борясь за них, князья, однако, перестают жить в стольном городе отцов, остаются в своих опричинах, это обстоятельство должно было бы дать владимирцам большую независимость при обнаружении своего расположения в пользу того или другого соперника: но ничего подобного не видим. Начинается усобица в Московском княжестве между дядею и племянником; один изгоняет другого из Москвы, как некогда из Киева, но о голосе москвичей ни слова, ни слова о том, чтоб князья-соперники прислушивались к этому голосу, спрашивали его; говорится о заговоре многих москвичей, бояр, гостей и чернецов в пользу Шемяки против Василия Темного, но ни слова о вече, о гласном выражении народного мнения, о распре сторон между гражданами, как

это мы видели в старину на юге; два раза Москва, лишенная князей, предоставляется себе самой: во время Тохтамышева нашествия и после Суздальского боя, и ни в том, ни в другом случае ни слова о вече; летописец говорит только о волнении, которое в первом случае было утишено прибытием князя Остея. Три раза упоминаются вече, или восстания: два раза вече простых людей на бояр – в Костроме, Нижнем, Торжке, один раз – вече в Ростове на татар; упоминаются и прежде советы на татар в городах, причем видим и участие князей; но в старых городах, Смоленске, Муроме, Брянске, жители вмешиваются в княжеские усобицы: смольняне не хотели иметь своим князем Святослава Мстиславича, и последний должен был силою сесть у них на столе; брянцы сходятся вече на князя своего Глеба Святославича; в Муроме обнаруживаются две стороны, из которых одна стоит за князя Федора Глебовича, а другая – за Юрия Ярославича.

Но и в описываемое время существовал на севере город, который, несмотря на усилия Андрея Боголюбского, Всеволода III, сына его Ярослава, внука Ярослава, правнука Михаила, сохранил прежнее значение старших городов в областях, значение власти, сохранил прежний обычай, как на думу, на вече сходиться: то был Новгород Великий. Мы видели, как вследствие родовых княжеских отношений и усобиц явились ряды, как великие князья рядились с киевлянами, как после Всеволода Ольговича тиун в Киеве становился выборным от города; мы видели, что вследствие тех же самых обстоятельств, но еще более усиленных, явились ряды и в Новгороде, и здесь посадники и тысяцкие стали выборными. Мы видели, что начало рядов новгородских должно отнести ко временам Всеволода Мстиславича; но дошедшая до нас самая древняя из договорных грамот новгородских с великими князьями относится ко временам Ярослава Ярославича; после этого князя мы имеем целый ряд подобных грамот с малыми изменениями одна против другой, ибо новгородцы держались старины: новые отношения, явившиеся на севере, не могли дать им новых льгот; все старание их долженствовало быть направлено к тому только, чтоб удержать прежнее.

Так, в начале грамот новгородцы обыкновенно говорят, чтоб князь целовал крест на том, на чем целовали деды и отцы, держать Новгород в старине, по пошлине, без обиды; после исчисления всех условий говорится, что так пошло от дедов и отцов.

В грамотах Ярослава Ярославича говорится только о крестоцеловании княжеском; но в грамотах сына его Михаила является уже и клятва новгородцев – держать княжение честно, по пошлине, без обиды; наконец, с того времени, как младшие, удельные, князья московские начали присягать – держать княжение старших честно и грозно, новгородцы также должны были внести в свои грамоты: грозно. Договор заключался от имени владыки, посадника, тысяцкого, соцких, от всех старейших, от всех меньших, от всего Новгорода. Владыка посылал князю благословение, остальные сановники и жители поклон.

По условиям, определявшим права князя как правителя, князь держал все волости новгородские не своими мужами, но мужами новгородскими. Мы не должны забывать, что под именем волостей разумелось тогда не только то, что мы

теперь разумею под этим названием, но также должности, доходы. Князь без посадника не раздавал волостей, не давал грамот. Князь рядил Новгород и раздавал волости, находясь в Новгороде, но не мог делать этого, находясь в Суздальской земле; без вины не лишал никого волости. На Немецком дворе князь торговал посредством купцов новгородских, не мог затворять двора, приставлять к нему приставов, нарушать договоров, заключенных с городами немецкими, должен был, по выражению грамот, блюсти новгородскую душу, т.е. не делать новгородцев клятвопреступниками перед немцами. Из этих условий видим, что давать грамоты, скреплять ими известные права – принадлежало князю только при участии посадника; но потом Новгород в этом отношении забыл старину, и грамоты стали даваться на вече без участия князя; так, дана была жалованная грамота Троицкому Сергиеву монастырю в следующей форме: «По благословению господина преосвященного архиепископа богоспасаемого Великого Новгорода владыки Еуфимия, по старой грамоте жалованной, пожаловали посадник Великого Новгорода Димитрий Васильевич и все старые посадники, тысяцкий Михайла Андреевич и все старые тысяцкие, и бояре, и житые люди, и купцы, и весь господин Великий Новгород на вече, на Ярославле дворе».

Великий князь Василий Васильевич уничтожил эту новизну; в его договоре с новгородцами читаем условие: «Вечным грамотам не быть» – вместе с другим условием: «А печати быть князей великих». Понятно, что, присвоивши себе право давать грамоты от веча, без князя, новгородцы привешивали к этим грамотам и свою городовую печать.

По условиям, определявшим права князя как судьи, князь не судил суда без посадника; новгородцы обязываются не отнимать суда у великокняжеских наместников, исключая двух случаев: во-первых, когда придет весть о вторжении неприятеля; во-вторых, когда жители будут заняты укреплением города, и обвиненные или тяжущиеся не будут иметь времени отвечать перед судом. Сотские и рядовичи без великокняжеского наместника и без посадника не судят нигде. Зов к суду по волости производится посредством позовников великокняжеских и новгородских, в городе посредством подвойского великокняжеского и новгородского.

Если князю донесут на кого бы то ни было, то он не дает веры доносу, прежде нежели исследуется дело; князь не посуживает грамот, т.е. не переменяет грамот, данных прежними князьями; не посужает ряду вольного, т.е. когда соперники полюбовно уладят дело между собою; не замышляет сам суда; не дает веры наветам холопа или рабы на господина; не судит ни холопа, ни рабы, ни половника без господаря их; дворяне княжеские из Новгородской волости за рубеж суда не выводят и не судят, вязчей пошлины не берут. Если случится суд великокняжескому человеку с новгородцем, то судят от великого князя боярин и от Великого Новгорода боярин, судят право, по крестному целованию. Если же заспорят, не смогут решить дела, то, когда великий князь, или его брат, или сын приедут в Новгород, тогда решат это дело. Судей своих по волости князь шлет на Петров день.

По условиям, определявшим доходы княжеские, князь получал дар от всех Новгородских волостей; в Торжке и Волоке держал тиуна в той части этих городов, которая ему принадлежала, а в Вологде тиуна не держал; на двух

погостах, Имоволожском и Важанском, брал куны; когда князь ехал в Новгород, то брал дар по станциям (по стояниям), а когда ехал из Новгорода, тогда дара не брал. Судных пошлин новгородцы обязываются не утаивать, равно как всяких доходов и оброков княжеских. Пошлины великим князьям и митрополиту от владыки брать по старине.

Крюк великим князьям по старине на третий год. Князь пользовался в назначенных местах правом косить сено, ловить зверей, рыбу, варить мед. Князь собирал дань в Заволоцких владениях Новгорода; но он или продавал (отдавал на откуп) эту дань Новгороду, или мог посылать и своего мужа, но только из Новгорода в двух насадах, и никак не с Низу, и потом посланный должен был возвращаться опять в Новгород, а не прямо к великому князю; раздавать даней на Низу князь не мог. В Вотскую землю князь посылал ежегодов. Дворяне княжеские и тиуны его имеют право брать прогоны; но дворяне не имеют права по селам брать подводы у купцов, разве только в том случае, когда надобно дать весть о приближении неприятеля. Ни князь, ни княгиня, ни бояре, ни дворяне их не могли в Новгородской волости держать сел, покупать их, принимать в дар, также ставить слобод и мытов.

Из всех этих условий видно, что Новгород не платил великому князю дани, исключая даней заволоцких, о которых упоминается еще под 1133 годом. Но мы видели, что в 1259 году наложена была на Новгород дань татарская, число; летописец говорит, что татары переписали дома христианские и что богатым было легко, а бедным тяжело; из последних слов можно видеть, что количество платимой суммы было одинаковое для всех жителей, дань была наложена без соображения с средствами плательщика. Но мы видели также, что татары скоро перестают сами собирать дань и поручают это князьям, которые таким образом получают возможность распорядиться сбором дани по-своему; то же самое делают и новгородцы: они платят великому князю так называемый черный бор для хана и вносят в свои договоры условие: «Если придется князьям великим взять черный бор, и нам черный бор дать по старине».

Так, когда Димитрий Донской после Тохтамышева нашествия должен был дать в Орду большой выход, то послал и в Новгород брать черный бор. Как брался этот черный бор, мы знаем из данной новгородской грамоты великому князю Василию Васильевичу на черный бор по Новоторжским волостям: «Брать князя великаго черноборцам на Новоторжских волостях на всех, куда пошло по старине, с сохи по гривне новой, да писцу княжому мортка с сохи; а в соху два коня да третье припряжь, да тшан кожевничий за соху (идет), невод за соху, лавка за соху, плуг за две сохи, кузнец за соху, четыре пешщи за соху, ладья за две сохи, црен за две сохи; а кто сидит на исполовьи, на том взять за полсохи; где новгородец заехал лодьею или торгует лавкою, или староста, на том не взять; и кто будет одерноватый, берет мясчину, на том также не брать. Кто, покинув свой двор, вбежит во двор боярский или кто утаит соху и будет изобличен, тот платит за вину свою вдвое за соху».

Таким образом, мы видим, что дань платилась с промыслов и определялась величиною средств промышленника, причем все промыслы приравнивались к сохе, которая выражала определенную величину средств, употребляемых при обработке земли.

Мы видели, что определение одних только финансовых отношений Новгорода к великим князьям можно отнести к временам Ярослава I, что определение остальных отношений, как мы встречаем его в договорных грамотах, должно быть отнесено ко временам позднейшим, началось не ранее княжения Ярополка Владимировича в Киеве.

Начавшиеся с этих пор усобицы между Мономаховичами и Ольговичами и между разными линиями Мономахова потомства, частые перемены великих князей отразились в Новгороде, который постоянно признавал свою зависимость от великого князя, брал себе князя из его руки: и здесь начались волнения и усобицы, смены, изгнание князей, образовались партии, приверженные то к тому, то к другому из них; если сначала князья сменялись вследствие смен в Киеве, то потом начали сменяться вследствие торжества той или другой стороны в самом Новгороде; чиновники княжеские, посадники, тысяцкие стали выборными, начали сменяться вследствие торжества той или другой стороны, вследствие смены князей, с которыми стали заключаться договоры, ряды. Князья южные, занятые своими родовыми счетами и усобицами, смотрели равнодушно на утверждение такого порядка вещей в Новгороде; если Ольговичи уступали киевлянам выбор тиуна, то нет ничего удивительного, что другие южные князья легко соглашались и на новгородские условия; Изяслав Мстиславич одинаково ведет себя как на киевском, так и на новгородском вече. Но, с тех пор как приняли первенствующее положение князья северные, мы видим постоянное враждебное столкновение их с бытом Новгорода, развившимся, по всем вероятностям, полнее и определившимся точнее, нежели в других старых городах.

Всеволод III привел было уже Новгород совершенно в свою волю, сын его Ярослав хотел сделать то же самое, хотел управлять Новгородом из пригорода Торжка: обоим помешал южный князь Мстислав; Александр Невский шел по следам предков; брат его Ярослав хотел привести Новгород в свою волю с помощью татарскою, но был остановлен братом Василием; Димитрий Александрович был остановлен в подобных же намерениях братом Андреем, Михаил тверской – Юрием московским. Но московские князья, получивши первенство, изменяют поведение предшествовавших князей относительно Новгорода: они оставляют в покое его быт, не допускают только дальнейшего распространения новгородских прав, например освобождения от митрополичьего суда, и все внимание обращают только на то, чтоб получить с Новгорода как можно больше денег, овладеть его главными доходами, получаемыми с Заволочья. Калита сталкивается враждебно с Новгородом, и всякий раз за деньги, за то, что хочет взять с него больше положенного; он делает также первую попытку овладеть Заволочьем; сын его Симеон Гордый начинает княжение походом на Новгород из-за денег, из-за того, что новгородцы не хотят позволить ему собирать дань на Торжокских волостях. Димитрий Донской идет на Новгород, когда вследствие Тохтамышева нашествия он чувствует большую надобность в деньгах; Василий Димитриевич возобновляет попытку Калиты, хочет овладеть Заволочьем; Темный берет с Новгорода богатые окупы; но Темный уже сильнее всех своих предшественников, он освободился от родичей, собрал их уделы, у него нет соперников ни в Твери, ни в Нижнем, он не боится ни Литвы, ни Орды и потому может думать уже о последнем ударе Новгороду, об уничтожении его старого быта; он действительно думает об этом, но смерть мешает исполнению думы.

Уже давно, по всем вероятностям во второй четверти XII века, посадник в Новгороде стал выборным и занял место подле князя при суде и раздаче волостей, хотя при этом князь не потерял влияния при избрании посадника и не лишился права требовать его смены, объявивши только вину его: так, мы видим, что в 1171 году князь Рюрик Ростиславич отнял посадничество у Жирослава и выгнал его из города; князь Святослав Мстиславич не мог сделать того же с посадником Твердиславом, потому что вопреки условию хотел лишить его должности без вины; в описываемое время Александр Невский настоял на том, чтоб посадник Анания лишен был должности; брат Невского Ярослав требовал, чтоб трое бояр были лишены должности; новгородцы упростили его простить этим людям и удовольствоваться тем, что должность тысяцкого отдана была по его воле человеку, ему преданному. От начала XV века дошло до нас иностранное известие (Ланноа), что посадники и тысяцкие менялись ежегодно. Мы видим, что великие князья посылают в Новгород своих наместников; какое же было значение этих лиц? Под 1342 годом летописец указывает нам наместника великокняжеского Бориса, который вместе с владыкою Василием примирил враждующие стороны; под 1375 годом встречаем другое известие о наместнике: новгородцы, желая упрости владыку Алексея, чтоб он не оставлял епископии, стали веча на дворе Ярослава и послали с челобитьем к владыке с веча наместника великокняжеского Ивана Прокшинича, посадника, тысяцкого и других многих бояр и добрых мужей; здесь, как и следует ожидать, наместник занимает место выше городских сановников. В описываемое время, когда попадают известия о довольно значительных войнах новгородцев с шведами, ливонскими немцами, Литвою, войнах, которые объявлялись формально и оканчивались мирными договорами, можно усмотреть степень участия князя или наместника его во внешних сношениях, в решениях относительно войны и мира. Под 1242 годом встречаем известие, что после Ледового побоища немцы прислали в Новгород за миром с поклоном, без князя (Александра), и мир был заключен. Под 1256 годом встречаем любопытное известие, что Александр Невский выступил в поход с своими полками и новгородскими, причем новгородцы не знали, куда, на какой народ князь идет, — знак, что Александр не объявлял на вече о походе, не спрашивал согласия граждан на него. Ореховский договор со шведами, заключенный в 1323 году, начинается так: «Я, князь великий Юрий, с посадником Варфоломеем, тысяцким Аврамом и со всем Новгородом докончал с братом моим, свейским королем». Во времена московских князей, предоставивших Новгород самому себе, дававших литовским князьям право показывать новгородцев, если они сгрубят им, в это время, разумеется, вече получило большую свободу в определении своих внешних отношений: так, видим, что когда шведский король Магнус прислал в Новгород с требованием принять католицизм, грозя в противном случае войною, то в совещании по этому случаю видим владыку посадника, тысяцкого и всех новгородцев — о наместнике великокняжеском не упомянуто; а при заключении договора с князем Михаилом Александровичем тверским новгородцы вносят условие, чтобы великий князь без новгородского слова не замышлял войны. Но при этом князь не терял своего участия во внешних сношениях: в 1420 году Орден прислал послов в Новгород с предложением назначить съезд для мирных переговоров. В это время в Новгороде жил князь Константин Димитриевич, рассорившийся с братом, великим князем Василием; новгородцы приняли его в

честь, дали ему пригороды, бывшие прежде за литовскими князьями, кроме того, по всей волости Новгородской сбор пошлины, называемой коробейщиною, но в то же время в Новгороде находился и наместник великого князя Василия, князь Федор Патрикеевич, и вот, по словам летописца, немецкие послы условились с князем Константином и со всем Великим Новгородом, что быть на съезд самому магистру, а князю Константину и новгородцам послать своих бояр, вследствие чего были посланы на съезд наместник великокняжеский князь Федор Патрикеевич, боярин князя Константина – Андрей Константинович, двое посадников и трое бояр новгородских. Наконец, из дошедших до нас договорных грамот новгородцев с Любеком и Готским берегом одна, относящаяся к концу XIII или началу XIV века, написана от имени великого князя Андрея, посадника, тысяцкого и всего Новгорода; в ней сказано, что гости будут на божиих руках, княжеских и всего Новгорода; другая грамота, относящаяся ко второй половине XIV века, половине московской, или наместнической, написана от имени архиепископа, посадника, тысяцкого и всего Новгорода.

Из двенадцати смут в Новгороде, о которых упоминает летописец в период от 1054 до 1228 года, только две не были в связи с княжескими переменами: восстание концов вследствие бегства Матея Душильевича в 1218 году и восстание на владыку Арсения в 1228 году. В период от 1228 до 1462 года летописец упоминает 21 раз о смутах, из которых только четыре были в связи с княжескими отношениями. Большею частью новгородцы восстают на своих сановников, причем нельзя не усмотреть борьбы двух сторон, стороны лучших и стороны меньших людей. Мы видели, что и в период от 1054 до 1228 года посадники избирались обыкновенно из одного известного круга знатных фамилий; если при избрании в другие должности следовали тому же обычаю, то легко понять, какое значение должны были получить знатные фамилии, какие общие цели должны были они преследовать и какие волнения в городе должна была производить вражда некоторых из них друг с другом. Мы видели, к каким явлениям повела распря Степана Твердиславича с Водовиком в 1230 году; в 1255 г. лучшие люди составляют совет – побить меньших и ввести князя на своей воле; на разделение интересов обеих сторон летописец указывает также в известии о наложении дани татарской; то же самое видим и в смуте 1418 года. Но здесь рождается вопрос о происхождении бояр новгородских: было ли это название наследственным в некоторых фамилиях или нет? Известно, что в нашей древней истории никогда и нигде боярское звание не было наследственным; боярами назывались старшие члены дружины, думцы, советники князя, который возводил в это звание, давал это значение или сыновьям своих старых бояр и дружинников вообще смотря по мере их достоинства, или людям, вновь вступающим в дружину смотря опять по достоинству и по разным другим условиям: разумеется, происхождение от знаменитого и любимого князем боярина давало его сыну большее право и легкость к достижению того же звания; но в случае нужды и детские могли стать боярами, как обещал сделать князь Владимир Мстиславич при известном случае. Но мы должны строго различать в источниках название боярина в значении старшего члена дружины, название, употребляющееся в противоположность с названиями других младших членов дружины, и то же самое название, употребленное в общем смысле, в смысле знатных, больших людей, в смысле дружины вообще, с противоположением ей всего остального

народонаселения, людей простых, черных. Так, и в Новгородской летописи название бояр употребляется в общем смысле знатных людей, вячших, в противоположность меньшим, простым. Под именем бояр, или больших, вячших людей, в Новгороде разумеются все правительственные лица, как отправляющие свою должность, так и старые, члены всех тех знатных фамилий, которые успели сосредоточить в своем кругу правительственные должности. Сын посадника имел важное значение, как сын посадника, как сын при этом знаменитого, могущественного по своему влиянию человека, и вследствие этого принадлежал к числу больших, знатных людей, бояр; назывался боярином в отличие от обыкновенного, простого человека, а не потому он назывался так, что имел особый сан боярина или принадлежал к сословию бояр. Татары, боясь волнения народного в Новгороде, просят князя Александра, чтоб он приставил к ним сторожей, и князь велит стеречь их сыну посадничьему и всем детям боярским; потом, по смерти Александра Невского, новгородцы послали за братом его Ярославом сына посадничьего и лучших бояр.

Слово бояре в общем значении лучших, знатных людей, противопоставляемых простым людям, употребляется не в одной Новгородской, но и во всех других летописях; понятно, что в других княжествах под именем бояр обыкновенно члены дружины противопоставляются всему остальному народонаселению. Так, под 1315 годом летописец говорит, что князь Афанасий Данилович пошел из Новгорода в Торжок с новгородскими боярами без черных людей, при описании усобиц в Твери говорится, что тяжело было боярам и слугам, тяжело было и черным людям. О Димитрии Донском сказано, что он, желая предупредить Михаила тверского, привел по всем городам к присяге бояр и черных людей. При описании Раковорской битвы новгородский летописец говорит, что много пало добрых бояр, а иных черных людей без числа.

Встречается и старинное название люди в значении простых, черных людей и в противоположность знатным, боярам, дружине вообще; так, говорится, что тверской князь Михаил Александрович, пожегши Дмитровские посады, волости и села, бояр и людей привел пленными в Тверь, а в Волынской летописи встречаем название простых людей в противоположность боярам. Наконец, в противоположность дружине все остальное народонаселение носит название земских людей. Таким образом, в противоположность князьям все не князья были смерды, черные люди; в противоположность боярам и дружине вообще все остальное народонаселение также носило название простых, черных людей; из этого народонаселения будут выделяться новые высшие разряды, или сословия, и все остальные низшие в отношении к этим новым разрядам будут называться также черными людьми. Так, в Новгороде при подробном перечислении слоев городского народонаселения после бояр встречаем житых людей, значительных по своему богатству, людей, которые, не принадлежа к городской аристократии, к лицам и фамилиям правительственным, не принадлежали также и к купцам, ибо не занимались торговлею. За житыми людьми, или мужами, следуют купцы и, наконец, черные люди; под 1398 годом летописец говорит, что ко владыке новгородскому пришли бить челом посадники, бояре, дети боярские, житые люди и купеческие дети; иногда житые люди помещаются после купцов. Те же самые части городского населения, кроме житых людей, видим и во всех других городах Северо-Восточной Руси: когда князь Юрий Ярославич обновил запустелый

Муrom и поставил в нем свой двор, то ему подражали в этом бояре, вельможи, купцы и черные люди. В Москве купцы уже разделяются на гостей и суконников; московские князья в договорах своих условливаются обыкновенно гостей, суконников и городских людей блюсти вместе и в службу их не принимать. Последнее условие объясняется тем, что гости, суконники и вообще городские люди были люди данные, или тяглые, и позволение переходить им в дружину лишало бы князей главного источника доходов, лишало бы их средств платить выход в Орду. После, в XVII веке, мы увидим, какой страшный ущерб в московских финансах был произведен стремлением тяглых городских людей выйти из податного состояния вступлением в службу или зависимость от духовенства, бояр и служилых людей и какие сильные меры употребляло правительство для воспрепятствования этому выходу. То же самое побуждение заставляло князей и в описываемое время условливаться не принимать в службу данных людей, ни купцов, ни черных людей, ни численных, или числяков, и земель их не покупать; если же кто купил подобные земли, то прежние владельцы должны выкупить их, если могут, если же не будут в состоянии выкупить, то покупщики должны потянуть к черным людям; если же не захотят тянуть, то лишаются своих земель, которые даром переходят к черным людям, — распоряжение, тождественное с позднейшими распоряжениями, по которым беломестцам, людям нетяглым, запрещалось покупать земли тяглых людей. То же самое побуждение заставляло московских князей условливаться не держать в Москве закладней и не покупать человека с двором; князья обязываются также не покупать земель ордынцев и делюев, которые должны знать свою службу, как было прежде, при отцах. Под именем делюев разумеются всякого рода ремесленные и промышленные люди, поселенные на княжих землях; ордынцами же называются пленники, выкупленные князьями в Орде и поселенные также на княжих землях.

Городское тяглое население по-прежнему разделялось на сотни: новгородцы говорят в своих грамотах, что купец должен тянуть в свое сто, а смерд в свой погост; здесь под смердом разумеется сельский житель. Московские князья в своих договорах говорят о черных людях, которые тянут к сотникам; иногда же говорят о черных людях, которые тянут к становщику: и здесь надобно, думаем, понимать так, что в первом случае говорится о городских людях, а во втором — о сельских.

Сотник, или сотский, удерживает прежнее значительное положение свое в Новгороде; в начале договорных грамот с князьями говорится, что шлется князю благословение от владыки, поклон от посадника, тысяцкого и всех сотских. Но если купцы и вообще горожане тянули к своим сотским, то сотские должны были тянуть к тысяцкому; великий князь в договорах с удельными выговаривает, чтоб московская рать по-прежнему выступала в поход под его воеводою и чтоб князья не принимали к себе никого из этой рати; последнее условие показывает нам, что эта рать состояла из горожан; мы знаем также, что имя воеводы давалось преимущественно тысяцкому. Кроме собственных горожан, тянувших в городские сотни, могли жить в городе на своих дворах холопы и сельчане княжеские: так, Димитрий Донской условливается с Владимиром Андреевичем серпуховским послать в город (Москву) своих наместников, которые должны очистить холопей

их и сельчан; от этого происходило, что в Москве находились дворы, которые тянули к селам.

На вятское устройство могут указать нам только первые строки послания митрополита Ионы, который обращается к трем воеводам земским, ко всем ватаманам, подвойским, боярам, купцам, жителям и ко всему христианству.

В городском быту Юго-Западной Руси до литовского владычества самым замечательным явлением был приплыв чуждого народонаселения – немцев, жидов, армян. Под 1259 годом волынский летописец сообщает нам любопытное известие о построении и населении города Холма: однажды князь Даниил Романович, охотясь, увидел красивое и лесное место на горе, окруженной равниною (полем): место ему полюбилось, и он построил сперва на нем маленькую крепость, а потом другую, большую и начал призывать отовсюду немцев и русских, иноязычников и поляков, и набежало много всяких ремесленников от татар: седельники, лучники, тульники, кузнецы, медники, серебряники, закипела жизнь, и наполнились дворами окрестности города (крепости), поле и села. Князь Мстислав Данилович для выслушания завещания брата своего Владимира Васильевича созывает во Владимире Волынском горожан (местичей) – русских и немцев; на похоронах Владимировых плакали немцы, сурожцы и жида. Во время литовского владычества жида получили большие льготы; по грамоте Витовтовой, данной в 1388 году, за убийство, нанесение раны, побоев жиду виноватый отвечает так же, как за убийство, раны, побои, нанесенные шляхтичу; если христианин разгонит жидовское собрание, то наказывается по обычаю земскому и все его имущество отбирается в казну; за оскорбление, нанесенное школе жидовской, виноватый платит великокняжескому старосте два фунта перцу. Жида можно заставить присягнуть на десяти заповедях только при важном иске, где дело идет не меньше как о 50 гривнах литого серебра; в других же случаях жид присягает перед школою, у дверей. Жида-заимодавца нельзя заставить выдать заклад в субботу. Если христианин обвинит жида в убийстве христианского младенца, то преступление должно быть засвидетельствовано тремя христианами и тремя жидами добрыми; если же свидетели объявят его невинным, то обвинитель должен потерпеть то же наказание, какое предстояло обвиненному. Во время литовского владычества города русские стали получать право немецкое, магдебургское. Ставши королем польским, Ягайло немедленно, в 1387 году, дал Вильне магдебургское право; великий князь Сигизмунд Кейстутович в 1432 году подтвердил это пожалование грамотою на русском языке: вследствие этого жители Вильны, как римской, так и русской веры, высвободились из-под ведомства воевод, судей и всяких чиновников великокняжеских и во всех делах расправлялись перед своим войтом. От того же Сигизмунда жители Вильны, как ляхи, так и русы, получили право безмытной торговли по всему княжеству Литовскому, весчую и другие пошлины в своем городе, а великий князь Казимир Ягайлович освободил их от обязанности доставлять подводы. В привилегии короля Казимира, данной литовским землям в 1457 году, городские жители сравнены в правах с князьями, панами и боярами, кроме права выезжать за границу и кроме управы над подвластными людьми. Старый Полоцк, имевший одинакий быт с Новгородом Великим, сохраняет этот быт или по крайней мере очень заметные следы его и при князьях литовских. Так, видим, что он заключает договоры с Ригою, с магистром ливонским и

привешивает к этим договорам свою печать. Король Казимир в своей уставной грамоте Полоцку говорит: «Приказываем, чтобы бояре, мещане, дворяне городские и все поспольство жили в согласии и дела бы наши городские делали все вместе согласно, по старине, а сходились бы все на том месте, где прежде издавна сходились; и без бояр мещанам, дворянам и черни сеймов не собирать». Для сбора денег на короля устроен был в Полоцке ящик за четырьмя ключами: ключ боярский, ключ мещанский, ключ дворянский и ключ поспольский; для хранения ключей избирались из всех этих сословий по два человека добрых, годных и верных, которые один без другого ящика не отпирали.

Кто были эти дворяне? Без сомнения, служня прежних полоцких князей.

Внешний вид русского города не разнился от внешнего вида его в прежде описанное время. В Москве явилась каменная крепость (кремль) только в княжение Дмитрия Донского; мы видели, как во время Тохтамышева нашествия москвичи хвалились, что у них город каменный, твердый и ворота железные. В 1394 году задумали в Москве копать ров от Кучкова поля в Москву-реку: много было людям убытка, говорит летописец, много хором разметали, много трудились – и ничего не сделали. Через пять лет после заложения московского кремля заложен был и каменный кремль нижегородский. Заложение обширной крепости в Твери летописец приписывает еще св. Михаилу Ярославичу; но под 1368 годом встречаем известие, что в Твери срубили деревянную крепость и глиною помазали; потом князь Михаил Александрович велел около крепостного вала выкопать ров и вал засыпать от Волги до Тмаки, а в 1394 году тот же князь велел рушить обветшалую стену и тут же рубить брусом. Как видно, кремль Донского был единственною каменною крепостью во всем Московском княжестве; в Серпухове князь Владимир Андреевич построил крепость дубовую.

Гораздо более известий о городских постройках встречаем в летописях новгородских и псковских: в 1302 году заложена была в Новгороде каменная крепость; в 1331 владыка Василий заложил город каменный от Владимирской церкви до Богородичной и от Богородичной до Борисоглебской, и в два года строение было окончено; а юрьевский архимандрит Лаврентий поставил стены около своего монастыря в сорок сажен, с заборами; в 1334 году владыка покрыл свой каменный город, а в следующем году заложил острог каменный от Ильинской церкви к Павловской. В 1372 году выкопали ров около Людина конца, Загородья и Неревского конца; в 1383 выкопали ров около Софийской стороны, к старому валу; в 1387 сделали вал около Торговой стороны. В 1400 владыка Иоанн заложил каменный детинец. Иностранному путешественнику Ланноа (в начале XV века) Новгород показался удивительно огромным, но дурно укрепленным; Псков, по его отзыву, укреплен был гораздо лучше. Действительно, мы часто встречаем известия о городских постройках в Пскове: в 1309 году здесь заложена была стена плитяная от Петропавловской церкви к Великой-реке; в 1374 году псковичи заложили четвертую стену плитяную от реки Псковы до Великой, подле старой стенки, которая была с дубом немного выше человеческого роста, а через год поставили два костра каменных на торгу; в 1387 году поставили три каменных костра у новой стены на приступе; в 1394 выстроили перши, или перси; в 1397 четыре костра каменных; в 1399 заложена новая стена с тремя кострами; в следующем году поставлены два новых костра, а в 1401 году пристроили новую стену к старой подле реки Великой; в 1404 заложили новую стену каменную

подле реки Псковы и старой стены, толще и выше последней, и покрыли ее; в 1407 выстроили стену против персей от гребли сторожевой избы толще и выше; в 1417 наняли мастеров, выстроили стену и поставили костер: в Петров пост кончили строение, а в Успенский оно упало; в 1420 поставили новый костер и выстроены были новые перши: строили их 200 человек, которые взяли у Пскова за работу 1000 рублей, да тем, которые плиту обжигали, дали 200 рублей; но через три года строение распалось. В 1452 году урядили новую стену у першей и в ней 5 погребов; в 1458 надделали над старою стеною новую и дали за это мастерам полтора рубли. Кроме самих Новгорода и Пскова в их волости видим и несколько других каменных городов: Копорье, Орешек, Ямский город, Порхов, Изборск, Гдов; как легко и скоро строили деревянные крепости, видно из известия под 1414 годом, что псковичи поставили город Коложе в две недели; деревянную московскую крепость Калиты начали рубить (строить) в ноябре и кончили в начале весны следующего 1338 года.

В Новгороде от 1228 до 1462 года было выстроено не менее 150 церквей, включая монастырские и исключая поставленные на месте старых, обветшалых; из этого числа не менее 100 каменных; в период предшествовавший, как мы видели, было построено около 70 церквей, и так как число церквей, построенных при св. Владимире и Ярославе I, нельзя простирать далеко за 20, то число всех церквей новгородских в половине XV века можно полагать около 230; любопытно, что в продолжение первых 42 лет – от 1228 до 1270 года – летописец упоминает о построении только двух церквей в Новгороде. Во Пскове в описываемое время построено было 35 церквей, из них 23 каменные, две деревянные и о десяти неизвестно. В Москве летописец упоминает о построении только пятнадцати каменных церквей: из этого видно, как отстал главный город Северо-Восточной Руси от Новгорода и даже от Пскова; о количестве церквей московских в половине XIV века можно судить по известию о пожаре 1342 года: сказано, что погорел город Москва весь и церквей сгорело 18. В Нижнем Новгороде в конце XIV века было 32 церкви. Упоминаются мостовые в Пскове: например, в 1308 году посадник Борис замыслил помостить торговище, и помостили, и было всем людям хорошо, заключает летописец; в 1397 году снова помостили торговище; но мы видим, что от Пскова или Новгорода никак нельзя заключать к другим городам, да и во Пскове мостили только торговую площадь, где было непрерывное стечение народа, для которого, разумеется, было хорошо, когда он не был принужден стоять по колена в грязи. Эта мостовая была, разумеется, деревянная, ибо каменной не было здесь и в XVII веке. В Новгородской и Псковской летописях находим известие о построении мостов с некоторыми подробностями: например, в 1435 году наняли псковичи наймитов сорок человек строить новый мост на реке Пскове; балки должны были доставить наймиты сами, а рилины, городни и дубья были псковские; наймитам заплачено было 70 рублей; в 1456 году намостили мост большой через реку Пскову и дали мастерам 60 рублей, да потом еще прибавили 20. Из городских частей упоминаются в Новгороде концы, улицы, полуулицы, улки.

Что касается до внешнего вида юго-западных русских городов, то мы знаем отзыв венгерского короля о Владимире Волынском, что такого города не находил он и в немецких землях; городские стены и на юге, как на севере, утверждались пороками и самострелами. В Холме при Данииле Романовиче среди города была

построена башня высокая, с которой можно было стрелять по окрестностям, основание ее было каменное, вышиною 15 локтей, а сама была построена из тесаного дерева и выбелена, как сыр, светилась на все стороны; подле нее находился колодезь, глубиною в 35 сажен. В поприще от города находился столп каменный, а на нем орел каменный изваян, высота камню 10 локтей, с головами же и подножками – 12. О князе Владимире Васильковиче летописец говорит, что он много городов срубил; между прочим, в Каменце поставил столп каменный, вышиною в 17 сажен, так что все удивлялись, смотря на него. Столица великого княжества Литовского, Вильна, в начале XV века состояла из дурных деревянных домов, имела деревянную крепость и несколько кирпичных церквей.

Так как и в описываемое время, кроме стен и церквей, остальное строение в русских городах было почти исключительно деревянное, то и теперь пожары должны были свирепствовать по-прежнему. О московских пожарах летопись упоминает в первый раз под 1330 годом; в 1335 году Москва погорела вместе с некоторыми другими городами; в 1337 был новый большой пожар, причем сгорело 18 церквей; после пожара пошел сильный дождь, и что было вынесено в погреба и на площади, то все потонуло. В 1342 подобный же пожар; в 1357 Москва сгорела вся с 13 церквами; в 1364 году загорелась Москва во время сильной засухи и зноя, поднялась буря и разметала огонь повсюду; этот пожар, начавшийся от церкви Всех святых, слыл большим; в 1388 сгорела почти вся Москва; в 1389 сгорело в Москве несколько тысяч дворов; подобный же пожар в 1395 году; потом упоминается о пожаре в Москве в 1413, 1414, 1415, в 1422, 1441; в 1445 знаменитый пожар после Суздальского бою; в 1453 выгорел весь кремль; в 1458 сгорело около трети города. Таким образом, в 130 лет 17 больших пожаров – по одному на 7 лет. В Новгороде в 1231 году сгорел весь Славенский конец; пожар был так лют, говорит летописец, что огонь ходил по воде через Волхов; в 1252 году опять погорело Славно; в 1261 сгорело 80 дворов; в 1267 сгорел конец Неревский, причем много товара погорело на Волхове в лодях, все сгорело в один час, и многие от того разбогатели, а другие многие обнищали; в 1275 погорел торг с семью деревянными церквами, четыре каменные сгорели да пятая немецкая; в 1299 году ночью загорелось на Варяжской улице, поднялась буря, из Немецкого двора перекинуло на Неревский конец, занялся большой мост, и была великая пагуба: на Торговой стороне сгорело 12 церквей, в Неревском конце – 10. В 1311 году было три сильных пожара: сгорело 9 церквей деревянных, 46 обгорело; потом упоминается сильный пожар под 1326 годом; такой же – под 1329, 1339; в 1340 году упоминается об одном из самых лютых пожаров: между прочим, погорел владычный двор и церковь св. Софии, из которой не успели вынести всех икон; большой мост сгорел весь по самую воду; всех церквей сгорело 43, по другим известиям – 50, а людей погибло 70 человек; по иным известиям, сгорело 48 церквей деревянных и упало три каменные. В 1342 году, во время большого пожара, сгорело три церкви и много зла случилось; люди не смели жить в городе, перебрались на поле, а иные жили по берегу в судах, весь город был в движении, бегали больше недели, наконец, владыка с духовенством замыслили пост и ходили со крестами по монастырям и церквам. В 1347 году погорело шесть улиц; в 1348 два пожара: во второй горело на пяти улицах, сгорели 4 деревянные церкви; в 1360 погорел Подол с Гончарским концом, причем сгорело семь деревянных церквей; в 1368 году был пожар злой, по выражению летописца:

погорел весь детинец, владычный двор, церковь св. Софии сгорела, часть Неревского конца и Плотницкий конец весь, а в следующем году погорел конец Славенский; через год новый пожар: погорел весь Подол и некоторые другие части города; в 1377 году сгорело семь церквей деревянных и сгорели три каменные; в 1379 сгорело 8 улиц и 12 церквей; в 1384 был пожар в Неревском конце, сгорело две церкви; в следующем году сгорело два конца – Плотницкий и Славенский, весь торг; каменных церквей сгорело 25, деревянных 6; начался пожар в среду утром, горело весь день и ночь и в четверг все утро, людей сгорело 70 человек. В 1386 году сгорел конец Никитиной улицы; в 1388 году погорела Торговая сторона: сгорело 24. церкви и погибло 75 человек. В 1391 сгорело 8 деревянных церквей, по другим известиям – 15, сгорело 3 каменные, по другим известиям – семь, людей погибло 14 человек; в том же месяце погорел весь Людин конец с семью деревянными церквями и четырьмя каменными; в 1394 погорел владычный двор с околотком, сгорело 2 церкви деревянные и 8 каменных сгорело; в 1397 погорел берег; в 1399 был пожар в Плотницком конце, Славенский сгорел кесь, сгорело 22 каменные церкви, сгорела одна деревянная; в 1403 году опять погорела часть Плотницкого конца, а Славенский сгорел весь, причем сгорело 15 каменных церквей, по другим известиям, каменных – 7, а деревянных – две; в 1405 – два пожара: на Яневой улице сгорело 15 дворов, потом погорел Людин конец, часть Прусской улицы, часть детинца, сгорело 5 деревянных церквей и одна каменная, сгорело каменных 12, причем погибло 30 человек; в 1406 погорел княжой двор, а в следующем году погорел Неревский конец, сгорело 12 церквей каменных, и в том числе св. Софии, сгорело 6 деревянных; в 1414 погорел Неревский конец, пять деревянных церквей сгорело, 8 каменных сгорело; в 1419 погорело два конца – Славенский и Плотницкий с 24 церквями; в 1424 погорела Торговая сторона и Людин конец весь; в 1434 погорели два конца; в 1442 было три сильных пожара в одном месяце. Таким образом, в Новгороде в описываемое время приходилось по одному сильному пожару на 5 лет. Под 1391 годом встречаем в летописи известие о средстве, которое придумали новгородцы для предупреждения пожаров: после большого пожара, бывшего в этом году, они взяли у св. Софии с полатей десять тысяч серебра, скопленных владыкою Алексеем, и разделили по 1000 рублей на каждый конец: на эти деньги поставили костры каменные по обе стороны острога у всякой улицы. Во Пскове упоминается десять больших пожаров, в Твери – семь, два-в Смоленске, два – в Торжке и по одному – в Нижнем, Старице, Ростове, Коломне, Муроме, Корельском городке, Орешке, Молвотичах. Что касается народонаселения городов, то под 1230 годом говорится, что в Смоленске погибло от мору 32000 человек; в Новгороде в 1390 году, по одному иностранному известию (Кранца), погибло от мору 80000 человек; в Москве во время Тохтамышева взятия, по одним известиям, погибло 24000 человек, по другим – вдвое меньше.

Земельные участки, принадлежащие к городу, назывались его волостями, а совокупность всех этих участков называлась уездом, название уезда происходит от способа, или обряда, размежевания, который назывался разъездом, межевщик – разъезжиком, или заездником, межевать – разъезжать, следовательно, все, что было приписано, примежевано к известному месту, было к нему уехано, или заехано, составляло его уезд, что было отписано, не принадлежало к нему, было отъехано, составляло волости отъездные. Но уездом называлась не одна

совокупность мест, волостей, принадлежавших городу: такое же название могла носить и совокупность мест или земель, принадлежавших к известному селу, и действительно, мы встречаем село с уездом. В правительственном отношении уезд разделялся на волости, волости на станы, станы на околицы; населенные места в уезде носили различные названия: встречаем городки, слободы, слободки, села, селца, деревни, починки села, новоселки, встречаем села, принадлежащие к слободкам, села в слободах, деревни, принадлежащие к селам, к починкам. Известно, как обширна была волость Новгорода Великого; по давно утвердившемуся в нашей науке мнению, Новгородские волости исстари делились на пять больших частей, или пятин, которые соответствовали разделению Новгорода на пять концов, так что жители каждой пятины ведались у старосты того городского конца, к которому их пятинка принадлежала. Об этом прямо и ясно говорит Герберштейн; из русских источников, в житии св. Саввы Вишерского читаем, что преподобный, имея нужду в земле для построения монастыря, посылал для испрошения этой земли в Славенский конец. Сохранились даже в списках и грамоты, данные правлением конца Вишерскому монастырю на земли, концу принадлежавшие. Здесь могут возразить, что в означенных грамотах дело идет не о пятинных отношениях к концу, а просто о землях, находившихся недалеко от Новгорода (в 7 верстах) и принадлежавших Славенскому концу. Но известно, что области пятин, как, например, Обонежской (в которой находились Вишерские земли), начинались непосредственно от Новгорода, что в Обонежской пятине были погосты, находившиеся еще ближе к Новгороду, чем Вишерские земли, например Деревяницкий, Волотовский.

И в описываемое время видим, что князья и вообще землевладельцы стараются увеличивать народонаселение льготами, которые они дают пришлым людям: в княжение Димитрия Донского какой-то Евсейка вздумал переселиться из Торжка в великокняжескую вотчину, на Кострому, и великий князь освободил его от всех податей, кроме оброка по 5 куниц на год; кроме того, приказал его блюсти дяде своему Василию тысяцкому. При уступке земельного участка монастырю или какому-нибудь частному лицу князья обыкновенно помещают в своих жалованных грамотах то условие, что если землевладелец населит данный участок, то население освобождается на несколько лет от всех податей или тягостей, причем различаются два случая: если землевладелец перезовет на свой участок прежде живших на нем людей, старожилцев, или перезовет выходцев из других княжеств, инокняженцев: для последних льгот было больше, давалась им свобода от всех податей на двойное количество лет в сравнении с первыми, обыкновенно на десять лет вместо пяти; в случае успешного заселения данного участка землевладелец получал новые льготы, новые награды; так, например, монахи Кириллова монастыря за то, что полученную ими пустошь распахали, людей собрали, селце и деревни нарядили, получили от великого князя Василия Васильевича льготу: никому из чиновников не велено было ездить на это селце и деревни и останавливаться в них, брать кормы, проводников, подводы. Условия, на которых пришлые люди поселялись на пустых участках, разумеется, зависели от взаимного соглашения их с землевладельцами: они могли обрабатывать землю за известную плату от владельца, по найму, и назывались наймитами, могли пользоваться землею, уплачивая владельцу ее половину собираемых произведений, и потому назывались половниками, треть произведений – почему

назывались третниками, крестьянин, занявший при поселении деньги у землевладельца, назывался серебряником, наконец, встречаем название рядовых людей – от какого-нибудь, нам неизвестного, ряда, или договора. Мы видим из княжеских грамот, что эти люди переходили с одной земли на другую, из одного княжества в другое, перезывались; понятно, что самые льготы, которые они получали при заселении пустых участков, побуждали их к переходам: ибо, живя на одном месте, по истечении известного срока, например десяти лет, они лишались льгот, и им выгодно было перейти на другое место, заселив которое они получали опять льготы. Впрочем, видим уже ограничение произвольного перехода сирот, или хрестьян (так называлось тогда сельское народонаселение), определением срока для него: сирота мог оставлять землю, отказываться, только осенью, по окончании полевых работ, именно за две недели до Юрьева дня и неделю спустя после Юрьева дня осеннего, причем серебряники должны были заплатить свое серебро. Потом видим запрещение перехода или перезыва крестьян в виде льготы для известного землевладельца: так, например, великий князь Василий Васильевич пожаловал игумена Троицкого Сергиева монастыря и братию, запретив переход крестьянам-старожилцам из монастырского села Присек и деревень, к нему принадлежащих. Дальнейшим ограничением было запрещение землевладельцам, которых земли были освобождены от общего княжеского суда и пошлин, принимать к себе тяглых волостных людей, тянувших судом и пошлинами к князю, они должны были довольствоваться только перезывом инокняженцев: так, Иоанн Калита запретил юрьевскому архимандриту принимать на свои земли тяглых волоцких людей и выходцев из Московского княжества; так, великий князь Василий Димитриевич постановил это условие при позволении митрополиту Фотию купить деревню в волости Талше.

Наконец, иногда князь не только позволял известному землевладельцу не отпускать от себя крестьян, но давал право возвращать и тех, которые прежде вышли: так, великий князь Василий Васильевич дал это право игумену Троицкого Сергиева монастыря относительно людей, вышедших из монастырских сел в Углицком уезде. Что же касается до отношений переходного сельского народонаселения к землевладельцам, то мы знаем, что некоторым из последних князья жаловали право суда над поселенными на их землях людьми, кроме душегубства и суда смесного; в последнем случае землевладельцы эти судили вместе с наместниками и волостелями княжескими или их тиунами; иногда жаловалось право суда, кроме душегубства, разбоя и татьбы с поличным.

Но подле этого переходного сельского народонаселения мы видим народонаселение несвободное, принадлежащее землевладельцам; так, в жалованных грамотах землевладельцам отличаются люди, купленные ими, от тех, кого они перезовут, или старожилцы и пришлые люди отличаются от окупленных; князья в своих договорах отличают холопей своих от сельчан, говорят о своих бортниках и оброчниках купленных, о людях купленных, о людях деловых, которых они прикупили или за вину взяли себе, о людях полных (рожденных в холопстве), купленных грамотных (отдавшихся добровольно в холопство по кабальным грамотам). Из зависимых людей упоминаются также закладни, или закладники, которые на известных условиях заложились за Другого, так как главным побуждением к закладничеству было желание освободиться от повинностей, лежавших на свободном и самостоятельном человеке, то князья и

условливаются не держать закладней в городе (Москве). Таким образом, мы должны отличать в описываемое время людей свободных и самостоятельных, людей несамостоятельных (каковы были закладни) и, наконец, людей несвободных, которые могли быть вечно или временно несвободны смотря по тому, родились ли они в несвободном состоянии, были куплены, попались в плен или отдались добровольно в холопство на ограниченное число лет. Для первых встречаем название людей полных, челяди дерноватой, выражение: послать на отхожую – значило освободить подобных людей. Замечательно, что вместо человек вольный говорилось: «Человек великого князя». Что касается положения холопа, то новгородцы в своих договорах требуют, чтобы донос холопа, или раба, на господина не имел силы и чтобы судьи не судили холопа и половника без господаря.

Говоря о разных слоях народонаселения в древней Руси, мы не можем обойти вопроса о том: кто и как мог владеть земельною собственностью? Кроме людей служилых и духовенства в числе землевладельцев видим и гостей: под 1371 годом находим известие, что в Нижнем Новгороде был гость Тарас Петров, который выкупил из плена своею казною множество всяких чинов людей и купил себе вотчину у великого князя, шесть сел за рекою Кудьюмою. Но значение гостя в летописи не определено: иногда гости употребляются вообще в смысле торговых людей, купцов, иногда в значении лучших, богатейших купцов; в новгородских памятниках гости не составляют особого разряда, везде видим только купцов. Но естественно, что только богатейшие купцы, гости, могли приобретать земельную собственность, ибо они одни только по своим средствам могли, не оставляя торговли, заниматься и сельским хозяйством, тогда как купцы незначительные не были в состоянии в одно время и торговать в лавке и жить в селе. Кроме того, столкновение государственных интересов должно было уже в описываемое время вести к тому, что купцам нельзя было владеть земельною собственностью, ибо всякий землевладелец должен был служить государству, а купец был человек данный, плативший в казну деньги с своего промысла; если купец становился землевладельцем, то он относительно государственных требований должен был совмещать в себе два характера: человека служилого и человека данного; но понятно, что он не мог удовлетворить вместе этим двум требованиям; мало того, мы видели, что по финансовым требованиям он не мог бросить торгового дела и перейти в служилые люди, ибо князья клялись друг другу не принимать к себе в службу торговых людей. Все землевладельцы необходимо должны были перейти в служилые люди, ибо государство не хотело между служилыми и промышленными людьми признавать никакого другого разряда: так, после, по Уложению, дети неслужилых отцов, купившие вотчины, должны были записаться в царскую службу; в противном случае вотчины отбирались у них в казну. Класса землевладельцев, живущих на своих землях, не могло образоваться в описываемое время, ибо и теперь, как прежде, продолжалась постоянная колонизация северо-восточных пространств, постоянное переселение, брожение; земледельцу невыгодно было оставаться долго на одном месте по самому качеству почвы на северо-востоке, которая нигде не обещала продолжительного плодородия; чрез несколько времени после первого занятия, после выжиги леса, требовала уже больших трудов, и земледельцу выгодно было оставлять ее и переходить на новую почву. Кроме того, во все продолжение древней русской истории мы видим

стремление менее богатых, менее значительных людей закладываться за людей более богатых, более значительных, пользующихся особенными правами, чтобы под их покровительством найти облегчение от повинностей и безопасность. Стремление это мы видим и в других европейских государствах в средние века; оно естественно в новорожденных обществах, при отсутствии безопасности, когда правительство, законы еще не так сильны, чтоб дать покровительство, безопасность всем членам общества. Таким образом, выгодно было земледельцам переходить на земли богатых и знатных землевладельцев, архиереев, монастырей, вельмож, ибо кроме вышеупомянутых льгот при первом поселении поселенцы пользовались еще льготами, заключавшимися в разных правах, которые имели те или другие землевладельцы, а главное – пользовались покровительством сильных людей. При обращении внимания на отличительную черту нашей древней истории, на колонизацию страны, легко решается вопрос о том, как произошла поземельная собственность и различные ее виды. Как только Северо-Восточная Русь выступает на историческую сцену, так мы видим в ней сильную колонизацию, происходящую под покровительством князей; если бы мы даже не имели определительных известий об этой колонизации, то мы необходимо должны были бы предположить ее, ибо история застаёт Северо-Восточную Русь финскою страной, а потом видим ее славянскою; следовательно, допустив даже, что финское народонаселение не исчезало, но ослаблялось, мы должны допустить сильную славянскую колонизацию. Но эта колонизация происходила не в доисторические времена, когда «живяху кождо с родом своим на своих местех»; она происходила на памяти истории, когда Северо-Восточная Русь составляла уже определенную область, княжество, где владела известная линия княжеская; следовательно, колонизация не могла происходить без ведома и влияния известного правительства. Ростов Великий существовал до призвания князей; ему принадлежала обширная, малонаселенная, но определенная область. Для потомков первых насельников, городских и сельских, земля находится в общем владении; на это указывает обычный способ владения землями, принадлежавшими общинам городским и сельским. Но остаются обширные ненаселенные пространства, никому не принадлежащие, т.е. принадлежащие городу Ростову, а в Ростове находится высшее правительственное лицо, князь, который управляет всею областью посредством своих чиновников, волостелей, следовательно, никакая дальнейшая перемена, никакие новые права и отношения не могут произойти без ведома, без распоряжения княжеского; положим, что сначала князь распоряжается в области не без ведома и участия старшего города, но, конечно, мы не имеем никакого права думать, чтобы после Андрея Боголюбского и Всеволода III князья распоряжались чем бы то ни было с ведома и согласия ростовцев. Прежде всего князья могли распоряжаться землею, принадлежащею их волости, отдавая ее в полное владение членам своей дружины с правом населять ее всякого рода людьми, вольными и невольными; могли распоряжаться землею отдавая ее духовенству; наконец, могли продавать ее богатым купцам, или гостям, подобным вышеупомянутому Тарасу Петрову, которые имели возможность населить купленную землю, – вот разные виды происхождения частной земельной собственности, вотчин. Но с одной стороны, мы видели, что для жителей городов и сел существовала исконная привычка смотреть на земли, принадлежавшие их городам и селам, как на общее достояние;

земля принадлежала общине, а не отдельным членам ее; когда же община потеряла свое самостоятельное значение перед князем, то земля, естественно, стала государевою; с другой стороны, земли оставалось все еще много; как частные люди, землевладельцы старались населить принадлежавшие им участки, перезывая к себе отовсюду земледельцев; так точно старалось и правительство о населении остававшихся у него пустых земель. Являлись насельники, земледельцы и принимались с радостью; но каким же образом они селились? Они не покупали земель у правительства, ибо, во-первых, им не было никакой выгоды покупать, когда они могли пользоваться землею без покупки и потом, найдя землю неудобною, переселяться на новые места. Если подобные поселенцы оставались долго на занятых ими участках, то, разумеется, эти участки переходили к их детям безо всяких новых форм и сделок; но ясно, что как у правительства, так и у насельников сохранялось вполне сознание, что занятые последними земли не составляют их полной собственности, не суть их вотчины, не пожалованы им за службу, не куплены ими, но уступлены только в пользование, хотя правительству и выгодно, чтоб это пользование продолжалось как можно долее, переходило из рода в род. Вот происхождение так называемых черных, или государственных, земель. Что сказано о селах, то должно быть применено и к городам, ибо города населялись точно так же, как села. Известный промышленник селился в городе на отведенной ему от правительства земле, ставил двор, оставлял эту землю и двор в наследство детям, передавал их за деньги, продавал другому подобному себе лицу – правительство не вступалось, лишь бы только эта черная земля не сделалась белою, не перешла бы к кому-нибудь в виде полной частной собственности: отсюда все известные распоряжения о непокупке земель черных людей, т.е. о непереводе собственности государственной в частную.

Кроме повинностей, означенных выше в статье о доходах княжеских, в описываемое время встречаем известия о других обязанностях сельского народонаселения, например, об обязанностях город делать, двор княжой и волостелин ставить, коня княжого кормить, сено косить, на охоту ходить по приказанию ловчих княжеских (на медведя и на лося), давать корм, подводы и проводников князю, воеводам, наместникам, волостелям тиунам и всякого рода чиновникам и посланцам княжеским.

Кроме означенных слоев народонаселения в первый раз в описываемое время, именно в конце первой половины XV века, встречаем название казаков рязанских, которые пришли на помощь к рязанцам и москвичам против татарского царевича Мустафы; они пришли вооруженные сулицами, рогатинами и саблями.

Мы видели старание князей умножать народонаселение в своих княжествах; теперь обратим внимание на обстоятельства, препятствовавшие этому умножению, на бедствия – политические (войны междоусобные и внешние) и физические (голод, мор и другие). Мы видели на севере в описываемое время 90 усобиц, в продолжение которых Владимирская область (с Переяславлем, Костромою и Галичем) терпела 16 раз, Новгородская – 15, Московская – 14, Тверская – 13, Смоленская, Рязанская и Двинская – по 9 раз, Северская и Суздальско-Нижегородская – по 4, Ярославско-Ростовская – 3, Вятская – 2, Псковская – 1; таким образом, Владимирская область, более других терпевшая от усобиц, подвергалась опустошениям по одному разу почти в 15 лет, относительно же всей Северной России придется по одной войне с лишком на два года.

Опустошениям от внешних врагов Новгородская область подвергалась 29 раз, Псковская – 24, Рязанская – 17, Московская – 14, Владимирская и Нижегородская – по 11, Северская – 8, Смоленская и Тверская – по семи, Ярославско-Ростовская – 4, Вятская – 1; следовательно, Новгородская область, более других, по-видимому, терпевшая от внешних войн, подвергалась неприятельским нашествиям по одному разу на 8 лет. Круглое число неприятельских нашествий будет 133; из этого числа на долю татарских опустошений приходится 48, считая все известия о тиранствах баскаков в разных городах; приложив к числу опустошений от внешних врагов число опустошений от усобиц, получим 232, следовательно, придется по опустошению почти на каждый год. Но понятно, что на этих одних цифрах нельзя основать никаких выводов; так, например, Новгородская и Псковская области терпели больше всех других от нашествий внешних врагов, и, несмотря на то, Новгород и Псков оставались самыми богатыми городами во всей Северной России, ибо Псков во все это время был только раз во власти врагов, которые, впрочем, как видно, не причинили ему большого вреда: Новгород же ни разу не доставался в руки неприятелю; большая часть нашествий немецких, шведских и литовских, от которых терпели Новгород и Псков, ограничивались пограничными волостями их и нисколько не могут идти в сравнение с нашествием Батыя, с двукратным татарским опустошением во время усобиц между сыновьями Невского, с опустошением Тверской области татарами и Калитою, с нашествием Тохтамышя, Едигея. Также обманчивы приведенные цифры и относительно восточных областей; так, например, цифры показывают что Московское княжество подвергалось большим опустошениям, чем княжество Тверское; но рассмотрение других обстоятельств, и именно когда и какого рода опустошениям подвергались оба соперничающие княжества, совершенно изменяет дело: Тверское княжество подверглось страшному опустошению вконец от татар и Калиты при князе Александре Михайловиче; потом, не успело оно оправиться от этого бедствия, начинаются усобицы княжеские, заставляющие народ выселяться из родных пределов в другие княжества, тогда как Москва не терпит опустошений от внешних врагов от Калиты до Донского, а усобицы начинаются в ней только в княжение Василия Васильевича, когда она уже воспользовалась временем отдыха и взяла окончательно верх над всеми другими княжествами. Цифры показывают, что более частым нападениям внешних врагов подвергались пограничные области на юго-востоке и северо-западе – Рязанская, Новгородская и Псковская; Рязанская – от татар, Новгородская и Псковская – от шведов, немцев и Литвы – и числовое большинство остается на стороне северо-западных границ. Но мы заметили, что нашествий шведских и немецких нельзя сравнить с татарскими; с другой стороны, не должно преувеличивать и вреда, который Россия претерпевала от татар; не должно забывать, что иго тяготело особенно только в продолжение первых 25 лет, что уже в 1266 году летописец извещает об его ослаблении, что уже в конце XIII века исчезают баскаки и князья сами распоряжаются относительно выхода; что после татарских опустошений, которые были следствием усобицы между сыновьями Невского, до опустошения Тверской области татарами с Калитою и после этого вплоть до Тохтамышева нашествия, в продолжение, следовательно, с лишком 50 лет, за исключением пограничных княжеств Рязанского и Нижегородского, Северо-Восточная Россия не слыхала о татарских нашествиях, а потом, кроме Тохтамышева, Едигеева и Улу-Махметова нашествия, набеги

касались только границ, и по-прежнему терпело от них преимущественно княжество Рязанское. Вообще с цифрами в истории надобно обходиться очень осторожно.

Обратимся к физическим бедствиям. Под 1230 годом летописец говорит о голоде, свирепствовавшем во всей России, кроме Киева: в половине сентября мороз побил весь хлеб в Новгородской области, и отсюда началось горе большое, говорит летописец: начали покупать хлеб по 8 кун, кадь ржи – по 20 гривен, пшеницы – по 40 гривен, пшеница – по 50, овса – по 13; разошелся весь город наш и вся волость, и наполнились чужие города и страны братьями нашими и сестрами; оставшиеся начали мереть: трупы лежали по улицам, младенцев грызли псы; ели мох, сосну, кору липовую, лист разный; некоторые из черни резали живых людей и ели, другие обрезывали мясо с трупов, иные ели лошадей, собак, кошек; преступников казнили, вешали, жгли, но встало другое зло: начали зажигать дома людей добрых, у которых чуяли рожь, и грабили имение их; между родными не было жалости, сосед соседу не хотел отломить куска хлеба; отцы и матери отдавали детей своих из хлеба в рабство купцам иноземным; по улицам скорбь при виде трупов, лежащих без погребения, дома тоска при виде детей, плачущих по хлебу или умирающих с голоду; цены возвысились, наконец, до того, что четвертую часть кади ржи начали покупать по гривне серебра. Архиепископ Спиридон поставил скудельницу и приставил человека доброго и смиренного, именем Станил, возить в нее мертвецов на лошади со всего города; Станил возил целый день беспрестанно и навозил 3030 трупов; скудельница наполнилась, поставили еще другую и наклали 3500 трупов. Псковский летописец рассказывает об этом голоде у себя в тех же чертах; его особенно поразило то, что в великий пост люди ели конину. «Написал бы еще кой о чем похуже, да и так уже горько», – оканчивает он свой рассказ. В Смоленске выстроено было четыре скудельницы, в которых было положено 32000 трупов. В 1251 году пошли дожди в Новгородской области, подмочили хлеб и сено, осенью мороз побил хлеб; в 1291 году то же самое; в 1303 году там же зима была теплая, не было снега через всю зиму, и люди хлеба не добыли. В 1309 году был голод сильный и по всей Русской земле, потому что мышь поела всякий хлеб. В 1331 году была большая дороговизна в Русской земле: это голодное время слыло под названием рослой ржи.

В 1364 году с половины лета стояла мгла, зной был страшный, леса, болота и земля горели, реки высохли; в следующем году то же самое, и отсюда сильный голод.

Осенью 1370 года было снегу много, и хлеб пошел под снег; но зима была теплая, весь снег сошел в самом начале великого поста, и хлеб был сжат в великий пост; летом в солнце показались места черные, как гвозди, мгла была такая, что на сажени нельзя было ничего перед собою видеть, люди сталкивались лбами, птицы падали с воздуха людям на головы, звери смешивались с людьми, медведи и волки бродили по селам, реки, болота, озера высохли, леса горели, голод был сильный по всей земле. В 1373 году при сильном зное не было ни капли дождя во все лето.

Летом 1407 года было сумрачно и дождливо, крылатый червь летел от востока на запад, поел деревья и засушил их; в 1409 году множество людей померло от голоду; в 1412 дороговизна в Нижнем Новгороде; в 1418 году снег выпал 15 сентября, шел трое суток и покрыл землю на 4 пяди, пошли морозы; но потом стало тепло, снег сошел, но хлеба сжали мало после снега, и начался голод

по всей Русской земле. В 1421 году свирепствовал голод в Новгороде и по всей Русской земле, много людей померло с голоду, другие ушли в Литву, иные померзли на дороге, потому что зима была очень холодна; в Москве оков ржи покупали по полтора рубля, в Костроме – по два рубля, в Нижнем – по шести; во Пскове тогда клетки были полны хлеба от прежних лет, и вот пошли ко Пскову новгородцы, корела, чудь, вожане, тверичи, москвичи, просто сказать, пошел народ со всей Русской земли, и нашло его множество, стали покупать рожь во Пскове, по волостям и пригородам и возить за рубеж, цены поднялись, зобница ржи начала продаваться по 70 ногат, жита – по 50, овса – по 30, вследствие чего псковичи запретили вывозить хлеб за рубеж, а находжих людей стали выгонять из Пскова и из всех волостей; иные разошлись, а которые остались во Пскове, тех множество перемерло, и наклали их в одном Пскове четыре скудельницы, а сколько погибло по пригородам и волостям – тем и числа нет. Осенью 1429 года земля и леса горели, дым стлался по воздуху, с трудом можно было видеть друг друга, от дыму умирала рыба и птица, рыба после того пахла дымом два года; следствием такой погоды был голод сильный по всей земле Русской; в 1436 году мороз побил хлеб в жатвенную пору, и была большая дороговизна; зимою 1442 года лютые морозы много причинили зла людям и животным; в 1444 году опять лютая зима и дороговизна сена; под 1446 годом новгородский летописец говорит, что в его области хлеб был дорог не только этого году, но в продолжение 10 лет, две коробьи по полтине, иногда больше, иногда меньше, а иногда и вовсе негде купить; была скорбь сильная: только и слышно было, что плач да рыдание по улицам и по торгу, многие от голоду падали мертвые, дети перед родителями, отцы и матери перед детьми; многие разошлись в Литву, к немцам, бусурманам и жидам, из хлеба отдавались в рабство купцам.

О море долго не встречаем известий: под 1284 годом южный летописец упоминает о сильном море на животных в Руси, Польше и у татар: лошади, рогатый скот, овцы померли без остатка; северный летописец упоминает о море на скот под 1298 годом; потом, под 1308 о море на людей; под 1318 – о море в Твери; под 1341 – о море на рогатый скот в Новгороде; в Пскове же в этом году был мор сильный на людей: негде стало погребать, где выкопают могилу мужу или жене, там же положат и детей малых, голов семь или восемь в одном гробе. Но это бедствие было только предвестником ужаснейших: наступила страшная вторая половина XIV века. Еще под 1348 годом летописец упоминает о море в Полоцке; в 1350 году слышали о море в дальних странах; в 1351 году начался мор во Пскове с таким признаком: харкнет человек кровью и на четвертый день умирает; предвидя скорую смерть, мужчины и женщины шли в монастыри и там умирали, постригшись; другие приготовлялись к смерти в домах заботами о душах своих, отдавая имение свое церквам и монастырям, духовным отцам и нищим; священники не успевали ходить за каждым мертвецом на дом, но приказывали свозить всех на церковный двор, и за ночь к утру набиралось трупов по тридцати и больше у каждой церкви, и всем было одно отпевание, только молитву разрешительную читали каждому порознь и клали по три или по пяти голов в один гроб; так было по всем церквам, и скоро стало негде погребать, начали погребать подальше от церквей, наконец, отведены были под кладбище пустые места совершенно вдалеке от церквей. Многие думали, что никто уже не останется в живых, потому что если мор войдет в какой-либо род или семью, то

редко кто оставался в живых; если умиравшие отдавали кому детей своих или имение, то и принимавшие скоро заболели и умирали, вследствие чего стали бояться принимать что-либо от умирающих и родные начали бегать родных; зато некоторые великодушные, отбросивши всякий страх, и чужих мертвецов погребали для спасения душ своих. Псковичи послали в Новгород звать владыку Василия, чтобы приехал благословить их; владыка приехал, обошел весь город с духовенством со крестами, мощами святых, весь народ провожал кресты, взывая: «Господи помилуй!» Пробыв немного дней во Пскове, владыка поехал назад здоровым, но на дороге, на реке Узе, занемог и умер. Вслед за владыкою мор шел из Пскова в Новгород: во Пскове свирепствовал он с весны до зимы, в Новгороде – от Успеньева дня до весны следующего года; одновременно с Новгородом мор свирепствовал в Смоленске, Киеве, Чернигове, Суздале; в Глухове и Белозерске не осталось ни одного человека; мы видели, что в 1353 году мор свирепствовал в Москве. В 1360 году свирепствовал второй мор во Пскове с новым признаком: у кого выложатся железа, тот скоро умирал; опять псковичи послали в Новгород звать к себе владыку Алексея; тот приехал, благословил всех – от великого до убогого, обошел весь город со крестами, отслужил три литургии, и мор начал переставать. В 1363 году явился мор с низовьев Волги, начал свирепствовать в Нижнем Новгороде, потом в Рязани, Коломне, Переяславле, Москве, Твери, Владимире, Суздале, Дмитрове, Можайске, Волоке, Белоозере; пред началом болезни человека как рогатиною ударит в лопатку, или под груди против сердца, или между крыльцами, потом больной начинает харкать кровью, почувствует сильный жар, за жаром следуют обильный пот, за потом дрожь – и это последнее; болезнь продолжалась день, два, редко три; показывалась и железа не одинаково: у иного на шее, у другого на стегне, под пазухою, под скулою, за лопаткою; умирало в день человек по пятидесяти, по сту и больше; бедствие продолжалось не один год, обходя разные города. Под 1373 годом летописец упоминает о сильном море на людей и скотском падеже вследствие жаров и бездождия. В 1375 упоминается о море в Киеве; в 1387 был сильный мор в Смоленской области: из самого Смоленска вышли только пять человек живых и затворили город; под 1389 годом упоминается сильный мор во Пскове, под следующим годом – в Новгороде. Под 1402 годом упоминается мор в Смоленске, под 1403 – во Пскове – железною, мор пришел из Дерпта; в 1406 году это бедствие возобновилось во Пскове; в 1409 году мор с кровяною харкотою свирепствовал в волостях Ржевских, Можайских, Дмитровских, Звенигородских, Переяславских, Владимирских, Юрьевских, Рязанских и Тарусских, показывался и в некоторых Московских волостях: первый признак – у больного руки и ноги прикорчит, шею скривит, зубы скрежещут, кости хрустят, все суставы трещат, кричит, вопит; у иных и мысль изменится, ум отнимется; иные, один день поболевши, умирали, другие полтора дня, некоторые два дня, а иные, поболевши три или четыре дня, выздоравливали; в 1414 была болезнь тяжкая по всей Русской земле – костолом; в 1417 мор с кровохарканием и железною опустошил Новгород, Ладогу, Русу, Порхов, Псков, Торжок, Дмитров и Тверь; в Новгороде владыка Симеон с духовенством всех семи соборов и всеми жителями обошел крестным ходом около всего города, после чего новгородцы, одни на лошадях, другие пешком, отправились в лес, привезли бревен и поставили церковь св. Анастасии, которую в тот же день освятили и отслужили в ней литургию, а из остального лесу поставили церковь св. Илии; в Торжке также в

одно утро построили церковь св. Афанасия; под 1419 годом упоминается мор в Киеве и других юго-западных странах; в следующем году мор начал опустошать северо-восточную полосу – Кострому, Ярославль, Юрьев, Владимир, Суздаль, Переяславль, Галич, Плесо, Ростов; хлеб стоял на нивах, жать было некому; потом мор вместе с голодом опустошил Новгород и Псков; в 1423 году – мор с железом и кровохарканием в Новгороде, Кореле и по всей Русской земле; в 1425 мор был в Галиче, а с Троицына дня в Москве и по другим областям продолжался в следующих годах; явился новый признак – прыщ; если будет прыщ синий, то человек на третий день умирает, если же красный, то выгнивал, и больной выздоравливал; в декабре 1441 года начался сильный мор железом во Пскове и продолжался все лето 1442 года, а по пригородам и волостям – до января 1443 г. Последнее известие о море под 1448 годом: был мор на лошадей и на всякий скот, был и на людей, но не сильный. Таким образом, в продолжение всего описываемого времени встречаем не менее 23 известий о море в разных местах; но если мы обратим внимание, что до второй половины XIV века о море упоминается не более трех или четырех раз и все остальные известия относятся к этой несчастной половине века, то здесь придется по известию на каждые пять лет. Нельзя не заметить, что после успокоения от внешних и внутренних войн, которым наслаждалось княжество Московское, Владимирское и Нижегородское во времена Калиты и Симеона Гордого, с первых же годов второй половины XIV века начинает свирепствовать моровая язва, и скоро потом опять начинаются сильные внутренние и внешние войны; возобновляется борьба Москвы с Тверью, Рязанью, Новгородом, видим опустошительные нашествия татарские и литовские. Несмотря, однако, на это, Димитрий Донской нашел средства вывести на Куликово поле войско, достаточное для победы над Мамаевыми толпами; при этом нельзя забывать того явления что после физических бедствий, пагубных для народонаселения, последнее стремится к увеличению с большею силою; таким образом, на Куликовскую битву явилось молодое поколение, которое родилось уже после страшной язвы, опустошившей Русь в конце княжения Симеона Гордого. Из других разрушительных явлений природы летописи упоминают о землетрясении под 1230 годом и потом не ранее как под 1446 годом; о первом упоминают летописцы суздальский и новгородский, о втором – московский; суздальскому рассказывали самовидцы, как в Киеве во время землетрясения 1230 года расступилась в Печерском монастыре Богородичная каменная церковь на четыре части, в трапезнице снесло со столов все кушанье и питье; в Переяславле Русском церковь св. Михаила расселась надвое; земля тряслась везде в один день и час, 3 мая, во время литургии. Того же месяца 10 числа солнце при своем восхождении было на три угла, как коврига, по выражению летописца, потом сделалось мало, как звезда, и погребло; 14 числа солнце опять начало погибать и три дня являлось в виде месяца; того же 14 числа, как солнце стояло месяцем, по обе его стороны явились столпы красные, зеленые, синие, и сошел огонь с небеси, как облако большое, над ручьем Лыбедью; всем людям показалось, что уже пришел последний час, начали целоваться друг с другом, прощаться, горько плакали, но страшный огонь прошел через весь город без вреда, пал в Днепр и тут погиб. В Новгородской летописи встречаем известия о сильных наводнениях: например, в 1421 году, в мае месяце, вода в Волхове поднялась, снесла великий мост и два других, в одном месте снесла церковь, во многих церквях могли

служить только на хорах (полатах), потому что внизу была вода. Под 1399 годом летописец упоминает о необыкновенно ранней весне, о страшных грозах, от которых погибло много людей; такие же грозы были и в 1406 году, между прочим, под этим годом встречаем в летописи следующее известие: после Петрова дня в Нижегородской области была такая буря, что ветер поднял на воздух человека вместе с телегою и лошадью; на другой день нашли телегу висящую на верху высокого дерева, и то на другой стороне Волги, лошадь – мертвою на земле, а человека нигде не нашли; о лютых морозах зимою, о страшных грозах и бурях летом упоминается еще под 1442 годом; в июне 1460 года в Москве с запада явилась туча страшная и темная, и поднялась такая буря, что от пыли никому нельзя было смотреть, люди были в отчаянии; на этот раз мрак и ветер скоро прекратились, но на другой день к вечеру взошла туча с юга, поднялась опять страшная гроза и буря, многие и каменные церкви поколебались, забрала на кремлевских стенах были сорваны и разнесены, крыши с церковей и верхи сметаны, по селам многие церкви из основания вырваны и отнесены далеко в сторону, леса старых, боры и дубы с корнем вырваны.

Из обычаев, вредно действовавших на народное здоровье, видим обычай хоронить мертвых внутри городов, около церквей; не знаем, какие, наоборот, принимались меры предосторожности во время моровых язв; что же касается вообще до врачебных средств, то об них не имеем почти никаких известий; узнаем только, что великий князь Василий Васильевич как средство от сухотной болезни приказывал зажигать у себя на теле трут, во многих местах и часто; раны разгнились, и болезнь кончилась смертью.

Мы видели обстоятельства, долженствовавшие содействовать умножению народонаселения в некоторых областях преимущественно перед другими, например в княжестве Московском. Из областей, и прежде имевших относительно густейшее народонаселение вследствие выгод положения, благоприятного для торговли, области Новгородская и Псковская сохраняли эти выгоды. Торговое значение Новгорода для Восточной Европы в описываемое время не могло нисколько уменьшиться, по-прежнему он был посредником торговых сношений между Азиею, Восточною и Северною Европою; отсюда понятно накопление богатств в Новгороде, увеличение его народонаселения, расширение, украшение самого города, который после упадка Киева, бесспорно, оставался самым богатым, самым значительным городом во всей России. Новгородских купцов видим на отдаленном юго-западе, во Владимире Волынском, везде Великий Новгород выговаривает путь чистый без рубежа и новых мытов для купцов своих, торжокских и пригородных, для чего куплена была в Орде и ханская грамота; выговаривает, чтоб князья не нарушили договоров, заключенных им с городами немецкими, не затворяли двора немецкого, не приставляли к нему приставов и торговали на этом дворе только посредством новгородцев. Как немцы дорожили Новгородом, видно из того, что, когда в 1231 году свирепствовал здесь голод, немецкие купцы приехали с хлебом из-за моря и сделали много добра, по словам летописца, значит, продали товар свой дешевою ценою. С 1383 до 1391 года не было крепкого мира у Новгорода с немцами, и вот в 1391 году съехались в Изборске новгородские послы с немецкими; в числе последних были не только послы из Риги, Юрьева и Ревеля, но также заморские, из Любека и Готского берега. Встречаем в летописи особый отдел новгородских купцов, производивших

торг солью (прасолов); встречаем упоминание о торговых дворах – Готском, Псковском. Наконец, от описываемого времени до нас дошли три договора новгородцев с Любеком, Готским берегом и Ригою: первый относится к 1270 году и немногим отличается от приведенного прежде договора; второй относится к концу XIII или началу XIV века, ко времени княжения Андрея Александровича: в нем новгородцы дают купцам латинского (немецкого) языка три сухих (горных) пути по своей волости и четвертый водяной (в речках) с условием, что если путь сделается нечист (опасен), то князь подаст об этом весть иностранным купцам и велит своим мужам проводить их. В другой грамоте, относящейся ко второй половине XIV века, новгородцы обязываются не поминать вперед вреда, причиненного их купцам немецкими разбойниками перед Невою; из этого договора узнаем, что новгородцы ездили торговать в Любек, на Готский берег и в Стокгольм. Любопытны некоторые подробности о немецкой торговле в Новгороде, заключающиеся в постановлениях, или так называемых скрах: например, запрещалось брать у русских товар в кредит, вступать с ними в торговую компанию и перевозить их товары; запрещалось вывозить поддельный воск, ввозить поддельные сукна; запрещалось продавать товары по мелочам; розничная продажа с ограничениями дозволялась только так называемым Kindern. Никому не позволялось ввозить товаров на сумму, превышавшую 1000 марок серебра. Право избирать олдерманов было впоследствии предоставлено только депутатам Любека и Висби, и притом из их же граждан; то же самое соблюдалось и при выборе священников. Запрещалось испрашивать привилегии для личных выгод или делать новые постановления без согласия Любека и Висби. Запрещалось привозить купцов иностранных, не принадлежавших к немецкому обществу, преимущественно ломбардских. Главный путь иностранных купцов шел по-прежнему – Невою, Ладожским озером, Волховом через Старую Ладогу, к волховским порогам, по которым за известную плату проводили их суда особенные лоцмана, далее к Taberna piscatorum (Рыбацкая слобода на 33 версте от Ладож. озера), потом к Gestevelt (Гостинопольская пристань на 34 версте от Ладож. озера), где платили пошлину наконец приезжали в Новгородскую пристань.

Смоленск продолжает торговые связи с Ригою, которые были так выгодны, что правительства обоих городов условились в 1284 году не препятствовать взаимной торговле, хотя бы между смоленским князем и епископом, или магистром, и произошли какие-нибудь неприятности; кроме послов от магистра или горожан рижских заключили этот договор двое купцов – один из Брауншвейга, другой из Мюнстера. От половины XIV века до нас дошел также договор между Смоленском и Ригою, заключенный по докончанию дедовскому и по старым грамотам, смоленский князь называет магистра братом, обещается блюсти немцев в своих владениях, как своих смольнян, а правительство рижское обязывается поступать точно так же у себя с смольнянами. Полоцк продолжает свои торговые связи с Ригою и под литовскою зависимою: в 1407 году полочане заключили договор с рижанами о свободной торговле между обоими городами; постановлено, чтоб полочане в Риге, а рижане в Полоцке не торговали малою торговлею, что розницею зовут; полочане могут мимо Риги ездить в какую угодно землю сухим путем и водою, то же право имеют и рижане относительно Полоцка; если полочанин совершит какое-нибудь преступление в Риге, то его

отсылать для суда в Полоцк, и наоборот; соль в Полоцке должно весить тем же весом, каким весят воск, теми же колоколами, вес полоцкий будет больше рижского полупудом; сперва рижане посылают свои колокола и скалвы в Полоцк на свой счет, а потом, когда эти колокола сотрутся, или изломаются, или пропадут, то уже полочане на свой счет посылают в Ригу для исправления этих колоколов; серебряные весы держать в Риге полузолотником больше одного рубля; весовщикам целовать крест, что будут весить справедливо; как одному, так и другому весовщику при взвешивании отойти прочь от скала и рукою не принимать, а весчую пошлину брать в Риге на полочанах такую же, какую берут в Полоцке на рижанах. Если случится тяжба между полочанином и рижанином, то истцу знать истца, а другому никому в их дело не вмешиваться и за это препятствий торговле не делать; купцам будет путь свободный и во время усобицы между магистром Ордена (мештером задвинским) и земскими людьми. Привозимые немецкими купцами товары были: хлеб, соль, сельди, копченое мясо, сукно, полотно, пряжа, рукавицы, жемчуг, сердолик, золото, серебро, медь, олово, свинец, сера, иголки, четки, пергамент, вино, пиво. Вывозимые: меха, кожи, волос, щетина, сало, воск, лес, скот и произведения востока: жемчуг, шелк, драгоценные одежды, оружие. Во Псков из Немецкой земли приходили вино, хлеб, овощи. Из вещей, носивших название русских, встречаем: русские перчатки, русские постели, русские чашки. Мы видели возвышение цен на съестные припасы; о ценах же обыкновенных на севере можно иметь понятие из одной жалованной грамоты великого князя Василия Васильевича Троицкому Сергиеву монастырю: «Волостелю дают с двух плугов полоть мяса, мех овса, воз сена, десять хлебов, а не люб полоть, то два алтына, не люб овес – алтын, не люб воз сена – алтын, не любы хлебы – за ковригу по деньге».

Если Новгород, Смоленск, Полоцк, старинные русские торжища, богатели по-прежнему торговлею благодаря выгодному положению своему, то древнее средоточие южной, греческой торговли на Руси, Киев, опустошенный усобицами и татарами, переставший быть главным городом Руси, презренный сильнейшими князьями, суздальскими, галицкими, литовскими, представлял во второй половине XIII века жалкое зрелище: Плано-Карпини насчитывает в нем не более 200 домов. Но природные выгоды оставались прежние, и купцы из разных стран по старой привычке продолжали приезжать в Киев: так, вместе с Плано-Карпини приехали туда купцы из Бреславля; потом приходило туда много купцов из Польши, Австрии, Константинополя; последние были итальянцы: генуэзцы, венециане, пизане. Купцы из Торна приезжали на Волынь и в Галич: в 1320 году здешний князь Андрей Юрьевич, который называет себя *Dux Ladimiriae et dommus Russiae*, дал торнским купцам грамоту, в силу которой никто из его мытников или служителей не смел требовать от них сукон или других товаров, уступает им все права, которыми они пользовались при отце его; обещает, что если кто-нибудь из них потерпит обиду, то за каждый денарий, несправедливо отнятый, получит вдвое. После Гедиминовичи, княжившие на Волыни, не хотели пропускать купцов из Польши и Германии через свою землю на восток (*Heidenland*), дабы утвердить складку товаров во Владимире, Луцке и Львове, как бывало исстари.

О торговле галичан и подольцев в Молдавии, Бессарабии, Венгрии получаем известие из уставной грамоты, данной львовским и подольским купцам господарем молдавским в 1407 году; русские купцы покупали в молдавских

владениях татарский товар: шелк, перец, камки, тебенки, ладан, греческий квас, потом покупали скот: свиней, овец, лошадей, меха беличьей и лисьей, овчины, кожи, рыбу, воск; продавали сукно, которое складывалось в Сочаве, шапки, ногавицы, пояса, мечи, серебро жженое венгерское, куниц венгерских. Черноморская торговля производилась через город Солдайю, или Судак, в Тавриде: сюда приставали все купцы, идущие из Турции в северные страны, сюда же сходились купцы, идущие из России и стран северных в Турцию: первые привозили ткани бумажные шелковые и пряные коренья, последние – преимущественно дорогие меха; что под этими меховыми торговцами должно разуместь именно русских купцов, доказывает рассказ Рубруквиса о крытых телегах, запряженных волами, в которых русские купцы возят свои меха; по словам того же Рубруквиса, купцы из всей России приезжали в Крым за солью и с каждой нагруженной телеги давали татарам две бумажные ткани пошрины. Знаем также из других источников, что в XIV веке русских купцов можно было найти в Кафе, Оце, Греции.

Встречаем известия и о торговле приволжской с татарами: так, летописец говорит, что татарский царевич Арапша перебил много русских купцов и богатство их пограбил. Тохтамыш послал слуг своих в Болгарию захватить русских купцов с судами их и товарами. Нижний Новгород благодаря положению своему уже и в описываемое время производил значительную торговлю: так, говорится, что новгородские ушкуйники пограбили в Нижнем множество купцов, татар и армян, равно и нижегородских; пограбили товару их множество, а суда их рассекли; здесь перечисляются и разные названия этих судов: паузки, карбасы, лодьи, учаны, мишаны, бафты и струги. Восточные купцы торговали в городах русских под покровительством татар: тверичи во время восстания своего на татар истребили и купцов ордынских старых и пришедших вновь с Шевкалом; под 1355 годом упоминается о приходе в Москву татарского посла и с ним гостей-сурожан; под 1389 годом встречаем известие об Аврааме – армянине, жившем в Москве; наконец, видим, что в Москву приходили и купцы с запада, именно из Литвы.

Мы видели заботы новгородцев о том, чтоб купцам их был путь чист по русским княжествам; великие князья Северо-Восточной Руси в договорах между собою и в договорах с великим князем литовским выговаривают то же самое. Видим, что монастыри получают право беспошлинной торговли: новгородцы в половине XV века дали на вече Троицкому Сергиеву монастырю грамоту, в которой запрещалось двинским посадникам, холмогорским и вологодским, их приказчикам и пошлинникам брать пошрины и судить людей Троицкого монастыря, старцев или мирян, которые будут посланы монастырем на Двину, зимою на возах, а летом на одиннадцати лодьях: «А кто эту грамоту новгородскую нарушит, обидит купчину Сергиева монастыря, или его кормников (кормчих), или осначев (оснастчиков), тот даст посаднику и тысяцкому и всему господину Великому Новгороду пятьдесят рублей в стену. А вы, бояре двинские, и житые люди, и купцы! обороняйте купчину Сергиева монастыря даже и тогда, когда Новгород Великий будет немирен с некоторыми сторонами; блюдите монастырскую купчину и людей его, как своих, потому что весь господин Великий Новгород жаловал Сергиев монастырь, держит его своим, и вы, посадники, бояре, приказчики их и пошлинники, сей грамоты новгородской не слушайте». Митрополит из Москвы посылал своих слуг в Казань с рухлядью для торговли. Великие князья литовские для поднятия своего главного города

Вильны дают ее купцам право беспошлинной и беспрепятственной торговли во всех литовских и русских областях. В Вильне видим ярмарки два раза в год; в городах Восточной России видим торги по воскресеньям.

Относительно монеты должно заметить, что в первой половине XIV века счет гривнами заменяется счетом рублями, причем не трудно усмотреть, что старая гривна серебра и новый рубль одно и то же; слово куны в значении денег вообще начинает сменяться теперь употребительным татарским словом деньги. Так как от описываемого времени дошли до нас прямые известия о кожаных деньгах, то мы обязаны здесь подробнее рассмотреть этот давний, важный и запутанный вопрос в нашей исторической литературе. Здесь должно отличать два вопроса: вопрос о мехах, обращавшихся вместо денег и имеющих ценность сами по себе, и вопрос собственно о кожаных деньгах, о частицах шкуры известного животного, не имеющих никакой ценности сами по себе и обращающихся в виде денег условно. Относительно обоих вопросов мы встречаем у исследователей крайние мнения: одни не хотят допускать в древней России металлической монеты и заставляют ограничиваться одними мехами, другие, наоборот, подле металлической монеты не допускают вовсе мехов. Против первого мнения мы уже указали неопровержимые свидетельства источников, против второго существуют свидетельства также неопровержимые, например в уставной грамоте князя Ростислава смоленского: «А се погородие от Мьстиславля 6 гривен урока, а почестья гривна и три лисицы: а се от Крупля гривна урока, а пять ногат за лисицу». Или: «Се заложил Власей св. Николе полсела в 10 рублех да в трех сороках белки». Здесь мы ясно видим, что подле, вместе с гривнами и рублями принимались в уплату меха, и это самое показывает, что, без всякого сомнения, было время, когда употребление мехов для уплат всякого рода, употребление их вместо денег было господствующим; смоленский князь или его пошлинник вместе с рублем брал три лисицы; частное лицо, какой-то Власий, вместе с 10 рублями занял и три сорока белки и обязался уплатить то же самое; так же точно первые князья брали дань с подчиненных племен одними черными куницами и белками, потому что серебра этим племенам было взять негде; так точно в это время и частные люди совершали свои уплаты одними мехами. Явилась металлическая монета, но она не вытеснила еще мехов; выражение: «А пять ногат за лисицу» – показывает нам переход от уплаты мехами к уплате деньгами. Если и князья и простые люди принимали в уплату меха вместо денег, то нет нам нужды рассуждать о том, что ценность пушного товара не могла оставаться всегда одинаковою по различию лиц, имеющих или не имеющих в нем нужду, по различию мест, более или менее богатых этим товаром, что шкуры зверей – товар, подверженный порче, что он теряет достоинство даже от частого перехода из рук в руки: ни пошлинник смоленского князя не взял бы в казну трех истертых лисьих мехов, ни упомянутый Власий не занял бы трех сороков истертых белок, и ясно также, что если в Смоленской области лисица стоила пять ногат, то в Черниговской могла стоить больше или меньше. Труднее объяснение другого явления, именно собственных кожаных денег, имеющих условную ценность; но в истории много таких явлений, которых мы объяснить теперь не можем и которых однако, отвергать не имеем права, если об них существуют ясные, не подлежащие сомнению известия. Но таковы именно свидетельства современников и очевидцев – Рубруквиса и Гильберта де Ланноа; названия единиц нашей древней монетной

системы могли, положим, ввести в заблуждение Герберштейна, за сто лет до которого, по его собственному свидетельству, перестали уже употреблять вместо денег мордки и ушки белок и других зверей; но как же отвергать свидетельства Рубруквиса и Ланноа – очевидцев? Один старый исследователь, отвергавший кожаные деньги, смеялся над свидетельством, что в Ливонии ходили беличьи ушки с серебряными гвоздиками и назывались ногатами; другой, позднейший исследователь находит это известие замечательным: но его мнению, оно может указывать на обычай наших предков мелкую серебряную монету для сохранности укреплять в лоскутки звериных шкур, откуда легко могло образоваться у иностранцев мнение, что в России ходили беличьи и куньи мордки или ушки, части шкуры, негодные для меха, но надежные для хранения монет. Исследователи могут успокоиться насчет кожаных лоскутков с гвоздиками, ибо такова была именно форма древнейших ассигнаций в Европе: к 1241 году император Фридрих II пустил в обращение кожаные деньги в Италии; они состояли из кожаного лоскута, на одной стороне которого находился небольшой серебряный гвоздик, а на другой – изображение государя; каждый лоскут имел ценность золотого августала. Знаем, что такого же рода монеты ходили во Франции в XIV веке. Неужели же мы должны предположить, что Ланноа в Новгороде, Рубруквис в степях приволжских, итальянские, французские историки на западе Европы – все согласились выдумать кожаные деньги и дать им обращение – в своих известиях только! Наконец, знаем, что у татар в описываемое время были бумажные и кожаные деньги по образцу китайскому.

О переменах монеты в Новгороде встречаем следующие известия: под 1410 годом летописец говорит, что новгородцы начали употреблять во внутренней торговле лобки и гроши литовские и артуги немецкие, а куны отложили; под 1420 годом говорится, что новгородцы стали торговать деньгами серебряными, артуги же, которыми торговали 9 лет, продали немцам. Псковский летописец в соответствие новгородскому известию под 1410 говорит под 1409, что во Пскове отложили куны и стали торговать пенязями, а под 1422 годом говорит, что псковичи стали торговать чистым серебром; новгородский же летописец говорит, что в это время во Пскове деньги сковали и начали торговать деньгами во всей Русской земле. Но эти перемены не могли обойтись без смут в Новгороде: под 1447 годом летописец рассказывает, что начали новгородцы хулить деньги серебряные, встали мятежи и ссоры большие: между прочим, посадник Сокира, или Секира, напоивши ливца и весца серебряного, Федора Жеребца, вывел его на вече и стал допытываться, на кого он лил рубли. Жеребец оговорил 18 человек, и, по его речам, народ скинул с моста некоторых из оговоренных, у других дома разграбили и даже вытащили имение их из церквей, чего прежде не бывало, замечает летописец. Несправедливые бояре научали того же Федора говорить на многих людей, грозя ему смертью; но когда Жеребец протрезвился, то стал говорить: «Я лил на всех, на всю землю и весил с своею братьею, с ливцами». Тогда весь город был в большой печали, одни только голодники, ябедники и посульники радовались; Жеребца казнили смертью, имение его вынули из церкви и разграбили. Чтоб помочь злу, посадник, тысяцкий и весь Новгород установили пять денежников и начали переливать старые деньги, а новые ковать в ту же меру, платя за работу от гривны по полуденьге; и была христианам скорбь великая и убыток в городе и по волостям. Главные торговые города древней Руси –

Новгород, Киев, Смоленск, Полоцк – обязаны были своею торговлею и своим богатством природному положению, удобству водных путей сообщения. В описываемое время города Северо-Восточной Руси, Москва, Нижний, Вологда, были обязаны своим относительным процветанием тому же самому. И долго после сухим путем по России можно было только ездить зимою; летом же оставался один водный путь, который потому имеет такое важное значение в нашей истории; мороз и снега зимою и реки летом нельзя не включить в число важнейших деятелей в истории русской цивилизации. Князья ездили в Орду водою; так, известно, что сын Димитрия Донского Василий отправился к Тохтамышу в судах из Владимира Клязьмою в Оку, а из Оки вниз по Волге; Юрий Данилович московский поехал в последний раз в Орду из Заволочья по Каме и Волге. Из Москвы в города приокские и приволжские отправлялись водою; так, отправился из Москвы в Муром на судах нареченный митрополит Иона для переговоров с князьями Ряполовскими насчет детей великого князя Василия Темного. Епифаний в житии св. Стефана Пермского говорит: «Всякому, хотящему шествовати в Пермскую землю, удобствен путь есть от града Уствыма рекою Вычегдою вверх, дондеже внидет в самую Пермь».

При удобстве путей сообщения водою летом и санным путем зимою перечисленные прежде благоприятные обстоятельства для торговли имели силу и теперь. Касательно же препятствий для торговли мы прежде всего должны упомянуть, разумеется, о татарских опустошениях, после которых Киев, например, не мог уже более оправиться. Но здесь мы опять должны заметить, что Киев упал не вследствие одного татарского разгрома, упадок его начался гораздо прежде татар: вследствие отлива жизненных сил, с одной стороны, на северо-восток, с другой – на запад.

Других главных рынков – Новгорода, Пскова, Смоленска, Полоцка – не коснулись татарские опустошения. После утверждения татарского господства ханы и баскаки их для собственной выгоды должны были благоприятствовать торговле русской; в Орде можно было все купить, и у новгородцев была ханская грамота, обеспечивавшая их торговлю, притом же по прошествии первого двадцатипятилетия тяжесть ига начинает уменьшаться, и после видим значительное развитие восточной торговли и волжского судоходства; даже с достоверностию можно положить, что утверждение татарского владычества в Средней Азии, также в низовьях Волги и Дона и вступление России в число зависящих от Орды владений очень много способствовало развитию восточной торговли; время от Калиты до Димитрия Донского должно считать самым благоприятным для восточной торговли, ибо непосредственной тяжести ига более не чувствовалось, и между тем татары, успокоиваемые покорностию князей, их данью и дарами, не пустошили русских владений, не загоразивали путей. После попыток порвать татарскую зависимость, после Куликовской битвы или несколько ранее, обстоятельства становятся не так благоприятны для восточной торговли: опять начинаются опустошительные нашествия, от которых особенно страдают области Рязанская и Нижегородская, Нижегородская – преимущественно жившая восточною, волжскою торговлею; теперь ханы, вооружаясь против России, прежде всего бросаются на русских купцов, которых только могут достать своею рукою. Под 1371 годом встречаем любопытное известие, из которого, с одной стороны, можно видеть богатство купцов нижегородских, а с другой стороны, гибельное

влияние татарских опустошений на пограничные русские области: был, говорится, в Нижнем гость Тарас Петров, первый богач во всем городе; откупил он полону множество всяких чинов людей своею казною, и купил он себе вотчину у князя, шесть сел за Кудьюмою-рекою, а как запустел от татар этот уезд, тогда и гость переехал из Нижнего в Москву.

Но не всегда же Россия после Мамаю находилась в неприязненных отношениях к Орде, и давно протоптанный путь не мог быть вдруг покинут.

В договоре Димитрия Донского с Олгердом видим условие о взаимной свободной торговле; но этим договором не кончилась борьба между Москвою и Литвою, не могла не страдать от нее и торговля. Впрочем, открытая вражда между московскими и литовскими князьями не была постоянною, притом же во время ссор с Москвою Литва находилась в мире с Рязанью, Тверью, Новгородом и Псковом. Псков часто враждовал с немцами, и несмотря на то, торговля заграничная делала его одним из самых богатых и значительных городов русских — знак, что частая вражда с немцами не могла много вредить этой торговле. И Новгород не всегда был в мире с немцами: мы видели, что с 1383 до 1391 года не было между ними крепкого мира, и когда в последнем году мир был заключен, то немецкие послы приехали в Новгород, товары свои взяли, крест целовали и начали двор свой ставить снова: значит, при начале ссоры товары были захвачены новгородцами и двор немецкий разорен. Из приведенной выше грамоты узнаем, что новгородские купцы терпели иногда от немецких разбойников перед самою Невою: шведы неблагоприятно смотрели на торговлю новгородцев с немцами; король Биргер писал в 1295 году любчанам, что шведы не будут тревожить немецких купцов, идущих в Новгород с товарами, только в угождение императору, ибо для него, Биргера, эта торговля невыгодна, потому что усиливает врагов его (новгородцев). Он дает купцам свободу отправляться в Новгород, но под условием, чтоб они не возили туда оружия, железа, стали и пр.

Много, как видно, терпела волжская торговля от новгородских ушкуйников; но и это бедствие не было продолжительным. Относительно ушкуйничества должно заметить, что это явление служит также доказательством развития волжской торговли в XIV веке: значит, было что грабить, когда образовались такие многочисленные разбойничьи шайки.

Торговля должна была содействовать распространению ремесел, искусств в тех местах, в которых она наиболее процветала: самые богатые торговые города, Новгород, Псков, отличаются прочностью своих укреплений, многочисленностью своих церквей. Церкви и каменные по-прежнему строились скоро: церковь архангела Михаила в Москве была заложена, окончена и освящена в один год; то же говорится и о монастырской церкви Чуда архангела Михаила; некоторые деревянные церкви, так называемые обыденные, начинали строить, оканчивали и освящали в один день; но соборная церковь св. Троицы во Пскове строилась три года: сперва псковичи дали наймитам 200 рублей, чтобы разрушить стены старой церкви; старый материал был свален в реку Великую, ибо считалось неприличным употребить его на какое-нибудь другое дело; на другой год заложили новую церковь, дали мастерам 400 рублей и много их потчевали.

В Твери во время стройки соборной церкви св. Спаса поставили внутри ее маленькую деревянную церковь и служили в ней, пока мастера оканчивали большую. И в описываемое время иногда складывали церкви очень неискусно; в

Коломне только что окончили каменную церковь, как она упала; в Новгороде едва успели мастера, окончивши работы, сойти с церкви св. Иоанна Златоуста, как она упала. Летописцы употребляют в известиях о построении церковей иностранное слово: мастера, но нигде не видно, чтобы призываемы были иностранцы для этих построек. В княжение Василия Димитриевича в Новгороде известны были как искусные строители три мастера: Иван, Климент и Алексей. Кроме церковей и колоколен под 1409 годом упоминается о построении в Новгороде владыкою Иоанном теремца каменного, где святили воду каждый месяц. Упоминается по-прежнему о покрытии церковей оловом; в 1420 году псковичи наняли мастеров Федора и дружину его обивать церковь св. Троицы свинцом; но не могли отыскать ни во Пскове, ни в Новгороде такого мастера, который бы мог лить свинчатые доски: посылали и к немцам в Юрьев, но поганые, как выражается летописец, не дали мастера; наконец приехал мастер из Москвы от Фотия митрополита и научил Федора, как лить доски; мастера получили 44 рубля. Новгородский владыка Евфимий покрыл чешуек) церковь св. Георгия в Ладоге.

Упоминается по-прежнему о золочении глав, или маковиц, упоминается о позлащении гроба князя Владимира Ярославича и матери его Анны в новгородском Софийском соборе. Говорится, что тверской епископ Федор сделал у церкви св. Спаса двери медные; в нижегородской церкви св. Спаса были двери дивные, устроенные медью золоченою. Ростовский епископ Игнатий помостил красным мрамором дно (пол) Богородичной церкви; то же сделал тверской владыка Федор у себя в церкви св. Спаса. Встречаем известия об украшении церковей живописью: в 1343 году греческие мастера подписали (расписали) соборную церковь Успения богородицы в Москве, под следующим годом говорится о расписании монастырской церкви св. Спаса в Москве; мастера были родом русские, ученики греков, – Гойтан, Семен и Иван с учениками своими и дружиною. Под 1395 годом упоминается о расписании церкви Рождества богородицы и придела св. Лазаря в Кремле: мастера были – Феофан Грек и Семен Черный; тот же Феофан Грек расписал церковь св. архистратига Михаила в 1399 году; в 1405 году расписывали церковь Благовещения на княжьем дворе иконник Феофан Грек, Прохор, старец из Городца, да чернец Андрей Рублев. Под 1409 годом говорится о расписании церкви Богородицы владимирской мастерами Даниилом иконником и Андреем Рублевым. Они же расписали церковь Троицкую над гробом св. Сергия, церковь в московском Андрониковом монастыре. В Новгороде церковною живописью занимались также греки: под 1338 годом упоминается Исаия Гречин.

Упомянутый мастер, грек Феофан, расписал в 1378 году в Новгороде церковь Христа Спасителя на Ильине улице; под 1385 годом при описании большого пожара в Новгороде говорится, что вместе с другими сгорел в Павлове монастыре Иваш, церковный росписник, как видно русский. Под 1345 годом находим известие, что в Москве слиты были три колокола больших и два меньших, и лил их мастер Борис Римлянин; но еще прежде, в 1342 году, как видно, этот же самый Борис вызван был из Москвы в Новгород и слил там большой колокол к св. Софии. В 1403 году слит был колокол в Твери к соборной церкви Преображения, но не сказано, каким мастером. Из построек не церковных упоминается под 1409 годом о построении в Новгороде владыкою Иоанном пекленицы (поварни?) каменной; под 1433 годом – о построении новгородским владыкою Евфимием у

себя на дворе палаты каменной с 30 дверями: строили мастера немецкие из-за моря (т.е. не ливонские) вместе с новгородскими; в 1439 году тот же владыка поставил ключницу хлебную каменную; в следующем году поставил комнату каменную меньшую; в 1441 году большая палата владыкина и сени прежние были расписаны; в 1442 году тот же владыка поставил на своем дворе поварни каменные и комнату каменную, а в 1444 – духовницу и сторожню каменные. В Москве только в 1450 году митрополит Иона заложил на своем дворе палату каменную. Наконец, находим известия об устройстве часов; под 1404 годом говорится, что поставлены были часы в Москве, на дворе великого князя, за церковь Благовещения, устроил их монах Лазарь, пришедший из Сербии. Вот как описываются эти часы: «Сий же часник наречется часомерье; на всякий же час ударяет молотом в колокол, размеряя и расчитая часы ночныя и дневныя; не бо человек ударяше, но человековидно, самозвонно и самодвижно, страннолепно некако сотворено есть человеческою хитростью, преизмечтано и преухищрено». В Новгороде в 1436 году владыка Евфимий устроил у себя над палатою часы звонящие, а под 1449 годом говорится, что тот же владыка поставил часозвоню.

О построении и украшении церквей в Юго-Западной Руси можем иметь понятие из рассказа волынского летописца о построении церквей в Холме Даниилом Романовичем под 1259 годом: построена была церковь св. Иоанна, красивая и великолепная; построена она была так: четверо комар, с каждого угла перевод, а стояли они на четырех головах человеческих, изваянных некоторым хитрецом; три окна украшены были стеклами римскими; при входе в алтарь стояли два столпа из цельного камня, и на них – комара; потолок был украшен звездами золотыми на лазури; внутренний помост был слит из меди и олова чистого и блестел как зеркало; двое дверей украшены камнем галицким, белым и зеленым холмским, тесаным, сработаны некоторым хитрецом Авдеем, прилепы от всех шаров – из золота, наперед их изваян св. Спас, а на полунощных – св. Иоанн, на удивление всем смотрящим; иконы, принесенные из Киева, украшены были драгоценными камнями, жемчугом и золотом; колокола привезены были также из Киева, а другие слиты на месте. Другая церковь была построена в честь св. безмездников Кузьмы и Дамиана; верх ее поддерживали четыре столпа из цельного камня истесанного. Построена была и церковь св. Богородицы, величиною и красотою не хуже первых, и украшена пречудными иконами: князь Даниил принес из Венгрии чашу, мраморную, багряную, изваянную чудесно, с змеиными головами вокруг, и поставил ее перед дверями церковными, называемыми царскими: в этой чаше святили воду на Богоявление. Князь Владимир Василькович построил в Каменце церковь Благовещения, украсил ее иконами золотыми, сковал сосуды служебные серебряные, евангелие дал также окованное серебром, положил и крест воздвизальный. Во Владимире расписал всю церковь св. Димитрия, сосуды служебные серебряные сковал, икону св. богородицы оковал серебром и дорогими камнями, завесы у иконы были золотом шитые, а другие аксамитные с дробницею; в кафедральном соборе Св. богородицы образ спасителя большой оковал серебром, евангелие также оковал серебром, сосуды служебные устроил из жженого золота с дорогими камнями и образ Спасов оковал золотом с дорогими камнями и поставил на память себе. В перемышльский собор дал евангелие, окованное серебром с жемчугом; в черниговский собор послал евангелие, золотом писанное, окованное серебром и

жемчугом, и среди его – Спас с финифтью; в луцкий собор дал крест большой, серебряный, позолоченный, с честным древом. В Любимле поставил церковь каменную св. Георгия, украсил ее иконами коваными, сосудами серебряными, платцы дал аксамитные, шитые золотом с жемчугом, херувим и серафим, индитью, золотом шитую всю, а другую из белчатой паволоки, а в малых алтарях обе индитьи из белчатой паволоки, евангелие, окованное все золотом с дорогими камнями и жемчугом, деисус на нем скован из золота, цаты большие с финифтью, другое евангелие волочено оловиром; два кадила – одно серебряное, другое медное; икона местная св. Георгия была написана на золоте; на эту икону князь положил гривну золотую с жемчугом, другая икона, Богородицы, была также написана на золоте, и на ней было монисто золотое с дорогими камнями; двери в церкви были медные; князь начал расписывать эту церковь и расписал уже все три алтаря, начали было расписывать и шею, но не окончили по причине княжеской болезни; колокола были слиты такие удивительные на слух, что подобных не было во всей земле.

Что касается ремесел вообще, то из рассказа летописцева о населении Холма Галицкого мы видим, какие были главные, самые нужные из них – это мастерство оружейное и металлическое; начали, сказано, собираться в Холм седельники, лучники, тульники и кузнецы железа, меди и серебра; в Новгороде встречаем щитника и серебряника; ибо что касается других ремесел, например сапожного, портного, то, по всем вероятностям, они отправлялись в домах слугами. О мебели, удобствах домашней жизни, расположении и украшении жилищ мы не имеем почти никаких известий и должны заключить, что домашний быт отличался по-прежнему простотою. Богатый волынский князь Владимир Василькович, который построил столько городов, церквей, так их богато украсил, лежал во время болезни своей на соломе. О богатстве московских князей можем иметь понятие по их завещаниям, где упоминается об иконах, дорогих платьях, цепях, редко – о дорогом оружии, о нескольких сосудах столовых, и все это в таком небольшом количестве, что не могло занимать много места, легко могло быть спрятано, собрано, увезено. Но если так было у князей, то чего же мы должны искать у простых людей? У последних, кроме самой простой и необходимой рухляди, нельзя было ничего сыскать, ибо все, что получше и подороже, хранилось в церквях как местах, наименее подвергавшихся пожарам и разграблениям. Жилища располагались, как видно, по-прежнему; вот описание пожара, бывшего в доме тверского великого князя Михаила Ярославича: загорелись сени, и сгорел двор княжой весь; но божиею милостию проснулся сам князь Михаил и выбросился в окно с княгиною, а сени полны были княжат и боярченков, которые тут спали, и сторожей было много, но никто не слышал. О княжеских одеждах упомянуто было выше; относительно платья простых людей встречаем названия: охабни, опашни, шубы, вотолы, сарафаны, чупруны, котыги; из украшений: перстни, колтки, цепочки (золотые враные). О пище нет подробностей; узнаем только, что бедные употребляли в пищу овсяные хлебы. Обратимся к состоянию нравственному.

Начавши описывать состояние религии и церкви в предшествующий период, мы должны были упомянуть о противодействии, которое христианство встретило на финском севере от язычества, от волхвов; в описываемое время мы не видим более подобных явлений; замечаем, напротив, успешное распространение

христианства в финских пределах. Еще под 1227 годом летописец говорит о крещении корел; но земля последних скоро стала спорною между новгородцами и шведами; этот спор давал кореле возможность менять зависимость от одного народа на зависимость от другого, причем менялась и вера. Без соперничества распространялось православие на северо-востоке: здесь апостолом зырян, или пермяков, явился св. Стефан, сын устюжского причетника и постриженник ростовский; вероятно знакомый еще в Устюге с языком зырянским, Стефан приготовился к своему апостольскому подвигу тем, что изобрел азбуку и перевел нужнейшие богослужебные книги на язык зырянский.

Несмотря на все препятствия со стороны ревнителей язычества, дело Стефана увенчалось успехом: на месте разрушенных требищ языческих он основал церкви, при церквях – училища для детей. Стефан был поставлен епископом в Пермь; о характере его деятельности в этом звании можно заключить из следующих слов «Плача земли Пермской на смерть Стефана», помещенного в житии его: «Теперь мы лишились доброго промышленника и ходатая, который богу молился о спасении душ наших, а князю доносил наши жалобы, хлопотал о наших льготах, о нашей пользе; пред боярами и всякими властями был нашим теплым заступником, часто избавлял нас от насилий, работы и тиунской продажи, облегчал от тяжелой дани Самые новгородцы, ушкуйники, разбойники слов его слушались и не воевали нас». Преемниками св. Стефана были епископы Исаак и Питирим: последний был взят в плен вогулами и умерщвлен. Если вследствие татарского ига мы видели один пример отступничества в Зосиме, или Изосиме, то зато встречаем известия о крещении татар; так, например, под 1390 годом летописец говорит, что били челом великому князю Василию Дмитриевичу в службу три татарина, ханские постельники, желая принять христианство: митрополит Киприан сам крестил их, нарекши имена: Анания, Азария, Мисаил.

Во главе русской церкви по-прежнему находятся митрополиты; но деятельность их в описываемое время гораздо заметнее, чем прежде; тому две главнейшие причины: период предшествовавший характеризуется господством родовых княжеских отношений и происходивших отсюда усобиц; духовенство могло противодействовать этим усобицам, утишать их, но не могло действовать открыто и с успехом против причины усобиц, против господствующего обычая: мы видим, как летописец, лицо, бесспорно, духовное, принимает сторону дядей против племянников; таковы были господствующие представления о праве княжеского старшинства в целом русском народе, в целом русском духовенстве; если бы митрополиты, приходившие из Византии, и враждебно смотрели на такое представление, то их мнение, как чужеземцев, не могло иметь большого авторитета, и здесь, именно в этой чуженародности митрополитов, заключалась вторая главная причина их не очень заметной деятельности. Другого рода явлениями характеризуется описываемое время; оно характеризуется борьбою между старым и новым порядком вещей, борьбою, которая должна была окончиться единовластием: при этой борьбе духовенство не могло оставаться равнодушным, оно должно было объявить себя в пользу того из них, который обещал земле успокоение от усобиц, установление мира и порядка. Но кроме этой знаменитой борьбы внимание духовенства, митрополитов должны были обратить на себя другие, новые, важные отношения, именно: отношения татарские, литовские и отношения к изнемогающей Византии, которые должны были

принять новый характер. Таким образом, важность событий описываемого времени, сменивших однообразие и односторонность явлений периода предшествовавшего, событий, имевших тесную связь с интересами церкви, должна была вызвать духовенство к сильной деятельности, и сюда же присоединилось теперь то важное обстоятельство, что митрополиты начинают являться русские родом; действительно, нельзя не заметить, что самая значительная деятельность в описываемое время принадлежит трем митрополитам из русских: Петру, Алексею, Ионе.

Мы видели, что в Константинополе не согласились на разделение русской митрополии, на поставление особого митрополита для Северной Руси во Владимир Клязьменский, но важное значение, с каким явилась Северная Русь при Андрее Боголюбском и Всеволоде III, заставило киевских митрополитов обратить на нее особенное внимание и отправляться во Владимир для умирения тамошних князей с князьями южными, для поддержания согласия между двумя половинами Руси, согласия, необходимого для поддержания единства и в церковном управлении. После 1228 года и после татарского разгрома, когда значение Киева и Южной, приднепровской Руси пало окончательно, митрополиты киевские и всея Руси должны были обратить еще большее внимание на Северную Русь, и вот под 1250 годом встречаем известие о путешествии митрополита Кирилла II (родом русского) из Киева в Чернигов, Рязань, землю Суздальскую и, наконец, в Новгород Великий. Но потом опять мы видим Кирилла во Владимире, в 1255 и при похоронах Александра Невского в 1263 году; после этого он ездил в Киев; о возвращении его оттуда летописец говорит под 1274 годом; в том же году Кирилл созывал собор во Владимире для исправления церковного; наконец, перед кончиною Кирилл является опять из Киева в Суздальской земле и умирает в Переяславле Залесском в 1280 году, в княжение Димитрия Александровича, но погребен в Киеве. Если мы на основании этих известий и не имеем еще права сказать, что Кирилл перенес кафедру из Киева во Владимир, то по крайней мере видим, что он несколько раз является на севере, и очень вероятно, что он жил здесь если не долее, то столько же, сколько и на юге; и если Кирилл II не сделал того, что обыкновенно приписывается митрополиту Максиму, – не перенес пребывания с юга на север, то по крайней мере приготовил явление, необходимое по всем обстоятельствам; любопытно также известие о кончине Кирилла в Переяславле Залесском: здесь мы можем видеть также необходимый по обстоятельствам шаг со стороны митрополита всея Руси, можем видеть предпочтение города, в котором живет сильнейший князь, городу, главному только по имени.

Кирилл не дождал до важного для Северной Руси события – открытия борьбы между сыновьями Невского: старшим Димитрием и младшим Андреем; но он оказал участие в одном также значительном событии, именно – в борьбе великого князя Ярослава Ярославича с Новгородом: вследствие его посредничества новгородцы помирились с князем. С другой стороны, при Кирилле определились отношения ордынские; все русские были обложены данью, исключая духовенство; другим следствием терпимости татар было то, что в самом Сарае, столице ханов, учреждается православная епископская кафедра в зависимости от русского митрополита; в 1261 году Кирилл поставил в Сарай епископом Митрофана; под 1279 годом встречаем известие, что сарайский епископ Феогност в третий раз

возвратился из Царя-града, куда посылали его митрополит Кирилл и хан Менгу-Тимур, к патриарху и императору с письмами и дарами, известие любопытное, показывающее значение русского сарайского епископа для христианского востока.

Преемником Кирилла был Максим, родом грек; нет известий, чтоб Кирилл ездил в Орду, но Максим отправился туда немедленно по приезде в Киев из Константинополя.

Сначала Максим показал, что столицею митрополии русской должен остаться Киев; сюда в 1284 году должны были явиться к нему все епископы русские. В следующем году видим его на севере, даже в Новгороде и Пскове; но во время знаменитой усобицы на севере между Александровичами мы не слышим о митрополите: он остается в Киеве; быть может, эта усобица и удерживала его на юге, потому что, как скоро она приутихла, Максим переселился совершенно из Киева во Владимир, пришел с клиросом и совсем житьем своим, по выражению летописца; последний приводит и причину переселения: митрополит не хотел терпеть насилия от татар в Киеве; но трудно предположить, чтобы насилия татарские в это время именно усилились против прежнего. Таким образом, Максим сделал решительный, окончательный шаг, которым ясно засвидетельствовал, что жизненные силы совершенно отлили с юга на север, и действительно, до сих пор, если Киев потерял прежнее значение и благосостояние, то значение и благосостояние поддерживалось еще на юго-западе, в Галиции, на Волыни; но по смерти Даниила, Василька и Владимира Васильевича и здесь оставалось мало надежды на что-нибудь сильное и прочное.

Максим не долго прожил на севере: не оказавши нравственного влияния, посредничества в усобице между сыновьями Невского, он хотел воспрепятствовать усобице между князьями московским и тверским, но старания его остались тщетны; он умер в 1305 году, и преемником ему поставлен был Петр, родом русский, из Волыни. После поставления своего Петр только проездом остановился в Киеве и спешил на север: но и здесь пробыл недолго, отправился опять на юг. В Брянске он уговаривал князя Святослава, чтоб тот поделился волостями с племянником или даже оставил бы ему все, бежал бы из города, а не бился. Неизвестно, шел ли Петр далее Брянска на юг и было ли прекращение брянской усобицы главною целию его поездки туда; всего вероятнее, что святитель возвратился из Брянска на север, во Владимир, ибо под следующим годом встречаем в летописи известие, что он не пустил тверского княжича Димитрия Михайловича идти войною на Новгород Нижний; впрочем, за правильность порядка годов в летописных сборниках ручаться нельзя; очень может быть, что митрополит был в Брянске и уговаривал тамошнего князя, когда ехал в первый раз из Киева во Владимир; после мы не встречаем известий о поездках св. Петра на юг. Митрополит Кирилл колебался между севером и югом; Максим переехал с клиросом и со всем житьем своим на север; Петр сделал новый шаг: Владимир, где поселился Максим, был столицею старшего князя только по имени; каждый князь, получавший старшинство и великое княжение Владимирское, оставался жить в своем прежнем наследственном городе, и шла борьба за то, которому из этих городов усилиться окончательно, собрать Русскую землю, и вот Петр назнаменует это окончательное торжество Москвы, оставаясь здесь долее, чем в других городах, и выбравши Москву местом успокоения своего

на старости и местом погребения своего. Любопытно видеть, как во все это время митрополиты, тогдашние представители духовного единства Руси, не имеют постоянного пребывания, странствуют то с юга на север, то с севера на юг и на севере не пребывают постоянно во Владимире: св. Петр, по словам автора жития его, проходил места и города и, полюбивши московского князя Иоанна Даниловича, стал жить в Москве долее, чем в других местах. Это движение митрополитов всего лучше выражает то брожение, то переходное состояние, в котором находилась тогда Русь, состояние, прекратившееся с тех пор, как средоточие государственной жизни утвердилось в Москве, чему, как мы видели, много содействовало расположение св. Петра к этому городу или его князю. Во сколько этому расположению к Москве способствовали неприязненные отношения Твери и ее епископа Андрея к св. Петру, мы определить не можем; но мы не должны упускать этого обстоятельства из внимания. Подобно Максиму, и Петр должен был отправиться в Орду: это случилось по смерти хана Тохты, когда со вступлением на престол Узбека все обновилось, по выражению летописца, когда все приходили в Орду и брали новые ярлыки, и князья и епископы. Петр был принят в Орде с большою честью и скоро отпущен на Русь. Еще в самом начале, когда определились татарские отношения, наложена была дань на всех, за исключением духовенства: последнему дан был ярлык, свидетельствующий об этом освобождении. В дошедшем до нас ярлыке Менгу-Тимура именно говорится о жалованных грамотах духовенству первых ханов, которых грамот Менгу-Тимур не хочет изменять; следовательно, ярлык Менгу-Тимуров мы имеем полное право считать одинаковым со всеми прежними ярлыками; в нем хан обращается к баскакам, князьям, данщикам и всякого рода чиновникам татарским с объявлением, что он дал жалованные грамоты русским митрополитам и всему духовенству, белому и черному, чтоб они правым сердцем, без печали, молили бога за него и за все его племя и благословляли их: не надобна с них ни дань, ни тамга, ни поплужное, ни ям, ни подводы, ни война, ни корм; не надобна с них никакая пошлина, ни ханская, ни ханшина, ни князей, ни рядцев, ни дороги (сборщика податей), ни посла, некоторых пошлинников никакие доходы; никто не смеет занимать церковных земель, вод, огородов, виноградников, мельниц, зимовищ и летовищ; никто не смеет брать на работу или на сторожу церковных людей: мастеров, сокольников, пардусников; никто не смеет взять, изодрать, испортить икон, книг и никаких других богослужебных вещей, чтобы духовные не проклинали хана, но в покое за него молились; кто веру их похулит, наругается над нею, тот без всякого извинения умрет злою смертию.

Братья и сыновья священников, живущие с ними вместе, на одном хлебе, освобождаются также от всяких даней и пошлин; но если отделятся, из дому выйдут, то дают пошлыны и дани. А кто из баскаков или других чиновников возьмет какую-либо дань или пошлыну с духовенства, тот без всякого извинения будет казнен смертию. Но с воцарением Узбека, как было упомянуто, надобно было брать новые ярлыки, т.е. снова платить за них, и митрополиту Петру дан был новый ярлык на его имя. Этот ярлык одинаков с Менгу-Тимуровым, только многословнее; прибавлено то, что митрополит Петр управляет своими людьми и судит их во всяких делах, не исключая и уголовных, что все церковные люди должны повиноваться ему.

Преемник Петра, грек Феогност, приехал на север, когда уже борьба между Москвою и Тверью кончилась, когда Тверская область была страшно опустошена, князь ее в изгнании и московский князь первенствовал без соперника. Новому митрополиту не оставалось ничего более, как последовать примеру своего святого предшественника, и Феогност, по словам летописца, сел на месте св. Петра, стал жить на его дворе в Москве, что другим князьям было не очень сладостно. Мы видели, какого важного союзника имел Калита в Феогносте, который страхом отлучения заставил псковичей отказаться от покровительства Александру тверскому. Но, покончивши дела на севере, Феогност должен был спешить на юг, где в последнее время произошла важная перемена; вместо многих отдельных, мелких, слабых князей, потомков Рюрика, здесь господствовал теперь сильный князь литовский Гедимин, язычник, но не гонитель христианства. Вследствие этого события отношения всероссийского митрополита к Юго-Западной Руси должны были принять новый характер: прежде можно было оставить юг для севера, пренебрегая неудовольствием многих, слабых, разделенных князей, если бы они решились выразить неудовольствие на отсутствие митрополита; но теперь могущественными князьями литовскими пренебрегать было нельзя, и Феогност долго живет на Волыни, потом встречаем известие о поездке его туда же в другой раз, и это известие нельзя не привести в связь с другим одновременным известием о насилиях поляков на Волыни, о гонениях на православие; притом удаление киевского митрополита на север уже заставляло думать на юге об избрании особого митрополита, который, по известным нам обстоятельствам, должен был иметь пребывание в Галицкой Руси, а не в Днепровской. До нас дошли письма константинопольского императора к митрополиту Феогносту, к великому князю Симеону московскому, к волынскому князю Любарту об уничтожении Галицкой митрополии, установленной прежним патриархом. В Орду Феогност должен был ездить два раза; во второй раз его ждали там большие неприятности: какие-то русские люди насажали хану Чанибеку, что митрополит русский получает огромный доход, что у него множество золота, серебра и всякого богатства и что ему ничего не стоит платить ежегодную дань в Орду. Хан потребовал этой дани от Феогноста, но тот вытерпел тесное заключение, раздарил хану, ханше и князьям много денег и остался при прежних льготах.

Мы видели, что, начиная с Кирилла II, до сих пор митрополиты из русских и из греков, так сказать, чередуются: после русского Кирилла видим грека Максима, потом опять русского Петра и потом опять грека Феогноста. Как избирались все эти митрополиты, русские и греки, по предложению или по согласию каких русских князей ставились они – мы знаем мало. Но мы знаем подробности о выборе преемника Феогноста. При князе Юрии Даниловиче выехал из Чернигова в Москву боярин Федор Плещеев; сын его, Елевферий-Симеон, крестник Иоанна Калиты, с двенадцатилетнего возраста начал вести себя монахом и на двадцатом году постригся в московском Богоявленском монастыре под именем Алексия. Прославившись духовною жизнью, Алексий был взят митрополитом Феогностом в наместники, должность которого состояла в суде над церковными людьми; после двенадцатилетнего исправления этой должности Феогност поставил Алексия епископом во Владимир и еще при жизни своей благословил его себе в преемники на столе митрополичьем, и отправлены уже были от великого князя и митрополита послы в Царьград к патриарху, чтоб тот

имел в виду Алексея и не ставил никого другого в митрополиты русские. Когда Феогност умер, Алексей отправился в Царьград на поставление; но там, не дожидаясь известия из Москвы, уже поставили в митрополиты Романа и, не решаясь отказать московскому князю, поставили потом и Алексея и обоих отпустили в Русь: сотворился мятеж во святительстве, чего прежде никогда не бывало на Руси, говорит летописец; от обоих митрополитов начали являться послы к областным владикам, и была везде тяжесть большая священническому чину. Таким образом, теперь в самом Константинополе указано было на то, что прежде здесь же было отвергнуто, именно разделение русской митрополии; надобно было испоместить двух митрополитов, и, когда Алексей пришел в Москву, Роман отправился на Литовскую и Волынскую землю. Но Алексей, посвященный в митрополиты киевские и всея Руси, не мог отказаться от Киева; он поехал туда в 1358 году; но, когда через год возвратился в Москву, Роман явился в Твери; здешний владыка Феодор не захотел с ним видеться и не оказал ему никакого почета; но князья, бояре и некоторые другие, по словам летописца, давали ему потребное; особенно большую честь оказал и богатые дары дал ему князь Всеволод Александрович холмский. Такое поведение Всеволода объясняется легко: Всеволод враждовал с дядею Васильем Михайловичем, на стороне которого был московский князь и митрополит Алексей; Всеволод же нашел помощь в Литве у зятя своего Олгерда, посредничеству которого, без сомнения, Всеволод был обязан тем, что дядя уступил ему треть отчины; Всеволод возвратился из Литвы и Тверь в то самое время, когда приезжал туда и митрополит Роман; очень вероятно, следовательно, что последний приезжал с Олгердовым поручением примирить князей и добыть Всеволоду волость; но если бы и не так было, то понятно, что Всеволод, родственник и союзник Олгерда, должен был оказывать всякое расположение митрополиту, признаваемому в земле Литовской.

Нам не нужно повторять здесь сказанного выше о могущественном содействии св. Алексея московским князьям в утверждении их власти над другими князьями. Недаром великий князь Симеон завещал своим братьям не слушаться лихих людей, но слушаться владыки Алексея да старых бояр, которые отцу их и им добра хотели: и Тверь и Нижний испытали, как св. Алексей хотел добра сыновьям и внукам своего крестного отца Иоанна Калиты. Не будучи греком, Алексей умел поддерживать постоянное расположение к себе и к Москве двора и патриарха константинопольского. Патриарх писал к Донскому об особенном расположении своем к нему и брату его Владимиру, о гневе своем на других князей русских, им неприязненных. В другой грамоте патриарх писал, что он не снимет проклятия, наложенного митрополитом Алексием на некоторых князей русских, до тех пор, пока они не исполнят всех условий и пока митрополит не напишет, что они раскаялись, ибо эти князья дали великому князю страшную клятву выступить вместе против врагов веры. Смоленский князь Святослав жаловался, что митрополит предал его проклятию; патриарх отвечал, что поступок митрополита справедлив, ибо Святослав помогал Олгерду против Москвы. Князь тверской жаловался также на митрополита и требовал суда с ним; патриарх отвечал, что считает неприличным князю судиться с митрополитом пред послом патриаршим. Слава благочестивой жизни русского митрополита достигла и Орды: жена хана Чанибека, Тайдула, заболевши глазами, прислала в Москву

просить Алексея, чтоб посетил ее; св. Алексей поехал в Орду, и ханша получила исцеление.

Алексий хотел видеть и преемником своим мужа, славного своею святостию, – Сергия, игумена, основателя Троицкого монастыря, но смиренный инок отказался от власти; а между тем в Константинополе не хотели дожидаться московского избранника: туда с разных сторон приходили жалобы на то, что митрополит покинул юг для севера; польский король Казимир, владея Галицкою Русью, требовал для нее особого митрополита грозя в противном случае обращать русских в латинскую веру. Угроза подействовала, и в Константинополе поставили особого митрополита для Галича, подчинив ему епархии – Холмскую, Туровскую, Перемышльскую и Владимирскую на Волыни. С другой стороны, Олгерд литовский писал жалобы к патриарху, что Москва обидела шурина его, Михаила тверского, зятя, Бориса нижегородского, другого зятя, Ивана новосильского, побрала много городов; жаловался, что митрополит благословляет московского князя на такие поступки по благословению патриаршему, не приезжал ни в Литву, ни в Киев, снимает крестное целование с перебежчиков из Литвы в Москву; Олгерд требовал другого митрополита киевского на Смоленск, на Тверь, на Малую Россию, на Новосиль, на Нижний Новгород. И вот по просьбам юго-западных русских князей в Константинополе поставили им митрополита Киприана, родом серба, с условием, чтоб по смерти митрополита Алексея он был митрополитом всея России. Но понятно, что если в Литве хотели своего митрополита, то в Москве хотели также своего. Ни в Москве, ни в Новгороде, ни во Пскове не признали Киприана, и он принужден был отправиться на житье в Киев: опять повторилось, следовательно, прежнее явление, опять указывалась возможность разделения русской митрополии, ибо в Москве не хотели принимать Киприана и по смерти Алексея; здесь был свой избранник. Был в городе Коломне священник Михаил-Митяй, человек необыкновенно видный, красивой наружности, грамотный, с речью легкою и чистою, голосом громким и приятным, превосходил всех умением толковать силу книжную; память имел необыкновенную, знал все старинные повести, книги и притчи: во всяких делах и судах рассуждал красноречиво и умно. Такие достоинства обратили на него внимание великого князя Дмитрия, который и взял Митяя к себе в духовники и печатники. Митяй год от году приобретал все более славы и значения: никто, по словам летописца, не был в такой чести и славе, как Митяй; от великого князя не было ему ни в чем отказу, все почитали его, как царя какого, и, что еще важнее, любили его все.

В Спасском монастыре (внутри Кремля) очистилось архимандричье место; великому князю и боярам непременно хотелось, чтоб на этом месте был Митяй; по сам Митяй не хотел; великий князь стал его уговаривать: «Видишь: Алексей митрополит уже стар, и ты будешь после него митрополитом всея Руси; постригись только теперь в монахи и будешь архимандритом в Спасском монастыре и моим отцем духовным по-прежнему». Митяй согласился; до обеда постригли его в монахи, а после обеда назначили архимандритом. Теперь надобно было уговорить митрополита, чтоб благословил Митяя себе в преемники; но св. Алексей не соглашался на это. «Митяй еще недавно в монахах, – говорил он, – надобно ему еще поискуситься, облечься благими делами и нравами». Великий князь долго его упрашивал, то сам приходил к нему, то посылал брата

двоюродного, Владимира Андреевича, то бояр – все напрасно. «Кому даст господь бог, пречистая богородица, патриарх и вселенский собор, того и я благословлю», – был от него ответ. Несмотря на то, когда св. Алексей преставился в 1377 г., Митяй вошел на митрополичий двор, стал ходить в митрополичьем одеянии и начал обращаться с духовенством и властвовать как митрополит. Сперва он собирался ехать в Константинополь на поставление к патриарху, но потом раздумал и начал говорить великому князю: «В правилах писано, что два или три епископа поставляют епископа; так пусть и теперь сойдутся епископы русские, пять или шесть, и посвятят меня в митрополиты».

Великий князь и бояре согласились, и епископы уже собрались. Но что случилось в XII веке при поставлении митрополита Клима одним собором русских епископов, то же самое случилось и теперь: как тогда Нифонт новгородский восстал против неправильного, по его мнению, поставления Климова, так теперь против поставления Митяева вооружился Дионисий, епископ суздальский. Сопrotивление Дионисия заставило Митяя опять думать о путешествии в Царьград; туда же начал собираться и Дионисий, желая сам получить митрополию. Узнавши об этом, Митяй стал советовать великому князю удержать Дионисия, который может помешать ему в Константинополе, и великий князь велел держать суздальского епископа под крепкою стражею.

Дионисий, чтоб избавиться из заключения, дал великому князю обещание не ездить в Царьград без его позволения и поставил поручителем преподобного Сергия Радонежского, но не сдержал слова: из Суздаля поехал в Нижний, отсюда Волгою – в Сарай, а из Сарая – в Константинополь. Митяй и прежде не соглашался на освобождение Дионисия; ему казалось, что св. Алексей не хотел благословить его, Митяя, по совету преподобного Сергия, который и теперь действует против него заодно с Дионисием; когда же он узнал о бегстве Дионисия в Константинополь, то негодование его достигло высшей степени, и св. Сергий говорил: «Молю господа бога сокрушенным сердцем, да не попустит Митяю исполнить свою угрозу – разорить место это святое и изгнать нас без вины». С другой стороны, явился новый соперник Митяю: Киприан из Киева ехал в Москву и был уже в Любутске, откуда дал знать св. Сергию, что идет к сыну своему, великому князю, с миром и благословением. Но великий князь, узнав о прибытии незваного гостя, разослал всюду заставы, чтоб не пропустить его в Москву; Киприана схватили и с бесчестьем отправили назад.

Движения Дионисия и Киприана должны были ускорить поездку Митяя в Константинополь, и он отправился наконец с полномочием от великого князя действовать как заблигорассудит, смотря по обстоятельствам, для чего взял с собою про запас белые хартии с привешенною к ним великокняжескою печатню чтоб в случае надобности можно было написать на них кабалу, или вексель: Димитрий позволил ему занять тысячу рублей серебра, и даже больше, на великокняжеское имя. Митяй отправился в сопровождении трех архимандритов и многих других духовных лиц, также большого боярина великокняжеского Юрия Кочевина и митрополичьих бояр. В степи Митяй был захвачен Мамаем, но ненадолго задержан; переплыто было уже благополучно и Черное море, как вдруг в виду Константинополя Митяй разболелся и умер. Между провожавшими его духовными и боярами встало тогда сильное смятение: одни хотели поставить в митрополиты Иоанна, архимандрита петровского, из Москвы, а другие – Нимена,

архимандрита горицкого, из Переяславля; наконец бояре, хотевшие Пимена, пересилили и едва не умертвили Иоанна, который не соглашался с ними. На одной из белых хартий написали от имени великого князя грамоту к императору и патриарху с просьбою о поставлении Пимена в митрополиты. Сперва дело пошло было дурно: император и патриарх отвечали, что уже давно посвящен и отправлен в Россию митрополит Киприан и другого не следует ставить; тогда русские заняли у итальянских и восточных купцов денег в рост, написавши кабалу на другой белой хартии, раздали повсюду богатые подарки и достигли своей цели в Константинополе; но не достигли ее в Москве. Когда сюда пришла весть, что Митяй умер на море и вместо него поставлен Пимен, и когда в то же время, как обыкновенно бывает, стали носиться слухи, что Митяй умер не своею смертию, то сильно опечаленный великий князь сказал: «Я не посылал Пимена в митрополиты, послал я его как слугу при Митяе; что сделалось с Митяем, я не знаю, один бог знает, один бог и судит, только Пимена я не приму и видеть его не хочу». Еще Пимен медлил в Константинополе, как великий князь отправил духовника своего в Киев звать на митрополичий стол Киприана, и тот приехал в Москву; когда же узнали о приходе Пимена, то остановили его в Коломне, сняли белый клобук и отправили в заточение.

Но Киприан не долго на этот раз пробыл в Москве, и Пимен не долго дожидался своей очереди; как прежде присутствие нескольких князей, предъявляющих права свои на старшинство, давало возможность выбора между ними, так теперь присутствие двух митрополитов, уже поставленных в Константинополе, делало возможным выбор и между ними. Мы видели, что во время Тохтамышева нашествия митрополит Киприан уехал из Москвы в Тверь; отъезд ли Киприана из Москвы, или отъезд именно в Тверь, которой князь немедленно после Тохтамышева отступления отправился в Орду искать ярлыка, или, наконец, какое-нибудь другое обстоятельство было причиною нерасположения великого князя Дмитрия к Киприану, только встречаем известие, что Дмитрий не захотел видеть Киприана в Москве, и тот отправился в Киев, где сел на свое митрополичье место, принят был от всех с честью и радостью и стал жить здесь, управляя, по обычаю, делами церковными, а в Москву был вызван из заточения Пимен, который был также встречен здесь с честью и вступил в церковное управление. Таким образом, опять для юга и севера, для Киева и Москвы, явились два отдельных митрополита; этого мало: в Киев явился из Византии еще третий митрополит, известный уже нам епископ суздальский Дионисий; но киевский князь Владимир Ольгердович велел схватить Дионисия и посадить в заключение, где этот соперник Митяев и умер через год; несколько лет спустя умер и Пимен в Халкидоне, на дороге в Константинополь. Смерть Пимена соединяла снова русскую церковь под одним митрополитом – Киприаном, для которого не было более препятствий и в Москве: здесь Донской умер, и сын его Василий встретил с честью Киприана.

Согласие московского князя с митрополитом не прерывалось после этого ни разу: мы видели, как оба они дружно действовали в делах новгородских. Союз Василия Дмитриевича с тестем Витовтом литовским удерживал и церковную связь между Русью Литовскою и Московскою: так, когда московский князь ездил в Смоленск на свидание с тестем, то в то же время ездил туда и митрополит Киприан, который из Смоленска поехал в Киев и жил там полтора года; потом,

под 1404 годом, встречаем известие о новой поездке Киприана в Литву, к Витовту, и в Киев: от Витовта и от Ягайла получил он большую честь и много даров, большую честь видел от всех князей, панов и от всей земли; в Киеве он велел схватить наместника своего архимандрита Тимофея и слуг своих тамошних и отвести их в Москву; в это же путешествие Киприан должен был снять сап и отослать в Москву, в Симонов монастырь, Антония, епископа туровского, по настоянию Витовта, пред которым Антоний был оклеветан в сношениях с татарами; главною же причиною ненависти литовских властей к Антонию полагают ревность этого епископа к православию.

Но вскоре за тем последовал разрыв между князьями московским и литовским, долженствовавший повлечь за собою и разделение митрополии. Киприан не дожил до этого события. Когда по его смерти московский великий князь, не имея своего избранника, послал в Константинополь с просьбою выслать оттуда митрополита на Русь, Витовт отправил туда же полоцкого епископа Феодосия; литовский князь просил императора и патриарха: «Поставьте Феодосия нам в митрополиты, чтобы сидел на столе киевской митрополии по старине, строил бы церковь божию по-прежнему, как наш, потому что по воле божией мы обладаем тем городом, Киевом». Но в Константинополе не исполнили желания Витовтова, а прислали на всероссийскую митрополию Фотия, родом грека, из Мореи. Нет основания думать чтобы Витовт, желая поставления Феодосия полоцкого в митрополиты, имел в виду именно разделение митрополии, чтоб он хотел поставления особого митрополита в Литву: он хотел только, чтобы митрополит всероссийский жил по старине, в Киеве, в областях литовских и был бы, таким образом, его митрополитом, хотел переэвхаристовать митрополита из враждебной Москвы, о чем, без сомнения, он уговорился с своим избранником, Феодосием; положение Витовта было совершенно иное, чем положение Олгерда: последний, жалуясь патриарху на митрополита Алексия, поборавшего за Москву, не смел думать, чтобы патриарх по этой жалобе снял сан с Алексия и чтобы в Москве согласились на это, а потому и просил для Литвы особого митрополита; тогда как теперь положение дел было иное: общего для юга и севера митрополита не стало, и Витовт спешил предложить в этот сан своего избранника, который бы по старине остался жить в Киеве. Почему в Константинополе не посвятили Феодосия, неизвестно; очень вероятно, что не хотели, в угоду князю иноверному, сделать неприятность государю московскому, который незадолго перед тем, в 1398 году, отправил к императору Мануилу богатое денежное вспоможение; о тогдашних дружеских отношениях между московским и константинопольским дворами можно судить по тому, что в 1414 году Мануил женил сына своего Иоанна на дочери Василия Димитриевича Анне; если московский князь оказывал такую учтивость, предоставляя императору и патриарху по старине выбор митрополита, то странно было бы на эту учтивость ответить поставлением человека, присланного князем, враждебным Москве; наконец, очень может быть, что Фотий был посвящен прежде приезда Феодосиева. Как бы то ни было, когда Фотий приехал в Киев, то Витовт сначала не хотел было принимать его, но потом принял, взявши с него обещание жить в Киеве. Но Фотий, пробывши в Киеве около семи месяцев, отправился в Москву и занялся здесь устройством хозяйственных дел митрополии. «После татар, — говорит летописец, — и после частых моровых поветрий начало умножаться народонаселение в Русской земле,

после чего и Фотий митрополит стал обновлять владения и доходы церковные, отыскивать, что где пропало, что забрано князьями, боярами или другим кем-нибудь – доходы, пошлыны, земли, воды, села и волости; иное что и прикупил». Эти отыскивания захваченного у церкви вооружили против Фотия сильных людей, которые стали наговаривать на него великому князю Василию Дмитриевичу и успели поссорить последнего с митрополитом. Фотий писал сначала великому князю, прося утвердить грамотою принесенное в дар церкви и устроить все ее пошлыны; потом в другом послании просил великого князя не уничтожать церкви, обратиться к ней с раскаянием, восстановить ее права, возвратить данное и утвержденное прародителями.

Чем кончились неприятности Фотия с московским князем, неизвестно; летописец говорит только, что клеветники, бывшие в числе людей, близких к митрополиту, принуждены были бежать от него из Москвы к черниговскому владыке и оттуда в Литву к Витовту; это известие может показывать нам, что Василий Дмитриевич взял наконец сторону митрополита, почему клеветники и принуждены были бежать из Москвы. Но они бежали к Витовту, сердитому уже на Фотия за предпочтение Москвы Киеву; теперь враги Фотия стали внушать литовскому князю, что митрополит переносит из Киева в Москву все узорочье церковное и сосуды, пустошит Киев и весь юг тяжкими пошлынами и данями. Эти обвинения были для Витовта желанным предлогом покончить дело с митрополитом, жившим в Москве, и поставить своего в Киев; он собрал подручных себе князей русских и решил с ними свергнуть Фотия со стола Киевской митрополии, после чего послали в Константинополь с жалобой на Фотия и с просьбой поставить на Киев особого митрополита, Григория Цамблака, родом булгара. Но те же самые причины, препятствовавшие прежде исполнить желание Витовтово, существовали и теперь в Константинополе: по-прежнему здесь существовала тесная связь с единоверным двором московским, уже скрепленная родственным союзом; по-прежнему здесь не любили чужих избранников и при бедственном состоянии империи надеялись получить большую помощь от своего Фотия, чем от Витовтова Григория, болгарина. Просьба литовского князя была отвергнута.

Тогда Витовт, приписывая этот ответ корыстолюбию константинопольского двора и патриарха, которые хотят ставить своего митрополита по накупу – кто им больше даст и будет в их воле, будет отсылать к ним русские деньги, созвал владык и архимандритов и объявил им о необходимости поставить своего митрополита. «Жаль мне смотреть на все это, – говорил Витовт, – чужие люди станут толковать: „Вот государь не в той вере, так и церковь оскудела; так чтоб этих толков не было, а дело явное, что все нестроение и запущение церкви от митрополита, а не от меня“». Епископы отвечали: „Мы и сами не в первый раз слышим и видим, что церковь скудеет, а император и патриарх строителя доброго к нашей церкви не дают“. Но по другим известиям, епископы, по крайней мере некоторые, только по принуждению решились разорвать связь с Фотием, и потом из самой Витовтовой грамоты видно, что, разрывая с Фотием, они не хотели разрываться с Константинополем и, подумав, отвечали своему князю: „Пошлем еще раз в Царьград, к императору и патриарху“. Витовт отправил послов в Константинополь в марте месяце 1415 года с угрозой, что если там не исполнят его желание, то в Киеве будет поставлен митрополит своими русскими

епископами; срок послам назначен был Ильин день, последний срок – Успение; но потом императорский и патриарший послы, возвращавшиеся из Москвы чрез литовские владения, упросили отложить до Филиппова дня. Но когда и этот срок прошел, то Григорий и был посвящен собором русских епископов. Фотий, узнавши о замыслах Витовтовых, поспешил отправиться в Киев, чтоб там помириться с литовским князем, если же это не удастся, ехать в Царьград и там препятствовать исполнению намерения Витовтова; но на границах литовских владений митрополит был схвачен, ограблен и принужден возвратиться в Москву.

Чтоб оправдать свой поступок, южнорусские епископы отправили к Фотию послание, в котором вообще упрекают его в каких-то неправильных поступках, замеченных ими в самом начале его управления, потом упоминают о какой-то важной вине, признать которую предоставляют собственной совести Фотия, сами же объявить ее не хотят, не желая опозорить его. В соборной грамоте об избрании и посвящении Григория, написанной от имени 8 епископов, говорится, что епископы, видя церковь киевскую в пренебрежении от митрополита, который, собирая доходы с нее, относит их в другое место, где живет, по совету великого князя, всех других князей, бояр, вельмож, архимандритов, игуменов, иноков и священников поставили в митрополиты Григория, руководствуясь уставом апостольским, прежним примером русских епископов, которые при великом князе Изяславе сами поставили митрополита Клима; потом примером единоплеменных болгар и сербов. «Этим поступком, говорят епископы, – мы не отделяемся от восточной церкви, продолжаем почитать патриархов восточных, митрополитов и епископов отцами и братьями, согласно с ними держим исповедание веры, хотим избежать только насилий и вмешательства мирского человека, симонии и всех беспорядков, которые происходили недавно, когда Киприан, Пимен и Дионисий спорили о митрополии». Епископы хотят избежать симонии, в которой упрекают константинопольский двор; но в 1398 году луцкий епископ Иоанн обязался дать королю Ягайлу двести гривен и тридцать коней, если тот поможет ему получить Галицкую митрополию. Витовт с своей стороны выдал окружную грамоту о поставлении Григория, в которой выставляет те же самые причины события и, описавши подробно ход дела, заключает: «Пишем вам, чтоб вы знали и ведали, как дело было. Кто хочет по старине держаться под властью митрополита киевского – хорошо, а кто не хочет, то как хочет, знайте одно: мы не вашей веры, и если б мы хотели, чтоб в наших владениях вера ваша истреблялась и церкви ваши стояли без устройства, то мы бы ни о ком и не хлопотали; но когда митрополита нет или епископ который умрет, то мы бы наместника своего держали, а доход церковный, митрополичий и епископский себе бы брали. Но мы, желая, чтоб ваша вера не истреблялась и церквам вашим было бы строение, поставили собором митрополита на киевскую митрополию, чтоб русская честь вся стояла на своей земле». Фотий с своей стороны издал также окружное послание к православному южнорусскому народонаселению. Не упоминая о Витовте, митрополит в очень сильных выражениях порицает поступок Григория Цамблака и епископов, его поставивших. Из послания узнаем, что Григорий ездил сперва в Константинополь на поставление, но был там лишен священнического сана патриархом Евфимием и едва спасся бегством от казни. Этот случай Фотий приводит в доказательство бескорыстия константинопольского двора, ибо как сам Григорий, так и прежде его Феодосий полоцкий обещали много золота и серебра за свое поставление, но не

получили желаемого. Фотий требует от православных, чтоб они не сообщались с епископами, замыслившими разделение митрополии.

Цамблак, славившийся между современниками красноречием, остался верен правилу, выраженному в послании поставивших его епископов, т.е. остался верен православию. В наших летописях сохранилось известие, будто бы он задал вопрос Витовту: зачем тот не в православии? И будто бы Витовт отвечал, что если Григорий поедет в Рим и оспорит там папу и всех мудрецов его, то он со всеми своими подданными обратится в православие. Это известие может указывать только на побуждения, которые заставили Григория отправиться вместе с посольством Витовтовым на Констанцкий собор. Литовское посольство прибыло в Констанц уже к концу заседания собора, на который оно явилось 18 февраля 1418 года вместе с послами греческого императора Мануила, имевшими поручение начать переговоры с папою о соединении церквей. Посольство греческое и литовское были приняты торжественно, получили право отправлять богослужение по своему обряду, но уехали ни с чем, потому что собор разошелся, не начавши совещания о соединении церквей.

Григорий жил недолго по возвращении из Констанца; он умер в 1419 году. В это время вражда к Москве остыла в Витовте, и все внимание его было поглощено отношениями польскими; вот почему по смерти Цамблака он не старался об избрании особого митрополита для Киева, и Фотий снова получил в управление церковь южнорусскую. Извещая об этом событии православных, он пишет: «Христос, устрояющий всю вселенную, снова древним благолепием и миром свою церковь украсил и смирение мое в церковь свою ввел, советованием благородного, славного, великого князя Александра (Витовта)». В 1421 году мы видим Фотия на юго-западе: во Львове, Владимире, Вильне; а в 1430 году он был в Троках и в Вильне у Витовта вместе с московским великим князем Василием Васильевичем, причем литовский князь оказал большую честь митрополиту; такую же честь оказал ему и преемник Витовта, Свидригайло.

Мы видели, каким важным шагом ознаменовал свою политическую деятельность Фотий на севере, в Москве, объявивши себя торжественно на стороне племянника против дяди; при жизни Фотия открытой вражды не было и Юрий признавал старшинство племянника, но тотчас по смерти митрополита князя снова заспорили и стали собираться в Орду. Усобицы между Василием и Юрием происходили, когда митрополита не было в Москве, и мы с уверенностью можем сказать, что присутствие митрополита дало бы иной характер событиям, ибо мы видели, как митрополит Иона сильно действовал в пользу Василия Темного; мы видели, как побежденные князя требуют у победителя, чтоб он не призывал их в Москву в то время, когда там не будет митрополита, который один мог дать им ручательство в безопасности.

Московские смуты долго мешали назначению нового митрополита; наконец был избран рязанский епископ Иона, первый митрополит не только русский, но рождением и происхождением из Северной Руси, именно из Солигалицкой области. Но, когда медлили в Москве, спешили в Литве, и, прежде чем Иона успел собраться ехать в Константинополь, оттуда уже явился митрополитом смоленский епископ Герасим, который остановился в Смоленске, пережидая здесь, пока в Москве прекратятся усобицы. Усобицы прекратились, но Москва не видала Герасима: поссорившись с литовским князем Свидригайлом, митрополит был

схвачен им и сожжен. На этот раз Иона отправился в Константинополь, но опять был предупрежден: здесь уже поставили Исидора, последнего русского митрополита из греков и поставленного в Греции, потому что Флорентийский собор, смуты и падение Византии должны были повести необходимо к независимости русской митрополии от константинопольского патриарха.

Исидор, приехавши в Москву, стал собираться на собор, созванный в Италии для соединения церквей. Самое уже место собора в стране неправославной должно было возбуждать подозрение в Москве. Великому князю не хотелось, чтобы Исидор ехал в Италию; когда же он не смог отклонить митрополита от этого путешествия, то сказал ему: «Смотри же, приноси к нам древнее благочестие, какое мы приняли от прародителя нашего Владимира, а нового, чужого, не приноси, если же принесешь что-нибудь новое и чужое, то мы не примем». Исидор обещался крепко стоять в православии, но уже на дороге православные спутники стали замечать в нем склонность к латинству: так, в Юрьеве Ливонском (Дерпте), когда русское народонаселение города вышло к нему навстречу с священниками и крестами и в то же время вышли навстречу немцы с своими крестами, то он подошел сначала к последним. На соборе Исидор принял соединение: между другими побуждениями Исидор мог иметь в виду и большие средства к поддержанию единства митрополии, большие удобства в положении русского митрополита, когда князья – московский и литовский – не будут разниться в вере. Но в Москве не хотели иметь в виду ничего, кроме поддержания древнего благочестия и когда Исидор, возвратясь в Москву, принес новое и чужое, когда начал называться легатом папиным и велел носить пред собою крыж латинский и три палицы серебряные, когда на литургии велел поминать папу вместо патриархов вселенских, а после литургии велел на амвоне читать грамоту о соединении церквей, когда услышали, что дух св. исходит от отца и сына, что хлеб бесквасный и квасной может одинаково претворяться в тело Христово и прочие новизны, то великий князь назвал Исидора латинским ересным прелестником, волком, велел свести его с митрополичьего двора и посадить в Чудове монастыре под стражу, а сам созвал епископов, архимандритов, игуменов, монахов и велел им рассмотреть дело. Те нашли, что все это папино дело, несогласное с божественными правилами и преданиями; а между тем Исидор успел бежать из заключения. Великий князь не велел догонять его.

Флорентийский собор заставил наконец решиться на то, что хотел сделать Митяй на севере, что сделали потом на юге епископы, поставившие Цамблака. Великий князь отправил в Константинополь грамоту к патриарху. «Прошло уже слишком 450 лет, – пишет Василий, – как Россия держит древнее благочестие, принятое от Византии при св. Владимире. По смерти митрополита Фотия мы понудили идти к вам епископа рязанского Иону, мужа духовного, от младенчества живущего в добродетельном житии; но не знаем, почему вы нашего прошения не приняли, грамотам и послу нашему не вняли и вместо Ионы прислали Исидора, за которым мы не посылали, которого не просили и не требовали; мольба императорского посла, благословение патриарха, сокрушение, покорение, челобитье самого Исидора едва-едва могли заставить нас принять его. Нам тогда и в мысль не приходило, что со временем от него станется! Он принес нам папские новизны, приехал легатом, с латински изваянным распятием и злочестиво двоеженствовал, называя себя учителем и настоятелем двух церквей,

православной и латинской. Мы собрали наше православное духовенство, и всем Исидорово поведение показалось чуждым, странным и противозаконным. Вследствие всего этого просим твое святейшее владычество, пошли к нам честнейшую твою грамоту, чтоб наши епископы могли избирать и поставлять митрополита в Русь, потому что и прежде по нужде так бывало; а теперь у нас нашествие безбожных агарян, в окрестных странах неустройство и мятежи; притом же нам надобно сноситься с митрополитом о важных делах, и когда митрополит грек, то мы должны разговаривать с ним через переводчиков, людей незначительных, которые таким образом прежде других будут знать важные тайны».

Эта грамота не достигла Константинополя: в Москву пришла весть, будто император греческий принял латинство и переселился в Рим; тогда великий князь велел возвратить послов с дороги. Скоро после того в Москве начались новые бедствия и смуты: плен великого князя Василия, сперва у татар, потом у Шемяки, не дал возможности думать о поставлении митрополита, и здесь мы должны также заметить, что это обстоятельство – отсутствие митрополита – имело важное влияние на ход событий: едва ли Шемяка и Можайский могли бы привести в исполнение свой замысел при митрополите. Когда Василий утвердился опять на столе великокняжеском, то поспешили поставлением митрополита: поставлен был своими епископами давно нареченный на митрополию Иона рязанский, уже успевший оказать важные услуги великому князю и его семейству.

Услуги, оказанные Ионою московскому правительству после поставления его в митрополиты, мы видели прежде, в своем месте, здесь же должны обратить внимание на отношения к Византии и Литовской Руси. После Ионина поставления великий князь отправил к императору Константину Палеологу грамоту, в которой писал: «После кончины Фотия митрополита мы, посоветовавшись с своею матерью, великою княгинею, и с нашею братьею, русскими князьями, великими и поместными, также и с государем Литовской земли, с святителями и со всем духовенством, с боярами и со всею землею Русскою, со всем православным христианством, избрали и отправили с нашим послом рязанского епископа Иону к вам в Константинополь для поставления; но прежде его прихода туда император и патриарх поставили на Киев, на всю Русь, митрополитом Исидора, Ионе же сказали: „Ступай на свой стол – Рязанскую епископию; если же Исидор умрет или что-нибудь другое с ним случится, то ты будь готов благословен на митрополичий престол всея Руси“. Так как в ваших благословенных державах произошло разногласие в церкви божией, путешественники в Константинополь претерпевают на дороге всякого рода затруднения, в наших странах неустройство всякое, нашествие безбожных агарян, междоусобные войны, мы сами не от чужих, но от братьев твоих претерпели страшное бедствие, то при такой великой нужде, собравши своих русских святителей согласно с правилами, поставили мы вышеупомянутого Иону на митрополию русскую, на Киев и на всю Русь. Мы поступили так по великой нужде, а не по гордости или дерзости; до скончания века пребудем мы в преданном нам православии; наша церковь всегда будет искать благословения церкви цареградской и во всем по древнему благочестию ей повиноваться; и отец наш, Иона митрополит, также просит благословения и соединения, кроме нынешних новых разногласий, и молим твое святое царство, будь благосклонен к

отцу нашему Ионе митрополиту. Мы хотели обо всех этих делах церковных писать и к святейшему патриарху православному, требовать его благословения и молитвы; но не знаем, есть ли в вашем царствующем граде патриарх или нет? Если же, бог даст, будет у вас патриарх по древнему благочестию, то мы будем извещать его о всех наших положениях и просить благословения». В 1453 году Константинополь был взят турками; в Москве узнали об этом событии от бежавшего из плена грека Димитрия; митрополит Иона окружным посланием уведомил православных о падении Константинограда, о страшных бедствиях греческого народа и просил помочь означенному Димитрию выкупить семейство из турецкого плена. К патриарху Геннадию Иона писал, что просит его благословения и посылает дары, какие нашлись у него.

«Не погневайся, – пишет Иона, – за наши малые поминки (подарки), потому что и наша земля от поганства и междоусобных войн очень истощилась. Да покажи к нам, господин, духовную любовь, пришли к моему сыну, великому князю, честную свою грамоту к душевной пользе великому нашему православию; сколько у нас ни было грамот от прежних патриархов, мы все их держали за земскую честь, к своей душевной пользе; но все эти грамоты погибли от пожаров во время земских нестроений». Быть может, грамота от патриарха нужна была в Москве как доказательство, что поставление русского митрополита независимо от Константинополя не уничтожило единения с последним, что там не сердятся за эту перемену отношений.

Если московский князь и митрополит обязывались оставаться в единении с Византиею только под условием, чтоб там сохранялось древнее благочестие, если новизны Флорентийского собора, принесенные Исидором, нашли себе такой сильный отпор в Москве, и прежде всего со стороны самого правительства, то понятно, что иначе встречена была эта новизна от католических правителей Руси Литовской: в 1443 году польский король Владислав Ягеллович дал жалованную грамоту русскому духовенству, в которой объявлял, что церковь восточная – греческая и русская – приведена в давно жданное соединение с римскою, вследствие чего русское духовенство, терпевшее до сих пор некоторое утеснение, как выражается король, жалуется всеми томи правами и вольностями, которыми пользуется духовенство католическое. Но Исидор, принужденный бежать из Москвы, не остался нигде на Руси; король Владислав в следующем же 1444 году пал под Варною, преемник его Казимир находился в затруднительном положении между требованиями Польши и Литвы, что заставляло его прекратить неприязнь с Москвою, а мир мог быть всего скорее заключен под влиянием митрополита Ионы: литовский князь, желая мира с Москвою, должен был для этого приобрести расположение Ионы подчинением ему церкви литовско-русской; Иона с своей стороны должен был всеми силами стараться о мире между Казимиром и Василием, потому что только под условием этого мира могло сохраниться единство церковное. Так, мы видим, что когда по заключении мира встретились вновь какие-то недоразумения, то Казимир, отправляя своего посла в Москву, приказал ему попросить митрополита постараться, чтоб мир не был нарушен.

Иона, называя себя общим богомольцем, отвечал Казимиру, что он говорил великому князю Василию о мире с благословением и мольбою и что Василий хочет с королем братства и любви. «Благодарю твое господство, – пишет Иона, – за доброе расположение и благословляю тебя на любовь с братом твоим великим

князем Василием Васильевичем, который желает того же; я же ваш общий богомолец, по своему святительскому долгу рад бога молить и стараться о мире между вами; за великое ваше жалованье и поминки благодарю и благословляю». Мы знаем, в чем состояло это великое жалованье, за которое Иона благодарит Казимира: последний обещал восстановить единство русской церкви по старине и прислать Ионе решительный ответ по возвращении своем из Польши в Литву. Король сдержал слово и подчинил юго-западную русскую церковь Ионе, которого видим в Литве в 1451 году.

Но опасные следствия Флорентийского собора не могли ограничиться для Юго-Западной Руси одною попыткою Исидора: папы не любили отказываться от того, что раз каким бы то ни было образом попадало в их руки, а литовский князь, католик, не мог препятствовать намерениям главы католицизма. В 1458 году отъехавший в Рим константинопольский патриарх Григорий Мамма поставил Григория, ученика Исидорова, в митрополиты на Русь. В Москву дали знать об этом немедленно, и еще до прихода Григория в Литву великий князь Василий послал сказать королю Казимиру, чтоб тот не принимал митрополита из Рима, на общего отца. Иону, но вводил новизны, не нарушал старины. «Старина же наша, – писал Василий, – которая ведется со времен прародителя нашего Владимира, крестившего Русскую землю, состоит в том, что выбор митрополита принадлежал всегда нашим прародителям, великим князьям русским, и теперь принадлежит нам, а не великим князьям литовским; кто будет нам люб, тот и будет у нас на всей Руси, а от Рима митрополиту у нас не бывать, такой мне по надобен; и ты, брат, ни под каким видом не принимай его, если же примешь, то ты церковь Божию разделишь, а не мы».

Иона, не могший сам отправиться в Литву по причине старости и болезней, отправил туда двух архимандритов с посланием к православным епископам, князьям, панам и боярам, чтоб стояли за православную веру твердо, помня древнее законоположение, установленное на семи соборах. В Москве созван был собор из владык Северной Руси, рукоположенных митрополитом Ионою: владыки дали здесь обещание – от святой церкви соборной Московской и от господина и отца своего Ионы митрополита всея Руси быть неотступными и повиноваться во всем ему и преемнику его, кто будет поставлен по избранию св. духа, по правилам апостолов и св. отцов, по повелению господина великого князя Василия Васильевича, русского самодержца, в соборной церкви св. Богородицы, на Москве, у гроба св. Петра митрополита, русского чудотворца; к самозванцу же Григорию, ученику Исидорову, от которого произошло разделение московской соборной церкви с киевскою церковью, не приступать, грамот от него никаких не принимать и совета с ним ни о чем не иметь. Это обещание, обнародованное в соборной грамоте, важно для нас в том отношении, что здесь впервые указано на Москву как на престольный город русской митрополии: владыки клянутся не отступать от московской соборной церкви св. Богородицы; до сих пор митрополит назывался киевскими всея Руси, в этой же грамоте он называется просто митрополитом всея Руси, или русским; потом в этой грамоте определен и на будущее время образ поставления митрополита русского: законный митрополит русский отныне есть тот, который будет поставлен без всякого отношения к Византии в Москве по повелению московского князя. Владыки северные, бывшие на соборе, – ростовский, суздальский, коломенский, сарайский, пермский –

отправили также грамоту к литовским – черниговскому, полоцкому, смоленскому, туровскому и луцкому – с увещанием не принимать митрополита от латин; Иона послал от своего имени окружное послание к литовским епископам в том же смысле, писал и отдельно епископам черниговскому и смоленскому, увещевая не принимать Григория, в случае принуждения приглашал их в Москву как в безопасное убежище от латинских насилий; в противном случае грозил великою тягостию церковною; наконец, писал и всему остальному православному народонаселению литовско-русских областей; обещался посетить свою литовскую паству, как только получит облегчение от болезни, увещевал не принимать Григория, не слушать его учения, которое подобно Македониеву, страдать за православие даже и до смерти, потому что таким страдальцам готов венец мученический. Но все эти меры остались тщетными: Казимир не мог не принять митрополита из Рима; он даже присылал уговаривать и великого князя Василия признать Григория общим митрополитом по той причине, что Иона уже устарел. Московский князь, разумеется, не согласился, и митрополия русская разделилась окончательно. Иона не долго пережил это печальное для него событие: он умер в 1461 году, назначив себе преемником Феодосия, архиепископа ростовского, который и был поставлен, по новому обычаю, в Москве собором северных русских владык.

Таковы были главные явления истории русской церковной иерархии в описываемое время. Мысль, естественно явившаяся впервые тогда, когда Андрей Боголюбский задумал дать Северной Руси отдельное, самостоятельное существование и даже господство над Южною Русью, – эта мысль осуществилась, когда обе половины Руси разделились под две равно могущественные и враждебные одна другой династии: вследствие этого разделения разделилась и митрополия, причем посредствующими явлениями опять вследствие явлений политических было образование отдельной Галицкой митрополии и перенесение киевского митрополичьего стола на север. Это перенесение, бедствия Византии, смуты, Флорентийский собор, наконец, падение империи высвободили московскую митрополию из непосредственной зависимости от константинопольского патриархата. Флорентийский собор и поведение Исидора имеют важное значение в нашей истории потому, что заставили Северо-Восточную Русь окончательно и резко высказаться насчет соединения с Римом; понятно, что решительность московского правительства держаться отеческого предания, древнего благочестия и не допускать никаких новизн в церкви принадлежит к числу явлений, определивших будущие судьбы Восточной Европы. В поведении русских митрополитов при всех этих важных и решительных обстоятельствах, действовавших в продолжение описанного периода, всего лучше можно заметить великое влияние византийских отношений, характера восточной церкви. Митрополиты русские не стараются получить самостоятельное, независимое от светской власти существование. Пребывание в Киеве, среди князей слабых, в отдалении от сильнейших, от главных сцен политического действия, всего лучше могло бы дать им такое существование; но Киев не становится русским Римом: митрополиты покидают его и стремятся на север, под покров могущества гражданского; и на севере не долго остаются во Владимире, который, будучи покинут сильнейшими князьями, мог бы иметь для митрополитов значение Киева, но переселяются в стольный город одного из

сильнейших князей и всеми силами стараются помочь этому князю одолеть противников, утвердить единовластие. Борьбами, сопровождавшими это утверждение, значением, которое получают здесь митрополиты, значением, которое придают им сами князья, митрополиты вовсе не пользуются для утверждения своего влияния, своего господства над князьями, за свою помощь не выговаривают себе особых прав и для упрочения этих прав не стараются раздорами уменьшить силу князей, не стараются для князя сильнейшего, опаснейшего для их прав возбуждать соперников и усиливать их своим влиянием, как то делывалось на западе; напротив, стараются как можно скорее усилить одного князя на счет всех других, вследствие чего власть церковная и гражданская должны были стать в те же отношения, в каких они были в Византии: все, следовательно, показывает, откуда идет предание и пример.

Относительно определения отношений власти митрополичьей ко власти великокняжеской мы получаем известия из грамоты, составленной по взаимному согласию великого князя Василия Дмитриевича и митрополита Киприана; из этой грамоты видим, что все лица, принадлежащие к церкви, подчиняются суду митрополичьему; если человек великокняжеский ударит великому князю челом на игумена, священника или чернеца, то суд общий, т.е. судит великий князь вместе с митрополитом; если же митрополит будет в отлучке, то судит один великий князь, а прибытком делится пополам с митрополитом; если кто ударит челом великому князю на митрополичья наместника, десятинника или волостеля, то великий князь судит сам. В случае войны, когда сам великий князь сядет на коня, тогда и митрополичьи бояре и слуги выступают в поход под митрополичьим воеводою, но под стягом великокняжеским; которые из бояр и слуг не служили Алексию митрополиту, вступили в митрополичью службу недавно (приказались ново), те пойдут с воеводою великокняжеским смотря по месту, где кто живет. Слуг великокняжеских и людей тяглых, платящих дань в великокняжескую казну (данных людей), митрополит не имел права ставить в священники или дьяконы, ибо этим наносился ущерб службе и казне великокняжеской. Здесь причина, почему в духовное звание поступали только люди из того же звания. Но сын священника, хотя записанный в службу великокняжескую, если захочет, может быть поставлен в священники или в дьяконы. Сын священника, который живет у отца, ест хлеб отцовский, принадлежит к ведомству митрополичьему, а который отделен, живет не вместе с отцом, хлеб ест свой, тот принадлежит великому князю. Из этой грамоты мы уже видим, что у митрополита был свой двор, свои бояре и слуги, дом его называется дворцом. Встречаем и в летописи известия о митрополичьих боярах, отроках: о Митяе говорится, что бояре митрополичьи служили ему, отроки предстояли, куда двинется, и те и другие шли перед ним. Митрополит имел своих стольников: так, митрополит Киприан посылал своего стольника Федора Тимофеева звать новгородского владыку в Москву; имел своего печатника, своего конюшего. Из этих придворных слуг своих митрополит посылал для управления волостями (в волостели), для суда церковного (в десятинники) и проч. Мы видели, какое важное значение имел митрополит в отношениях княжеских, и потому встречаем подписи митрополичьи и печати на грамотах княжеских, на договорах, духовных завещаниях. Из дошедших до нас грамот договорная Дмитрия Донского с двоюродным братом Владимиром Андреевичем – первая, в начале которой встречаем слова: «По благословению отца нашего

Олексея митрополита всея Руси». В конце духовного завещания Димитрия Донского читаем: «А сию грамоту писал есмь себе душевную, и явил есмь отцю своему Олексею митрополиту всея Руси, и отец мой Алексей митрополит всея Руси и печать свою привесил к сей грамоте». Печать митрополичья имеет на одной стороне изображение богородицы с младенцем Иисусом, и на другой – надпись: «Божиею милостию печать (имя) митрополита всея Руси». На духовном завещании Василия Димитриевича встречаем подпись митрополита Фотия по-гречески; ту же подпись видим и на договорной грамоте Василия Васильевича с дядею Юрием. С 1450 года грамоты пишутся по благословию митрополита Ионы и утверждаются его подписью: «Смиранный Иона, архиепископ киевский и всея Руси». Такова же подпись и преемника Ионина, Феодосия.

В настольных грамотах патриарших новопоставленному митрополиту говорилось, что великий князь должен воздавать ему честь, показывать духовную любовь с благоговением и послушанием и благим повиновением, равно как все другие русские князья, сановники, духовенство и весь христоименитый народ, и что митрополит должен во всем пределе своем ставить архиепископов, священников, монахов, дьяконов, подьяконов и чтецов, освящать церкви и управлять всеми церковными делами. Избрание епископов, как видно, производилось так же, как и в предшествовавшем периоде: так, под 1289 годом читаем в летописи, что великий князь Михаил Ярославич тверской вместе с матерью своею послал игумена Андрея в Киев, к митрополиту Максиму, и тот поставил его епископом в Тверь; этот Андрей был сын литовского князя. Впрочем, от конца описываемого времени дошел до нас устав, как должно избирать епископа здесь говорится, что по случаю избрания митрополит созывает всех епископов, ему подчиненных; который из них не мог приехать, присылал грамоту, что будет согласен на решение остальных; собравшиеся епископы избирают три лица, имена которых в запечатанном свитке отсылают митрополиту, и тот из троих выбирает уже одного. Такой порядок действительно мог быть введен в конце описываемого времени, когда значение областных князей поникло. Избранный пред посвящением давал обет исповедовать православие, повиноваться митрополиту, не препятствовать в своей епархии сбору митрополичьих пошлин, не исполнять обязанностей своего звания в чужих епархиях, приезжать к митрополиту беспрекословно по первому зову, не позволять в своей епархии православным вступать в браки, кумиться и брататься с армянами и латинами; тут же новопоставляемый объявлял, что не дал ничего за поставление, не обещался дать и не даст; запись эту он писал собственною рукою и подписывал. Настольные грамоты митрополичьи епископам писались по приведенному образцу настольной патриаршей митрополиту. Архиепископы и епископы не могли называть митрополита братом, но только отцом; в противном случае подвергались выговору.

Митрополит имел право отлучать епископов от службы. В 1280 году митрополит Кирилл, обзревая подведомственные ему епархии, приехал в Ростов и узнал, что здешний епископ Игнатий велел в полночь выкинуть из соборной церкви тело князя Глеба Васильковича и запросто закопать его в монастыре. Митрополит немедленно отлучил за это епископа от службы и простил его только по усердным просьбам князя Димитрия Борисовича, причем дал такое наставление Игнатию: «Не возносись и не думай, что ты без греха, больше

освобождай и прощай, чем запрещаешь и отлучаешь. Плачь и кайся до самой смерти в этой дерзости, потому что осудил ты прежде суда божия уже мертвого человека, а живого боялся, дары от него принимал, ел с ним, пил и веселился и, когда было можно исправить его, не исправлял, а теперь уже мертвого хочешь исправить таким жестоким отлучением. Если хочешь помочь ему на том свете, то помогай милостынями и молитвами». Митрополит Петр снял сан с епископа сарайского Измаила; митрополит Феогност отлучил и потом простил суздальского епископа Даниила. Князь, недовольный своим епископом, ездил жаловаться на него митрополиту. Тверской епископ Евфимий возбудил на себя сильное негодование своего князя Михаила Александровича, который в 1390 году послал звать в Тверь митрополита Киприана. Тот отправился с двумя владыками греческими и несколькими русскими. За 30 верст от Твери его встретил внук великого князя, за 20 – старший сын, за 5 – сам великий князь. Встреченный перед городскими воротами духовенством со крестами, Киприан отслужил обедню в соборной церкви, после чего обедал у великого князя; получил дары и честь большую. Три дня князь Михаил угощал таким образом митрополита; на четвертый собралось на великокняжеском дворе духовенство и бояре, и когда приехал туда Киприан, то все начали жаловаться ему на епископа Евфимия; митрополит вместе с другими владыками стал судить: по одним известиям, обвиняемый не мог оправдаться, не обрелась правда в устах его, по другим, обвинения были клеветами. Но как бы то ни было, известия согласны в одном, что неудовольствие на Евфимия было страшное, и митрополит, не успевши помирить князя с епископом, отослал последнего в Москву, а на его место поставил в Тверь протодьякона своего Арсения, который едва согласился быть здесь епископом, видя такие вражды и смуты. В начале описываемого времени, именно под 1229 годом, находим любопытное известие о суде местного князя над епископом как владельцем частной собственности. «Пришло, – говорит летописец, – искушение на ростовского епископа Кирилла: в один день все богатство отнялось от него вследствие проигрыша тяжбы, а решил дело в пользу соперников Кирилловых князь Ярослав; Кирилл был очень богат, деньгами и селами, всяким товаром и книгами, одним словом, такого богатого епископа еще не бывало в Суздальской земле».

Встречаем известие о жалобе епископа на митрополита константинопольскому патриарху. Так, жаловался на митрополита Петра упомянутый уже прежде тверской епископ Андрей, родом литвин. Патриарх для разобранья дела отправил в Россию своего посланного, который когда приехал, то созван был собор в Переяславле: явился обвиненный, явился и обвинитель, с которым вместе приехали из Твери двое князей – Димитрий и Александр Михайловичи, другие князья, много вельмож и духовных. Обвинитель был уличен во лжи; но Петр простил его и, поучив присутствующих, распустил собор. Если по приведенному выше уставу должен был созываться собор для избрания епископа, то встречаем известие о созвании собора для отрешения его: так, в 1401 году митрополит Киприан созвал в Москве собор, на котором отписались от своих епископий Иоанн новгородский и Савва луцкий.

Митрополит Кирилл в 1274 году воспользовался собором, созванным для поставления владимирского епископа Серапиона, чтобы предложить правило для установления церковного и народного благочиния. «Сам видел я и от других

слышал о сильном церковном неустройстве, – говорит Кирилл в своем правиле, – в одном месте держатся такого обычая, в другом – иного, много несогласий и грубости... Какую пользу получили мы от того, что оставили правила божественные? не рассеял ли нас бог по лицу всей земли? не взяты ли наши города? не пали ли сильные князья наши от острия меча? не отведены ли были в плен дети наши? не запустели ли святые божи церкви? не томят ли пас каждый день безбожные и нечестивые поганы?» Прежде всего митрополит вооружается против поставления в духовный сан на мзде и преподает правила относительно этого поставления. В народе по-прежнему продолжалась страсть к кулачным и дрекольным боям, которые мы видели в такой силе в предыдущем периоде; Кирилл пишет: «Узнал я, что еще держатся бесовского обычая треклятых еллин: в божественные праздники со свистом, кличем и воплем скаредные пьяницы сзывают друг друга, бьются дреколием до смерти и берут платье убитых; на укоризну совершается это божиим праздникам и на досаждение божиим церквам». Кирилл вооружается также против пьянства, препятствующего совершать божественную службу от Вербной недели до дня Всех святых. На соборах решались иногда и другие дела, как, например, споры относительно границ епархий: митрополит Алексей в грамоте к красноярским жителям пишет, что предел Рязанской и Сарайской епархий указана на Костромском соборе; на соборе ростовский архиепископ Феодосий был убежден в неправильности своего мнения относительно рода пищи, какую должно употреблять в богоявленское навечерие, если оно придется в день воскресный; на соборе было определено о неправильности поступка Исидорова; на соборе владыки Северо-Восточной Руси решили держаться московского митрополита Ионы и не сообщаться с киевским Григорием. Кроме общих соборов, созывавшихся митрополитом всея Руси из подведомственных ему владык, могли быть еще частные, созывавшиеся владыкою, какой-нибудь области из подведомственного ему духовенства: так, в 1458 году ростовский архиепископ Феодосий созвал собор в Белозерске для отвращения некоторых злоупотреблений, например позволения вступать в четвертый брак.

Кроме соборов митрополиты старались уничтожить нравственные беспорядки посланиями к духовенству и мирянам; таково поучение Фотия митрополита священникам и монахам о важности их сана, «каковым подобает им быти ходатаем, посылаемым к царю царствующих о душах человеческих»; митрополит обращает особое внимание священников на то, чтоб они блюли за чистотою браков у своих прихожан: не позволяли бы им бросать законных жен и жить с незаконными, как то делывалось, также чтобы не дозволяли отнюдь четвертого брака. Сохранился и прежний обычай, по которому духовные лица обращались к митрополиту с разными вопросами, которых сами решить были не в состоянии; так, дошли до нас ответы митрополита Киприана на вопросы игумена Афанасия, ответы того же митрополита на вопросы неизвестных духовных лиц.

Особенные отношения Новгорода, Пскова, Вятки требовали особенной деятельности митрополитов относительно этих городов. Что касается избрания владыки новгородского в описываемое время, то обыкновенно на вече избирались три лица, имена которых, или жребии, клались на престол в церкви св. Софии, после чего духовенство собором служило обедню, а народ стоял вечем у церкви; по окончании же службы протопоп софийский выносил народу по порядку

жребии, и владыкою провозглашался тот, чей жребий выносился последний. Если и везде владыки имели важное значение, то оно еще более усиливалось в Новгороде, при известных отношениях его жителей к князю, при частых распрях с последним, при частом междукняжии и внутренних смутах. Архиепископ в Новгороде без князя был первым правительственным лицом; его имя читается прежде всех других в грамотах; он был посредником города в распрях его с великими князьями, укротителем внутренних волнений, без его благословения не предпринималось ничего важного. Но владыка новгородский принимал посвящение от митрополита, зависел от него, от суда владычного был перенос дел на суд митрополита, и когда последний, утвердив свое пребывание в Москве, начал стараться всеми зависевшими от него средствами содействовать московскому великому князю в приобретении могущества, в утверждении единовластия, причем и Новгород должен был отказаться от своего особого и особенного быта, то положение новгородского владыки стало очень затруднительно: владыка Иоанн благословил новгородцев воевать с великим князем для возвращения Двинской области и заплатил за это трехлетним заключением в Москве. Мы упоминали в своем месте о неприятной переписке митрополита Ионы с новгородским владыкою по поводу Шемяки. Митрополит Иона счел также своею обязанностию дать наставление новгородскому владыке и его пастве насчет воздержания от вечевых буйств. «Я слышал, дети, – пишет митрополит, – что по наветам дьявольским творится богоненавистное дело у вас, в отчине сына моего, великого князя, в Великом Новгороде, не только между простыми людьми, но между честными, великими: за всякое важное и пустое дело начинается гнев, от гнева – ярость, свары, прекословия, с обеих враждующих сторон является многонародное собрание, нанимают сбродней, пьянчивых и кровопролитных людей, замышляют бой и души христианские губят». Предшественник Ионы, митрополит Фотий, также посылал поучение новгородскому владыке и его пастве: митрополит увещевает новгородцев удерживаться от привычки сквернословить (за которую летописец осуждает еще дорюриковские славянские племена); Фотий говорит, что такой привычки нет нигде между христианами. Далее митрополит увещевает новгородцев басней не слушать, лихих баб не принимать, узлов, примолвленья, зелья, ворожбы и ничего подобного не употреблять; при крещении приказывает погружать в сосуде, а не обливать водою, по обычаю латинскому; запрещает венчать девочек ранее тринадцатого года; запрещает духовенству белому и черному торговать или давать деньги в рост; если кто пред выходом на поле (судебный поединок) придет к священнику за св. причастием, тому причастия нет; который из соперников убьет другого, тот отлучается от церкви на 18 лет, а убитого не хоронить.

Политические и находившиеся в тесной связи с ними церковные отношения Новгорода ко Пскову также требовали внимания митрополита. Мы видели, что Псков, разбогатевший от торговли, давно уже начал стремиться к независимости от Новгорода, вследствие чего последний стал обнаруживать нерасположение ко Пскову, высказывавшееся иногда открытою войной. Понятно, как затруднительно было при таких отношениях положение Пскова, зависевшего в церковных делах от владыки новгородского; отсюда естественное желание псковитян избавиться от этой зависимости, получит особого владыку. Но мы видели, как их старание об этом осталось тщетным, ибо митрополит Феогност не согласился поставить им

особого епископа. Действительно, псковичи выбрали дурное время: митрополит Феогност, подобно своему предшественнику, утвердил пребывание в Москве, и Псков более других городов испытал на себе следствия этого утверждения: еще недавно Феогност грозил ему проклятием в случае, если он не откажется от союза с Александром тверским; теперь же этот самый Александр опять княжил у них, и под покровительством литовским, тогда как Новгород еще не ссорился с Москвою. О прямой вражде псковичей с новгородским владыкою не раз упоминает летописец; так, он говорит о ссоре их с владыкой Феоктистом в 1307 году; в 1337 году владыка Василий поехал в Псков на подъезд, но псковичи не дали ему суда, и владыка выехал из города, проклявши жителей; когда в 1411 году владыка Иоанн прислал протопопа во Псков просить подъезда на тамошнем духовенстве, то псковичи не велели давать и отослали протопопа с таким ответом: «Если, бог даст, будет сам владыка во Пскове, тогда и подъезд его чист, как пошло изначала, по старине». В 1435 году приехал во Псков владыка Евфимий, не в свой подъезд, не в свою череду, псковичи, однако, приняли его и били ему челом о соборовании; но он созвать собор не обещался, а стал просить суда да на священниках своего подъезда.

Псковичи ему этого не посулили, но стали за соборование и за свою старину, стали говорить владыке, зачем он сажает наместника и печатника из своей руки – новгородцев, а не псковичей; владыка за это рассердился и уехал, побывши только одну неделю во Пскове. Князь Владимир, посадники и бояре поехали за ним, нагнали и упростили возвратиться: псковичи дали ему суд на месяц, подъезд на священниках; о соборе же владыка сказал, что отлагает его до митрополита. Но владычный наместник начал судить не по псковской пошлине, начал уничтожать разные уговорные грамоты (посужать рукописанья и рядницы), стал сажать дьяконов в GRIDNICU, все по-новому, покинувши старину; псковичи были правы, говорит их летописец, священники за подъезд и оброк не стояли, но по грехам и дьявольскому наваждению случился бой между псковичами и владычными служилыми людьми (софьянамп). Тогда владыка опять рассердился и уехал, не взявши псковского подарка, а игуменам и священникам наделал много убытка, не бывало так прежде никогда, с тех пор как начал Псков стоять. После того как псковичи вместе с московским войском опустошили новгородские владения и заключили мир, оба города жили дружно, и дружба эта отразилась на отношениях церковных: в 1449 году владыка Евфимий приехал во Псков; духовенство с крестами, князь, посадники, бояре вышли к нему навстречу и приняли с великою честью. В самый день приезда владыка служил обедню у св. Троицы, а на третий день соборовал в той же церкви и читал синодик: прокляли злых, которые хотят зла Великому Новгороду и Пскову, а благоверным князьям, лежащим в дому св. Софии и св. Троицы, пели вечную память, также и другим добрым людям, которые сложили головы и кровь пролили за дома божии и за православное христианство, живым же новгородцам и псковичам пели многая лета. Князь, посадники и во всех концах господина владыку много чтили и дарили и проводили его из своей земли до границы с великою честью. С такою же честью был принят и провожен владыка и в 1453 году, потому что он делал все точно так же, как и прежние братья его – архиепископы.

Неприяженные отношения Пскова к Новгороду и его владыке были причиною церковного неурядиства и заставляли псковичей обращаться прямо к

митрополиту за управлением и наставлением, а неприязненные отношения Новгорода к митрополиту благоприятствовали этим непосредственным сообщениям. Так, псковичи послали в Москву к митрополиту Киприану несколько священников для поставления и для извещения о своих нуждах, что нет у них церковного правила настоящего.

Митрополит посвятил священников и послал с ними устав службы и синодик правый, какой читают в Константинополе у св. Софии, приложил к этому правило, как поминать православных царей и князей великих, как совершать крещение и брак: велел вывести прежний обычай – держать детей при крещении на руках и сверху поливать водою; послал также 60 антиминов с запрещением резать их, по примеру новгородского епископа. Разрывы псковичей с владыкою новгородским и проистекавшее от того церковное безначалие вело к тому, что вече псковское присвоило себе право судить и наказывать священников: митрополит Киприан в 1395 году писал псковичам, что это противно христианскому закону, что священника судит и наказывает святитель, который его поставил; при этом митрополит запрещал также псковичам вступаться в земли и села церковные. Близость Пскова к литовским границам, частые и давние сношения его с Литвою и князьями ее заставляли митрополитов беспокоиться о Пскове при разделении митрополии: так, митрополит Фотий в 1416 году писал псковичам, чтоб они удалялись от неправедных пределов, отметающихся божия закона и святых правил, также чтобы с радушием принимали православных, которые вследствие религиозного гонения будут искать убежища в их городе. В другой раз писал Фотий к псковскому духовенству с приказанием не употреблять при крещении мира латинского, но только цареградское и не обливать младенцев, но погружать; митрополит требует, чтоб псковичи прислали к нему одного из своих священников, человека искусного, и он научит его всем церковным правилам и миро святое с ним пришлет. В другом послании Фотий пишет, чтобы псковичи не позволяли людям, играющим клятвою, быть церковными старостами и вообще занимать правительственные и судебные должности; также чтоб не позволяли старостить в церквях людям, которые, разведясь с законными женами, вступили в новые браки. Митрополит Иона, стараясь везде утверждать власть великого князя московского, писал и во Псков, называя его отчиною великого государя русского, который дедич и отчич во Пскове, по родству, по изначальству прежних великих господарей, великих князей русских, его праотцев. Митрополит увещевает псковичей жить по своему христианству, по той доброй старине, которая пошла от великого князя Александра; увещевает их стоять в том, что обещали великому князю.

Увещание Ионы не могло остаться без влияния во Пскове, ибо мы знаем, какое важное значение имел здесь митрополит: так, будучи недовольны новою уставною грамотою, которую дал им князь Константин Дмитриевич и которую они поклялись соблюдать, псковичи обратились к митрополиту Фотию с просьбою разрешить их от этой клятвы и благословить жить по старине; митрополит исполнил их просьбу.

Наконец, до нас дошли два послания митрополита Фотия к псковичам, замечательные по отношению к особенностям их пополнения: в одном послании, написанном по случаю морового поветрия, митрополит обращается к нарочитым гражданам и увещевает их, чтоб они были довольны своими уроками и в куплях и

в мерилах праведных божию правду соблюдали; в другой раз псковичи обратились к митрополиту за разрешением недоумения их – пользоваться ли им хлебом, вином и овощами, приходящими из Немецкой земли? Митрополит разрешил пользоваться, очистив молитвою иерейскою. Но кроме означенных отношений еще одно явление заставило обратить внимание не только митрополитов русских, но и патриархов константинопольских на Псков и Новгород, преимущественно на первый. Враждебные отношения Пскова к Новгороду отзывались в отношении Пскова к владыке новгородскому и вместе псковскому; не раз поведение владыки возбуждало сильное негодование псковичей; раздражение вследствие несбывшегося желания независимости от Новгорода в церковном отношении возбудило в некоторых желание освободиться совершенно от всякой иерархии; споры о подъездах, судах, жалобы на убытки дали повод – и вот явилась ересь стригольников в семидесятых годах XIV века.

Начальниками ереси летописи называют дьякона Никиту и Карпа, простого человека; но в так называемом послании Антония патриарха и в «Просветителе» Иосифа Волоцкого начало ереси приписывается одному Карпу, причем в первом источнике Карп называется дьяконом, отлученным от службы, стригольником; во втором говорится, что он был художеством стригольник. Разноречия эти можно согласить тем, что Карп, действительно бывший прежде дьяконом, как отлученный от службы, мог называться и простым уже человеком; от этого отлучения, расстрижения, могло произойти и название стригольника, которое, будучи после не понято, превратилось в название художества. Учение, как излагают его источники, состояло в том, что духовные недостойны своего сана, потому что поставляются на мзде, стараются приобретать имение и неприлично ведут себя; что не должно принимать от них таинств; что миряне могут учить народ вере; что должно каяться, обращаясь к земле; что не должно ни отпевать умерших, ни поминать их, ни служить заупокойных обеден, ни приносов приносить, ни пиров учреждать, ни милостыни раздавать по душе умершего; ходили даже слухи, что стригольники отвергали будущую жизнь.

Ересь началась и распространилась во Пскове; неизвестно волею или неволею ересиархи явились в Новгороде; известно только то, что здесь в 1375 году Карпа, Никиту и еще третьего какого-то их товарища сбросили с мосту в Волхов. Но гибель ересиархов не искоренила ереси; стригольники прельщали народ своим бескорыстием, своею примерною нравственностью, умением говорить от писания; указывая на них, говорили: «Вот эти не грабят, имения не собирают». В обличительных посланиях читаем об них: «Таковы были и все еретики: постники, богомольцы, книжники, лицемеры, перед людьми люди чистые; если бы видели, что они неблагочестиво живут, то никто бы им и не поверил; и если бы они говорили не от писания, то никто бы их и слушать не стал». Из XIV века ересь перешла в XV; до нас дошло три послания митрополита Фотия к псковичам относительно стригольников. Митрополит запрещает духовенству псковскому принимать приношения от стригольников, мирским людям сообщаться с ними в еде или питье. Псковичи отвечали, что, исполняя приказание митрополита, они обыскали и показнили еретиков, что некоторые из них убежали, но что другие упорствуют в своих мнениях и, устремляя глаза на небо, говорят, что там их отец. Митрополит писал на это, чтобы псковичи продолжали удаляться от еретиков, могут и наказывать их, только не смертью, а телесными наказаниями и

заточением. После 1427 года, когда написано последнее послание Фотия, мы не встречаем более известий о стригольниках.

Относительно материального благосостояния церкви: источниками для содержания митрополита и епископов служили, во-первых, сборы с церквей; эти сборы в уставной грамоте великого князя Василия Дмитриевича и митрополита Киприана определены так: «Сборного митрополиту брать с церкви шесть алтын, а заезда – три деньги; десятинику, на десятину нашедши, брать за въездное, и за рождественское, и за петровское пошлины шесть алтын; сборное брать о рождестве Христове, а десятинику брать свои пошлины о Петрове дни; которые же соборные церкви по городам не давали сборного при прежних митрополитах, тем и нынче не давать». Архиепископ ростовский Феодосий, освобождая две церкви Кириллова Белозерского монастыря, пишет в своей грамоте: «Кто у тех церквей будут священники или игумены, не надобно давать им моей дани, ни данничьих пошлин, ни десятиничьей пошлины, ни доводчичьей, ни другой какой-либо, десятиники мои их не судят, и пристава на них не дают». О Митяе говорится, что он, вступив во все права митрополита, начал со всех церквей в митрополии дань собирать, сборы петровские и рождественские, доходы, уроки и оброки митрополичьи. По-прежнему источниками дохода для митрополита и епископов служили пошлины ставленные и судные; для суда церковного посылался архиереем особый чиновник, называвшийся десятиником; вместо того чтобы сказать: такой-то город был подведомствен такому-то владыке, говорилось: такой-то город был его десятиною. Один из десятиников митрополита Ионы, Юрий конюший, приехавши в Вышгород, волость князя Михаила Андреевича верейского, остановился на подворье у священника, который вместе с горожанами начал бить десятиника и дворян митрополичьих, прибили в улог и двоих-троих изувечили. Митрополит, извещая об этом происшествии князя Михаила, пишет: «Ты сам, сын, великий государь: так посмотри и старых своих бояр спроси, бывала ли при твоих прародителях и родителях такая нечесть церкви божией и святителям? Тебе известно, что князь великий Витовт был не нашей веры, да и теперешний король тоже, и все их княжата, и паны; но спроси, как они оберегают церковь и какую честь ей воздают? а эти, будучи православными христианами, ругаются и бесчестят церковь Божию и нас. Я за священниками своего пристава послал; а тебя благословляю и молю, чтобы ты, как истинный великий православный государь, церковь Божию и меня, своего отца и пастыря, от своих горожан оборонил, чтобы вперед не было ничего подобного; а не оборонишь меня, то поберегись воздаянья от бога, а я буду от них обороняться законом Божиим. Если же мой десятиник сделал что-нибудь дурное, то ты бы, сын, обыскал дело чисто да ко мне отписал; и я бы тебе без суда выдал его головою, как и прежде сделал» Мы видели, что новгородский архиепископ получал подъезд с псковского духовенства.

Как псковское духовенство давало содержание новгородскому владыке и дары, когда он приезжал во Псков, так точно и митрополит получал содержание и дары, когда приезжал в Новгород или какую-нибудь другую область: под 1341 годом летописец говорит, что митрополит Феогност приехал в Новгород в сопровождении большого числа людей, и оттого было тяжело владыке и монастырям, обязанным давать корм и дары. Под 1352 годом встречаем известие, что новгородский архиепископ Моисей отправлял послов к византийскому

патриарху с жалобой на обиды людей, приходивших в Новгород от митрополита. Наконец, важный доход доставляли недвижимые имущества. Под 1286 годом встречаем известие, что литовцы воевали церковную волость тверского владыки; город Алексин называется городом Петра митрополита, в Новгородской области упоминается городок Молвотичи, принадлежавший владыке; князья завещали села свои митрополитам встречаем известие о мене сел между князем и митрополитом. Касательно этих волостей отношения великого князя и митрополита были определены так: даньщику и бельщику великокняжескому на митрополичьих селах не быть, дань брать с них в выход по оброку, по оброчной грамоте великокняжеской; ям – по старине, шестой день, и дают его митрополичьи села тогда, когда дают великокняжеские; на людях митрополичьих, которые живут в городе, а тянут ко дворцу, положен оброк как на дворянах великокняжеских.

Митрополичьи церковные люди тамги не дают при продаже своих домашних произведений, но дают тамгу, когда станут торговать прикупом; оброк дают церковные люди тогда только, когда придется платить дань татарам. Касательно содержания низшего духовенства мы видим, что князья в завещаниях своих назначают доходы в пользу духовенства некоторых церквей, в ругу: так, великий князь Иоанн II отказал четвертую часть коломенской тамги в церковь Св. богородицы на Крутицах, костки московские – в Успенский и Архангельский соборы, в память по отце, братьях и себе: то им руга, говорит завещатель. Княгини Елена, жена Владимира Андреевича, и Софья, жена Василия Дмитриевича, отказали села московскому Архангельскому собору; видим, что князья в своих завещаниях приказывают раздавать пояса свои и платья по священникам, деньги – по церквам.

Должно заметить, что во Пскове в описываемое время священники распределялись не по приходам, а по соборам и ведались поповскими старостами. Об употреблении митрополитами своих доходов летописец говорит, что митрополит Фотий закреплял за собою доходы, пошлины, земли, воды, села и волости на прокормление убогих и нищих, потому что церковное богатство – нищих богатство; в житии Ионы митрополита находим известие, как одна вдова приходила на митрополичий погреб пить мед для облегчения в болезни.

Касательно Южной России до нас дошла запись о денежных и медовых данях, получавшихся с киевской Софийской митрополичьей отчины; видим село у епископа перемышльского; видим, что князья дают села церквам.

И в новой Северо-Восточной Руси монастырь не теряет своего прежнего важного значения; чем был Печерский монастырь Антония и Феодосия для древнего средоточия русской жизни – Киева, тем был Троицкий монастырь Сергиев для нового ее средоточия – Москвы. Мы видели, как сюда, в это новое средоточие, стекались выходцы из разных стран, бояре и простые люди, отыскивая убежище от смут внутренних, от непокоев татарских и, наконец, от насилий самой Москвы и принося на службу последней, на службу новому порядку вещей, ею представляемому, и силы материальные, и силы духовные. В одно почти время явились в московскую область два выходца с концов противоположных: из Южной Руси, из Чернигова, – боярин Федор Плещеев, убегая от разорений татарских; с севера, из самого древнего и знаменитого здесь города, Ростова, – боярин Кирилл, разорившийся и принужденный оставить свой

родной город вследствие насилий московских. Сыновья этих пришлецов, один – в сане митрополита всея Руси, другой – в звании смиренного инока, но отвергнувшего сан митрополичий, заключили тесный союз, для того чтобы соединенными нравственными силами содействовать возвеличению своего нового отечества. Ростовский выходец Кирилл поселился в Радонеже; средний сын его, Варфоломей, с малолетства обнаружил стремление к иночеству, и как только похоронил своих родителей, так немедленно удалился в пустыню – лес великий – и долго жил здесь один, не видя лица человеческого; один медведь приходил к пустыннику делить с ним его скудную пищу. Но как в старину Антоний не мог скрыть своих подвигов в пещере, так теперь Варфоломей, принявший при пострижении имя Сергия, не мог утаиться в дремучем лесу; иноки стали собираться к нему, несмотря на суровый привет, которым встречал их пустынник: «Знайте прежде всего, что место это трудно, голодно и бедно; готовьтесь не к пище сытной, не к питью, не к покою и веселию, но к трудам, поту, печалям, напастям». Явилось несколько бедных келий, огороженных тыном; сам Сергий своими руками построил три или четыре кельи, сам носил дрова из лесу и колот их, носил воду из колодезя и ставил ведра у каждой кельи, сам готовил кушанье на всю братию, шил платье и сапоги – одним словом, служил всем как раб купленный. И это-то смиренное служение прославило Сергия по всем областям русским и дало ему ту великую нравственную силу, то значение, с каким мы уже встречали его в политических событиях княжения Дмитрия Донского; здесь мы видели Сергия грозным послом для Нижнего Новгорода, не повинующегося воле московского князя, тихим примирителем последнего с озлобленным Олегом рязанским, твердым увещателем в битве с полками Мамаевыми. Из монастыря Сергиева, прославленного святостию своего основателя, выведено было много колоний, много других монастырей в разные стороны, сподвижниками, учениками и учениками учеников Сергиевых. Из этих монастырей более других значения в гражданской истории нашей имеет монастырь Белозерский, основанный св. Кириллом, постриженником симоновского архимандрита Федора, ученика и племянника св. Сергия. Мы видели, что в свидетели клятв княжеских в последние усобицы вместе с св. Сергием призывался и св. Кирилл как один из покровителей Северо-Восточной Руси. От Сергия осталась нам память о делах, память о тихих и кротких речах, которыми он исправлял братию и умилял озлобленных князей; от Кирилла дошли до нас послания к князьям; так, дошло его послание к великому князю Василию Дмитриевичу. «Чем более святые приближаются к богу любовью, тем более видят себя грешными, – пишет Кирилл, – ты, господин, приобретаешь себе великое спасение и пользу душевную этим смирением своим, что посылаешь ко мне, грешному, нищему, страстному и недостойному, с просьбою о молитвах... Я, грешный, с братиею своею рад, сколько силы будет, молить бога о тебе, нашем господине; ты же сам, бога ради, будь внимателен к себе и ко всему княжению твоему. Если в корабле гребец ошибется, то малый вред причинит плавающим, если же ошибется кормчий, то всему кораблю причиняет пагубу: так, если кто от бояр согрешит, повредит этим одному себе; если же сам князь, то причиняет вред всем людям. Возненавидь, господин, все, что влечет тебя на грех, бойся бога, истинного царя, и будешь блажен. Слышал я, господин князь великий, что большая смута между тобою и сродниками твоими, князьями суздальскими. Ты, господин, свою правду сказываешь, а они свою, а христианам

чрез это кровопролитие великое происходит. Так посмотри, господин, повнимательнее, в чем будет их правда перед тобою, и но своему смирению уступи им, в чем же будет твоя правда перед ними, так ты за себя стой по правде. Если же они станут тебе бить челом, то, бога ради, пожалуй их по их мере, ибо слышал я, что они до сих пор были у тебя в нужде, и оттого начали враждовать. Так, бога ради, господин, покажи к ним свою любовь и жалованье, чтоб не погибли, скитаясь в татарских странах». Кирилл переписывался и с братьями великокняжескими – Андреем, в уделе которого находился его монастырь, и Юрием. К Андрею св. Кирилл писал: «Ты властелин в отчине своей, от бога поставленный унимать людей своих от лихого обычая: пусть судят суд праведный, поклепов, подметов бы не было, судьи посулов бы не брали, были бы довольны уроками своими; чтобы корчмы в твоей отчине не было, ибо это великая пагуба душам: христиане пропиваются, а души гибнут; чтоб мытов не было, ибо это деньги неправедные, а где перевоз, там надобно дать за труд; чтобы разбоя и воровства в твоей вотчине не было, и если не уймется от злого дела, то вели наказывать; также, господин, унимай от скверных слов и брани». К Юрию Димитриевичу св. Кирилл писал послание утешительное по случаю болезни жены его; здесь любопытны следующие слова: «А что, господин князь Юрий, писал ты, что давно желаешь видеться со мною, то, ради бога, не приезжай ко мне: если поедешь ко мне, то на меня придет искушение и, покинув монастырь, уйду, куда бог укажет.

Вы думаете, что я здесь добр и свят, а на деле выходит, что я всех людей окаяннее и грешнее. Ты, господин князь Юрий, не осердись на меня за это: слышу, что божественное писание сам вконец разумеешь, читаешь и знаешь, какой нам вред приходит от похвалы человеческой, особенно нам, страстным. Да и то, господин, рассуди: твоей вотчины от нашей стороне нет, и если ты поедешь сюда, то все станут говорить: «Только для Кирилла поехал». Был здесь брат твой, князь Андрей, но здесь его вотчина, и нам нельзя было ему, нашему господину, челом не ударить». Князь Юрий Димитриевич и сын его Димитрий Шемяка нашли более строгого увещателя в другом святом игумене, Григории вологодском (на Пельшме). Когда Юрий, вытеснив племянника Василия, утвердился в Москве, Григорий явился к нему сюда с увещаниями удалиться с неправедно приобретенного стола; потом, когда Шемяка овладел Вологдою и наделал много зла жителям, Григорий немедленно явился и к нему с обличениями, угрожая гибелью за злодейства над христианами: Шемяка, не терпя обличений, велел сринуть с помосту святого старца, так что тот едва живой возвратился в монастырь свой.

Монастыри имеют еще другое значение в истории русской гражданственности: по разным направлениям в дремучих лесах и болотах севера пробирались пустынники, ища уединения и безмолвия, но между тем приносили с собою начала новой жизни.

Сперва поселится пустынный в дупле большого дерева, но потом скоро собирается братия, и являются от нее послы в Москву к великому князю с просьбою, чтоб пожаловал, велел богомолье свое, монастырь, строить на пустом месте, в диком лесу, братию собирать и пашню пахать. Св. Димитрий Прилуцкий поставил обитель свою на многих путях, которые шли от Вологды до Северного океана, всех странников принимали в монастырь и кормили; однажды пришел к

преподобному обнищавший купец просить благословения идти торговать с погаными народами, которые слынут югрою и печорою; в другой раз какой-то богатый человек принес преподобному в подарок съестные припасы, но святой велел ему отнести эти припасы назад домой и раздать их рабам и рабыням, которые у него голодали. Клопский монастырь кормил странников и людей, стекавшихся в него за пищею во время голода. Кроме препятствий со стороны дикой природы иноки, основатели монастырей, терпели много и от язв юного, неустроенного общества, много терпели от разбойников и от соседних землевладельцев, которые но боялись самоуправствовать.

Обычай отдавать ближайшие земли новопостроенным монастырям вел иногда к тому, что окрестные жители старались разорить новую обитель из страха, чтоб монахи не овладели их землями.

Преподобный Сергей, говорится в житии его, принимал всякого к себе в монастырь, и старых, и молодых, и богатых, и бедных, и всех постригал с радостью; племянника своего Иоанна (Феодора) преподобный постриг, когда тому было 12 лет.

Сначала в монастырях каждый инок имел свое особое хозяйство; но с конца XIV века замечаем старания ввести общее житие; так, оно было введено в Троицкий Сергиев монастырь еще при жизни самого основателя: распределили братию по службам: одного назначили келарем, другого – подкеларником, иного казначеем, уставщиком, некоторых назначили трапезниками, поварами, хлебниками, больничными служителями, все богатство и имущество монастырское сделали общим, запретили инокам иметь отдельную собственность; некоторым не понравилась эта перемена, и они ушли тайно из монастыря Сергиева. Основателем общего жития в собственно московских монастырях называется Иоанн, архимандрит петровский, сопровождавший Митяя в Константинополь, в женских монастырях – игуменья Алексеевского монастыря Ульяна; в уставе общего жития, данном Снетогорскому монастырю, читаем: ни игумен, ни братия не должны иметь ничего своего; не могут ни есть, ни пить у себя по кельям, есть и пить должны в трапезе все вместе; одежду необходимую должно брать у игумена из обыкновенных, а не из немецких сукон, шубы бараньи носить без пуху, обувь, даже онучи, брать у игумена, и лишнего платья не держать. Из посланий митрополита Фотия в Киево-Печерский монастырь видна забота его о приведении в лучший порядок монастырской жизни. Тот же митрополит писал в Новгород, чтоб игумены, священники и чернецы не торговали и не давали денег в рост, чтоб в одних и тех же монастырях не жили монахи и монахини вместе, чтобы при женских монастырях были священники белые, не вдовы. Эти же заботы наследовал от Фотия и митрополит Иона. Об избрании игуменов до нас дошли следующие известия: в 1433 году братия нижегородского Печерского монастыря прислали к великому князю Василию Васильевичу и матери его с просьбою о назначении к ним в архимандриты избранного ими старца. Великий князь и княгиня исполнили просьбу, велели митрополиту поставить избранного иноками старца в архимандриты; в 1448 году иноки Кириллова Белозерского монастыря, выбравши себе в игумены старца Кассиана, послали просить о поставлении его к ростовскому архиепископу, и тот, для их прошения и моления, благословил Кассиана, с тем, однако, чтобы последний приехал к нему для духовной беседы. Новгородский архиепископ Симеон писал в

Снетогорский монастырь: «Велел я игумену и всем старцам крепость монастырскую держать: чернецам быть у игумена и у старцев в послушании и духовного отца держать, а кто будет противиться, таких из обители отстроивать, причем вклада их не возвращать им. Если чернец умрет, то все оставшееся после него имущество составляет собственность обители и братскую, а мирские люди к нему не должны прикасаться.

Если чернец, вышедши из монастыря, станет поднимать на игумена и на старцев мирских людей или судей, такой будет под тягостию церковною, равно как и те миряне, которые вступятся в монастырские дела. Если же произойдет ссора между братьями, то судит их игумен со старцами, причетниками и старостами Св. богородицы, а миряне не вступаются». Но мы знаем, что монастыри, основанные иждивением князей или других лиц, находились в заведовании этих лиц и наследников их: так, волынский князь Владимир Василькович завещал основанный им монастырь Апостольский жене своей; московский князь Петр Константинович дал митрополиту Ионе монастырь св. Саввы в Москве; этим объясняется, почему братия Печерского нижегородского монастыря присылали в Москву к великому князю испрашивать утверждения избранному ими игумену.

Монастыри владеют большою недвижимою собственностью: князья продают им свои села, покупают села у игуменов, позволяют покупать земли у частных лиц, дарят, завещают по душе, монастыри берут села в заклад, частные лица дают монастырям села по душе. От описываемого времени дошло до нас множество грамот княжеских монастырям с пожалованием разных льгот монастырским людям и крестьянам: давались селища монастырю, и люди, которых игумен перезовет сюда, освобождались ото всех повинностей на известное число лет; давались населенные земли с освобождением старожильцев и новопризываемых крестьян от всяких даней, пошлин и повинностей на вечные времена, с тем, однако, что когда придет татарская дань, то игумен за монастырских людей платит по силе; крестьяне освобождались от даней, пошлин и повинностей, но если придет из Орды посол сильный и нельзя будет его спровадить, то архимандрит с крестьян своих помогает в ту тягость, однако и тут князь не посылает к монастырским людям ни за чем; освобождались от всех даней и пошлин с условием платежа денежного оброка в казну княжескую один раз в год; освобождались от всех даней и пошлин с тем, чтобы давали сотнику оброк на Юрьев день вешний и осенний по три четверти; наконец, освобождались от всяких даней, пошлин и повинностей на вечные времена безо всяких условий; иногда игумен получал право держать в монастыре свое пятно: монастырский крестьянин, купивший или выменявший лошадь, пятнал ее в монастыре, за что платил игумену известную пошлину; монастырский крестьянин, продавший что-нибудь на торгу или на селе, платил тамгу также игумену в монастыре; если он пропятнится или протамжится (утаит пятно или тамгу), то за вину платил опять в монастырь; наместничьим, боярским и всяким другим людям; запрещалось ездить незванным на пиры к монастырским людям; последние освобождались от обязанности ставить у себя ездовых или гонцов, посылаемых для правительственных нужд, давать им кормы, подводы и проводников, кроме того случая, когда гонцы ехали с военным известием; монастырские люди освобождались от мыта даже и в чужих областях князьями последних; торговой

монастырской лодье позволялось ходить со всякими товарами во всякое время, будет ли тишина в земле или нет; дозволялось возить монастырское сено по реке, когда другим заповедано было ездить по ней; монастырские люди, посланные на ватагу или какую-нибудь другую службу, освобождались от поватажной и от всяких других пошлин; монастыри освобождались от военного постоя; посланным княжеским запрещалось даже ставиться под известным монастырем, делать себе тут перевоз, и брать себе на перевоз людей и суда монастырские. Крестьяне монастырские освобождались от суда наместников, волостелей княжеских и тиунов их: игумен ведал сам своих людей во всех делах и судил им сам или тот, кому приказывал; иногда право суда давалось вполне, во всех делах, гражданских и уголовных, иногда с ограничениями: иногда исключалось душегубство, иногда вместе с душегубством и разбой, иногда вместе с душегубством и разбоем татьба с поличным; в некоторых грамотах крестьяне монастырские освобождались от княжеского суда с тем условием, чтоб давали волостелю два корма на год: на Рождество Христово и на Петров день; кормы эти определяются так: на Рождество Христово с двух плугов полоть мяса, мех овса, воз сена, десять хлебов; не люб полоть, так вместо него два алтына, не люб мех овса – вместо него алтын, не люб воз сена – алтын, не любы хлебы – за ковригу по деньге; на Петров день с двух плугов барана и 10 хлебов, не люб баран – десять денег. Когда игумен имел право суда, то в случае суда смесного, т.е. при тяжбе монастырских людей с городскими и волостными, наместник или тиун его судил вместе с игуменом или его приказчиком. Иногда игумену давалось право назначать срок для смесных судов; когда игумен не имеет права уголовного суда, то встречаем в грамотах распоряжение, что наместник или тиун должен отдать душегубца на поруку и за тою порукою поставить перед князем; встречается также распоряжение, что наместник и тиун не берут с монастырских крестьян за мертвое тело, если человек с дерева убьется или на воде утонет; слуги монастырские освобождаются от обязанности целовать крест: сироты их стоят у креста. В случае иска на игуменове приказчике судит его сам князь или боярин введенный; если приедет пристав княжеский по людей монастырских, то дает им известное число сроков для явки к суду – два, три, иногда позволяется монастырским людям самим метать между собою сроки вольные. Встречаем грамоты, которыми даются монастырям села со всем к ним принадлежащим, кроме людей страдных и кроме суда. Иногда дается монастырю село с условием, чтоб его не продавать и не менять; крестьяне освобождаются от даней и пошлин с условием, чтобы не принимать на монастырские земли тяглых людей княжеских. Встречаем известия, что у монастырей во владении находились соляные варницы, относительно которых давались также особенные льготы; князья приказывали посельским или управителям своим давать в известные монастыри на храмовые праздники рожь, сыры, масло, рыбу; встречаем жалованные грамоты монастырям на рыбные ловли и бобровые гоны; Соловецкий монастырь по новгородской вечевой грамоте получал десятину от всех промыслов, производимых на принадлежащих ему островах; некоторые монастыри получали десятину с известных сел. Что касается до женских монастырей, то им давались так же льготы, как и мужеским; иногда игуменья получала право не только гражданского, но и уголовного суда над крестьянами своего монастыря; встречаем, впрочем, распоряжения, по которым управление селами поручалось священникам, доходы

же делились пополам между священниками и игуменьей с черницами. Частные лица давали села в монастырь с условием, чтоб игумен держал общее житие, чтобы чернецов держал, как его силы позволят, и держал таких, которые ему любы, чтоб игумен и чернецы собин (отдельной собственности) не имели; если игумен пойдет прочь из монастыря, то пусть дает отчет (уцет) чернецам; выговаривалось условие, чтоб игумен не принимал на монастырские земли половников и отхожих людей с земель отчинника, давшего села в монастырь.

Что монастырские крестьяне обязаны были давать монастырю и делать для него в описываемое время, об этом можем получить сведения из уставной грамоты митрополита Киприана Константиновскому монастырю: большие люди из монастырских сел, т.е. имевшие лошадей, церковь наряжали, монастырь и двор обводили тыном (тынили), хоромы ставили, игуменскую часть пашни орали взгоном, сеяли, жали и свозили, сено косили десятинами и во двор ввозили, ездили вешний и зимний, сады оплетали, на невод ходили, пруды прудили, на бобров осенью ходили, истоки забивали; на Велик день и на Петров день приходили к игумену с припасами (приходили – что у кого в руках); пешеходцы (не имевшие лошадей) из сел к празднику рожь молотили, хлеб пекли, солод молотили, пиво варили, на семя рожь молотили, лен даст игумен в село – они прядут, сежи и дели неводные наряжают; на праздник дают все люди яловицу; а в которое село приедет игумен на братчину, дают овес коням его.

Несмотря, однако, на богатое наделение монастырей недвижимым имуществом, в описываемое время существовало сомнение, следует ли монастырям владеть селами?

Митрополит Киприан писал к игумену Афанасию. «Святыми отцами не предано, чтоб инокам держать села и людей. Как можно человеку, раз отрекшемуся от мира и всего мирского, обязываться опять делами мирскими и снова созидать разоренное? Древние отцы сел не приобретали и богатства не копили. Ты спрашиваешь меня о селе, которое тебе князь в монастырь дал, что с ним делать? Вот мой ответ: если уповаешь с братиею на бога, что до сих пор пропитал вас без села и вперед пропитает, то зачем обязываться мирскими попечениями и вместо того, чтобы памятовать о боге и ему единому служить, памятовать о селлах и мирских заботах?

Подумай и о том, что когда чернец не заботится ни о чем мирском, то от всех людей любим и почитаем; когда же начнет хлопотать о селлах, тогда нужно ему и к князьям ходить, и к властелям, суда искать, защищать обиженных, ссориться, мириться, поднимать большой труд и оставлять свое правило. Если чернец станет селлами владеть, мужчин и женщин судить, часто ходить к ним и об них заботиться, то чем он отличится от мирянина? а с женщинами сообщаться и разговаривать с ними – чернецу хуже всего. Если бы можно было так сделать: пусть село будет под монастырем, но чтобы чернец никогда не бывал в нем, а поручить его какому-нибудь мирянину богобоязненному, который бы хлопотал об нем, а в монастырь привозил готовое житом и другими припасами, потому что пагуба чернецам селлами владеть и туда часто ходить».

В Руси Юго-Западной продолжался также обычай наделять монастыри недвижимыми имуществами и селлами: князь волынский Владимир Василькович купил село и дал его в Апостольский монастырь. Тому же обычаю следовали и православные потомки Гедиминовы. Здесь, на юго-западе, встречаем жалованные

грамоты княжеские монастырям, по которым люди последних освобождались от суда наместничьего и тиунского и от всех даней и повинностей: если митрополит поедет мимо монастыря, то архимандрита не судит и подвод у монастырских людей не берет, равно как и местный епископ: судит архимандрита сам князь; если же владыке будет до архимандрита дело духовное, то судит князь с владыкою; владычные десятичники и городские людей монастырских также не судят.

Таково было состояние церкви. От описываемого времени дошло до нас несколько законодательных памятников, из которых также можно получить понятие о нравственном состоянии общества. Так, дошла до нас уставная Двинская грамота великого князя Василия Дмитриевича, данная во время непродолжительного присоединения Двинской области к Москве. Эта уставная грамота разделяется на две половины: в первой заключаются правила, как должны поступать наместники великокняжеские относительно суда, во второй – торговые льготы двинянам. В первой, судной, половине грамоты излагаются правила, как поступать в случае душегубства и нанесения ран, побоев и брани боярину и слуге, драки на пиру, переорания или перекошения межи, в случае воровства, самосуда, неявления обвиненного к суду, убийства холопа господином. Если случится душегубство, то преступника должны отыскать жители того места, где совершено было преступление; если же не найдут, то должны заплатить известную сумму денег наместникам. Если кто выбранит или приберет боярина или слугу, то наместники присуждают плату за бесчестье смотря по отечеству обесчещенного; но, к сожалению, мы не знаем здесь самого любопытного, именно: чем руководились наместники при определении этого отечества. Впрочем, очень важно уже, что в Двинской грамоте полагаются взыскания за обиды словесные, тогда как в Русской Правде о них не упоминается. Случится драка на пиру, и поссорившиеся помирятся, не выходя с пиру, то наместники и дворяне не берут за это с них ничего, если же помирятся, вышедши с пиру, то должны дать наместникам по кунице. При переорании или перекошении межи различается, нарушена ли межа на одном поле или между селами, или, наконец, нарушена будет межа княжая. Если кто у кого узнает покраденную вещь, то владелец ее сводит с себя обвинение до десяти изводов; с уличенного вора в первый раз берется столько же, сколько стоит украденная вещь, во второй раз берут с него без милости, в третий вешают; но всякий раз его пятнают. За самосуд платится четыре рубля; самосудом называется тот случай, когда кто-нибудь, поймав вора с поличным, отпустит его, а себе посул возьмет. Обвиненного куют только тогда, когда нет поруки. Обвиненный, не явившийся к суду, тем самым проигрывает свое дело: наместники дают на него грамоту правую бессудную. Если господин, ударивши холопа или рабу, ненароком причинит смерть (огрешится – а случится смерть), то наместники не судят и за вину ничего не берут.

Уже выше упомянуто было о судных грамотах, данных Пскову князьями Александром Михайловичем тверским и Константином Дмитриевичем московским; до нас дошел сборник судных правил, составленный из этих двух грамот, равно как из приписков к ним всех других псковских судных обычаев (пошлин). Здесь относительно убийства встречаем следующее постановление: где учинится головщина и уличат головника, то князь на головниках возьмет рубль продажи; убьет сын отца или брат брата, то князю продажа. Относительно

воровства встречаем постановление, сходное с постановлением, заключающимся в Двинской грамоте: дважды вор отпускается, берется с него только денежная пеня, равная цене украденного, но в третий раз он казнится смертию; это правило имеет силу, впрочем, тогда только, когда покража произойдет на посадке; вор же, покравший в Кромном городе, также вор коневый вместе с переветником и зажигальщиком подвергаются смертной казни за первое преступление. Касательно споров о землевладении четырех– или пятилетняя давность решает дело. Довольно подробно говорится о займах, о даче денег или вещей на сохранение; заемные записи как в Новгороде, так и во Пскове назывались досками; чтоб эти доски имели силу, нужно, чтоб копия с них хранилась в ларе, находившемся в соборной церкви Св. троицы; позволялось давать займы без залога и без записи только до рубля; ручаться позволялось также в сумме не более рубля.

Касательно семейных отношений встречаем постановление, что если сын откажется кормить отца или мать до смерти и пойдет из дому, то он лишается своей части в наследстве. Относительно наследства говорится, что если умрет жена без завещания (рукописания), оставив отчину, то муж ее владеет этою отчиною до своей смерти, если только не женится в другой раз; то же самое и относительно жены; встречаем указание на случай, когда старший брат с младшим живут на одном хлебе. Довольно подробно говорится о спорах между домовладельцем и землевладельцем (государями) и их наймитами, между мастерами и учениками: эти подробности, впрочем, касаются преимущественно случаев неисполнения обязательств и назначения срока, когда один мог отказывать, а другой отказываться. Срок этот был – Филиппово заговенье, т. е. 14 ноября; при поселении насельник получал от хозяина покругу, т. е. подмогу или ссуду, на обзаведение хозяйством; она могла состоять из денег, из разных орудий домашних, земледельческих, рыболовных, из хлеба озимого и ярового.

Судебные доказательства: свидетельство или послушничество, клятва и поле, или судебный поединок; в случае, если одно из тяжущихся лиц будет женщина, ребенок, старик больной, увечный или монах, то ему дозволялось нанимать вместо себя бойца для поля, и тогда соперник его мог или сам выходить против наемника, или также выставить своего наемника; но если будут тягаться две женщины, то они должны сами выходить на поединок, а не могут выставить наймитов. Местом суда назначены сени княжеские, и именно сказано, чтоб князь и посадник на вече суда не судили.

Когда на кого дойдет жалоба, то позовник отправлялся на место жительства позываемого и требовал, чтоб тот шел к церкви слушать позывную грамоту (позывницу); если же он не пойдет, то позовник читал грамоту на погосте пред священником, и если тогда, не прося отсрочки, позываемый не являлся на суд, то сопернику его давалась грамота, по которой он мог схватить его, причем тот, кто имел такую грамоту (ограмочий), схвативши противника, не мог ни бить его, ни мучить, но только поставить пред судьей; а тот, на кого дана была грамота (ограмочный), не мог ни биться, ни колотья против своего противника. Тяжущиеся (сутяжники) могли входить в судную комнату (судебницу) только вдвоем, а не могли брать помощников; помощник допускался только тогда, когда одно из тяжущихся лиц была женщина, ребенок, монах, монахиня, старик или глухой; если же в обыкновенном случае кто вздумает помогать тяжущимся, или

силою взойдет в судебницу, или ударит придверника (подверника), то посадить его в дыбу и взять пеню в пользу князя и подверников, которых было двое: один – от князя, а Другой – от Пскова. Посадник и всякое другое правительственное лицо (властель) не мог тягаться за друга, мог тягаться только по своему собственному делу или за церковь, когда был церковным старостою. В случае тяжбы за церковную землю на суд ходили одни старосты, соседи не могли идти на помощь.

Как в Двинской, так и в Псковской грамоте назначается прямо смертная казнь за известные преступления, например за троекратное воровство, зажигательство и проч.; но в обеих грамотах умалчивается о душегубстве; казнили ли в описываемое время за смертоубийство смертью или следовали уставу сыновей Ярославовых? Этого вопроса мы не можем решить; в жалованной грамоте Кириллову монастырю князь Михаил Андреевич верейский говорит, что в случае душегубства в селах монастырских должно отдавать душегубца на поруку и за тою порукою поставить его перед ним, князем, а он сам исправу учинит; если же убийцы не будет налицо, то брать виры за голову рубль новгородский; но как чинил исправу князь, мы не знаем; знаем только, что по-прежнему люди, уличенные в известных преступлениях, становились собственностью князя: мы видели, что князя упоминают о людях, которые им в вине достались. Что князя предавали смерти лиц себе противных и в описываемое время и прежде, в этом не может быть сомнения; если Мономах и советует своим детям не убивать ни правого, ни виноватого, то это уже самое показывает, что убиение случалось; притом же число князей не ограничивалось детьми Мономаха. Андрей Боголюбский казнил Кучковича, Всеволод III предал смерти враждебного ему новгородского боярина; говорят, что казнь Ивана Вельяминова, по приказанию Димитрия Донского совершенная, была первою публичною смертною казнию; но мы не знаем, как предан был смерти Кучкович при Андрее Боголюбском; форма здесь не главное.

В Новгороде Великом в 1385 году установлено было следующее: посадник и тысяцкий судят свои суды по русскому обычаю, по целованью крестному, причем обе тяжущиеся стороны берут на суд по два боярина и по два мужа житейских. Суд иногда отдавался на откуп: так, в первой дошедшей до нас договорной грамоте новгородцев с князем Ярославом встречаем известие, что князь Димитрий с новгородцами отдал суд бежичанам и обонежанам на три года; в 1434 году великокняжеский наместник в Новгороде продал обонежский суд двум лицам – Якиму Гурееву и Матвею Петрову. Мы видели, что в Псковской судной грамоте при спорах о землевладении четырех– или пятилетняя давность решала дело, но в одной грамоте Иоанна III, 1483 года, есть указание на закон великого князя Василия Димитриевича, которым давность определена в 15 лет.

Вот картина гражданского суда, как он производился в описываемое время. Пред судьей являются двое тяжущихся: один – монах Игнатий, митрополичий посельский, другой – мирянин, землевладелец, Семен Терпилов. Игнатий начал: «Жалоба мне, господин, на этого Сеньку Терпилова: косит он у нас силою другой год луг митрополичий, а на лугу ставится 200 копен сена, и луг тот митрополичий исстарины Спасского села». Судья сказал Сеньке Терпилову: «Отвечай!» Сенька начал говорить: «Тот луг, господин, на реке на Шексне – земля великого князя, а тянет исстари к моей деревне Дорофеевской, а кошу тот луг я и сено вожу». Судья спросил старца Игнатия: «Почему ты называешь этот луг митрополичьим исстари

Спасского села?» Игнатий отвечал: «Луг митрополичий исстари: однажды перекошил его у нас Леонтий Васильев, и наш посельский с ним судился и вышел прав; грамота правая у нас на тот луг есть, а вот, господин, с нее список пред тобою, подлинная же в казне митрополичьей, и я положу ее пред великим князем». Судья велел читать список с правой грамоты, и читали следующее: Судил суд судья великой княгини Марфы, Василий Ушаков, по грамоте своей государыни, великой княгини. Ставши на земле, на лугу на реке Шексне, перед Василием Ушаковым, митрополичий посельский Данило так сказал: «Жалоба мне, господин, на Леонтия Васильева сына; перекошил он пожню митрополичью, ту, на которой стоим». Судья сказал Леонтию: «Отвечай!» Леонтий начал: «Я, господин, эту пожню косил, а межи не ведаю; эту пожню заложил мне в деньгах Сысой Савелов: а вот, господин, тот Сысой перед тобою». Сысой стал говорить: «Эта пожня, господин, моя; заложил ее Леонтию я, и указал я ему косить по те места, которые Данило называет своими; до сих пор моей пожне была межа по эти места. А теперь, господин, вели Даниловым знахарям указать межу; как укажут, так и будет, душа их поднимет, а у меня этой пожне разводных знахарей нет». Судья спросил митрополичьего посольского Данила: «Кто у тебя знахари на эту пожню, на разводные межи?» Данило отвечал: «Есть у меня, господин, старожильцы, люди добрые, Увар, да Гавшук, да Игнат; а вот, господин, эти знахари стоят перед тобою». Судья обратился к Увару, да к Гавшуку, да к Игнату: «Скажите, братцы, по правде, знаете ли, где митрополичьей пожне с Сысоевою межа? поведите нас по меже!» Увар, Гавшук и Игнат отвечали: «Знаем, господин; ступай за нами, мы тебя по меже поведем». И повели они из подлесья от березы да насередь пожни к трем дубкам, да на берег по ветлу по виловатую, по самые разохи, и тут сказали: «По сих пор знаем: это межа митрополичьей пожне с Сысоевою». Судья спросил Сысою: «А у тебя есть ли знахари?» Сысой отвечал: «Знахарей у меня нет: их душа поднимет». Тогда обоим истцам назначен был срок стать перед великою княгинею у доклада; посельский Данило стал на срок, но Сысой не явился, вследствие чего Данилку оправили и пожню присудили к митрополичьей земле; а на суде были мужи: староста арбужевский Костя, Иев Софрон, Костя Савин Дарьина, Лева Якимов, Сенька Терпилов.

Когда прочли правую грамоту, судья спросил у Сеньки Терпилова: «Ты написан в этой грамоте судным мужем; был ли такой суд Леонтию Васильеву с митрополичьим посельским Данилкою об этом лугу, и ты был ли на суде?» Сенька отвечал: «Был такой суд, и я был на нем в мужах, а все же исстари этот луг – земля великого князя моей деревни Дорофеевской». Судья спросил у старца Игнатия: «Кроме вашей правой грамоты есть ли у тебя на этот луг иной довод? Кто знает, что этот луг митрополичий исстарины и Сенька Терпилов косил его два года?» Игнатий отвечал: «Ведомо это людям добрым, старожильцам: Ивану Харламову, да Олферу Уварову, да Малашу Франику, да Луке Давидову, а вот эти старожильцы, господин, перед тобою».

На вопрос судьи старожильцы подтвердили показание Игнатия и сказали: «Поезжай, господин судья, за нами, и мы отведем межу этому лугу с великокняжеской землею».

И повели Игнатьевы старожильцы с верхнего конца, с ивового куста из подлесья на голенастый дуб, на вислый сук, к реке Шексне на берег, и сказали: «С правой стороны земля великокняжеская, а с левой луг митрополичий». Тогда

судья спросил у Сеньки Терпилова: «А ты почему зовешь этот луг великокняжеским, кому это у тебя ведомо?» Сенька отвечал: «Ведомо добрым людям, старожильцам трех волостей, и вот, господин, эти старожильцы перед тобою». На вопрос судьи старожильцы подтвердили показание Сеньки и повели судью также показывать настоящие межи. Но Игнатьевы старожильцы сказали судье: «Эти Сенькины старожильцы свидетельствуют лживо и отводят луг митрополичий безмежно. Дай нам, господин, с ними целованье: мы целуем животворящий крест на том, что луг этот исстари митрополичий».

Сенькины старожильцы также сказали: «Целуем животворящий крест на том, что луг этот великокняжеский исстари». Тогда судья сказал, что доложит государю, великому князю всея Руси, перед которым велел старцу Игнатию положить свою правую грамоту.

От описываемого же времени дошли до нас разного рода юридические акты: записи купчие, меновые, данные, отводные, возные, заемные и закладные, раздельные, духовные. В купчих означается прежде всего лицо покупающее и лицо продающее: «Се купи такой-то у такого-то». Иногда покупка производится целым племенем, несколькими братьями, у целого же племени, которое владеет землею нераздельно; такие братья-совладельцы называются братениками, сябрами. Иногда покупали землю двое, как видно, чужих друг другу людей и вносили в купчую условие, что если один из покупателей или дети его захотят отказаться от своей покупки, то не должны продавать своего участка никому мимо другого покупателя и детей его.

Между покупателями видим лица духовные, священников, монахов; игумены покупают земли для монастыря и собственно для себя. Между продавцами встречаем женщин замужних, которые продают землю, полученную ими в приданое, но к их имени присоединяется и мужнее имя: «Се купи такой-то у такой-то и у ее мужа». Иногда муж покупал землю у своей жены, у ее зятя и у его жены. После имен покупателя и продающего подробно означается предмет купли и цена, за него заплаченная, причем обыкновенно к сумме денег прибавляется пополнок, большею частию какое-нибудь животное, например: «И дал за ту землю три рубля, а свинью пополнка». Далее означается, произведена ли купля на известное число лет или навеки; последнее условие выражается словом одерень: «А купи себе одерень и своей братьи» или: «И своим детем». Означается, что земля продана вместе с грамотами на нее, или означается, у кого эти грамоты находятся. Если покупают несколько братьев, то означается, какому брату владеть сколькими частями купленной земли. При покупке земли означаются ее межи или говорится просто: «770 старым межам». Вносится условие, что если кто-нибудь станет предъявлять свои права на купленную землю, то очищать ее обязан продавец и его дети: в некоторых грамотах встречаем условие, чтоб покупатель не продавал земли никому, кроме земца. На каждой грамоте видим имена нескольких свидетелей, или послухов, которые иногда называются просто людьми, бывшими на заводи, т.е. при определении границ продаваемой земли. Говорится обыкновенно, что у печати стоял и землю завел сам продавец; но иногда встречаются и другие лица при обоих действиях. Означается также имя писавшего грамоту – священника, дьякона, дьяка, церковного дьяка. В начале купчей Кирилла Белозерского сказано, что она совершена с ведома тиуна княжеского. В приданных записях означались имена обоих родителей, равно как имена зятя и

дочери; в конце грамоты писались также имена послухов и прикладывалась печать, при которой стоял отец. В отдельных грамотах делившиеся родственники, например дядя с племянником, уговаривались, что если у одного из них не будет детей (отрода) или захочет он свой участок променять, продать, приказать кому-нибудь, то он не должен этого делать мимо другого отделившегося родственника. При разделе свидетелями с обеих сторон были люди добрые; за нарушение условий нарушитель в Новгороде обязан был дать князю и владыке известную сумму денег. В духовных грамотах завещатели, имея жену, приказывают имущество матери своей и сыновьям, отчину и дедину, землю и воду по отцовской грамоте и по владенью; распоряжаются челядью дерноватую; в других завещаниях имение приказывается жене и сыновьям; жена если, оставшись вдовою, станет сидеть в имении мужа, то будет господарынею в этом имении; если же выйдет замуж, то берет в наделок известную сумму денег; также берет назад все свое приданое; в некоторых же завещаниях говорится, что в таком случае нет ей участка ни в чем.

Если по смерти завещателя родится у него сын, то ему равная доля со старшими братьями, если дочь, то братья выдают ее замуж по силе; при распоряжении имуществом иные земли завещатель делит между сыновьями, другие оставляет им в общее владение. Если завещатель оставляет малолетних сыновей, то до их возраста родственник, например брат, ездит по селам и владеет людьми, а хлеб, деньги и дары идут матери и сыновьям. В случае смерти сыновей завещатель отдает половину своего имения брату, а другую половину велит продать и вырученное раздать по церквам на поминовение, челядь дерноватую отпустить на волю. В заключение завещатель поручает оставляемую семью известным лицам, иногда целой улице в Новгороде. В затруднительных обстоятельствах относительно наследства обращались ко власти церковной; так, одна вдова обратилась к митрополиту Киприану с вопросом, что ей делать: муж ее умер насильственной смертью, завещания не оставил, детей нет, но есть приемыш (приимачек). Митрополит решил, что она имеет право владеть землею, людьми и всем имуществом мужа своего, поминать душу последнего, дитя свое приемное кормить и распорядиться мужним имением в завещании как хочет. Наконец, от описываемого времени дошли до нас записи мировые.

Из приведенных памятников мы видим, что имущество жены было отдельно от имущества мужа; жена не могла продать своего приданого без согласия мужа, продавали они его вместе, причем имя жены стоит прежде имени мужа. Видим, что жена продает свое имение мужу. Мы видели, что, по Русской Правде, за известные преступления преступник выдавался князю на поток со всем семейством; без сомнения, это правило имело силу и в описываемое время. Но отвечала ли жена за долги мужа, за нарушение им частных прав? В первом договоре новгородцев с немцами положено было, что должник-неплательщик отдается заимодавцу в рабство со всем семейством; во втором договоре эта статья изменена так: если жена поручалась за мужа, то в случае неплатежа отдавалась в рабство; если же не поручалась, то оставалась свободною. Но из этой статьи договора с немцами следует ли заключить, что подобное же правило соблюдалось и внутри России? Не имея других доказательств, мы считаем себя вправе сомневаться, ибо в договоре с немцами затрагивались особого рода интересы: важно было ограничить вывод людей из Новгородской области в чужую сторону,

православных к иноверцам. В Русской Правде, например, было положено, что жена и дети холопа не выдаются за преступление мужа и отца, если они не участвовали в этом преступлении; но здесь дело не в том, что они не отвечают за преступление, ибо в переходе от одного господина к другому для них нет еще наказания; здесь дело в том, что господин за преступление одного из своих холопей не должен лишаться нескольких, следовательно, здесь правило устанавливается вследствие влияния особого интереса.

Что касается юридических понятий в Юго-Западной, Литовской Руси, то земскою привилегиею великого князя Казимира Ягайловича 1457 года постановлено, что никто из князей, панов и мещан не казнится смертию и не наказывается по чьему-либо доносу, явному или тайному, или по подозрению, прежде нежели будет уличен на явном суде в присутствии обвинителя и обвиненного. За чужое преступление никто другой, кроме преступника, не наказывается, ни жена за преступление мужа, ни отец за преступление сына и наоборот, также никакой другой родственник, ни слуга. Иностранцы не могут получать должностей и земель в Литве. Относительно положения жены по смерти мужа находим такое же распоряжение, какое мы видели в Псковской судной грамоте и в новгородских духовных: вдова остается в имении мужа, пока не выйдет замуж; в этом случае имение переходит к детям или родственникам покойного; если же последний назначил жене из своего имения какое-нибудь вено, то оно остается при ней и в том случае, когда она вступит во второй брак.

Из правых грамот видим, что и на юго-западе споры о границах владений решались так же, как и на северо-востоке: свидетельство старцев общих в Литовской Руси имеет такое же значение, как свидетельство знахарей, старожильцев в Руси Московской. Галицкая купчая 1351 года по форме сходна с купчими в Северо-Восточной Руси.

Относительно народного права мы видим, что война ведется с таким же характером, как и прежде, если еще не с большею жестокостию. Нижегородцы, взявши пленных у мордвы, затравили их собаками. Смольняне во время похода своего на Литву младенцев сажали на копья, других вешали стремглав на жердях, взрослых давили между бревнами и проч.; ругательства псковичей над пленными ратниками Витовтовыми мы отказываемся сообщить нашим читателям; во время похода московских войск на Улу-Махмета ратники по дороге грабили и мучили своих, русских; митрополит Иона говорит о вятчанах, что они во время походов своих с Шемякою много православных перемучили, переморили, иных в воду пометали, других в избах пожгли, иным глаза выжигали, младенцев на кол сажали, взяли пленников более полуторы тысячи и продавали татарам. Военные жестокости, следовательно, могли доходить до ужасных крайностей; но всегда ли доходили – это вопрос; можно думать, что приведенные случаи были исключениями, которые обуславливались особенными обстоятельствами, особенным ожесточением, и потому заслужили быть упомянутыми в источниках, хотя, с другой стороны, не имеем права предполагать вообще мягкости в поступках ратных людей в земле неприятельской.

При заключении мира князя Северо-Восточной Руси договариваются возвратить всех пленных и все пограбленное во время войны, с поручителей свести поруку, с давших присягу свести крестное целование, все пограбленное отдается по исправе; если же не будет исправы, то требующие возьмут по

крестному целованью; не возвращается съестное и то, что взято у неприятеля во время боя. Если в продолжение войны в отнятой у неприятеля земле отнявший князь сажал своих волостелей, то по заключении мира обязывался исследовать их поведение – и что взято право, то взять, а что взято криво, то по исправе отдать. Иногда встречаем условие, что князья обязываются отыскать, выкупить и возвратить даже тех пленных, которые были запроданы за границу; иногда князья уговариваются не требовать друг с друга ничего взятого во время войны, кроме людей, и тех без взятого у них имущества: «Что взято в наше размирье, тому всему погреб», или «тому всему дерть на обе стороны». В случаях столкновения между подданными двух княжеств был общий суд: «Между нами судить суд общий людям старейшим»; если общие судьи не смогут решить дела, то должны передать его на решение третьего: на кого третий помолвит, виноватый перед правым поклонится и взятое отдаст; чьи же судьи на третий не поедут или обвиненный третьим не захочет исполнить приговора, то правый может силою отнять свое, и это не должно считаться нарушением мира; об общем и третейском суде обычное выражение: «Обидному суд без перевода, а судьям нашим третий вольный; в суд общий нам (князьям) не вступаться; судьям садиться судить, поцеловавши крест, что им судить вправду, по присяге». Иногда, впрочем, третий обозначается именно на лице; иногда условливаются: «Кто хочет, тот назовет три князя христианских, и из этих одного выбирает тот, на ком ищут» или: «Если судьи наши не смогут решить дела, то зовутся на третий, берут себе третьего из моих бояр великокняжеских, двух бояр, и из твоих большого боярина одного; третьего назовет тот, кто ищет, а тот берет, на ком ищут; если же не выберут себе третьего из этих троих бояр, то я им третий, князь великий: пусть придут перед меня, я им велю выбирать из тех же троих бояр, и если не захочет тот, на ком ищут, то я его обвиню». Относительно суда встречаем еще следующий уговор: «Если случится разбой, или наезд, или воровство из твоей отчины на моих людей великокняжеских, то суда общего не ждать, отослать нам своих судей и велеть дать управу без перевода; если же ты не дашь мне управы или судьи твои судом переведут, то я свое отниму, и это не будет считаться нарушением мира». Понятно, что условия изменялись вследствие обстоятельств, при которых заключался договор, вследствие того, между какими князьями он заключался.

Князья условливались вывода и рубежа не замышлять, а кто замыслит рубеж, то рубежника выдавать по исследованию дела: выдавать также по исследованию дела холопа, рабу, поручника, должника, вора, разбойника, душегубца; кто приедет из одного княжества в другое за холопом или должником, поймает его сам без пристава, но поставит перед князем, наместником или волостелем, тот не виноват; но если выведет из волости и перед волостелем не поставит, будет виноват; если холоп станет с кем тягаться, но поруки по себе не представит, то холопа обвинить и выдать господарю, причем обыкновенно определяется, сколько платить пошрины за одного холопа и за целую семью; определяются также и все другие судные издержки, которые обязан платить истец; если же холоп или раба не станут тягаться, то пошлин нет. Если по должнике не будет поруки, то его обвинить. Вора, разбойника, грабежника душегубца судить там, где поймают, если же станет проситься на извод, то пускать. Новгородцы договорились с Тверью, что если из новгородских волостей явится обвинение на тверского вора или

разбойника и тверичи скажут, что такого у них нет, то пусть его не будет и после в Тверских волостях; если же явится в них, то выдать его без суда.

На северо-востоке мы встречаем известие об убиении посла, отправленного от одного князя к другому. Встречаем известие об убийстве татарских послов в Нижнем; в 1414 году немцы убили псковского посла в Нейгаузене, псковичи убили дерптского. Мы видели, что в войнах псковичей с литовцами был обычай отдавать пленных на поруки.

На юго-западе под 1229 годом встречаем замечательное известие об условии, заключенном между Конрадом мазовецким и Даниилом галицким: если когда-нибудь начнется между ними война, то полякам не воевать русской челяди, а русским – польской. Потом и здесь встречаем также известие о возвращении пленных после войны. В договоре Василия Темного с королем Казимиром находим условие: «А которые люди с которых мест вышли добровольно, ино тым людем вольным воля, где хотят, тут живут». В договорах великих князей литовских с Новгородом и Псковом встречаем условие: если великий князь захочет начать войну с Новгородом или Псковом, то обязан прислать разметные грамоты и может начать войну только спустя месяц после этой присылки. Витовт, которого по справедливости русский летописец называет неверником правде, чтоб напасть врасплох на псковичей, послал в 1406 году разметную грамоту не во Псков, а в Новгород под предлогом старой зависимости первого от последнего, а сам вступил в Псковскую область. Для предотвращения впредь подобного коварства псковичи, заключая договор с Казимиром, обязали его в случае разрыва отсылать разметную грамоту не в Москву и не в Новгород, но положить ее во Пскове. Новгородцы, заключая договор с тем же Казимиром, условились, чтобы литовские послы по Новгородской волости подвод не брали, а новгородские – по Литовской. Но как видно, между Москвою и Литвою не было условий относительно подданных одного государства, находившихся в областях другого во время разрыва между ними, ибо под 1406 годом находим известие, что при разрыве Витовта с Василием Димитриевичем в Литве перебили москвичей.

Что касается нравственного состояния вообще на Руси в описываемое время, то мы уже заметили и в предыдущем периоде, что чем далее на восток, тем нравы становятся жестче. Понятно, что удаление славянских переселенцев в пустыни Северо-Восточной Европы, удаление от других народов христианских, стоявших с ними на одинакой степени гражданственности, и вступление в постоянное сообщество только с народами, стоявшими на низшей степени не могли действовать благоприятно на нравы этих переселенцев; понятно, если последние не только остановились в этом отношении, но даже пошли назад; не забудем здесь и влияния самой природы, о котором была уже речь прежде. Но кроме этих собственно географических причин были еще другие, исторические, которые не могли способствовать смягчению нравов.

Одна географическая отдаленность главной сцены действия не могла надолго отнять у русских людей возможность сообщения с другими христианскими народами: мы видим, что когда Северо-Восточная Русь образовалась в одно сильное государство, то начиная со второй половины XV века уже является стремление к сообщению с другими христианскими державами; в продолжение XVI и XVII веков, несмотря на все препятствия, это стремление становится все сильнее и сильнее, и наконец в XVIII веке видим вступление России в систему

европейских государств. Следовательно, полное уединение Руси в XIII, XIV и XV веках обуславливалось не географическим только отдалением, но преимущественно тем, что все внимание ее было поглощено внутренним, тяжким, болезненным переходом от одного порядка вещей к другому.

Этот-то болезненный переход и действовал неблагоприятно на нравы. На юге мы видели сильные усобицы; но усобицы эти шли вследствие споров за родовые права: тот или другой князь становился старшим, занимал Киев вследствие своего торжества, — отношения к нему младших оставались прежние; но и тут мы замечаем большую жесткость, большую неразборчивость средств у тех князей, которые вследствие разных обстоятельств были доводимы до крайности, лишались волостей и принуждены были потом приобретать их и сохранять мечом. На севере же, как мы видели, изменилась цель усобиц, должен был измениться и характер их: князья показали ясно, что они борются не за старшинство, как прежде, но за силу, хотят увеличить свои волости, приобрести могущество и вследствие этого могущества подчинить себе всех остальных князей, лишиться их владений. При таком характере борьбы нет речи о правах и обязанностях, каждый действует по инстинкту самосохранения, а где человек действует только по инстинкту самосохранения, там не может быть выбора средств, сильный пользуется первым удобным случаем употребить свою силу, слабый прибегает к хитрости, коварству, взаимное доверие рушится, сильные начинают прибегать к страшным нравственным обязательным средствам в отношении к слабым, но и эти средства оказываются недействительными: страшные проклятые грамоты нарушаются так же легко, как и обыкновенные договоры; хитрость, двоедушие слабого получает похвалу, как дело мудрости: летописец хвалит князя тверского, который, будучи слабым среди борьбы двух сильных, умел извернуться, не прогневал ни князя московского, ни Эдигея. Борьба, доведенная до крайности, обуславливала и средства крайние: сперва губили соперников в Орде; но здесь могли видеть еще только следствия судебного приговора, произнесенного высшею властью; когда же князья стали управляться друг с другом независимо от всякого чуждого влияния и когда борьба, приходя к концу, достигла крайнего ожесточения, является сперва ослепление, а потом и смерть насильственная.

Обычай, по которому дружинники свободно переходили от одного князя к другому, обычай, много облегчивший объединение Северо-Восточной Руси, с другой стороны, вредил нравственности; поступок Румянца и товарищей его в Нижнем Новгороде, конечно, не может быть причислен к поступкам нравственным. Насилия со стороны сильных, хитрость, коварство со стороны слабых, недоверчивость, ослабление общественных уз среди всех — вот необходимые следствия такого порядка вещей.

Нравы грубели, привычка руководствоваться инстинктом самосохранения вела к господству всякого рода материальных побуждений над нравственными; грубость нравов должна была отражаться на деле, на слове, на всех движениях человека. В это время имущества граждан прятались в церквах и монастырях как местах наиболее, хотя не всегда, безопасных; сокровища нравственные имели нужду также в безопасных убежищах — в пустынях, монастырях, теремах; женщина спешила удалиться, или ее спешили удалить от общества мужчин, чтоб волею или неволею удержать в чистоте нравственность, чистоту семейную; не вследствие византийского, или татарского, или какого-нибудь другого влияния

явилось затворничество женщин в высших сословиях, но вследствие известной нравственной экономии в народном теле; подтверждение здесь сказанному нами найдем мы после в прямых известиях современников-очевидцев. Историк не решится отвечать на вопрос: что бы случилось с нами в XIV веке без церкви, монастыря и терема? Но понятно, что удаление женщин, бывшее следствием огрубения нравов, само в свою очередь могло производить еще большее огрубение.

Но хотя это большее огрубение в нравах очень заметно в описываемое время, однако историк не имеет права делать уже слишком резкого различия между нравами описываемого времени и нравами предшествовавшей эпохи в пользу последней. Мы уже имели случай заметить, что увещание Мономаха детям не убивать ни правого, ни виноватого нисколько не служит доказательством, чтоб подобных убийств не было в его время; мы сомневаемся, чтоб торжественная смертная казнь была установлена Димитрием Донским, ибо не знаем, как Андрей Боголюбский казнил Кучковича.

Говорят, что от времен Василия Ярославича до Иоанна Калиты отечество наше походило более на темный лес, нежели на государство: сила казалась правом; кто мог, грабил, не только чужие, но и свои; не было безопасности ни в пути, ни дома; татьба сделалась общею язвою собственности. В доказательство этих слов приводят одно известие летописи, что Иоанн Калита прославился уменьшением разбойников и воров. Хотя в источниках можно отыскать и более указаний относительно разбоев; однако, с одной стороны, мы не скажем, чтоб в приведенной картине краски не были слитком яркие, а с другой стороны, нет основания предполагать, чтоб прежде было много лучше и чтоб в других соседних христианских странах в описываемое время было также много лучше; в последнем усомнится всякий, кто, например, сравнит известия о разбоях в польских владениях во время Казимира Ягайловича. Говорят: легкие денежные пени могли некогда удерживать наших предков от воровства; но в XIV веке воров клеймили и вешали, причем спрашивают: был ли действителен стыд гражданский там, где человек с клеймом вора оставался в обществе? Но мы в свою очередь спросим: был ли действителен стыд гражданский там, где вор, отделавшись легкою пенею, без клейма оставался в обществе? К описываемому же времени относят появление телесных наказаний; но мы уже в Русской Правде встретили известие о муках или телесных истязаниях, которым виновный подвергался по приказанию княжескому; телесные наказания существовали везде в средние века, но были ограничены известными отношениями сословными; у нас же вследствие известных причин такие сословные отношения не выработались, откуда и произошло безразличие касательно телесных наказаний. Но если мы не можем допустить излишней яркости некоторых красок в картине нравов и резкости в противоположении нравов описываемого времени нравам предшествовавшей эпохи, то, с другой стороны, мы видели в описываемое время причины, которые должны были вредно действовать на нравственность народную, изменять ее не к лучшему.

В примерах жестокости наказаний нет недостатка в источниках; советники молодого князя Василия Александровича подверглись жестоким наказаниям: у одних нос и уши обрезали, у других глаза выкололи, руки отсекали.

Под 1442 годом летописец упоминает, что каких-то Колударова и Режского кнутом били; это известие вставлено в рассказ о войне великого князя Василия с Шемякою, и потому можно думать, что преступление этих людей состояло в доброжелательстве последнему. Под 1444 годом говорится, что князь Иван Андреевич Можайский схватил Андрея Дмитриевича Мамона и вместе с женою сжег в Можайске; после мы узнаем, что эти люди были обвинены в еретичестве. Старое суеверие, привычка обвинять ведьм в общественных бедствиях сохранялись: псковичи во время язвы сожгли 12 ведьм. Когда в 1462 году схвачены были дружинники серпуховского князя Василия Ярославича, задумавшие было освободить своего господаря, то Василий Темный велел их казнить – бить кнутом, отсекал руки, резать носы, а некоторым отсечь головы.

Относительно нравов служебных встречаем известие, что Вятка не была взята по вине воеводы Перфушкова, который благоприятствовал вятчанам за посулы.

Соблазнительная история о поясе, который был подменен на княжеской свадьбе первым вельможею, не может дать выгодного понятия о тогдашней нравственности.

Вспомним и о страшном поступке последнего смоленского князя, Юрия. Лишенный волости, он жил в Торжке в качестве наместника великокняжеского. Здесь же нашел приют изгнанный с ним вместе князь Семен Мстиславич вяземский. Юрий влюбился в жену Вяземского Ульяну и, не находя в ней взаимности, убил ее мужа, чтоб воспользоваться беззащитным состоянием жены; но Ульяна схватила нож; не попавши в горло насильнику, ранила его в руку и бросилась бежать; но Юрий догнал ее на дворе, изрубил мечом и велел бросить в реку. Но, к чести тогдашнего общества, мы должны привести слова летописца: «И бысть ему в грех и в студ велик и с того побеже к Орде, не терпя горького своего безвременья, срама и бесчестия». Юрий умер в Рязанской земле, где жил у пустычника Петра, плачась о грехах своих. Мы видели, что митрополиты обратили внимание на нравственную порчу в Новгороде и Пскове, вооружились против буйства, сквернословия, разводов, суеверий, клятвопреступлений. Летописец новгородский особенно упрекает своих сограждан за грабежи на пожарах: от лютого пожара, бывшего в 1267 году, многие разбогатели; описывая пожар 1293 года, летописец говорит: «Злые люди пали на грабеж; что было в церквах, все разграбили, у св. Иоанна сторожа убили над именем»; подобное же известие встречаем под 1311 годом, потом под 1340 и 1342. Летописец сильно жалуется также на дурное состояние правосудия в Новгороде под 1446 годом. «В то время, – говорит он, – не было в Новгороде правды и правого суда, встали ябедники, изнарядили четы, обеты и крестные целования на неправды, начали грабить по селам, волостям и по городу, и были мы в поругание соседям нашим, сущим окрест нас; были по волости изъезды великие и боры частые, крик, рыдание, вопль и клятва от всех людей на старейшин наших и на город наш, потому что не было в нас милости и суда правого».

Страсть к вину в сильной степени выказывается в некоторых известиях, как, например, в известии об осаде Москвы Тохтамышем; в описании похода Василия Темного против дяди, Юрия, сказано, что великий князь взял с собою из Москвы купцов и других людей, которые были пьяны и везли с собою мед, чтобы еще пить.

Ссоры, драки, убийства и всякого рода преступления по-прежнему всего чаще происходили на пьяных пирах; в 1453 году великий князь Василий Васильевич писал своим посельским и приказникам: «Говорил мне отец мой Иона митрополит, что ваши люди ездят в митрополичьи села по праздникам, по пирам и по братчинам незваные и на этих пирах происходят душегубства, воровства и других лихих дел много. И я, князь великий, дал митрополиту грамоту, что в его села по праздникам, пирам и братчинам никому незваным не ездить». Чем далее к северо-востоку, тем нравы были грубее: из послания митрополита Ионы к вятскому духовенству узнаем, что в Вятке некоторые брали по пяти, шести, семи и даже по десяти жен, а священники их благословляли и приношения от них принимали в церковь; некоторые жили с женами вовсе без венчания, иные, постригшись в монахи, расстригались и женились.

Мы видели, что митрополит уговаривал новгородцев воздерживаться от суеверий; в 1357 году они утвердились между собою крестным целованием, чтоб играния бесовского не любить и бочек не бить. Но борьбы, кончавшиеся иногда убийством, продолжались повсюду: так, в 1390 году в Коломне на игрушке был убит Осей, сын кормильца, или дядьки, великого князя Василия Дмитриевича.

Невыгодное мнение о безопасности общественной мы получаем из летописных известий об ушкуйничестве; известий о разбоях, производимых не в столь обширных размерах, мы не находим в летописях, но находим в житиях святых. Относительно состояния общества любопытны приведенные нами выше известия – о судьбе митрополичьего десятильника, погибшего в Вышгороде, и о Луке Можайском, который, разбогатев, не сдерживался уже ничем при удовлетворении своих желаний.

Грубость нравов и приведенные причины этой грубости должны были задержать также и литературное развитие. Мы не встречаем нигде известий об образованности князей и вельмож: о Дмитрии Донском прямо говорится, что он не был хорошо изучен книгами; о Василии Темном говорится, что он был ни книжен, ни грамотен, учились по-прежнему у лиц духовного звания; так, в житии св. Ионы новгородского говорится, что он учился у дьякона со множеством других детей. Хотя Исидор и отзывался о русских епископах, что они некнижны, однако мы должны принимать этот отзыв относительно: грамотность сохранялась в сословии духовном; книги не могли утратить своего значения как вместилища религиозных сокровищ; учение книжное не могло не оставаться желанною целью для лучших людей, как сообщавшее им познание вещей божественных, дававшее средства к религиозному совершенствованию. Книга, следовательно, продолжала считаться сокровищем; во время Тохтамышевой осады в Москву со всех сторон снесено было множество книг; книги усердно переписывались иноками, переводились с греческого, составлялись сборники; вместе с книгами духовного содержания переписывались и летописи; не одно врожденное человеку любопытство и уважение к делам предков давали значение летописям; они употреблялись как доказательства в княжеских спорах: мы видели, что князь Юрий Дмитриевич доказывал права свои на старшинство летописями. Обычай записывать современные события также не прекратился; известия о событиях важных, возбуждавших особенное внимание и сочувствие, записывались с разными прибавками молвы стоустой, украшались по мере сил и знаний.

Епископы продолжали говорить поучения народу в церкви: о Кирилле, епископе ростовском, говорится, что народ из окрестных городов стекался слушать его учение от св. книг, и автор этого известия говорит о себе, что он, стоя в церкви в некотором узком и уединенном месте, записывал слова проповедника. О владимирском епископе Серапионе и тверском Симеоне говорится, что они были учительны и сильны в книгах божественного писания. Под 1382 годом летописец говорит о кончине нижегородского инока Павла Высокого, который был очень книжен и большой философ; слово его было солью божественною растворено. До нас дошло несколько слов, или поучений, от описываемого времени. Дошло слово на собор архистратига Михаила, приписываемое митрополиту Кириллу: проповедник говорит о сотворении небесных сил, их занятии, о падении сатаны, о сущности души человеческой, о падении первого человека, излагается кратко история Ветхого и Нового завета, после чего проповедник обращается опять к ангелам, описывает служение ангелов-хранителей, говорит о том, что ожидает душу человека по разлучении с телом, описываются так называемые мытарства, в числе которых помещены срамословие и иные бесстыдные слова, пляски на пирах, свадьбах, вечерях, игрищах, на улицах, басни, всякие позорные игры, плескание ручное, скакание ногами, вера во встречу, чох, полаз и птичий грай, ворожбу. Затем следует наставление духовенству. «Если вы сохраните все эти завещания, – говорит проповедник, – то бога возвеселите, ангелов удивите, молитва ваша услышана будет от бога, земля наша облегчится от иноверного ига бесерменского, милость божия на все страны Русской земли умножится, пагубы и порчи плодам и скотам перестанут, гнев божий утолится, народы всей Русской земли в тишине и безмолвии проживут и милость божию получают в нынешнем веке, особенно же в будущем». В конце поучения замечательны для нас следующие слова: «Уже, видимо, кончина мира приблизилась, и урок житию нашему приспел, и лета сокращаются, сбылось уже все сказанное господом: восстанет бо язык на язык... Говорят, что по прошествии семи тысяч лет пришествие Христово будет».

Современником Кирилла был Серапион, епископ владимирский, отзыв о котором мы привели уже выше. Серапион был поставлен в епископы митрополитом Кириллом из архимандритов киевского Печерского монастыря, следовательно, происходил из Южной Руси. Серапион в своих словах также призывает к покаянию, указывая на страшные бедствия, тяготеющие над Русью и возвещающие последнее время. Особенно замечательно из слов его то, где он вооружается против упомянутой выше привычки приписывать общественные бедствия ведьмам и губить их за это: «Я было короткое время порадовался, дети, видя вашу любовь и послушание к нашей худости; я стал было думать, что вы уже утвердились и с радостию принимаете божественное писание. Но вы все еще держитесь поганского обычая, волхвованию веруете и сожигаете невинных людей. Если кто из вас и сам не бил их, но был в сонме с другими в одной мысли, и тот такой же убийца, ибо если кто мог помочь да не помог, все равно что сам велел убивать. В каких книгах, в каких писаниях вы слышали, что голода бывают на земле от волхвования и, наоборот, волхвованием же хлеб умножается? Если вы этому верите, то зачем же вы сожигаете волхвов?»

Умоляйте, почитайте их, дары им приносите, чтоб устраивали мир, дождь ниспускали, тепло приводили, земле велели быть плодоносною. Теперь вот уже

три года хлеб не родится не только на Руси, но и в латинских землях; что ж? все это волхвы наделали? Чародеи и чародейки действуют силою бесовскою над теми, кто их боится, а кто веру твердую держит к богу, над тем они не имеют власти. Скорблю о вашем безумии; умоляю вас: отступите от дел поганских. Если хотите очистить город от беззаконных людей, то очищайте, как царь Давид очищал Иерусалим: он страхом Божиим судил, духом святым прозревал. А вы как осуждаете на смерть, будучи сами исполнены страстей? – один губит по вражде, другой хочет прибытка, а иному безумному хочется только побить да пограбить, а за что бьет и грабит, того сам не знает. Правила божественные повелевают осуждать человека на смерть по выслушании многих свидетелей; а вы в свидетели поставили воду, говорите: если начнет тонуть – невинна, если же поплывет, то – ведьма. Но разве дьявол, видя ваше маловерие, не может поддержать ее, чтоб не тонула, и тем ввести вас в душегубство? Свидетельство человека отвергаете, а идете к бездушному естеству, к воде, за свидетельством!»

Дошли до нас поучения митрополитов Петра, Алексия, Фотия. Литовско-русский митрополит Григорий Цамблак, изученный, по словам летописей, книжной мудрости, оставил много проповедей. Мы должны обратить внимание на поучение новгородского владыки Симеона псковичам, ибо в нем высказываются отношения новгородских владык к их пастве: «Благородные и христоролюбивые честные мужи псковичи! сами знаете, что кто честь воздает своему святителю, то честь эта самому Христу приходит и воздающий принимает от него мзду сторицею. И вы, дети, честь воздавайте своему святителю и отцам своим духовным со всяким пекорением и любовью, не пытая от них ничего и не говоря вопреки ничего; но смотрите сами на себя, укоряйте и судите сами себя, плачьтесь о грехах своих, не похищайте чужого, не радуйтесь бедам братии своей; не мудрствуйте о себе и не гордитесь, но со смирением повинуйтесь отцам своим духовным. Церковь Божию не обижайте, в дела церковные не вступайтесь, не вступайтесь в земли и воды, в суды и печать и во все пошрины церковные, потому что всякому надобно гнева Божия бояться, милость его призывать, о грехах своих плакаться и чужого не брать». К описываемому времени можно отнести окончательное составление краткого домостроя, который в некоторых сборниках называется «Поучение владыки Матфея сарайского к детям моим». Это сочинение замечательно тем, что в нем три раза преподается наставление хорошо обращаться с прислугою. Сначала говорится: «Не морите их голодом и паче того, ибо это домашние нищие: нищий выпросит себе в другом месте, а прислуга в одни твои руки смотрит». Потом снова наставление: «Челядь свою милуйте и учите, старых на свободу отпускайте, молодых на добро учите». В заключение опять наставление: «Челядь свою кормите. Холопа или рабу твою убьют на воровстве – тебе отвечать за их кровь». Тут же советуется не щадить жезла на непослушных рабов, но не давать, однако, более 30 ран.

От митрополитов Киприана и Фотия дошли до нас прощальные грамоты. За четыре дня до преставления своего митрополит Киприан написал грамоту, по выражению летописца, незнаему и страннoleпну, в которой всех прощал и благословлял и сам требовал от всех прощения и благословения с приказанием прочесть эту грамоту во всеуслышание, когда тело его будут класть во гроб, что и было исполнено. Фотиева грамота подобна Киприановой, только более

распространена в начале, там, где митрополит говорит о своих трудах и печалях, и в конце, где говорится о церковных имуществвах.

Митрополит Киприан написал житие предшественника своего, св. Петра. Вот образец слога Киприанова: «Праведницы вовеки живут, и от господа мзда их, и строение их от вышнего, и праведник аще постигнет скончатися, в покое будет, и похваляему праведнику возвеселятся людие занеже праведным подобает похвала. От сих убо един есть, иже и ныне нами похваляемый священноначальник, и аще убо никто же доволен ныне есть похвалили достойно его по достоинству, но паки неправедно рассудих, таковаго святителя венец не украшен некако оставити, аще и прежде нас бывшии самохотием преминуша, смотрение и се некое божие мню и святаго дарованя, яко да и мы малу мзду приимем, ако же вдовица она, принесшая две медницы, тако и аз убо многими деньми томим и привлachim любовьию ко истинному пастуху, и хотящю ми убо малое некое похваление святителю принести, но свою немощь смотряющю недостижну ко онаго вечествуию и удерживахся, паки же до конца оставити и обленитись тяжчайше вмених». Митрополит Феодосий описал чудо, бывшее у гроба св. Алексия; он начинает свой труд так: «Светло нам днесь позорище и чюдно торжество, и просвещено и собрано, днесь радостен праздник и чудеси исполнен, праздник душевному спасению потреба есть, иже всякаго ума и слова превосходит... Како ли кто может по достоянию доблести твоя похвалити и многа чюдеса, ими же тя бог прославил? слышана же бысть чудес твоих пучина, отовсюду к тебе различных родов человеци верою влекоми течаху, якоже елени на источники водныя во время распаления, насладитися твоих дарований; ты бо душевная и телесная чувства светло просвещаеши, имеют бо в душах своих слово, от сущия к тебе благодати даемое любезно. Аз смиренный, видя таковая, велми удивихся, надеющю же ми ся помощи святаго, и еже ми к нему веры и любви боязни, дерзнух простерти смиренного ми телесе руку и омочих мою трость в светящееся смирение, и дерзнул положити начало, еже написати великое и преславное чудо». Встречается слово похвальное св. верховным апостолам Петру и Павлу – творение Феодосия, архиепископа всея Руси.

Из других писателей житий святых известен троицкий монах Епифаний Премудрый, написавший службу, житие и чудеса св. Сергия и Никона Радонежских, также житие Стефана Пермского. «Был ли Епифаний на Афоне и в других православных центрах просвещения или нет, – но он был хорошо знаком с современной ему русской книжностью и в совершенстве усвоил приемы образцовых произведений церковного витийства на славянском языке, переводных или оригинальных, которые стали размножаться в русской письменности с его времени. По житию Стефана можно составить значительный лексикон тех искусственных, чуждых русскому языку по своему грамматическому образованию слов, которые вносила в книжный язык древней Руси южнославянская письменность. Риторические фигуры и всевозможные амплификации рассеяны в житии с утомительным избытком; автор не любит рассказывать и размышлять просто, но облакает часто одну и ту же мысль в несколько тавтологических оборотов; для характеристики святого он набирает в одном месте 20, в другом 25 эпитетов, и почти все они разные... Вообще Епифаний в своем творении больше проповедник, чем биограф, и в смешении жития с церковным панегириком идет гораздо дальше Киприана. Исторический рассказ о Стефане в потоке авторского

витийства является скудными отрывками». Чтобы объяснить себе такой характер житий, надобно вникнуть в их происхождение, в побуждения, которые заставляли писать их. Религиозное чувство требовало отнестись к святому с молитвою и прославлением, что выражалось в службе святому: из жизни святого выбирались именно такие черты, которые особенно возбуждали умиление, религиозное чувство, служили к прославлению угодника божия. Церковная песнь, канон, похвальное слово – вот первоначальная, естественная и необходимая форма известий о жизни святого, и позднейшие жития должны были слагаться под влиянием этой формы, тем более что и в их составителях действовало то же побуждение, то же желание прославить святого, принести ему «малое некое похваление». Поэтому в житиях святых мы и не можем найти много черт быта и важных теперь для нас указаний исторических. Тем менее можем мы искать этого в сочинениях писателя пришлого, для которого обстановка тогдашней русской жизни была чуждою, в сочинениях знаменитого книжника Пахомия Логофета, родом серба, который, живя то в Троицком монастыре, то в Новгороде, писал жития святых, похвальные слова и каноны по поручению начальства. Искусством в книжном сложении славился также митрополичий дьяк Родион Кожух, из сочинений которого дошли до нас сказание о чуде св. Варлаама и сказание о трусе, бывшем в 1460 году. Вот образец Родионова искусства: «Прежде взыде под небесы туча на облацех и всем зрети, яко обычно, шествоваше воздухе носимо, и тако поиде от юга совокупляся облакы по аэру воздуха парящаго, по пророческому словеси: собирая яко в мех воды морския и полагая в скровищах бездны; и тако поиде к востоку солнечному на облацех, и яко уже совокупи в свое величество, исполнены водоточнаго естества, и так распространися надо многими месты, и бысть видением туча грозна и велика велми».

И в описываемое время сохранился обычай странствовать ко св. местам цареградским, афонским, палестинским. Так, дошло до нас описание Цареграда, сочиненное Стефаном новгородцем в половине XIV века. Вот цель путешествия Стефанова, как он сам определяет ее в начале своего описания: «Аз грешный Стефан из Великаго Новгорода с своими други осмью приидохом и Царьград поклонитися святым местам, и целовати телеса святых, и помиловани быхом от св. Софии премудрости божией». Любопытно видеть, как чудеса искусства и прочность камня поражали русских людей, привыкших к своим бедным и непрочным зданиям: статуя Юстинианова показалаь нашему новгородцу вельми чудна, «аки жив, грозно видети его... Суть же много и иних столпов по граду стоят, от камени мрамора, много же на них писания от верха и до долу, писано рытиєю великою. Много бо есть дивитися и ум сказати не может: како бо толико лет камня того ничто не имет?». Видим, что русские путешественники пользовались в Константинополе особенным вниманием со стороны правительства, гражданского и церковного: так, царев боярин, видя, что новгородцы стиснуты в толпе и не могут пробраться к страстям господним, очистил им дорогу; патриарх, увидевши русских странников, подозвал их к себе, благословил и разговаривал с ними, «понеже бо вельми любит Русь. О великое чудо!

«Колико смирение бысть ему, иже беседова с странники ны грешнии; не наш бо обычай имеет». Описывая монастырь Студийский, Стефан говорит, что из этого монастыря в Русь посылали много книг: уставы, триоди. Обходя другие монастыри, Стефан встретил двоих своих новгородцев, Ивана и Добрилу, которые жили в Константинополе, занимаясь списыванием церковных книг в Студийском монастыре.

Троицкий монах Зосима, странствовавший по святым местам в 1420 году, так говорит о побуждениях, заставивших его описать свое хождение: «Понеже глаголет писание: тайну бо цареву хранити добро есть, а дела божия проповедати преславно есть: да еже бо не хранити царевы тайны неправедно и блазнено есть, а еже бо молчати дела божия, ино беду наносить душе своей. Убо и аз боюся дела божия таити, воспоминаю муку раба онаго, иже приимше талант господень и в земле скрывый... Буди же се написание всем нам причащающимся благословение от бога и святого гроба, и от святых мест сих; мзду бо много равну примут сходящими до св. града Иерусалима и видевшими святыя сии места. Блажени бо видевшие и веровавшие; треблажени бо не видевшие и веровавшие... Но бога ради, братие и отцы и господие мои, сынове Рустии! Не зазрите моему художеству и грубости моей; да не будет ми в похуление написание се. Не меня для, грешнаго человека, но святых для мест прочитайте с любовию и верою, да мзду примете от бога нашего Иисуса Христа».

Стефан новгородец говорит, что войдешь в Царьград, как в дубраву какую, и без доброго провожатого ходить нельзя. Наши странники записывали без разбора все, что им говорили эти провожатые, записывали и о жабе, которая, по улицам ходя, смертью людей пожирала, а метлы сами мели: встанут люди рано – улицы чисты, и многое тому подобное.

Один из спутников митрополита Исидора описывал путешествие во Флоренцию. И здесь любопытны впечатления, произведенные на русского человека западными городами и западною природою: «Город Юрьев (Дерпт) велик, каменный, таких нет у нас; палаты в нем чудные, мы таких не видывали и дивились. Город Любек очень дивен, поля, горы вокруг великие, сады прекрасные, палаты чудные с позолоченными верхами; товара в нем много всякого; воды проведены в него, текут по всем улицам, по трубам, а иные из столпов, студены и сладки». В монастыре Любском путешественники видели мудрость недоуменную и несказанную: как живая стоит Пречистая и Спаса держит на руках; зазвонит колокольчик – слетает ангел сверху и сносит венец, кладет его на Пречистую; потом пойдет звезда как по небу, и, глядя на нее, идут три волхва, перед ними человек с мечом, за ними другой с дарами. В Любеке же наш путешественник видел колесо на реке, воду берет из реки и пускает во все стороны; другое колесо тут же, небольшое, мелет и сукна тклет. В Люнебурге поразил его фонтан: среди города столпы устроены из меди позолоченной чудесные!

У каждого столпа люди приражены тоже медные, текут из них все воды сладкие и холодные – у одного из рта, у другого из уха, а у третьего из глаза, текут быстро, точно из бочек; люди эти пьют водою весь город и скот, проведение вод этих очень хитро, и стекание несказанное. В Брауншвейге удивили его крыши домов: крыты дома досками из камня мудреного, который много лет не рушится. Нюрнберг показался хитрее всех прежде виденных городов: сказать нельзя и недомысленно. Но Флоренция лучше еще Нюрнберга: в ней делают камки и

аксамиты с золотом, сукна скарлатные, товару всякого множество и садов масличных, где делают деревянное масло; о колокольнице флорентийской недоумевают ум. В Венеции по всем улицам воды и ездят в барках; церковь св. Марка каменная, столпы в ней чудные, гречин писал мусиею. О хорватах путешественник заметил, что язык у них с Руси, а вера латинская. Другой спутник Исидора, инок Симеон суздалец, составил описание Флорентийского собора: «Повесть инока Симеона иерея суздальца, како римский папа Евгений составлял осьмый собор с своими единомысленники». Симеон не был доволен поведением Исидора во Флоренции; вот что он говорит о своем сопротивлении митрополиту и гонениях, которые он за то потерпел от последнего: «Исидор митрополит остался в Венеции и пересылался с папою, да ходя по божницам, приклякал (приседал) по-фряжски, и нам приказал то же делать; но я много раз с ним за это спорил, и он меня держал в большой крепости. Тогда я» видя такую неправду и великую ересь, побежал в Новгород, из Новгорода в Смоленск».

Смоленский князь выдал Симеона Исидору, который посадил его в темницу, в железа, и сидел он всю зиму в одной свитке, на босу ногу, потом повезли его из Смоленска в Москву.

Продолжали переводить с греческого: митрополит Киприан перевел «Лествицу» св. Иоанна и толкование на нее; переводили Андрея Критского, Златоуста, преп. Нила, св. Исаака Сирина, преп. Максима. Впрочем, большая часть переводов совершена была не в России, а на Афоне, в русском Пантелеймоновом и сербском Хиландарском монастырях, переводились и сочинения позднейшие, иногда ничтожные по содержанию.

Под 1384 годом читаем в летописи: того же года переведено было слово святого и премудрого Георгия Писиды – Похвала богу о сотворении всякой твари. Это поэма «Миротворение» Георгия Писиды, митрополита никомидийского, писателя VII века; переводчиком был Димитрий Зоограф. От XIV века дошел до нас список Пчелы, сборника или антологии, составленной по известным греческим антологиям Максима Исповедника и Антония Мелиссы (Пчелы); антологии эти обыкновенно начинаются выписками из Евангелия, Апостола, творений св. отцов, и вслед за ними идут выдержки из писателей языческих – Исократы, Демокрита, Аристотеля, Ксенофонта, Платона и др. Из Болгарии и Сербии перешли в Русь и сочинения апокрифические, разного рода повести, особенно привлекательные для людей, стоящих на той степени образования, на какой стояли русские люди в описываемое время. Рассказы новгородских путешественников подали повод и к русскому оригинальному сочинению подобного рода; многие новгородцы рассказывали, что видели на дышащем море червь неусыпающий, слышали скрежет зубный, видели реку молненную Морг, видели, как вода входит в преисподнюю и опять выходит трижды в день. Судно новгородца Моислава прибило бурю к высоким горам, и вот путешественники увидели на горе деисус, написан лазорем чудным, и свет был на том месте самосиянный, такой, что человеку и рассказать нельзя, солнца не видать, а между тем светло, светлее солнца, на горах слышались ликования, веселые голоса; один новгородец взбежал на гору, всплеснул руками, засмеялся и скрылся от товарищей, то же сделал и другой; третьему привязали веревку к ноге, и когда стащили его насильно с горы, то он оказался мертв. Эти рассказы вместе с известиями, почерпнутыми из других, также мутных источников, заставили

новгородского архиепископа Василия писать к тверскому епископу Феодору послание о рае.

Сказания о Китоврасе и т.п. переписывались, а в богослужбных книгах ощущался недостаток; в житии св. Димитрия Прилуцкого говорится, что братия жаловалась ему на недостаток книг; во Пскове не было настоящего церковного правила, митрополит Киприан посылал туда устав службы Златоустого и Василия, чин крещения и венчания; в списки вкрадывались разносности, искажения: тот же митрополит Киприан писал, что в толстых сельских сборниках много ложного, посеянного еретиками на соблазн невеждам, например молитвы о трясавицах.

Что касается литературы светской, то до нас дошли от описываемого времени исторические песни, сказания и летописи. Из первых дошла песня о Щелкане Дудентьевиче, замечательная по взгляду на татар и на поведение ханских баскаков в Руси. Хан Узбек, творящий суд и расправу, изображается так: «Сидит тут Азвяк – суды рассуживает и ряды разряживает, костью размахивает по бритым тем усам, по татарским тем головам». Узбек жалуется своим родственникам русскими городами, не жалуется одного Щелкана, потому что тот находится в отлучении, в земле литовской, где «брал он дани невыходы, царские невыплаты, с князьями брал по сту рублей, с бояр по пятидесяти, с крестьян по пяти рублей, у которого денег нет, у того дитя возьмет, у которого дитя нет, у того жену возьмет, у которого жены-то нет, того самого головой возьмет». Возвратившись в Орду, Щелкан просит Узбека пожаловать его Тверью старою, Тверью богатою; Узбек соглашается, но с условием, чтоб Щелкан прежде заколол любимого своего сына, нацедил чашу горячей крови и выпил бы ее.

Щелкан исполняет условие и приезжает в Тверь судьей: «А немного он судьей сидел: и вдовы-то бесчестити, красны девицы позорити, надо всеми наругаться, над домами насмехаться». Тверичи принесли жалобу своим князьям, которые называются братьями Борисовичами, и потом пошли с поклоном и подарками к Щелкану, тот загордился, повздорил с тверичами, которые и растерзали его.

Содержание украшенных сказаний составляют подвиги самых знаменитых князей, самые важные события в жизни народной, счастливые или бедственные, наконец, события, особенно поразившие воображение современников какими-нибудь чудесными обстоятельствами. Если прежде содержанием исторических песен и слов служили подвиги князей и богатырей против печенегов и половцев, то мы должны ожидать, что в описываемое время это содержание будет заимствовано из борьбы с татарами, сменившими половцев. На западе, для Новгорода и Пскова, шла также опасная борьба со шведами, ливонскими немцами и Литвою; в этой борьбе прославились два князя – Александр новгородский и Довмонт псковский; и вот мы видим, что подвиги их служат предметом особенных украшенных сказаний.

Сочинитель сказания о великом князе Александре был современник и приближенный человек к своему герою: сам Александр рассказывал ему о подробностях Невской битвы. Мы уже воспользовались прежде этими подробностями; теперь же приведем начало сказания в образец слога: «О велице князе нашем Александре Ярославиче, о умном и кротком и смысленом, о храбром, тезоименитом царя Александра Македоньскаго, подобнике царю Алевхысу (Ахиллесу) крепкому и храброму, сице бысть повесть о нем. О господе бозе

нашем, аз худый и грешный и малосмысленный покушаюся написати житие святого и великаго князя Александра Ярославича, внука великаго князя Всеволода. Понеже слышахом от отец своих, и самовидец есмь възраста его, и рад бых исповедал святое и честное житие его славное; но яко же Приточник рече: в злохитру душу не внидет мудрость... Аще груб есмь умом, но молитвою св. богородице и поспешением св. великаго князя Александра начаток положю. Сей же князь великий Александр богом рожен от отца боголюбива и мужелюбца, паче же и кротка, великаго князя Ярослава Всеволодича и от матери святыя великия княгини Феодосии. Яко же рече Исаия пророк: тако глаголетъ господь: князи аз учиняю, священи бо суть, аз вожу я в истину; без божия повеления не бе княжение его. И възраст его паче инех человек, глас его яко труба в народе, лице же его бе яко Иосифа Прекраснаго, сила же его бе вторая часть от сил Самсоня; и дал ему бе бог премудрость Соломоню, храбрость же яко царя римскаго Еуспасьяна». Сказание о благоверном князе Довмонте и о храбрости его отличается большею простотою.

К борьбе Новгорода со шведами относится также любопытный литературный памятник – рукописание Магнуша, короля швейского. Мы видели, что шведский король Магнус Ерихсон предпринимал крестовый поход против Новгорода; поход этот, грозивший сначала большою опасностью новгородцам, не удался; в отечестве Магнуса ждали бедствия: сначала он должен был вести войну с родными сыновьями, потом был свергнут с престола вельможами, которые провозгласили королем племянника его от сестры, Амбрехта Мекленбургскаго; Магнус был взят в плен, освобожден только через пять лет и кончил жизнь в Норвегии в 1374 году. Эти известия о плачевной судьбе короля, который грозил такую опасностью православию, были причиною появления в Новгороде «Магнушева рукописания», которое начинается обычною формою русских завещаний: «Я, Магнус, король шведский, нареченный во св. крещении Григорий, отходя от света сего, пишу рукописанье при своем животе и приказываю своим детям, своей братье и всей земле Шведской: не наступайте на Русь на крестном целовании, потому что нам не удастся». Следует исчисление неудачных шведских походов на Русь, от Биргерова до Магнусова. «После похода моего, – продолжает Магнус, – нашла на нашу землю Шведскую погибель, потоп, мор, голод и междоусобная брань. У меня самого отнял бог ум, и сидел я целый год заделан в палате, прикован на цепи; потом приехал сын мой из Мурманской (Норвежской) земли, вынул меня из палаты и повез в свою землю Мурманскую. Но на дороге опять поднялась буря, потопила корабли и людей моих, самого меня ветер носил три дня и три ночи, наконец принес под монастырь св. Спаса в Полную реку; здесь монахи сняли меня с доски, внесли в монастырь, постригли в чернецы и схиму, после чего живу я три дня и три ночи: а все это меня бог казнил за мое высокоумие, что наступал на Русь вопреки крестному целованию. Теперь приказываю своим детям и братьям: не наступайте на Русь на крестном целовании; а кто наступит, на того бог, и огонь, и вода, которыми я был казнен; а все это сотворил мне бог к моему спасению».

Сказания, относящиеся к борьбе с татарами, начинаются рязанским сказанием о Батыеве нашествии. Заслышав приход безбожнаго царя Батя, великий князь рязанский Юрий Игоревич послал за своими родственниками: за князем Олегом Игоревичем Красным, Давыдом Игоревичем муромским, за сыном

своим, князем Федором Юрьевичем, за пронским князем Всеволодом и за прочими князьями местными, боярами и воеводами. Князья решили на совете послать князя Федора Юрьевича с дарами к Батыю, чтоб не воевал Рязанской земли. Князь Федор отправился и был принят ласково Батыем; но тут один вельможа рязанский шепнул хану, что у Федора жена красавица; татарин стал добиваться, чтоб Федор показал ему жену свою; но тот отвечал: «Когда нас одолеешь, то и женами нашими владеть будешь». Батый велел убить Федора; жена его Евпраксия стояла вместе с сыном Иваном на превысоких хоромах, когда один из дядек Федоровых явился к ней с вестию о гибели мужа; услышав эту весть, княгиня вместе с сыном бросились с хором на землю и убились до смерти. Тогда князь Юрий выступил с братьею против татар, и произошла сеча злая и ужасная: один бился с тысячами, двое – со тьмами. Первый пал князь Давыд Игоревич; тогда князь Юрий вскричал в горести души своей: «Братия моя милая, дружина ласковая, узорочье и воспитание рязанское! мужайтесь и крепитесь!»

Удальцы и резвцы рязанские бились крепко и нещадно, так что земля стонала; наконец сильные полки татарские одолели, князья были все перебиты, кроме одного Олега Игоревича, который попался в плен, бранью отвечал на убеждения Батыя отатариться и был рассечен на части; Рязань взята, вся земля Рязанская опустошена. Тогда является вельможа рязанский Ипатий Коловрат, бывший все это время в Чернигове, где брал дань на великого князя рязанского (?). Ипатий собрал 1700 человек дружины и нечаянно ударил на татар, которых начал сечь без милости.

Батый испугался; когда привели к нему пятерых пленных, то он спросил их: «Какой вы веры, из какой земли? зачем мне так много зла наделали?» Пленники отвечали: «Мы веры христианской, рабы великого князя Георгия Игоревича, из полку Ипатия Коловрата, посланы от князя Игоря Игоревича рязанского тебя, сильного царя, почтить и честно проводить; не сердись, государь, что не успеваем чаш наливать на великую силу татарскую». Батый подивился ответу их мудрому и послал шурина своего Таврула на Ипатия с полками сильными. Таврул похвалился, что приведет Ипатия живого, но вместо того сам был рассечен пополам Ипатием. Тогда татары навели на этого крепкого исполина множество саней с нарядом (?) и тут едва одолели. Когда труп Ипатия принесли к Батыю, то хан сказал: «Ну, брат Ипатий! Гораздо ты меня потчевал, с малой дружиною многих богатырей побил; если бы ты у меня такую службу служил, то держал бы я тебя против своего сердца». Князь Игорь Игоревич был в это время в Чернигове, у тамошнего князя Михаила Всеволодовича.

Возвратясь в родную землю, он начал хоронить трупы и так плакал над побитою братьею: «Возопи горьким гласом, вельми ревыи, слезы от очию испущающи яко струю силну, утробою располающи, в перси руками бьющи и гласом же яко труба рати поведающим, яко органь сладко вещающе. И рече сице: почто не промолвите ко мне цвете мои, и прекраснии виногради мои многоплоднии уже не подасте сладость души моя; кому приказываете мя, солнце мое драгое рано заходящия, месяц мои красной скоропогибшии, звезды восточны, почто рано зашли есте» и проч.

Составилось сказание и о смерти Батыя. Батый вошел в Венгрию и осадил город Варадин, стоящий среди земли Венгерской; около этого города мало простых деревьев, но все деревья виноградные. Среди города стоял столп высокий

каменный, на столпе укрывался король Власлав, или Владислав, король венграм, чехам, и немцам, и всему Поморью. Были венгры прежде в православии, потому что приняли крещение от греков; но не успели на своем языке грамоты сложить, и соседние римляне присоединили их к своей ереси. И король Владислав повиновался римской церкви до тех пор, пока не пришел к нему св. Савва, архиепископ сербский, который обратил его к греческому закону; но Владислав исповедовал этот закон тайно, боясь восстания от венгров. И вот, когда Батый осадил Варадин, Владислав не пил, не ел, все молил Христа бога, да преложит гнев на милость. Однажды он увидел со столпа, что сестра его бежала к нему в город, но была перехвачена татарами и отведена к Батыю. С тех пор Владислав начал еще усерднее молиться: слезы текли из глаз его, как быстрины речные, и где падали на мрамор, проходили насквозь, так что и теперь видны скважины на мраморах. И вот является к нему какой-то человек, светлый и страшный, и говорит ему: «Ради слез твоих дает тебе бог победу над Батыем; ступай сейчас же на него». Вестник исчез; но у башни стоял конь оседланный, никем не держимый, и на коне секира. Владислав немедленно сел на коня, взял секиру в руки и повел дружину свою на стан Батыев, а у Батыя тогда было мало войска, потому что все татары его разошлись в загоны.

Находившиеся в стане татары побежали пред Владиславом; побежал и сам Батый с сестрою королевскою, но был настигнут Владиславом, который сам сразился с ним.

Королевна стала помогать Батыю; тогда Владислав возопил к богу о помощи, одолел Батыя и убил его вместе с сестрою своею. Венгры расположились в стане Батыевом и хватали татар, возвращавшихся из загонов: добычу отнимали, самих предавали смерти, но кто хотел креститься, тех оставляли в живых. И на память последнему роду воздвигнуто было на городском столпе изваяние: сидит король Владислав на коне, в руке держит секиру, которою убил Батыя и сестру свою. В основе сказания лежит истинное происшествие – поражение татар при осаде Ольмюца чешским воеводою, Ярославом Штернбергским; и по чешскому поэтическому преданию, от руки Ярослава погиб в битве сын хана Кублая. Нет сомнения, что сказание это составилось на юге и принесено к нам на север известным сербом, Пахомием Логофетом.

Великое событие, которым началось освобождение Северо-Восточной Руси от татар, – Куликовская битва не могла остаться без особенного описания. И действительно, составилось первоначальное сказание, вполне сходное по характеру своему со сказанием об Александре Невском, проникнутое религиозным чувством, вследствие чего приводятся в полноте молитвы, которые произносит главное действующее лицо, помещены благочестивые рассуждения и восклицания самого писателя; при описании самого дела нет подозрительных подробностей. В таком виде первоначальное сказание внесено в некоторые летописи; оно начинается так: «Прииде ордынский князь Мамай с единомышленники своими, и с всеми прочими князьями ордынскими, и с всею силою татарскою и половецкою, и еще к тому рати понаимовав, бесермены, и армены, и фрязи, черкасы, и ясы, и буртасы; также с Мамаем вкупе в единомыслии в единой думе и литовский Ягайло со всею силою литовскою и лятскою, с ним же в одиначестве Олег Иванович, князь рязанский, с всеми сими съветники поиде на великаго князя Дмитрея Ивановича и на брата его Володимера

Андреевича. Но хотя человеколюбивый бог спасти и свободити род крестьянский, молитвами пречистыя его матере, от работы измаилтеския, от поганого Мамаю, и от сонма печестиваго Ягайла, и от велеречиваго и худаго Олга рязаньскаго, не снабдевшаго своего крестьянства; и приидет ему день великий господень в суд аду. Окаянный же Мамай разгордевся, мнев себе аки царя, начат злый съвет творити, темныя своя князи поганыя звати; и рече им: пойдём на русскаго князя и на всю силу русскую, яко же при Батыи было, крестьянство потеряем, и церкви божию попалим, и кровь их прольем, и законы их погубим, сего ради нечестивый люте гневашеся о своих друзех и любовницах о князех избьеных на реце на Воже». Вот описание самой битвы:

«Съступишася обои силы великия на долг час вместе, и покрыша поле полкы, яко на десяти верст от множества вой: и бысть сеча велика и брань крепка, и трус велик зело, яко от начала миру не бывала сеча такова великим князем русьским. Биющим же ся им от шестаго часа до девятого, и пролияся кровь акы дождевая туча обоих, и крестьян и татар, и множество много безчислено падоша трупия мертвых обоих...

И рече к себе Мамай: власи наши растерзаются, очи наши не могут огненных слез испущати, языци наши связуются, гортани пересыхают, сердце раставает, и чресла ми протерзаются» и проч.

Но событие было так велико, так сильно всех занимало, что одним сказанием не могли ограничиться. О подобных событиях обыкновенно обращается в народе много разных подробностей, верных и неверных; подробности верные с течением времени, переходя из уст в уста, искажаются, перемешиваются имена лиц, порядок событий; но так как важность события не уменьшается, то является потребность собрать все эти подробности и составить из них новое украшенное сказание; при переписывании его вносятся новые подробности. Это второго рода сказание отличается от первого преимущественно большими подробностями, вероятными, подозрительными, явно неверными. Но до нас дошел еще третий род сказания о Куликовской битве, Слово о великом князе Дмитрее Ивановиче и о брате его князе Владимире Андреевиче, яко победили супостата своего царя Мамаю, написанное явно по подражанию древнему южнорусскому произведению, Слову о полку Игореве. Автор этого «Слова о Димитрии» говорит, что он написал жалость и похвалу великому князю Димитрию Иоанновичу и брату его, чем выражает взгляд современников на Куликовскую битву, представлявшуюся им, с одной стороны, событием славным, с другой – бедственным вследствие страшного урона убитыми с русской стороны. В кратком сказании вовсе не говорится о поражении русских полков вначале; по его словам, битва происходила с одинаким успехом для той и другой стороны: «Много руси биено от татар, и от руси татар, и паде труп на трупе, а инде видети русин за татаринном гонится, а татарин русина състигаше. Мнози же небывальцы москвичи устрашишася и живота отчаяшися, а иные сыны агарины на побег возвратишася от клича великаго и зря злаго убийства». После этого автор извещает о поражении татар, не приводя никакой земной причины, склонившей победу на сторону русских, указывая только на одну небесную помощь: «По сих же в 9 час дни, призре господь милостивыма очима на великаго князя Димитрия Ивановича и на все князи русьскыя, и на крепкия воеводы и на вся христьяны, и не устрашишася христьяне, дерзнуща яко велиции ратници. Видеша вернии, яко в 9 час биющеся, ангели помогающе

христианом, и св. мученик полкы, и воина великого Христова Георгия, и славного Димитрия, и великих князей тезоименитых Бориса и Глеба, в них же бе воевода свершенного полка небесных сил великий архистратиг Михаил: видеша погани полци двои воеводы, тресолнечныя полкы и пламенные их стрелы, яже идут на них; безбожнии же татарове от страха божия и от оружия христианского падаху. Взнесе бог десницею великаго князя Димитрия Ивановича на победу иноплеменник. Безбожний же Мамай со страхом встрепетав» и проч. В пространном сказании говорится, что татары везде одолели; но что тут внезапный удар из засады свежих сил под начальством князя Владимира Андреевича и воеводы Волынского решил дело в пользу русских. Наконец, в третьем, по преимуществу поэтическом слове говорится также о поражении русских вначале, почему и первая часть сочинения является как жалость: «На том поле сильнии тучи ступишася, а из них часто сияли молыньи и загремели громы велицьи; то ти ступишася русские удалцы с погаными татарами за свою великую обиду, а в них сияли сильные доспехи злаченые, а гремели князи русские мечьми булатными о шеломы хиновские. А билися из утра до полудни в субботу на Рожество св. богородицы. Не тури возгремели у Дунаю великаго на поле Куликове, и не тури побеждении у Дунаю великаго; но посечени князи руские и бояры и воеводы великаго князя Димитрея Ивановича, побеждены князи белозерстии от поганых татар, Феодор Семенович, да Семен Михайлович, да Тимофей Валуевич, да Андрей Серкиаович, да и Михайло Иванович и иная многая дружина Пересвета чернца, брянскаго боярина, на суженое место привели. Восплакашася все княгини и боярыни и вси воеводские жены о избиенных...» После этого плача жен автор переходит к похвале, к победе, и здесь, полусогласно с пространным сказанием, выставляет князя Владимира Андреевича, который увещевает брата, великого князя, наступить на татар, тот двигается – и победа одержана: «Того же дни в субботу на Рожество св. богородицы иссекша христиана поганые полки на поле Куликове, на реке Напряде; и нюкнув князь великий Владимир Андреевич гораздо, и скакаше в полцех поганых в татарских, а злаченным тым шеломом посвечивает, а скакаше со всем своим войским, и загремели мечьми булатными о шеломы хиновские. И восхвалит брата своего великаго князя Димитрея Ивановича: свои полки понужай... уже бо поганые татары поля поступают, а храбрую дружину у нас потеряли, а в трупи чловечьи борзи кони не могут скочити, а в крови по колена бродят, а уже бо, брате, жалостно видети кровь крестьянская. И кн. вел. Димитрей Иванович рече своим боярам: братия бояра и воеводы и дети боярские! то ти ваши московские сладкие меды и великие места, туто добудете себе места и своим женам, туто, брате, стару помолодеть, а молодому чести добыть. И рече кн. вел. Димитрей Иванович: Господи боже мой! на тя уповах да не постыжуся в век, ни да посмиютмися враги моя; и помолися богу и пречистой его матери и всем святым его, и прослезися горько, и утер слезы. И тогда аки соколы борзо полетели. И поскакивает князь вел. Димитрей Иванович» и проч.

Таковы источники, которыми должен пользоваться историк при описании Куликовской битвы. В какое время составились эти сказания, мы не знаем; на одном списке пространного сказания означено, что оно составлено рязанцем, иереем Софронием: в одной летописи он назван Софонием рязанцем, брянским

боярином; автор поэтического слова поминает рязанца Софония как своего предшественника в сочинении похвал великого князя Дмитрия.

Нашествие Тохтамыша на Москву послужило также предметом особого сказания: «О Московском взятии от царя Тактамыша и о пленении земля Руськыя». Это сказание носит такой же характер, как и краткое сказание о Куликовской битве, но отличается от него большею простотою и обстоятельностью рассказа. Известия о Тамерлановом нашествии вошли в «Повесть преславнаго чудеси от иконы пречистыя богородицы, еже нарицается владимирская». Здесь говорится о Тамерлане, что он родился между заяицкими татарами, в Самаркандской стране, был простой, бедный человек, ремеслом кузнец, нравом хищник, ябедник и вор. В молодости украл он овцу, хозяин которой переломил ему за это ногу и бедро; но Тамерлан оковал себе ногу железом, отчего и был прозван Железным Хромцом, Темир-Аксаком. К выходу из русских владений побудил его сон, в котором явилась ему на воздухе жена в багряных ризах, воспрещавшая ему идти далее на Русскую землю. Особое сказание о битве русских под Рязанью с татарами внесено в летопись под заглавием Повести о Мустафе царевиче. Битва на Ворскле послужила предметом также особого сказания.

Если столкновения с татарами вообще и битва Куликовская в особенности возбуждали сильное внимание народа, вследствие чего являлись разного рода сказания об них, то неудивительно, что жизнь того князя, который впервые вывел русские полки против татар и победил, стала предметом украшенного сказания. В этом сказании О житии и преставлении великаго князя Дмитрия Ивановича, царя русьскаго мы не должны искать подробных известий о подвигах Донского; сказание это есть не иное что, как похвальное слово, касающееся почти исключительно нравственной стороны.

Автор начинает с происхождения своего героя, потом говорит о его душевных качествах, которыми он отличался в молодости, когда принял правление: «Еще же млад сый возрастом, и о духовных прилежа делесех, и пустотных бесед не творяше, и срамных грагол не любляше, злонравных человек отвращашеся, а с благыми всегда беседоваше, божественных писаний всегда со умилением послушаше, о церквах божиих велми печашеся, а стражбу земли Руськыя мужеством своим держаше, злобою отроча обреташеся, а умом свершен всегда бываше, ратным же всегда в бранех страшен бываше, и многы врагы, встающая на ны, победы, и славный град свой Москву стенами чюдными огради, и во всем мире славен бысть, яко кедр в Ливане умножися и яко финик в древесех процвете». Далее говорится о женитьбе Дмитрия, после чего следуют известия о двух победах над татарами, при Воже и на Куликове поле.

Поход Мамай автор приписывает зависти людей, окрест живущих, к Дмитрию; говорит, что лукавые советники, которые христианскую веру держат, а поганские дела творят, начали внушать Мамаю: «Великий князь Дмитрий московский называет себя царем Русской земли, он честнее тебя славою и противится твоему царству».

Мамай объявил своим вельможам, что идет на Русь, с тем чтоб ввести туда магометанскую веру вместо христианской. Куликовская битва описывается кратко, в общих выражениях. Упомянувши о победах Вожской и Куликовской, автор обращается опять к нравственным достоинствам Дмитрия, которые выставляет с

той целию, чтоб цари и князья научились подражать ему. Описавши целомудрие, воздержание, благочестие Димитрия, автор переходит к описанию его кончины, говорит об увещаниях его сыновьям, боярам, о распределении волостей между сыновьями.

Описывается плач великой княгини Евдокии, которая так причитала: «Почто не промолвиши ко мне, цвете мой прекрасный? что рано увядаеши? винограде многоплодный, уже не подаси плода сердцу моему и сладости души моей; солнце мое, рано заходиши; месяц мой прекрасный, рано погыбаеши; звездо восточная, почто к западу грядеши?» и проч. Описавши погребение великого князя, автор продолжает: «О страшно чудо, братие, и дива исполнено; о трепетное видение и ужас обдержаше! Слыши небо и внуши земле! Как вьспишу или како възглаголю о преставлении сего великаго князя? от горести души язык связается, уста загражаются, гортань премолкает, смысл изменяется, зрак опусневает; крепость изнемогает; аще ли премолчю нудить мя язык яснее реши». Слово оканчивается обычным прославлением героя в виде уподобления его другим знаменитым лицам священной и гражданской истории; это прославление оканчивается также известным образом: «Похваляет бо царя Коньстантина Гречьская земля, Володимера Киевская со окрестными грады; тебе же, великий князь Димитрей Иванович, вся Руськая земля». Надобно заметить, что это похвальное слово есть самое блестящее литературное произведение из дошедших до нас от описываемого времени.

По образцу похвального слова Димитрию Донскому составлена повесть о житии соперника его, Михаила Александровича тверского, только написана эта повесть гораздо проще. В одной летописи сказано, что она составлена по приказанию князя Бориса тверского.

Уже выше было сказано о характере летописи северной, и собственно северо-восточной, о различии ее от летописи южной. Тяжек становится для историка его труд в XIII и XIV веках, когда он остается с одною северною летописью; появление грамот, число которых все более и более увеличивается, дает ему новый, богатый материал, но все не восполняет того, о чем молчат летописи, а летописи молчат о самом главном, о причинах событий, не дают видеть связи явлений. Нет более живой, драматической формы рассказа, к какой историк привык в южной летописи; в северной летописи действующие лица действуют молча; воюют, мирятся: по ни сами не скажут, ни летописец от себя не прибавит, за что они воюют, вследствие чего мирятся; в городе, на дворе княжеском ничего не слышно, все тихо; все сидят запершись и думают думу про себя; отворяются двери, выходят люди на сцену, делают что-нибудь, но делают молча. Конечно, здесь выражается характер эпохи, характер целого народонаселения, которого действующие лица являются представителями: летописец не мог выдумывать речей, которых он не слышал; но, с другой стороны, нельзя не заметить, что сам летописец неразговорчив, ибо в его характере отражается также характер эпохи, характер целого народонаселения; как современник, он знал подробности любопытного явления и, однако, записал только, что «много нечто нестроение бысть».

До сих пор, называя северную летопись общим именем Суздальской, мы рассматривали ее в противоположности с южною летописью вообще. Но, рассматривая южную летопись, мы заметили, что в позднейших сборниках она

слагается из разных местных летописей – Киевской, Волынской, Черниговской или Северской. Теперь, приступая к подробнейшему рассмотрению северной летописи, мы должны решить вопрос: не повторяется ли и здесь то же самое явление? Взглянем на известия о северных событиях по Лаврентьевскому списку летописи. Мы уже видели, что в рассказе о убиении Андрея Боголюбского находится ясное свидетельство, что рассказ этот написан при Всеволоде III и в его владениях; в рассказе о событиях по смерти Боголюбского в словах: «не хотящих нам добра, завистью граду сему» – обозначается летописец именно владимирский; под 1180 и 1185 годами находим те же признаки. Потом мы замечаем особенную привязанность летописца к старшему сыну Всеволода III, Константину; эта особенная привязанность видна из рассказа о том, как этот князь отправлялся в Новгород, о том, как он возвратился из Новгорода, о встрече его с отцом в Москве; видна из умолчания о поведении Константина перед смертью отцовскою. В дальнейшем рассказе изумляет сперва умолчание о подробностях вражды между Всеволодовичами, о Липецкой битве; но если предположить, что летопись составлена приверженцем Константина, но после его смерти, когда вследствие новых отношений, в интересах самих детей Константиновых не нужно было напоминать дяде их Юрию о Липецкой битве, то мы поймем смысл этого краткого известия о вражде Всеволодовичей, этого старания указать преимущественно на великую любовь, которая после того начала господствовать между братьями. Подробности о предсмертных распоряжениях Константина, пространная похвала ему, упоминание, что в 1221 году погорел город Ярославль, но двор княжий остался цел молитвою доброго Константина, утверждают нас именно в том предположении, что летопись продолжала писаться и по смерти Константина его приверженцем, который поселился теперь в Ростове у старшего сына Константинова; самое выражение под 1227 годом в рассказе о посвящении епископа владимирского Митрофана: «Приключися мне грешному ту быти» – это выражение, указывающее на случайное в то время пребывание летописца во Владимире, заставляет нас также думать, что постоянно он жил в Ростове. Описание посвящения ростовского епископа Кирилла, встреча ему в Ростове, похвала ему, наконец, свидетельство, что автор рассказа сам записывал проповеди Кирилловы, убеждают нас окончательно в том, что мы имеем дело с ростовским летописцем, т.е. живущим в Ростове. В известии о нашествии Батыя ростовского же летописца обличают подробности о кончине ростовского князя Василька Константиновича похвала этому князю, особенно же слова, что бояре, служившие доброму Васильку, не могли уже после служить никакому другому князю: так он был добр до своих слуг! Признак ростовского летописца можно видеть и под 1260 годом в известии о приезде Александра Невского в Ростов; также под 1261 годом в известии об епископе Кирилле и об архимандрите Игнатии. Как известия этого летописца относятся к указанным прежде известиям владимирского летописца, определить с точностью нельзя; очень быть может, что один и тот же летописец, который жил сперва во Владимире при Всеволоде III, был в числе приближенных людей к старшему сыну его Константину и переселился вместе с ним в Ростов.

Но в то же самое время, как мы замечаем следы этого ростовского, или владимирско-ростовского, летописца, приверженца Константинова, в летописном сборнике, носящем название Лаврентьевской летописи, в другом сборнике при

описании тех же самых событий замечаем явственные следы переяславского летописца. В сказании о смерти Андрея Боголюбского, там, где упомянутый выше летописец просит Андрея, чтобы тот молился за брата своего Всеволода, летописец переяславский говорит: «Молися помиловати князя нашего и господина Ярослава, своего же приснаго и благороднаго сыновца и дай же ему на противныя (победу), и многа лета с княгинею, и прижитие детей благородных». Последние слова о детях повели к правильному заключению, что они написаны в то время, когда Ярослав Всеволодович был еще молод и княжил в Переяславле. Потом, при описании событий, последовавших на севере за смертью Андрея, везде, там, где владимирский летописец говорит об одних владимирцах, переяславский прибавляет переяславцев.

Важное значение получают для нас известия переяславского летописца с 1213 года, когда он начинает излагать подробности борьбы между Константином ростовским и его младшими братьями, подробности, намеренно умолчанные летописцем владимирско-ростовским. К сожалению, мы не долго пользуемся этими подробными известиями, ибо они прекращаются на 1214 году. Таким образом, мы лишены описания Липецкой битвы, которое было бы составлено приверженцем Ярослава Всеволодовича и, следовательно, союзника его Юрия; мы видели, что приверженец Константина намеренно смолчал о ней; то же описание Липецкой битвы, которое находим в известных летописях, отзывается новгородским составлением.

Мы видели важнейшие прибавки, которые находятся у переяславского летописца против владимирско-ростовского, в Лаврентьевском сборнике. Большая часть известий буквально сходны; но есть разности и даже противоречия. Резкое противоречие находится в рассказе о борьбе Всеволода III с Рязанью под 1208 годом: в Лаврентьевском и других списках говорится, что Всеволод, взявши Пронск, посадил здесь князем Олега Владимировича, одного из рязанских князей; а у переяславского летописца говорится, что Всеволод посадил в Пронске Давида, муромского князя, и что в следующем году Олег, Глеб, Изяслав Владимировичи и князь Михаил Всеволодович рязанские приходили к Пронску на Давида, говоря: «Разве ему отчина Пронск, а не нам?» Давид послал им сказать: «Братья! я бы сам не набился на Пронск, посадил меня в нем Всеволод, а теперь город ваш, я иду в свою волость». В Пронске сел кир Михаил, Олег же Владимирович умер в Белгороде в том же году. Из двух противоречивых известий в нашем рассказе помещено то, которое находится в большем числе списков; но не знаем, едва ли не справедливее будет предпочесть известие переяславского летописца, ибо трудно предположить, чтоб известие о приходе рязанских князей к Пронску на Давида было выдуманно. Под тем же 1208 годом у переяславского летописца находится новое любопытное известие, что Всеволод III посылал воеводу своего Степана Здилевича к Серенску, и город был пожжен. Посылка эта очень вероятна как месть Всеволода черниговским князьям за изгнание сына его Ярослава из Переяславля Южного.

Мы сказали, что в большей части известий летописцы владимирско-ростовский и переяславский буквально сходны. Но трудно предположить, чтоб они не были современниками, чтоб не составляли своих летописей одновременно, и потому трудно предположить, чтоб один списывал у другого, прибавляя кой-что свое. Гораздо легче предположить, что так называемая

Переяславская летопись по самому составу своему есть позднейший сборник, составитель которого, относительно событий конца XII и начала XIII века, пользовался обеими летописями, и Переяславскою и Владимирско-Ростовскою, написанными первоначально безо всякого отношения друг к другу. Можно даже найти след, как позднейший составитель, черпая известия из двух различных летописей, сбивался иногда их показаниями: так, после описания торжества князя Михаила Юрьевича и владимирцев над Ростиславичами и ростовцами летописец владимирский говорит: «И бысть радость велика в Володимере граде, видяще у себе великаго князя всея Ростовския земли». В летописи Переяславской, без сомнения, в том же самом месте говорилось о посажении Михаила брата Всеволода в Переяславле и о радости переяславцев по этому случаю, и вот позднейший составитель, смешавшись в этих двух известиях, захотел к известию владимирского летописца прибавить собственное имя князя, находившееся в Переяславской летописи, и написал: «Бысть радость велика в граде Володимири, видяще у себе великаго Всеволода всея Ростовския земля». Итак, мы думаем, что в «Летописце русских царей», который в печати назван «Летописцем Переяславля Суздальского», находятся известия, взятые из Переяславской летописи XIII века; но отсюда еще никак не следует, чтоб весь этот сборник в том виде, в каком дошел до нас, был составлен переяславским летописцем жившим в XIII веке.

С 1285 года по Лаврентьевскому списку нельзя не заметить следов тверского летописца: тверские события на первом плане, о тверском князе Михаиле рассказывается в подробности. 1305 годом оканчивается Лаврентьевский список, так важный для нас по своей относительной древности; любопытен он и по точному указанию, когда, кем и для кого он написан. Указания эти находятся в следующей приписи: «Радуется купец прикуп створив, и кормчий в отишье пристав, и странник в отечество свое пришед; тако же радуется и книжный писатель, дошед конца книгам, тако же и аз худый, недостойный и многогрешный раб божий Лаврентей мних.

Начал есм писати книги сия, глаголемый летописец, месяца генваря в 14, на память святых отец наших аввад, в Синаи и в Раифе избьеных, князю великому Димитрию Константиновичю, а по благословенью священнаго епископа Дионисья, и кончал семь месяца марта в 20, на память святых отец наших, иже в монастыри святого Савы избьеных от Срацин, в лето 6885 (1377), при благовернем и христоролюбивем князе великом Димитрии Константиновичи, и при епископе нашем христоролюбивом священном Дионисье суждальском и новгородском и городском. И ныне, господа отци и братья, оже ся где буду описал, или переписал, или не дописал, чтите исправливая бога деля, а не клените, занеже книги ветшаны, а ум молод не дошел; слышите Павла апостола глаголюща: не клените, но благословите. А со всеми нами хрестьяны Христос бог наш, сын бога живаго, ему же слава и держава и честь и поклонянье со отцем и с пресвятым духом, и ныня и присно в веки, аминь». Таким образом, Лаврентий, составляя летопись свою в 1377 году, должен был окончить ее 1305 годом: значит, при всех средствах своих, пища для князя, не нашел описания любопытных событий от начала борьбы между Москвою и Тверью.

В Никоновском сборнике и во второй половине XIII века видны следы ростовского летописца, который подробнее всего рассказывает о князьях ростовских, их поездках в Орду, женитьбах, характерах, усобицах. С девяностых

годов XIII века заметны и здесь следы тверского летописца. В известиях о первой борьбе между Москвою и Тверью трудно распознать, какому местному летописцу принадлежат они; но с 1345 года подле московского летописца мы видим опять явственные следы тверского в подробностях усабиц между потомками Михаила Ярославича, и эти подробности продолжаются до двадцатых годов XV века. Но когда подробные известия о тверских событиях прекращаются в Никоновском сборнике, любопытные известия об отношениях тверских князей к московским в княжение Ивана Михайловича находим в так называемой Тверской летописи, еще не изданной и хранящейся теперь в императорской Публичной библиотеке. Этот чрезвычайно любопытный летописный сборник, составленный каким-то ростовцем во второй четверти XVI века, конечно, не может быть назван Тверскою летописью только потому, что его составитель для некоторого времени пользовался Тверскою летописью. Относительно тверских событий сборник этот важен для нас не только по известиям позднейшим, начиная с княжения Ивана Михайловича, но особенно по известию о восстании на Шевкала в Твери. Давно уже мы выразили сильное сомнение относительно справедливости известия, будто бы Шевкал хотел обращать русских в магометанскую веру, и вот в упомянутом сборнике Шевкалово дело рассказано подробнее, естественнее, чем в других летописях, и без упоминания о намерении Шевкала относительно веры. Шевкал, по обычаю всех послов татарских, сильно притеснял тверичей, согнал князя Александра со двора и сам стал жить на нем; тверичи просили князя Александра об обороне; но князь приказывал им терпеть. Несмотря на то, ожесточение тверичей дошло до такой степени, что они ждали только первого случая восстать против притеснителей; этот случай представился 15 августа; дьякон Дюдко повел кобылу молодую и тучную на пойло; татары стали ее у него отнимать, дьякон начал вопить о помощи, и сбжавшиеся тверичи напали на татар.

Что существовало несколько летописей, в которых описывались события конца первой половины XV века, видно ясно из Никоновского сборника под 1445 годом: приведши краткое известие о приходе литовцев на Калугу, составитель вслед за этим помещает два других пространнейших известия о том же самом событии, прямо говоря: «От инаго летописца о том же». Что касается до современных понятий, религиозных, нравственных, политических и научных, высказываемых в летописи, то в описываемое время в северо-восточной летописи голос летописца слышится гораздо реже, чем прежде. Описавши мученическую кончину князя Романа рязанского в Орде, летописец обращается к князьям с таким наставлением: «Возлюбленные князья русские! не прельщайтесь суетною и маловременною прелестною славою света сего, которая хуже паутины, как тень проходит, как дым исчезает; не принесли вы на этот свет с собою ничего, ничего и не отнесете; не обижайте друг друга, не лукавьте между собою, не похищайте чужого, не обижайте меньших родственников своих». Тверской летописец, сказавши о примирении своих князей, прибавляет: «И радовахусь бояре их, и вси вельможи их, тако же гости и купцы и вси работники, людие роды и племена Адамова; вси бо сии един род и племя Адамово, и цари, и князи, и бояре, и вельможи, и гости, и купцы, и ремесвенницы, и работнии людие, един род и племя Адамово; и забывшеся друг на друга враждуют и ненавидят, и грызут, и кусают, отстоящи от заповедей божиих, еже любити искренняго своего яко сам

себе». Особенно сильно раздается голос московского летописца при описании Едигеева нашествия, бедствие которого он приписывает неблагоприятной политике молодых бояр. «Подобает нам разуметь, – говорит он, – вследствие чего агаряне так восстали на нас; не явно ли, что за наши грехи наводит их господь бог, да обратимся и покаемся?.. Быть может, некоторым покажется неприятно написанное нами, быть может, найдут неприличным, что мы рассказали события, не очень для нас лестные; но все сказанное нами клонится к тому, чтоб удержаться от зла, направить к добру. Мы написали это не в досаду, не в поношение чье-либо, не из зависти к чести честных; мы пишем по примеру начального летословца Киевского, который все события земские не обинуясь показывает; да и первые наши властодержцы без гнева повелевали описывать все, что ни случится доброго или недоброго в земле; хочешь, прочти прилежно того великого Сильвестра Выдубицкого, без украшений писавшего при Владимире Мономахе. Блага временные и вечные приобретаются не гневом и гордостью, но простотою, умилением и смирением. Отцы наши безгневием, простотою и смирением обрели блага настоящего и будущего века и нам предали; мы же, поучаясь их примером, не преминули описать все приключившееся во дни наши, да властодержцы наши прилежно внимают, избирая лучшее; юноши да почитают старцев, и сами одни без опытейших старцев да не самочинствуют в земском правлении». Северный, теперь, как видно, московский, летописец продолжает неприязненно смотреть на Новгород и его быт, очень неблагоприятно отзываясь о новгородцах, называя их людьми суровыми, непокорными, упрямыми и вместе непостоянными, вечниками, крамольниками. Из научных понятий летописца можем привести только следующее объяснение случаев, когда молния убивает и когда нет: «Если молния происходит только от столкновения облаков, то не вредит, проходит мимо и угасает, если же при столкновении облаков к ним сойдет небесный свет огненный, пламевидный, и соединится с молниею, то последняя спускается вниз, к земле, и сожигает все, к чему приразится».

Новгородская летопись отличается тем же самым характером, какой показан был и прежде. Примету летописца находим в ней под 1230 годом: сказавши о смерти юрьевского игумена Саввы, летописец прибавляет: «А дай бог молитва его святая всем крестьяном и мне грешному Тимофею пономарю»; в других же списках вместо этого имени читаем: «и мне грешному Иоанну попови». Под 1399 годом выказывается летописец-современник, принимавший теплое участие в церкви Покрова на Зверинце.

В так называемой Новгородской четвертой летописи под 1384 годом при описании вечевого смуты в Новгороде летописец говорит: «И стояху славяне по князе, и звониша вече на Ярославли дворе по две недели, а здесе, на сей стороне, три князи другое вече ставиша». Под 1418 годом опять виден летописец-современник описанного события. При описании события 1255 года летописец прямо дает знать, что он принадлежит к стороне меньших: «И побежа Михалко из города к св. Георгию, како было ему своим полком уразити нашу сторону». Если московский летописец неблагоприятно отзываясь о новгородцах, то и новгородский пользуется случаем сказать дурное о москвичах, упрекнуть их в трусости; так, при описании Батыева нашествия читаем: «Москвичи же побегоша, ничего же не видевшие».

Мы упомянули о так называемой Новгородской четвертой летописи. Всякому с первого же взгляда на нее будет ясно, что это название неправильно, ибо означенная летопись есть довольно полный сборник разных летописей, в том числе и Новгородской; но, конечно, он не может получить названия от одной только составной части своей. Здесь под 1352 годом встречаем мы летописца псковского, распространяющегося о моровой язве в его городе; под 1371 годом встречаем летописца московского, который, рассказывая о сражении москвичей с рязанцами, называет первых нашими, видим явные сшивки из разных летописей; так, например, под 1386 годом два раза рассказано об одном и том же событии, именно о походе смоленских князей под Мстиславль, сначала короче, а потом пространнее; а под 1404 годом два раза рассказано о взятии Смоленска Витовтом.

Мы видели, что в конце XIV и начале XV века распространилось мнение о близком конце мира; мы видели, что новгородский владыка Иоанн в 1397 году уговаривал новгородцев помириться с псковичами, представляя им, что уже приходит последнее время. В этом отношении замечательно следующее место в сборнике, носящем название Новгородской четвертой летописи, под 1402 годом: «В великой пост, в марте месяце, являлось знамение на небеси: в вечернюю зарю, на западе, звезда не малая в виде копья, а на верху у нее как луч сиял. Это является ради наших грехов, преобразует и претит и велит нам покаяться; смею сказать, сбывается слово евангельское: знамения на небеси являються; встали и языки друг на друга: татары, турки, фряги, ляхи, немцы, литва. Но что мне говорить о татарах и турках и прочих языках неверных и некрещеных? Мы сами, называемые христиане, правоверные и православные, ведем между собою брани и рати. Случается так: встает правоверный князь на правоверного князя, на брата своего родного или на дядю и от вражды, непокорения и гнева доходит дело до кровопролития. Воины, с обеих сторон православные христиане, ратуют каждый по своему князе, волею и неволею; в схватке секутся без милости: поднимает руку христианин на христианина, кует копьё брат на брата, острит меч приятель на приятеля, стрелами стреляет ближний ближнего, сулицею прободает сродник сродника, племянник своего племянника низлагает и правоверный единоверного рассекает, юноша седин старческих не стыдится и раб божий раба божиего не пощадит».

Начало псковских летописей можно отнести ко второй четверти XIII века.

Относительно состава списков их, до нас дошедших, встречаем любопытное указание в так называемой второй Псковской летописи под 1352 годом: «Бысть мор зол во Пскове, и по селам, и по всей волости, хракотный: о сем пространне обрящещи написано в Русском летописци». Это пространное известие о море, написанное, как по всему видно, псковичом и современником, находится во Псковской первой и в Новгородской четвертой летописи; но какая летопись разумеется здесь под именем Русского летописца? Мы думаем только, что здесь не может разумеется местная Псковская. Что касается характера Псковских летописей, то рассказ их отличается особенным простодушием; при этом замечаем в Псковских летописцах сильную привязанность к одним и тем же обычным выражениям при описании известных событий. Легко заметить, на каких отношениях сосредоточивается преимущественно участие летописца – на отношениях к немцам ливонским и к Новгороду; мы заметили, что жалоба на неспособность от новгородцев служит постоянным припевом псковского летописца.

В северо-восточной летописи вообще в описываемое время, именно с конца XIV века, замечаем важную перемену: годы мироздания перестают считаться с марта и начинают считаться с сентября. Заметим и перемену в веществе рукописей: с XIV века вместо пергамента стали употреблять бумагу, сделанную из хлопчатой, и тряпичную.

На юго-западе во второй четверти XIII века славился певец Митуса, которого летописец называет словутным и говорит, что он по гордости не хотел служить князю Даниилу; Митуса находился, как видно, в службе владыки перемышльского, ибо взят был в плен вместе со слугами последнего. До литовского владычества юго-западные русские князья – Рюриковичи в любви к книгам подражали, как видно, своим предшественникам: о Владимире Васильковиче волынском читаем, что он говорил ясно от книг, потому что был философ великий. Этот князь сам трудился над переписыванием книг: так, говорится, что он сам списал Евангелие и Апостол, другие священные и богослужебные книги велел переписывать и раздавал по церквам; молитвенник купил за 8 гривен кун.

Что касается юго-западной, т.е. Волынской, летописи, то к сказанному прежде мы должны прибавить теперь, что эта летопись любопытна отсутствием хронологии, ибо годы, выставленные в дошедших до нас списках, выставлены позднейшими переписчиками; первоначально же летопись составляла сплошной рассказ, как это, например, ясно видно между годами 1259 и 1260. Для объяснения этого служит следующее место летописи, находящееся под 1254 годом: «В та же лета, времени минушу, хронографу же нужна есть писати все и вся бывшая, овогда же писати в передняя, овогда же возступати в задняя; чьтый мудрый разумеет; число же летом вде не писахом, в задняя впишем по Антивохыйским сором алумпиядам, грьцкыми же численицами, римськы же високостом, якоже Евсевий и Памьфил, инии хронографи списаша от Адама до Хрестоса; вся же лета спишем рочетше во задняя». Здесь слова «овогда же (нужа) писати в передняя, овогда же возступати в задняя» показывают нам, что летописец тяготился хронологическим порядком, который заставляет прерывать нить однородных известий, понимал, что иногда нужно вести рассказ сплошь в продолжение нескольких лет и потом опять возвращаться назад к другого рода событиям. Должно прибавить также, что рассказ о кончине князя Владимира Васильковича обличает современника-очевидца, писавшего в княжение преемника Владимирова, Мстислава Даниловича; на это указывают следующие слова в обращении к Владимиру: «Возстани, видь брата твоего, красящаго стол земли твоея; к сему же вижь и благоверную свою княгиню, како благоверье держит по преданью твоему». Касательно образованности волынского Летописца мы должны заметить, что он знает Гомера; так, под 1232 годом читаем: «О лесь зла есть! якоже Омир пишет, до обличенья сладка есть, обличена же зла есть». Русский язык остался господствующим, письменным и правительственным, и после утверждения власти князей литовских в Западной Руси. На русском же языке продолжались писаться и летописи, следы которых можно отыскать в XIV веке: до нас дошла летопись от первой половины XV века, в которой говорится, что она есть сокращение древнейших; рассказ ее отличается особенною наивностью.

Мы окончили тот отдел русской истории, который по преимуществу носит название древней истории; мы не можем расстаться с ним, не показавши его

общего значения, не показавши отношений его к следующему отделу, тем более что теперь каждое слово наше будет находить подтверждение в прежде сказанном, читателю уже известном.

На великой Северо-Восточной равнине, на перекрестном открытом пути между Европою и Азиею и между Северною Европою и Южною, т.е. между новою Европою и старою, на пути из Варяг в Греки, основалось государство Русское. «Земля наша велика и обильна», – сказали племена призываемым князьям; но они не могли сказать, что великая и обильная страна их хорошо населена. То была обширная, девственная страна, ожидавшая населения, ожидавшая истории: отсюда древняя русская история есть история страны, которая колонизируется. Отсюда постоянное сильное движение народонаселения на огромных пространствах: леса горят, готовится богатая почва, но поселенец не долго на ней останется; чуть труд станет тяжелее он идет искать нового места, ибо везде простор, везде готовы принять его; земельная собственность не имеет цены, ибо главное дело в населении. Населить как можно скорее, перезвать отовсюду людей на пустые места, приманить всякого рода льготами; уйти на новые, лучшие места, на выгоднейшие условия, в более мирный, спокойный край; с другой стороны удержать население, возвратить, заставить других не принимать его – вот важные вопросы колонизирующейся страны, вопросы, которые мы встречаем в древней русской истории. Народонаселение движется; славянский колонист, кочевник-земледелец с топором, косою и плугом, идет вперед все к северо-востоку, сквозь финских звероловов. От такой расходчивости, расплывчатости, привычки уходить при первом неудобстве происходила полуоседлость, отсутствие привязанности к одному месту, что ослабляло нравственную сосредоточенность, приучало к исканию легкого труда, к безрасчетливости, какой-то междуумочной жизни, к жизни день за день. Но рассматриваемая нами страна не была колония, удаленная океанами от метрополии: в ней самой находилось средоточие государственной жизни; государственные потребности увеличивались, государственные отправления осложнялись все более и более, а между тем страна не лишилась характера страны колонизирующейся: легко понять, какие трудности должно было встретить государство при подчинении своим интересам интересов частных; легко понять происхождение этих разного рода льготных грамот, жалуемых землевладельцам, населителям земель.

Если колонизация имеет такое важное значение в нашей истории, то понятно, как должно быть важно для историка направление колонизации, ибо это направление будет вместе и направлением общего исторического движения. Направление колонизации мы узнаем из первых строк летописца, который говорит о движении славянских племен с юго-запада к северо-востоку, с берегов Дуная к берегам Днепра и далее на север и восток. Таким образом, два племени, которым принадлежит новая история Европы, славянское и германское, при разделении между собою европейской почвы, будущей исторической сцены, движутся путями противоположными: германское – от северо-востока к юго-западу, славянское, наоборот, – от юго-запада к северо-востоку. Судьба этих племен определилась означенным движением, определилась природою стран, занятых вследствие движения, прежним бытом этих стран, их прежними отношениями. Здесь прежде всего нам представляется вопрос, почему в древней истории главного славянского

государства, представителя славянских государств по могуществу и самостоятельности, мы замечаем движение именно на северо-восток? Если германские племена при своем западном движении разрушили Западную Римскую империю, поселились в ее областях, основали здесь отдельные государства, то почему же славянские племена при восточном движении не разрушили Восточной Римской империи и не основали на ее развалинах новых государств? Почему вместо юго-восточного направления они приняли северо-восточное? Причин тому много.

При движении своем к юго-востоку славяне должны были сталкиваться со стремительным движением азиатских племен, прорывавшихся через Каспийские ворота, по нынешней Южной России к западу. Известны движения гуннов, аваров и судьба народов, которые подпадали их натиску. От среднего Днепра славянским племенам нельзя было двигаться к югу и юго-востоку; оставалось только направление северо-восточное, и мы видим, что племена от среднего Днепра двигаются в этом направлении к Десне, к Оке; по и здесь даже они не безопасны от азиатцев – и здесь они принуждены были платить дань коз арамам. С другой стороны, однако, мы видим славянские племена на Нижнем Дунае, видим славянское народонаселение и гораздо южнее, на Балканском полуострове; но славяне здесь не господствуют, Восточная империя держится, на что есть также свои причины: во-первых, здесь империя была еще крепка, здесь были собраны все остальные жизненные силы ее, благодаря которым она и просуществовала до половины XV века; раньше этого времени ее не могли разрушить ни готфы, ни аравитяне; славяне были ближе, но у них не было достаточных сил. Азиатские народы, стремившиеся с востока на запад, постоянно разрезывали славян, мы видели, как азиатцы оттолкнули русских славян от юга и заставили их взять для своего движения северо-восточное направление; западных славян задерживали немцы; таким образом, к Нижнему Дунаю, на Балканский полуостров не приходили постоянно, новые массы славянских племен, которые бы теснили одни других, заставляя преждепришедших двигаться вперед, как это было на западе у германских племен. Мы видели, как мадьяры окончательно разрезали чехо-моравских славян от иллирийских нижнедунайских, порвали связь между ними, начинавшуюся было посредством народной славянской церкви. Основание Русского государства на великом восточном пути из Балтийского моря в Черное, соединение под одну власть славянских племен, живших по этому пути и около, могло, по-видимому, переменить дела на Востоке: лодки Олега являются под Константинополем, Святослав поселяется на Дунае. Но судьба Святослава показала ясно, что первые русские князья не могли иметь для Восточной империи того значения, какое Одоакры и Кловисы имели для Западной; славянские племена, вошедшие в состав Русского государства, раскинулись широко и привольно по огромной Северо-Восточной равнине Европы; они не получали никакого толчка с севера и северо-востока, ничто не побуждало их покидать землю великую и обильную и отправляться искать новых земель, как то дельвали германские племена на западе; ничто не побуждало их предпринимать стремительного движения целыми массами с севера на юг, и Святослав вовсе не был предводителем подобных масс: он оставил назади громадное владение, редкое население которого вовсе не хотело переселяться на юг, хотело, чтоб князь жил среди него и защищал его от диких степных орд. «Ты, князь, чужой земли

ищешь; а нас здесь чуть не взяли печенеги», – говорят киевляне в предании, знак, что у киевлян была своя земля, а чужой искать они не хотели. Святослав был предводителем только небольшой дружины, которая, несмотря на всю свою храбрость, не могла произвести никакого важного переворота на Балканском полуострове. Вытесненный Цимисхием с берегов Дуная, Святослав погиб в степи от печенегов – знак, что, с одной стороны, империя имела еще довольно сил, чтоб отбиться от князей новорожденной Руси, а с другой стороны, степные варвары по-прежнему отрезывали северо-восточных славян от империи; и действительно, мы знаем, с какими трудностями и опасностями вначале и после сопряжено было сообщение Руси с Византиею вследствие того, что печенеги, половцы, татары стояли между ними. Следствием столкновения первых русских князей с Византиею было не разрушение империи, но принятие христианства Русью из Византии: мы видели, какое великое влияние при образовании Русского государства имело церковное предание, заимствованное из Византии.

Таким образом, и после основания Русского государства, т.е. после соединения восточных славянских племен, главное направление движения оставалось прежнее, т.е. с юго-запада на северо-восток, потому что юго-восточная часть великой равнины по-прежнему занята кочевыми азиатскими ордами, на которые новорожденная Русь не в силах предпринимать наступательное движение. Правда, вначале, когда средоточие правительственной деятельности утвердилось в Днепровской области, мы замечаем в князьях стремление переводить народонаселение с севера на юг, населять людьми севера южные украинские города, долженствовавшие защищать Русь от степных варваров. Но скоро господствующие обстоятельства взяли свое: степная Украина, область Днепровская, подвергается постоянным, сильным опустошениям от кочевников; ее города пусты: в них живут псары да половцы, по отзыву самих князей; куда же было удалиться русским людям от плена и разорения? Конечно, не на юго-восток, прямо в руки к половцам; конечно, не на запад, к иноверным ляхами венграм; свободный путь оставался один – на северо-восток: так, Ростовская, изначала финская, область получила свое славянское население. Мы видели, как северные князья воспользовались приплывом народонаселения в свою область; мы видели, какое значение в русской истории имела колонизация севера, совершившаяся в историческое же время под влиянием, под распоряжением князей.

Так было в XII веке; в XIII и последующих веках побуждения, заставлявшие народонаселение двигаться от юго-запада к северо-востоку, становятся еще сильнее; с юго-востока – татары, с запада – литва; крайний северо-восток, еще не подвластный русским князьям, населенный зырянами и вогуличами, не привлекателен и опасен для поселенцев невоинственных, идущих небольшими массами; таким образом, теперь с востока, юга и запада население, так сказать, стоняется в средину страны, где на берегах Москвы-реки завязывается крепкий государственный узел. Мы видели, как московские князья воспользовались средствами, полученными от увеличившегося населения их области, как умели доставить этой области безопасность и тем более привлечь в нее насельников, как Москва собрала около себя Северо-Восточную Русь.

Таков был в общих чертах ход древней русской истории. Уже давно, как только начали заниматься русскою историею с научною целию, подмечены были главные, особенно выдающиеся в ней события, события поворотные, от которых

история заметно начинает новый путь. На этих событиях начали останавливаться историки, делить по ним историю на части, периоды; начали останавливаться на смерти Ярослава I, на деятельности Андрея Боголюбского, на сороковых годах XIII века, на времени вступления на московский престол Иоанна Калиты, на смерти Василия Темного и вступлении на престол Иоанна III, на прекращении старой династии и восшествии новой, на вступлении на престол Петра Великого, на вступлении на престол Екатерины II. Некоторые писатели из этих важных событий начали выбирать наиболее, по их мнению, важные: так явилось деление русской истории на три больших отдела: древнюю – от Рюрика до Иоанна III, среднюю – от Иоанна III до Петра Великого, новую – от Петра Великого до позднейших времен; некоторые были недовольны этим делением и объявили, что в русской истории может быть только два больших отдела: история древняя – до Петра Великого и новая – после него.

Обыкновенно каждый новый писатель старался показать неправильность деления своего предшественника, обыкновенно старался показать, что и после того события, при котором предшествующий писатель положил свою грань, продолжался прежний порядок вещей, что, наоборот, перед этою гранью мы видим явления которыми писатель характеризовал новый период и т.д. Споры бесконечные, ибо в истории ничто не оканчивается вдруг и ничто не начинается вдруг; новое начинается в то время, когда старое продолжается.

Но мы не будем продолжать этих споров, мы не станем доказывать неправильности деления предшествовавших писателей и придумывать свое деление, более правильное.

Мы начнем с того, что объявим все эти деления правильными; мы начнем с того, что признаем заслугу каждого из предшествовавших писателей, ибо каждый в свою очередь указывал на новую сторону предмета и тем способствовал лучшему пониманию его. Все эти деления и споры о правильности того или другого из них были необходимы в свое время, в первое время занятия историею: тут необходимо, чтобы легче осмотреться, поскорее разделить предмет, поставить грани по более видным, по более громким событиям; тут необходим сначала внешний взгляд, по которому эти самые видные, громкие события и являются исключительными определителями исторического хода, уничтожающими вдруг все старое и начинающими новое. Но с течением времени наука мужает, и является потребность соединить то, что прежде было разделено, показать связь между событиями, показать, как новое проистекло из старого, соединить разрозненные части в одно органическое целое, является потребность заменить анатомическое изучение предмета физиологическим.

Впервые обыкновенно останавливаются на половине XI века, на смерти Ярослава I; здесь полагают грань между первым и вторым периодом русской истории. Грань поставлена совершенно правильно; но какая же непосредственная связь между первым и вторым периодами, как второй произошел из первого? В XVIII веке в первом периоде видели Русь рождающуюся, во втором – разделенную; связи между периодами не было показано, но удачные названия по крайней мере указывали на естественную связь между рождением и разделением. Позднейшие писатели, однако, не воспользовались этими удачными названиями: они старались уничтожить всякую мысль о связи, естественном переходе, мысль, случайно выразившуюся в названиях, опровергая последние как неправильные.

«Век св. Владимира был уже веком могущества и славы, а не рождения, – объявили они. – Государство (в первый период), шагнув в один век от колыбели своей до величия, слабело и разрушалось более трехсот лет (во второй период)». Читая эти слова, мы невольно начинаем думать, что имеем дело с Ассирией, Вавилонией, Мидией, теми восточными государствами, которые, шагнув внезапно от колыбели до величия, начинали потом разрушаться; и каково же должно быть наше удивление, когда после узнаем, что государство, о котором идет речь, после трехсотлетнего разрушения вдруг опять обновилось и явилось могущественнее прежнего! Потом первому периоду дали название норманского, второму – удельного; в первом выставили на главный план норманнов, все явления приписали их деятельности; во втором – разделение России на части, борьбу между князьями, владельцами этих частей. Но мы спросим: какая же связь между норманским и удельным периодами? Как второй произошел из первого?

Некоторые писатели попытались было указать на связь между норманизмом и уделизмом, объявив, что удельная система, те княжеские отношения, какие мы видим во время ее господства, были заимствованы от норманнов, – попытка похвальная, но вполне неудачная, потому что ни у скандинавов, ни вообще у всех германских племен не найдем ничего похожего на отношения, какие видим между русскими князьями, нигде не видим, чтобы после князя наследовал брат, а не сын, нигде не видим, чтобы главный стол принадлежал старшему в целом роде; подобные отношения видим только в славянских государствах и потому должны заключить, что явление это есть чисто, исключительно славянское. Теперь спрашивается: каким же образом случилось, что в продолжение целого периода, до самой смерти Ярославовой, на первом плане действуют норманны, действуют по-нормански, отсюда все норманское, и вдруг при переходе в следующий период встречаем господствующее явление – отношения между князьями, потомками норманнов, и это явление есть чисто, исключительно славянское? Ищем норманнов всюду и нигде не находим.

Это самое отсутствие связи между первым и вторым периодами, если первый обозначим именем норманского, всего лучше показывает нам неверность последнего названия. Норманны основали государство, норманны действуют преимущественно, даже исключительно, в продолжение двухсот лет и вдруг исчезают, и вдруг государство является славянским! Дело в том, что основалось государство славянское, в основании его участвуют и финны, и норманны; но потом сцена действия немедленно же переносится на юг, в область Днепровскую, в сторону славян исключительно, утверждается здесь, и потому славянское начало господствует вполне; в первых князьях мы не должны видеть варягов, предводителей варяжских дружин, морских королей; мы должны видеть в них князей известного владения, имеющего свои особенности, свои условия, которые и определяют характер деятельности исторических лиц. Два раза является по несколько князей в новом владении, но немедленно исчезают в пользу одного; в третий раз является опять несколько князей, которые начинают владеть в разных областях, и такой порядок вещей утверждается надолго; говорят, Россия разделилась. Посмотрим же теперь, что это за явление, какое отношение его к явлениям предыдущим, к первому, начальному периоду?

История знает различные виды образования государств: или государство, начавшись незаметною точкою, в короткое время достигает громадных размеров,

в короткое время покоряет себе многие различные народы; к одной небольшой области в короткое время силою завоевания привязываются многие другие государства, связь между которыми не обуславливается природою. Обыкновенно такие государства как скоро возросли, так же скоро и падают: такова, например, судьба азиатских громадных государств. В другом месте видим, что государство начинается на ничтожном пространстве и потом вследствие постоянной напряженности сил от внутреннего движения в продолжение довольно долгого времени распространяет свои владения на счет соседних стран и народов, образует громадное тело и наконец распадается на части вследствие самой громадности своей и вследствие отсутствия внутреннего движения, исчезновения внутренних живительных соков: таково было образование государства Римского. Образование всех этих древних громадных государств, какова бы ни была в других отношениях разница между ними, можно назвать образованием неорганическим, ибо они обыкновенно состояются нарастанием извне, внешним присоединением частей посредством завоевания. Иной характер представляется нам в образовании новых, европейских, христианских государств: здесь государства при самом рождении своем вследствие племенных и преимущественно географических условий являются уже в тех же почти границах, в каких им предназначено действовать впоследствии; потом наступает для всех государств долгий, тяжкий, болезненный процесс внутреннего возрастания и укрепления, в начале которого государства эти являются обыкновенно в видимом разделении, потом это разделение мало-помалу исчезает, уступая место единству: государство образуется. Такое образование мы имеем право назвать высшим, органическим.

Какое же образование нашего государства?

Громадность русской государственной области может привести некоторых в заблуждение, заставить подумать, что Россия – колоссальное государство вроде древних: Ассирийского, Персидского, Римского; но стоит только внимательнее взглянуть в явления начальной русской истории, чтоб увидеть, как неверно подобное мнение. Мы видели, как прежние историки обозначали древнюю русскую историю: «Государство, шагнув, так сказать, в один век от колыбели своей до величия, слабело и разрушалось более трехсот лет». Так должны были смотреть прежде, при внешности взгляда; для нас же теперь это явление имеет совершенно обратный смысл. Что значит: «государство шагнуло в один век от колыбели своей до величия»? Это значит, что государство при самом рождении своем является уже в громадных размерах и что эти громадные размеры обуславливаются природою: для области нового государства была определена обширная Восточная европейская равнина, которая, как обширная равнина, орошаемая в разных направлениях бегущими великими реками, но берущими начало в одном общем узле, необходимо должна была быть областью единого государства. Страна была громадна, но пустынна; племена редко разбросались на огромных пространствах, по рекам; новое государство, пользуясь этим удобством водяных путей во всех направлениях, быстро обхватило племена, быстро наметило громадную для себя область; но эта область по-прежнему оставалась пустынною; данного, кроме почвы, большею частию не было ничего, нужно было все населить, все устроить, все создать: «Земля была велика и обильна, но наряду в ней не было», и вот Русское государство, подобно другим органически

образованным государствам, вступает в долгий, тяжкий, болезненный период внутреннего возрастания, укрепления.

В этот период мы видим и у нас, как в других органически образованных государствах, что страна как будто бы разделилась на части, находящиеся под властью разных владельцев. Всмотриваясь внимательнее, однако, мы видим, что при этом наружном разделении государство сохраняет единство, ибо владельцы частей находятся в связи друг с другом и в общей зависимости от одного главного из них.

Эти-то отношения владельцев, характер их зависимости от владельца верховного и должны стать на первом плане для историка, ибо они держат от себя в зависимости все прочие отношения, определяют ход событий не только в то время, в которое господствуют, но и надолго вперед. Касательно этих внутренних владельческих отношений новые европейские государства разделяются на две группы: на группу государств германских и на группу государств славянских; в первых мы видим господство так называемых феодальных отношений, во вторых, и преимущественно в России, сохранившей в большой чистоте славянский характер, видим господство родовых княжеских отношений. Там, на Западе, связью между частями государства служила зависимость владельца каждой из этих частей от своего высшего (вассала от сюзерена), зависимость, развивавшаяся из первоначальной зависимости членов дружины к вождю; здесь, на Востоке, связью между частями государства служило родовое отношение владельца каждой части к владельцам других частей и к самому старшему из них, отношение, основанное не только на происхождении всех владельцев от одного общего родоначальника, но и на особенном способе владения, которым поддерживалось единство рода княжеского; этот особенный способ состоял в том, что главный, старший стол переходил постоянно во владение к старшему в целом роде княжеском. Явления в высокой степени любопытные представляют нам феодализм на Западе, родовые княжеские отношения на Востоке: единство государства, по-видимому, расторгнуто, на сцене множество владельцев, из которых каждый преследует свои личные цели с презрением чужих прав и своих обязанностей: там вассал воюет против своего государя, здесь младший князь вооружается против старшего; феодальная цепь на Западе и родовая связь на Востоке кажутся так слабы, так ничтожны при страшной борьбе материальных сил, и, несмотря на то, благодаря известной экономии человеческих обществ эти две нравственные связи, нравственные силы так могущественны, что в состоянии охранить государственное единство; несмотря на частные нарушения обязанностей феодальных – на Западе, родовых – на Востоке, вообще эти обязанности признаются безусловно, юные государства крепко держатся за них как за основы своего единства; феодализму на Западе и родовым княжеским отношениям на Востоке, бесспорно, принадлежала опека над новорожденными европейскими обществами в опасный период их младенчества.

Но этот период начал проходить для Руси: стало заметно образовываться крепкое государственное средоточие; родовые княжеские отношения должны уступить место единовластию. Мы видели, где и как, при каких условиях образовалось это государственное средоточие, как нанесен был первый удар господствующим отношениям, как началась, продолжалась и окончилась борьба между старым и новым порядком вещей. Мы видели, как первоначальная сцена

русской истории, знаменитая водная дорога из Варяг в Греки, в конце XII века оказалась неспособною развить из себя крепкие основы государственного быта. Жизненные силы, следуя изначала определенному направлению, отливают от юго-запада к северо-востоку; народонаселение движется в этом направлении, и вместе с ним идет история.

Область Верхней Волги колонизируется; мы видели, под влиянием какого начала произошла эта колонизация, какой характер вследствие этого приняли здесь отношения нового народонаселения ко власти, его призвавшей, новых городов к князьям, их построившим, отношения, определившие характер нового государства. Мы видели, как эти отношения немедленно же обнаруживают свое действие, как, основываясь на них, начинается борьба нового порядка вещей со старым, государственных отношений с родовыми и оканчивается торжеством первых над последними, вследствие чего Северо-Восточная Русь собирается в одно целое; мы видели причины, почему она собирается около Москвы; видели, как московские князья пользуются выгодным положением своей срединной области, наибольшим стечением в нее народонаселения, богатеют, усиливаются, подчиняют себе остальных князей, отбивают и татар, и Литву.

Препятствий им при этом мало, пособий много. Способствовало им отсутствие сильных областных привязанностей, что условливалось природою страны, передвижкою народонаселения, привычкою переходить из одного княжества в другое при первых затруднительных обстоятельствах и везде находить одинакие удобства, одинакий быт; неразвитость самостоятельной жизни в городах Северо-Восточной Руси, вследствие чего голоса их при важных событиях, при важных борьбах не слышно; характер северного народонаселения вообще, изначала неохотно принимавшего участие в усобицах, склонного к мирным занятиям, не легко увлекающегося, рассудительного: народонаселению с таким характером скорее, чем какому-либо другому, должны были наскучить усобицы, сопряженные с ними беспокойства, бедствия, такое народонаселение должно было скорее другого понять, что единственным выходом из этого положения было единовластие, подчинение всех князей одному – сильнейшему, причем, как видно, народонаселение присоединяемых к Москве княжеств ничего не теряло, не имело повода жалеть о своей прежней особности. Не могло быть сильных препятствий со стороны дружин, ибо дружинники, как мы знаем, не были тесно связаны с известным князем, с известным княжеством, имели право перехода от слабейших князей к сильнейшему, служба которому была выгоднее. Наконец, сословие, пользовавшееся могущественным нравственным влиянием, – сословие духовное изначала действовало в пользу единовластия.

Извне Литва не могла мешать Москве усиливаться, сильно и долго защищать от нее слабейшие княжества; сначала Тевтонский орден, еще могущественный, постоянно отвлекал внимание литовских князей на запад; потом, после брака Ягайлова на Ядвиге, внимание их было поглощено отношениями к Польше, к которым присоединились еще отношения к падающему и распадающемуся Ордену, к Богемии, Венгрии. Натиски Швеции и Ордена Ливонского были таковы, что отдельных сил Новгорода и Пскова было достаточно для противоборства им. Продаваемая за деньги помощь татарская была постоянно готова для каждого сильного и богатого князя.

Между тем в Европе происходят великие явления: если на север от Черного моря владычеству азиатцев нанесен сильный удар от новорожденного Московского государства; если Куликовская битва предвзовети конец давнего господства кочевых варваров на великой Восточной равнине вследствие начавшегося здесь сосредоточения и усиления европейского государства, то на юге одряхлевшая окончательно Византия пала пред турками. Европейские христианские народы не поддержали Греческой империи: подобных государств нельзя поддержать при всем желании и при всех средствах; кроме того, европейские народы в описываемое время были сильно заняты у себя: то был знаменитый XV век, когда юные европейские государства после тяжелого внутреннего процесса, знаменующего так называемую среднюю историю, стремились к окончательному сосредоточению как на Западе, так и на Востоке. На Востоке единственно видим сосредоточение северных русских областей около Москвы, сосредоточение Поляны и образование Литовского государства преимущественно из областей Руси Юго-Западной. Польша соединяется с Литвою под одной династией, но соединяется внешним соединением, ибо внутреннему препятствует разность вероисповеданий. И вот Рим, пользуясь бедствием Византии, устраивает дело соединения церквей; Исидор в звании митрополита всея Руси подписывает во Флоренции акт соединения; но в Москве этот акт отвергнут, здесь решили остаться при древнем благочестии – одно из тех великих решений, которые на многие века вперед определяют судьбы народов! Если борьба между католицизмом и протестантизмом, борьба, предвзовети в описываемое время Гусом, определила надолго судьбы Западной Европы, то борьба между католицизмом и православием, борьба, условленная отринутием флорентийского соединения в Москве, определила судьбы Европы Восточной: верность древнему благочестию, провозглашенная великим князем Василием Васильевичем, поддержала самостоятельность Северо-Восточной Руси в 1612 году, сделала невозможным вступление на московский престол польского королевича, повела к борьбе за веру в польских владениях, произвела соединение Малой России с Великою, условила падение Польши, могущество России и связь последней с единоверными народами Балканского полуострова.

При таких обстоятельствах образовалось Московское государство. Формы, в которых оно образовалось, условливались отношениями к духовенству, дружине и остальному народонаселению; отношения духовенства условливались византийскими преданиями; дружина не была дружиною завоевателей; сначала на юге при многочисленности членов княжеского рода члены дружины не могли приобрести значения постоянных областных правителей; при господстве родовых княжеских отношений, при переходе князей из одной области в другую члены дружины не могли приобрести в областях значения постоянных знатнейших землевладельцев; на севере при оседлости князей члены дружины получили возможность приобрести последнее значение; здесь видим богатые и могущественные фамилии; но сначала уже замечаем, что при самых богатых и могущественных из них богатство и могущество не остаются долго; Алексей Петрович Хвост гибнет, как видно, от соперников своих, от Вельяминовых; значение последних никнет при Димитрии Донском; при Василии Дмитриевиче поднимаются Кошки, но не сохраняют своего первенствующего положения при Василии Темном; Всеволожский, поднявшийся было в малолетство последнего,

скоро падает, имение его также переходит к великому князю, равно как имения Свибловых и Константиновичей. Соперничество фамилий, бесспорно, много помогло и при уничтожении сана тысяцкого и вообще помогало князьям управляться с отдельными членами дружины, опасными или почему бы то ни было неудобными, тем более что вообще очень важное значение дружины не затрагивалось. С другой стороны, значение старых фамилий постоянно ослаблялось приплывом знатных выходцев, искавших службы при дворе сильных князей московских; особенно в последнее время приезжает много князей, Рюриковичей и Гедиминовичей, которые в описываемый период сохраняют свое первенствующее положение, именуется прежде бояр; пришельцы заезжают, оттесняют членов старых фамилий, неудовольствие последних не может вести ни к чему: без них обойдутся, других слуг много; не выгодно променять службу в сильной, богатой Москве на службу в другом княжестве; если же недовольный и отъедет, начнет крамолить, поджигать усьобицы, то все эти усьобицы оканчивались торжеством князя московского, причем известна участь Вельяминова, Всеволожского, Константиновичей. При постоянном движении, приезде отовсюду новых слуг, трудно было образоваться каким-нибудь постоянным отношениям и положениям, и потому видим смены, перемещения; в конце описываемого времени видим на первом плане или князей, или членов таких родов, которых не видим прежде на первом месте. Касательно отношений остального народонаселения нам не нужно ничего прибавлять к тому, что было прежде сказано о значении городов Северо-Восточной Руси.

Так образовалось Московское государство.